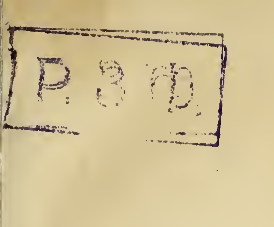
Р. 3 ф.

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ

Отечественныя

ЗАПИСКИ

Записки

1878

№ 7 ІЮЛЬ

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

Въ типографіи А. А. Краевскаго (Басейная, № 2).

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

(*См. страницу 3-ю*)

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ.

ГОДЪ СОРОКОВОЙ.

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ, ПОЛИТИЧЕСКІЙ И УЧЕНЫЙ.

ТОМЪ CCXXXIX.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Въ типографіи А. А. Краевскаго (Басейная, № 2).
1878.

ЛѢТО
СРЕДИ СЕЛЬСКИХЪ РАБОТЪ.

Шесть лѣтъ промаячилъ я въ одномъ изъ высшихъ учебныхъ заведеній. Съ перваго же года наткнулся на разсужденія о той практической дѣятельности, которая должна встрѣтить насъ по окончаніи курса. Чѣмъ ближе затѣмъ узнавалъ я, что̀ даетъ учебное заведеніе, кромѣ диплома, тѣмъ чаще и назойливѣе являлась мысль о томъ, за что̀ взяться по выходѣ, чтобы не оказаться пятой спицей въ колесницѣ. Въ литературѣ, между тѣмъ, въ послѣдніе годы появилась новая жилка, біеніе которой захватило и меня: эта жилка — вопросъ о дѣятельности по сельскому хозяйству. Чѣмъ больше думалъ я въ этомъ направленіи, тѣмъ крѣпче становилось намѣреніе приняться за такую дѣятельность. Наконецъ, рѣшеніе созрѣло: я вышелъ изъ учебнаго заведенія, написалъ письмо одному изъ нашихъ сельскихъ хозяевъ, получилъ отвѣтъ и отправился. Проработавъ, въ качествѣ простого работника, пять мѣсяцевъ, мнѣ захотѣлось подѣлиться своими впечатлѣніями, подать голосъ идущимъ одинаковою дорогою, такъ какъ я думаю, что не одинъ я пришелъ къ такой дорогѣ. Описываю только то, что̀ видѣлъ и слышалъ, что̀ думалось и чувствовалось.

Часу въ седьмомъ утра, въ срединѣ мая, я вышелъ изъ вагона на полустанкѣ одной изъ внутреннихъ желѣзныхъ дорогъ Россіи. Первое попавшееся на глаза лицо былъ священникъ.

— Скажите пожалуйста, далеко ли тутъ до Дѣдина? обратился я къ нему.

— Верстъ шесть будетъ... Вы къ кому же тамъ?

— Къ помѣщику... Къ Ивану Ивановичу.

— Знаю. Родственникъ, что̀ ли, будетъ? Погостить?

— Нѣтъ! Хозяйство посмотрѣть.

— Дѣло! Учиться хотите?... Тамъ ужь есть одинъ, учится. Дальній. Изъ духовнаго званія.

Отвѣтивъ на его вопросы, кто я и откуда, затѣмъ, распросивъ у сторожа подробно дорогу и оставивъ чемоданъ, я отправился пѣшкомъ къ Дѣдино.

Первое время пути думалось только о томъ, что̀ можетъ меня встрѣтить въ Дѣдинѣ, но думалось безпорядочно. Одно предположеніе быстро смѣнялось другимъ; въ головѣ все было спутано, смутно. Рѣшеніе у меня было очень общее: научиться сельскому хозяйству, но яснаго, опредѣленнаго плана что̀ дѣлать, чтобы достигнуть этого, не было, да не могло и быть.

Показалось Дѣдино. Въ головѣ поневолѣ завертѣлось: «что̀ скажешь, что̀ сдѣлаешь, на первыхъ шагахъ?» но ничего дѣльнаго не придумывалось. Подхожу къ имѣнію; какой-то парень поправляетъ изгородь.

— Это Дѣдино?

— Да.

— Ка̀къ найти Ивана Ивановича?

— А вотъ идите прямо по дорожкѣ въ домъ.

Вхожу въ кухню. Доложили. Пригласили въ другую комнату, въ которую чрезъ минуту явился крупный человѣкъ съ длинными, слегка посѣдѣвшими, откинутыми назадъ волосами.

— Что̀ угодно?

— Рекомендуюсь: такой-то. И, видя его недоумѣніе, добавляю:— Что писалъ вамъ о желаніи учиться хозяйству...

— А! Очень пріятно. Пожалуйте въ кабинетъ.

Входимъ.

— Чѣмъ же собственно хотите вы заняться?

Я отвѣчалъ какою-то туманною, общею фразою.

— Понимаю. Но теоріей, системой хозяйства будете заниматься, или же хотите работать?

— Собственно системой, работать же боюсь, ка̀къ бы не стѣснить васъ; вѣдь я ничего не умѣю дѣлать.

— О! Что касается этого, то я могу устроить дѣло такъ, что мнѣ убытка не будетъ.

Затѣмъ, онъ сообщилъ, что у него есть уже работникъ-практикантъ, пріѣхавшій не задолго до меня, учившійся раньше въ земледѣльческой школѣ. Очень пріятно мнѣ было нежданно-негаданно узнать это.

Попивши чаю, онъ пошелъ по хозяйству и пригласилъ меня. Все время, какъ мы ходили, говорилъ одинъ Иванъ Ивановичъ, я только изрѣдка вставлялъ слово-два. Главнымъ предметомъ раз-

говора было хозяйство, и онъ указывалъ на массу вещей, которыя нужно знать хозяину, и въ какихъ разнообразнѣйшихъ комбинаціяхъ встрѣчаются онѣ на практикѣ. Говорилъ затѣмъ о силѣ, ловкости, сметкѣ, выносливости, которыя *присущи* обыкновенному работнику-мужику, пріобрѣтаются имъ чуть не съ пеленокъ и которые трудно *выработать* всякому другому, жившему въ иныхъ условіяхъ.

Разговоръ на ту же тэму шелъ, почти цѣлый день; кое-что поговорилось и о войнѣ и ея значеніи. Вечеркомъ, къ чаю явился и практикантъ, съ которымъ и познакомилъ меня Иванъ Ивановичъ.

На другой день утромъ, я пошелъ по имѣнію. На хозяйственное устройство я, какъ профанъ, не могъ обращать вниманіе, но хотѣлъ оріентироваться и обдумать то, что̀ слышалъ.

Все, что̀ говорилось о необходимости самому поработать, чтобы умѣть вести раціонально хозяйство, было мнѣ совершенно понятно, тѣмъ болѣе, что и самъ раньше, хотя можетъ быть и смутно, сознавалъ это. Вопросъ былъ только въ томъ, съ чего и ка̀къ начать работать? Ясно было, что, проживя шесть лѣтъ въ условіяхъ студенческой жизни, причемъ физической работы никакой не было, я не могу найдти въ себѣ малой доли тѣхъ условій, которыя требуются при сельской работѣ. Сознавая, что ни за какую работу по обработкѣ земли, не испытавъ и не выработавъ своей силы, не должно браться, я желалъ прежде всего взяться за такую работу, которая не могла бы нарушить порядка въ хозяйствѣ, ка̀къ бы медленно она ни велась бы и даже—еслибъ осталась неоконченною. Однако, ка̀къ ни думалъ, но не рѣшилъ за что̀ взяться.

Послѣ обѣда въ этотъ день, я отправился на полустанокъ за чемоданомъ на лошади Ивана Ивановича. Кучеромъ былъ одинъ изъ рабочихъ, мальчикъ лѣтъ 14-ти. Въ началѣ дороги я-было началъ разговоръ, но на всѣ вопросы получалъ крайне односложные отвѣты. Слушаетъ мой Семенъ, поддакнетъ иногда, а на лицѣ совершенное безучастіе, на меня и не взглянетъ. Понятно, что я скоро замолчалъ. Доѣхали до лѣсу. Дорога была не хорошая: грязная и множество рытвинъ. Въ одной изъ рытвинъ заднее колесо съ моей стороны ушло глубоко, колесо же съ другой стороны наскочило на пенёкъ. При толчкѣ я не успѣлъ опомниться, какъ вылетѣлъ изъ телеги, перевернулся и угодилъ носомъ и руками въ лужу. Семенъ перепугался, мнѣ же было крайне стыдно, что я вывалился, да еще такъ некрасиво. Пообтерся кой-какъ, поѣхали дальше: рукава мокрые, вѣтеръ холодный; непріятно. А тутъ еще лѣзутъ на память разсказы о ловкости

рабочихъ. Поневолѣ думалось: «эхъ ма! пріѣхалъ тоже работать, а не съумѣлъ тамъ усидѣть, гдѣ всякій крестьянскій мальчикъ усидитъ, гдѣ усидѣлъ же вотъ Семенъ» и т. д.

А Семенъ въ это время вѣроятно думалъ: «дернулъ же чортъ его свалиться! Пожалуется еще барину, тотъ набранитъ, матка набьетъ!»

— Вы не сказывайте же барину то, что я васъ вывалилъ.

— Нѣтъ, не скажу. Зачѣмъ я буду сказывать?

Ѣдемъ. Вижу я, что малый начинаетъ безпокоиться, не узнаётъ дороги. Пріѣхали на перекрёстокъ, потолковали и рѣшили ѣхать прямо. Ѣхали-ѣхали—не та дорога да и только. Вернулись назадъ, поѣхали вправо и выѣхали къ селу. Совсѣмъ не туда попали, куда надо. Разспросили дорогу и поѣхали какъ слѣдуетъ, но почти передъ самымъ полустанкомъ свернули по дровяной дорогѣ и подъѣхали къ полѣнницамъ дровъ. Объѣзжать было далеко; поэтому я сходилъ на полустанокъ и принесъ чемоданъ.

Поѣхали по знакомой дорогѣ назадъ. Наши общія неудачи, что ли, подѣйствовали, только Семенъ держалъ себя гораздо свободнѣе, оживился и оказался разговорчивымъ малымъ; закурилъ папироску изъ махорки, чего раньше не дѣлалъ, вѣроятно, потому, что я не курилъ, предложилъ и мнѣ. Съ этого и завязался разговоръ, перешелъ потомъ на дѣтскія игры. Онъ разсказывалъ, какія водятся у нихъ, я же о тѣхъ, какія есть въ нашей мѣстности. Потомъ разсказывалъ онъ, кàкъ попалъ разъ ногами въ котелъ съ кипящею водою, показалъ слѣды обжоговъ, кàкъ долго и страшно болѣли ноги, о леченіи дома и пребываніи въ больницѣ. Мнѣ оставалось только слушать. Увидавъ лошадей около деревни, сталъ выхваливать то-ту, то другую, различая масти на такомъ разстояніи, на которомъ я не могъ разобрать гдѣ голова, гдѣ хвостъ.

Всю дорогу до Дѣдина мы проговорили и разстались довольные другъ другомъ, а онъ тѣмъ болѣе былъ доволенъ, что я ему подарилъ двугривенный.

Въ слѣдующій день, Троицу, я ходилъ смотрѣть, кàкъ завиваютъ вѣнки, остальное же время провелъ въ чтеніи газетъ и разговорахъ съ Иваномъ Иванычемъ. Въ Духовъ день, Иванъ Ивановичъ, Васильичъ (такъ звали практиканта) и я отправились гулять. Дорогою зашелъ разговоръ о томъ, чѣмъ же я буду заниматься. Иванъ Иванычъ, не знаю ужь въ который разъ, сталъ говорить о томъ, какая выносливость нужна, кромѣ силы, работнику, приводилъ въ примѣръ человѣка, офицера, получившаго чуть ли не Станислава съ мечами, за участіе при штур-

махъ крѣпостей въ Туркестанскомъ Краѣ, который явился къ нему тоже учиться работать и, несмотря на то, что обладалъ большою силою, не выдержалъ: отступился и уѣхалъ.

— Если хотите, я поставлю васъ скородить. Работа простая: только ходить цѣлый день. Пахать? Пожалуй можно и пахать поставить. За лошадь я положу въ день извѣстную, опредѣленную плату, а что сдѣлаете, то оцѣнка какъ обыкновенно.

— Какъ же я возьмусь за такія работы, коли не знаю, что способенъ вынести? Я буду, во всякомъ случаѣ только задерживать рабочихъ, отвѣчалъ я.

— Какую жъ вамъ работу хочется? Если же не хотите работать, а только смотрѣть, такъ можете дѣлать со мною каждый день обходъ по работамъ, когда я хожу по хозяйству. Всѣ объясненія, какія вамъ будутъ нужны и какія смогу, я буду давать съ удовольствіемъ.

Признаюсь, я чувствовалъ себя очень неловко во время этого разговора. Казалось, я пріѣхалъ только побаловаться, и за какую бы работу ни взялся, при первыхъ же препятствіяхъ, непремѣнно попячусь и отступлюсь. Говорить противъ этого я ничего не могъ, такъ какъ и въ самомъ дѣлѣ не зналъ что будетъ дальше.

— Вамъ вѣдь извѣстно, сказалъ я:—какія работы теперь есть у васъ, на которыя ставши, я не мѣшалъ бы никому, никого и ничего не задерживалъ бы.

— Мало ли работъ! Вотъ завтра изгородь будутъ поправлять—становитесь, если хотите.

— Ладно. Вы какъ-то помянули про чистку лядъ. Нельзя ли мнѣ этимъ заняться?

— Можно и этимъ.

— Тутъ, какъ мнѣ кажется, найдутся всѣ условія, нужныя для меня. Работать я буду одинъ, сколько ни сдѣлано—вамъ все равно. Значитъ, сколько и когда смогу я сработать, то и ладно, а между тѣмъ мускулы будутъ развиваться, выносливость тоже постепенно пріобрѣтаться. Утруждать себя не буду, конечно.

— И отлично. Пойдемте, посмотримъ то мѣсто, гдѣ вы будете работать.

Пошли, осмотрѣли. Потомъ прошли на участки, гдѣ производилась въ то время чистка, чтобы видѣть, что отъ меня потребуется.

Подъ вечеръ, я сходилъ на мельницу, саженяхъ въ 200 отъ имѣнія, и уговорился относительно помѣщенія и харчей съ арендаторомъ. Во вторникъ же утромъ, я перебрался въ свое новое

помѣщеніе, а затѣмъ воротился въ хуторъ и отъискалъ старосту, который долженъ былъ показать мнѣ, гдѣ и кàкъ работать. Захвативши топоръ, мы отправились въ лѣсъ, гдѣ Николай Ильичъ (староста) срубилъ нѣсколько кустиковъ, чтобы показать, чтò я долженъ дѣлать. Сѣли потомъ отдохнуть; онъ началъ разсказывать о томъ, кàкъ начиналось ихъ хозяйство, я же слушалъ, но все подумывалъ: скоро ли же кончитъ и уйдетъ? При немъ, мнѣ не хотѣлось начинать работу, чтобы не выказать своей полнѣйшей неумѣлости.

Наконецъ, онъ кончилъ разсказывать, но не уходилъ. Нечего дѣлать, надо было приниматься. Съ краскою въ лицѣ срубалъ я первые кусты.

— Вотъ такъ, такъ... Не спѣшите только, не торопитесь, оно пойдетъ... Пойдетъ! приговаривалъ онъ, смотря, какъ я работаю:—всякое дѣло такъ. Сначала упористо, а потомъ и обойдется. Вы не спѣшите только, пойдетъ! Работа не мудреная, всякій сдѣлаетъ, добавилъ онъ, уходя.

День былъ довольно теплый, солнечный; работать приходилось наклонясь, почему съ непривычки кровь сильно приливала къ головѣ, и я часто отдыхалъ понемножку. Работалъ я очень усердно, и скоро появились на рукахъ мозоли. Часа 3—4 проработалъ я такимъ образомъ, а потомъ, чувствуя сильный аппетитъ, отправился обѣдать. Пообѣдать мнѣ дали щей съ солониной, да картофельной похлёбки. Плотно поѣвши, я могъ отдохнуть и проспалъ часа два. Вставши, пошелъ въ лѣсъ и проработалъ до ночи.

Подъ вечеръ, заѣзжалъ Николай Ильичъ.

— Эге, сколько вы накатали! А руки кàкъ?

— Вотъ посмотрите! И я показалъ руку, на которой появились кровавые мозоли, а иные ужь прорвались.

— Во кàкъ! до живого мяса. Вы бы рукавички надѣвали, а то такъ нельзя.

— Ничего, заживутъ.

— Вы не больно горячо беритесь, а то собьетесь. Работалъ у насъ тоже этакъ одинъ. Необыкновенной былъ силы человѣкъ, изъ военныхъ онъ. Тоже кусты чистилъ. Граберъ отъ его неподалеку работалъ, такъ сказывалъ «какъ стиснетъ—говоритъ—топорище-то, я боялся, что сломаетъ!»

— Чтò жь ты ему не показалъ, что такъ нельзя, что руки собьетъ?

— Да я боялся, что осердится. Тàкъ сбилъ руки, что послѣ и работать нельзя. Онъ все топорище-то жалъ; думалъ лучше, ежели сожметъ.

Пришелъ вечеромъ домой, напился чаю, поужиналъ и легъ спать, наказавъ разбудить себя пораньше. Уснулъ какъ убитый, несмотря на клоповъ и блохъ, и проспалъ часу до 6-го утра. Вставши, одѣлся, умылся и пошелъ на работу. Руки немного побаливали, но на работѣ скоро прошли.

Такъ и пошло день за день. Порубишь топоромъ, устанешь—начнешь таскать нарубленное въ груду, посидишь въ тѣни. Чувствовалъ себя отлично. Поневолѣ вспоминалось, что въ столицѣ идутъ экзамены. Сидитъ молодежь въ душныхъ, узкихъ комнатахъ и записки зубритъ. И зубритъ только для того, чтобы *«зарядиться»*, *«выпалить»* на экзаменѣ и забыть. А сколько волненій у иного бѣдняги, на единичкѣ чуть не жизнь виситъ. Получишь меньше этой единичкой—лишатъ стипендіи или исключатъ, и пойдутъ прахомъ два-три года, которые пробылъ въ заведеніи. И зубритъ же онъ, отчаянно зубритъ. По комнатѣ побѣгаетъ, за голову схватится, а въ головѣ безотвязно вертится пустая фраза изъ учебника. Погулять выйдетъ—пыльныя улицы, вонь отъ красокъ, сѣрые дома. Зайдетъ въ садишко—кромѣ чахлыхъ деревьевъ, пыли да вони, не найдетъ ничего. А здѣсь—благодать: зелено, свѣжо, ясно, чистый воздухъ, безконечное множество разнообразнѣйшихъ звуковъ лѣсной жизни! Кругомъ просторъ, свобода, жизнь. Когда сидишь одинъ одинешенёкъ въ лѣсу, отдыхая послѣ работы и чуешь окружающую тебя кипучую дѣятельность, то на душу ложатся такія впечатлѣнія, которыхъ никто не находитъ, да и найдти невозможно въ большихъ городахъ.

И всего этого лишена учащаяся молодежъ въ самую лучшую пору года, въ лучшую пору своей жизни. А чѣмъ замѣняется это лишеніе?

Далеко были всякіе экзамены отъ меня, работавшаго въ лѣсу. Зайдетъ, бывало, Иванъ Иванычъ; сядемъ, потолкуемъ о войнѣ, разскажетъ что нибудь изъ своего прошлаго, богатаго интереснымъ матеріаломъ. Чаще бывалъ у меня Николай Ильичъ, съ которымъ велись длинные разговоры. Въ лѣсу онъ чувствовалъ себя какъ дома: «куда не заведи меня — выйду, прямехонько куда надо.» Природа для него — раскрытая интересная книга, въ которой онъ совершенно свободно читалъ. Каждое растеніе онъ знаетъ, знаетъ его свойства, на какихъ мѣстахъ родится. Насѣкомыя, птицы, ихъ нравы, обычаи, снаровки — все доподлинно знаетъ.

Слухъ и зрѣніе у него замѣчательные и постоянно на сторожѣ. Идетъ онъ, съ кѣмъ нибудь говоритъ, но ничего не пропуститъ мимо ушей: малѣйшій звукъ услышитъ и сейчасъ-же

скажетъ, отколѣ идетъ. Помятая травка, сломанный сучекъ, мелочь, мимо которой десять разъ пройдешь и не замѣтишь — онъ увидитъ и соображаетъ, отчего.

Шелъ разъ онъ по лѣсу, вдругъ ему бросилось въ глаза дерево, на которомъ онъ когда-то убилъ рябчика. Сталъ осматривать мѣсто, гдѣ стояло дерево, и увидалъ, что дерево вырыто, а ямка закрыта дерномъ. Богъ его вѣдаетъ, какимъ рядомъ заключеній онъ пришелъ къ тому; но отправился прямо въ сосѣднюю деревню къ одному крестьянину. Дерево—тутъ.

— У насъ срубилъ?

— Нѣтъ, что̀ ты!

— Врешь, смотри. Снесемъ-ка его въ лѣсъ, да положимъ отрубленнымъ корнемъ къ мѣсту.

— Зачѣмъ я стану таскаться! Есть время!

— Постой! Если не придется къ корню, я за время тебѣ заплачу, а придется—ты мнѣ заплатишь, и отвѣчать будешь. Пойдемъ.

Помялся-помялся тотъ, наконецъ, сознался, что мялица понадобилась—онъ и выкопалъ подходящее деревцо.

Въ одну изъ темныхъ осеннихъ ночей волки заѣли кобылу и загнали жеребёнка. Пастухъ и работникъ, бывшій въ ночномъ, что̀ ни разсказывали, Иванъ Иванычъ не повѣрилъ и послалъ разслѣдовать дѣло Николая Ильича. Тотъ сначала осмотрѣлъ сѣнной сарай, стоявшій на томъ лугу, гдѣ должны были пастись ночью лошади, и нашелъ два належанныя на сѣнѣ мѣста. Ночью шелъ дождь, отъ котораго пастухъ укрылся въ сарай и заснулъ. По слѣдамъ, около сарая онъ опредѣлилъ, что тутъ паслись только четыре лошади и какія именно. Остальныя лошади были далеко отъ этого мѣста. Въ полуверстѣ отъ сарая, на зелени, онъ нашелъ накатанныя мѣста, по которымъ опредѣлилъ, что тутъ были только кобыла съ жеребёнкомъ. Вблизи отъ накатанныхъ мѣстъ и схватили волки лошадь. Совокупивъ все, что̀ узналъ, Николай Ильичъ пришелъ къ заключенію, что табунъ разбрелся раньше, а не волки разогнали; что пастухъ спалъ въ сараѣ и ничего не слыхалъ, а проснувшись утромъ и увидавъ, что около сарая бродятъ только 4 лошади, пошелъ искать остальныхъ и нечаянно набрелъ на задранную лошадь. Пастухъ послѣ признавался, что такъ и было.

Кромѣ этого, по мѣсту борьбы лошади съ волками Николай Ильичъ опредѣлилъ, что волковъ было два, и ка̀къ они взяли лошадь. Потомъ, какъ страстный охотникъ, по слѣдамъ волковъ, исколесившихъ значительное пространство, онъ прошелъ къ тому

мѣсту, откуда они пришли, и дознался, въ какомъ направленіи ушли.

Охотникъ онъ страстный, дѣйствительно. Человѣкъ больной, знающій хорошо, что, стòитъ только сильно взволноваться, чтобы пошла у него кровь горломъ, онъ на охотѣ все позабываетъ. Стòило сказать ему во время сѣнокоса, что видѣли выводокъ тетеревей, какъ онъ, улучивъ свободную минуту, бралъ ружье и отправлялся искать.

Былъ у меня и еще посѣтитель. На другой день какъ я началъ чистить, подходитъ ко мнѣ пастухъ дѣдинскаго стада.

— Богъ въ помочь!

— Спасибо.

— Чтò это тебѣ за неволя работать?

— Охота пуще неволи.

— Такъ-то-такъ. А все таки... Намъ по привычкѣ, да и то тяжело. А твое дѣло непривычное, нужды тебѣ нѣтъ. Лучше бы мѣсто какое.

— Чтò же подѣлаешь, коли охота припала? Время свободное; себя не натужу, поработую—сильнѣе буду.

— Ну, съ работы какая ужь сила. На работѣ силы не соберешь. Кàкъ же ты съ бариномъ порядился: подесятинно, чтò ли? Сколько за десятину?

— Не уговаривался. Сколько положитъ.

— Вѣдь ты на харчи не заработаешь. Вонъ сколько на мельницѣ то платишь: 15-ть рублей! а получишь двугривенный въ день.

Угостилъ я его кваскомъ, который приносилъ съ собою, и пошелъ онъ покрикивать въ лѣсу, я же за топоръ взялся.

Каждый день ему приходилось прогонять стада около того мѣста, гдѣ я работалъ, и онъ всегда останавливался попить кваску, поговорить.

— Дорого же взялъ съ тебя мельникъ-то. Полтинникъ въ день—деньги! Чтò жь онъ тебѣ даетъ?

— Щи, кашу, чай его, молоко.

— И водочки даетъ?

— Кàкъ же, даетъ. По рюмкѣ выпиваю передъ ѣдой.

— Хорошіе харчи можно давать на полтинникъ. Бѣлый хлѣбъ, баранки къ чаю.

— Пожалуй, что такъ. Да, вѣдь, я не зналъ здѣшнихъ цѣнъ; такъ и мельнику говорилъ: возьми по совѣсти, чтò слѣдуетъ. Онъ положилъ, я и не торговался.

Вообще, какъ завижу, бывало, что стадо подвигается, такъ и жду, что услышу:

— Помогай Богъ! ка̀къ живенекъ? Что̀ тебя утромъ не было, какъ я проходилъ здѣсь?

— Грѣшный человѣкъ, проспалъ. Палецъ, видишь, нарываетъ, спать ночью не даетъ, только подъ утро и засну.

— То-то; а я думалъ, что ты залѣнился ужь!

Нарывъ появился недѣли черезъ 1½ послѣ начала работы. При работѣ, онъ хотя и мѣшалъ, но немного, за-то ночью донималъ. Къ тому же, стали одолѣвать чирьи, съ которыми бился цѣлый мѣсяцъ: сойдетъ одинъ — новыхъ два появятся. «Петербургскую дрянь и міазму организмъ выгоняетъ», говорилъ про это Иванъ Ивановичъ.

Про Данилу Иваныча (пастуха) разсказывали, что онъ никакъ не могъ ужиться дома и научиться сельскимъ работамъ. Сто̀ило кому-нибудь замѣтить, что онъ не такъ что нибудь дѣлаетъ и показать ка̀къ нужно, онъ начиналъ дѣлать совершенно иначе, по своему. Пастухъ изъ него вышелъ хорошій. Пастьбища, дороги, водопои знаетъ отлично; каждую штуку изъ стада знаетъ по имени, но каждой даетъ кличку отъ себя, не признавая тѣхъ, которыя далъ баринъ. Ему не нужно пересчитывать стадо: онъ сразу видитъ, которой скотины не достаетъ. Стадо слушается его превосходно, что̀ и доставляетъ ему много наслажденія. Остановится онъ—стадо бродитъ около, пойдетъ погикивая по лѣсу — оно потянеіъ за нимъ. На отбившуюся корову прикрикнетъ, называя по имени, и та понимаетъ его и ворочается къ стаду. Вѣроятно, въ голосѣ у него есть что-нибудь особенное, чего боятся и слушаются животныя. Быкъ, который, не обращая вниманія на удары кнутомъ, роетъ землю съ угрожающимъ видомъ, заслыша окрикъ Данила. «Что...о...ты?» — уходитъ въ уголъ. Въ продолженіи трехъ лѣтъ, какъ онъ пастухомъ, ни одна штука не попадала въ потравѣ ни на своихъ поляхъ, ни на чужихъ, несмотря на то, что стадо велико, а помощниками у него—два мальчика.

Обязанность его состояла въ томъ, чтобы пять мѣсяцевъ, изо дня въ день, какая бы погода ни была, раннимъ утромъ выходить со скотомъ въ поле, середь дня пригнать на подой, часа черезъ два выгнать снова и проходить до поздняго вечера. Стоять по долгу на открытомъ мѣстѣ онъ не любилъ, почему и дѣлалъ по лѣсу бо̀льшіе переходы, чѣмъ нужно. Лѣтомъ, ему, пожалуй, еще не дурно, въ особенности въ ясные дни; но осенью — плохо. Цѣлый день мелкій, непрерывный дождь: вокругъ оголившіяся и пожелтѣвшія поля; не слышно уже стрёкота̀, нёсшагося раньше отовсюду; безконечно разнообразная лѣтняя жизнь замерла, а тутъ стой или сиди подъ дождемъ, да слушай, ка̀къ шумитъ въ

лѣсу вѣтеръ, пронизывающій насквозь. Скверно ему приходится, а между тѣмъ, явится къ ужину, послѣ такого ненастнаго дня, съ мальчикомъ сыномъ на рукахъ, и ни малѣйшаго раздраженія незамѣтно.

Былъ у него и другой сынъ, веселый, умный мачьчикъ лѣтъ девяти. Любилъ и лелѣялъ его Данило до нельзя: самъ и жена ходятъ въ лохмотьяхъ, а у Симки ситцевыя рубашки, несмотря на то, что жалованье ихъ незначительное. Заговоришь, бывало, о Симкѣ съ нимъ, на лицѣ у него появляется улыбка, глаза принимаютъ особенное выраженіе. На этого сына возлагалъ онъ всѣ надежды. Самъ онъ и теперь уже не можетъ работать: сломана ключица; пастухомъ не вѣкъ быть, тяжело подъ старость, на другого сына надѣяться нѐчего, такъ какъ тотъ и родился съ слабыми ногами, не ходитъ. Одинъ Симка могъ служить опорою подъ старость, и его-то пришлось похоронить нынѣшнимъ лѣтомъ. Что̀ онъ чувствовалъ, когда погибала его надежда, знаетъ только онъ. Ни жалобъ, ни оханья, ни слёзъ, вообще никакихъ внѣшнихъ проявленій чувствъ не было; будто только поскучнѣе сталъ, какъ потерялъ надежду на выздоровленіе Симки. Померъ Симка, когда Данило былъ въ полѣ со стадомъ. Увидавъ вечеромъ вышедшаго къ нему на встрѣчу Ивана Иваныча, онъ догадался, и слёзы выступили на глаза, ка̀къ ни крѣпился. Свезъ сына въ село, похоронилъ, а на другой день снова покрикивалъ на стадо.

Стало подвигаться къ мѣсяцу, какъ я чистилъ ляду. Житье на мельницѣ дѣлалось невыносимѣе и невыносимѣе. Помѣщался я тамъ въ мельничной избѣ, раздѣленной тоненькою переборкой на двѣ части. Въ одной — помѣщалась печь, въ другой-чуланчикъ, отдѣленный переборкою же отъ остальнаго мѣста, которое и считалось собственно моимъ помѣщеніемъ. Въ чуланчикѣ спалъ хозяинъ и хранились кое-какіе припасы. Полъ такой, что ходить по немъ было затруднительно, такую прихотливую поверхность онъ имѣлъ. Въ переднемъ углу столъ, одинъ стулъ. По одной изъ стѣнъ тянулась лавка, на которой сидѣть было крайне неловко: ноги не доставали до пола, и лежала она не горизонтально, а шла горкой отъ стѣны къ полу. То, что̀ служило мнѣ кроватью, состояло изъ трехъ дощечекъ, положенныхъ на подпорочкахъ, около перегородки, въ которой и клопы оказались; на дощечкахъ блинъ-тюфячекъ. Одно изъ оконъ выходило на рѣчку, другое — на котловинку, въ которой водилось множество лягушекъ и медвѣдокъ, каждый вечеръ задававшихъ концерты. Помѣщеніе, хотя и неприглядное, но это бы ничего: донимали хозяева. Хозяевами были два брата-мѣщане.

Нанимая у нихъ помѣщеніе, я условливался, чтобы каждый день были щи съ солониной, а когда можно—со свѣжей говядиной, каша, молоко, чай два раза въ день, водка. Цѣну далъ ту, какую они спросили. Кромѣ того, они обѣщали поправить полъ, привезти кровать, никого не пускать въ мое помѣщеніе. Первое время мнѣ пришлось жить съ младшимъ братомъ Васильемъ, который, чтобы не тратить лишняго чая и пить въ одно время со мною, запретилъ кухаркѣ будить меня раньше, чѣмъ его, такъ что я предпочелъ уходить безъ чаю. Разливать садился самъ и наливалъ крайне слабый, какого я не люблю. Сахару въ сахарницу клалъ нѣсколько кусочковъ и зорко слѣдилъ за тѣмъ, сколько я возьму. Вести себя старался такъ, чтобы показать, что онъ—не мужикъ какой-нибудь, занималъ меня разговорами, спрашивалъ, что̀ читаю, что̀ новаго въ газетахъ, хотя самъ никогда не дотрогивался до лежавшихъ тутъ же газетъ и книгъ, несмотря на то, что читать умѣетъ и времени свободнаго было много. Иногда вынесетъ изъ чуланчика баранокъ и предлагаетъ мнѣ: «Вотъ бараночекъ не угодно ли? Положите въ стаканъ сахару, я и ложечку принесу». Каждый день передъ обѣдомъ я выпивалъ по рюмкѣ водки, и каждый день приходилось ее спрашивать; иногда же онъ спрашивалъ меня: «Водочку кушать будете? И несмотря на то, что каждый разъ получалъ утвердительный отвѣтъ, ни разу не ставилъ водки, не дождавшись требованія.

Масло къ кашѣ появилось только на 2-й недѣлѣ, молоко же и еще позднѣе. Солонина не продержалась и недѣли, а когда я заявилъ о желаніи имѣть ее, то пообѣщалъ привести изъ города. Я ждалъ терпѣливо—не появляется.

— Что̀, Василій Ѳедорычъ, скоро привезете солонины?

— Завтра поѣду домой, такъ привезу. Да не любите ли вы щи со свининой? У насъ свинина есть. Отличная свинина.

— Ну, свинина, такъ свинина. Привезите только, пожалуйста.

— Непремѣнно. Завтра же привезу.

Дня три напоминаю ему о свининѣ, и, наконецъ-то она появляется. Хватило ея не надолго.

Кровати, конечно, не дали. Разъ, только-что хотѣлъ встать съ дощечекъ, служившихъ кроватью, какъ крайняя изъ нихъ соскочила у изголовья съ подпорки. Хорошо, что я удержался, а то могъ сильно ушибить голову. Попросилъ ее укрѣпить, но пришедши вечеромъ, нашелъ въ такомъ же видѣ, и опять чуть не свалился, сѣвши на нее разуваться. На утро хотѣлъ было укрѣпить самъ, да не нашлось гвоздя.

Мельницу они снимали только для того, чтобы имѣть пунктъ для торговли. Дѣльный человѣкъ, снявшій мельницу, самъ бы

былъ прудникомъ, занялся бы огородомъ, который дается при мельницѣ, самъ бы между дѣломъ выкосилъ десятину лугу, тоже отдающуюся при мельницѣ; завелъ бы торговлю предметами необходимыми для крестьянскаго обихода: солью, мукою, дегтемъ, табакомъ, и т. д. Мои же хозяева старались вести себя купцами: нанимали прудника и кухарку, огородомъ занимались зря, спустя рукава, лугъ косили не сами. Торговлю-было завели, но и торговцами были плохими. Сплошь да рядомъ исчезали куда-то, оставляя меня безъ чаю и водки, и мужику, пришедшему зачѣмъ-нибудь, приходилось идти въ другое мѣсто. Часто не оказывалось вò-время какого-нибудь нужнаго товара. Съ весны они всѣмъ набивались съ дегтемъ; а началась возка навоза, понадобился всѣмъ деготь, на мельницѣ его не оказалось, и пришлось мужикамъ ходить за дегтемъ верстъ за пять. Часто нелегко было вытащить изъ чуланчика разоспавшагося Василья, мужику, пришедшему купить соли, муки.

Старшій братъ почти все время разъѣжаетъ по деревнямъ, скупаетъ у крестьянъ чтò придется, но и тутъ чтò-то плохо ладится. Труда несетъ много, рискуетъ быть поколоченнымъ за обвѣсъ, лошадь гоняетъ, а добудетъ 20—30 коп. въ день. Торговой сметки, разсчета ни у котораго изъ нихъ нѣтъ. Есть только страстная жажда наживы, сильное желаніе «урвать» гдѣ удастся, а о томъ, чтò будетъ дальше—и не думаютъ.

«Пріѣхали они сюда, разсказывалъ Николай Ильичъ:—попросили у меня денегъ. Думаю: народъ молодой, бѣдный — отчего, не помочъ? Далъ имъ сто рублей. Пришло время, когда обѣщали отдать, и не кажутся. Поймалъ старшаго. «Чтò же? молъ».—«Да неуправка. Погодите, отдадимъ». «Ладно». Жду. Приноситъ это старшій 25 рублей. «Вотъ, Николай Ильичъ, получите; остальные пождите еще». Хорошо и то. Черезъ недѣлю приходитъ снова. «Николай Ильичъ! дай рубликовъ двадцать».—«Денегъ нѣтъ».—«Да мы вамъ отдадимъ. Процентовъ прибавимъ».—«Ты, вотъ чтò! Обернулся хорошо, нажилъ много, принесъ деньги и прибавляй тогда. — А то не знаешь еще кàкъ поторгуется, а обѣщаешь процентовъ прибавить». Ушолъ. Глупъ человѣкъ... Отдалъ сначала, думалъ заманить. Уменъ бы былъ, такъ принесъ бы деньги въ срокъ; ужь кàкъ бы нибудь вывернулся, а принесъ; я бы и видѣлъ, что человѣкъ вѣрный. Въ другой бы разъ попросилъ — отчего же не дать? А то вижу: крутятся только безъ толку. Насилу у нихъ деньги-то выцарапалъ.»

Заняли они также у мужика изъ ближайшей деревни, такъ тотъ до сихъ ничего получить не можетъ. Судиться начиналъ, да не помогло.

Приторговали они весной лёнъ въ одномъ имѣніи, дали задатку десять рублей. Хотѣли по образчику перепродать, взять барышка; но цѣна на лёнъ упала, они и отъ задатка отступились.

Прихожу разъ съ работы домой и нахожу въ своемъ помѣщеніи цѣлую ораву мѣщанъ, пирующихъ съ моимъ хозяиномъ. Разговоры велись на ту тэму, кому и какъ удалось обдутъ, обвѣсить, обмѣрять. Они ѣздили по уѣзду и скупали паклю.

— Пріѣзжаю я въ деревню, разсказываетъ одинъ изъ мѣщанъ бойкій, живой парень:—«У кого есть пакля—кричу—неси скорѣе. 12 коп. за фунтъ». Бабы торопятся поскорѣе сдать, да получить деньги; потому красная цѣна была 8 коп., а мнѣ это на руку. Замуздалъ безмѣнъ, тороплюсь, да вѣшу 5 фунт. за 10, 3 за 6. Шесть копеекъ за фунтъ кругомъ пришла!

Всѣ хохочутъ, а у Василья на лицѣ такъ и написано: «Ахъ, кабы мнѣ... вотъ нагрѣлъ... есть же людямъ счастье!»

Осенью они должны были испытывать муки Тантала. Цѣна на льняное сѣмя поднималась не по днямъ, а по часамъ, кругомъ шпыряютъ ихъ братья-мѣщане и рвутъ куски подъ носомъ. Заѣдутъ такіе счастливцы на мельницу, разсказываютъ братцамъ, тѣ слушаютъ съ сердечнымъ томленіемъ и ничего подѣлать не могутъ. Сунутся въ одно мѣсто, безъ большаго задатка не продаютъ, денегъ же достать негдѣ; въ другомъ—и не покажутъ; у крестьянъ скупать и подавно деньги нужны.

Къ концу мѣсяца я сталъ было подумывать о томъ, чтобы перебраться въ деревню и тамъ устроиться, но дѣло уладилось иначе: я перешелъ на хуторъ по предложенію Ивана Иваныча. На хуторѣ устроился такъ: спалъ въ амбарѣ, вмѣстѣ съ Николаемъ Ильичемъ и Васильичемъ; кроватью служило большое корыто, въ какомъ рубится капуста и въ которое наложилъ сѣна. Днемъ же, пилъ чай, писалъ письма и т. д. въ избѣ, называвшейся молочной, въ которой помѣщался другой староста—Петръ, завѣдывающій рабочими. Обѣдать и ужинать ходилъ въ семейную избу, въ которой помѣщалась кухня и столовая для рабочихъ. Помѣщенія эти располагались по тремъ сторонамъ краснаго двора, а четвертую занималъ барскій домъ, выходившій балкономъ на противоположную отъ двора сторону, въ огородъ.

Подходило время сѣнокоса. Желая попрактиковаться въ косьбѣ, я пошелъ разъ съ однимъ изъ рабочихъ косить траву лошадямъ. Показать пріемы косьбы взялся Петръ-староста. Пришедши на мѣсто, онъ покосилъ немного, потомъ отдалъ косу мнѣ. Трудно передать, что̀ я чувствовалъ, взявъ въ руки это орудіе и дѣлая первые взмахи. Ноги не дѣлали шага, какой нужно и когда нужно. Руки точно не свои водили косу, которая не слу-

шалась, не рѣзала траву, и я ее засадилъ мысомъ въ землю на первыхъ же взмахахъ, да и вытащить не съумѣлъ. Мнѣ было стыдно Петра, стыдно рабочаго, стыдно бабъ, возившихъ навозъ и проѣзжавшихъ вблизи по мосту. Увидавъ мою неудачу, Петръ посовѣтовалъ крѣпче прижимать пятой косы къ землѣ и показалъ, какъ это дѣлать, взявшись за косовище вмѣстѣ со мною и сдѣлавъ нѣсколько взмаховъ. Потомъ, показавъ какъ точить косу, ушелъ. По его уходѣ, я прокосилъ полчаса и усталъ страшно. Къ концу подошелъ Иванъ Иванычъ, сказалъ, чтобъ я покосилъ нѣсколько, потомъ заставилъ рабочаго косить по кошенному мною мѣсту, который и тутъ накосилъ порядочно. Нѣсколько дней послѣ того я еще ходилъ косить не надолго, но вскорѣ привелось косить въ заправду.

Около Петрова дня, рано утромъ, я, Васильичъ и Петръ отправились косить клеверъ. Первымъ пошелъ размахивать Петръ, за нимъ Васильичъ, сзади я. Не успѣли мы дойти до половины прокоса, какъ Петръ началъ новый, а у конца опять пошелъ впереди. Кончивъ прокосъ, я сильно усталъ, почему и сѣлъ отдохнуть, прежде чѣмъ начать новый. До завтрака я успѣлъ сдѣлать только два съ половиною прокоса, Васильичъ три, Петръ же шесть. Позавтракали, отдохнули и пошли снова. Между тѣмъ, роса сошла, косить стало труднѣе. Трудно приходилось съ непривычки, въ особенности мнѣ.

При косьбѣ, на каждый взмахъ, требуется незначительное усиліе, но на прокосѣ длиною въ 80 саженъ приходилось дѣлать около 2,000 взмаховъ, такъ какъ при каждомъ я подвигался впередъ менѣе, чѣмъ на два вершка. Солнце пекло невыносимо, потъ катилъ съ меня градомъ; кровь сильно приливала къ головѣ, и въ вискахъ страшно стучало; біеніе сердца усиливалось чрезвычайно и дыханіе затруднялось. Сдѣлавъ 30—40 взмаховъ, я долженъ былъ останавливаться и отдыхать, такъ какъ дышать становилось трудно и передъ глазами начинали ходить круги, а руки отказывались двигать косою. Бывало, подойдешь къ концу прокоса, остается аршина два, очень хочется кончить—не тутъ-то было! приходится прежде постоять, такъ какъ, положительно, не въ силахъ вздохнуть.

На другой день—та же исторія, да еще хуже, пожалуй: руки болѣли съ предыдущаго, спина тоже, подъ лѣвою рукою, около соска, натеръ, и тѣло салнѣло.

Покосивъ дня три, я всталъ на пахату, что мнѣ предложилъ Иванъ Иванычъ. Условія для пробы были удобныя, такъ какъ оставался невспаханнымъ отдѣльный кусочекъ съ полдесятины, а рабочіе были нужны для покоса. Поймалъ и привелъ лошадей

Васильичъ, который въ этотъ день почему-то не работалъ, взялъ прогулъ; онъ же и запрегъ лошадей въ плугъ. Первыя борозды проѣхалъ Васильичъ, чтобы показать мнѣ кàкъ нужно дѣлать, потомъ передалъ плугъ мнѣ. Зналъ я по какимъ направленіямъ дѣйствуютъ силы въ плугѣ, зналъ, гдѣ, кàкъ и когда нужно нажать, но, пройдя шаговъ пять, шатаясь во всѣ стороны, я неуправился дальше съ плугомъ и сдѣлалъ огрѣхъ: плугъ выскочилъ и пошелъ по прежде сдѣланной бороздѣ. Лошадей я не успѣлъ остановить вò-время, почему и пришлось тащить плугъ назадъ и пятить лошадей. Затѣмъ, чѣмъ дальше, тѣмъ хуже. Лошади виляли во всѣ стороны; когда нужно, насилу остановишь, понукаешь—не трогаются; безъ кнута не ходятъ хорошо, а кнутъ путается въ ногахъ, когда безъ того ходить неловко, махнешь кнутомъ—плугъ выпустишь. Плугъ-то заберетъ въ сторону, пластъ выйдетъ или очень широкъ и не срѣзывается, кàкъ нужно, или очень узокъ и сойдетъ на нѣтъ; то уйдетъ глубоко въ землю, такъ что лошади остановятся, то выскочитъ вонъ. Только что наладишь, проѣдешь шагъ — опять чтò-нибудь случится: волокй плугъ назадъ, а онъ все-таки 2—3 пуда вѣсомъ. На двухъ оборотахъ, усталъ страшно и потерялъ терпѣніе: такого испытанія не ожидалъ. Къ тому же, примѣшивалось сознаніе, что только портишь пашню, и кому-нибудь придется перепахивать. Взбѣшенъ и сконфуженъ былъ страшно. Бросивъ плугъ, я отошелъ въ сторону, чтобы поуспокоиться. Васильичъ смѣется. Промаялся я, такимъ образомъ, почти до вечера; ругался на чѣмъ свѣтъ стòитъ. Разъ хотѣлъ бросить кнутъ на землю, въ припадкѣ злости, да взмахнулъ неловко и хватилъ себя по носу. И больно, и смѣшно, и досадно. Только подъ конецъ дня я нѣсколько поналадился; по крайней мѣрѣ, не такъ часто приходилось таскать плугъ назадъ. Вспахалъ очень мало и пошабашилъ. Пріѣзжаю домой; надо выпрягать, а я не умѣю. Васильичъ гдѣ-то гулялъ, другихъ рабочихъ просить стыдно, тѣмъ болѣе, что я съ ними еще не ознакомился. Началъ разсматривать, соображать и выпрягъ-таки, хотя не такъ кàкъ нужно. Наказавъ шедшему въ ночное привести утромъ лошадей, я завалился спать.

Утромъ, во всемъ тѣлѣ чувствовалъ какую-то особенную боль; руки и ноги ныли. Отыскавъ Николая Ильича, я попросилъ его показать мнѣ, кàкъ нужно запрягать въ плугъ и выпрягать лошадей, чтò онъ и исполнилъ. Пахалъ въ этотъ день спокойнѣе, дѣло начинало ладиться: огрѣховъ было меньше и, хотя пахота выходила не хороша, но сравнительно съ началомъ — все же прогрессъ. На работѣ поразмялся: боль, которую чувствовалъ съ утра, прошла, и я чувствовалъ себя въ хорошемъ расположеніи.

Такъ и пошло. Пахалъ, да пахалъ и сталъ приноравливаться по-немногу. Лошади шли ровнѣе, плугъ выскакивалъ рѣже, но до сносной пахаты не дошелъ: пластъ выходилъ неодинаково широкъ и неодинаково толстъ. Когда начиналъ второй загонъ и прогонялъ середнюю борозду, лошадей привести на вёшку было нѐ кому—мнѣ въ пору было управляться съ плугомъ, а не править — и я страшно бился и волновался. Ѣдутъ въ это время по пролегавшей вблизи дорогѣ мужички, немножко подгулявши, слышу — кричатъ: «Эй, ты... (слѣдуютъ неудобныя для печати слова̀, безъ которыхъ русскій человѣкъ — ни шагу) ѣхалъ бы лучше въ Питеръ, а то пашетъ тоже!»

Подъ конецъ, пришлось вспахивать дорогу, на которой земля была сильно убита. Трудненько было, да подошелъ Николай Ильичъ и помогъ.

Вспахавши этотъ участокъ, я сталъ его скородить. Работа эта состояла въ томъ, чтобы, идя между парой лошадей, запряженныхъ въ бо̀роны, водить ихъ по пашнѣ. Цѣлый день я проходилъ такимъ образомъ и выскородилъ все, что̀ было мною вспахано. Нѣсколько разъ наступала лошадь мнѣ на ногу, да не больно, потомъ раза два выскакивала изъ постромокъ при поворотахъ. Работа эта показалась мнѣ скучною.

Все время, пока я пахалъ и скородилъ, мнѣ приносили завтракать и полудневать. Вмѣстѣ со мною ѣлъ и дневной пастухъ лошадей, пасшихся на прилежащемъ лугу, мальчикъ Гриша, лѣтъ десяти. Кромѣ того, какъ пригонитъ онъ лошадей близко ко мнѣ, подойдетъ, ходитъ со мной рядомъ, болтая все время. Сочувствовалъ моему горю, что лошади лѣнивы и не дружны, покрикивалъ на нихъ. Маленькій ростомъ, толстенькій, въ зипунѣ чуть не до пятъ, черезъ плечо мѣшокъ, въ которомъ носилъ хлѣбъ, ножикъ, дудки, удочки. Фуражка, слишкомъ большая для него, нахлобучивается, закрываетъ глаза, и онъ то и дѣло поправляетъ ее. Круглое, слегка курносое личико съ ямочками на щекахъ; сѣрые, бойкіе глаза. Увидитъ, что лошадь думаетъ перейти на заказной лугъ, закричитъ и покатится въ ту сторону. Нельзя сказать — побѣжитъ: маленькій, кругленькій, ногъ не видно—именно, покатится.

Съ перваго раза, ка̀къ я увидалъ его, онъ мнѣ очень понравился. Вскорѣ послѣ моего пріѣзда, сидѣли мы въ рощѣ, пили чай и благодушествовали. Приходитъ извѣстіе, что Гришу лошадь убила, а немного спустя, явился и онъ, подалъ руку Ивану Иванычу, пригласили чай пить—сѣлъ, поднесли водки—выпилъ; ни малѣйшаго смущенія незамѣтно.

— Больно тебя зашибла лошадь?

— Нѣтъ, не дуже.

— Кàкъ же это случилось?

— Да, сталъ я садиться на кобылу. Лошади черезъ кусты подрали, впередъ ушли. Сѣлъ я—и кобыла за ними; не сдержу, волкъ ее зарѣжъ, да въ олешникъ. Меня и сшибло, не могъ сдержаться. Свалился въ кусты, а за уздечку держусь. Потащила-потащила, да я не выпустилъ!

— Кàкъ же ты садишься на лошадь? ты, вѣдь, ей подъ брюхо подойдешь.

— А сначала на шею. Она наклонится, я и влѣзу. Потомъ переползу.

Часто видалъ я его потомъ, проходя изъ лѣсу на мельницу, такъ какъ дорога проходила и черезъ тотъ лугъ, гдѣ паслись лошади. Ходитъ около ручейка, ловитъ руками рыбу, разговариваетъ съ нею.

— Здравствуй, Гриша!

— Здравствуй! И начинаетъ снимать фуражку, чтò, при ея величинѣ, затруднительно: задѣваетъ за затылокъ.

Съ лошадями замѣчательно смѣлъ и любитъ поѣздить верхомъ, чувствуя себя на лошади совершенно свободно. У него была облюбована одна лошадь изъ табуна, на которой онъ и разъѣзжаетъ всегда, какъ только понадобится перегнать лошадей на другое мѣсто или гнать домой.

Осенью пріучилъ онъ къ себѣ собаку, которую сначала водилъ на верёвочкѣ и съ ней возился цѣлый день, ловилъ, напримѣръ, полевыхъ мышей. Въ ловлѣ этой онъ достигъ совершенства: найдетъ норочку, заставитъ собаку рыть землю съ одного выхода, а къ другому приладитъ устьемъ мѣшокъ и ждетъ. Мышь уходитъ да уходитъ отъ собаки и зайдетъ въ мѣшокъ, а Гришѣ того и надо: вытащитъ, отдастъ собакѣ, а потомъ отправится искать новую норку. Разъ ему удалось затравить хорька, и надо было видѣть, въ какомъ восторгѣ онъ былъ и съ какимъ наслажденіемъ разсказывалъ, кàкъ это случилось.

Однако, благодаря тому, что онъ искалъ развлеченій, съ нимъ случилось непріятное происшествіе. Когда началась осенняя вспашка, то онъ постоянно бывалъ съ лошадьми около того мѣста, гдѣ пахали. Самъ терся около пахарей, а лошади бродили безъ присмотра. По сосѣдству лежало деревенское поле, на которое разъ лошади и зашли, чтò давно смотрѣли мальчишки изъ той деревни. Всѣхъ лошадей и загнали къ себѣ. Приходитъ Гриша въ овинъ, сообщилъ отцу о своемъ несчастьи, тотъ передалъ Ивану Иванычу, бывшему на току. Подошелъ послѣ и Гриша, со слезами разсказываетъ, кàкъ это случилось, стараясь

конечно, выгородить себя, но это не помогло: пришлось ему отдать 2 р. 50 коп., чтобы не относился такъ небрежно къ своему дѣлу, а то было избаловался. Деньги ему были возвращены послѣ, когда попались въ Дѣдино лошади изъ той деревни.

Къ отцу Гриша замѣчательно привязанъ. Отецъ его—безсрочно-отпускной солдатъ; почему въ началѣ покоса, за нимъ пріѣхали ночью изъ волости и увезли въ городъ. Сына онъ не будилъ. Не видя утромъ отца, Гриша спросилъ, гдѣ онъ, рабочіе сказали, что уѣхалъ за водкой, баринъ послалъ. Гриша сейчасъ же догадался въ чемъ дѣло, благодаря тому, что много толковалось раньше о требованіи на службу, и заплакалъ. Стòило, въ тотъ день заговорить съ нимъ объ отцѣ или помянуть при немъ, какъ губы у него начинали дрожать и на глаза навертываться слёзы. Цѣлый день онъ былъ скученъ; кàкъ же зато и радовался, когда отецъ вернулся на другой день!

Въ то утро, какъ увезли его отца въ городъ, рабочіе за завтракомъ говорили объ этомъ. Гриша былъ тутъ—и заплакалъ. Поплакалъ Гриша, а успокоившись немного, сквозь слёзы, говоритъ пресерьёзно:

— Пойду, въ воскресенье, къ сапожнику. Сапоги надо заказать.

Такъ курьёзно это вышло, что всѣ засмѣялись: слёзы объ отцѣ рядомъ съ заботою о сапогахъ. Онъ сознавалъ, что съ этихъ поръ о немъ нѣкому будетъ позаботиться, что онъ самъ за себя отвѣтственъ. Меня поражало въ немъ, что онъ, такой маленькій, хорошо сознаетъ свое положеніе, какъ работника. Пришла кàкъ-то разъ на хуторъ его мать съ маленькой дочкой; захожу я, вечеромъ, въ семейную: возится Гриша съ сестренкой, та лопочетъ чтò-то, а онъ заливается хохочетъ.

— Отработаю, получу деньги, куплю хлѣба; тебѣ, мамка, два куля дамъ, куль тебѣ, да куль Анюткѣ; себѣ куль возьму, свой хлѣбъ будетъ.

— А батьку, чтò же?

— Батько самъ заработаетъ—сможетъ.

Лежу я, въ какой-то лѣтній праздникъ, въ своемъ корытѣ, да читаю послѣднюю книжку «Отеч. Зап.», вдругъ вбѣгаетъ Гриша.

— А! вотъ гдѣ ты! Я тебя давно ужь ищу. Бѣгалъ-бѣгалъ. Въ молочную заходилъ, въ домѣ спрашивалъ, а ты вотъ гдѣ. Пойдемъ, угощу. Изъ своихъ рукъ поднесу.

Ведетъ меня, взявши за руку, въ семейную, гдѣ сидятъ его мать и отецъ за полуштофомъ. Гриша наливаетъ стаканъ водки, беретъ въ руки и подноситъ мнѣ.

— Вотъ и я тебя угощаю. Пей до-дна.

— Будь здоровъ, Григорій!

Онъ пивалъ иногда у меня чай и поэтому, вѣроятно, считалъ долгомъ угостить меня.

Вѣчно веселый, живой какъ ртуть, умный, бойкій, онъ производилъ на меня сильное, пріятное впечатлѣніе. Прелестный мальчикъ!

Кончивъ скородьбу, я началъ косить. Въ рядъ съ рабочими я становиться не хотѣлъ, боялся мѣшать имъ, почему и сталъ отдѣльно. Опять страшно тяжелою показалась мнѣ эта работа. Сильная одышка и приливы крови къ головѣ больше всего мѣшали работать. Точить умѣлъ плохо, коса оказалась расклиненною, сидѣла плохо, чего я не замѣчалъ цѣлый день, а показали рабочіе на другой ужъ день; косить отъ этого было еще труднѣе. Косилъ нечисто и тихо. Разсчитавъ, во время отдыховъ, сколько могу выкосить за день, увидалъ, что едва едва смогу съ 1/8-ю десятины; заурядный же рабочій выкоситъ 1/4, а хорошій косецъ—1/3.

Вскорѣ присталъ ко мнѣ старый знакомый, Семенъ, тоже только-что начавшій косить. Вдвоемъ мы прокосили три дня, а потомъ пошли выкашивать дорогу вмѣстѣ съ двумя рабочими, затѣмъ, и съ артелью—на клеверъ. Гнаться за рабочими я немогъ, но увидалъ, что помѣхи не будетъ; становился я самымъ заднимъ, сзади только Семёнъ, а сейчасъ передо мною—Васильичъ. Наше тріо и отставало, да отставало; рабочіе кончали прокосъ, начинали новый, нагоняли насъ и, перейдя съ прокоса на прокосъ, шли снова впереди. Сдѣлавъ 3—4 прокоса, всѣ усаживались курить и звали насъ. Пріѣхавъ сюда, я не курилъ, но, когда выкашивали дорогу, одинъ изъ рабочихъ сталъ меня убѣждать: «Что же такъ будешь сидѣть, безъ дѣла! Рабочему нельзя не курить. Староста и посидѣть не дастъ, не дастъ и отдохнуть хорошенько, сейчасъ погонитъ. А куришь—покурить дастъ».

Усядемся въ кружòкъ, всѣ закурятъ, и пойдутъ шутки, разсказы о попѣ, попадьѣ, батракѣ и тому под., неудобные, бòльшею частью, для печати. Разсказчикомъ главнымъ былъ безсрочно отпускной солдатъ, Дмитрій. Анекдотовъ онъ зналъ массу и умѣлъ ихъ такъ мастерски разсказывать, что возбуждалъ интересъ во всѣхъ. Странное дѣло: читалъ я, кажется, много, и разсказать бы есть чтò, но я чувствовалъ полнѣйшее безсиліе передъ Дмитріемъ. Непріятное сознаніе, что русскій русскимъ ничего разсказать не можетъ или разскажетъ совершенно непонятно для нихъ и неинтересно. На работѣ Дмитрій бывалъ

всегда веселъ, въ хорошемъ расположеніи духа, похохотать вообще любилъ. Одно только озабочивало его: чтобы не потребовали на службу, и поэтому часто спрашивалъ о ходѣ военныхъ дѣйствій. И пришлось-таки ему идти на службу. На дорогу онъ получилъ только 1 р. 50 к., такъ какъ все жалованье, которое онъ получалъ, шло на содержаніе семьи, состоявшей изъ жены, двухъ дочекъ, одной—грудной, другой—лѣтъ 10-ти, и слѣпой старушки-матери. Въ послѣднемъ письмѣ онъ писалъ, что стоятъ подъ Карсомъ гдѣ-то, слышна стрѣльба изъ пушекъ, скоро-скоро въ бой пойдутъ. Побаивался онъ, должно быть, и непріятно, жутко себя чувствовалъ, такъ какъ на каждой строчкѣ встрѣчается: «молитесь обо мнѣ Богу». Въ томъ же письмѣ онъ спрашиваетъ жену, выжала ли она десятину ржи, что̀ обязалась раньше сдѣлать.

Ходила его жонка въ волость, подавала прошеніе о пособіи, такъ старшина постращалъ ее въ холодную посадить.

— Не вздумай еще въ городъ идти. Вашу братію пускать не велѣно.

Что̀-то давно нѣтъ писемъ отъ Дмитрія. Жаль, если не дошла до Бога молитва слѣпой матери, и какая-нибудь шальная пуля или турецкій штыкъ уложили его на вѣчный покой, отправили въ ту страну, гдѣ не будетъ думаться: «ка̀къ-то поживаетъ жонка съ дѣтками? Кто-то ей дровецъ навозитъ (лошади-то своей нѣтъ)? Гдѣ-то хлѣба достанетъ? Урожай-то плохъ, въ кусочки туго подаютъ». Не будетъ ужь разсказывать о томъ, ка̀къ жидъ на войну собирался и его спрашиваютъ: «Что̀ же ты дѣлать тамъ будешь?» «Какъ что̀? Сражаться. Двухъ-трехъ убью, да и домой приду». — «Ну, а какъ тебя убьютъ?» — «А за что̀? что̀ же я имъ худого сдѣлалъ?»

Останется живъ, руки и ноги будутъ цѣлы — явится опять сюда, пойдетъ размахивать косою, про турку разсказывать. Впрочемъ, можетъ быть, и не услышишь отъ него разсказовъ. Есть у насъ, напримѣръ, отставной солдатъ, участвовавшій въ нѣсколькихъ походахъ, былъ на Кавказѣ, въ Туречинѣ, такъ отъ него никакихъ разсказовъ о прошломъ не слышно. Рѣдко-рѣдко и въ разговоръ вступаетъ.

Услыхалъ онъ разъ, что Петръ разспрашиваетъ, отколѣ вата берется, и говоритъ:

— Знаетъ ли кто, на чемъ вата родится?

— А на чемъ?

— Трава такая есть, вотъ въ родѣ какъ у насъ на низкихъ мѣстахъ родится, бѣлое сверху; сѣется она. Шелкъ вотъ тоже. Знаете ли, изъ чего онъ дѣлается?

— Нѣтъ, не знаемъ.

— Червяковъ взанарокъ содержатъ; деревья для нихъ садятъ, кормятъ. Червякъ-то, и завертывается, вотъ какъ иногда на древахъ здѣсь бываетъ. Потомъ это и разматываютъ.

— Мы этотъ Карсъ брали ужь, да опять назадъ отдали, сказалъ онъ, услыхавъ, какъ я сообщалъ о побѣдѣ подъ Карсомъ.

Разговорился онъ какъ-то разъ, противъ обыкновенія, съ Иваномъ Иванычемъ.

— Ты, говорятъ, въ Карсѣ былъ?

— Нѣтъ, нашъ полкъ не входилъ. Мы только стояли подъ нимъ.

— И въ перестрѣлкахъ бывалъ?

— Случалось, какъ Шмеля усмиряли. Строили мы тогда дорогу. Холодно. Выроемъ ямку, въ серединѣ костеръ разложимъ, уляжемся вокругъ огонька. Уснетъ, бывало кто, шинель сожжетъ, или сапогъ спалитъ. Сколько шинелей пожгли. Всю зиму почитай такъ прожили.

— А харчи каковы были?

— Плохи. Сухари такіе, что жевать нельзя: на половину песокъ. Сухіе — страсть. Разотрешь, разведешь въ водѣ, да и пьешь съ водою-то, чтобы на зубы не попадали.

— Крестъ кавказскій дали тебѣ?

— Нѣтъ. Медаль на егорьевской лентѣ есть.

— Что же, пенсію получаешь?

— Нѣтъ.

— Отчего?

— Просилъ, да сказали, что молодъ, нельзя. Да ужь счастье мое такое. Просилъ, хоть бы сорокъ-то рублей выдали, что̀ на обзаведенье даются безсрочнымъ—старъ, говорятъ—и тѣхъ не дали.

Больше же онъ молчалъ и работалъ. Что̀ онъ въ это время думаетъ—Богъ вѣсть. Лицо окружено густою растительностью; фуражка нахлобучена низко, такъ что лица собственно и не видно: одна борода, на которой ничего не выражается; изрѣдка только шевелится усъ и изъ бороды выползетъ какое нибудь слово. Никогда и никуда не заторопится, ни одного рѣзкаго движенія не сдѣлаетъ: громко слова не скажетъ, выругается — такъ и то не повышая голоса. Хохота его я не слыхивалъ, а улыбку только потому и замѣтишь, что носъ къ бородѣ наклонится, какъ будто разглядѣть ее хочетъ.

Николай Ильичъ назвалъ его какъ-то невзначай «Китаемъ», да такъ и прилипло къ нему это прозвище, и пошли съ тѣхъ

поръ его звать «дядя Китай» даже въ той деревнѣ, гдѣ его семья, и тамъ кàкъ-то узнали, и зовутъ его такъ.

Первымъ по силѣ въ артели былъ рабочій Иванъ, молодой еще парень, лѣтъ 27. Его довольно круглое лицо, окаймленное небольшою бородою, съ узенькими, полузаплывшими, сѣрыми глазами при улыбкѣ, производило непріятное впечатлѣніе. Да и улыбка-то была какая-то насильственная. Первое время, какъ я косилъ съ артелью онъ во время отдыховъ, бòльшею частью, молчалъ, слушалъ, чтò разсказываютъ, похохочетъ, но самъ ничего не разсказывалъ. Забавлялся тѣмъ, что поймаетъ какое нибудь насѣкомое, кузнечика, напримѣръ, и начнетъ угощать сокомъ изъ трубки. Тотъ корчится, а Иванъ смотритъ съ улыбкой, а при особенно сильныхъ конвульсіяхъ насѣкомаго, и захохочетъ. Сказывали, что когда онъ жилъ еще въ своей деревнѣ, ребятишкамъ тамошнимъ бѣда была: чуть только напьется, проходу имъ не давалъ, и тѣ его боялись. Странно, что его не боится сынишка, здоровенный мальчуганъ, лѣтъ трехъ. Собаки его боятся, лошади тоже: самая лѣнивая летитъ, когда онъ правитъ.

Косилъ онъ хорошо: гналъ широкій прокосъ, чисто, неспѣша и какъ будто не уставая. При возкѣ сѣна и снопогъ, онъ накладывалъ больше всѣхъ возы и почти всегда первымъ. На этой работѣ онъ бывалъ веселъ и говорливъ, вѣроятно, благодаря присутствію бабъ, съ которыми любилъ повозиться. Молотилъ превосходно. Вообще, заурядная батрацкая работа ему ни почемъ.

Съ перваго взгляда могло показаться, зачѣмъ такой ловкій и сильный рабочій живетъ въ батракахъ, а не ведетъ своего хозяйства. Было и у него хозяйство, были лошади, корова, все какъ слѣдуетъ, и все прахомъ пошло. Лошадей—одну загналъ, другихъ продалъ, а деньги пропилъ. Пьянство-то у него и было главной причиной, что онъ очутился въ батракахъ. Стòило ему выпить полуштофъ—давай другой, третій, и пьетъ, пока не свалится. Къ тому же, одинъ пить не любитъ: непремѣнно подберетъ компанію и угощаетъ, не жалѣя ничего—чтò ни попадетъ подъ руку, пропьетъ. И это въ какое угодно горячее, рабочее время, лишь бы было на чтò. Въ это лѣто, каждое почти воскресенье напивался. Возьметъ денегъ на сапоги и пропьетъ, кстати и армякъ заложитъ, телегу разъ продалъ, овецъ послѣднихъ, и чтò дали денегъ — пропилъ. Семьѣ ѣсть нèчего, хлѣба нѣтъ, а изъ жалованья тò и захватятъ, чтò харчами заберутъ изъ Дѣдина. Повезъ осенью продавать льняное сѣмя—половины денегъ не привезъ. Станетъ чтò-нибудь говорить жонка—бить ее при-

мется, и бьетъ не на животъ, а на смерть. А въ то же время задѣнь кто-нибудь его жонку—бѣды надѣлаетъ.

Случилось по осени два праздника сряду. Иванъ пропалъ и на третій день пришелъ въ овинъ, когда уже высадили рожь, и пьяный. Заставлялъ староста молотить, не слушается. Стали уговаривать бабы. «Развѣ такіе черти, какъ я, молотятъ?» сказалъ онъ съ какою-то горечью и засмѣялся, но кàкъ-то надтреснуто вышло и оборвалось. Не знаю, откуда явилось у него такое настроеніе, раньше я его такимъ не видалъ. Голова ли трещала отъ двухдневнаго, безпрерывнаго пьянства, или чтò-нибудь горькое думалось — узнать нельзя. Словъ у него нѣтъ для выраженія чувствъ, да еслибъ и были, такъ какъ-то не въ натурѣ русскаго человѣка размазывать.

Совсѣмъ не похожъ на Ивана другой рабочій Павелъ. «Не гляди на него, что онъ мѣшковатъ, носъ башмакомъ, ходитъ бокомъ, не спѣша да почесываясь, онъ вездѣ бабу найдетъ: все будетъ сидѣть коло ее, пока не высидитъ», говорилъ Николай Ильичъ. Павелъ шутилъ и острилъ постоянно, но нельзя сказать, чтобы остроумно, а только смѣшно. Суть его шутокъ въ томъ, что перекувырнетъ какъ-нибудь слово, сдѣлаетъ неправдоподобное объясненіе, сравнитъ несравниваемые предметы. Разсказывать онъ тоже не разсказывалъ, а посмѣяться любилъ. Не глупъ, сметливъ, на работѣ толковъ, но по характеру кàкъ-то безформенъ, дряблъ. Стòитъ ему выпить стакана два водки и онъ не то чтобы опьянѣетъ, а кàкъ-то раскиснетъ. Дѣйствовать прямо и открыто не любитъ. Сошелся онъ съ кухаркой, готовившей кушанье для рабочихъ. Скоро всѣмъ стало это ясно, и, разумѣется начались шутки. Заставить молчать открытымъ протестомъ—не хватало духу, скрыть совершенно—не умѣлъ, а жить открыто—не рѣшался. Онъ только отнѣкивался; на шутки хотя сердится, но сдѣлаетъ видъ, что не понимаетъ или понимаетъ иначе; бòльшею частью смолчитъ, только злобно взглянетъ.

Первыя полторы недѣли косьбы погода была сырая, солнышко рѣдко проглядывало, и цѣлый день стоялъ туманъ; нѣтъ-нѣтъ дождь пойдетъ, а иногда зарядитъ съ утра да до вечера. Не весело было и работать. Я уже попривыкъ косить: той страшной усталы, которую чувствовалъ при началѣ, не было, и я останавливался на прокосѣ только наточить косу, но все-таки косилъ вдвое медленнѣе рабочихъ. Кончатъ тѣ прокосъ, идутъ назадъ и, поровнявшись съ мною, кто-нибудь заговоритъ со мною.

— Чтò, побратимъ, рѣжешь?

— Рѣжу, братъ, рѣжу.

— Востра ли коса? Дай повострю.

Иной возьметъ у меня изъ рукъ косу и попробуетъ покосить.

— Давно ли она клёпана?

— Давно ужъ, третьяго дни.

— Надо побить, плохо рѣжетъ.

— Вотъ ужо̀ попрошу Петра, побьетъ.

Клепать я не умѣлъ, да не пробовалъ и учиться. Сначала хотѣлось добиться того, чтобы чувствовать измѣненія въ наладкѣ косы, чтобы знать что̀, гдѣ и когда нужно поправить.

На работу выходили очень рано: только-что разсвѣтаетъ, солнышка еще не видно, а староста подниметъ уже всѣхъ. Я часто просыпалъ и выходилъ на работу часомъ-двумя позднѣе, благодаря тому, что по вечерамъ долго не ложился спать, по старой привычкѣ. Около девятаго часа утра завтракали, выпивая передъ ѣдой по стаканчику водки, которая была очень кстати. Въ первомъ часу обѣдали, послѣ чего заваливались всѣ спать часа на два. Отдохнувши, опять на работу. Часовъ въ шесть вечера полудновали и затѣмъ работали—пока солнце за лѣсъ—часу до десятаго вечера. Поужинавъ, ложились спать и спали, пока не явится будить староста.

Выскочилъ, наконецъ, хорошій денёкъ. Всѣ отправились разбивать сѣно, лежавшее въ прокосахъ, чтобы высушить, пользуясь хорошимъ днемъ. Ка̀къ ни проста эта работа: ходи съ граблями вдоль валовъ да разбивай сѣно, но все-таки я шелъ далеко позади всѣхъ. Оказалось, что и она требуетъ навыка и сноровки. Около полудня, на небѣ показались тучки, обѣщавшія дождь, почему и начали сгребать сѣно и складывать въ копны. Гресть-то хотя и тихо я могъ, но носить охапки и класть въ копны не умѣлъ.

Наконецъ, настала давно жданная хорошая погода. Въ первое же воскресенье, явилось много поденщицъ, которыхъ и отправили гресть сѣно; послѣ же обѣда, пошли и рабочіе. Работа эта веселая, праздничная; всѣ принаряжены, народу много, и дѣло идетъ живо. Съ одиннадцати часовъ дня, до поздняго вечера посидѣть приходится только во время полудня, за ѣдой, а то все одно и тоже: греби, да носи; не тяжело, но надоѣдливо.

На другой день, сѣно, сложенное въ копны, принялись возить въ сарай. Такъ какъ не было одного изъ рабочихъ, лошадь была свободна, то и мнѣ было позволено возить. Лошадь запрегъ мнѣ Семенъ, я же только вымазалъ телегу дегтемъ. Какъ неумѣющему накладывать воза, мнѣ дана была въ помощницы баба, которая и становилась на телегу укладывать и утаптывать сѣно; я же подавалъ его снизу вилами. Уложивъ $1^1/_2$ копны, я увязалъ возъ

и подалъ возжи топтальщицѣ, которая и поѣхала, сидя на верху воза, я же пошелъ пѣшкомъ.

— Что̀ же ты сюда не лѣзешь?

— Поѣзжай, я и такъ дойду. Вѣдь не шибко поѣдешь, поспѣю.

— Боишься видно?

— Нѣтъ не боюсь, а зачѣмъ же лошади лишнюю тяжесть везть?

Мнѣ не хотѣлось только признаться, а въ дѣйствительности я побаивался: а ну ка̀къ опрокинется телега? Не очень пріятно будетъ летѣть съ верху; къ тому же, на дорогѣ придется переѣзжать черезъ двѣ канавы, долго ли до грѣха? Однако, возъ прослѣдовалъ благополучно до сарая, гдѣ складывалось сѣно. Тамъ шла толкотня отъ раньше пріѣхавшихъ. Каждый возъ живо развязывался, ловко подвертывался и опрокидывался, затѣмъ уѣзжали за новымъ. Сваливши свой возъ, я сталъ въ тупикъ передъ самою простою вещью: ка̀къ связать удобнѣе веревку, и, связавъ кое какъ, вывелъ лошадь изъ сарая, сѣлъ съ поденщицей на телегу и возжи ей отдалъ. Вслѣдъ за другими, мы поѣхали во всю прыть, на которую былъ способенъ нашъ конь; я старался только усидѣть. По дорогѣ еще сносно было, но какъ поѣхали вскачъ по полю, я закаялся и ѣздить, а предпочиталъ послѣ ходить прямою дорогою черезъ овесъ. Каждый старался поскорѣе подъѣхать къ облюбованной имъ копнѣ, живѣе уложить возъ и уѣхать первымъ. Веревка частью распустилась у меня по дорогѣ, а остальное на силу распуталъ, когда пришлось увязывать возъ.

Этотъ день я провозилъ сѣно, но на другой день явился уходившій рабочій, и меня послали въ сарай прибирать сѣно вмѣстѣ съ поденьщицами. Возъ за возомъ въѣзжаетъ въ сарай; развяжутъ, подъѣдутъ половчѣе, затѣмъ трое или четверо становятся съ вилами въ рядъ съ одной стороны, съ другой имъ помогаютъ, и возъ сѣна, въ два-три пріема, черезъ головы рабочихъ, поднимается на нужную высоту, гдѣ я и еще одинъ снимали сѣно съ вилъ и перекатывали его дальше къ бабамъ, которыя и разравнивали. Работа идетъ живо, усиленно; быстро опоражниваются всѣ телеги и отправляются за новыми возами, прибирающіе же отдыхаютъ, пока не подъѣдутъ снова. На верху очень жарко, душно и всѣ мокры отъ пота. При приборкѣ, я наткнулся разъ на вилы и укололъ руку.

Въ одинъ изъ дней уборки сѣна, подаю я въ сараѣ сѣно на верхъ, Иванъ Иванычъ стоитъ тутъ же, разговариваетъ; входятъ въ сарай человѣкъ шесть незнакомыхъ людей. Поговорилъ одинъ

изъ нихъ что-то съ Иваномъ Иванычемъ, и тотъ отправился съ ними по хозяйству: любопытство бабъ возбудилось.

— Кто это? спрашиваютъ онѣ меня.

— Не знаю.

Черезъ нѣсколько времени, они вернулись въ сарай осматривать укладку сѣна. Одинъ, юркій такой, увидавъ вилы, заговорилъ о непрактичности такихъ и что, ему *кажется*, деревянныя, иного устройства удобнѣе. Ушли.

— Нѣмцы, что̀-ли это? говорятъ бабы.

— Нѣтъ, русскіе.

— Что̀ же они, ка̀къ говорятъ?

— По русски же.

— И одѣты то не по нашему. По городски, что̀-ли?

— По городски.

Одна изъ поденьщицъ, *нѣмая*, стала передразнивать жесты толковавшаго о непрактичности вилъ; вышло похоже. Всѣ засмѣялись.

Разсказывалъ про нихъ же послѣ одинъ мужикъ.

— Началъ-было только я косить послѣ обѣда. Подошли они съ бариномъ ко мнѣ; посмотрѣли ка̀къ кошу; потомъ одинъ взялъ у меня косу, попробовать вздумалъ. Вижу—тычетъ въ землю; побоялся, что сломаетъ.

— Дай, говорю, баринъ, поточу... Спасибо отдалъ.

Былъ послѣ Иванъ Иванычъ на постояломъ дворѣ, хозяинъ котораго сообщилъ, что заѣзжали къ нему нѣмцы, какъ называлъ ихъ онъ, которые осматривали хозяйство-де у васъ.

Эти нѣмцы-русскіе, обучающіеся сельскому хозяйству въ одномъ изъ земледѣльческихъ учебныхъ заведеній и пріѣзжавшіе сюда съ однимъ изъ профессоровъ, должно полагать, на *практику*, въ разговорѣ съ Иваномъ Ивановичемъ выражали свое недоумѣніе, чему можно выучиться по хозяйству, работая, какъ обыкновенный работникъ. Говорили, что должно же существовать раздѣленіе труда, что не всѣмъ же работать—нужно кому нибудь и руководить работами.

Соглашаясь на послѣднее, все-таки непонятнымъ кажется, ка̀къ можно руководить, не зная работъ, не умѣя показать никому самаго обыкновеннаго пріема какой нибудь работы. Возможно ли тогда вести какой нибудь новый, незнакомый окружающему люду способъ обработки земли? Развѣ оцѣнишь тогда работу, увидишь, хорошо ли и добросовѣстно она сдѣлана? развѣ будешь знать, сколько, когда, въ какое количество времени можно сдѣлать ее и за какую цѣну? Придется, пожалуй, держать при себѣ помощниковъ, которые бы умѣли и *могли* работать. Не

говоря уже о томъ, что не будешь знать ни натуры рабочихъ, ни ихъ потребностей, что, *какъ люди*, они будутъ совершенно незнакомы такому руководителю, такъ же какъ и языкъ ихъ и понятія—развѣ возможно будетъ при такихъ условіяхъ поставить хозяйство на желаемую ногу, несмотря даже на помощниковъ-мужиковъ, расходъ на которыхъ, все-таки, ляжетъ на хозяйство лишнимъ бременемъ?

Въ два дня все сухое сѣно было перевезено, прибрано, и мы снова отправились косить клеверъ, съ которымъ скоро прикончили и принялись за траву. Я уже поприсмотрѣлся къ порядкамъ, и то сильное впечатлѣніе, которое производило на меня по началу постоянное стремленіе рабочихъ просидѣть безъ дѣла, лишь бы староста или баринъ не видали, значительно сгладилось. Точно, они старались и въ покосъ просидѣть подольше, побольше отдохнуть, чего, конечно, не дѣлали бы, еслибъ работали на себя, но знали и мѣру. Придутъ, напримѣръ, послѣ обѣда косить.

— Закуривай, ребята! Петръ придетъ, не дастъ покурить. Закурятъ и просидятъ съ полчаса; но, принявшись косить, курили только черезъ извѣстное количество прокосовъ, будь это при старостѣ, или безъ него. Иногда староста понажметъ на прокосъ, а иногда и рабочіе, видя, что накосили мало, приналягутъ, чтобы не стыдно было передъ старостой и не дать тому *права* говорить, что плохо работали, хотя это онъ скажетъ, *по обязанности*, всегда. Иногда же чаще садились курить, въ особенности въ дождливую погоду. Разъ, во время отдыха, Петръ прилегъ и заснулъ. Тотчасъ же рабочіе притихли, чтобы не разбудить его, и такъ просидѣли довольно долго. Поднявшись, Петръ, хотя и замѣтилъ, что долго просидѣли, но ничего не сказалъ, кромѣ какъ:

«Курить—курите, да и косить надо!» Кто поступалъ въ артель, тотъ долженъ былъ тянуться за всѣми; каждый смотрѣлъ, чтобы никто меньше другихъ не сдѣлалъ, а не можешь—не становись въ рабочіе. Каждый долженъ пройдти столько же прокосовъ, какъ и другіе; если почему либо остался, то кончи тогда, когда тѣ будутъ отдыхать, и догони ихъ. Рабочій, шедшій впереди, на 1-мъ прокосѣ, дѣлался какъ бы распорядителемъ всѣхъ: отъ него зависитъ скорость работы, когда закуривать и когда приниматься снова за косьбу. Рядъ косцовъ устанавливался такъ, что на лѣвомъ боку были лучшіе косцы, потомъ постепенно хуже и хуже, а на правомъ оказывались самые плохіе. У насъ первымъ шелъ Павелъ, по поводу чего у него было въ началѣ покоса соперничество съ Иваномъ.

При уборкѣ сѣна, каждый долженъ привести то же количество возовъ и даже копёнъ, какъ и другіе; хоть до полночи вози, если не поспѣваешь за всѣми. Работа ведется рьяно, и если у кого завалится возъ на дорогѣ, того изругаютъ какъ нельзя хуже за задержку работы: не умѣешь наложить воза — не нанимайся въ рабочіе, не возить за тебя другимъ.

Помню такой случай съ Петромъ: разъ, вечеромъ, ему хотѣлось на послѣдніе воза забрать все оставшееся на лугу въ копнахъ сѣно; приходилось, почитай, по двѣ копны на брата. Желая самъ взять двѣ копны, онъ позвалъ меня—я тутъ на грѣхъ подвернулся—топтать. Уложили; копны попали большія, и возина вышелъ громадный. При увязкѣ, сбился на одинъ бокъ; поправляли, поправляли, а все-таки того и гляди завалится, но дѣлать нечего, не перекладывать. Я влѣзъ наверхъ воза, чтобы перемѣстить своимъ вѣсомъ центръ тяжести, а Петръ повелъ подъ узцы лошадь. Поѣхали; душа у меня въ пятки ушла. Немного было осталось ѣхать до мѣста, пришлось спускаться съ горки, колесо съ той стороны, которая нависла, и попади въ рытвину; возъ на бокъ, меня чуть не закинуло въ рожь... Представьте себѣ положеніе Петра, который только-что передъ этимъ ругалъ одного рабочаго, что тотъ, заваливъ возъ, задержалъ другихъ. Попробовали было мы вдвоемъ поднять, да непосильно. Подъѣзжаютъ рабочіе, и еще издали слышно, что хохочутъ надъ нами, а выруганный раньше злорадно кричитъ: «Что̀! самъ завалилъ!» Всѣ шутятъ, хохочутъ, а Петру и осердиться нельзя. Подняли возъ, перетянули, часть сложили на другой и поѣхали.

Покосъ—самая горячая пора, въ которую нельзя терять ни минуты. Рабочіе знаютъ это и сознаютъ свою силу. Въ обыкновенное время, что̀ и когда бы староста ни приказалъ, прекословить ему не будутъ и сдѣлаютъ; поворчатъ подъ носъ, будутъ дѣлать нехотя, но все-таки сдѣлаютъ; въ покосѣ же—не то̀. Выдался разъ отличный денёкъ. Съ ранняго утра пошли косить, захвативши и грабли, чтобы сначала косить, а, чуть сойдетъ роса—разбивать валы. Покосили; вода пообсохла, и подошло время завтрака, а Петръ заставляетъ еще по покосу пройдти. Прошли. За тѣмъ Петръ думалъ было заставить разбивать ряды, но не тутъ-то было: рабочіе—косы и грабли на плечи и домой—завтракать. Такая же исторія повторялась и послѣ иногда. Въ условіи при наймѣ хотя и говорится, что съ работы, безъ дозволенія старосты, не уходить, но до условій ли въ покосѣ, да еще когда ѣсть хочется.

Подошла жатва. Жницъ явилось много, и поле скоро оголилось. Послѣ проскочившихъ-было дождей наступила сухая погода, почему и принялись за возку сноповъ. Я не возилъ, а прибиралъ снопы съ поденщицами на хлѣбномъ дворѣ. Приборка состояла въ томъ, что на землю сначала становился стоймя рядъ сноповъ верхъ колосомъ, затѣмъ на этотъ рядъ и накладывались снопы въ лежку. Я и еще рабочій подавали снопы, а бабы укладывали. Кладка постепенно становилась выше и выше, и подъ конецъ ея пришлось кидать снопы на высоту $1^1/_2$ саженъ. При возкѣ сноповъ является опять таже живость, тоже соревнованіе между рабочими, что̀ и при возкѣ сѣна. Петръ и Иванъ привезли двумя возами больше, чѣмъ каждый изъ остальныхъ, а самый плохой—вдвое больше, чѣмъ Васильичъ, который обладаетъ силою бо̀льшею, чѣмъ кто-либо изъ артели. По крайней мѣрѣ, онъ перетянулъ на палкѣ Ивана, который за то его и побаивается; въ другой разъ, боровшись съ Павломъ, легко перекинулъ того черезъ себя. Несмотря на такую силу, незнаніе пріемовъ, которые вѣками выработались у крестьянъ, неимѣніе сметки и способности приспособляться въ каждомъ данномъ случаѣ заставляли его оставаться далеко позади.

При возкѣ сноповъ у насъ появился новый полевой работникъ — женщина. Высокаго роста, плотно сложенная, некрасивая, говоритъ рѣзко и крикливо («такая ужъ у меня гово̀рка: я и не сержусь, а выходитъ будто съ сердца»), держитъ себя независимо.

— Я ее давно запримѣтилъ разсказывалъ Николай Ильичъ:— былъ ка̀къ-то въ деревнѣ, тутъ недалеко; вижу баба пашетъ, и отлично пашетъ; недалеко отъ ее мужикъ тоже пашетъ. Не заладилось что̀-то у мужика, закричитъ какъ на него баба, подошла, учитъ; загоняла совсѣмъ. Любопытно мнѣ это показалось, спросилъ въ деревнѣ, что̀ это за баба. Батрачка, говорятъ, того мужика, да она его шпыняетъ. Жила она раньше на постояломъ дворѣ кухаркой, я и тамъ справился.—Хвалятъ. Понадобилась послѣ намъ въ застольную кухарка, она и перешла.

Въ кухаркахъ Марья ужилась, однако, недолго: поссорилась съ женою старосты Петра, а та имѣетъ сильное вліяніе на своего мужа. Къ тому же, рабочіе были недовольны ею, хотя она готовила чисто, вкусно, умѣла разнообразить столъ изъ тѣхъ матеріаловъ, какіе давались. Крестьяне изъ сосѣдней деревни увѣряли, что Марья слово знаетъ и поэтому хлѣба на каждаго человѣка въ застольной выходитъ меньше, чѣмъ у нихъ въ семьяхъ, а не оттого, что варево лучше. Рабочіе недовольны были, вѣ-

роятно, тѣмъ, что она держала себя строго, не давала уносить съ собою хлѣба, а приходи и ѣшь. Обѣдать давала всѣмъ вмѣстѣ и въ опредѣленное время, такъ же и завтракъ; опоздавшему не по дѣлу не давала ѣсть одному и ругалась. Начались мелкіе, неуловимые подкопы, противъ которыхъ не убережешься: чуть хлѣбъ плохо испеченъ — къ барину съ жалобой, въ воровствѣ уличали; но факты были такіе, что ничего не доказывали, а то, что продуктовъ выходило менѣе, чѣмъ у предыдущей кухарки— это говорило за нее. Преслѣдованія, придирки на каждомъ шагу, ругань доняли таки ее, наконецъ: она явилась къ барину и сказала, что доживетъ только до году, до срока, а дальше не можетъ, и просила пріискать другую крхарку. Иванъ Иванычъ назначилъ ее въ подойницы, и хотя это уже пониженіе—не по жалованью (жалованье одно и то же 2 р. въ мѣсяцъ), а по должности—но Марья осталась, несмотря на то, что ее снова приглашали на тотъ постоялый дворъ, гдѣ она жила раньше. На скотномъ дворѣ, гдѣ подойница, жена Петра, тоже была ея врагомъ, преслѣдованіе не прекратилось: наговоры, сплетни, ругань сыпались безостановочно. Кто-то отрѣзалъ хвостъ у лошади, на которой она возила молоко, это считается оскорбленіемъ и ставилось въ укоръ Марьѣ. Несмотря на это, Марья жила, дѣлала свое дѣло, отругивалась, смѣялась и держала себя какъ ни въ чемъ не бывало, не мѣняя своихъ рѣзкихъ манеръ и ничѣмъ не поступаясь. Лѣтомъ нынче приходилось убавить подойницъ; Иванъ Иванычъ спросилъ ту, которая играетъ роль хозяйки на скотномъ дворѣ, которой отказать, указали на Марью. Назначили Марью въ полевыя работницы—еще пониженіе—но она ни слова противъ и принялась за работу; да еще какъ принялась! Снопы возила заурядъ съ Павломъ, первая за Петромъ и Иваномъ; ни одинъ возъ не завалился, каждый отлично уложенъ и отлично связанъ. Рабочаго, что̀ обучалъ меня курить, положительно загоняла, забила.

Послѣ возки, ее поставили перепахивать сохою подъ рожъ— пахала и соху налаживала, что̀ не всякій мужикъ сдѣлаетъ. Косить умѣетъ. Жаль, не пришлось мнѣ увидать ее заурядъ съ артелью, да думаю, что согналась бы.

За какую бы работу она ни взялась — каждую дѣлаетъ чисто, отчетливо, толково. Да и не мудрено: чуть не съ 12-ти лѣтъ она пошла на работу, а умомъ и силой Богъ не обидѣлъ. Замужъ вышла молодою и, вѣроятно, натерпѣлась съ мужемъ горя: ревнивый былъ страшно. Разсказывала она какъ-то разъ:

«— Бывало, на пригонѣ возишь съ нимъ сѣно, такъ стану прибн-

рать наверху; молодые парни тамъ видятъ, что мужикъ злится, сердится, самъ не въ себѣ, на смѣхъ примутся со мной баловать; я и не рада: знаю, что послѣ достанется. Того стукнешь, другого—не отстаютъ. Сбросятъ, бывало, къ нему на возъ, онъ клочить примется. Ужъ такъ отъ его доставалось; не въ терпёжъ пришлось! Молотили разъ на току; поставили меня ребята молодые въ свою вятку, балуются; онъ злится, ничего подѣлать не можетъ; они хохочутъ, а мнѣ не до смѣху. Отмолотили—мужъ ко мнѣ, да какъ цѣпомъ стукнетъ. И больно-то, и зло-то меня взяло... Ловко ка̀къ-то пришлось—подмяла я его подъ себя, держу за глотку, спрашиваю: «Будешь ты, будешь?» Возится онъ, «пусти, говоритъ, пусти!»—«Не пущу. Скажи, что̀ не будешь больше драться!» Давлю за глотку, хрипѣть началъ. Поворочался, поворочался, видитъ, что не вывернуться. «Не буду», говоритъ. «Побожись!» Побожился—отпустила. Самой стыдно стало, смѣются всѣ, да зло ужь больно взяло. Съ тѣхъ поръ и не билъ. Попробовалъ въ тотъ день дома, да я не далась.

Была у нея дочка, умная дѣвочка.

«— Жили мы у купца, такъ бывало видитъ, что мнѣ не управка—самоваръ поставитъ, посуду вымоетъ. «Да разобьешь, вѣдь, ты»—скажешь».—«Нѣтъ, мамочка, я потихоньку, не разобью». Девяти годочковъ померла, больно жаль.

Рабочіе относятся къ ней съ уваженіемъ, и ставятъ, какъ работника, высоко. Нѣтъ у нея стремленія «стереть» время, какъ у батрака, взяться за пустяшное дѣло и показывать видъ, что работаешь. Донимала она многихъ этимъ: чуть увидитъ, что кто-нибудь безъ пути толчется, прикрикнетъ и укажетъ дѣло. Иной и самъ видитъ, за что̀ взяться, да авось сдѣлаетъ кто-нибудь другой; огрызнется такой, выругается, но все-таки примется за дѣло.

Вообще Марья—женщина далеко не заурядная: умная, выносливая, съ замѣчательной выдержкой и стойкостью; она гордится тѣмъ, что дѣлаетъ все старательно, добросовѣстно и хорошо. Много она видѣла всякихъ невзгодъ на своемъ вѣку, а и теперь постоянно въ хорошемъ расположеніи духа, работаетъ наравнѣ съ мужчиной, находитъ время для шутокъ, пѣсенъ. Куда бы ни толкнула ее судьба, вездѣ найдется, не будетъ ныть и плакаться, а примется сейчасъ же за дѣло.

Не знаетъ она, что много женщинъ бьется, плачется, весь вѣкъ толкуетъ о томъ, что имъ ходу не даютъ, не даютъ приложить своихъ силъ къ *полезному* дѣлу. Не поняла бы она этого; неужели, молъ, запрещаютъ имъ готовить кушанье, напримѣръ,

ходить за коровами, доить ихъ, выпаивать телятъ, огородомъ заниматься, жать, молотить и т. д. Или это—дѣло *вредное*. А можетъ быть, что для нихъ это—дѣло *грязное*, да *трудное*, такъ развѣ не найдется при хозяйствѣ дѣла полегче и чище? Стоитъ только искать съ открытыми глазами, а не *толковать* о полезныхъ большихъ дѣлахъ.

Все время косьбы погода стояла отличная.—На небѣ ни облачка; солнце печетъ съ утра до ночи. До завтрака косили; послѣ завтрака роса сохнетъ, и поэтому принимались разбивать валы и гресть. Если являлось много поденьщицъ, то часть рабочихъ косила. Меня, какъ плохого косца, отряжали къ бабамъ. Скоро принялись и за уборку. Сѣнной сарай стоялъ тутъ же на лугу и состоялъ изъ крыши, поставленной на столбахъ, безъ стѣнъ. Уборка шла живо: лошадь подводилась къ копнѣ; веревкою, привязанною къ хомуту, обхватывали копну снизу, другая веревка шла черезъ верхъ копны. Увязываютъ моментально, баба ведетъ лошадь подъ узцы, и копна волочится стоймя по скошенному лугу, мало очень разстрясываясь, прямо въ сарай. Поставивъ такимъ образомъ нѣсколько рядовъ копенъ въ одномъ звенѣ сарая, сѣно поутоптали, сровняли, и лошадь съ копною вводилась на сѣно и выводилась на другую сторону сарая, копна же ставилась гдѣ угодно. Этотъ невиданный ни мною, ни Васильичемъ способъ уборки сѣна привелъ послѣдняго въ такой восторгъ передъ изобрѣтательностью мужика, что онъ и руками всплеснулъ и расхохотался.

Васильичъ, какъ я уже говорилъ, обучался въ земледѣльческой школѣ, раньше же учился въ бурсѣ. Не желая сдѣлаться чиновникомъ въ какомъ-то ни было видѣ и подъ какимъ бы то ни было названіемъ, онъ додумался до того, что, послѣ обстоятельной переписки, пріѣхалъ къ Ивану Иванычу и поступилъ въ рабочіе на обыкновенныхъ условіяхъ, т. е. за извѣстную плату дѣлать, что ни прикажутъ, желая выработать въ себѣ все то, что требуется для того, чтобы земледѣліе служило или, вѣрнѣе, доставляло средства для жизни, такъ какъ средствъ у него никакихъ нѣтъ. Первая работа, какую ему дали, была рѣзка соломы для скота, и въ этой работѣ выказалась его громадная сила, такъ что всѣмъ стала ясна возможность сдѣлаться ему рабочимъ. Потомъ заставили городить изгородь; взявшись за это горячо, онъ страшно сбилъ руки: мозоль на мозолѣ. Когда я пріѣхалъ, онъ уже пахалъ плугомъ и скоро сталъ вспахивать десятину въ четыре дня, какъ и обыкновенный рабочій, хотя и не такъ хорошо. Пахата продолжалась почти до покоса. Въ промежутокъ строилъ

мостъ вмѣстѣ съ другими. Косить началъ въ одно время со мною. Ему хотѣлось поскорѣе выучиться всему, что касается косьбы, почему онъ сталъ было самъ налаживать косу, самъ ее клепать, но такъ какъ при худой наладкѣ косить—мука, то онъ бросилъ и свелъ дружбу съ Павломъ. Павелъ клепалъ и насаживалъ ему косу, даже и точилъ ее, но для этого ему нужно было при косьбѣ идти сейчасъ же за Павломъ, значитъ—вторымъ въ ряду косцевъ, что̀ и дѣлалъ онъ подъ конецъ покоса. При уборкѣ сѣна и сноповъ, онъ возилъ все время и, конечно, самъ запрягалъ и ходилъ за лошадьми. Съ лошадями былъ смѣлъ необыкновенно, и при ловлѣ ихъ ему бы только за гриву ухватить, а тамъ дѣлай что̀ хочешь—не уйдетъ. Разъ осенью, ухватилъ онъ лошадь, та его поволокла, перепрыгнула черезъ довольно широкую канаву; только ногами стукнулъ Васильичъ, но не упустилъ. Въ ночное ходилъ заурядъ съ другими. Молотить ему довелось мало, подошла осенняя вспашка, на которую его и поставили; изо-дня въ день, въ продолженіи цѣлаго мѣсяца, онъ и пахалъ.

Выкосивъ лугъ около рѣки, перешли въ ровъ, тянувшійся отъ хутора черезъ лѣсъ версты полторы. На каждомъ прокосѣ сначала приходилось спускаться съ горы, иногда довольно крутой, потомъ нѣсколько по низинѣ около ручейка, гдѣ случались и топкія мѣста, потомъ—въ гору. Работа производилась такъ же какъ и въ другихъ мѣстахъ. Донимали иногда муравьи, отъ которыхъ въ особенности доставалось мнѣ. Ходилъ я тогда въ башмакахъ, обутыхъ на босу-ногу. Срѣжу кочку, въ которой находилось ихъ гнѣздо, не разглядѣвъ ихъ, ступлю и замѣчу только тогда, какъ почувствую боль отъ ихъ обжоговъ.

Погода перемѣнилась и почти все время покоса во рву стояла сѣрая, невеселая. По цѣлымъ днямъ стоялъ какой-то туманъ, иногда мелкій дождикъ или просто изморозь. Холодный, рѣзкій вѣтеръ, да еще при сырости, давалъ себя чувствовать. Рѣдко-рѣдко выдавался ясный денекъ. Послѣдній день покоса выдался тоже холодный и дождливый. Передъ обѣдомъ усѣлись вокругъ разведеннаго огня и закурили, въ ожиданіи ѣды, которую должны были скоро принести. Васильичъ предложилъ мнѣ отправиться домой и тамъ попить чайку и пообѣдать. Ушли, а вслѣдъ за нами и староста Петръ. Пообѣдавъ, Петръ остался, а мы возвратились и нашли рабочихъ, сидящихъ еще около огонька. Присѣли и закурили.

— Мы тутъ толковали: хорошо бы выпить теперь, началъ одинъ изъ рабочихъ.

— Да, не дурно бы.

— Ну, вотъ, я говорилъ, что согласны будутъ!

— Отчего не согласиться? Погода такая, что очень бы кстати!

— А я бы штофъ поставилъ, только чтобъ въ ночное мнѣ не ходить. Какъ ужь вы знаете, такъ и сдѣлаетесь.

— Ладно, ставь; мы сдѣлаемся.

Деньги далъ откупавшійся въ ночное, а Иванъ согласился сходить за водкой.

— А если придетъ баринъ, да спроситъ Ивана?

— Скажемъ, что изъ деревни приходили: жена родила, такъ отпустили.

Иванъ ушелъ, мы-же принялись за работу. Пить порѣшили только тогда, какъ выкосимъ остававшееся пространство. Работа закипѣла. Всѣми овладѣло какое-то особенное одушевленіе. Выкосивъ довольно много, наскоро покурили и снова за работу. Дѣло живо подвигалось. Почти къ самому концу пришелъ Иванъ съ бочонкомъ подъ полою и стаканомъ въ карманѣ, весь мокрый, въ поту. Ему пришлось сдѣлать верстъ 15, такъ какъ онъ зашелъ сначала домой, въ свою деревню за посудой, потомъ въ ближней деревнѣ, гдѣ онъ разсчитывалъ достать водки, ея не было, съ пустомъ ворочаться не захотѣлось, онъ и махнулъ въ село. Проходилъ онъ немного развѣ болѣе двухъ часовъ. Пока Иванъ раскладывалъ огонь, мы прикончили остававшійся не выкошеннымъ кусочекъ. Кончили, усѣлись около огонька, и началась попойка. Каждый выпивалъ по два стакана и передавалъ слѣдующему. Выпили, закусили ботвиньей съ хлѣбомъ и снова выпили. Конечно, въ головахъ сейчасъ же зашумѣло. Начались изліянія, угощенія другъ друга; четверть скоро прикончили, и всѣ опьянѣли, несмотря на то, что пришлось понемногу. Пило человѣкъ десять, но съ устатку и на тощій желудокъ подѣйствовало быстро. Пѣсни запѣли; въ плясъ пустились. Время-жь шло, да шло: стемнѣло. Пошли домой; многіе пошатываются.

У семейной встрѣчаетъ скотникъ, ругается и посылаетъ скорѣе вытаскивать лошадь, завязшую въ болотѣ. Завязла она еще съ обѣда; пробовали вытащить до насъ, да сила не беретъ. Иванъ не утерпѣлъ-таки и поднялъ ругань со скотникомъ, за то, что тотъ гонитъ, не давъ косы прибрать, да еще и бранится. Шумъ необыкновенный. Иванъ Иванычъ сидитъ у окна, выходящаго на дворъ. Отправились къ лошади. Я пришелъ послѣ и увидалъ, что между рѣденькими кустиками, около бѣлѣющей въ темнотѣ лошади, которая хрипитъ, копошится народъ на пространствѣ двухъ квадратныхъ саженей. Мѣсто топкое, нога почти до колѣна уходила въ грязь. Подвыпившій народъ, ничего не

разбирая, лѣзетъ въ грязь; не жалѣя ни одёжи, ни силъ, хлопочетъ и кричитъ.

— Бери дружнѣе... Бери... Тащи за веревки.

— Вали на бокъ!

— Зачѣмъ валить. Тащи такъ!

— Отрывай ноги. Я одну почитай отрылъ.

Руками откопали грязь около ногъ лошади, и кто за веревки, протянутыя подъ брюхо у нея, кто за ноги, кто за хвостъ—вытянули наконецъ.

Пришли въ семейную—всѣ въ грязи. Пообмылись, пообтерлись и сѣли ужинать. Иванъ и за ужиномъ продолжалъ переругиваться со скотникомъ. Всѣмъ, конечно, было ясно, что мы пили. Васильичъ, не дождавшись конца ужина, ушелъ въ молочную, гдѣ и сталъ его распрашивать Петръ. Вмѣсто того, чтобы молчать, Васильичъ сказалъ, что это мы угощали рабочихъ. Петръ такъ и доложилъ барину. Только-что я успѣлъ потомъ войдти въ молочную, какъ вслѣдъ за мною вошелъ Иванъ Иванычъ и—прямо къ Васильичу.

— Скажите, пожалуйста, что̀ у васъ тамъ вышло?

— Ничего, только выпили.

— Вы, что̀ ли, ихъ угощали?

— Да, мы.

— Я прошу васъ этого никогда не дѣлать! Угощать на работѣ никто не имѣетъ права, кромѣ хозяина. Двухъ хозяевъ быть не должно. Этого никакъ нельзя. Если они сами, въ складчину, выпили, то лишаются порціи въ воскресенье. А такъ нельзя это—безпорядокъ!

Этою выпивкой и закончился покосъ. Началась молотьба. У меня и Васильича цѣпъ былъ въ первый разъ въ рукахъ. У меня, впрочемъ, сохранилось слабое воспоминаніе, ка̀къ, бывая осенью въ гостяхъ у дѣда въ деревнѣ, я бралъ иногда цѣпъ, глядя на большихъ, и баловался. То странное ощущеніе, которое, вѣроятно, испытываетъ всякій, кто возьметъ въ руки орудіе, обращеніе съ которымъ незнакомо, испытывалъ и я, когда дѣлалъ первые удары цѣпомъ. Я, Васильичъ и Петръ стали на отдѣльный рядъ и никакъ не могли уладить, чтобы ударять врозь, все приходилось двоимъ вмѣстѣ. Къ тому же, оба мы съ непривычки сильно нагибались и неумѣло-усердно ударяли, почему очень скоро страшно заболѣла спина. Только этотъ рядъ мы и дошли, такъ какъ появилась болѣе подходящая для насъ работа—переворачивать снопы, на которую насъ и поставили. Въ каждомъ ряду, идущемъ вдоль посада, укладывалось 200—250 сноповъ, такихъ

рядовъ 4—5. По каждому ряду «вятка», состоящая изъ 4 хъ человѣкъ, двухъ бьющихъ по колосу и двоихъ—по гузну (комлю) сноповъ, проходила до поворачиванія разъ до конца посада и назадъ, и послѣ поворачиванія—тоже. Когда прошли во 2-й разъ по одному изъ рядовъ, то Васильичъ началъ рѣзать серпомъ каждый снопъ на 2 части: комель въ одну сторону, подколосокъ—въ другую. Попробовалъ было и я также, но не смогъ, почему Петръ и далъ мнѣ топоръ, которымъ я и перерубалъ, подкладывая подъ снопъ досчечку. Но такъ дѣло подвигалось медленно, почему Петръ и посовѣтовалъ мнѣ снова взяться за серпъ, что̀ я и сдѣлалъ. На этотъ разъ я приспоровился, и дѣло заладилось. Понятно, что работалъ я, наклоняясь, и ноги сильно уставали, такъ какъ одною изъ нихъ приходилось прижимать снопъ къ току въ то время, какъ его перерѣзаешь; рука, сжимавшая серпъ, въ особенности пальцы, тоже сильно уставала. Какъ у меня, такъ и у Васильича, отъ наклоннаго положенія и отъ усилій кровь приливала къ головѣ. Насадивши овинъ, сходили позавтракать, потомъ стали отбивать солому. Я не брался за цѣпъ, такъ какъ это было безполезно, и глядѣлъ, ка̀къ другіе работали. Удивительно ловко они это дѣлаютъ: трое били поперекъ, а четвертый вдоль соломы; первые трое отлично ладили, никогда не ударяя въ разъ, интервалы между каждымъ ударомъ одинаковы; четвертый же бьетъ гораздо рѣже и съ бо̀льшею силою, и ловко подбрасываетъ солому, а если попадется снопъ съ неразрѣзаннымъ вязьмомъ, то учащенными, метко направленными ударами сбиваетъ его и разбиваетъ снопъ. Отбивши — перебираютъ граблями, потомъ охапками кладутъ на возжи, разостланныя по току большою петлею, затягиваютъ и получившееся «беремо» несутъ на спинѣ, куда нужно. Принялся и я укладывать беремо, но вышло неудачно: солома стала расползаться, какъ я увязывалъ, а, поднявъ на спину, я не прошелъ и пяти шаговъ, какъ беремо разсыпалось. Видя, что отъ меня никакой пользы приноскѣ соломы не будетъ, Петръ послалъ меня на хлѣбный дворъ—прибирать ту, которую принесутъ другіе. Приборка состояла въ томъ, что беремо втягивалось на прежде положенную солому, гдѣ я передавалъ его Семену, или клалъ гдѣ удобнѣй. Такимъ образомъ, пришлось втащить беремъ 25—30. Также прибирался мною и подколосокъ. Затѣмъ, я мало принималъ участія въ работѣ, пока не свезли все въ одну груду къ вѣялкѣ. Вѣялка обыкновенная, ручная, и приводить ее въ движеніе сталъ я и женщина, пришедшая взять ржи на сѣмена. Перевѣяли, отсыпали бабѣ три

мѣрки, та взяла на плечи и понесла въ свою деревню. Остальное всыпали, мѣряя осьминою, въ мѣшки, положили на лошадь и привезли къ амбару. Васильичу ничего не стòило снести мѣшокъ отъ телеги къ закрому, но я боялся попробовать, думалъ что не смогу, тѣмъ болѣе, что приходилось подниматься по лѣстницѣ. Поэтому, я взлѣзъ на телегу и, поднимая мѣшки, ставилъ на облучекъ, чтобы удобнѣй было брать носящимъ.

Послѣ, когда молотили овесъ, я носилъ въ амбаръ мѣшки съ овсомъ, вѣсящіе пуда два съ половиной, и хотя поднималъ и держалъ такой мѣшокъ на плечѣ легко, но, неся его, долженъ былъ дѣлать усилія, чтобы идти, не пошатываясь.

Помолотивши съ недѣлю рожь, взялись за лёнъ. Въ первый день молотитьбы льна я пришелъ въ овинъ рано утромъ вмѣстѣ съ рабочими. Петръ вручилъ мнѣ валёкъ, какимъ обыкновенно колотятъ прачки бѣлье на рѣкѣ. Посмотрѣвъ, чтò дѣлаютъ другіе, я увидалъ, что каждый беретъ сноповъ 10—15, только-что скинутыхъ съ садки и еще теплыхъ; потомъ садится на току, кладетъ одинъ снопъ на токъ и бьетъ валькомъ по головкамъ. Трофимычъ взялъ доску и на ней разстилалъ снопы; посовѣтовалъ и мнѣ тоже сдѣлать. Отыскавъ дощечку, я усѣлся. Сухіе снопы отбиваются скоро, но попадетъ сырой, бьешь-бьешь его, колотишь-колотишь—терпѣнье лопнетъ. Кàкъ ни проста эта работа, но и она требуетъ много привычки и сноровки. Петръ, напримѣръ, могъ намолачивать больше каждаго изъ рабочихъ; Васильичь, несмотря на то, что сильнѣе Петра, меньше; я же—двѣ трети того количества, которое намолачивалъ среднимъ числомъ каждый. Отбитые снопы отвозились для разстилки на лугъ, пока насаживали овинъ; а головки били цѣпами и свозили въ груду къ вѣялкѣ, которую крутить становился я постоянно.

Въ то время какъ шла молотьба льна, у Ивана родила жена и онъ пригласилъ меня въ кумовья. Въ первое же воскресенье я и отправился съ кумою въ село. Священника еще не было въ церкви, около которой и сидѣла, на мѣстѣ, гдѣ пригрѣвало сòлнышкомъ, кучка мужиковъ. Скоро пришелъ священникъ, потребовалъ чернилъ и бумаги, записалъ чтò нужно, сказалъ, кàкъ назоветъ, тѣмъ же именемъ назвалъ другого ребенка, принесеннаго тоже крестить, далъ молитву и окрестилъ за однимъ разомъ троихъ. Мы отстояли обѣдню; кума причастила ребенка и затѣмъ поѣхали въ Иванову деревню. Ивана не было дома, уходилъ встрѣчать насъ, но вскорѣ пришелъ вмѣстѣ съ Алексѣемъ, безсрочно отпускнымъ солдатомъ. Этого Алексѣя я видалъ раньше, когда онъ приходилъ на поденщину въ Дѣдино. Бойкій, рѣчи-

стый, ловкій, неглупый и бывалый человѣкъ, онъ смотритъ на себя, какъ на что̀ то высшее, чѣмъ мужикъ. Съ женщинами обращается круто и любитъ поразсказать объ этомъ—бить, дескать, покрѣпче нужно, учить. Однако, успѣхъ у нихъ онъ имѣетъ, причемъ, вѣроятно, не малую роль играетъ то, что онъ недурно поетъ и знаетъ много пѣсенъ, незнакомыхъ въ этой мѣстности.

Пришли они, и сейчасъ же стали садиться за столъ — обѣдать. Кушанья подавала баба, которая принимала. Сначала были щи, вкусно приготовленныя, передъ которыми выпили водки. Выпилъ Иванъ, потомъ поднесъ женѣ, бывшей ужь на ногахъ, хотя только въ пятницу вечеромъ родила, потомъ мнѣ и кумѣ. Послѣ щей — картофельница, и передъ нею опять выпили. Потомъ курица, которую Иванъ разрѣзалъ и частью разорвалъ. Выпили и съѣли. Подала баба кашу и закрыла платкомъ, не давая открывать, пока каждый не положилъ нѣсколько денегъ. Это и служитъ платою бабкѣ. Пока мы ѣли кашу и молоко, баба изготовила яичницу для насъ троихъ: жены Ивана, кумы и меня. Передъ яичницей происходило прощаніе. Сначала кумамать поднесла мнѣ стаканъ водки и полотенцо, со словами:

— Прощай, кумъ.

— Прощай, кума! отвѣчалъ я.

Поцѣловались. Я выпилъ водку и опустилъ въ стаканъ деньги, которыя и вынула кума, выпивши прежде изъ него же водки. Потомъ точно также простились и съ крестною кумою.

Кончили со льномъ—за овесъ принялись. Въ вятку я не становился, такъ какъ не надѣялся выдержать, хотя и успѣлъ ужь мало-мальски ознакомиться съ цѣпомъ. Иногда, впрочемъ, становился и въ вятку, отбивать солому; руки и спина уставали не такъ уже сильно, какъ первый разъ, но на цѣлое утро едвали бы меня хватило. Для меня находилась другая работа: ворочать снопы, прибирать солому, при насадкѣ—подавать снопы въ окошко, крутить вѣялку. Послѣдняя работа сдѣлалась моею спеціальностью. Рожь вѣялась довольно скоро, овесъ немного медленнѣе, но зато ленъ — донималъ. Совершенно однообразно вращаешь колесо за ручку и въ началѣ думаешь о постороннихъ предметахъ, но скоро мысль привязывается къ вѣялкѣ. Посмотришь на стѣну—увидишь тѣнь движущейся рукоятки и начнешь соображать, по какой кривой она двигается, составляешь ея уравненіе. Неровный стукъ движущихся частей заставляетъ думать, что̀ попорчено, гдѣ неправильная передача. Пыль, между тѣмъ, летитъ и лѣзетъ въ носъ, въ ротъ, всюду. Стараешься вычислить объемъ и скорость воздуха, проходящаго въ вѣялкѣ, а руки по-

степенно устаютъ и устаютъ, еще больше устаютъ нервы отъ однообразнаго движенія. Начинаетъ думаться: скоро ли конецъ? Стараешься взглянуть черезъ вѣялку, велика ли груда остается, но ничего не видно; забѣжать посмотрѣть стыдно. Стараешься сообразить по грудѣ свѣяннаго, сколько остается: надоѣдаетъ. Скучно становится. Посмотришь на сотрудника, и онъ кланяется, и ты кланяешься, такъ что и смотрѣть долго нельзя, глазамъ больно. На лицѣ у него мало что̀ увидишь, кромѣ утомленія; навѣрное, и у него въ головѣ вертится: «много ли же осталось?» Разъ я все время считалъ обороты рукоятки, перемѣняя руку черезъ сотню. Послѣ 3-хъ тысячъ оборотовъ, руку нужно было перемѣнять раньше, на 5-й тысячѣ я мѣнялъ руки черезъ 50—60 оборотовъ. Всѣхъ пришлось сдѣлать около 6000 оборотовъ. Хороша гимнастика. Какое удовольствіе зато испытывалось, когда насыпа̀вшій кричалъ: «стопъ».

Во время молотьбы овса, Петръ уѣхалъ по дѣламъ хозяина, старостою же надъ нами сталъ Николай Ильичъ, про страсть къ охотѣ и любовь природы котораго я уже говорилъ. Очень умное лицо у Николая Ильича: продолговатое съ черными бровями, изъ подъ которыхъ смотрятъ умные, пытливые глаза; между бровями легла глубокая складка, да и на всемъ лицѣ много бороздъ, говорящихъ, что много этотъ человѣкъ прожилъ, видѣлъ, продумалъ. Говоритъ обдуманно, не зря и размѣренно; разсуждаетъ логично, и если что̀ скажетъ, то можно быть увѣреннымъ что не на вѣтеръ.

Баринъ у него былъ мелкопомѣстный, хозяйкою же—собственно барыня, которой принадлежало имѣніе. Баринъ любилъ выпить, погулять, почему барыня всякій разъ, какъ ѣхалъ куда-нибудь баринъ, отдавала его на попеченіе Николаю: должно быть, и тогда ужъ былъ человѣкъ основательный. Николай любилъ своего барина, который былъ тоже страстный охотникъ и человѣкъ добрый, но все-таки много отъ него пришлось перенести Николаю.

— Да, говорилъ онъ: — весь вѣкъ прожилъ, а никогда вольнымъ человѣкомъ не былъ. Сначала крѣпостнымъ; по оброку ходилъ, нанимался, тоже все равно что̀ крѣпостной; теперь вотъ живу, слава Богу, хорошо, а все не вольный: что̀ прикажутъ, то и дѣлай.

Помню, ка̀къ разсердился онъ, когда одинъ мужикъ пьяный сказалъ ему:

— Ты что̀? батракъ! Мало, что̀ у тебя деньги есть, а что̀ тебѣ велятъ, то̀ и дѣлай. Я бѣднѣй, да что̀ хочу, то̀ и дѣлаю: пью, такъ пью, работаю, такъ работаю.

Какъ только взялъ Николай Ильичъ въ свои руки управленіе молотьбою, то рабочіе сейчасъ же заговорили, что «этотъ подтянетъ». И дѣствительно, работа пошла живѣе, чѣмъ при Петрѣ. Онъ зналъ, куда кого послать, назначить, зналъ отлично какой наиудобнѣйшій порядокъ работъ, и настраивалъ такъ, что никто никогда безъ толку, безъ дѣла не гулялъ.

Однако, когда онъ былъ старостою, года за три, то плохо ладилъ съ рабочими. Онъ требовалъ отъ каждаго, чтобы тотъ вполнѣ добросовѣстно относился къ дѣлу: «взялся за гужъ, не говори, что не дюжъ», и проводилъ это неуклонно. Требовалъ, чтобы каждый радѣлъ о хозяйской пользѣ, и за каждое уклоненіе донималъ словами, такъ какъ самъ въ этомъ отношеніи былъ безупреченъ и никто ни малѣйшимъ опущеніемъ его попрекнуть не могъ. Рабочимъ такое отношеніе, понятно, не понутру, тѣмъ болѣе, что онъ самъ-то не работалъ съ ними, почему они въ покосъ, чувствуя свою силу, и возставали противъ него, а иногда и совершенно не шли на работу. Донимали его, главнымъ образомъ, харчами: чуть хлѣбъ плохъ—тащутъ къ барину, варево плохо—не работаютъ, какъ слѣдуетъ. Это, наконецъ, доканало его, и онъ сильно заболѣлъ.

Какъ только заболѣлъ Николай Ильичъ, на его мѣсто въ старосты былъ назначенъ Петръ, служившій въ Дѣдинѣ въ качествѣ кучера и скотника. Чрезвычайно смѣлый, очень сильный, выносливый до невѣроятности, онъ скоро заставилъ рабочихъ бояться себя. Ѣстъ онъ вмѣстѣ съ ними и вмѣстѣ съ ними работаетъ, такъ что относительно плохихъ харчей ему и заикнуться нельзя, тѣмъ болѣе, что у него такой желудокъ, что, кажется, камень сваритъ. Чѣмъ, скажетъ:—плохи харчи? и будетъ ихъ ѣсть, день, два, недѣлю, и все время работать, да такъ еще — если на задоръ пойдетъ—что не всякій и сгонится. Кромѣ того, рабочіе чувствуютъ себя легче съ Петромъ, чѣмъ съ Николаемъ Ильичемъ, такъ какъ его и обмануть проще, а если въ чемъ и попадутся, то выругаетъ онъ въ первую минуту какъ нельзя хуже, но сейчасъ же и позабудетъ. Петръ не будетъ, какъ Николай, доводитъ рабочаго до того, чтобы тотъ самъ сознался, что дуракомъ оказался, а только вспылитъ, если только, впрочемъ, не задѣнутъ его громаднаго самолюбія.

Много, говорятъ, онъ перемѣнился съ тѣхъ поръ, какъ женился на Натальѣ. Когда Наталья появилась въ Дѣдинѣ, Петръ былъ еще на скотномъ дворѣ, и она не обратила на него никакого вниманія, тѣмъ болѣе, что онъ жилъ въ это время съ одною изъ работницъ. Самолюбивая, имѣющая сильное желаніе

властвовать, цѣня выше всего деньги, которыя дали бы ей возможность ничего не дѣлать, наряжаться, она должна была сильно страдать отъ той безъисходной нужды, въ которой очутилась, овдовѣвъ и оставшись съ маленькимъ ребёнкомъ па рукахъ. Ребёнокъ, впрочемъ, скоро умеръ. Считая себя красивою, она все пускала въ ходъ, чтобы выдвинуться. Назначенъ былъ въ старосты Петръ; она и принялась его обхаживать. На несчастье ту женщину, съ которою онъ жилъ, потребовалъ къ себѣ воротившійся изъ солдатъ мужъ, а Петра непривязаннымъ къ кому нибудь трудно и вообразить. Прилѣпился и къ Натальѣ, но та водила его попусту, пока онъ не далъ слова жениться на ней. Слово онъ сдержалъ, и теперь совершенно въ рукахъ у нея.

Натальѣ невыносимо должно быть было, что Николай Ильичъ не работаетъ, а ея мужъ работаетъ, какъ обыкновенный рабочій: какой же онъ староста! Стала настраивать Петра и добилась того, что тотъ въ первый же годъ, какъ женился, повелъ разговоръ о томъ, что нигдѣ старосты не работаютъ, никто не будетъ жить на такихъ условіяхъ и т. д. Но получилъ въ отвѣтъ: хочешь жить—работай, а не хочешь работать — не живи. Жить онъ остался, но работать сталъ уже не такъ: вліяніе Натальи оказало свое дѣйствіе. «Провозжается съ вечера съ Наташкой, утромъ-то и проспитъ, разсказывалъ Николай Ильичъ: — а на покосъ выйдетъ, уйдетъ въ кусты и проспитъ до завтрака».

Наталья хорошо изучила своего мужа, приноровилась къ нему и инстинктивно знаетъ, когда какія струнки нужно задѣть, чтобы добиться своего. Главнымъ образомъ, наигрываетъ на самолюбіи и часто выставляетъ въ примѣръ ему Николая Ильича. У Николая и деньги есть, и добыть умѣетъ; про Николая и баринъ говоритъ, что онъ уменъ, что все у него идетъ отлично, что умѣетъ заставить и бояться себя, и работать хорошо и скоро. Зато и старается же Петръ показать, что и онъ не уступитъ. Не беретъ, напримѣръ, Николай жалованья у барина, и Петръ старается не брать, а занимаетъ гдѣ только можно. Въ Питеръ съѣздилъ, пальто привезъ, потому что Николай въ пальто ходитъ; шляпу — «такую же какъ у Николая», сказала Наталья, сообщая, какія покупки онъ сдѣлалъ въ Питерѣ, и крайне недовольная тѣмъ, что ей онъ купилъ очень мало — платокъ, кажется, только. По пріѣздѣ, онъ только дня четыре завѣдывалъ молотьбою, а потомъ его послали въ городъ; пока ѣздилъ, завѣдывалъ снова Николай и успѣвалъ кончать молотьбу раньше, чѣмъ при Петрѣ, что̀ сдѣлалось, конечно, извѣстно Натальѣ, а

та передавала потомъ Петру. Изъ кожи лѣзъ послѣ Петръ, лишь бы не позже кончать.

Вѣритъ онъ Натальѣ беззавѣтно и, что̀ бы та ни сказала, какое бы чему-нибудь объясненіе ни дала, все приметъ за чистую монету. Вѣритъ въ ея любовь, заботу о себѣ, убѣжденъ, что онъ— глава, что она изъ «слова не выйдетъ» и совершенно незамѣчаетъ, что пляшетъ по ея дудочкѣ. Зайдетъ онъ въ избу, она и ластится къ нему, и въ глаза глядитъ, какъ будто даже съ ребенкомъ (у нихъ ребенокъ, сынъ по второму году) няньчится, и онъ радъ просидѣть съ нею цѣлый день, радъ самъ все сдѣлать за нее. Въ цѣлое лѣто она ни разу не поставила самовара для него, даже маткѣ, жившей съ ними, забывала приказать, а онъ, усталый, придя съ работы и за водой сходитъ, и самоваръ поставитъ, если не дѣлали этого я или Васильичъ. Въ молочной она вполнѣ царила, и ужасный безпорядокъ тамъ былъ. Работы ей было только сходить 2 раза на подой, набивать папиросы и изрѣдка мыть на барина бѣлье. Придя съ подою, она все остальное время бо̀льшею частью сидитъ сложа руки или спитъ, никогда ничего не вытретъ, не приберетъ, не вымоетъ. Съ сыномъ возиться для нея была му̀ка и, накормивъ его, она отдавала на руки маткѣ, сама же уходила куда нибудь поболтать, а такъ какъ Петръ ее ревнуетъ, то она старалась вернуться прежде, чѣмъ онъ придетъ съ работы. При немъ, она брала на руки сынишку, но сто̀ило ему расплакаться, она подъискивала какое-нибудь неотложное дѣло и уходила, оставивъ Петра съ ребенкомъ, а тотъ передавалъ маткѣ.

Дѣтей ей имѣть не хотѣлось. Не говоря ужъ о featureвознѣ съ ними, уносятъ они и молодость, и свѣжесть, и красоту; никто тогда и вниманія не обратитъ, никому въ глаза не бросишься. Очень она этого боится. Появились весной на лицѣ у ней прыщики, такъ она рада была что̀ угодно сдѣлать, лишь бы они исчезли.

— Не хорошо, какъ много ребятъ наносишь, сказала она разъ, когда разговоръ коснулся этого предмета.

— Отчего?

— Да такъ. Богатымъ ничего, какъ и много ихъ. Коли денегъ много—ничего.

— Развѣ не все равно? Безъ дѣтей подъ старость плохо.

— Нѣтъ, худо съ ребятами. Хоть бы и вѣкъ ихъ не было. Избы у насъ отдѣльной нѣтъ, съ братомъ не дѣлились. Не все же здѣсь жить; а съ братомъ жить, такъ все на него и пойдетъ.

Пьяница, чтò ни заработаетъ — пропиваетъ; изъ дому все перетаскаетъ. Сколько и теперь передаетъ Петръ денегъ имъ.

Последнее, однако, не вѣрно. Было оно когда-то, но теперь Петръ переработанъ, и всѣ деньги идутъ невѣдомо куда, только не въ деревню. Вещи, чтò ли, покупаетъ для Натальи, или она отбираетъ ихъ отъ него и прячетъ. Изъ своего жалованья Наталья не тратитъ ни копейки, а Петръ и подумать не можетъ дотронуться до ея денегъ: она, ни въ какомъ случаѣ, ни гроша не дастъ ему.

Наталья ненавидитъ Николая за то, что тотъ ее видитъ насквозь и знаетъ за нею много грѣшковъ. Николай отплачиваетъ ей тою же монетою, такъ какъ знаетъ, что и Петра она настраиваетъ. Наталья не можетъ задѣть прямо Николая и достаетъ его черезъ его жену Ольгу.

Отличная женщина Ольга. Честная, работящая, крайне чистоплотная, замѣчательно прямая и правдивая. Иной разъ она и подумаетъ чтò-нибудь скрыть, даже скроетъ, а придетъ къ случаю и все выскажетъ какъ-то невольно, точно ей тяжело не высказаться. Въ разговорѣ всегда примѣняетъ пословицы и крайне метко и ловко, а знаетъ ихъ безконечное множество Она готовитъ кушанье для Ивана Иваныча, и это для нея неизсякаемый источникъ волненій и тревогъ. Способность кулинарная у нея замѣчательная и вкусъ хорошо развитъ. Когда неудавалось ей чтò-нибудь, то она положительно мучилась этимъ. Подастъ, потомъ прибѣжитъ посмотрѣть, кàкъ ѣдятъ, и хотя бы ѣли съ апетитомъ, все ей кажется, что ѣдятъ плохо, и сама первая скажетъ:

— Вотъ я сегодня не уладила немножко: какъ будто не вкусно—и начинаетъ объяснять, отчего и кàкъ.

Вниманіе къ себѣ и своимъ знаніямъ она очень цѣнитъ и крайне счастлива бываетъ, когда видитъ его отъ кого-нибудь, а въ особенности отъ барина. Помню, когда я чистилъ кусты, приходятъ туда Иванъ Иванычъ съ сыномъ и Ольга, нарядившаяся въ хорошее платье, сіяющая и крайне довольная тѣмъ, что ее пригласилъ съ собою баринъ сходить осмотрѣть выгоны.

Остановились они около меня, и Иванъ Иванычъ спросилъ ее:

— Навѣрно ты, Ольга, умѣешь чистить ляда?

— А нѣтъ? сколько разъ чистила?

— Покажи-ка.

— И покажу. Взяла у меня топоръ и ловко принялась за дѣло.

Жила Ольга въ Дѣдинѣ спокойно, работала на-пропалую, но

явилась на сцену Наталья, и дѣло измѣнилось. Та работать не хочетъ, да еще старается уколоть Ольгу, что та работаетъ. Ольгу это задѣваетъ; она боится больше сдѣлать, чѣмъ Наталья, и принимается за Николаеву работу.

Однако, я отвлекся. Прибравъ солому, я уходилъ обѣдать; послѣ обѣда, пробиралъ колосъ, а потомъ становился крутить вѣялку. Послѣднюю работу, однако, мнѣ замѣнилъ Николай Ильичъ другою: посылалъ на хлѣбный дворъ отсчитывать снопы. Считаешь, да кидаешь на телегу, на которой стоитъ и укладываетъ снопы другой рабочій. Отсчитавъ сотни двѣ, я увязывалъ возъ, провожалъ его въ овинъ, помогалъ опрокидывать и снова на хлѣбный дворъ отсчитывать. Воза четыре и свеземъ, пока вѣютъ и насыпаютъ, потомъ домой.

Въ ночное я началъ ходить поздно, такъ что мнѣ удалось сходить только два раза. Одинъ изъ нихъ пришелся въ субботу; были привезены газеты, и я долго просидѣлъ у Ивана Иваныча и пошелъ въ поле довольно поздно, захвативъ полушубокъ. Ночь была довольно темная. Дорогою вспоминалось студенческое житье-бытье, сами собою напрашивались сравненія съ настоящимъ. Подошелъ къ мѣсту, гдѣ должны были быть лошади—нѣтъ. Крикнулъ—никто не отзывается. Прислушиваюсь, не фыркнетъ ли лошадь — не слышно, только сова ухаетъ въ ближнемъ лѣсу. Чтò за чортъ! туда ли попалъ? Туда, какъ будто, Петръ говорилъ, что здѣсь будутъ. Иду дальше. Вижу полосою тянется густой туманъ. Чтò это? рѣка или ровъ? Спускаюсь осторожно — ровъ. Перехожу; около пахаты бродитъ спутанная лошадь. Опять крикнулъ—кромѣ совы никто не отзывается. Пошелъ по низинѣ около рѣчки — къ лѣсу; взошелъ на возвышеніе — закурилъ. Вдругъ издалека принесся топотъ, вскрикнулъ кто то, и опять все замерло. Я пошелъ въ ту сторону, отколѣ принесся топотъ. Подхожу ближе—кричу.

— Кто тамъ?—Отзывается пастухъ.

— Я. Въ ночное пришелъ.

— Помоги выгнать. Точно ошалѣли, удержать не могъ.

Кто ихъ знаетъ, меня ли испугались лошади, или волка почуяли, только всѣмъ табуномъ побѣжали спутанныя, и остановились на некошеномъ лугу, около рѣчки.

Выгнали, перегнали на мѣсто, посидѣли, покурили, кое о чемъ потолковали; потомъ я выбралъ мѣстечко повыше, постлался, легъ и заснулъ, такъ какъ приходившій въ ночное, оставался только на случай волковъ или воровъ и могъ спать.

Въ овинъ, на случай пожара, ходили, какъ и въ ночное, по очереди. Придешь, бывало, только что скрипнешь воротами, Трофимычъ окликаетъ.

Залѣземъ въ яму, усядемся въ дверяхъ передъ печкой, въ полосѣ красноватаго свѣта отъ тлѣющихъ углей. Глядишь на перебѣгающія по углямъ свѣтлыя точки и ведешь разговоры. Иногда же онъ спроситъ:

— Ну, что̀, ка̀къ слышно насчетъ войны?

Трофимычъ—безсрочно-отпускной; служилъ онъ нѣкоторое время на границѣ, перестрѣливался съ кентрабандистами, потомъ въ кадрѣ. Отъ солдатчины пытался откупиться, доктору отдалъ рублей 50; но напрасно, хотя у него есть какой то органическій порокъ: чуть тяжела работа, его беретъ одышка. Человѣкъ онъ бывалый, очень умный, всякое дѣло дѣлаетъ чисто, отчетливо, съ толкомъ, не торопясь; между рабочими пользуется большимъ уваженіемъ; гуменщикъ отличный. Что онъ хорошій гуменщикъ—видно изъ того факта, что молотившіе прошлый годъ отъ куля крестьяне сложились и почемъ-то съ куля заплатили ему, хотя никто ихъ къ этому не обязывалъ; онъ имъ много помогалъ. Дѣйствительно, безъ дѣла его не увидишь; утромъ помогаетъ ссаживать, успѣетъ наносить дровъ, потомъ насаживаетъ Затопитъ печку; есть дѣло на току—онъ тутъ, нѣтъ—плететъ лапоть, и все не спѣша, а спорко. Человѣкъ граматный, имѣетъ деньжонки и его мечта—заняться торговлей, только вотъ—война: надо при волости жить, никуда не отпустятъ. Думалъ Иванъ Иванычъ посадить его на мельницу, и у него бы дѣло пошло, не то, что у моихъ хозяевъ, но не сегодня—завтра могутъ его потребовать, а на мельницѣ нужно засѣсть. Крайне интересуется географіей, читалъ кое-что по этому предмету и знаетъ, что земля вращается, а не солнце, а это рѣдкій-рѣдкій изъ крестьянъ знаетъ. Сокрушается, что въ ариѳметикѣ дошелъ только до дробей и плохо знаетъ дѣленіе. Когда онъ записывалъ, кто сколько намолотилъ споповъ льна, то просилъ меня провѣрить, вѣрно ли подсчиталъ, и если оказывалось вѣрно, то бывалъ очень доволенъ, а какъ разъ оказалась ошибка на десятокъ, то, провѣривъ ее, сконфузился. Ка̀къ-то, при молотьбѣ льна, во время перерыва работы, онъ просилъ меня показать, ка̀къ вычисляются площади и подалъ кусокъ мѣлу, которымъ я и дѣлалъ чертежи на доскѣ. Не знаю, понялъ ли онъ, а тогда казалось, что какъ будто понялъ.

— Нѐкогда теперь этимъ заниматься. Работать нужно, а не писать, замѣтилъ сидѣвшій около Иванъ и смотрѣвшій на насъ.

— Чудакъ! Чѣмъ дарма сидѣть—поучиться лучше. Може, когда и понадобится.

Женку онъ никогда не бьетъ. Какъ только воротился изъ службы, купилъ избу въ своей деревнѣ и посадилъ жену тамъ, замѣтивъ, что въ работницы она не годится. Въ праздники—или онъ уходилъ къ ней, или она приходила сюда съ маленькой дочкой на рукахъ. Придетъ она—онъ купитъ водки и угоститъ. Пришла она такъ разъ и начала было сцену, потому что до нея дошли слухи, что онъ измѣняетъ. Уговорилъ, и кончилось мирно, не такъ, какъ обыкновенно кончаются такія сцены, не дракой. На другой день кто-то изъ рабочихъ сталъ говорить, что ему и слушать ее не стóило, что она тоже баловала, какъ онъ былъ на службѣ.

— То—дѣло другое; когда я былъ на службѣ, она чтò и дѣлала, такъ я взыскивать не могу. Не оставался же я такъ на службѣ. Вотъ теперь если чтò—могъ бы взыскивать!

Сына своего, Гришу, онъ сильно любитъ, и отношенія между ними превосходны: дружескія, простыя, какія рѣдко встрѣтишь даже въ высшихъ классахъ. Трофимычъ смотритъ на сына, какъ на человѣка, равнаго себѣ, интересуется его интересами.

Въ продолженіи лѣта, чуть не три раза созывали безсрочно-отпускныхъ, возили и его въ волость каждый разъ. Въ послѣдній разъ, когда прошелъ слухъ о призывѣ и увезли Дмитрія, онъ говорилъ:

— Два раза требовали, да ворочали; видно, теперь не воротятъ.

Пріѣхали за нимъ, какъ я уже говорилъ, ночью, часу въ первомъ. Всталъ, живо одѣлся, сходилъ къ барину. Гриши не будилъ: вошелъ, гдѣ тотъ спалъ, перекрестилъ его, поцѣловалъ потихоньку и вышелъ.

Грустный и разстроенный онъ уѣзжалъ, а дня черезъ два воротился изъ города.

Очередь до него не дошла; на мѣстѣ военныхъ дѣйствій наступило затишье; подходила зима, у него являлась мысль, что скоро и замиреніе сдѣлаютъ, и онъ поуспокоился. Пришло извѣстіе о пораженіи арміи Мухтара-паши.

Кстати разскажу, кàкъ оно пришло: поѣхалъ Николай Ильичъ сбивать бабъ — ленъ подвимать, на встрѣчу мужикъ изъ города ѣдетъ, сообщаетъ, что слышалъ: газету читали. Турокъ разбили, 20 тысячъ въ плѣнъ взяли, семь пашей, одинъ набóльшій, въ родѣ царя у нихъ, Сулейманъ, кажется. Николай сейчасъ же

вернулся назадъ, чтобы барину сообщить. Возрадовались и мы; сейчасъ же отправился Ефимъ за газетами на почту. Привозитъ — побѣда подъ Карсомъ. Прихожу потомъ въ овинъ, разсказываю Трофимычу, онъ и не обрадовался. Хорошо, а все не миръ. Да теперь скоро и не заключатъ, дальше пойдутъ, пожалуй, и его потянутъ.

— Что̀, Трофимычъ, не охота на службу идти?

— Отчего же? Надо же кому-нибудь служить. Намъ худо — другимъ лучше будетъ.

И дѣйствительно, призови его теперь же, онъ пойдетъ безпрекословно, хотя и грустно будетъ покидать жену и любимыхъ дѣтей, о которыхъ порадѣть будетъ некому: въ кусочки пойдутъ.

Въ заключеніе, скажу нѣсколько словъ о харчахъ. Я почти все лѣто ѣлъ вмѣстѣ съ рабочими, и вотъ какіе харчи у насъ были: хорошій хлѣбъ, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда онъ не удался кухаркѣ; хлѣба давалось, сколько сможешь съѣсть; за тѣмъ въ скоромные дни—жиденькія щи съ свинымъ саломъ, и ячменная каша съ топленымъ саломъ. Въ постные дни — ботвинья изъ бураковъ, капуста или постные щи и гречневая каша, которая ѣлась съ удовольствіемъ, несмотря на горькое конопляное масло. Когда поспѣлъ картофель, то каша была замѣнена картофельницей, а къ завтраку подавался еще и вареный картофель, который мы чистили, крошили, обливали масломъ и ѣли. Въ воскресенье, полагалась на каждаго сотка водки и дѣлались пшеничные пироги, пока была своя пшеница, а когда вся вышла, то—ржаные.

Когда рабочіе нанимаются, то никакихъ условій относительно харчей и помѣщенія не дѣлаютъ. Спали они лѣтомъ въ сараѣ, гдѣ помѣщаются телеги, сбруя, плуги и т. д., постлавъ кой-что̀ въ телегу, а когда стало холоднѣе, то въ избѣ, гдѣ кому доведется. Никакого значенія чистотѣ и порядку не придается. Къ вареву относятся довольно индиферентно. По крайней мѣрѣ, нынѣшнимъ лѣтомъ, несмотря на то, что кухарка готовила невкусно и нечисто, часто подавала на завтракъ варево прокисшимъ, нѣсколько разъ разбавляла его сырою водою и хотя рабочіе между собою часто жаловались на это, но никакихъ рѣшительныхъ мѣръ не принимали. Можетъ быть, боялись Петра, такъ какъ тотъ ѣлъ, не обращая ни на что̀ вниманія, и всегда находилъ пищу хорошею.

На этомъ я и закончу описаніе пятимѣсячнаго пребыванія въ

деревнѣ. Многимъ можетъ показаться скучнымъ, неинтереснымъ то, что̀ я говорю о лицахъ, событіяхъ, встрѣтившихся мнѣ; все это мелко, обыденно, незамѣчательно. Не говорить объ этихъ людяхъ и ихъ интересахъ я не могъ потому, что иначе не ясна была бы та обстановка, въ которой я находился. Все это— люди, настоящіе люди, съ тѣми же чувствами, желаніями, волненіями, какія есть у всякаго человѣка другихъ слоевъ общества; ихъ интересы, кажущіеся мелкими, составляютъ для нихъ жизнь, и игнорировать ихъ я не могъ. Вспоминается, ка̀къ начиналось знакомство. Разговора я не начиналъ, ни о чемъ не разспрашивалъ, слушалъ, смѣялся ихъ разсказамъ, когда они были смѣшны. На вопросы отвѣчалъ, не стараясь подъискивать словъ, не поддѣлываясь подъ ихъ понятія. На шутку отвѣчалъ шуткою, никогда не сердился, не выказывалъ нетерпѣнія, не тяготился ихъ обществомъ, да и не приходилось, такъ какъ они по какому-то чутью знали когда и ка̀къ можно шутить, о чемъ можно и о чемъ нельзя говорить.

Главнымъ условіемъ, чтобы отношенія не были натянуты, служитъ то, что человѣкъ «не сердится», «шутки принимаетъ».

Всѣ до того привыкли къ моему ровному, спокойному отношенію, что, когда я недавно, при уборкѣ соломы, выругалъ одного изъ рабочихъ, то онъ крайне удивился и какъ будто растерялся.

— «Ишь ты! ругается!» проговорилъ онъ ка̀къ-то нерѣшительно.

Припоминая все, что̀ здѣсь передумалось и пережилось, сравнивая съ прошедшимъ, чувствуешь, что многое въ тебѣ измѣнилось, многое выяснилось—окрѣпло. Чувствуешь себя здоровѣе, веселѣе, видишь подъ собою твердую почву, и это придаетъ особую окраску взгляду на вещи.

Что̀ бы не случилось дальше—будетъ хоть, чѣмъ молодость вспомянуть, что хорошо, честно жилось и думалось это время. Можетъ быть—ктожъ знаетъ, чего не знаетъ—поселюсь я потомъ въ городѣ, сдѣлаюсь чиновникомъ, торговцемъ... Да, нѣтъ! разъ проживъ въ той средѣ, въ какой жилъ послѣднее время, разъ увидавъ тѣ вещи, которыя раньше были совершенно для меня закрыты, разъ понявъ ихъ значеніе, не уживешься ни въ какой *должности*. Потянетъ тебя въ эту сѣрую, неприглядную, но все-таки милую деревню, съ ея молчаливыми обывателями, съ ихъ мелкими интересами; потянетъ—и уйдешь туда, гдѣ, по словамъ поэта,

..... вѣковая тишина.
Лишь вѣтеръ не даетъ покою
Вершинамъ придорожныхъ ивъ,
И выгибаются дугою,
Цѣлуясь съ матерью-землею,
Колосья придорожныхъ нивъ.

Дубовъ.

Октябрь 1877 года.

НИЩІЕ ДУХОМЪ.

ОЧЕРКЪ).

Солнышко еще низко; съ полей холодкомъ потягиваетъ и трава въ лугу не обсохла, а у чамаровскихъ въ пустоши давно косятъ. До свѣту пришли мужики, а иные, такъ и вовсе домой не ходили: зашабашивъ вчера, развели костры, да и легли около нихъ, потому что до деревни далеко, верстъ 7 будетъ. Вздремнуть маленько, пока птица и вся тварь отдыхаетъ, а тамъ по росѣ и косить приняться: по росѣ скорѣй работа идетъ, коса меньше тупится.

Пустошь, Шумихой зовется, верстъ на пять раскинулась, и лѣсу въ ней видимо не видимо, и все толстый да ровный, а по рѣкѣ, десятинъ на двадцать идетъ лугъ. И ужь косятъ мужики, и нахвалиться травою не могутъ: «вотъ, кабы наша была», думаютъ, «только одной ею и кормились бы!»

Зимою чамаровскіе мужики изъ самой этой пустоши лѣсомъ пользуются. — Хорошаго имъ рубить не велятъ, но мелкаго да сухаго такъ много, что его лѣтъ на десять хватитъ; вотъ и взяли его мужички въ годы, чтобы отъ мелкоты и дряни всякой очистить, а плату за то съ нихъ самую малую положили, ну, а за лугъ-то они всѣмъ обществомъ рублей 60 въ годъ платятъ.

Лѣто нынче сухое вышло—дождей совсѣмъ не было—и трава въ лугахъ вся повыгорѣла; одну только Шумиху Господь и нынче не обидѣлъ, потому что лугъ поемный, сухаго лѣта не боится.

На дворѣ—Петровки, пять дней всего, какъ косить стали, а рожь ужь сильно пожелтѣла: того гляди—созрѣвать начнетъ, не дастъ и съ сѣномъ управиться. Спѣшатъ мужички, всей деревней сегодня косить пришли, а многіе бабъ съ собой прихватили, хоть и не бабье дѣло—косить. Крестьянину Ѳедору Агапо-

ву досталась по жеребью одна изъ лучшихъ полосъ, и баба его почти ужь на половину ее выкосила. Молодецъ—баба эта Васюха! изо всей деревни первая работница: здоровая, сильная, любаго мужика за поясъ заткнетъ, какъ за какое дѣло примется. Ѳедоръ вотъ еще и на̀полосу не вышелъ, а она ужь сколько травы накосила! Остановится чуточку, вздохнетъ разъ, другой, да водицы изъ рѣчки напьется, а тамъ и опять за косу. А день нынче жаркій вышелъ. Съ лица Васюхи потъ такъ и льетъ, и рубаха у ней вся къ тѣлу прилипла, будто она ее изъ воды вытащила. Да это—что̀: подуетъ вѣтерокъ, обсушитъ росу съ луговой травы, обдуетъ и ее, молодуху. Не стара еще Василиса, даромъ, что ужь годъ 12-й замужемъ и шестерыхъ ребятъ принесла. Лицо у ней чистое, красивое, отъ загару малость смугловатое, но зимой, что̀ твой кипень, бѣлое! Волосы у Василисы русые и коса большущая; въ дѣвкахъ она изъ-за одной косы этой красавицей слыла, а теперь, конечно, ея не видать вовсе: мужней женѣ, простоволосой ходить ей не слѣдъ. А а все же и теперь она многихъ дѣвокъ красивѣй! Ростомъ не такъ, чтобъ ужь очень большая, а складная, ловкая, и походка у ней скромная—будто еще дѣвичья; глаза тоже хорошо смотрятъ. Не велики они, и какой цвѣтъ ихъ — не разберешь; да глядятъ то ужь очень привѣтно, ровно всякаго человѣка обласкать хотятъ.

Смекнулъ, видно, Ѳедоръ, какая изъ нея жена выйдетъ, даромъ что «розиней» зовется. Въ разныхъ селахъ бывалъ, всякихъ дѣвокъ видалъ, а кромѣ ея никого не высваталъ. Живутъ они себѣ ладно, мирно; она изъ воли его не выходитъ, онъ ея никогда не обижаетъ и даже пьяный ни разу не побилъ. Кабы не плохіе года, да не озорникъ-тятька, что̀ кобылу пропилъ, такъ съ такой женою и онъ былъ бы, какъ есть, мужикъ настоящій.

Василиса остановилась косить, обвела взглядомъ свою полосу и рукавомъ рубахи отерла съ лица потъ.

Тутъ изъ-за кустовъ, саженяхъ въ тридцати отъ нея, вышелъ крестьянинъ. Онъ скорыми шагами спѣшилъ къ полосѣ, а коса его, черезъ плечо перекинутая, такъ и играла на солнцѣ.

Это самъ онъ и есть Ѳедоръ, Васюхинъ мужъ.

— Ну, что̀? спросила она, когда онъ подошелъ ближе.

— Да не ослобонилъ, нехристь!

И Ѳедоръ сердито сталъ косу точить:—Обчество, говоритъ, желаетъ, чтобы ты десятскимъ былъ, да и мнѣ сподручнѣй. Не пущу, говоритъ, въ Питеръ, мало тамъ вашего брата шляется!

— Вишь ты, дѣло-то какое! ахъ-ти-хти!! Да ты бы ему хорошенько поклонился.

— Кланялся, да чтò! махнулъ Θедоръ рукою:—вотъ кабы четвертную поставить, такъ, можетъ, онъ тово..

— Такъ поставимъ, чтò-ли?

— Поставимъ! – а откель денегъ взять?—у батьки, што ли просить? У него только себѣ на водку денегъ хватаетъ, а до семьи ему какое дѣло, что она въ раззоръ идетъ!

Ничего Василиса не сказала на это, и оба они съ мужемъ стали молча косить.

— Уйду завтра на помочь въ погостъ! рѣшилъ Θедоръ съ сердцòвъ:—Здѣсь пущай *она* справитъ. Попъ дàве два ведра привезъ съ Рожкова, а попадья куда горàзда пивà варить!

— Послѣднюю коровушку о святкахъ со двора сведутъ! болѣзно думала Василиса, не оставляя косить:—а мясоѣдъ не великъ будетъ; чѣмъ прокормимъ ребятъ?

— Не пойти-ли ужь мнѣ въ кормилки? продолжала она разсуждать сама съ собой.—Вонъ бабы сказываютъ, что рублевъ съ полсотни домой принесть можно, окромѣ одежи разной! Можетъ, счастье бы мнѣ такое вышло, обула, одѣла бы своихъ дѣтушекъ. О Рождествѣ недоимку внесли бы, и хлѣбца бы купили!

Вотъ какія думы бродили въ умѣ Василисиномъ и сердце ей тревожили. Нрава она была не кручиннаго, долю свою корить не любила, да вотъ о дѣтушкахъ, да о домѣ своемъ очень ужь сильно радѣла.

И Василиса, и Θедоръ такъ важно косой работали, что къ полудню почти всю свою полосу выкосили, даже про ѣду забыли. Другіе косцы отдыхать садились, хлѣбъ ѣли, а они, какъ пришли, такъ до самаго обѣда все косили.

Только-было вздумали они зашабашить и перекусить, чтобъ, отдохнувъ подъ кустикомъ опять за работу приняться — вдругъ слышитъ Василиса: Сенюшку несутъ къ ней. Реветъ касатикъ, такъ и надрывается, и голосокъ у него осипъ совсѣмъ, давно видно плачетъ, а Грунькѣ съ нимъ не управиться.

Встала Василиса, побѣжала на встрѣчу къ дѣтушкамъ, въ толкъ взять не можетъ, кàкъ попали они въ пустошь?

— Мамка, а мамка! кричитъ Груня, завидѣвъ мать:—нà Сеньку: оретъ—не унять.

А рученьки у самой такъ и трясутся, того гляди уронитъ братишку.

Не взяла ихъ мать съ собою въ пустошь, хоть Груня съ ней и увязывалась идти. «Куда тебѣ, экую даль тащиться! устанешь, оставайся дома, баушка вотъ ужо молочка вамъ дастъ. Но баушка сама куда-то ушла. Сенька сталъ ревѣть и соски брать не захотѣлъ, а Груня пѣстовала его, пѣстовала, а тамъ и сама

плакать вздумала, совсѣмъ ужь умучилъ ее братишка. Сидятъ они оба на заваликѣ и ревутъ; а тутъ крестный Грунинъ, дядя Антонъ, на телегѣ въ пустошь сряжается: «Чего ревешь? говоритъ—хошь къ маткѣ свезу?

— Свези!

— Нука, давай паренька сюда! сказалъ дядя Антонъ и, взявъ Сенюшку на руки, сунулъ ему въ ротъ корку ржанаго хлѣба. Занялся Сенюшка хлѣбомъ и ревѣть оставилъ. Груня тѣмъ временемъ на телегу вскарабкалась и возжами дергаетъ, пытаетъ погнать лошадку крестнаго, но гнѣдинькая стоитъ смирно и только хвостомъ отъ мухъ да слѣпней отмахивается, дожидается, когда самъ хозяинъ ей бѣжать велитъ.

Любо было дѣтушкамъ въ телегѣ трястись. Своей-то лошадушки не было, такъ давно ужь Груня въ телегѣ не сиживала, а Сенькѣ и совсѣмъ впервое пришлось на лошади ѣхать. Улыбается сердечный, ужь такъ любо ему, что и горе свое совсѣмъ позабылъ, а послѣ и дремать сталъ на рукахъ у крестнаго.

— Дѣтушки мои, родные! кàкъ васъ Господъ принесъ? ужли одни забрели? ахала Василиса, встрѣчая дѣтей.

— Съ крестнымъ! на лошади привезъ! сказала Груня, отдавая Сеньку матери: — Сенька ревѣлъ больно, такъ онъ насъ и взялъ.

— Экой баловникъ, крестный!

— Ну, а чтòжь я теперь съ вами дѣлать стану? ужель до вечеру не соскучаете?

— Не! не соскучаю!

— А вотъ ужо и ее на работу поставимъ, сказалъ Ѳедоръ, подойдя къ нянѣ и ребятамъ:—пришла косить, такъ коси! И онъ сунулъ косу въ руки Груни:—нутка, я погляжу?

— Грузна больно, не своротишь! сказала Груня, стараясь замахнуться косою, какъ это дѣлалъ тятька:—вишь, въ травѣ застряла!

— То-то застряла, такъ зачѣмъ сюда шла?

— А ты ей сладь, Агапычъ, грабельки маленькіе, пущай, какъ станемъ сѣно сушить и она сгребаетъ; хочешь, чтò-ли, Груня?

— Хочу!

Сенюшка пересталъ и плакать, какъ только мать его на руки взяла. Зналъ ее, сердечный, даромъ, что еще крохотный былъ. Сѣла Василиса подъ кустикъ, стала его кормить, а Груня около нея на травку легла и болтаетъ ножками въ воздухѣ, прислонившись головкой къ мàткинымъ колѣнямъ. Рубашонка на дѣвочкѣ коротенькая и сарафанишко весь въ заплатахъ.

— Кàкъ ты уйдешь отъ нихъ! думаетъ Василиса и любовно-

оглядываетъ дѣтушекъ, расправляя рукой всклоченные волосенки Груни:—совсѣмъ обносились! Лѣтось льну и званья не было вотъ безъ одежи и остались! Баушка не одѣнетъ! Опять же и Ванькѣ безъ кафтана нельзя—смерзнетъ! Батюшка велѣлъ понѣ въ школу его посылать!—Нѣтъ, ужь, пущай лучше Ѳедоръ идетъ, чѣмъ я!

Покормила Василиса Сенюшку и постельку ему устроила, взяла охабку свѣжей скошеной травки, да на нее и положила, а чтобъ, солнышко не пекло парнишку, сладила надъ нимъ изъ своего кафтана шалашикъ.

Достала Васюха хлѣба, накрошила въ горшечекъ, посолила, да, разведя рѣчной водицей, и стала съ мужемъ и Груней обѣдать. Похлебали они, отдохнули, а тамъ опять за косы взялись, а Груня въ лугъ убѣжала, цвѣточковъ рвать и свѣтлячковъ собирать. Ужь очень рада она была, что ей съ братишкой то не возиться! Зимою, какъ дома мать, такъ Груня не скучаетъ Сенюшку няньчить.

А теперь онъ ужь очень надоѣлъ, да и такой грузный сталъ— умаешься съ нимъ за день-то.

Не соскучилась Груня въ лугу; домой такъ до вечеру и не захотѣла. Набрала свѣтлячковъ, наплела вѣночковъ, напрыгалась вокругъ матери, да и съ Сенюшкой наигралась. Выспался Сенюшка, опять покушалъ и ревѣть на весь день оставилъ: сидитъ себѣ на мягкой муравушкѣ, камушки перебираетъ, землянику кушаетъ и все самъ съ собой разговариваетъ, да смѣется.

Глядитъ—поглядываетъ Василиса на дѣтушекъ:

«Вотъ, думаетъ: — около матки-то и любо имъ! весь день— веселёшеньки!» и сама не разберетъ, котораго изъ нихъ ей больше жалко: и Сенюшка, и Грунюшка, и Ванька, что̀ въ подпаскахъ живетъ, крестьянскій скотъ въ лугу пасетъ за рубль въ лѣто—всѣ ея дѣтки родные, всѣ ровно милы ей.

Стало садиться солнышко, собрался домой и Ѳедоръ съ семейкой. Въ другіе дни они и дольше работаютъ, но нынче пораньше зашабашили, все ужъ скосили, такъ завтра и сушить можно. Ѳедоръ ко̀сы несетъ, Василиса—парнишку, а за ними Груня съ свѣтлячками своими да съ земляникой, что̀ въ лѣсу набрала, тоже домой спѣшитъ передъ Ванькой скорѣй похвастать.

Какой дѣвкѣ не сладко жить въ дому родительскомъ? Хоть какая она ни есть изъ себя непригожая и безталанная, а родному отцу съ матерью все же люба. Берегутъ они ее, жалѣютъ, поминаючи, что не дологъ вѣкъ дѣвичій и что въ людяхъ она всякаго горя отвѣдаетъ. Но изъ всѣхъ дѣвокъ деревни Ярчихи самой счастливой да холеной дочкой была Василиса Абрамова.

Оно, конечно, въ крестьянствѣ пареньку всегда больше рады, чѣмъ дѣвкѣ, но у Абрама парней было ужь полно—шестерыхъ подъ рядъ наносила ему жена—вотъ и радъ онъ былъ какъ на послѣдокъ Господь его дочкой потѣшилъ. Ростилъ онъ, берегъ Васютку свою, а какъ стала она невѣстой, да такая красивая и статная изъ себя вышла, такъ они на нее просто и не надышатся. Лѣтомъ бывало, самъ раньше пѣтуховъ встанетъ, жену разбудитъ, парней на работу подыметъ, а Васютку трогать не велитъ: «ея дѣло дѣвичье», скажетъ, «бабой небось всякаго горя нахлебается.» Станутъ ему про жениховъ говорить: «Я, скажетъ, не скоро выдамъ Васютку—пущай дольше въ дѣвкахъ сидитъ; не бось, не объѣстъ меня!» А какъ посватался за нее сосѣдскій парень—Васюхѣ тогда 17-й годокъ пошелъ—и стали всѣ жениха выхвалять, такъ Абрамъ даже осерчалъ: «не одна моя дѣвка въ деревнѣ! крикнулъ сватамъ: — ищите другихъ, а свою не отдамъ! потому рано нашему брату надъ ней куражиться!»

Обрадовалась Василиса, услыхавъ отцовы слова, не хотѣлось ей замужъ; думаетъ: «лучше дома, нечѣмъ въ чужихъ людяхъ», и звончѣй прежняго стала пѣсни дѣвичьи пѣть, веселѣй хороводы водить съ подружками.

Но не прошло съ того сватанья и полгода, какъ батюшка ее за чамаровскаго Ѳедора просваталъ. И мудреное то дѣло вышло: ровно приворожилъ его Ѳедоръ, зельемъ какимъ опоилъ. Изъ себя мужиченко совсѣмъ неказистый, раскосый, и капиталомъ никакимъ не владѣлъ—такъ нѣтъ, полюбился Абраму. «Рахманный [1] онъ, разсуждалъ старикъ:—опять же и пьетъ самую малость, да и одинъ сынъ у родителевъ; не будетъ надъ Васюткой начальства, окромѣ стариковъ, а умрутъ они—сама хозяйкой будетъ!»

Тяжеленько было Васютѣ привыкать къ порядкамъ новымъ, къ чужой семьѣ, чудно какъ-то бабой зваться. Молода еще была, глупа, и вѣку дѣвичьяго не изжила всего, на 18-мъ году кичку надѣла. Ну, да не слезлива была Васюта; погорѣвала, потужила, а тамъ и опять стала пѣсни пѣть: «Не все въ дѣвкахъ жить, думаетъ:—видно такой ужъ законъ отъ Господа положенъ. Стану свекру и свекрови угождать да мужа слушаться—не изобидятъ меня и здѣсь».

А семья ихъ была не малая: кромѣ мужа, свекоръ да свекровь, да свекровины двѣ дочки, дѣвки ужъ на возрастѣ. Свекровь—то вдовою шла за Ѳедорова отца и доводилась Ѳедору мачихой, и черезъ это самое много горя пришлось отъ нея при-

[1] Т. е. смирный.

нять Васютѣ. Родная мать, хошь и ѣстъ споху—за то внучатъ бережетъ, а чужіе ребята кому милы? Свекровушка-же Василисина, Маланья, была женщина нравная, задорливая, и угодить на нее трудно было. Она и Бога не боялась, а только одного своего хозяина: онъ былъ крутенекъ и часто бивалъ ее, если вздумаетъ ему перечить; но въ другія дѣла ея не вступался и надъ Ѳедькой полную волю давалъ. А Ѳедоръ былъ парень смирный, супротивъ мачихи слова сказать не смѣлъ.

Но по началу все-таки Васютѣ жилось не плохо. Хоть и холеная дочка, а работница была настоящая, крестьянское дѣло разумѣла, всякую работу справить могла и лѣни за ней не водилось: старшіе только еще вздумаютъ—глядятъ, ужъ дѣло и слажено. Въ тѣ поры и хозяйство у нихъ шло ладно: хлѣба вволю было, и скотинка, и лошадей пара—все какъ слѣдуетъ. Но потомъ, что̀ ни годъ, все тяжелѣй жить становилось: рожь плохо родиться стала, на зиму не хватало своего хлѣба, а тамъ изъ двухъ коровъ одну волкъ зарѣзалъ, купить другую было не на что, и хлѣбъ въ тотъ годъ еще хуже вышелъ—потому что позему было мало, почти безъ удобренья и сѣяли. А доходы Агаповой семьи все убавлялись, и скоро ему пришлось и извозъ бросить, потому что прошла машина тѣмъ трактомъ, верстахъ въ 40 отъ Чамарова, никто на лошадяхъ и не сталъ ѣздить. Сталъ Агапъ запивать и пропилъ послѣднія денежки, что̀ у него отъ прежняго достатка скоплены были, а тамъ—то кафтанъ, то сапоги, то женину шубу въ кабакѣ заложитъ, либо потихоньку картофель, муку или солодъ утащитъ, да туда же снесетъ. Промолчитъ жена—онъ напьется и спать ляжетъ, а станетъ его ругать—онъ отколотитъ ее и такой въ избѣ содомъ подыметъ, что не скоро и опомнятся. Отъ работы крестьянской совсѣмъ отбился. Ужь и прежде онъ былъ неохочъ къ ней—все больше извозомъ промышлялъ, а теперь—только и знаетъ, что по кабакамъ шляется.

Разъ, какъ есть около вешняго Николы, вздумалъ Агапъ въ городъ съѣхать, солодку продать—слухъ былъ, что купцы требуютъ.

— Ѳедька, говоритъ, тащи-ко телегу сюда, дегтемъ ее смазать, я въ городъ собрался.

Молчитъ Ѳедоръ, а вѣсть эта ему крѣпко не по̀-сердцу, ровно бѣду онъ чуетъ.

— Что̀ стоишь? оглохъ, что̀ ли?

— Завтра пахать надо! Ты бы повременилъ, батюшко...

— Проси коня у сосѣда, они ужь упра̀вились, еще поза̀вчера

все вспахали, дадутъ коня, а я съѣду! Сказалъ отецъ, не сталъ и толковать больше.

Весна въ тотъ годъ была поздняя, снѣгъ только еще стаялъ, рѣчки да ручьи были въ полномъ разливѣ; въ городъ почти и проѣзду не было. Однако, съѣхалъ Агапъ хорошо и съ другимъ мужичкомъ изъ той же слободы, въ городъ пріѣхавши, сговорился вмѣстѣ домой возвращаться, потому мѣстами переправа черезъ рѣки была плоховата, такъ вмѣстѣ-то лучше. Стали сряжаться домой, и ужь вечерять стало. Агапъ былъ маленько выпивши. Отъѣхали они съ товарищемъ верстъ 20, вдругъ видитъ Сидоръ (это слободской-то), что Агапъ въ сторону свернулъ и лошадь погналъ.

— Куды те чортъ несетъ! кричитъ ему—тама проѣзду нѣту—утонешь!

— Не утону! Не впервой!—откликнулся старикъ, и слѣдъ простылъ.

— Должно, въ кабакъ махнулъ! рѣшилъ Сидоръ, вспомнивъ, что верстахъ въ двухъ оттуда, въ небольшомъ поселкѣ солдатикъ одинъ вино держитъ.

— Сюда, что̀-ли оборотится, али пустошью вздумаетъ?—разсуждалъ онъ и лошадь остановилъ...

— А ну его, пропадай онъ совсѣмъ! осерчалъ, наконецъ, Сидоръ; пождалъ, пождалъ да, махнувъ рукой, и поѣхалъ.—И утонетъ, не бѣда! вѣча по немъ ревѣть—не кормилецъ онъ семьѣ.

А Агапъ тѣмъ временемъ въ кабакѣ сидитъ да шкаликъ за шкаликомъ выпиваетъ; совсѣмъ умъ потерялъ и про товарища забылъ. Сѣлъ онъ въ телегу хмѣлёшенекъ и съ мѣста вскачь лошадь погналъ, да не къ большой дорогѣ, откуда свернулъ, а къ пустоши. А путь такой, что только пьяному и проѣхать; трезвый и сунуться бы не посмѣлъ. Скачетъ Агапъ по ямамъ да рытвинамъ, будто угорѣлый, лошадь кнутомъ такъ и дуетъ и во все горло пѣсню оретъ. Забылъ онъ, что̀ ли, что тутъ бродъ будетъ, гдѣ весною и ѣзды нѣтъ, и что надо въ сторону своротить, къ парому—или вправду говорится, что пьяному море по колѣно, только подъѣхалъ онъ къ крутому спуску и еще пуще лошадь погналъ. Вотъ въѣхалъ онъ въ воду, мигнуть не успѣлъ, какъ телега перевернулась вверхъ колесами, и самъ онъ съ лошадью въ воду ушелъ.

Тутъ хмѣль-то изъ него будто кто вышибъ—вовсе трезвъ сталъ. Видитъ, плохо дѣло, выплыть изъ подъ телеги старается, а возжи-то вокругъ него упутались, да и держатъ его въ водѣ. Ужъ думалъ Агапъ, что тутъ его и смерть будетъ, да нѣтъ—выплылъ!—Выплылъ и видитъ:—изъ воды только колесо одно

торчитъ, а лошади-то нѣтъ—вся въ воду ушла... Бился съ ней бился Агапъ, подъ водою распрегъ; думаетъ: вотъ зашевелится, вотъ всплыветъ—нѣтъ: пропала лошадь! Затужилъ Агапъ крѣпко, пьянство свое впервой укорилъ. Ужь и безъ этой бѣды не легко имъ было на свѣтѣ жить, а теперь и того хуже будетъ: какой ужь мужикъ и какое хозяйство безъ лошади? Умри у него жена или кто другой изъ семьи, онъ-бы и въ половину того горя не принялъ какъ теперь изъ-за лошади: пахать надо, навозъ возить...

Стоитъ онъ на берегу, весь мокрый и перезябшій, и все въ воду глядитъ. Пождалъ, пождалъ, да и побрелъ къ парому просить людей, чтобы помогли телегу вытащить.

До дому ему верстъ съ десятокъ было, и Агапъ пришелъ въ глухую ночь. Вся семья ужь спала, когда онъ молча влѣзъ на печь. Тутъ Василиса проснулась, но сейчасъ опять задремала, только подумала: «охъ, крѣпко я спала, не слыхала, какъ батюшка и подъѣхалъ и лошадь убиралъ!»

Не спалось Агапу, все лошадь жалѣлъ, да и передъ сыномъ зазорно было: ка̀къ онъ скажетъ ему про свою глупость, что коня утопилъ? Хошь и крутъ былъ старикъ, и въ семьѣ голова, да совѣсть-то куда денешь? Всталъ онъ утромъ сердитый да хмурый, а Ѳедоръ говоритъ ему:

— Гдѣ же, батюшка, лошадь?

— Лошади нѣтъ—уто̀пла! а за телегой съѣхать, у кума Антона коня спроси! сердито промолвилъ Агапъ, а самъ на сына и не глядитъ.

Какъ услыхалъ Ѳедоръ отцовы слова, такъ будто громомъ его уда̀рило: побѣлѣлъ весь и затрясся, и сло̀во выговорить не можетъ. Потомъ, какъ чуточку отлегло у него, сталъ отца укорять, смиренство свое даже оставилъ, ничего, что отецъ звѣремъ смотритъ.

— Пьянъ ты былъ, тятька, раззоритель нашъ! Погубилъ наши головушки! Изъ-за тебя мы теперь пропадать должны! Ужь лучше бъ и на свѣтъ-то не родилъ, ничѣмъ такъ-то мучить! И слёзы у него такъ и зака̀пали.

Смолчалъ Агапъ, ни слова сыну не молвилъ, только еще сердитѣй брови сдвинулъ, но какъ вздумала и Ма̀ланья его стыдить (видитъ, что онъ молчитъ, смиренъ сдѣлался), не стерпѣлъ старикъ—такую бурю поднялъ, что всѣмъ страшно стало.

Тяжеленекъ вышелъ годъ этотъ для чамаровскихъ мужичковъ, изо всѣхъ годовъ какъ есть—самый тяжелый. Рожь вся пропала, капусту червь поѣлъ, даже грибовъ, и тѣхъ Господь

не далъ. Вотъ яровые—тѣ хороши вышли; да однимъ овсянымъ хлѣбомъ кормиться съ семьею весь годъ — не сладко вѣдь. А тутъ еще казенныхъ недоимокъ понакопилось, и былъ приказъ въ контору, чтобы ихъ безпременно взыскать.

Кручинились Ѳедоръ съ Васюхой. Имъ еще тяжелѣй прочихъ мужичковъ было, потому что и за прежніе годы они еще не все уплатили, а гдѣ денегъ возьмешь? Опять же и кобылы нѣтъ, все у людей просить надо, да за милость людскую заслуживать. Кабы самъ-то большакъ былъ мужикъ разсудливый, онъ бы у купцовъ въ извозъ нанялся, да проку въ батькѣ нисколько нѣтъ. Лѣтось всю зиму въ Питерѣ жилъ, въ легковыхъ, отъ хозяина ѣздилъ, а домой хоть бы какой рублишко привезъ—все спустилъ, да и теперь только и знаетъ, что пьетъ. Въ домѣ, почитай, только и есть работникъ, что̀ Ѳедоръ да Васюха.

— Слухай-ко, Ѳедоръ, говорила мужу Василиса: — просись у батюшки въ Питеръ, а то пропадать намъ совсѣмъ и съ дѣтушками. Вотъ тапереча и лошадки нѣтъ у насъ, надо новую завести.

— Знамо надо! Да онъ пуститъ; батько-то ономнясь ужь сказывалъ: ступай, говоритъ, Ѳедька, по осени въ Питеръ, высылай оброкъ, а мнѣ старику по людямъ ходить не въ силу.

— Да и проку въ томъ нѣтъ!

— Только вотъ старшина-то пуститъ-ли?

— А почему не пуститъ?

— А потому самому, что нашъ большакъ съ пустыми руками пришелъ, оброку нисколько не внесъ. Ну, и думаетъ, что и я такъ-то стану; да опять же, меня, слышь, въ десятники ставить хотятъ.

— Кто сказывалъ?

— Да кумъ. На той недѣлѣ онъ старшину въ городъ возилъ, такъ и былъ про насъ разговоръ. Кумъ-то и говоритъ мнѣ:—ты, говоритъ, Ѳедька, скорѣй у старшины въ Питеръ просись, не то въ десятскіе тебя поставятъ.

Помолчала Василиса.

— Такъ ка̀къ-же, Агапычъ?

— Схожу! Сегодня нѣтъ его—къ посреднику уѣхавши, а завра, какъ встану, въ контору сбѣгаю.

Призадумалась Василиса когда на утро Ѳедоръ къ ней изъ конторы пришелъ, да про старшины рѣшенье сказалъ, что нѣтъ его согласья ему пашпортъ выдать. Пришла домой съ пустоши, дѣтушекъ спать уложила, а сама все свою думку думаетъ: ка̀къ бы дѣло уладить, хозяина въ Питеръ срядить.

— Ну, что̀ Богъ дастъ по осени! говоритъ въ мысляхъ:—лѣто

пущай тутъ управляется, а послѣ Вздвиженья, я сама старшинѣ поклонюсь и водки поставлю... пустилъ бы только!

Были у Василисы деньги кровныя, трудовыя, что̀ давно она по копейкамъ сбирала — Богу на рублевую свѣчку. Еще лѣтось, какъ Грунюшка ея въ огневицѣ лежала, пять недѣль не пила, не ѣла и на свѣтъ Божій глядѣть перестала, обѣщалася она. Хоть въ крестьянствѣ тягота великая и недостатки всякіе, а все болитъ по дѣткамъ сердце родительское. Было бы у Василисы и больше денегъ, да ужь очень скупы у ней большаки. Двѣнадцатый годъ она замужемъ, двѣнадцатый годъ на нихъ работаетъ, а они хоть бы разъ одинъ ее потѣшили! Котовъ и сапоговъ зимою—и то не даютъ. Мужъ сѣетъ ленъ, овецъ держитъ—вотъ въ этомъ только она дольщица. Съ осенняго заговѣнья и до Егорья, Васюха весь день прядетъ, шьетъ, тketъ и вяжетъ. Обуетъ, одѣнетъ семью, а лишекъ, коли случится, продастъ; ужь это—ея, старшіе не вступаются. Да рѣдко онъ бываетъ, лишекъ-то, потому что семья не малая: кому кафтанъ, кому рубаха, кому валенные требуются.

Лѣтось льну не было, и дѣтушки Васюхины, какъ есть, всѣ обносились; по шерстью Господь не обидѣлъ: на всѣхъ хватило, да еще и продала Василиса мотковъ съ пято̀къ и деньги спрятала, чтобы въ праздникъ въ церковь снести.

Грѣхъ трогать эти денежки. Божьи они, да другихъ-то откуда припасти?!

Кабы батюшка съ матушкой живы были, поклонилась бы имъ Василиса, и ее жалѣючи, они бы не одну четвертную поставили за Ѳедора. Да нѣту ихъ: давно померли! а въ дому родительскомъ братья ужь поженились, всякъ свою семью имѣетъ, не дадутъ Васюхѣ ни гроша.

Прикидывала Василиса, прикидывала, да и порѣшила: ждать—что̀ Богъ дастъ до осени.

Лѣто въ крестьянствѣ—время страдное, рабочее; одно дѣло другое погоняетъ, и нѣкогда мужичку о своей до̀лѣ раздумывать. Спитъ мужичекъ однимъ глазкомъ, ѣстъ—чтобъ не забыть, гдѣ у него ротъ поставленъ; да и какая у него ѣда—хлѣбъ да лукъ, да развѣ еще молоко, коли отъ ребятъ что̀ останется, а нѣтъ, такъ и водицей хлѣбъ разведетъ, да посоливъ и покрошивъ луку, хлебаетъ.

Щи лѣтомъ рѣдко въ какой семьѣ варятъ: не до нихъ. И старъ, и младъ—всѣ въ работѣ; ранняя зорька всѣхъ изъ избы гонитъ, а поздняя еще въ домъ не вгоняетъ: жнутъ бабы и до солнышка, жнутъ когда всѣ, какъ есть, огоньки въ небѣ потухли.

Еще рожь не сжата, а овесъ готовъ, а тамъ и ленъ ждать не согласенъ. Вотъ и справляйся какъ знаешь.

Но не тужитъ Василиса о томъ, что дѣла много. Бывало, раньше всѣхъ въ домѣ подымется и за работу принимается. «Васюха жадная», говорятъ про нея сосѣдки. «У Васюхи глаза поповскіе!» смѣются мужики, глядя, кàкъ она трудится-надрывается.

— Поди, грѣшнò это (думается ей), что и праздники Господни не соблюдаю; въ Ильинскую пятницу въ поле ушла; да ужь Господь милосердый проститъ меня грѣшную!

Ѳедоръ, тотъ—совсѣмъ иное дѣло: въ будни работаетъ, а въ праздникъ — ни-ни! Съ утра ужь пьянехонекъ и весь день гуляетъ, потому такъ оно слѣдуетъ: буднямъ одна честь, празднику—другая полагается.

Къ Спасову дню бабы убрались съ рожью и за овесъ принялись да за жито, а мужики стали озимь сѣять. Времячко стояло сухое, безвѣтрянное, для сѣва самое способное. Посѣялись они, заборонились, а на другой день Господь и дождичка далъ; такая благодать вышла, что лучшаго и желать не приходится. Къ Успеньеву дню, къ чамаровскому храмовому празднику, мужикамъ и бабамъ стало малость льготнѣе. Можно было праздникъ справить какъ слѣдуетъ: въ печкѣ попариться, и въ церковь сходить, и въ гостяхъ побывать, и дома гостей пивцомъ попотчивать. Впереди работы еще много, съ однимъ льномъ еще чтò будетъ, а тамъ молотить начнутъ, картофель да капусту убирать, и не видать трудамъ конца-краю.

Не весела чтò-то Василиса. Чтò къ празднику полагается, все справила. Пока матушка у печи копошилася, пироги ставила и сусло сливала, Васюха скотинку убрала, избу вымела, рябятишекъ умыла и причесала, и сама, какъ слѣдъ, обрядилася въ пестрый шерстяной сарафанъ, чтò ей еще родная мать помираючи отказала, да въ краснаго кумача рубаху. Головушку сверхъ повойника платочкомъ французскимъ покрыла, а на шею янтари повязала. Все это отъ матушки рòдной досталося, потому что не свекру со свекровью сноху обряжать; чтò съ собою принесла въ домъ, то у ней и есть.

Стали всѣ въ церковь сряжаться. Вотъ ужъ звонятъ; до погосту-то всего версты двѣ будетъ, такъ слыхать, и батюшка отецъ Аѳанасій нонѣ живо утреню отслужитъ, потому что послѣ службы у него помочь: снопы возить станутъ и горохъ молотить.

Идетъ и Васюха съ дѣтками: Сенюшку на рукахъ несетъ — причащать вздумала, Грунька около нея трепыхается, а Ванька съ дѣдушкой впередъ ушли: хочетъ дѣдка ему на ярманкѣ кар-

тузъ купить. Изо всей семьи, почитай, его одного и бережетъ старикъ: больно ужъ любитъ старшаго внука.

Пришла Васюха въ церковь, передъ каждой иконой помолилась, съ полсотни земныхъ поклоновъ положила, а сердце у нея все кручинно, все словно его червь сосетъ, и какой это червь — она вѣдаетъ, потому что пришла къ Господу, да съ пустыми рученьками, а въ ларцѣ у нея Божьихъ денегъ цѣльный рубль съ гривной лежатъ.

Отстояла обѣденку, причастила Сенюшку и стала домой сряжаться.

Идетъ съ ребятками, а сама все про деньги вспоминаетъ, и не даютъ ей эти деньги покою. А Грунька съ Сенюшкой веселешенки. Груня пѣсню затянула, такъ голоскомъ и водитъ, а то опять съ Сенюшкой играть вздумала: за матерью схоронится, а онъ весь изогнется ее искавши, а какъ она изъ-за маткина сарафана выглянетъ, да ручонками за него ухватится, Сенюшка такъ и закатится смѣхомъ, такъ весь и затрясется. Глядитъ на нихъ Василиса: Вотъ они дѣтушки-то! думаетъ, знамо, глупы еще, кручины не вѣдаютъ.

Вошла въ деревню, а въ волостномъ посредникъ пріѣхалъ, мужичковъ собралъ и о чемъ-то толкуетъ съ ними.

Не бывала Васюха на сходкахъ-то; не бабье это дѣло вовсе, да и нраву она была стыдливаго, къ мужикамъ не лѣзла, свое мѣсто помнила. А тутъ словно кто ее пихнулъ въ контору: «дай, думаетъ, послýхаю про чтò рѣчь ведутъ, да и погляжу, гдѣ Ванька; поди онъ съ дѣдушкой уже пришедчи!»

Вошла Васюха, да позади мужичковъ и стала, а посредникъ-то кричитъ на нихъ, такъ старается — надрывается, даже потъ его прошибъ, по лицу катится, и жилы на лысой головѣ повздулися.

— Свои, что ли, деньги мнѣ за васъ въ казну вносить? Чтобъ были они у меня! Сейчасъ же! Хоть у самаго чорта ихъ доставайте. Знать ничего не хочу! Толковать съ вами не стану! тьфу!

— Батюшка, Натолій Петровичъ, помилосердствуй, отецъ родной! кланяются мужики и такія рожи строятъ, ровно и боятся, а сами и въ усъ не дуютъ, потому знаютъ: кричать гораздъ, а баринъ—первый сортъ.

— Повремени, кормилецъ, заставь вѣчно Бога молить! вопили они и въ ножки ему кланялись:—самъ посуди, какой нонѣ годъ! всѣ безъ хлѣба остались! Ослобони, батюшка!

— Я васъ «ослобони!» хлѣба нѣтъ, а водку дуете!

— На все твоя воля, батюшка! только мы, вотъ-те Христосъ,

все сполна внесемъ, далъ бы только Господь съ работами управиться, да въ люди уйти.

— Знаю я васъ: въ люди уйти! по питерскимъ кабакамъ — шляться, вотъ вамъ чего захотѣлось! Никого, старшина, не пускай—слышишь?

Какъ услыхала Василиса это словечко, такъ сердце въ ней и упало. Всякій стыдъ позабывши, сунулась она впередъ мужиковъ, да посреднику въ ноги и упала:

— Батюшко, кормилецъ, отецъ милосердый! моего мужа пусти! взмолилась она, сама себя не помня и не разсмысливъ, что̀ говоритъ, ровно не она, а другой кто, эти слова изъ нея вырвалъ.

— Это еще что̀ за дура у васъ? Откуда взялась? спросилъ посредникъ.

— Косого Ѳедьки жена; знамо, дура! отвѣчалъ старшина: — пустого проситъ; изо всѣхъ мужиковъ ея хозяина-то меньше прочихъ отпустить возможно.

— А почему?

— А потому, что его чередъ десятскимъ быть. Изъ ихней семьи и то сколько годовъ подъ рядъ старикъ Агапъ по людямъ ходилъ, да только семью разорилъ, а денегъ въ казну не внесъ. На нихъ еще третьегоднишная недоимка состоитъ.

— Слышишь, дура, ка̀къ тамъ тебя величать? обратился къ Василисѣ посредникъ, а самъ глядитъ на нее милостиво.

— Не слѣдъ твоему хозяину по людямъ шататься, а надо ему съ милой женой оставаться! Вишь что̀ вздумала! въ люди его спровадить! Надоѣлъ онъ тебѣ, что̀ ли?—хе! хе! хе!

— Не надоѣлъ батюшка, а только мнѣ съ дѣтками хоть съ голоду помирать, коли его не отпустишь!

И хоть не слезлива была Василиса, а ту̀тъ заплакала, можетъ, съ горя, а то и съ испугу или отъ совѣсти.

— Ну ужъ бабьё! сейчасъ ревѣтъ! и откуда только они слезы берутъ! осерчалъ посредникъ и на Василису прикрикнулъ:—сейчасъ перестань! Ну, что̀ я могу? Вѣдь не самому же мнѣ за него въ десятскіе идти? Али тебя за мѣсто него поставить — благо ты, вишь, шустрая, къ мужикамъ полѣзла, на сходку пожаловала?

Въ толпѣ мужиковъ стали смѣяться:

— Вѣстимо такъ, батюшко, Натолій Петровичъ, баба она шустрая!

— Мужикамъ не уступитъ!

— Гдѣ противъ ея мужику! заговорили всѣ въ одинъ голосъ: ужъ рады очень, что баринъ-то гнѣвъ свой забылъ, шутки шутить вздумалъ, усмѣхнулась и Василиса:

— Оно, конечно, говоритъ, не бабье дѣло—въ десятникахъ быть, а только мудрости въ томъ нѣтъ никакой!

— Да ты не шути, баба! а ну-ка я и въ прямь тебя десятскимъ поставлю?

Глядитъ Василиса на барина, въ глазахъ ни слёзъ, ни робости нѣтъ:

— Твоя воля, батюшка! я справлюся.

Видно по нраву пришлись посреднику эти слова Васютины.

— Ну, баба, говоритъ, будь по твоему, и тебя, и себя потѣшу—въ десятники тебя пожалую! посмотрю, ка̀къ баба станетъ мужиками командовать! Слышь, старшина, вотъ тебѣ десятскій, а мужу ея дай паспортъ!

Ка̀къ ушла Васюта изъ конторы, ка̀къ она домой добрела, она и сама не помнила, ровно все это съ ней во снѣ случилося, а не на яву, и ровно не она, а другой кто, за нее въ конторѣ всѣ ея слова говорилъ.

— Вотъ дѣло-то и безъ грѣха обошлось! думаетъ Василиса, домой идучи, не попустилъ Господь, чтобъ святыя мои денежки пошли на проклятое винище. Снесу старшинѣ яичекъ десятокъ, у свекрови выпрошу—а Господу поставлю рублевую свѣчку.

Еще проворнѣй стала теперь Васюта работать. Со льномъ управилась, картофель съ поля убрала и мужу хлѣбъ молотить помогать стала.

Съ рожью не привелъ Господь и повозиться; ужъ очень мало ея уродилось; сѣяли четверти двѣ съ осьминой, а собрали всего двѣнадцать мѣръ—и сѣменъ-то не вернули. Ну, да что̀ дѣлать! Иной годъ и хуже того бываетъ. Разъ дядя Антонъ весь урожай свой въ карманахъ принесъ: — «на̀те, молъ, не байте, что хлѣба нѣту!»

Но вотъ привелъ Господь и до Покрова дожить, осенній праздничекъ справить, а осень, извѣстно, для крестьянина—самое любезное время. Первое, и самъ онъ сытъ, и ско̀тинка его; второе—ему въ это времячко и побаловаться можно, маленечко погулять, отъ работы себя освободить! Вотъ зато самое осенніе праздники въ селахъ и деревняхъ справляются не по одному дню, а по три, да по недѣлѣ: сегодня здѣсь гуляютъ, завтра — въ сосѣднихъ деревняхъ, а тамъ — гдѣ-нибудь еще дальше въ приходѣ, пока весь не обойдутъ. Пьютъ пиво, пѣсни поютъ, на гармоняхъ играютъ, хороводы водятъ — съ ранняго утра и до поздней ночи. Дома сидятъ только бабы однѣ, да малые ребята.

Погулялъ и Ѳедоръ на родной сторонкѣ, а послѣ Покрова и въ Питеръ собрался.

Былъ у него тамъ сродственникъ богатый, что лѣтъ пятнадцать въ дворникахъ жилъ и много капиталу себѣ нажилъ. Ему Ѳедоръ, какъ только рѣшенье посредника вышло, чтобы его въ Питеръ пустить, письмо посылалъ: «помоги, молъ, отецъ родной, припаси мѣстечко!» А тотъ и отписалъ Ѳедору: «пріѣзжай, безпремѣнно тебя пристрою: либо къ себѣ въ помощники возьму, либо на фабрику представлю». Такъ Ѳедоръ-то прямо къ нему и собрался.

Съ недѣлю эдакъ послѣ Покрова, всталъ онъ ранехонько, отцу-матери въ ножки поклонился, дѣтушекъ благословилъ, съ женою простился и, взявъ хлѣба краюху, да яицъ печеныхъ штукъ шесть, вышелъ изъ Чамарова, только еще свѣтать начало. До машины отъ ихъ деревни верстъ 40 считалось, да и тѣ не мѣрянныя; можетъ, кабы смѣрить ихъ, такъ и всѣ бы 50 открылись, а Ѳедоръ-то шелъ пѣшій.

Проводила Васюта мужа, а послѣ того, скоро ее въ контору потребовали и велѣли десятскимъ быть. Не любо было старшинѣ, что посредникъ его рѣшенью поперечилъ, Ѳедора отпустилъ, а ему съ бабой наказалъ возиться. Ужъ больно важенъ былъ старшина, любилъ все по своему дѣлать; а потому не мало обидъ и насмѣшекъ приняла отъ него, да отъ писаря Василиса, когда пришла въ правленіе. Ну, да ее вѣдь трудно было разобидѣть; не таковская баба! И хоть посредникъ и назвалъ ее плаксой, но плаксой она не была; развѣ надъ дѣтушками когда всплакнетъ, коли бабушка уже очень ихъ изобидитъ, да и то всплакнетъ самую малость; о себѣ же самой, какъ бабой стала, ни одной слезинки не выронила. Когда ласковымъ словомъ, когда шуткой отвѣтитъ, если вздумаетъ кто ее заругать, а нѣтъ, такъ и просто смолчитъ, прочь отойдетъ: «лай, молъ, собака—вѣтеръ все унесетъ».

Совсѣмъ повеселѣла теперь Василиса, хоть и трудновато-то ей стало безъ мужа, да зато съ сердца кручина спала, ровно кто ее вылечилъ. «До Рождества Христова сыты будемъ», мыслитъ въ себѣ, а тамъ хозяинъ денегъ пришлетъ, хлѣбца прикупимъ и подать внесемъ, вотъ и ладно! Дровецъ вотъ только нѣту: не успѣлъ Ѳедоръ припасти».

Не способно было чамаровскимъ мужикамъ лѣсъ изъ Шумихи возить: и далеко, да и дорога, кромѣ зимы, совсѣмъ плохая: все болото, да гати. Сосѣди-то Ѳедоровы повывезли себѣ дровъ еще

до распутицы, а тамъ опять зимою повезутъ; а Ѳедоръ сейчасъ послѣ Покрова въ Питеръ ушелъ, такъ и не успѣлъ дровъ-то заготовить. Уходя, онъ отцу наказывалъ: «съѣзди, молъ, батюшко, въ лѣсъ, не хватитъ намъ дровъ до пути!» — Ладно, заворчалъ Агапъ, не ты мерзнуть будешь, и безъ тебя знаемъ, когда намъ за дровами съѣхать! Да такъ до глухой осени съ печи и не слѣзъ.

Пришлось Агапу косточки свои поразмять, на холоду топоромъ поработать. Вернулся ужъ въ сумерки и лошадь не сталъ откладывать, а только дрова свалилъ въ кучу, да сейчасъ и на печь полѣзъ: «иззябъ, говоритъ, косточки ноютъ, весь не могу! завтра въ лѣсъ пущай ѣдетъ Васюта, тамъ у меня много вершиннику набрано, только привезти!»

Трудненько пришлось Васютѣ. Либо батюшка не ладно сказалъ, что наготовилъ лѣсу, либо недобрый человѣкъ его за ночь вывезъ, а только весь день она топоромъ работала, даромъ что дѣло это не бабье вовсе. За то помогъ ей Господь важный возъ накласть: «теперь ужъ до зимы нехватки не будетъ!» радуется Василиса.

Поздненько она изъ лѣсу выбралась и какъ есть вся мокрёшенька, ровно въ печкѣ парилась. Идетъ это рядомъ съ сосѣдской лошадкой, а дождичкомъ ихъ такъ и мочитъ, словно изъ мелкаго сита сѣетъ. Умучилась гнѣдинькая, а Васюта и того больше. Грязь—непроѣздная, лошади—выше ступицы, колеи большущія; того и гляди возъ опрокинется, и тогда какъ ей одной поднять его? Васюта то одинъ бокъ, то другой своими плечами подпираетъ, на себѣ весь грузъ телеги держитъ; а тутъ еще лошадь то и дѣло вязнетъ! Покрикиваетъ на нее Василиса, кнутомъ безъ устали пугаетъ, не даетъ ей останавливаться. Нѣтъ— ничего не подѣлаешь—завязла-таки! Впряглася Василиса, по колѣно въ воду влѣзла, за одно съ лошадью старается—сдвинули возъ. Протащили его вмѣстѣ саженей съ 20, а тамъ опять — тпру!—все съизнова начинай!

Уже въ избахъ вездѣ лучины горѣли и дѣтки Васютины спать улеглись, когда она, наконецъ къ дому подъѣхала. Свалила возъ, отпрягла лошадку, на дворъ ее поставила, да и хочетъ въ избу войти; а на встрѣчу ей свекровь.

— Скорѣй въ контору ступай, говоритъ.

— Аль требуютъ?

— Знамо требуютъ, коль говорю: ступай.

Не вошла Василиса въ избу, а изъ сѣней—въ контору, а оттуда опять на холодъ и дождь: на завтра сходъ собирать.

Когда всѣхъ обошла, вся семья была уже уснувши, и огня

въ избѣ не было. Не захотѣла Василиса и ужинать, только водицы испила—ужъ очень горѣло въ ней нутро, а по спинѣ знобило, словно мурашки ползали. Перекрестилась она, прочитала: «Отче» и «Богородицу» и на полати полѣзла. Глядь, а на ея мѣстѣ лежитъ кто-то.—Матушка, посторонься, дай къ дѣткамъ пролѣзть», тихонько толкнула она спящую.

— Куда-жь ты лѣзешь? заворчала на нее изъ другого угла свекровь: — ужли не видишь, что гостья у насъ, попадья.

Вздохнула Василиса о тепломъ мѣстечкѣ, да и слѣзла внизъ. Кафтанишко ея весь мокрёхонекъ; въ изголовье положить нѐчего; съ самой съ нея вода по сихъ поръ течетъ. Постояла она, подумала, платокъ съ головы сняла, да обернула имъ полѣно, и перекрестясь, легла на полу около печки.

Заснула она, а косточки и во снѣ болятъ у ней, суставчики всѣ ломомъ ломятъ, и все ей чудится будто она по пустыши плутаетъ, никакъ оттудова не можетъ выбраться, и лошадка ея не слушается.—Господи, Іисусе! шепчетъ Васюта:—вѣдь я кажись ужь дома была? Кàкъ же опять здѣсь очутилася? Ну, ну, гнѣдинькая, ну, желанная!

Тутъ заплакалъ Сенюшка и разбудилъ ее; встала Василиса покачать зыбку. На дворѣ темнёхонько; пѣтухи и тѣ еще спятъ. Но Васюта, укачавъ парнишку, ужь заснуть не могла. До утра промаялась она, сердешная, и рада была радешенька, когда свѣтать начало. — Семъ встану! думаетъ, не полегчаетъ ли?

Сходила къ коровушкѣ, подоила ее, сусѣдской лошадкѣ сѣнца задала, куръ изъ хлѣва на улицу пустила, на колодезъ за водою сходила и вѣникомъ стала избу мести.

— Угомону на тя нѣту, закричала на нее свекровь:—матушкѣ спокою дать не хочешь, экую рань поднялась!

Но попадья ужь проснулась и, зѣвая, крестила ротъ.

Гостила попадья у исправника, два дня пробыла у него въ усадьбѣ, учила супругу его пироги печь, а какъ домой поѣхала, у нея подъ самымъ Чамаровымъ колесо разломалось. А такъ какъ на дворѣ была ночь, то и пристала она въ Агаповой избѣ, знакомъ онъ ей былъ издàвна, когда еще почту возилъ.

Слѣзла попадья съ полатей, потянулась, опять зѣвнула, да и говоритъ:

— Благодарствуйте, хозяюшки, за ночлежецъ!

А свекровь ей:

— Прости, матушка! попотчивать-то тебя нѐчѣмъ! чаю, сахару у насъ нѣту, самоваръ и тотъ продали. Кабы не постъ, яишенку, аль молочка бы тебѣ поставила, да постъ вишь, нельзя.

— У меня своего кушанья припасѐно! говоритъ попадья и,

умывшись изъ горшечка, что̀ въ сѣняхъ былъ привѣшенъ, да положивъ передъ иконами три поклона, полѣзла въ свой узелокъ, гдѣ у нея всего въ волю было: и булки бѣлыя, и рыбка копченая, и маковники, а пуще всего водочка.

Стала матушка кушать и пить во славу Божію, и горюшка мало ей, что ребятки Василисины, да и сама бабушка Маланья, такъ и влѣпились въ нее глазами: каждый кусочекъ, что̀ она въ ротъ кладетъ, оглядываютъ.

Позавтракала попадья, отпила изъ бутылочки, все опять въ узелокъ сложила и стала на образа молиться, да съ хозяевыми прощаться.

— На той недѣлѣ я опять къ вамъ, говоритъ, заѣду, хочу въ монастырь съѣздить, давно обѣщанье дала.

— Милости просимъ, матушка, добро пожаловать!

— А ты мнѣ, смотри, Маланьюшка, новинки припаси, да и ниточекъ моточекъ али два, а я за тебя угоднику помолюсь, свѣчку поставлю, да и Богъ вамъ велитъ насъ духовныхъ уважать!

— Ладно, жадная, проваливай! думала въ себѣ Маланья: — на тотъ свѣтъ отъ меня новину получишь! но напрямки отказать попадьѣ побоялась, потому въ Филиповки говѣть хотѣла, а батюшка-попъ на духу крутъ.

— Матушка, молвила она ей покорно:—ты знаешь мое горе горькое! Не властна я надъ своимъ добромъ! Мои рученьки пряжу прядутъ и новинку ткутъ, а мой старикъ сейчасъ все въ кабакъ потащитъ, меня не спросится.

— А ты утай отъ него! совѣтуетъ попадья.

— И-и-и! желанненькая! гдѣ утаить! ровно жидъ какой, всему счетъ ведетъ. Вотъ изъ новой пряжи, что̀ въ великій постъ будемъ прясть, я, можетъ, и припрячу малость, потому хочетъ ноньче въ Кирилкино на ярмарку съѣздить; думаетъ, сынъ изъ Питера денегъ вышлетъ, такъ лошадку бы купить. Не закутилъ бы только опять, да не спустилъ бы денегъ-то! вздохнула и перекрестилась Маланья.—А ты матушка, накажи своему попу-то про тѣ деньги не сказывать, что̀ я взяла. И Маланья бо̀язно глянула во всѣ стороны: не услыхалъ бы хозяинъ ея рѣчей:—изобьетъ онъ меня! на смерть изобьетъ, коли узнаетъ!

— Это за теленочка-то? спросила матушка.

— За теленочка, ро̀дненька, за теленочка! извѣстное дѣло, одна бы имъ дорога была въ кабакъ. А семья безъ соли сидитъ, да и разувшись хожу. А теперечка вотъ я себѣ сапоги припасла!

— Ладно, говоритъ попадья: — я попу сказывала, чтобъ молчалъ, а ты, Маланьюшка, тѣмъ временемъ справишься: пряжу

тамъ аль картошку отъ него утай, да продай, да намъ и припаси денегъ. Да помни: попу лишнюю гривну, а мнѣ двѣ за труды. Вотъ таперича своихъ второкласниковъ въ училище опять свезли — мало ли расходу? на два дома живемъ! тàкъ, чтò-ли.

— Вѣстимо, матушка! пошли вамъ Господь здоровья, что меня пожалѣли! А я, чтò велѣла, принесу, далъ бы только Богъ маленько посправиться.

— Готова лошадка ваша, матушка, сказалъ Агапъ, войдя въ избу, и попадья, распрощавшись, уѣхала.

Проводивъ гостью, Маланья собрала завтракъ, но Васюта опять отъ ѣды отказалася. Отломила хлѣбца кусочекъ — нѣтъ, не принимаетъ душа! «Знать и вправду немòжется мнѣ, мыслитъ, въ себѣ Василиса:—вотъ ужò въ печь лягу, вся болѣзнь къ завтрему выйдетъ!» Но печь «ужо» будетъ, а теперь работа стоитъ. Идетъ Васюта на улицу, колетъ дрова, да около избы ихъ складываетъ; до самой крыши наложила дровъ, только окошечки одни промежъ ихъ выглядываютъ». «Вотъ и потеплѣй будетъ, думаетъ Василиса: — вѣтру то продувать и не больно способно».

Съ дровами управилась, а тамъ и на рѣчку вздумала—рубахи да одёжу посмыть, благо досугъ вышелъ, а на завтра батюшка свекоръ сказывалъ, что велитъ ей съ собой крышу крыть, такъ ей на рѣчку-то не попасть.

На рѣчкѣ было холодно. Еще съ утра дождь пересталъ, и вѣтеръ подулъ такой свѣжій, что къ вечеру стало и подмораживать. Но Василиса въ избу не спѣшила, а свое дѣло сдѣлала. Пришла домой, а ребятишки у ней ревутъ. Бабушка на Ваньку осерчала, что все у ней житниковъ проситъ, а на Груньку, что Сенюшку унять не умѣетъ, а на Сенюшку, что ревомъ реветъ. Вмѣсто житниковъ, всѣмъ троимъ колотушекъ надавала, а Василису, какъ та въ избу вошла, ругать принялась:

— Гдѣ шляешься? лучше бъ робятъ своихъ унимала! вишь, житья отъ нихъ нѣту!

Очень горько стало Василисѣ за дѣтушекъ:

— Ты моихъ ребятъ не кори, матушка! не стерпѣла она:—не чужіе они, отцовскія дѣти и въ родительскомъ дому живутъ!

— Ахъ ты поскудная! осерчала свекровь и на Васюту замахнулась ухватомъ. Кабы та не ловка была, да не отскочила въ сторону, такъ ей бы знатно попало. — Вотъ я ужо свекру скажу! Пущай поучитъ, каково матери грубить! Думаешь: мужъ въ Питерѣ, такъ и власти надъ тобой нѣту? Захочу—всѣхъ васъ, и съ погаными твоими ребятишками на улицу выгоню. Вишь, чтò вздумала! И она все ближе подступала къ снохѣ, при-

бить ее все пытала, но тутъ дверь отворилась, и въ избу вошелъ Агапъ.

Какъ глянула на него Маланья, такъ вся и обмерла съ испуга, да и Васютѣ съ дѣтками страшно стало: ужъ на что̀ глупъ былъ Сенюшка, а и тотъ присмирѣлъ и къ маткѣ прижался: хмѣленъ и сердитъ былъ дѣдко.

— Мои деньги подай! крикнулъ онъ на жену:—ты ка̀къ смѣла ихъ отъ попа взять? Да—вай! да—вай! да—вай! И онъ такъ сильно сталъ жену трясти, что Василиса подумала: Господи, Іисусе Христе! долго-ль до грѣха?

— Батюшко, оставь! пытала она остановить свекра.

— Цыцъ, дрянь!—прочь съ дороги! крикнулъ онъ и на нее и еще сильнѣе сталъ жену колотить.

— Убьетъ, убьетъ меня! кричитъ Маланья, а сама еле духъ переводитъ, потому страшно силенъ Агапъ—того гляди ее, въ самомъ дѣлѣ, на мѣстѣ положитъ. — Извергъ ты эдакой! самъ станешь каяться, какъ въ каторгу тебя погонятъ!

— Ну вотъ, съ душою осталась! крикнулъ Агапъ напослѣдокъ, потѣшивши вволю сердце свое:—теперь, подавай деньги!

— Помилосердствуй, батюшко Агапъ Прохорычъ, покорно взмолилась жена, и въ ноги мужу упала:—и рада бы отдать, да нѣтъ ихъ!

— Куда дѣла?

— Да соли купила и вотъ... сапоги...

— И всѣ деньги?

— Три гривны осталось!

— Давай!

Не пикнула Маланья, сейчасъ въ ларецъ полѣзла и оттуда платокъ достала, шерстянной пестрый, а въ узелкѣ у нея завязаны были деньги.

— Платокъ подай! кричитъ мужъ.

Подала и платокъ Маланья.

Взялъ Агапъ деньги, взялъ платокъ, да сапоги у жены отнялъ, да еще въ ларецъ заглянулъ, и, увидавъ тамъ шелковый повойникъ, и его съ собой прихватилъ, и, не говоря больше слова, ушелъ въ кабакъ.

Долго ревѣла и ругалась Маланья, а тамъ встала да и ушла къ соcѣдкѣ Матвѣевнѣ, солдатской вдовѣ. Думаетъ: все повеселѣй будетъ, какъ люди про мое горе узнаютъ.

Легче вздохнула Василиса, какъ осталась одна съ дѣтушками. Сама крестьянка простая, а куды не любитъ, какъ кто хлопотать станетъ, да ссориться. Вотъ у батюшки съ матушкой

совсѣмъ не такъ велося. Жили въ совѣтѣ да въ любви, дѣтушекъ своихъ ростили, берегли и напрасно не обижали.

— Подь сюда, Ваня, подь, желанненькой! кликнула Василиса своего парнишку. А Ваня сидѣлъ въ углу и строгалъ палочку: — ты испужался, поди, дѣдушки?

— Нѐ, я не боюсь! бойко отвѣтилъ Вàнюшка.

— А я и собакъ не боюсь! подхватила Груня, вылѣзая изъ-за печки, гдѣ схоронилася.

— Дѣтушки мои рòдныя, желанненькія! ласкала Василиса обоихъ ребятъ, гладя рукою ихъ курчавыя головушки и вытирая передникомъ загрязнившееся личико Груни:—никогда не ругайтесь такъ-то! не хорошо это, не ладно! И вина Ваня не пей, слышь, Ванька?

— Не стану!

— Какъ дѣдко выпьетъ, такъ и почнетъ ругаться! сказала Груня.

— А бабушка все ругается!

— Знамо—старики они, а вамъ не годится!

На дворѣ смеркаться стало—а большаковъ все нѣтъ. Свёкоръ поди въ кабакѣ пьянъ лежитъ, а свекровушка у солдатки чайкомъ балуется.

«Семъ помòю ребятишекъ вздумала Василиса:—и сама въ печи̂ разогрѣюсь; вчерашняя стужа изъ меня все не вышла».

Печь была горячая; въ ней еще хлѣбы сидѣли, да и воды цѣлый котелъ припасенъ былъ, потому—свекровь горшки парить сбиралася, да такъ все и оставила.

Въ иныхъ мѣстахъ мужики особливыя бани строятъ. Не казисты онѣ, даже крышей не крыты, а такъ только, срубъ одинъ, гдѣ нибудь на задворкахъ, подальше отъ жилья, чтобъ бѣды съ огнемъ не приключилось.—Посередь сруба—печка; полъ земляной, какъ на гу̂мнахъ; потолокъ сдѣланъ низкій и земля на него навалена; трубы нѣтъ. Въ такихъ баняхъ каждую субботу вся крестьянская семья моется, и часто оттуда еще чернѣй выходитъ, потому что дымъ тамъ такъ и стойтъ столбомъ. Питерцу, отвыкшему отъ этихъ порядковъ, и не вздохнуть въ такой банѣ: и глаза у него бьетъ, и глотка вся дымомъ наполняется, и въ груди тошнехонько. Ну, а привычному мужичку и здѣсь любо. Но въ Чамаровѣ и такихъ бань не водилось: зачѣмъ баня, коли печка есть? На чтò лучше? Не то, что крестьяне, но и попы съ женами да дѣтками въ такихъ печкахъ парятся. А заболѣетъ кто, такъ это—первѣйшее лекарство. И къ лекарю не ходи —только въ печку слазь.

Долго парила Василиса своихъ дѣтушекъ; стали они у ней

бѣленькіе, ровно и не крестьянскія дѣти, а какъ есть барчонки настоящіе. Ихъ попарила и сама съ ними согрѣлася; вотъ и поунялась у ней ломота.

— Слава-те Господи, думаетъ:—не пришла свекровь, дала съ дѣломъ управиться, а то опять бы заругалась.

Стали дѣтки у Василисы ѣсть просить. Она имъ хлѣбца отрѣзала и посолила, а похлебки дать безъ свекрови не посмѣла; да отъ матки родной и сухой хлѣбецъ сладокъ покажется, какъ подастъ она его съ любовью да лаской.

Взяла Василиса гребень, расчесала волоски своимъ дѣтушкамъ. И всегда бы рада обряжать ихъ и холить, да недосугъ въ крестьянствѣ съ ребятами возиться: накормить ихъ, и то не всегда поспѣваешь. А ужь ка̀къ любы они ея сердцу родительскому! Вотъ въ зыбкѣ Сенюшка—весь разгорѣлся сердешный; волоски курчавые, тѣльце нѣжное да пухленькое, на губахъ улыбка играетъ—видно самъ Ангелъ хранитель съ нимъ бесѣду ведетъ! А Грунька? а Ваня? Всѣхъ равно жалко ей, всѣ ея дѣтки ро̀дныя, Господомъ данныя! Вотъ, Богъ дастъ, она справится, Ванькѣ кафтанишко сошьетъ и въ школу его къ попу сведетъ. Онъ—паренекъ разумный, граматѣ обучится и льготу въ солдатчинѣ получитъ. Теперь безъ граматы плохо. А возьметъ ли его попъ-то, задаромъ? Онъ, поди, жадный, плату положитъ, а ей гдѣ ужъ взять?

— Схожу къ нему, поклонюся, за его сынишку свѣчу Господу поставлю, чтобы хорошо граматѣ разумѣлъ и отъ учителевъ похвалу получалъ—авось и такъ возметъ Ваньку-то? рѣшила Василиса.

Покормила Василиса Сенюшку, положила въ зыбку, да и сама на полати полѣзла къ своимъ бо̀льшенькимъ. Заснули ужь они заснула возлѣ нихъ и матка. Свекоръ такъ до у̀тра и не приходилъ, а свекровь вернулась отъ сосѣдки хмѣльная; но Василиса не слыхала, ка̀къ она въ избу вошла и улеглась на своемъ мѣстѣ.

На утро встала Василиса вовсе здоровая; только еще грудь у нея болѣла, да кашель больно колотилъ, ну, а головѣ полегчало, да и на ѣду охота явилась. По крайности, работать можно — и то слава Господу! Свекоръ Васюхинъ всю ночь въ кабакѣ пробылъ. Какъ повстрѣчался онъ тамъ съ попомъ еще въ обѣдъ и какъ сталъ у попа на шкаликъ просить, тотъ ему про деньги-то и скажи; хмѣленъ былъ извѣстно, памяти и разсудка лишился: «проси, говоритъ, у хозяйки своей, у ней денегъ много, за теленочка она все сполна получила». Осерчалъ Агапъ въ тѣ поры на попа; драться съ нимъ было полѣзъ, да другіе мужички не

дозволили; тогда онъ домой прибѣгъ, да жену отколотилъ; вотъ на попа-то сердце у него улеглось—угощать его еще вздумалъ. Ну да за попомъ жена скоро пришла и домой его увела, а Агапъ такъ въ кабакѣ до утра и провалялся. Домой пришолъ хмурый, да сердитый, но ругаться съ женою оставилъ, только сурово на нее взглядывалъ и ни слова не говорилъ, а какъ позавтракалъ, такъ сейчасъ велѣлъ Васютѣ съ собой идти крышу крыть.

Давно ужь, съ самыхъ Кузьмы-Демьяна, ходили чамаровскія ребята къ попу на погостъ обучаться граматѣ. Земской школы у нихъ еще не было, но попъ отъ себя принималъ учениковъ и получалъ съ родителей когда деньгами, когда хлѣбомъ, а то и работой. Въ прежнее время, крестьяне не стали бы на такое дѣло расходоваться и лучше пропили бы въ кабакѣ свои денежки. Ну, а какъ вышелъ указъ о солдатской повинности и растолковали мужичкамъ про всѣ льготы граматныхъ, такъ и стали попу кланяться. А попу и любо: хошь по малости со всякаго положитъ — анъ, и многонько вышло, потому приходъ великъ, тысячи двѣ душъ слишкомъ наберется. Онъ и Василисѣ велѣлъ своего паренька приводить. Да чтòжь ей дѣлать, когда у парнишки одёжи нѣтъ? Билась, билась она, кафтанишко кое-кàкъ справила, а сапогъ припасти не могла. Ѳедоръ обѣщался изъ Питера съ оказіей выслать, да не шлетъ чтò-то. И письма не присылаетъ. Богъ его знаетъ, живъ ли онъ, или померъ, при мѣстѣ, или безъ дѣла шатается.

Около Николы, наконецъ, выпалъ снѣгъ, и Василиса каждый день уѣзжала въ лѣсъ за дровами, когда—со свекромъ, когда—и одна. Требовалось на весь годъ дровъ припасти. Да, кромѣ дровъ, и лопье еще требовалось. Ржи къ тотъ годъ мало уродилось, соломы совсѣмъ не было, скотинкѣ и подослать нѣчего, кабы не лопье. Опять Шумиха изъ бѣды выручаетъ. И опять Васюта весь день, какъ есть, съ утра ранняго и до поздняго вечера изъ лѣса не выходитъ, и работы у ней не менѣе, чѣмъ лѣтомъ. Другимъ бабамъ теперь вольготно, потому въ лѣсу работать — мужицкое дѣло, а имъ съ ребятами на печи грѣться, да пряжу прясть, а по вечеру на пòсѣдку ходить. Василисѣ же Господь видно другую долю назначилъ: два мужика у ней въ семьѣ, а работа, вся на ней одной. Дѣтушекъ своихъ не видитъ вовсе; Сенюшку отъ груди отняла, потому что еще съ того разу, какъ она по осени въ лѣсу застудилася, молоко вовсе пропало у ней; самой—по сю пору не мòжется; черезъ силу она и работаетъ; придетъ домой до того утомившись, что рѣдко и ужинать вздумаетъ: только лобъ перекреститъ, да такъ, ровно снопъ, и

свалится. Спасибо еще куму Антону, что лошадь даетъ; безъ лошади ей бы совсѣмъ пропасть.

Съ недѣльку этакъ до Рождества Христова пришелъ изъ Питера одинъ изъ мужичковъ чамарскихъ, что̀ въ Питерѣ въ извощикахъ жилъ. Шесть недѣль онъ въ больницѣ въ горячкѣ вылежалъ, мѣста лишился, а выписался—все больнёхонекъ. Вотъ и вздумалъ на родную сторонку съѣхать. Такъ съ нимъ вотъ Ѳедоръ, наконецъ, письмо прислалъ, да денегъ, да женѣ платокъ. Наказывалъ онъ ему платокъ-то потихоньку отдать, чтобъ свекровь не видала, да парень глупый попался: либо забылъ, либо не понялъ Ѳедора наказу. Вошелъ въ Агапову избу, на иконы помолился, съ хозяевами поздравствовался, да и говоритъ прямо такъ: «на-те, молъ, вотъ письмо и деньги, вотъ и платокъ».

Взяла Маланья платокъ въ руки. И-и и! что̀ за платокъ! Ужь больно красивъ! У ней такого и съ роду не было! Весь шерстяной, кайма богатая, въ середкѣ цвѣты пестрые! Да и большой, пребольшой! «Вотъ», думаетъ, «не забылъ меня Ѳедоръ! Ничего, что не ро̀дная матка ему, а меня почитаетъ! Потому—большуха я; захочу—изобижу внучатъ; захочу—и поберечь могу ихъ».

Распечаталъ Агапъ письмо, вынулъ оттуда 9 рублей, да какъ треснетъ кулакомъ по столу:

— Вотъ-те и питерецъ! говоритъ:—третій мѣсяцъ въ Питерѣ живетъ, а домой грошъ выслалъ! Въ чемъ живетъ?

— На фабрикѣ.

— Отчегожь экую малость выслалъ?

— Не могимъ знать, потому не наше эвто дѣло; видно, нѣту больше.

— Нѣту больше! а самъ поди въ Питерѣ гуляетъ?—такъ гулять и я бы съумѣлъ! Да что̀ онъ рехнулся, что̀ ли? вскричалъ Агапъ съ новой злобой, вспомнивъ, что ему за сына въ конторѣ отвѣтъ держать, какъ недоимки сбирать станутъ.— Вѣдь менѣй какъ съ восьмнадцатью рублями въ контору и не суйся, а онъ вишь 9 прислалъ!

— Въ постъ еще обѣщается, сказалъ питерецъ.

— Въ постъ! до поста-то его, мерзавца, еще и сюда вернуть можно, коли я старшинѣ поклонюсь! Прочтешь, что̀ ли, письмо-то?

— Давай!

«Любезному моему отцу-батюшкѣ Агапу Прохорычу со супругой вашей Маланьей Терентевной и законой моей супругѣ Василисѣ Онтоновнѣ посылаю вамъ свое почтеніе и слюбовію по низкому попоклону еще я объявляю о себѣ, что я живъ и здоровъ, чего и вамъ желаю денегъ за недоимку посылаю девять

рублевъ, а свиней либо овецъ вы продайте потому больше мне никакъ не возможно прислать денегъ куму Онтону посылаю свое почтеніе и низкій поклонъ кумѣ Мотвевне посылаю свое почтеніе и низкій поклонъ и прошу я у васъ родительскаго благословѣнія на веки не рушимо дѣтушкамъ своимъ ивану и ографене и семену посылаю по низкому по поклону а засимъ остаюсь живъ и здоровъ сынъ вашъ Өедоръ».

— А чтожь про платокъ не помянулъ? поди, еще чего не прислалъ ли Өедоръ-отъ? спросила Маланья. Вздумалось ей, не утаилъ ли питерецъ какого гостинца? потому—въ письмѣ вишь ничего не прописано.

— Все тутъ, а больше ничего нѣтъ. Сапогъ, говоритъ, Ванькѣ послать не могу, потому капиталу не хватаетъ, а платокъ женѣ отдай.

— Женѣ? вскричала свекровь и вся затряслась: никакъ не ждала она такого удара.

— Знамо ей! повторилъ Степанъ.

— Ахъ онъ непутный! Да съ чегожь онъ это вздумалъ? Ума, что ли, рѣшился въ Питерѣ-то? Отца съ матерью и калачикомъ не поберегъ, а сволочи этой платокъ рублевый послалъ! Поди, ситцевъ али шелковъ не накупилъ ли еще? Да что онъ въ самъ дѣлѣ? Изъ своихъ денегъ, что ли, куражится?

— Ну, пошла мочалить! прикрикнулъ на неё Агапъ.—Сцѣпись теперь драться съ снохою! Слышь ты, Степанъ! отпиши, братъ, Өедькѣ, чтобы денегъ, откель хочетъ, досталъ да прислалъ, потому я не охочъ за его озорство въ волостномъ отвѣтъ держать: самого его сюда вытребую, да туда и представлю! Пойдемъ, что ли, выпьемъ? угостишь меня, аль нѣтъ, на пріѣздѣ?

— Ну, ладно! сказалъ Степанъ:—угощу! и они оба вышли.

Не дала имъ Маланья со двора уйти, такъ на сноху и накинулась, просто съѣсть её хочетъ!

Сидитъ Василиса за работой, и опять ея сердце кручинно: ей платка не жалко, а въ томъ ея горе, что хозяинъ ея забаловалъ въ Питерѣ и денегъ мало выслалъ, буренушку отъ продажи не ослобонилъ: теперь ужь безпремѣнно ее продадутъ! Осьмнадцать рублей требуется, а гдѣ ихъ взять? Овецъ кто купитъ? Да и цѣна имъ плохая! Опять же и самимъ шерсть нужна! А коровушки еще жалчѣе! Сенюшка только и живетъ, что молочкомъ однимъ! Не довелось ему, сердешному, у матерней груди понѣжиться! Другія бабы по три поста (3 великихъ поста) ребятъ своихъ кормятъ, а его, родненькаго, она и годочка не выкормила! И такъ стало тяжко Васютѣ за Сенюшку, что слезы изъ глазъ на основу такъ и закапали.

Какъ стали всѣ спать ложиться, на иконы поклоны класть, встала на молитву и Василиса: читаетъ «Отче» и «Богородицу», а изъ кручинной ея душеньки другая молитва ко Господу вздымается. Пожалѣлъ бы Онъ, Батюшка, ея ребятокъ малыхъ, буренушку имъ оставилъ бы. И глядитъ Васюта на образа, глазъ не спускаетъ съ нихъ: то-то думаетъ у Господа всякаго добра много! Помилуй же, помилуй Господи, моихъ дѣтушекъ!

Вотъ, дождалися и праздничка. Привелъ Господь Христову Рождеству поклониться! Отслужилъ попъ обѣдню и зашелъ домой чайку напиться, а тамъ на весь день въ приходъ уйдетъ Христа славить. Домъ у него большой, хозяйство—полная чаша. На дворѣ пара сытыхъ лошадокъ стоитъ, да коровъ штукъ пять, да овецъ и свиней, да индюшекъ и куръ—всего въ волю. Въ амбарахъ еще засѣки пустеньки, но на гумнѣ за то хлѣба сколько! Попъ не одну свою полосу сѣялъ, а еще у помѣщиковъ землю нанималъ и такъ её навозомъ удобрилъ, что рожь у не въ плохой этотъ годъ самъ 12 уродилась. Только съ молотьбой запоздалъ, потому съ работниками у него не ладно: одного въ солдаты взяли, а другаго нанялъ—загулялъ. Вотъ матушка его и прогнала, да съ той поры все кое-какъ перебивается. Когда помочь устроитъ, когда поденщиковъ принайметъ, либо самого попа пошлетъ молотить съ работницей.

— Кабы такую работницу, какъ Василиса! думаетъ попадья:— такъ не нужно и работника, со всѣмъ сама управится! Да гдѣ ихъ взять нонче, такихъ-то?

Въ Рождество къ попу многонько гостей понаѣхало: тесть благочинный съ двумя дочками, да женнинъ племянникъ, семинаристъ, да двоюродный братъ самого попа—пономарь изъ сосѣдняго уѣзда. Не мало и дѣла было у матушки, какъ она готовилась гостей принимать: цѣлые три дня она съ Матреной работницей весь домъ обряжала: скоблила да мыла, варила да пекла. Ушелъ мужъ въ приходъ—и гости съ нимъ, а попадья съ работницей за посуду принялась — убирать стала. Вдругъ, видитъ, Василиса идетъ.

— Здравствуйте, матушка! съ праздничкомъ Христовымъ! низко кланяется она, входя въ горницу.

— Здравствуй, голубка, что̀ требуется?

— А къ батюшкѣ я, несмѣло говоритъ Василиса.

— Нѣту его, въ приходъ ушелъ. Да ты говори, что̀ нужно? Можетъ, я и безъ попа могу твоему дѣлу рѣшенье положить?

— Да вотъ на счетъ сынишки. Батюшко-то сказывалъ, въ

школу его, а у него одежи не было, сапогъ, значитъ; ну, а теперь крестный Антонъ свои валенки ему подарилъ.

— Ну чтòжъ, посылай его.

— Поклониться-то намъ нѣчѣмъ, матушка! И Василиса застыдилась.

— Ну, чтòжъ, матка, коли нечѣмъ, такъ пусть сынишка у тебя на печи сидитъ. Мы васъ не можемъ дарма учить: сами за своихъ ребятъ деньги платимъ.

— Матушка, помилосердствуй! кланялась Василиса: — кабы было чѣмъ, ужли пожалѣла-бы? Вѣдь рòдной онъ мнѣ, паренекъ-отъ! и такъ намъ обидно, что у другихъ, у прочихъ родителевъ граматные будутъ ребята, себѣ царскую вольготу заслужатъ, а нашъ то безъ вольготы останется! Заставь за ся Господа молить!

— Ну, ладно, ладно! говоритъ попадья: — я скажу попу, а ты лѣтомъ намъ какъ-нибудь заработаешь: десятинку сѣна уберешь, чтò ли, али тамъ льну вытеребишь, коли Господь уродитъ, али въ иномъ, въ чемъ подсобишь! чтò-ли?

— Спасибо, рòдненька! пошли тебѣ Господи здоровьица!

— Нà тебѣ, Василисушка, пирожка, раздобрилась попадья, и Васютѣ кусочекъ пирога отрѣзала съ блинчатой начинкой.— Жаль мнѣ тебя, голубкá. Чуднò дѣло! отчего у васъ все недостача?—Работница ты хорошая, хозяйство въ порядкѣ ведешь, и мужиковъ у васъ въ семьѣ довольно, а изъ бѣдности не выходите!

— Такъ видно Господу угодно, покорно молвила Василиса:— отъ свекра—батюшки помочь, знамо, не важная.

— Ну, а мужъ-то твой Ѳедоръ? Ладно-ль въ Питерѣ-то живетъ? денегъ-то присылаетъ-ли?

Ничего не отвѣтила ей Василиса, вздохнула только.

— Чтò, видно забаловался въ Питерѣ-то? пить началъ?

— Не безъ того, тихо сказала Василиса:—ономнясь, батюшка Степана допрашивалъ—«сказывай, говоритъ, Степанъ: гуляетъ Ѳедька-то, безъ дѣла шатаетцы?»; такъ ему-то Степанъ не открылся, а опосля мнѣ сказывалъ, что какъ есть совсѣмъ избаловался мой хозяинъ. Какъ пришелъ въ Питеръ, сейчасъ на мѣсто въ дворники поступилъ, да пожилъ-то, вишь, не долго, потому—пить зàчалъ; ну его, значитъ, и прогнали. Потомъ онъ двѣ недѣли безъ мѣста шатался, всю одёжу пропилъ. Тогда дядя Питерской приставилъ его на фабрику, на большiя деньги, на 30-ть въ мѣсяцъ, и наказалъ ему: служи, говоритъ, тверёзо, а коли опять загуляешь, такъ я отъ тебя отступлюся и въ деревню отпишу, чтобы пашпортъ отобрали. По первоначалу, Ѳё-

доръ и не баловалъ, и за первый мѣсяцъ деньги сполна получилъ, да и прогулялъ ихъ съ пріятелями; только вотъ девять рублевъ всего домой и прислалъ, а одной подати намъ восемнадцать внести надо, да хлѣбца-бы безпремѣнно купить! И Василиса утерла рукавомъ навернувшіяся на глазахъ слезы.

— Такъ ка̀къ же вы управитесь?

— А Господь знаетъ ка̀къ! Видно, мы прогнѣвали Господа, а дѣтушки наши за родительскіе грѣхи терпѣть должны!—Вотъ послѣ новаго году безпремѣнно коровушку продадутъ, какъ недоимки сбирать станутъ.

— Ну, ка̀къ же такъ, Василисушка, послѣднюю коровушку? Вѣдь у тебя дѣти малые? Ка̀къ же имъ безъ молочка?

Ничего не сказала Василиса матушкѣ, а только пуще заплакала. А матушкѣ то и приди на умъ мысль.

— А много-ль у васъ капиталу-то не хватаетъ, чтобъ подать отдать? спросила она.

— Девять рублевъ; свекоръ ономнясь сказывалъ.

— Ну вотъ, Васюша, я что̀ придумала. Хоша девять рублевъ по нонѣшнему голодному времени—цѣна не маленькая и мы бы за пять себѣ достали работницу; но тебѣ, такъ и быть, положимъ девять, чтобы твоему горю помочь. Просись-ко у свекра къ намъ въ работницы.

— А Матреша, матушка, ужель ее отпускаешь?

— Нѣтъ, Матреша при своемъ мѣстѣ останется, а ты пойдешь за мѣсто Сеньки...

— За мѣсто Сеньки?..

Видитъ матушка, раздумываетъ что̀-то Василиса, того гляди смѣкнетъ дѣло.

— Ну что̀-жъ, что за мѣсто Сеньки? работа у насъ не Богъ знаетъ какая; дома-то, поди, труднѣй дѣлаешь, а ѣсть, такъ не въ примѣръ плоше ѣшь. Опять же у насъ ты не одна будешь: либо съ другимъ мужикомъ, либо съ самимъ попомъ въ лѣсъ ѣздить станешь.

— А гдѣ другой мужикъ-то? спросила Василиса.

— Его еще нѣту; да вотъ, праздникъ справимъ, принаймемъ. Ну, что̀-жъ, согласна, что ли?

— А доколь меня наймуешь?

— Извѣстно, до Миколы. Сенька до Миколы былъ взятъ, такъ и ты ужъ какъ онъ. Ну что̀-жъ молчишь?

— Мнѣ бы ни што! молвила, наконецъ, Василиса.—Хошь и жаль дѣтушекъ покинуть, да безъ коровушки имъ еще тошнѣй будетъ, ничѣмъ безъ матки. Не знаю, вишь, большаки-то пустятъ аль нѣтъ? Баютъ, Сенька-то за 20-ть рублевъ рядился.

*

— Дура ты дура!—и попадья головой замотала.—Съ мужикомъ равняться вздумала! Ужель не знаешь: мужику одна цѣна, бабѣ—другая?

— Вѣстимо, матушка, такъ. Гдѣ ужъ намъ съ мужикомъ тягаться? Извѣстно, они—мужики; имъ одна честь, а намъ, бабамъ, и вовсе другая! Да вѣдь не большуха я въ домѣ-то; не со мной рядись, а со свекромъ.

На другое утро, попадья опять пріѣхала въ Чамарово.

— Аль опять въ городъ срядилась, матушка? встрѣтилъ ее Агапъ у воротъ своей избы.

— Нѣтъ, не въ городъ, а къ твоему дому путь держу—дѣло у меня до тебя есть. Прослышала я, сосѣдушка, что не больно ладно у васъ въ домѣ-то, начала попадья, поздраствовавшись съ хозяйкой и съ Василисой:—и въ хлѣбѣ, и въ деньгахъ недостача, и на подать не хватаетъ?

— Такъ, матушка, такъ! въ одинъ голосъ заговорили Агапъ съ женою.—Прогнѣвался на насъ Господь! не знаемъ ужъ что̀ и дѣлать? Хошь по міру иди всей семьей.

— Ка̀къ можно по міру! испугалась матушка:—Богъ дастъ, справитеся; вотъ Ѳедоръ—(какъ услыхалъ Агапъ это имячко, такъ только рукой махнулъ)—вотъ Ѳедоръ въ Питерѣ деньжонокъ наживетъ, домъ-то и подыметъ, а покедова добрые люди не оставятъ Многоль вамъ на подать требуется?

— Да девять рублевъ, матушка.

— Ну вотъ, мой попъ самыя эти деньги за васъ и уплатитъ, коли значитъ вы согласны будете сноху свою намъ въ зимнія работницы отпустить—до Миколина дня, то̀ есть.

Молчитъ Агапъ, только затылокъ почесываетъ. Аграфена слушаетъ, что̀ мужъ скажетъ, даже хлѣбы остановилась въ печь сажать, а Васюта въ сѣни вышла: пущай-де безъ меня сторгуются!

— Отпустить можно! — только цѣна-то маловата, наконецъ, молвилъ Агапъ, взглядывая на матушку:—сама посуди, вѣдь отъ своей работы оторвемъ ее, а дома мало ли дѣла?

— Ну коли такъ—ваша воля! сказала матушка:—я безъ работницы не останусь.—Жалѣючи тебя, я про Васюшу вздумала, а въ иномъ прочемъ мнѣ все равно.

— Ахти-хти! вздохнулъ Агапъ:—тѣснота-то наша велика!

— Вотъ то-то и есть: тѣснота! а еще ломается! кончай, что̀-ли?

Молчитъ Агапъ.

— Ты то разсуди, начала опять матушка его уговаривать:— какой ноне годъ? Хлѣба нигдѣ нѣтъ; всякій изъ-за одного хлѣба

радъ уйти въ люди! А мы тебѣ за сноху девять рублевъ сулимъ, да еще деньги-то впередъ дать согласны, потому что недоимку до великаго поста сбирать станутъ.

Думалъ, думалъ Агапъ.

«Девять рублевъ—деньги! окромя ихъ нѐ откуда взять! А въ волостномъ спуску не дадутъ! Опять и коровы жалко—за ништто ее продадутъ... А дома дѣло теперь не Богъ знаетъ какое... Дровъ, пожалуй, до лѣта хватитъ, а со скотомъ старуха управится»....

— Кабы еще хошь рубликъ набавила, матушка, да косушечку бы мнѣ старику поднесла... наконецъ, выговорилъ онъ.

— Водку пить—приходи, а объ рубликѣ и думать забудь: не дамъ.

Подумалъ, подумалъ Агапъ, да и хлопнулъ въ руку попадьѣ: сладимся, значитъ, порѣшили дѣло!

Не стала матушка и толковать больше, сѣла въ сани, да и уѣхала. Только выѣхала она за околицу, вдругъ слышитъ нагоняетъ ее кто-то. Остановила лошадь, оглянулась—видитъ: Агапъ бѣжитъ, весь запыхался даже.

— А вѣдь Васютѣ-то нельзя...

— А зачѣмъ нельзя?

— Да вѣдь десятской она! Въ контору её часто требуютъ; то сюда пошлютъ, то туда, вотъ и должна, значитъ, завсегда на глазахъ быть.

— Ахъ и въ самъ дѣлѣ! спохватилась попадья:—ка̀къ же мы объ этомъ съ тобой не размыслили? а сама думаетъ: вотъ бѣда! теперь нанимай работника, плати ему 20-ть цѣлковыхъ!

Однако, матушка упряма, отъ своего рѣшенія отступаться не любитъ, а захотѣла взять Василису, такъ ужъ возьметъ. Подумала она подумала да и говоритъ Агапу:

— Вотъ что̀, старикъ: мужикъ ты хорошій, и не охота мнѣ съ тобою ряду рушить. Пущай Василиса твоя дома ночуетъ, а у меня день работаетъ. Далеко-ль до погосту?—и двухъ верстъ не будетъ, а она—баба здоровая! Ей же лучше съ ребятишками спать!

На этомъ и порѣшили.

Обрадовалась Василиса, какъ свекоръ ей сказалъ, что ночевать она дома будетъ. Хоть и не веселое дѣло, зимою, въ мятель да вьюгу, раньше пѣтуховъ вставать и по глубокому снѣгу въ погостъ спѣшить, а вечеромъ опять тѣмъ же путемъ домой пробираться, а все легче, чѣмъ съ дѣтками разлучиться.—Все материнъ глазъ надъ ними будетъ, думаетъ Василиса:—Хошь ночью, да пожалѣю ихъ!

— Смотри, Груня, говорила она своей дѣвочкѣ:—береги братишку и кричать ему не давай, а какъ проснется онъ, сейчасъ молочкомъ напой, вотъ тутъ я и крыночку поставлю.

На утро, еще свѣтать не начинало, встала Василиса, на дѣтушекъ поглядѣла, да, помолясь Господу, и ушла на погостъ. Пришла, а попъ съ гостями еще спятъ; только матушка пироги творить собирается, а Матреша работница ей печь растопляетъ.

— Ну, говоритъ: — Василиса, здравствуй! Дай Богъ тебѣ въ добрый часъ работу начать. Подикось, коровъ подой.

Подоила Василиса коровъ, согрѣла воды въ котелкѣ, налила въ ушатъ, мучки всыпала, коровушекъ напоила. Потомъ матушка велѣла ей въ хлѣвъ свѣжей соломки наслать свиней и овечекъ покормить; курамъ и индюшкамъ крупы засыпать; трехъ теленочковъ съ пальца напоить; своимъ и чужимъ лошадкамъ корму задать. Все выполнила Василиса.

— Ладно, говоритъ попадья:—теперь ведра возьми и воды наноси. Вотъ тутъ сейчасъ подъ горкой въ концѣ села, какъ сойдешь, тутъ рѣка и есть.

Пошла Василиса. Крутенекъ спускъ то, снѣгъ весь сдуло съ него вчерашней мятелью; ну, да ловка Василиса, справилась: разовъ пять на рѣчку сходила.

Другая работница, Матрёна, хлопотала около кушанья: уѣзжали сегодня отъ матушки гости, погостивъ три денёчка, такъ надо было ихъ, какъ слѣдуетъ, проводить.

Никогда не видала Василиса такихъ кушаньевъ! Сыта была она въ дому родительскомъ, а такой благодати все же не видывала.

— Ступай, что̀-ли, «фрыштыкать», сердито сказала Матрёна, налила щей въ чашку, отрѣзала хлѣба ломтя два, и, сунувъ Василисѣ ложку деревянную, молча стала хлѣбать съ нею «фрыштыкъ».

— Ты думаешь, тебѣ здѣсь хорошо будетъ? вдругъ говоритъ ей Матрёна, а сама въ другую сторону глядитъ:—пришла, небось, отъ крестьянской работы отдыхать, рученьки свои покоить, на печкѣ нѣжиться; ка̀къ-не-такъ! Вотъ ужо они работой-то всѣ жилы у тебя повытянутъ! Помянешь ты мое слово!

Долго пили и ѣли поповскіе гости, наконецъ, стали и въ путь сряжаться. Ка̀къ ни много ѣли они да пили, а все же половину оставили, потому что и поповскому желудку того не съѣсть, что̀ матушка наготовила.

Проводивъ гостей, матушка велѣла Матрёнѣ посуду убирать, а сама съ Василисой пошла въ молочную масло бить. Еще непри-

вычна была къ этому дѣлу Василиса, такъ на ее одну дѣло оставить и нельзя было, а на-первый разъ самой за всѣмъ доглядѣть приходилось. Но кàкъ ловко Васюта за все принималась! Кàкъ спорко и проворно дѣло дѣлала! Кàкъ сейчасъ смекала то, чтò матушка ей приказывала!

— Ее на всякую работу поставить можно, радуется попадья, но громко хвалить Василису не хвалитъ.

Пока онѣ масло били, да промывали, солили, да въ кадку накладывали, наступилъ ужь и вечеръ; опять пора коровъ доить, скотинкѣ кормъ и пойло нести, куръ загонять, около лошадокъ облаживать. Дали Василисѣ щецъ похлебать и опять на работу поставили. Когда она все, какъ слѣдуетъ, справила, на церкви пробило 9 часовъ, и матушка съ попомъ и дѣтками, поуживавъ, спать собрались.

— Теперь, пожалуй, домой ступай! сказала попадья Василисѣ:—а завтра приходи по-раньше, потому въ четвергъ у насъ мочь будетъ, такъ кое-чтò и справить надо.

Второй мѣсяцъ ходила Василиса въ погостъ, а работника матушка все не нанимаетъ. Хлѣбъ молотить раза два помочь сзывала, а потомъ самъ попъ съ Васютою по-маленьку цѣпами молачивали; иной разъ и Матрёну брали съ собой пособлять, да та не спорка была къ этой работѣ, все больше около дому да матушкиныхъ дѣтокъ вертѣлась.

Кряду послѣ Крещенья пріѣзжало начальство, недоимку съ крестьянъ собирали и многихъ мужичковъ къ отвѣту призывали, а Агапову корову не тронули, потому деньги онъ, какъ слѣдуетъ, сполна внесъ.

Перекрестилась Василиса и больше прежняго для матушки стараться стала, хошь и тяжеленько ей, порою, приходилося. Особливо этотъ лѣсъ! Каждый день ѣзжала туда Василиса; развѣ тогда только и не пошлютъ ее, какъ молотьба дòма, или другая какая работа спѣшная. А морозы въ зиму стояли великіе, и Васюта частенько себѣ то ноги, то руки, то лицо отмораживала. Ототретъ, бывало, снѣгомъ, попляшетъ, въ ладоши похлопаетъ, либо къ лошадкѣ прижмется, чтобы ея тепломъ маленечко отогрѣться, а тамъ—сейчасъ и опять за дѣло принимается.

Жила Васюта и на труды не роптала, поминаючи словà, еще роднымъ батюшкой говоренныя: «нанялась—продалась, чтò велятъ, то и дѣлай», и твердо держала въ памяти, что не для чужихъ, а для своихъ родныхъ дѣтушекъ она работаетъ. Ванька ея теперь ходилъ въ школу, и отецъ Аѳанасій его очень хва-

лилъ, что смышленъ онъ и хорошо граматѣ разумѣетъ. Но и его она не больше видала, чѣмъ другихъ дѣтушекъ.

Въ погостъ онъ приходилъ много позднѣй матки, когда она давнымъ-давно въ лѣсу либо на гумнѣ работала, а уходилъ — еще зимніе сумерки не наступали.

Попъ съ попадьей добры были до Василисы и напрасно худыми словами ея не обижали, но отъ Матрёны ей частенько приходилось ругань слышать. Никогда, бывало, не дастъ она ей хлѣба кусокъ по-христіански, а все съ попрёкомъ да съ сердцемъ и такъ не хорошо на нее изъ-подлобья взглядываетъ. Не связывалась съ ней Василиса ругаться; поѣстъ, бывало, на кухнѣ, да сейчасъ и уйдетъ къ своему дѣлу. Попадья все это примѣчала и Василисѣ честь отдавала.

Около великаго поста, стала примѣчать Василиса, что силы въ ней противъ прежняго поубавилось. Никакой бо̀лѣсти въ себѣ она не чувствовала, только кашель вотъ... Да это что̀ за болѣсть! Онъ еще съ осени присталъ къ ней, а тамъ, глядишь и угомонился опять. Но вотъ, то и дѣло у нея духъ захватываетъ и но̀женьки трясутся, ровно она чего испугалась. Въ первое время, какъ она у попа работать стала, ей нипочемъ, бывало, осьмину ржи на спину взвалить, да въ амбаръ снести. Бывало, мужики, и тѣ дивуются, глядятъ да похваливаютъ: «ай, да баба! отъ мужика не отстала! мужикомъ бы тебѣ и быть!» Ну, а теперь не поднять ужь осминки! А подняла разъ, такъ послѣ того на полъ рядомъ съ кулемъ и грохнулась, а потомъ кашляла, кашляла—думала, все нутро въ ней отъ того кашля порваться хочетъ. Вотъ и не стала кули поднимать, а все мѣрами рожь въ амбаръ убирала, и матушка ей въ томъ не перечила.

Добра была до нея матушка! Разъ—чайкомъ ее напоила: «на̀, говоритъ:—Василиса, попей, обогрѣйся, кашлю твоему отъ того полѐгчаетъ». Василиса въ тотъ день, почитай, до самого вечера на холоду оставалась и очень ужь прозябла, а какъ напилась чайку, такъ ровно въ себя теплаго маслица влила. Но, домой идучи, опять прозябла. Ужь больно была въ этотъ вечеръ вьюга сердита: такъ и рвала съ нея платокъ, а лицо все снѣгомъ засыпала, и даромъ что не въ чужую, а въ свою деревню шла Василиса, и что путь былъ не дальній, а она едва не заблудилась: около самой околицы вертѣлась ни вѣсть сколько времени, попасть въ нее никакъ не могла, и сама не примѣтила, какъ опять въ другую сторону отошла, къ самому т. е. кладбищу. «Господи, Іисусе Христе! помилуй мя, грѣшную! перекрестилась она и, тутъ—ровно самъ Христосъ ее спасъ—услыхала она лай

чамаровскихъ собакъ: онъ ее на дорогу и вывелъ. Но домой пришла она, такъ матушкина тепла въ ней и званья ужь не оставалось, и хошь печь въ избѣ была жарко натоплена, но и этотъ жаръ не скоро изъ нея стужу вывелъ. Всю ночь трясло Василису, и она мало уснула, потому, почитай, до того самого времени прокашляла, какъ ей опять вставать и въ погостъ идти.

Разъ—было это въ концѣ поста—пришла домой Василиса и видитъ: Грунька больна. Горлышко захватило у ней, глотать не даетъ нисколько, и головушка болитъ, и жаръ въ ней во всей стоитъ, ровно въ печи каленой. Разметалась дѣвчонка, все съ себя сбросила, съ полатей слѣзла, на полу легла, и все у бабушки пить проситъ, а возьметъ воды въ ротъ, такъ пить не можетъ. Испугалась Василиса, всю ночь съ ней промаялась, спать такъ и не легла вовсе. Пытала квашни ей къ пяткамъ привязывать, головушку святымъ маслицемъ изъ лампадки мазала—все нѣту легче! Стономъ стонетъ Грунюшка: то къ матери прижмется, то прочь ее оттолкнетъ. Даже бабушкѣ, и той стало жаль дѣвчонки: ранымъ-раненько печь затопила, льняного сѣмени заварила и къ горлышку ей привязала. Ровно и отошло чуточку: перестала Груня метаться, дала кафтаномъ себя накрыть, а къ утру и задремала.

Не охота было Василисѣ въ этотъ день изъ дому идти, да не смѣла она попадью прогнѣвать — только Ванькѣ не велѣла въ школу ходить и наказала ему Сенюшку няньчить, да около больной сестренки сидѣть, сама же въ погостъ пошла.

Весь день въ ней сердце болѣло, все про Грунюшку вспоминала, побережетъ ли ее бабушка? Вечернюю работу изо всей мочи справить спѣшила и отпросилась у матушки домой поранѣй другихъ денъ.

Пришла домой—а стариковъ ни одного нѣту: свёкоръ гуляетъ, а бабушка къ Матвѣевнѣ на посѣдки ушла.

Обрадовался маткѣ Сенюшка: такъ рученки и тянетъ къ ней, и смѣется, и у Ваньки на рукахъ сидѣть не хочетъ. Взяла его Василиса, приголубила, пирожка съ кашей дала, на лавочку его посадила, да и полѣзла на Груню взглянуть. А у той и глàзаньки не глядятъ, открыть ихъ не можетъ, а личико все, какъ мàковъ цвѣтъ, и по всему тѣлу сыпь показалася, красная такая, большущими пятнами. Окликнула матка Грунюшку: «Чтò, молъ, у тебя болитъ, дѣвонька?» и любовно ее къ себѣ прижала, а Груня, въ отвѣтъ ей, стономъ застонала и показала на головушку.

— Все такъ-то, весь день! сказалъ Ваня: — баушка щей давала—не ѣстъ! Все пить проситъ.

— Господи помилуй! уже не испортилъ ли ее кто? думаетъ Василиса:—семъ съ уголька ее умою!

Взяла уголёкъ, на порогѣ избы водицей чистой его обмыла, да ею въ лицо ей и брызнула. Вотъ и пришла въ себя Груня, маленечко успокоилась, но тамъ опять стала стонать и тосковать, и опять съ нею мать всю ночь глазъ не сомкнула. На утро, Василиса опять въ погостъ ушла и опять наказала Ванѣ сестру беречь. Тутъ ужь матушка ее, какъ всегда, до вечеру продержала, не велѣла раньше домой идти: «Не одна, говоритъ, дѣвчонка у тебя дома осталась, есть кому за ней присмотрѣть, а я не согласна, за свои денежки, да сама, замѣсто тебя, работать». Промолчала Василиса, матушкѣ покорилась. «Нанялась, думаетъ, такъ и волюшки своей, извѣстно, лишилась; должна въ повиновеньи быть».

Семь дней, семь ночей мучилась такъ-то Груня, и ослабы ей отъ бо̀лѣсти вовсе не было. Приносила ей мать отъ попадьи огурчиковъ солененькихъ, и квасу, и пироговъ: «На̀, молъ, дитятко, здоровьица тебѣ матушка прислала; выкушать наказывала; выкушай, въ часъ добрый—полѐгчаетъ!» Нѣтъ, куды! Ни на что̀ и глядѣть не хочетъ Грунюшка, только проситъ все, чтобы матка отъ нея не отходила и близко, близко къ ней прижимается. Ванька говоритъ, что около матки она все потише будто, а днемъ—ужь реветъ, реветъ, просто угомону нѣту, и бабушка ужь не разъ ее хворостиной стращать пытала.

Вотъ и сидитъ съ нею Василиса всѣ ночи и сама еле жива ходитъ, еле ноги волочитъ. Весь день на тяжкой работѣ она, на вѣтру да на холоду, а ночью около дѣвчонки: то на руки ее возьметъ, какъ младенца малаго пѣстуетъ, то на лавку положитъ, то опять на полати снесетъ, думаетъ, въ теплѣ-то получше будетъ, и какъ есть до утра не приляжетъ, ни однимъ глазкомъ не вздремнетъ. А кашель ее все колотитъ, колотитъ, и во всемъ тѣлѣ у ней ровно здороваго мѣстечка ужь не осталось.

На седьмые сутки, какъ стала она въ погостъ сряжаться, свекровь-то и говоритъ ей:

— Семь я Груньку-то въ печкѣ попарю, можетъ ей и полегче станетъ; краснуха-то отъ пару выйдетъ!

— Попарь, матушка, говоритъ Василиса, что̀ Господи дастъ!

Въ этотъ день сама она еле до погосту дотащилася. Съ пустыми руками шла, но̀ши никакой на спинѣ не несла, а такъ умаялась, ровно пудовъ десятокъ съ собой приволокла. Доплелася до поповой кухни, а ноги такъ и подкосилися, и сердце застучало, ровно выпрыгнуть вздумало: ни шагу больше ступить не можетъ. А въ кухнѣ нѣтъ никого. Сѣла Василиса, головой

къ стѣнкѣ прислонилась, отдохнула маленько и пошла въ горницу спроситься у матушки, на какую работу сегодня поставитъ её? Матушка велѣла сперва муку молоть, а тамъ, говоритъ, либо на гумно тебя пошлю, либо масло будемъ бить.

Не лѣнива Василиса. Рада бы, какъ всегда, дѣло свое исполнить, да не слушаются ее рученьки: раза два жерновъ-то перевернетъ, а тамъ и не можетъ больше. Въ первый разъ въ этотъ день осерчала на неё попадья.—«Ты, говоритъ, баловаться начинаешь, отъ работы отлыниваешь!» Не отвѣтила ей Василиса, покорно снесла напрасный упрекъ, послѣднія силушки напрягла. Прошелъ кое-какъ день этотъ, пошла Василиса домой. Рада бы она на крыльяхъ летѣть, а съ трудомъ великимъ ноги двигаетъ—равно чужія стали они, служить ей отказалися: разовъ шесть садилась она на дорогѣ, на снѣгъ отдыхать.

Вотъ пришла, наконецъ, только еще три избы обойти, да въ проулочекъ завернуть—тутъ и есть. Видитъ Василиса: вышла свекровь на улицу помои выливать.—Матушка! а матушка? что̀ Груня? не утерпѣла она вскричать свекрови; а та ей въ отвѣтъ:

— Кажись, помирать собралась!

Какъ услыхала Васюта эти слова, такъ сердце въ ней и упало. И сама не помнила, какъ съ одного маху въ избу вбѣжала! А Груня лежитъ на полу почти голая, никому до себя не даетъ дотронуться, и не стонетъ, а громко кричитъ; даже Сенюшка отъ тѣхъ криковъ проснулся и съ испугу къ Ванькѣ прижался, не захотѣлъ и въ зыбкѣ лежать. Личико у Груни вовсе бѣлое на тѣлѣ—ни пятнышка, пропала съ него краснота; глазки открыты и такіе большіе сдѣлались, равно они у ней выросли, носикъ потемнѣлъ и обтянулся. Кинулась мать къ ней, хотѣла къ себѣ прижать, на руки взять, но еще страшнѣй закричала Груня—будто желѣзомъ каленымъ до нея дотронулися.

Стоитъ надъ ней Василиса, и умъ потеряла: что̀ и дѣлать не знаетъ!

Наконецъ, тихонько до ея головушки рукой дотронулась:—«Болѣзная моя, желанненькая, скажи, гдѣ у тебя болитъ»? Хотѣла ей Грунюшка отвѣтить, да видно силъ не хватило сло̀ва вымолвить: глянула только на матку, да руку ея ухватила и крѣпко въ своихъ пальчикахъ стиснула.

Ладно, что̀ ли, ей такъ показалося возлѣ матери, только стала она утихать. Заплакалъ Сенюшка, къ матери просится, а Василисѣ отъ Груни не отойти. Что̀ дѣлать станешь?—Велѣла Ванькѣ его къ себѣ принести; одной рукой его обхватила, другую отъ Груни не отымаетъ. Вотъ, наконецъ, утихли всѣ: заснулъ

Сенюшка и не примѣтилъ, ка̀къ Ванька его въ зыбку унесъ; заснулъ и Ванька возлѣ дѣда; спятъ старики. Не спятъ только Груня съ матерью, и обѣ—еле живы. Груня все холоднѣй и бѣлѣй становится. Василиса вовсе изъ силъ выбилась. Видитъ она, что смерть уже пришла за Груней и тихимъ крыломъ своимъ ее обмахнула, и въ то же время чувствуетъ, что и у самой ужъ силушки нѣтъ! Не глядятъ ужъ и ея глазаньки, туманъ передъ ними подымается, и по всему тѣлу усталость великая бродитъ! Велика ли работа человѣку дышать, а и та ей не въ силу! Не знаетъ Василиса, сонъ ли одолѣвать ее сталъ, сама ли смерть къ ней пришла, но видитъ и чувствуетъ, что не осилить ей этой тяготы великой. А Груня все быстрѣй да быстрѣй на нее глядитъ—ровно, что̀ сказать хочетъ.

Не стало больше силъ у Василисы, подняла она руку, перекрестила Груню: «помирать станешь—вскричи!» шепнула ей и тутъ же сама все позабыла.

На полатяхъ громко храпятъ старики; изъ-за храпу ихъ не слыхать и дыханія Вани, въ зыбкѣ сладко спитъ Сенюшка. Вотъ заснула и Грунюшка, крѣпче и слаще, чѣмъ всѣ они. Долго еще глядѣла она на мать и изъ похолодѣвшихъ пальчиковъ не выпускала ея руки, но «вскричать» не захотѣла...

Когда пропѣли пѣтухи и Василиса очнулась, возлѣ нея лежало остывшее тѣльце Грунюшки, а душенька ея отлетѣла къ Господу.

Обмываетъ, обряжаетъ Василиса Грунюшку и молитву по ней творитъ, вздыхаючи: «Господи, упокой младенца!» —Вотъ, думаетъ, лѣтось вымолила ее у Господа, оставилъ онъ ее, Батюшка, погостить годочекъ со мной, а таперечко опять видно захотѣлъ ея чистой душеньки! Знамо—Его святая воля! Ваньку она въ погостъ послала, оповѣстить матушку про смерть сестры и наказала ему сказать, что на утро, она, какъ схоронитъ Груню, такъ сейчасъ и придетъ на работу, а за сегодняшній денекъ лѣтомъ ей отработаетъ. Свекоръ пошелъ гробикъ младенцу облаживать, свекровь кутью заварила, а Василиса, одѣвъ Груню въ рубаху чистую и накрывъ новиною бѣлою, положила на лавку, въ передній уголъ, подъ образа.

Пришла Матвѣвна, крестная, пришли и другія бабы поглядѣть на покойницу, посмотрѣть, ка̀къ мать по ней убивается. Съ поклономъ встрѣчала ихъ Василиса и каждой кутью подносила, да просила, чтобъ помянули онѣ отроковицу Агрипину: пусть живется ей на томъ свѣтѣ слаще, чѣмъ вотъ кутья эта. Но плакать, Василиса не плакала и не причитала.—Хри-

стова невѣста! думаетъ она про Груню:—не видать ей, не хоронить ей милыхъ дѣтушекъ, отъ всякихъ слезъ ушла! И она любовно глядитъ на бѣлое личико Груни, и все ей мнится, что Грунюшка улыбается.

Повозились съ покойницей, а тамъ и принялись каждый за свое дѣло. Лежитъ она, сердешная, въ переднемъ углу, а рядомъ съ нею ѣдятъ и пьютъ, про дѣла житейскія толкуютъ, дневную работу справляютъ. Бабушка сѣла за станокъ новину ткать. Василиса около печки возится, обѣдъ собираетъ, блины къ завтрему ставитъ, квашню мѣситъ. Сенюшка на полу съ котенкомъ занялся, а Ванька у окна салазки ладитъ. Досталъ гдѣ то два сука толстыхъ да выгнутыхъ, одну сторонку гладко выстрогалъ, въ другую колышковъ вбилъ, да теперь и прилаживаетъ къ нимъ сверху дощечку.

По вечеру, какъ стало смеркаться, принесъ свекоръ гробикъ. Хошь и крутъ былъ старикъ и до ребятъ не охотникъ, а весь день работалъ и даже въ кабакъ не пошелъ.

Хоть и покорна была Василиса и твердо знала, что не худо Грунюшкѣ у Господа, и что она теперь тамъ за всю семью молитвенница и сама ни голодать, ни отъ людей обиды терпѣть не будетъ, а все же убивалась по ней ея сердце родительское.

На работѣ ли она стоитъ, Богу ли молится, спать ли станетъ ложиться, или другихъ дѣтушекъ голубить—все у ней Грунюшка на умѣ, все равно слышитъ она ея голосокъ звонкой, ея рѣзвый смѣхъ. Какъ хоронила ее—не плакала, а теперь имячка ея услыхать не можетъ—такъ и обольется.

Отъ горя ли, оттого ль, что прежняя болѣсть ея стала въ силу входить, только стала Василиса послѣ Груни таять, ка̀къ свѣчка. Что̀ день, то силушки въ ней поубавилось: съ тѣла спала совсѣмъ, лицемъ бѣла, какъ покойница, только къ вечеру разгорится, какъ маковъ цвѣтъ. А кашель все больше и больше ее колотитъ, а порою и кровь изъ горла выходитъ. Бываетъ, что какъ есть всю ночь до утренней зари Василиса прокашляетъ и встанетъ на работу не спавши. А и уснетъ все не легче: проснется въ поту, ровно въ тяжкой работѣ работала, пуды на себѣ таскала. Съ трудомъ великимъ плетется Васюта въ погостъ, по тому что должна матушкѣ срокъ свой выслужить, хоть ее теперь не то, что за мужика, за Сеньку-работника, но и за последнюю работницу поставить нельзя. Горшки молока въ погребъ перенесетъ, и то ужъ отдыхать должна; съ масломъ возится день цѣлый, когда прежде бывало, скорехонько съ нимъ управлялась, а о тяжелой какой работѣ матушкѣ и на умъ не приходитъ. Разумѣетъ попадья-то, что болѣзнь въ Василисѣ и

что, хоть ты ее ругай, хоть нѣтъ, а ужъ прежней работы съ нея не возьмешь; а все обидно ей, что денежки впередъ отданы. Матрена тоже пуще прежняго ѣстъ Василису: «погляди ты на себя, станетъ ее укорять:—вѣдь смерть ты, а не работница, гдѣ ужъ тебѣ въ работницахъ жить? У другихъ людей только хлѣбъ отымаешь, и я изъ-за тебя да вдвойнѣ работать должна!»

Стала Василиса у попадьи проситься, чтобы та ослобонила ее:—Отпусти, говоритъ, меня, матушка! Сама видишь, плохая я работница! А поживу дома, Богъ дастъ, поправлюся и свой срокъ тебѣ лѣтомъ заслужу. Лѣтомъ-то хозяинъ мой дома будетъ, такъ меня, можетъ, и пустятъ.

Но попадья видитъ, что Василисѣ ужь не поправиться, думаетъ: хоть бы кàкъ-нибудь до сроку достала! Такъ и не отпустила Васюты.

Однако, Василиса не дослужила и до Егорья. За недѣлю, можетъ, до того дня, какъ попу на скотномъ дворѣ молебенъ служить и коровушекъ въ поле выгонять, рано утромъ, въ погостъ прибѣжалъ Ванька, и сказалъ попадьѣ, что матка его совсѣмъ ужъ не можетъ. Потужила попадья, но сама видитъ—ничего не подѣлаешь. «Ну, Богъ съ нею! говоритъ:—скажи маткѣ, чтобъ за тѣ мои денежки, чтò за ней остались, она бы о здоровьѣ моемъ помолилась, и за попа, и за моихъ дѣтушекъ, чтобъ Господь всѣхъ насъ за нее наградилъ; слышь, Ванька?

— Ладно, говоритъ Ваня:—скажу!

А Василиса въ избѣ лежитъ, еле дышетъ. Какъ вечоръ она домой пришла и на полати влѣзла, тàкъ ей худо стало, что думала: «вотъ помру сейчасъ!» Въ избѣ свѣтло, мѣсяцъ такъ въ окна и глядитъ, а глаза ея ничего не видятъ, и въ головѣ у ней такой шумъ стойтъ, ровно кто изъ ушата надъ самымъ ея ухомъ воду льетъ, и въ сердцѣ—тошнехонько!

Хотѣла Васюта закричать свекрови, чтобы та за попомъ сходила, да голоса не хватило у ней: крѣпко спитъ свекровушка, не слышитъ Васютина шопота! Закрыла глаза Василиса, думаетъ: сейчасъ помру! Но потомъ глядитъ; отдохнула, чувствуетъ, ровно ей и полегчало. Открыла глаза, видитъ: вотъ тутъ свекровь со свекромъ, вотъ и Вàнюшка, вотъ зыбка Сенюшкина, вотъ и ясный мѣсяцъ въ окно глядитъ... Только на лбу у ней потъ выступилъ, и языкъ во рту словно высохъ вовсе. Доползла она до Вани, толконула его: Ваня, подай мнѣ водицы испить!—Крѣпко спитъ и Ваня, но проснулся-таки, понялъ, чего матка спрашиваетъ, напоилъ ее, да и опять уснулъ. А Василиса кашлять стала. Кашляла кашляла. и цѣлую лужу крови изъ себя на полъ выкашляла, съ полатей свѣсившись. Въ груди у ней

легче стало, за то послѣдняя силушка пропала. Утромъ, какъ вздумала вставать да въ погостъ идти—видитъ, ей и съ мѣста не двинуться. Полежу, думаетъ, маленько—авось отдо̀хну! Вотъ встала свекровь и удивилась, что Васюта дома. И свекоръ поднялся, съ полатей слѣзъ и пошелъ въ сѣняхъ умываться. Зашевелился въ зыбкѣ Сенюшка, плакать вздумалъ, и Ванька его къ себѣ на руки взялъ: время, значитъ, всѣмъ вставать, всѣ уже выспались. Видитъ Василиса, что ей одной сегодня не встать:

— Матушка! говоритъ свекрови:—я пошлю Ваньку въ погостъ сказать попадьѣ, ослобонила бы меня сегодня отъ работы — не могу я встать! ночью думала смерть моя пришла! вонъ сколько крови выкашляла!—Возьми, вѣникъ, Ваня, вытри!

— И вправду! сказала свекровь, дивуясь на кровь:—а что̀ у тебя, нутро, что̀ ли, болитъ?

— Нутро, матушка, да и вся я не могу! и сама не вѣдаю, что̀ такое подѣлалось? Какъ подъ сердце подкатится, такъ и думаю—вотъ сейчасъ Богу душу отдамъ! Работать и рада бы, да моченки моей нѣтъ!

— Ну, пущай Ванька сбѣгаетъ, говоритъ свекровь: — да и полно съ нихъ—будетъ! за ихнія денежки довольно работы съ насъ взяли!

Полежала Василиса съ недѣльку, а тамъ, далъ Господь, встала опять. Съ измалѣтства была она къ работѣ привычна, такъ и не улежать ей на полатяхъ. Слѣзла, а ноги такъ подъ ней и сгибаются. И все таки, она избу вымела и печку затопила, Сенюшку убрала и за пряжу взялась. На дворѣ солнышко ярко свѣтитъ, вездѣ ручьи бѣгутъ, и хоть въ поляхъ еще снѣгъ глубокій лежитъ, но весной ужъ попахиваетъ. Слава тебѣ, Господи! думаетъ Василиса, дождалися теплаго времячка: вотъ и я теперь скорехонько поправлюся, и прежняя силушка ко мнѣ вернется.

И вправду, отдохнула, что̀ ли, Василиса, но съ того дня ей легче стало.

Къ троицыну дню нежданно, негаданно вернулся изъ Питера Ѳедоръ. Былъ про него слухъ, что онъ балуется въ Питерѣ: все по трактирамъ шляется и денежки съ пріятелями да полюбовницами изводитъ. Ужъ и сердитъ былъ на него Агапъ; ждалъ только, чтобы срокъ его пачпорту вышелъ—у него выправленъ полугодовой.

Но Ѳедоръ денегъ не высылалъ, новаго пашпорта не просилъ и самъ въ деревню не ѣхалъ, даже когда и срокъ его паспорту давно вышелъ.—И вдругъ самъ пожаловалъ, и 30 рублей денегъ съ собой принесъ.

Писали Ѳедору еще о Пасхѣ, оповѣстили и про смерть Грунюшки, и про то что хозяйка его сильно «не можетъ». Но онъ тогда никакого отвѣта не прислалъ, да и теперь ни словечка про Груню не помянулъ, ровно ее никогда и на свѣтѣ не было, а другимъ дѣтушкамъ тоже никакого гостинчика не привёзъ—даже калачикомъ не потѣшилъ. А самъ такимъ франтомъ выглядываетъ: сапоги смазные, кафтанъ новешенькой, и волосья чѣмъ-то душистымъ смазаны—совсѣмъ его не признать. Стала Василиса его про Питеръ спрашивать, ка̀къ онъ тамъ жилъ — поживалъ, а онъ и говорить не хочетъ, ровно опостылѣла ему жена-то.

— Что̀, Агапычъ, хватитъ, чтоль, у тебя денегъ на лошадку, то? вздумала она его спросить. — Въ Кирилкинѣ нонѣ дешевы были кони, здѣшніе мужички сказывали.

— Ладно, коли купить, такъ и безъ тебя найдемъ! сказалъ Ѳедоръ и вышелъ на улицу.

По вечеру они съ отцомъ вмѣстѣ пошли въ кабакъ и вернулись хмѣльнешеньки. Ѳедоръ париться вздумалъ и велѣлъ женѣ воды наносить. Черезъ силу пошла Василиса къ колодцу, опустила бадью, а вытащить ее не можетъ. Спасибо одному мужичку: шелъ мимо, видитъ, больная баба бьется—ну и пособилъ ей, а потомъ по полу-ведру и натаскала воды, сколько требовалось. А свекровь-то глядитъ, да раздумываетъ: «ишь, сволочь! для мужа, небось, и сила нашлась! А какъ свекровь за водою послать вздумаетъ, такъ: «не могу» говоритъ! Вотъ ужо погоди! Ѳедька-то твой не такимъ слюняемъ вернулся, какимъ уѣзжалъ отсель! Какъ примется тебя учить, такъ небось всю хворость изъ тебя выбьетъ!»

И ровно наговорила свекровь бѣду на Василисину головушку, что быть ей битой: въ самый тотъ вечеръ, хозяинъ ея, чего и съ роду не бывало, больно прибилъ ее за то, что, какъ онъ изъ печки вышелъ, рубаху она ему подала рваную.

— Экой ты, безсовѣстный! укорила его жена:—самъ знаешь, гдѣ мнѣ тебѣ крѣпкую рубаху взять? вѣдь, не дома я была зиму то; ни себя, ни дѣтушекъ одѣть не привелось!

На утро, только Ѳедоръ глаза продралъ, сейчасъ жену въ кабакъ услалъ за водкой, да еще велѣлъ ей себя, какъ гостя, потчивать и, кланяючись, просить, чтобъ больше пилъ. «Батюшко, не вели ему такъ-то озорничать!» пытала Василиса свекру жаловаться; но тотъ, виномъ задобренный, не захотѣлъ съ сыномъ ссориться, а еще съ нимъ же вмѣстѣ сталъ Василису обижать.

Вотъ и не выходили они оба изъ хмѣлю и всю первую недѣлю, какъ Ѳедоръ изъ Питера пріѣхалъ все, вмѣстѣ по каба-

камъ шатались и много денегъ спустили. Сильно тужила и кручинилась Василиса, думаетъ: изъ-за чего она всю зиму маялась, изъ-за чего на себя непосильную тяготу принять захотѣла? Одинъ былъ пьяный въ семьѣ, а теперь двое ихъ стало! Плачетъ Василиса, слезами горькими обливается и все Богу молится, а мужа учить не смѣетъ—хуже будетъ.

И начала Василиса задумываться, больше и больше. Здоровьемъ она все плоха была. Когда по нѣскольку денъ къ ряду, какъ пластъ лежитъ, не можетъ слѣзть съ полатей; а то вдругъ, словно изъ мертвыхъ воскресла, и пошла опять копошиться. Только видать ужъ было всѣмъ, что не жилица она на бѣломъ свѣтѣ, и свекровь о томъ только и Бога молила, чтобы скорѣй она померла.

— Великъ ли толкъ въ ней, въ такой-то! мыслитъ она про Васюту: — а помретъ, другую сноху въ домъ возьмемъ. Вишь, время подходитъ страдное, однимъ-то не управиться!

Не легко было и Ѳедору безъ жены всю работу справлять. Отецъ опять запилъ, мачиха все дома больше, и тягота, какъ есть, на немъ одномъ лежитъ. Не виновата Василиса, что болѣсть на нее такая напала, а все-жъ кипитъ на нее его сердце.

— Ахъ ты, жисть проклятая! думаетъ:—Толи дѣло въ Питерѣ? Отработалъ часы и знать ничего не хочешь, прямо ступай къ Дунькѣ. Эхъ, только бы дожить до осени!—Въ ноги отцу поклонюсь; кафтанъ, сапоги отдамъ, только бы въ Питеръ пустилъ. А не пуститъ, и такъ уйду, право слово, уйду!

Ноетъ Васютино сердце, что совсѣмъ она негодящей бабой стала; мужу—не жена; дѣтушкамъ своимъ—не мать. Давно ли хошь въ избѣ-то, да около дому работала, свекрови, въ чемъ могла, пособляла? а теперь вотъ и Сенюшку пѣстовать не можетъ, не то, что за другое дѣло взяться. Бываетъ такъ, что въ домѣ только она, да онъ останутся: свекоръ гдѣ-нибудь безъ дѣла мотается, все больше въ кабакѣ сидитъ; свекровь съ Ѳедоромъ въ поле, либо въ лугъ уйдутъ, да и Ваньку съ собой прихватятъ, а ей некому и водицы принесть. Заплачетъ Сенюшка, надоѣстъ ему около лавки ходить, да съ котенкомъ играть, или тамъ ѣсть захочетъ, доползетъ къ нему матка, по головушкѣ его погладитъ, голоскомъ приголубитъ, а ужъ на руки взять не можетъ; сама ровно малый ребенокъ стала!

Кашлемъ своимъ всѣмъ надоѣла.—Провались ты совсѣмъ! бывало, крикнетъ на нее ночью свекровь: — весь день на работѣ стоишь, а тебѣ и ночью спокою нѣтъ отъ кашлю проклятаго!

Знаетъ Василиса, что ни въ чемъ она не повинна, что Божья воля надъ ней творится, а все равно стыдно ей супротивъ домашнихъ. Ѣсть ни за что не попроситъ: вздумаетъ про нее свет-

кровь, сунетъ хлѣба кусочекъ, а запамятуетъ, и такъ не ѣвши останется, другого раза дожидается.

Да и охоты мало у ней на ѣду. Бываетъ такъ, что ей думается: «поѣла бы!» а дадутъ ей—сейчасъ и оставитъ.—«Сыта, говоритъ, полно мнѣ!» Разъ, ей ужъ очення убоинки захотѣлось. Чудное дѣло! никогда жадна не была, работаючи, про ѣду забывала, а тутъ весь день про убоинку мысль держитъ; ночью уснула — и во снѣ ей убоинка снится. Думаетъ Василиса: «кабы день-то скорѣй насталъ!» а встали всѣ, говоритъ Ванькѣ: —Ступай, говоритъ, Ванюшка, въ погостъ, матушкѣ въ ножки поклòнься, скажи: «дай, молъ, маткѣ моей кусочекъ убоинки; ей сонъ привидѣлся, что какъ поѣстъ, здорова будетъ, а вамъ, молъ, Господь отдастъ».

Сбѣгалъ Ванька, принесъ убоинки: не пожалѣла попадья, дала. Обрадовалась Василиса. — Подавай скорѣй! кричитъ, только въ избу вошелъ Ванька, а отвѣдала кусочекъ крохотный, да и суетъ назадъ:—Не могу, говоритъ, утроба моя не принимаетъ, вы съѣшьте!

— Дожно полагать, что у тебя лихорадка, говорила Василисѣ сосѣдка Матвѣевна, когда навѣщать ее приходила:—я знаю ее, эту подлую: и ломитъ-то тебя, и коробитъ! То будто на ѣду позываетъ, а станешь ѣсть — душа не беретъ! То ко сну начнетъ клонить; думаешь, «вотъ усну, здоровѣй буду», а соснешь, хворость тебя еще пуще прежняго пробираетъ. Тàкъ, чтò ли?

— Такъ точно, говоритъ Василиса.

— Ну, вотъ, ты ей и не поддавайся, этой лиходѣйкѣ-то, а все насупротивъ ея дѣлай: голодна—не ѣшь; спать хочешь—не спи; зябнуть станешь — всю съ себя одежу сбрось. Вотъ ты ее и покоришь. А станешь ее слушаться—все хуже, да хуже будетъ!

Василиса Матвѣевнѣ вѣрила и совѣты ея исполнять старалась, зная, что Матвѣевна—не простая крестьянка, не темный народъ, а питерщица, и много на своемъ вѣку слыхала и видѣла.

— Ты бы хозяйку то свою къ лекарю въ городъ свезъ, пытала Матвѣвна Ѳедору сказывать: — посмотрѣлъ бы, лиходѣйка въ ней, чтò ли, сидитъ, али ее испортили?—Они эти дѣлà разбирать могутъ.

— Досугъ, небось, съ бабой по дохтурамъ разъѣзжать! сердито отвѣчалъ Ѳедоръ:—самъ еле живъ отъ работы! Чего ей дѣется?—отлежится, не велика птица!

Матвѣвна была добра до Василисы и сама пытала ее лечить: поила ее полынной травой, нашатырной настойкой, давала ей масла деревяннаго съ перцемъ, въ печкѣ сколько разъ парила—нѣтъ! ничего не подѣлаешь—не легчаетъ болѣсть!

Но вотъ, послѣ Петрова дня заболѣлъ отецъ Аѳанасій, да

такъ опасно заболѣлъ, что попадья не на шутку струхнула и сейчасъ въ городъ за лекаремъ послала. Наканунѣ того дня, попъ въ дальней пустоши сѣно косилъ, а потомъ и легъ на сырой травѣ отдохнуть, а вечеръ-то былъ свѣжій, роса большая, его и прохватило.

Пріѣхалъ лекарь, помогъ больному, сразу его опять на ноги поставилъ. Полѣзли къ нему мужички да бабы съ ребятами, пришла одна старушка отъ слѣпоты полечиться, а другая у него «отъ дурости» снадобья просила. Лекарь до всѣхъ ласковъ былъ, кому капель давалъ, кого и такъ отпускалъ, но худымъ словомъ никого не обидѣлъ.

Какъ услыхала про него Матвѣвна, такъ сейчасъ сбѣгала и къ Василисѣ привела. Взглянулъ на Васюту лекарь и головой замоталъ: «плохо твое дѣло, говоритъ, встань, дай я тебя постукаю.

Вынулъ онъ изъ кармана палочку съ воронкой, приставилъ къ Васютиной груди, потомъ къ спинѣ, къ бокамъ, и ухо къ другому концу прикладывалъ, ровно что̀ выслушивалъ. Потомъ сталъ всю ее стукать: и спереди, и сзади, и съ боковъ. Потомъ часы вытащилъ и за руку ее ухватилъ, потомъ другую палочку стеклянную подъ мышку ей приставилъ. Молчитъ Василиса, молчатъ и всѣ. — «Знать, такъ и надо!» думаетъ: «вотъ мы ее всякой дрянью поили; онъ всю лиходѣйку, значитъ, изъ нея выбить хочетъ!»

— Довольно! сказалъ лекарь и велѣлъ Василисѣ опять лечь: — я, говоритъ, ничего не могу для тебя сдѣлать, голубушка. Зачѣмъ раньше меня не позвала, болѣсть свою такъ запустила! У тебя чахотка острая, ты и до осени наврядъ проживешь!

Сказалъ и вышелъ, даже снадобья никакого не далъ.

Не испугалась Василиса лекаревыхъ словъ; только глазами на икону глянула и крестъ на себя положила:—«что̀ Господи дастъ!» думаетъ, «а во мнѣ теперь, зна̀мо, какой ужъ толкъ? ни мужу жена, ни дѣткамъ родная мать; одну тяготу только со мною принимаютъ. Обрядить ихъ — и то не могу. Вонъ и готовый холстъ, да такъ лежитъ; не сшить мнѣ и рубахи одной, игла изъ рукъ валится; прибери ужъ меня, Господи милостивый!»

Прошелъ сѣнокосъ, подоспѣло жнитво, и свекровь Васютина пуще прежняго на нее злобу держитъ. Въ сѣнокосъ ей все легче было. Косили втроемъ: она, да мужъ, да Ѳедоръ, а убирать помогалъ еще и Ванька четвертый. Ну, а жнитво, дѣло бабье, мужика къ нему не приставишь. Агапъ-то, какъ откосилъ, такъ опять и запилъ, а Ѳедоръ — тотъ пахать спѣшитъ, чтобъ пораньше посѣяться. Вотъ и гнетъ свекровь свою спинушку, и тяжеленько ей.

*

А Василиса все себѣ смерти отъ Господа ждетъ, слова лекаревы поминаючи.

Лечила ее и Матвѣвна. Съ трудомъ великимъ три дня къ ряду ее до погосту водила, къ востоку оборачивала, молитву надъ ней творила и словечко свое приговаривала. Нѣтъ, такъ и не вылечила!

— Ну, говоритъ, мàтка, видно и впрямь тебѣ помирать! Давай я тебѣ рубаху сошью и все, какъ слѣдъ, справлю. Есть ли у тебя миткаль-то, аль новина, чтобъ покрыть тебя мертвую?

— Миткаля нѣтъ, а новинка есть; да мало ея будетъ, потому что я двѣ рубахи выкроила: хозяину, да себѣ.

— Ну, такъ миткаля купить надо, безпремѣнно надо! вотъ ужò я въ городъ съѣду, грибы продавать—много ихъ у меня насушено—такъ и справлю тебѣ, только денегъ дай!

— Да денегъ то у меня нѣтъ!

— Грѣхи! И Матвѣевна задумалась.—Ну вотъ мы кàкъ сладимъ, наконецъ, молвила она:—ты мнѣ свой сарафанъ отдай пестрый, а я тебѣ миткалю представлю. Вѣдь на что онъ тебѣ, сарафанъ? Дочки нѣту, а пареньковъ въ его не обрядишь.

— Знамо, бери, согласилась Васюта, и Матвѣвна тутъ же при ней въ ларецъ полѣзла и сарафанъ вытащила.

Прошелъ и Успеньевъ день, справили праздникъ чамаровскіе, погулялъ и Ѳедоръ денька четыре. А смерть къ Василисѣ все не приходитъ! Вотъ ужь четвертая недѣля пошла, чтò она не слѣзаетъ съ полатей и ѣсть совсѣмъ перестала, только одной водой и живетъ. Съ лица такъ измѣнилась, что и не признать въ ней прежней Васюты: какъ есть, одни только косточки въ ней остались, тѣла и званья нѣтъ, а слабость такая великая, что одной ей ужь и не повернуться. Какъ не придетъ Матвѣвна, али другой кто ее провѣдать и на другой бочокъ перевернуть, такъ и лежитъ она, не ворохнувшись, до вечера, пока свекровь да мужъ домой съ работы не придутъ. И отъ лежанья этого у ней раны подѣлались.

Лежитъ себѣ весь день одинёшенька. Сенюшка и тотъ теперь въ избѣ не сидитъ, а какъ сталъ ходить ножками, такъ все на улицѣ за большими ребятами поспѣвать норовитъ, а тѣ его пѣстуютъ, на рукахъ таскаютъ, либо въ корзинку посадятъ, да по деревнѣ и возятъ, и никто его никогда не обидитъ. А надоѣстъ онъ, такъ и убѣгутъ отъ него, а онъ одинъ себѣ на улицѣ бродитъ; возьметъ хворостину длинную, да и загоняетъ гусей, либо коровушекъ, и такъ строго на нихъ покрикиваетъ. А упадетъ и убьется—ревъ подыметъ, и реветъ пока про боль не забудетъ, да гдѣ-нибудь въ травѣ и уснетъ. Слышитъ иной разъ плачъ его мать и сердце ея такъ и болитъ: не убился ли, не

обидѣлъ кто? Такъ бы и встала она, да вишь ты—силушки нѣтъ!

Какъ сдѣлалось холоднѣй на дворѣ, Сенюшку частенько стала брать къ себѣ въ избу Матвѣвна. Крестный онъ былъ ей, такъ она его и жалѣла, не давала много на дворѣ студиться: зазоветъ къ себѣ, да еще прѣснушками накормитъ; вотъ онъ и зналъ ее.

А Василиса лежитъ, да думушку думаетъ: «какъ станутъ дѣтушки безъ нея жить? Какую-то мачиху Господь ими пошлетъ? Ванька-то ужь великъ паренекъ; хотя и приметъ какую обиду, все легче ему, не какъ Сенюшкѣ. А для него, касатика, еще куда бы нужна была матка родная, вовсе глупъ еще, желанненькой! Много слезъ, поди, прольетъ онъ, покуда не выростетъ! Была бы Груня жива, все бы его не оставила. Все сестринъ глазъ съ нимъ бы былъ, да сестрина любовь, а Ванька, хоть и не озорникъ, не обидчикъ, да недосугъ ему съ братишкой возиться: зимой въ школѣ онъ, а лѣтомъ—на работѣ».

Стала Василиса частенько Грунюшку во снѣ видать. Ночью ли уснетъ, днемъ ли задремлетъ, такъ сейчасъ она и приснится, и все такая веселая, да до матери ласковая. И чудное дѣло: во снѣ Грунюшка все ей малёшенькой является, какъ была она, когда у матерней груди нѣжилась. Глядитъ она на матку и такъ любовно ей улыбается, а личико у ней, ровно какъ у ангела божія, свѣтлое, и рученьками все мать къ себѣ поманиваетъ.

— Иду, иду, дитятко! скажетъ Василиса и встать къ ней торопится; да нѣтъ! не пущаетъ болѣсть!—Крѣпче цѣпей и арканов толстыхъ къ одру ее приковала!

Разъ ночью ужь очень плохо стало Васютѣ. Видитъ она, что смерть за ней пришла. Опять то самое съ ней приключилось, что уже было разъ, когда она въ послѣдній-то день съ поповой работы домой пришла. Рукъ и ногъ у себя не чувствуетъ, ровно и нѣтъ ихъ вовсе; въ глазахъ—мракъ, въ ушахъ—шумъ; дыханье останавливалось, сердце стукать перестало. И теперь все это сильнѣй того разу на нее нашло и долго не проходитъ. Опять захотѣла Василиса либо мужа, либо сына, либо свекровь вскричать, чтобы встали, да за попомъ сбѣгали, и опять видитъ, что голоса-то у ней и нѣтъ. А мысли въ ней, что въ здоровомъ человѣкѣ ясныя: «Господи, помилуй меня, думаетъ, не дай грѣшницей помереть!»

Случилось съ ней это наканунѣ Покрова праздника. На дворѣ—грязь непроѣздная, а ночи долгія да темныя.

Долго такъ-то лежала Василиса безъ голоса, безъ движенія, ровно въ темной могилкѣ, но вотъ опять проходить стало. Вотъ, услыхала она, какъ пѣтухъ пропѣлъ, вотъ видитъ чуть-чуть за-

брезжилось утро, и въ избѣ хоть темно, а глаза ея все уже маленько разглядывать могутъ, да и въ груди полегче стало. Но чувствуетъ и знаетъ Василиса такъ твердо, ровно самъ Христосъ ей про то сказалъ, что смерть ужь къ ней близехонько и что ей скорѣй, скорѣй надо...

— А-га-пычъ! Ѳедоръ! тихо зоветъ она мужа, а тотъ проснулся и вставать собирается:—моя смерть... при-шла!

Всталъ Ѳедоръ, не торопясь, и къ женѣ подошелъ.

— Да ты почемъ знаешь, что смерть это? можетъ, такъ?

— Нѐ!.. смерть!.. вотъ... ужо... самъ...

Подошла къ ней свекровь, глянулъ въ лицо ей свекоръ и увидали оба, что Васюта не вретъ: лицо у ней обтянулось, какъ у покойницы, носъ почернѣлъ, глаза вовсе ввалились, руки и ноги похолодѣвши!

— И вправду, должно помирать собралась! тихо сказала свекровь мужу:—Давай-ко, Прохорычъ, обрядимъ ее, покудова Ѳедька за попомъ бѣгаетъ! И Маланья, вмѣстѣ съ мужемъ, стала тащить Васюту съ палатей, подъ образа, гдѣ и слѣдъ лежать «упокойницѣ».

Скорехонько и сосѣди «про смерть Василисы» провѣдали, и, когда попъ съ погоста пріѣхалъ, въ избѣ Агаповой народу уже многонько набралось: и бабы, и дѣвки, и ребята малые, и мужички, всѣ пришли съ Васюшей проститься и поглядѣть, ка̀къ станетъ она помирать.

Исповѣдалъ ее отецъ Аѳанасій, про всякіе грѣхи спрашивалъ, и на все ему Василиса одинъ отвѣтъ давала: «грѣшна, батюшка!» Многихъ словъ его ей было и не понять; но одно Василиса знала и вѣдала: что *грѣшница* она и должна Богу каяться.

Пріобщилъ ее попъ и пособоровалъ, а тамъ велѣлъ дѣтушекъ благословить, а у мужа, да у родителей, прощенья просить.

Все исполнила Василиса въ полной памяти и тихо отходить начала.

А въ избѣ жарко, жарко! Народъ стоитъ со свѣчами зажженными, да ладономъ покуриваетъ, чтобъ силу нечистую отгонять... Извѣстно, какъ станетъ душа отходить, такъ и начнутъ «они» ее на всѣ лады тиранить да мучить.

Но Василисина душенька отошла спокойно.

Схоронилъ Ѳедоръ жену, поминки по ней справилъ, а передъ заговѣньемъ съ другой повѣнчался, бездѣтную вдову себѣ изъ погосту взялъ: никакъ невозможно мужику безъ жены быть.

С. Долгинъ.

ЗА ДУНАЕМЪ.

(Изъ воспоминаній о войнѣ).

(*Окончаніе.*)

XI.

Въ авангардѣ.

Первый ночлегъ въ Болгаріи засталъ насъ въ лощинѣ, между двумя холмами, недалеко отъ деревни Царевичи. Мы только-что перешли Дунай; кавказская бригада составила авангардъ праваго фланга, Гурко двинулся по дорогѣ въ Трново. Авангардъ Цесаревича получилъ назначеніе двинуться на Бѣлы, т. е. на лѣвый флангъ.

Сумракъ ночи—первой ночи за Дунаемъ—ждалъ ранняго луча жгучаго солнца. Въ лощинѣ вѣяло холодкомъ. Передъ разсвѣтомъ упалъ сырой туманъ и заставилъ казаковъ тщательно закутаться въ бурки.

Кто гдѣ приткнулся—тотъ тамъ и спалъ. Утомленные люди спали на сырой землѣ, какъ убитые, спали сладкимъ сномъ передъ разсвѣтомъ. Силуэты часовыхъ: у знамени, у значковъ, въ цѣпи, окружающей казачій лагерь, мутно обрисовывались въ сумракѣ лѣтней ночи. Лошади дремали на коновязяхъ, иныя еще лежали, иныя уже вставали, фыркали и грѣли свои окоченѣвшіе члены нервною дрожью. На восточной сторонѣ неба показалась свѣтлая полоса. Она становилась все ярче и ярче; сначала она была свѣтло-розовая, узкая; потомъ она расширялась и окрашивалась алымъ цвѣтомъ, и этотъ цвѣтъ становился все гуще и гуще... Комары усиленно зажужжали надъ ухомъ, чуя, что первый солнечный лучь заставитъ ихъ прекратить кровопійство.

Вотъ, наконецъ, и само солнышко показалось изъ-за горизонта.

Крупныя капли ночной росы блеснули на стебелькахъ свѣжей травки. Люди начинали просыпаться.

— Жаркій день будетъ, говорилъ одинъ другому, глядя на восходъ солнца.

— День-то ничаво, а вотъ ежели жаркое дѣло будетъ!

Кто за это могъ поручиться? Прошла ночь благополучно — и слава Тебѣ Господи! лишнюю ночь прожилъ на свѣтѣ. Пройдетъ нѣсколько часовъ, и легко можетъ случиться, что одинъ мигъ — и лихой джигитъ, молодой казакъ свалится безжизненнымъ трупомъ со спины разгоряченнаго коня.

Положеніе кавалериста въ авангардѣ совершенно различно отъ пѣхотинца.

Авангардъ «освѣщаетъ» мѣстность, авангардъ прокладываетъ торную дорогу для пѣхоты, очищаетъ путь. Пѣхотинецъ двигается по слѣдамъ кавалериста; онъ спокоенъ, онъ знаетъ, что здѣсь прошла его кавалерія и что ему нѐчего ждать врага ежеминутно ни спереди, ни со стороны, тѣмъ болѣе сзади, пока кавалерія не откроетъ непріятеля. Тогда онъ уже предупрежденъ, кавалерія уступаетъ пѣхотѣ свое мѣсто, и пѣхотинецъ дѣйствуетъ, подготовивъ свои нервы; между тѣмъ какъ нервы кавалериста находятся въ постоянномъ напряженіи. Двигаясь по незнакомой мѣстности, при помощи часто невѣрной и неточной карты или по указанію проводника, кавалеристъ ежеминутно разсчитываетъ наткнуться на непріятеля. Онъ не можетъ поручится, что изъ этой канавки, которая потянулась въ сторонѣ отъ дороги, не раздастся убійственный залпъ непріятельской засады; что залпъ этотъ не встрѣтитъ его и въ деревнѣ, которую онъ минуетъ. Пуля, пущенная изъ-за угла, пущенная тайкомъ, втихомолку, часто сваливаетъ казака съ лошади, и казакъ падаетъ замертво прежде, чѣмъ опредѣлитъ, кто его убійца и гдѣ онъ?

Съ первыми признаками дня — бригада осѣдлала коней, выстроилась въ стройные ряды; цвѣтные значки красиво развѣлись во главѣ каждой сотни на утѣху бригаднаго командира, воспитаннаго на марсовомъ полѣ мирнаго парада.

— Сегодня на очереди терскій полкъ? раздается его рѣзкій голосъ.

— Терскій! отвѣчаютъ ему.

— Высланъ авангардикъ?... кто отправился съ нимъ?..

— Корнетъ Вамаевъ.

— Артиллерія слѣдуетъ между полками, кубанцы идутъ въ аріергардѣ, предлагаю обозу не растягиваться; потрудитесь вну-

шить обозной командѣ!... медленно собираются!... изъ рукъ вонъ!... садись!

— Кипятокъ! острятъ казаки, улыбаясь.

Сѣли на коней, тронулись.

Окруженный свитою ординарцевъ и адъютанта, бригадный пропускаетъ мимо себя первыя сотни, подбоченясь и напустивъ на себя видъ самаго лихаго джигита: все не по немъ, все заслуживаетъ замѣчанія!

— Бодрѣй! смѣлѣй! но не горячиться!... удаль въ мѣру, разсудокъ при себѣ!... казаки — не уланы, уланы — не казаки!...

На такія истины — казакъ, конечно, улыбается:

— Кипятокъ! посмотримъ, каковъ онъ въ дѣлѣ будетъ?

— Значекъ—ближе ко мнѣ!... не отставать!

Бригадный пришпорилъ коня и обогналъ всѣ сотни, которыя онъ только-что пропустилъ мимо себя. Солнце все выше и выше подымалось надъ горизонтомъ; становилось жарко. Дорожная пыль обдала лошадей и казаковъ. Лошади зафыркали, широко раздувая ноздри и вдыхая въ себя пыльный воздухъ. Казаки не обращали вниманія на пыль; они свыклись съ нею; она густымъ слоемъ ложилась на ихъ платье, обдавала лицо, забиралась въ бороды и въ мѣховыя шапки. Жара начала размаривать какъ лошадей, такъ и людей; потъ покатился по ихъ смуглымъ, покрытымъ пылью физіономіямъ. Лошади низко опустили головы, и бригада тихимъ шагомъ двигалась по направленію къ деревнѣ Турска-Слива. Впереди бригады слѣдовалъ небольшой авангардикъ; онъ обязанъ былъ освѣщать мѣстность главнымъ силамъ авангарда и доносить сейчасъ же въ случаѣ открытія непріятеля. Бригада двигалась по дорогѣ, шедшей между холмами. Съ обѣихъ сторонъ на высотѣ этихъ холмовъ можно было видѣть отдѣльные, небольшіе отряды казаковъ, по два, по три человѣка вмѣстѣ. Кучки этихъ людей то показывались въ сторонѣ отъ нашего движенія на холмахъ, то снова исчезали, спускаясь въ лощины. Первый признакъ непріятеля, часто фальшивый признакъ, заставлялъ ихъ выѣзжать на высоту сосѣдняго холма и «маячить» въ виду бригады. «Маячить»—значитъ кружиться на одномъ мѣстѣ; это—условный сигналъ кавказскихъ казаковъ, обозначающій, что разъѣзды замѣчаютъ непріятеля. Если обнаруживается, что разъѣзды не ошибаются, открывъ непріятеля, то они высылаютъ донесеніе къ главнымъ силамъ, что по такому-то направленію замѣченъ непріятель и въ такомъ-то количествѣ. Тогда главныя силы авангарда предупреждены и поступаютъ такъ, какъ благоразуміе подсказываетъ командующимъ лицамъ.

Бригада двигалась медленно. Мы уже подходили къ деревуш-

кѣ. Кое-гдѣ, въ рядахъ, слышалась пѣсня въ полголоса; кое-гдѣ вели веселые разговоры.

— Чу!... выстрѣлъ!...

— Кажись—выстрѣлъ?

— Выстрѣлъ, братцы!

Разговоръ умолкъ. Замерли сердца. Поднялись казаки на стременахъ, подобрали уздечки...

— Гдѣ выстрѣлъ?

— Тамъ... впереди...

— Другой!... третій!... четвертый!...

Точно барабанная дробь, началась ружейная перестрѣлка.

Что̀ сдѣлалось съ людьми и лошадьми? Какъ будто электрическая искра пробѣжала по рядамъ казаковъ. Люди и лошади ожили въ одну секунду, заволновались и загорячились. Бригада заколыхалась; гордо и высоко подняли кони свои морды, забили задними копытами о земь, и цѣлое облако густой пыли поднялось въ воздухѣ.

— Въ деревнѣ — засада! Приготовиться! сказали офицеры.

— Смирно! осмотрѣть оружіе!

Впереди ничего не было видно. Только деревушка, черезъ которую вела дорога, производила тяжелое впечатлѣніе своимъ заброшеннымъ видомъ. Бригада понеслась черезъ деревню, какъ несется по полянѣ передъ громомъ вихрь, гонимый грозовою тучею, нагибая кусты и деревья. Испуганная стая гусей, высоко поднявъ крылья, бросилась въ разныя стороны; курицы попрыгали съ высоты плетеныхъ заборовъ, громко кудахтая; здоровый буйволъ, лежавшій въ лужѣ, шарахнулся отъ дороги на пахатное поле; плачъ испуганнаго ребенка раздался гдѣ-то, въ одной изъ болгарскихъ мазанокъ. Все замерло вокругъ насъ; какъ будто свинецъ висѣлъ въ воздухѣ. Всякій чуялъ, что несется вооруженная сила, и эта сила страшила каждаго живаго человѣка: вотъ-вотъ опустится этотъ свинецъ на землю и задавитъ собою остатки живаго и чуткаго. Деревня брошена на половину жителями; но всѣ мазанки стояли на своихъ мѣстахъ и нигдѣ не было видно слѣдовъ какого либо разрушенія и разоренія. Окна турецкихъ домовъ были заперты, двери открыты, всюду были видны слѣды поспѣшнаго бѣгства. Нѣсколько болгаръ выглянули изъ-за угловъ, стараясь спрятаться отъ глазъ казаковъ. Какія испуганныя лица: сколько въ нихъ страха и ужаса!...

Вихрь миновалъ. Мы пронеслись черезъ деревню. Болгаре быстро выбѣжали на улицу и, образовавъ кучки, провожали насъ глазами. Одни крестились, другіе махали руками; лица ихъ по-

веселѣли. Они гонятъ насъ?.. или радуются, что мы нетронули ихъ?... или радуются, что тамъ, впереди, завязалась перестрѣлка съ турками? За деревнею потянулись хлѣбныя поля. Нѣсколько женскихъ фигуръ на одно мгновеніе вынырнули изъ моря желтой ржи. Схвативъ серпы, онѣ опрометью кинулись обратно въ разсыпную и снова быстро утонули въ колыхавшемъ морѣ поспѣвавшаго хлѣба.

Болгаринъ выскочилъ неожиданно изъ-за кургана на поворотѣ дороги и, наткнувшись на конницу, остановился на мѣстѣ, какъ вкопанный. Съ ужасомъ, запечатлѣвшимся на лицѣ, блѣдный и взволнованный, онъ смотрѣлъ на казака, какъ приговоренный къ смерти. Казакъ осадилъ коня, и надменная улыбка скользнула на его лицѣ. Съ минуту болгаринъ не могъ придти въ себя. Потомъ онъ одумался, быстро сорвалъ съ головы свою барашковую шапку и стиснулъ ее между пальцами; потомъ вся его фигура сгорбилась, съёжилась, весь онъ пригнулся къ землѣ, голова опустилась такъ низко, низко, и долго она не могла подняться передъ лицомъ явившагося спасителя. Даже на лицѣ нашего солдата скользнула улыбка надъ робостію, самоуниженіемъ, раболѣпствомъ болгарина, и онъ не сказалъ ему весело и ободрительно: «здравствуй, *братъ*!...» нѣтъ!... онъ сказалъ ему «здравствуй, *братушко!*» конечно, тономъ протектора.

Миновавъ деревню, отрядъ поднялся на холмъ. На заднемъ скатѣ этого холма началась схватка казаковъ съ турецкими черкесами. Картина удали, простора, боеваго увлеченія открылась передъ нашими глазами. Рядъ кургановъ тянулся нескончаемо, и ничто не заслоняло общаго вида оригинальнаго зрѣлища. Разсыпавшись въ безпорядочныя групы, турецкіе черкесы показывались вдали на своихъ маленькихъ лошадёнкахъ, то на высотѣ холма, то снова прятались за склонами слѣдующихъ холмовъ. Осетины горячились въ первой линіи. Опустивъ поводья, они дали полную свободу своимъ лошадямъ, стрѣляя на лету въ карьерѣ.

Пропали слѣды непріятеля. Отрядъ остановился на отдыхъ. Офицеры собрались на высокомъ курганѣ и направили свои бинокли вдаль, осматривая мѣстность.

Въ сторонѣ отъ этого кургана стояло дерево. Это было единственное дерево на всемъ пространствѣ засѣянныхъ полей. Подъ тѣнью, ласково манившихъ къ себѣ широкихъ вѣтвей орѣшника, лежали три трупа убитыхъ осетинъ.

Это были первыя жертвы первой схватки авангарда.

Немного подальше казаки образовали групу и наслаждались

трепетомъ баши-бузука, котораго поймали за шиворотъ во время схватки.

— Чтò, братъ, попался!...

— Показывай имущество!

Точно турокъ понималъ ихъ!

— Сказывай: — кто ты такой?

— Стой, братцы!... давай провожатаго переводчикомъ.

— Мирный, отвѣтилъ турокъ.

— Врешь, басурманская рожа!... на чтò у тебя патроны?...

— Патроны-то бумажные!

— И ружье-же, братцы, у него... пфу! прости Господи!

— Ну, теперича давайте, его нагайкой пороть будемъ.

— За што пороть?... такъ не годится.

— Слышь ты!... говори правду!... вишь нагайку?

Баши-бузукъ затрясся пуще прежняго.

— Секимъ-башка будетъ!

— Чаво съ нимъ разговаривать.. къ сѣдлу его привязать — вотъ и все!

— Прямо голову долой!

— Тамотка на деревѣ повѣсить, гдѣ казаковъ схоронили.

— Ы-й, па-а-ршивый!

— Зря-то языки чешете! замѣтилъ солидный казакъ, подойдя къ групѣ.

— Вовси не зря; сукъ, небойсь, выдержитъ.

— Кто вамъ позволитъ?... командиръ-отъ, онъ, вамъ задастъ.

— Ничаво не задастъ... отъ его, отъ проклятаго сколько несчастія идетъ?

— Сади-и-сь! раздается команда.

— Вонъ, слышь... гайда, молодцы!

Попрыгали на коней; снова въ путь-дорогу. И такъ до ночи. Къ ночи остановились опять на ночлегъ. На этотъ разъ ночлегъ оказался между деревнями татаръ и черкесовъ. Прошла полуночь. Темень спустилась на землю и совсѣмъ закрыла земные предметы. Но вотъ яркое пламя сверкнуло огненнымъ языкомъ въ темномъ воздухѣ съ обѣихъ сторонъ отъ бригады. Чтò такое? Какой огонь? Какое пламя? Пламя разростается необыкновенно быстро, все сильнѣе и сильнѣе. Вотъ чтò-то рухнуло; облако мелкихъ искръ расплылось въ воздухѣ и понеслось по мрачному фону темныхъ небесъ. Лошади зафыркали, забились на коновязяхъ, разбудили казаковъ.

— Чтò такое?

— Горитъ!

— Гдѣ горитъ?

— Деревня горитъ... осетины зажгли.

Вѣтеръ яростно подхватилъ всепожирающее пламя, и обѣ деревни начали таять, какъ восковыя свѣчи.

— Мстятъ туркамъ за кровь свою, сказалъ кубанецъ, почесываясь.

— Это хорошо, что осетинъ убили, а то-бъ они, дьяволы, може, на ту сторону подались бы.

— Очень просто.

Прошла ночь. Огонь стеръ съ лица земли двѣ деревушки. Подъ утро пахло гарью на полянѣ, и долго тлѣло деревенское пепелище бѣдныхъ, обнищалыхъ жителей. Деревни были черкескія.

Бѣдно живутъ черкесы въ Болгаріи. Невольно вспоминаются ими аулы Горнаго Кавказа, откуда ихъ выселили въ Турцію. Каждая черкеская деревушка примыкаетъ къ горному ручейку. Жалкія, низенькія мазанки окопаны рвами. Ни одного дерева, ни одного куста. Деревню окружаютъ кукурузныя поля. Мечеть—въ каждой деревушкѣ. Войдешь въ избу, въ углу—очагъ; дымъ проходитъ черезъ отверстіе въ потолкѣ; полъ земляной, стѣны и потолокъ вымазаны глиною. Не разъ случалось натыкаться на табуны брошенныхъ лошадей. Это были живыя картинки въ походѣ; намъ доставляло развлеченіе зрѣлище, какъ казаки, окружая эти табуны, ловили лошадей за хвосты и кому-нибудь удавалось поймать кобылу, на утѣху своихъ товарищей. У казаковъ, какъ извѣстно, не принято ѣздить на кобылахъ.

Въ слѣдующее утро—опять въ путь-дорогу. Мы приняли направленіе на деревню Булгарени. За-ночь собралось въ лагерь нѣсколько болгаръ. Они бѣжали теперь за бригадою въ припрыжку, захвативъ съ собою чаны, ложки и плошки, попавшіеся имъ подъ руку въ брошенныхъ черкесами деревняхъ. Мы шли, какъ будто не имѣя никакой опредѣленной цѣли; сзади насъ долженъ былъ слѣдовать корпусъ барона Криденера, цѣль котораго состояла въ томъ, чтобы окружить Никополь, и, тѣмъ или другимъ способомъ взять эту крѣпость. Казачій отрядъ составлялъ его авангардъ и дѣйствовалъ по усмотрѣнію своего бригаднаго командира. Легко можетъ быть, что исключительному положенію своего бригаднаго, его связямъ и протекціи обязаны были казаки своимъ самостоятельнымъ положеніемъ. Но, что въ этой самостоятельности? Еслибы образъ дѣйствія казаковъ зависѣлъ отъ нихъ самихъ—они не пошли бы на Булгарени; они двинулись бы на Плевну. Но казаки подчинялись своему бригадному, которому хотѣлось быть самостоятельнымъ и который не любилъ отдавать другимъ отчета.

Мы пришли въ Булгарени и основались тамъ лагеремъ. Отсюда мы высылали разъѣзды въ разныя стороны. Разъѣзды привозили намъ каждый день разныя новости. Всѣ эти новости развлекали насъ во время скучной стоянки, но отнюдь не отвѣчали намъ на существенно важные вопросы: гдѣ непріятель? сколько его? куда онъ двигается? откуда идетъ и кто руководитъ непріятельской силой? Какъ будто до насъ это вовсе и не касалось. Шпіоны—тѣ самые шпіоны, которые пугали насъ въ Румыніи—ихъ совсѣмъ не видно было въ Болгаріи. Приходилось догадываться, предполагать, горячиться и дѣлать фальшивыя заключенія.

— Гдѣ штабъ 9-го корпуса?.. напали вы на слѣдъ штаба девятаго корпуса? обращался бригадный командиръ каждый разъ къ объѣздному офицеру, когда онъ возвращался съ разъѣзда.

— Не знаю...

Штабъ девятаго корпуса какъ будто провалился сквозь землю. Ни слуху-ни духу въ продолженіи трехъ дней. Насъ раздѣляли всего какихъ-нибудь десятокъ верстъ, а мы не знали гдѣ штабъ девятаго корпуса? Наконецъ, мы напали на слѣдъ. Штабъ девятаго корпуса оказался вблизи Систова, въ деревнѣ Оресень. Успокоились и завели съ нимъ сношенія. Пѣхота, послѣдовательно, шагъ-за-шагомъ, подходила къ Никополю. Гдѣ была главная квартира? куда она направляетъ свои стопы?—Казалось, что все это зависитъ отъ случая. По крайней мѣрѣ, авангардъ праваго фланга не имѣлъ съ главною квартирою никакихъ сношеній.

Деревня Булгарени расположена на обширной полянѣ, на берегу узенькой и мутной рѣчки съ высокими и обрывистыми берегами. Мимо деревни Булгарени проходила дорога на Плевну. Долина была окружена съ сѣвера, съ юга и съ запада сплошнымъ хребтомъ довольно покатыхъ и высокихъ холмовъ. Деревня заселена преимущественно болгарами. Издалека увидѣли они нашу бригаду и всѣ высыпали ей на встрѣчу. Одинъ изъ офицеровъ былъ высланъ впередъ съ приказаніемъ позаботиться о провизіи для команды. Вотъ уже трое сутокъ, какъ казаки сидѣли на сухаряхъ. Голодъ давалъ о себѣ знать чувствительно. Въѣхавъ въ деревню, въ сопровожденіи небольшого конвоя, мы прежде всего постарались найти лавочку. Болгаре указали намъ на лавку и, низко кланяясь и крестясь, подвели самого лавочника. Казаки почувствовали себя какъ дòма.

— Хлѣбъ есть?

Болгаринъ покачалъ головою.

— Яйца есть?

— Нѣтъ, братъ, нѣтъ, отвѣтилъ лавочникъ.

— Вино есть?

Болгаринъ молчалъ.

— Ну, а птица какая есть?

— Нѣтъ, братъ, нѣтъ птицы.

— Кàкъ нѣтъ птицы, шутъ тя дери, озлился конвойный казакъ:—вишь, птица по двору ходитъ.

Лавочникъ покачалъ головою, досталъ ключи и, нѐхотя, отперъ лавку. Лавка оказалась подъ семью замкàми, въ подвалѣ. Казаки вошли туда, какъ въ собственную хату.

— Ну, и лавка же, братцы!.. ай да лавка!..

— Никакъ, тутъ табакъ находится?

— А вотъ, братцы, хлѣбъ.

— У-у, хлѣба-то сколько!.. чуде-е-сно!

— Ну-ка, парочку яичекъ.

— Мнѣ, братцы, табаку: табакъ весь вышелъ.

— Перекинь хлѣбъ-то... чтò онъ черствый?

— Ничаво, такъ себѣ...

— Ну, ладно.

— Винца бы хлебнуть...

— Хлебай, сколь хошь... винца, братъ, страсть!..

Реквизиторы не успѣвали подавать. Сыръ, табакъ, яйца, хлѣбъ—казаки запихивали въ карманы, въ шапки, за пазуху и за голенища. Лавочникъ безмолвно смотрѣлъ на эту картину.

— Чаво тамъ торчите—давайте сыру!

— Возьми, чтò орешь?.. намъ, братъ, не жалко.

Выходя изъ лавки, казаки похваливали:

— Ну, и лавка же!.. чуде-е-сная лавка!.. ай да братушка!.. молодецъ, братушка!

Тѣмъ временемъ, офицеръ собралъ вокругъ себя попа, сельскаго учителя и старосту. Поставивъ ихъ въ полукругъ, онъ снаряжалъ экспедицію.

— Теперь вы свободны!.. слышите!.. ступайте, встрѣчайте бригаднаго командира... скажите рѣчь.

Мысль эта чрезвычайно понравилась народному учителю, шустрому и бойкому молодому человѣку. Попъ имѣлъ видъ деревенскаго кулака; хитро и молча онъ смотрѣлъ изъ-подлобья.

— Скажите, напримѣръ, продолжалъ офицеръ:—привѣтствуемъ хлѣбомъ-солью, какъ освободителей, и тамъ разное, такое, другое, чтò вздумаете.

Учитель началъ горячиться, а болгаре окружили его, смотрѣли и слушали. Онъ размахивалъ руками и выкрикивалъ: «Богъ»... «помози»... «русы»... «турцы»... и т. д.

— Ну, ладно!.. довольно!.. ступайте! скомандовалъ корнетъ. Казакъ! проводи ихъ къ бригадному!

Достали хлѣбъ, выколупали кинжаломъ дыру, насыпали туда соли... депутація двинулась. Человѣкъ пять болгаръ, съ палками въ рукахъ, съ обнаженными головами, шли навстрѣчу бригадному командиру. Впереди всѣхъ шли попъ и учитель.

— Маршъ... подгонялъ казакъ депутацію:—ишь, боровъ толстый!.. бѣги, чтобъ тебя разорвало!

Толстый болгаринъ еле-еле поспѣвалъ за товарищами.

Бригада приблизилась. Во главѣ ѣхалъ бригадный командиръ.

— Епутація идетъ! пронеслось по рядамъ казаковъ.

Бригадный командиръ построилъ карè, просіялъ, подбочинился, принялъ торжественно-величественную позу. Попъ произнесъ рѣчь.

— Смотрите, ребята! крикнулъ казакамъ бригадный, тряхнувъ головою:—смотрите: болгаре преподносятъ намъ хлѣбъ-соль, отплатите же имъ честностію, правдой и славой. Кто не сдержитъ своего слова, да будетъ тому стыдно!.. У меня не воровать! оборвалъ онъ послѣднія слова особенно рѣзко.

— Слушаемъ, ваше высокоблагороді-е е! дружно отвѣтили казаки.

Бригада расположилась лагеремъ на самомъ берегу рѣчки.

Лагерная жизнь военнаго времени имѣетъ много общаго съ жизнью монаховъ. Если хотите, она даже бездѣятельнѣе монашеской жизни. Монахи ходятъ, по крайней мѣрѣ, въ церковь, въ лагерѣ и этого нѣтъ. Казаки раскинули палатки, залѣзли подъ тѣнь палаточнаго брезента, засыпали корму лошадямъ и спятъ они отъ завтрака до обѣда и отъ обѣда до ужина. Завели очередь, каждый день начали высылать дивизіонъ въ разъѣздъ; нижніе чины иногда отправлялись еще за фуражемъ; что же касается господъ офицеровъ, то между ними самыми стереотипными фразами были:

— Дмитрій Петровичъ, вставайте!.. обѣдать подали.

Или:

— Полноте, господа, дрыхать-то, ужинъ готовъ!

Въ видѣ вечерняго развлеченія, мы собирались въ кучку и, при тихой погодѣ луннаго вечера, забавлялись разсказами негра. Какими судьбами онъ попалъ въ нашу службу—никто объяснить этого не могъ. Говорили, что онъ остался у насъ со времени крымской кампаніи. Это былъ старый и добродушнѣйшій человѣкъ, хотя и весьма недалекій. Самымъ свѣтлымъ его воспоминаніемъ была его служба въ Сибири, въ какомъ-то судѣ, о которомъ онъ разсказывалъ съ увлеченіемъ.

— Полно врать-то, говорили ему:—хорошъ былъ тотъ судъ, гдѣ ты засѣдалъ его членомъ.

— Да, вѣдь, это, господа, былъ шемякинъ судъ.

— Что же такое? отвѣчалъ наивно разсказчикъ:—Шемякинъ, дѣйствительно, былъ у насъ предсѣдателемъ.

Въ разговорахъ проходили часы и дни... никто не ждалъ такой спокойной жизни. Прошло, такимъ образомъ, нѣсколько дней. Мимо Булгарени начали проходить части пѣхоты девятаго корпуса, которыя должны были подойти къ Никополю съ запада и съ юга. Прошла молва, что главная квартира направилась на Трновъ, который уже занятъ авангардомъ Гурко. Каждый разъѣздъ привозилъ намъ разныя новости, имѣвшія интересъ исключительнаго случая. Плевна была въ тридцати верстахъ отъ Булгарени, но никому и въ голову не приходило освѣдомиться, что тамъ творится, и свободенъ ли городъ, или онъ занятъ непріятелемъ?

Одинъ изъ первыхъ разъѣздовъ попалъ на сосѣднюю деревню, почти всецѣло населенную турками. Толпа турокъ въ нѣсколько десятковъ человѣкъ различнаго возраста вышла на встрѣчу нашимъ казакамъ и заявила имъ свою покорность. Во главѣ этой партіи оказался татаринъ, выселившійся изъ Крыма и хорошо говорившій по-русски. Татаринъ заявилъ, что все турецкое селеніе выражаетъ свою покорность и готовность сдать оружіе. Командиръ разъѣздной сотни привелъ ихъ въ лагерь; они подтвердили свое желаніе, и мы успокоились.

На слѣдующій день, объѣздъ перехватилъ турецкую почту. Шли по дорогѣ два турецкіе пилигрима. Они были вооружены однѣми палками, а за плечами несли котомки. Ихъ привели въ лагерь. Въ портъ-табакѣ, сдѣланномъ изъ чернаго дерева, нашелся потайной ящикъ. Изъ ящика вынули нѣсколько записокъ. «Въ Виддинѣ опасаются и просятъ родныхъ не приходить сюда, писали турки: — у насъ 50,000 населенія съ арміей и всѣ они обратились въ пепелъ» (восточное выраженіе, обозначающее: предались страху). Уже 15 дней, какъ въ Виддинѣ пятнадцатитысячный турецкій гарнизонъ ожидаетъ сорокатысячную русскую армію». сорока-пяти-тысячный турецкій отрядъ двинулся на Казаляръ»... «большая нужда въ деньгахъ»... «наемщики просятъ денегъ». Мы читали эти письма и рѣшительно не видѣли никакихъ причинъ волноваться и тревожиться. Напротивъ того, всѣ эти свѣдѣнія еще болѣе успокоивали насъ на лаврахъ удачнаго перехода черезъ Дунай.

Случилось, что казаки поймали черкескаго офицера. Дивизіонъ объѣзжалъ деревни: Лежань, Каменку и Озерскьёй. Не доходя

пяти верстъ до послѣдней деревни, были усмотрѣны три всадника, которые тотчасъ же и скрылись. Болгаре сообщили, что нѣсколько черкесовъ только-что угнали болгарскій скотъ. Казаки поскакали и поймали двухъ черкесовъ. Одинъ изъ нихъ оказался предводителемъ шайки. Это былъ молодой человѣкъ, не имѣвшій ничего общаго съ баши-бузуками. Черные, какъ смоль, волосы были подстрижены по-европейски. Онъ носилъ усы на смугломъ, загорѣломъ, красивомъ лицѣ обще-европейскаго типа. На головѣ его была красная феска, изъ-подъ которой спускался вуаль, вышитый золотомъ, очевидно, рукою какой-нибудь турчанки. Его звали Нури.

Нури ходилъ свободно въ лагерѣ, будучи военноплѣннымъ. Офицеры обращались съ нимъ, какъ кошка съ пойманной мышкой.

— Такимъ образомъ онъ можетъ уйдти изъ лагеря, покусился однажды замѣтить кто-то.

— Нури отъ насъ не уйдетъ, отвѣтилъ сотникъ, поймавшій его въ объѣздѣ.—Нури насъ любитъ. Нури, ты, вѣдь, любишь насъ? спросилъ онъ его черезъ переводчика.

Нури горько улыбался.

Самая высшая деликатность обращенія казака съ плѣннымъ заключается именно въ томъ, чтобы предоставить плѣнному полную свободу дѣйствій. Онъ можетъ идти куда хочетъ въ предѣлахъ лагеря; офицеры приглашаютъ его къ себѣ въ палатку на ночь, даютъ ему мѣсто, не убирая оружія, словомъ, принимаютъ всѣ мѣры для того, чтобы не давать чувствовать плѣнному грусти его положенія; но въ то же время, гдѣ-нибудь въ сторонѣ, зоркій глазъ слѣдилъ непремѣнно за каждымъ шагомъ Нури, за каждымъ его движеніемъ. Но это дѣлалось такимъ образомъ, чтобы Нури не замѣчалъ этого.

Нури былъ одинъ изъ самыхъ злыхъ враговъ Россіи. Это легко можно было замѣтить изъ разсказовъ о его прошлой жизни. Когда онъ былъ ребёнкомъ, его родители переселились изъ Кавказа въ Турцію. При разсказѣ объ этомъ переселеніи глаза Нури блестѣли, щеки горѣли, чувство особеннаго негодованія душило его грудь, и проклятія не сходили съ устъ при воспоминаніи о тогдашнемъ «временщикѣ» Филиппсовѣ, принимавшемъ весьма дѣятельное участіе въ переселеніи черкесовъ. Старики испытывали такія страшныя лишенія во время этого переселенія съ Кавказа, что они не могли пережить страданій и умерли по дорогѣ, оставивъ мальчика Нури на произволъ судьбы.

— Насъ швыряли, какъ собакъ, въ парусныя лодки, говорилъ Нури, задыхаясь:—голодные, оборванные, больные, мы ждали

смерти, какъ лучшей доли нашей судьбы. Ничто не принималось въ разсчетъ: ни глубокая старость, ни ранняя молодость, ни болѣзнь, ни беременность!.. Всѣ деньги, которыя ассигновало ваше правительство на поддержку переселенцевъ—всѣ они уходили куда-то, но куда... мы ихъ не видѣли! Съ нами обращались, какъ со скотомъ; насъ валили въ общій каикъ, сотнями, не разбирая, кто здравъ и кто боленъ, и выбрасывали на ближайшій турецкій берегъ. Многіе изъ насъ умерли, остальные приткнулись, гдѣ попало. Конечно, самый худшій клочекъ земли достался черкесамъ въ Болгаріи, и прежніе достатки, прежнее наше богатство, плодородіе Кавказа остались въ образѣ однихъ только далекихъ прошлыхъ воспоминаній.

Мудрено ли, что Нури былъ нашимъ злымъ врагомъ? Понятно, почему слеза катилась по щекѣ этого полудикаго человѣка при одномъ представленіи своего настоящаго положенія.

— Жаль, говорилъ Нури, горько улыбаясь:—жаль, что я попался въ плѣнъ, не положивъ десятокъ «московъ».

Надъ Нури сжалился какой-то турецкій паша, взялъ его на воспитаніе, далъ ему образованіе по корану и принялъ на службу.

Въ погоняхъ за единичными личностями проходило, такимъ образомъ, время, пока изъ Плевны не явились къ намъ въ лагерь два болгарина. Это было по прошествіи семи дней послѣ перехода нашей бригады черезъ Дунай, когда главная квартира прибыла въ Трновъ и войска 9 корпуса уже окружили Никополь. Болгары (одинъ изъ нихъ — учитель) сообщили намъ, что Плевна свободна отъ турокъ и приглашали бригаднаго командира занять этотъ городъ. Они передавали, между прочимъ, что городъ Плевну посѣтилъ на дняхъ одинъ русскій офицеръ съ небольшимъ отрядомъ. Впослѣдствіи обнаружилось, что это былъ чугуевскаго уланскаго полка поручикъ Димиденко. Этотъ фактъ отрицаетъ бригадный командиръ кавказской бригады г. Тутолминъ, но я передаю его со словъ очевидцевъ этого офицера: двухъ болгаръ, съ которыми говорилъ г. Тутолминъ (чего онъ, надѣюсь, отрицать не будетъ), а фамилію этого офицера я записалъ со словъ генерала Татищева, въ кавалерійской дивизіи котораго состоялъ чугуевскій уланскій полкъ. Гурко двинулся за Балканы, корпусъ барона Кридинера вплотную окружилъ Никополь, а его авангардъ (полковникъ Тутолминъ) снялся изъ деревни Булгарени и направился на сѣверо-западъ, на новое мѣсто стоянки подъ Никополь, вмѣсто того, чтобы, слѣдовать въ Плевну, при занятіи которой совершенно обезпечивался тылъ

арміи барона Криденера и флангъ главной квартиры, находившейся въ Трновѣ.

Этимъ временемъ воспользовался Османъ-паша и занялъ Плевну. Армія Османа-Нури-паши находилась въ Виддинѣ. Лишь только онъ получилъ извѣстіе о переправѣ русскихъ черезъ Дунай, онъ стянулъ всѣ войска, какія только попались ему подъ руку. и направилъ ихъ на Плевну, противъ праваго фланга русской арміи. Пользуясь отсутствіемъ русскихъ въ Плевнѣ, онъ началъ укрѣпляться на возвышенныхъ, отлогихъ и совершенно открытыхъ холмахъ этой мѣстности, сознавая всю важность своего стратегическаго положенія, преграждающаго путь русскимъ для дальнѣйшаго слѣдованія къ Балканамъ изъ Никополя и грозящаго во всякое время время во флангъ поспѣшной главной квартирѣ. Такимъ образомъ, авангардъ генерала Гурко, перешедшій въ то время Балканы, оказался въ весьма опасномъ положеніи. Будь на мѣстѣ турокъ болѣе сильное по численности войско, европейская армія и при болѣе энергичныхъ руководителяхъ въ дѣлѣ наступленія — занятый въ то время русскими шипкинскій проходъ и весь отрядъ генерала Гурко непремѣнно былъ бы отрѣзанъ путемъ изъ Ловчи, на Сельви и на Трновъ.

Чѣмъ же объясняется манёвръ полковника Тутолмина? Объясненія слѣдуетъ искать въ совершенномъ отсутствіи солидарности дѣйствій отдѣльныхъ начальниковъ съ главною квартирою. Едва ли я ошибусь, сказавъ, что главная квартира слишкомъ полагалась на безупречность знаній и талантовъ своихъ отдѣльныхъ генераловъ и полковниковъ. Увлекаясь быстротою своего движенія впередъ, главная квартира совершенно игнорировала положеніе непріятеля на правомъ флангѣ и была болѣе, чѣмъ увѣрена, въ несомнѣнномъ успѣхѣ своихъ правофланговыхъ генераловъ и полковниковъ. Эта увѣренность подтверждается довольно общимъ планомъ дѣйствій, предначертаннымъ ею отдѣльнымъ начальникамъ 9-го корпуса и неопредѣленностію отношеній этихъ отдѣльныхъ начальниковъ между собою. Нельзя сказать, чтобы въ быстромъ движеніи главной квартиры отъ береговъ Дуная на Трново, по стопамъ авангарда генерала Гурко, не было свѣтлой мысли. Быстрота движеній, скорое появленіе непріятеля тамъ, гдѣ его вовсе не ожидаютъ, умѣнье воспользоваться моментомъ моральнаго пораженія противной стороны—все это составляетъ лучшую гарантію для успѣха предпріятія. Въ такомъ положеніи отчасти находилась наша главная квартира въ тотъ моментъ. Послѣдствія доказали, что главная квартира преслѣдовала цѣль быстраго обходнаго движенія авангарда Гурко черезъ Ханькьёй, и это движеніе удалось, какъ нельзя лучше. Я

увѣренъ въ томъ, что не ошибись главный штабъ въ выборѣ дѣятелей праваго фланга — Плевна не досталась бы въ руки Османа-паши; а въ такомъ случаѣ всѣ дальнѣйшія военныя операціи перенеслись бы за Балканы, вслѣдствіе чего мы выиграли бы во времени, скрыли бы наши недостатки передъ лицомъ Европы (обнаружившіеся главнымъ образомъ подъ Плевной) и достигли бы болѣе благопріятныхъ результатовъ въ дипломатическихъ сношеніяхъ съ Европою.

Какъ будто какая-то стихійная сила толкнула насъ отъ Дуная къ Балканамъ и заставила забыть всю западную часть Болгаріи. Мы ворвались въ самое сердце Болгаріи, но не той Болгаріи, границы которой опредѣляются конференціей, съ главными городами Софія и Трновымъ и южною границею—линіей балканскихъ горъ, а такъ называемой горчаковской Болгаріи, границы которой опредѣлялись линіей морскихъ береговъ. Сейчасъ же послѣ переправы черезъ Дунай, линія отъ Никополя до Рущука послужила базисомъ для нашихъ военныхъ операцій, а голова нашей арміи очутилась далеко за Балканами, въ самомъ Казанлыкѣ. Достаточно взять карту въ руки для того, чтобы убѣдиться въ опасности нашего тогдашняго положенія, въ пространствѣ между двумя арміями—съ одной стороны, арміей Османа-паши, съ другой стороны—арміей Мехмеда-Али-паши, только-что смѣнившаго Абдулъ-Керима.

Генералъ Гурко занялъ Трновъ почти безъ боя 25 іюня. Его отрядъ предпринялъ сейчасъ же обходное движеніе черезъ Ханкьей. Планъ этого движенія заключался въ томъ, чтобы обойти шипкинскій проходъ и атаковать его съ обѣихъ сторонъ: какъ со стороны Казанлыка, такъ и со стороны Габрова. Паническій страхъ бѣжавшаго за Балканы турецкаго народонаселенія былъ переданъ и небольшимъ отрядамъ турецкаго войска, слабо защищавшаго горные проходы. Они бѣжали при первомъ появленіи казаковъ. Я не буду останавливаться на подробностяхъ перваго движенія отряда Гурко черезъ ханькьейскій проходъ; это движеніе было описано своевременно во всѣхъ подробностяхъ и принадлежитъ, по правдѣ говоря, къ числу дешевыхъ лавръ, хотя свѣтлой мысли этого движенія никто отрицать не станетъ. «Дешевыми лаврами» называется всякая побѣда, основанная на случаѣ или на счастьи. Серьёзный періодъ нашей дѣятельности наступилъ за Балканами послѣ того, какъ отрядъ Гурко выступилъ изъ Казанлыка. Эта дѣятельность оказалась пассивною, и она положила собою начало всѣмъ дальнѣйшимъ неудачамъ. Пе-

ріодъ этого времени и подробности странствованія отряда генерала Гурко за Балканами остались незамѣченными. По смыслу тѣхъ реляцій, которыя описывали дѣятельность отряда Гурко, мы побѣждали; но ни одинъ изъ участниковъ этой экспедиціи не вспоминаетъ ея добрымъ словомъ. Напротивъ того: самое грустное, самое тяжелое воспоминаніе вынесли всѣ тѣ лица, которыя дѣйствовали въ то время за Балканами. Справедливость заставляетъ возстановить нѣкоторыя подробности, такъ какъ, на основаніи реляцій, составились невѣрныя заключенія.

Отрядъ генерала Гурко состоялъ изъ 30 эскадроновъ, подъ командою братьевъ-герцоговъ Николая и Евгенія Лейхтенбергскихъ и полковника Чернозубова, 6 болгарскихъ дружинъ, подъ командою генерала Столѣтова; четырехъ батальйоновъ стрѣлковъ, 10 и 15 казачьихъ батарей, 16 конной батареи и 1 и 2 горной батареи. Такимъ образомъ, главный контингентъ пѣхоты составляли болгаре.

Способъ довольно небрежной комплектаціи болгарскихъ дружинъ, задачи, которыя преслѣдовались отдѣльными лицами, искавшими назначенія въ эту новую армію, наконецъ, невыгодная репутація, которая почему-то безпричинно составилась о болгарскихъ дружинахъ еще въ началѣ кампаніи — отнюдь не наводили на мысль, что на долю этихъ болгарскихъ дружинъ сразу выпадетъ отвѣтственная роль за Балканами. Да едва ли эти операціи и входили въ общій планъ дальнѣйшей дѣятельности, на случай успѣшнаго захвата шипкинскаго прохода. Мнѣ кажется, что они были результатомъ слишкомъ сильнаго увлеченія послѣ неожиданныхъ успѣховъ. Во всякомъ случаѣ, никто не возлагалъ особенныхъ надеждъ на болгарскія дружины; слѣдовательно никто и не могъ себѣ представить, чтобы съ помощію одной кавалеріи и четырехъ батальйоновъ стрѣлковъ можно было бы взять Адріанополь. Во время нашихъ сборовъ на войну, всевозможныхъ проэктовъ и предположеній — былъ выработанъ и проэктъ организаціи болгарской арміи. Согласно этому проэкту, болгарская армія была задумана въ самыхъ широкихъ размѣрахъ; въ началѣ предполагали, что въ составъ ея войдутъ всѣ молодыя, способныя силы Болгаріи и что въ лицѣ этой арміи мы встрѣтимъ сильнаго и преданнаго намъ союзника. Но въ дѣйствительности никто о болгарской арміи и не заботился, исключая лицъ собственнаго штаба болгарскаго ополченія. Когда наша армія находилась еще въ Кишиневѣ, болгаре, бывшіе въ Сербіи волонтерами, начали-было собираться въ Кишиневъ, но ихъ приняли довольно сухо и не дали никакихъ положительныхъ отвѣтовъ. Многіе болгаре удалились обратно въ

Румунію, разбрелись по заработкамъ, а когда пришло время похода, ихъ снова начали собирать, гдѣ попало. Согласно проэкту, въ составъ болгарской арміи, входила и кавалерія, при чемъ предполагалось познакомить болгарскую кавалерію съ казачьимъ образамъ веденія войны. Такимъ образомъ, болгарская армія проэктировалась для передовыхъ движеній, съ цѣлью возбужденія возстанія; короче, она была задумана на совсѣмъ другихъ основаніяхъ, какъ это вышло въ дѣйствительности. Главный штабъ вытребовалъ, вмѣсто казачей кадры, офицеровъ и унтеръ-офицеровъ гвардіи, и организація болгарской кавалеріи кончилась тѣмъ, что всѣ прибывшіе гвардейскіе кавалеристы заняли мѣста ординарцевъ и составили главный конвой генерала Гурко.

Ходили слухи, что генералъ Гурко не возлагалъ большихъ надеждъ на свое болгарское ополченіе, которое еще не было испытано и составъ котораго дошелъ всего до шести дружинъ, когда онъ двинулся за Балканы. Между тѣмъ, послѣдствія доказали, что генералъ Гурко, вѣроятно, на нихъ надѣялся и считалъ ихъ самымъ опытнымъ и сильнымъ войскомъ, судя потому, что болгаре получили весьма отвѣтственное назначеніе. Болгаре постарались оправдать довѣріе ихъ начальника, хотя это оправданіе имъ обошлось дорогою цѣною многихъ убитыхъ и брошенныхъ на произволъ злосчастной судьбы своихъ товарищей.

Казаки, бывшіе на рекогносцировкѣ по пути на г. Елену, привезли въ Трновъ извѣстіе, что непріятель не усматривается по дорогѣ. Вечеромъ, 1-го іюля, отрядъ Гурко выступилъ изъ Трнова въ этотъ городъ, на другой день занялъ Беброво и въ составѣ трехъ колонъ поднялся на Балканы между Шипкою и такъ называемыми «желѣзными воротами». 12-го іюня, онъ занялъ ханкьейскій проходъ, выбросивъ оттуда единственный турецкій батальйонъ, защищавшій эту позицію. Для отряда открылась скатертью дорога по Розовой Долинѣ, вплоть до Казанлыка. Нигдѣ не было видно непріятеля, въ смыслѣ настоящей арміи. «Поздравляю съ успѣхомъ, телеграфировалъ императоръ Вильгельмъ:— но гдѣ же турки?» Въ этихъ лаконическихъ словахъ, очевидно, выразилось сомнѣніе или, во всякомъ случаѣ, совѣтъ государственнаго мужа: поискать главныя силы непріятеля и постараться разбить его. Въ самомъ дѣлѣ, куда дѣлись турки? Мы находили только отдѣльные отряды турецкаго войска, которые бѣжали отъ насъ при первомъ нашемъ появленіи. 3-го іюля, казаки генерала Гурко доходили до Ени-Загра и Ямболи, гдѣ имъ удалось попортить желѣзную дорогу и порвать телеграфную проловоку между Ямболи и Адріанополемъ. 3-го, 4-го и 5-го іюля, отряду Гурко удалось пройдти долину Тунджи и занять Казанлыкъ, послѣ незна-

чительной стычки съ непріятелемъ. Пятаго же іюля, онъ двинулся на сѣверъ къ шипкинскому проходу. Этотъ день былъ назначенъ днемъ атаки шипкинской позиціи съ двухъ сторонъ: съ сѣвера и съ юга. Орловскій полкъ, дѣйствительно, атаковалъ непріятеля съ сѣвера, но былъ жестоко отбитъ съ большими потерями. Отрядъ Гурко, въ это время, еще не подоспѣлъ къ д. Шипка. Только на другой день, то-есть 6-го іюля, стрѣлки генерала Гурко пошли въ атаку на грандіозныя шипкинскія позиціи и были жестоко отбиты съ большимъ урономъ въ крутыхъ ущельяхъ. Но въ ночь съ 6-го на 7-е іюля, турки бѣжали съ шипкинскихъ высотъ, бросивъ часть своей артиллеріи, всѣ запасы и всѣ лагерныя палатки. Мехмедъ-паша позорно бѣжалъ съ 14 батальйонами по большой дорогѣ черезъ Калоферъ на Филиппополь. Побѣда была полная и самая дешевая. Турки испугались, увидавъ себя обойденными и атакованными съ обѣихъ сторонъ. Такимъ образомъ, въ нашихъ рукахъ, при помощи одной кавалеріи, оказались одинъ главный и 5 побочныхъ проходовъ черезъ Балканы. Успѣхъ невѣроятный и неимѣщій примѣровъ въ исторіи войнъ! Удачная переправа черезъ Дунай, неожиданная побѣда на Балканахъ! Чего лучшаго могли мы ожидать? Но счастье измѣнило намъ. Какъ въ казанлыкской долинѣ, такъ и подъ Плевною, свершились событія, положившія конецъ нашему наступленію и тяжело отозвавшіяся на всемъ ходѣ послѣдующихъ событій войны.

Къ 12 іюлю весь отрядъ генерала Гурко сосредоточился въ Казанлыкѣ. Вѣсть о переходѣ нашихъ войскъ черезъ Балканы быстро разнеслась въ долинѣ Марицы и отразилась на участи несчастныхъ болгаръ. Турки начали рѣзню. Къ генералу Гурко пришло донесеніе, что армія Сулеймана-паши сосредоточивается въ долинѣ. Въ это время генералъ Гурко находился въ Казанлыкѣ, а принцъ Лейхтенбергскій въ Эски-Загрѣ, во главѣ своей кавалеріи. Слѣдуетъ замѣтить, что, до сихъ поръ генералъ Гурко не являлся иниціаторомъ того или другого предпріятія: онъ перешелъ Балканы по иниціативѣ лицъ главнаго штаба; въ казанлыкской же долинѣ онъ выступилъ въ роли самостоятельнаго руководителя, и нельзя сказать, чтобы первые шаги его были удачны. 16-го іюля, произведена была рекогносцировка, которая указала маленькіе отряды въ мѣстечкѣ Терновѣ и Карабунарѣ (на желѣзной дорогѣ). Между тѣмъ какъ 19-го іюля послѣдовала атака Сулеймана-паши; поэтому вы можете судить о бдительности предварительной рекогносцировки и о тщательности ея донесенія относительно состоянія непріятельской арміи. Вечеромъ, 16-го іюля, болгарское ополченіе, находив-

шееся въ Эски-Загрѣ, получило диспозицію, согласно которой весь эски-загровскій отрядъ, казанлыкскій и одна бригада, остававшаяся въ Ханкьёѣ, должны были двинуться на Ени-Загру и достигнуть этого города въ два форсированные перехода. Двигая такимъ образомъ отдѣльныя части своего отряда, генералъ Гурко, очевидно, вѣрилъ въ результаты ошибочной рекогносцировки. 17-го іюля, болгаре двинулись, согласно диспозиціи, и, дойдя до д. Долбоки, встрѣтили непріятельскій авангардъ съ 12 орудіями, съ 6 таборами пѣхоты и съ отрядомъ конныхъ черкесовъ. Самъ генералъ Гурко двигался изъ Казанлыка на Ени Загру. Между болгарами и турками завязался ожесточенный артиллерійскій бой. Болгарскія дружины, не усматривая возможности соединиться съ отрядомъ генерала Гурко, отошли на ночовку отъ д. Долбоки на нѣсколько верстъ. Турки остались на своихъ позиціяхъ. Въ ночь съ 17-го на 18-е іюля, командующій отрядомъ болгаръ и нѣкоторой части кавалеріи, герцогъ Николай Максимиліановичъ Лейхтенбергскій получилъ донесеніе отъ казачьяго полковника Краснова, что южнѣе Эски-Загры двигается турецкій отрядъ, состоящій изъ трехъ родовъ оружія. Положеніе отряда Лейхтенбергскаго оказалось критическимъ. Онъ стоялъ между двумя непріятельскими отрядами, имѣя предписаніе соединиться съ генераломъ Гурко въ Ени-Загрѣ. куда и дойти было невозможно. Собрался военный совѣтъ. На совѣтѣ пересилило мнѣніе: вернуться обратно въ Эски-Загру. Но конница и конная артиллерія должны были отправиться на соединеніе съ генераломъ Гурко. При болгарскихъ дружинахъ оставили одинъ только астраханскій драгунскій полкъ. Но прежде, чѣмъ вернуться въ Эски-Загру, герцогъ сдѣлалъ попытку пройдти къ назначенному пункту. Подойдя вторично къ деревнѣ Долбоки, болгаре нашли положеніе вещей въ прежнемъ порядкѣ: турки занимали свои позиціи и преграждали намъ путь. Это было 18-го іюля. Болгаре постояли на мѣстѣ часа полтора и опять двинулись назадъ. На этотъ разъ турки убѣдились въ малочисленности русскаго отряда, снялись съ позиціи и двинулись по стопамъ русскихъ. Они двигались двумя колоннами въ слѣдъ за болгарами по шоссе и частію параллельно съ нимъ. Въ этотъ день пробовали-было войти въ связь съ генераломъ Гурко, но это не удалось. Наступилъ вечеръ, и передъ глазами болгаръ открылось новое зрѣлище, облившее кровью ихъ патріотическія сердца. Все пространство, по которому двигались турки, освѣтилось заревомъ громаднаго пожара: горѣли ихъ родныя села, деревни и города, и неистовству турокъ не было предѣловъ, такъ какъ вопросъ о жизни или смерти двухъ враговъ былъ

слишкомъ круто поставленъ послѣ нашего перехода черезъ Балканы. Въ области огненнаго зарева двигались черныя массы турецкой арміи. Равнины, кусты, деревья, руины сгорѣвшихъ деревень—все это вдругъ обрисовалось на освѣщенномъ горизонтѣ. Въ составѣ этого отряда находилось всего 4 болгарскія дружины. Стрѣлки, часть кавалеріи и артиллеріи находились при Гурко. Двѣ дружины разставили ночью южнѣе города подъ командою полковника Депрерадовича; остальныя двѣ дружины, подкрѣпленныя кавалеріей и артиллеріей, заняли позицію восточнѣе Эски-Загры. Объ отрядѣ генерала Гурко не было ни слуху, ни духу. Только-что зардѣлась ранняя зорька, турки начали свое наступленіе. Посмотрѣли болгаре на турокъ и увидѣли, сколь великія силы развернули они передъ лицомъ ихъ несчастнаго отряда: это были громадныя силы Сулеймана-паши. Завязался упорный, ожесточенный бой двухъ непріятелей. Сначала дрались двѣ дружины; остальныя двѣ оставались въ резервѣ. Резервъ помѣщался въ горномъ проходѣ, находившемся въ тылу болгарской позиціи. Скоро силы болгаръ начали изнемогать. Вызвали резервы. Всѣ четыре дружины развернулись въ одну линію общаго строя, и бой продолжался около пяти часовъ. Никогда и никто не подозрѣвалъ такой стойкости со стороны болгарскаго ополченія, правда, достаточно обстрѣленнаго въ прошлую сербскую кампанію. Враги дрались на протяженіи четырехъ верстъ. Въ послѣдствіи, когда эта армія Сулеймана-паши попала въ плѣнъ подъ Шипкою, начальникъ штаба Сулеймана, офицеръ генеральнаго штаба Зеки-бей, разсказывалъ, что противъ болгарскихъ дружинъ дралось 15 батал. и 3 батареи. У болгаръ было всего шесть орудій. Турки наступали колоннами и отчасти развернутымъ строемъ. Наконецъ, болгаре дрогнули, силы измѣняли имъ; наступилъ критическій моментъ, когда нужно было или бросаться въ атаку, или начать отступленіе. Слѣдуетъ замѣтить, что составъ офицеровъ въ болгарскихъ дружинахъ не заставлялъ желать ничего лучшаго. Это были боевые, молодые офицеры, опытные, преимущественно служившіе въ Ташкентѣ. Почти всѣ ташкентцы пали жертвою настоящаго боя. Турки пошли первыми въ атаку. Что было дѣлать болгарамъ? Первая и третья дружины были уже атакованы съ лѣваго фланга. Единственный уцѣлѣвшій въ третьей дружинѣ поручикъ Кисяковъ, родомъ болгаринъ, запѣлъ свою болгарскую пѣсню: «ой ви, болгаре-юнацы, ви во Балканы родени», и болгаре, дружно подхвативъ напѣвъ любимой пѣсни, встрѣтили турокъ штыками. Начался одинъ изъ рмнеогихъ въ прошлую кампанію рукопашныхъ боевъ. Напѣвъ одимой пѣсни долетѣлъ до слуха первой болгарской дружины;

она подхватила: «напредъ, напредъ, на бой да варвимъ» и кинулась на поддержку своихъ братьевъ. Но то былъ послѣдній, предсмертный порывъ побѣжденнаго. Съ фланга показалась колонна турокъ; вначалѣ, съ горяча, болгаре приняли ее за подоспѣвшихъ къ мѣсту боя стрѣлковъ генерала Гурко, такъ какъ имъ было постоянно говорено объ этомъ, въ видахъ поддержки ихъ энергіи и духа, но, разобравъ, что это были турки, болгаре кинулись назадъ. Турецкая колонна съ фланга дала 3 залпа, болгаре слышали, какъ турки кричали: «не бойтесь, это—не московы: это гяуры-болгары дерутся!», и ничего, кромѣ проклятій, не сходило съ устъ отступавшихъ. Всѣ, кто только падалъ на бранномъ полѣ убитымъ и раненымъ — доставались въ руки турокъ, которые прикалывали ихъ на мѣстѣ. Генералъ Столѣтовъ распорядился убрать орудія на гору, такъ какъ турки начали уже обходить болгаръ на шоссе, а его начальникъ штаба, поднявшись на гору къ третьей дружинѣ, убѣдился въ томъ, что шесть турецкихъ таборовъ дѣйствительно обошли болгарскую позицію. Всякій спасался, забывая о ближнемъ. Болгарскія дружины потеряли 22 офицера и 514 нижнихъ чиновъ. Въ началѣ боя раненыхъ выносили, подъ конецъ не было никакой возможности этого дѣлать. Болгаре отступали черезъ городъ. Почти изъ каждаго зданіи раздавались выстрѣлы. Мѣстные жители изъ болгаръ передавали, что турки роздали турецкому населенію ружья еще въ 1876 году. Не знаю, насколько это было вѣрно, но когда слухъ объ этомъ дошелъ до начальника болгарскаго ополченія, полковникъ Депрерадовичъ, бывшій комендантъ Эски-Загры, предложилъ сдѣлать повальный обыскъ въ городѣ. Генералъ Гурко отказалъ, не желая оскорблять своимъ недовѣріемъ мирныхъ жителей. Въ городѣ была караулка въ конакѣ; въ этомъ конакѣ оставался болгарскій караулъ и нѣсколько человѣкъ аманатовъ (заложниковъ). Полковникъ Депрерадовичъ вернулся въ городъ при отступленіи, успѣлъ смѣнить караулъ и повѣсить 6 человѣкъ заложниковъ.

Болгаре отступили на Казанлыкъ. Турки преслѣдовали ихъ, рѣзали и уничтожали все, что̀ имъ попадалось по дорогѣ. Съ генераломъ Гурко болгаре увидѣлись черезъ три съ половиною часа послѣ боя. Въ его штабѣ оказался генералъ Столѣтовъ. Случилось это такимъ образомъ: генералъ Столѣтовъ, спустившись съ горы, при началѣ отступленія, встрѣтилъ черкесовъ, проскакалъ подъ градомъ ихъ пуль и присоединился къ Гурко, который въ это время шелъ на мѣсто боя.

— Ка̀къ это странно! сказалъ Гурко, начальникъ кавалеріи

(герцогъ Лейхтенбергскій) остался при пѣхотѣ, а начальникъ пѣхоты очутился во главѣ кавалеріи.

Таковы странности всякаго боя, кончающагося подобными катастрофами. По дорогѣ изъ Ени-Загры въ Эски-Загру отрядъ генерала Гурко имѣлъ бой съ частью арміи Сулеймана. Согласно его реляціи, онъ выдержалъ бой съ самимъ Сулейманомъ-пашею. Около рѣки Тунджи болгаре переночевали и отошли въ Казанлыкъ.

Лишь только болгаре оставили Эски-Загру, турецкія колоны подошли къ городу и начали растрѣливать его. Несчастное, испуганное болгарское населеніе попало частію въ руки турокъ, которые ихъ перевѣшали и перерѣзали, а частью спасалось слѣдомъ за нашимъ отрядомъ, бросая все свое имущество, лишь бы только спасти себѣ жизнь. Вскорѣ послѣ битвы, отрядъ Гурко раздѣлился опять на двѣ части. Одна часть, т. е. каваллерія отступила вмѣстѣ съ нимъ черезъ ханькьёйскій проходъ на Трново; другая часть — болгарскія дружины пошли на Шипку. При болгарскихъ дружинахъ оставался одинъ только казанскій драгунскій полкъ, который отступилъ во главѣ ополченія, такъ что черкесы преслѣдовали отступавшихъ болгаръ и заставляли арьергардъ (полковника Депрерадовича) давать залпы. Позволю себѣ замѣтить, что въ реляціи генерала Гурко вкралась ошибка: именно въ томъ мѣстѣ, гдѣ говорится, будто казанскіе драгуны прикрывали отступленіе болгаръ. Это было самое поспѣшное и самое безпорядочное, въ военномъ смыслѣ, отступленіе. Такимъ образомъ кончилась первая экспедиція за Балканами, послѣ которой генералъ Гурко тотчасъ отправился въ Петербургъ—принимать свою гвардейскую дивизію. Въ это время прошла молва, что гвардія выступаетъ въ походъ.

XII.

Подъ Плевною.

Тѣмъ временемъ, подъ Плевною совершались событія, принудившія главную квартиру оставить Трновъ и выѣхать въ д. Горный Студень. Тревожный слухъ объ этихъ событіяхъ прошелъ во время неудачной экспедиціи за Балканами и принялъ даже угрожающій характеръ, когда Гурко вернулся въ Трновъ и когда первые бѣглецы изъ Ловчи сообщили, что часть арміи Османа-паши завладѣла городомъ Ловчею, который дешево достался намъ во время первыхъ каваллерійскихъ разъѣздовъ нашего

авангарда. Полагали, что турки выгнали насъ изъ-за Балкановъ и пробирались изъ Плевны, очевидно, на Трновъ, съ цѣлью отрѣзать шипкинскую армію; такъ, по крайней мѣрѣ, это казалось въ ту минуту, когда у страха были глаза велики. А глаза были велики по двумъ причинамъ: по случаю недостатка энергіи, столь свойственнаго большинству людей, имѣющихъ обыкновеніе увлекаться, ликовать и крѣпнуть духомъ, когда дѣла идутъ хорошо, и преувеличивать опасность послѣ первой неудачи, и вслѣдствіе того, что такому преувеличиванію много способствовали и народная молва, и мысль объ участи тысячей болгарскихъ семействъ, бѣжавшихъ изъ-за Балкановъ, изъ Ловчи, изъ Плевны и изъ другихъ мѣстъ, занятыхъ турками. Въ самомъ дѣлѣ, положеніе этихъ несчастныхъ людей было отчаянное. Лишенные крова, безъ всякой собственности, голодные и холодные, они кочевали по дорогамъ между Шипкою и Трновымъ, между Сельви и Габровымъ, подобно цыганамъ; телеги служили имъ навѣсомъ, сырая земля—постелью. Первыя неудачи породили въ нихъ чувство сомнѣнія, и, подъ вліяніемъ этого чувства, положеніе ихъ становилось еще ужаснѣе, еще страшнѣе. «Русскій уйдетъ, думали они: — болгарину уйдти нѐкуда; висѣлица впереди и полное раззореніе нашихъ полей и родного крова»...

Первыя извѣстія о дѣлахъ подъ Плевною принудили меня вернуться обратно изъ Казанлыка. Говорили шопотомъ, какъ будто что-то скрывали; очевидно, была какая-то тайна, которую можно было провѣрить только на мѣстѣ. Кàкъ ни тяжело снова подыматься на Балканы въ жаркое, душное время іюля мѣсяца, нужно было ѣхать. Спускаясь съ громадной высоты шипкинской позиціи, дорога снова повела меня вдоль по берегу рѣчки Янтры. Янтра, горная рѣченка начинается гдѣ-то тамъ, далеко впереди, на высотѣ балканскаго хребта и, постоянно расширяясь, становится уже рѣкою, злобствуетъ, шумитъ и пѣнится по мѣрѣ своего дальнѣйшаго теченія внизъ по каменьямъ извилистаго ската. Нѣтъ для нея препятствій и нѣтъ удержу! А съ обѣихъ сторонъ рѣки высятся страшныя горы, скалы и обрывы, покрытые хмурыми лѣсами. Дорога въ Балканахъ мѣстами крута, мѣстами довольно рѣшительно спускается въ лощины, въ ущелья; кое-гдѣ журчатъ ручьи горныхъ потоковъ. Иногда въѣзжаетъ путешественникъ въ густой лѣсъ и въ нѣдрахъ этого лѣса эхо глухо отвѣчаетъ на топотъ коней; мѣстами дорога осторожно пробирается по краю пропасти. Мало деревень попадается по ней. Всѣ онѣ раскинулись хотя и недалеко отъ дороги, но прячутся за утесами, холмами, или въ лощинахъ, или на склонѣ горъ, гдѣ только бьетъ ключевая вода горнаго пото-

ка. Одинъ только лай сердитыхъ собакъ говоритъ о близкомъ присутствіи человѣческаго жилья.

Главная квартира оставалась еще въ Трновѣ, когда я спѣшилъ уже подъ Плевну.

— Торопитесь, говорили мнѣ въ главной квартирѣ:—иначе опоздаете къ побѣдѣ. Въ побѣдѣ никто не сомнѣвался, и первый случай подъ Плевною съ дивизіею Шильдеръ-Шульднера объясняли простою случайностью. Мнѣ передали, между прочимъ, что въ настоящее время около Плевны сосредоточились два корпуса: барона Криденера и князя Шаховского. Но странное дѣло: когда я, ранѣе того, спѣшилъ изъ-подъ Плевны за Балканы, главная квартира имѣла самыя смутныя свѣдѣнія о томъ, что̀ творится подъ Плевною и подъ Никополемъ. Смѣю заключать это изъ того, что, когда я прибылъ въ Трновъ, на меня посмотрѣли, какъ на перваго вѣстника событій изъ-подъ Никополя. Мнѣ задавали вопросы о томъ: когда баронъ Криденеръ намѣренъ брать Никополь? что̀ дѣлаетъ бригада полковника Тутолмина? и т. д. По возможности, я отвѣчалъ на всѣ вопросы, сообщилъ переписанныя мною содержанія турецкихъ писемъ, разсказалъ, ка̀къ изъ Плевны являлись два болгарина, которые передавали намъ, что въ Плевнѣ нѣтъ турокъ, и подивился, когда мнѣ сказали, что турки въ Плевнѣ оказались въ такомъ количествѣ, что нужно было сосредоточивать цѣлые два корпуса для вторичной атаки этихъ позицій. Вскорѣ послѣ моего отъѣзда изъ Булгарени, послѣдовавшаго вслѣдствіе слуховъ о взятіи Трнова и движенія за Балканы, пришло извѣстіе, на другой день моего прибытія въ Трновъ, что Никополь взятъ девятымъ корпусомъ. Что̀ же случилось съ Плевною? Какимъ образомъ Шильдеръ-Шульднеръ могъ потерпѣть неудачу?

Не знаю, доводилъ ли полковникъ Тутолминъ до свѣдѣнія своего корпуснаго командира извѣстіе, привезенное болгарами изъ Плевны, но извѣстенъ только тотъ фактъ, что кавказская бригада снялась изъ деревни Булгарени и, вмѣсто того, чтобы слѣдовать на югъ, хотя-бы въ Плевну, она послѣдовала на сѣверо-западъ, подъ Никополь. Рѣшительно не могу объяснить себѣ и другимъ, какими мотивами руководствовалась кавказкая бригада, слѣдуя къ Никополю? Извѣстно, что при взятіи такихъ крѣпостей, какъ Никополь кавалерія не могла имѣть никакого значенія; весь успѣхъ дѣла зависилъ всецѣло отъ пѣхоты. Вѣроятно, полковникъ Тутолминъ, руководствовался въ этомъ случаѣ чувствомъ личнаго любопытства и желаніемъ раздѣлить долю участія при взятіи Никополя, послѣ котораго ожидались награды. Можетъ быть, найдутся защитники такого

манёвра полковника Тутолмина и скажутъ мнѣ, что кавалерія была необходима при взятіи Никополя и, какъ на доказательство этой необходимости, сошлются на примѣръ отступленія изъ Никополя, послѣ побѣды, по дорогѣ въ Видинъ, нѣкоторой части турецкой пѣхоты, которую кавалеристы должны были преслѣдовать. Этотъ случай былъ дѣйствительно ночью, послѣ взятія Никополя, когда эта часть пѣхоты совершенно случайно наткнулась на лагерь кавказской бригады и произвела неожиданную тревогу. Но я позволю себѣ замѣтить, что этотъ случай ничего еще не доказываетъ, такъ какъ кавказская бригада, разбуженная турками, вовсе не преслѣдовала отступавшихъ въ эту ночь турокъ, а когда наступилъ разсвѣтъ, турецкіе слѣды были уже потеряны.

Послѣ взятія Никополя, въ ночь съ 7-го на 8-е іюля, командиръ 5-й пѣхотной дивизіи, генералъ-лейтенантъ Шильдеръ Шульднеръ, отдѣлился отъ 9 корпуса и двинулся съ пятой бригадой, 1-й, 2-й, 4-й и 5-й батареями, 1 ротою 5-го сапёрнаго батальйона на городъ Плевну. Способъ движенія какъ нельзя болѣе подтверждаетъ предположеніе начальствующихъ лицъ, что Плевна должна быть свободна отъ турокъ. Генералъ двинулся, вопреки правиламъ военной тактики, не сдѣлавъ никакой предварительной рекогносцировки. Предположенія начальства, если они только были, оказались не вѣрными. Османъ-паша уже воспользовался временемъ занятій нашихъ войскъ подъ Никополемъ и занялъ высоты Плевны. Генералъ Шильдеръ-Шульднеръ полагалъ достигнуть съ одной бригадой въ село Вербица черезъ Бестемницу, и если будетъ возможно, то и до Палаца; костромскому же полку было приказано двинуться въ этотъ же день до Сгалуцера, донскому казачьему № 9 полку—слѣдовать по большой дорогѣ до селенія Черкаска, а кавказской бригадѣ до Тученицы. Слѣдуя этому маршруту, пѣхота генералъ-лейтенанта Шильднеръ-Шульднера совершенно неожиданно наткнулась на чрезвычайно сильныя позиціи, въ небольшомъ разстояніи, не доходя до города Плевны. Очевидцы разсказывали, что это было такъ:

— Эй ты, молодецъ! сказалъ кто-то изъ начальства казаку, когда бригада уже подходила къ Плевнѣ:—съѣзди-ко впередъ, посмотри—нѣтъ ли тамъ гдѣ-нибудь ключевой воды, около которой можно было бы переночевать бригадѣ.

Казакъ поѣхалъ впередъ и, не доѣхавъ до источника, вернулся обратно и сказалъ:

— Да тамъ турки воду черпаютъ.

— Какіе турки?.. что ты вздоръ городишь?

— Ей-богу, турки, извольте посмотрѣть.

Поѣхали, посмотрѣли—видятъ: дѣйствительно—турки.

Не предполагая значительныхъ силъ непріятеля, наша пѣхота была пущена въ бой съ турками, но достаточно было сдѣлать первый натискъ, чтобы обнаружились громадныя турецкія силы, расположенныя на замѣчательно сильныхъ позиціяхъ, на отдѣльныхъ холмахъ, охраняемыхъ оврагами, лощинами, голыми спусками и такимими-же подъемами. Превосходство турецкихъ силъ обнаружилось, къ сожалѣнію, слишкомъ поздно. Мы потеряли 20 штабъ и оберъ-офицеровъ (въ томъ числѣ двухъ полковыхъ командировъ), 1,244 нижнихъ чиновъ убитыми и одного бригаднаго генерала, 46 штабъ и оберъ-офицеровъ и 1,573 нижнихъ чиновъ ранеными. Убѣдившись въ значительной силѣ противника, мы прекратили атаку и начали поджидать новыхъ подкрѣпленій.

Баронъ Криденеръ донесъ въ главную квартиру о значительности турецкихъ силъ, занявшихъ Плевну, выразивъ мнѣніе, что съ его наличными силами атакъ повторять невозможно. Въ это время, по дорогѣ отъ Систова въ Трновъ находился корпусъ князя Шаховскаго, ожидая дальнѣйшаго маршрута. Главный штабъ направилъ этотъ корпусъ въ помощь барону Криденеру и предписалъ вторично атаковать Плевну. Англійскіе корреспонденты, какъ извѣстно, послѣ вторичной неудачной атаки, оправдывали барона Криденера на томъ основаніи, что онъ считалъ силы даже двухъ корпусовъ недостаточными для того, чтобы сбить непріятеля съ его плевненскихъ позицій и въ этомъ смыслѣ дѣлалъ донесенія въ главную квартиру. Но главная квартира приказала атаковать, и барону Криденеру ничего больше ве оставалось дѣлать. Я не буду отрицать факты, которые мнѣ не извѣстны, но скажу, что ошибка барона Криденера заключалась вовсе не въ томъ, что онъ атаковалъ Плевну по приказанію главной квартиры, а въ томъ, что онъ приступилъ къ атакѣ, ограничиваясь свѣдѣніями о положеніи непріятеля, почерпнутыми изъ прошлаго, горькаго опыта Шильдеръ-Шульднера, имѣющаго характеръ неудачной рекогносцировки и не выяснилъ предварительно въ точности всѣ необходимыя подробности положенія арміи Османа-паши. Прежде, чѣмъ приступить къ вторичному бою, баронъ Криденеръ созвалъ военный совѣтъ, на которомъ онъ объявилъ собравшимся генераламъ о повелѣніи взять Плевну, замѣтивъ при этомъ, что задача занятія Плевны, прекрасно защищонной турками, далеко не легкая и что взятіе этого города будетъ имѣть большое вліяніе на общій ходъ настоящей кампаніи. Барономъ Криденеромъ была издана диспозиція, ко-

торая объяснила расположеніе войскъ до начала боя, не сдѣлавъ рѣшительно никакихъ указаній относительно предстоящихъ дѣйствій каждой отдѣльной части, согласно съ общимъ и частнымъ расположеніемъ непріятеля, его батарей, укрѣпленій и т. д. Въ этомъ документѣ не былъ обозначенъ также пунктъ отступленія, такъ какъ отступленія собственно не полагалось; силы-же непріятельскія высчитывались въ ту минуту отъ 40 до 50.000. Слѣдуетъ замѣтить, что большинство нашихъ войскъ отстояло отъ непріятельскихъ позицій на болѣе или менѣе далекомъ разстояніи, въ смыслѣ пониманія пункта, съ котораго можно было бы начать атаку.

Наступило утро 18-го іюля. Бой начался артиллерійскимъ огнемъ.

Около пяти часовъ вечера, я достигъ деревни Булгарени. Двухъ дневное верховое путешествіе изъ Трнова съ ранняго лѣтняго разсвѣта до поздней ночи, верхомъ на лошади, утомило меня ужасно; голодъ давалъ о себѣ знать какъ нельзя болѣе. Моя тощая лошаденка еле-еле передвигала ноги. Я ѣхалъ по дорогѣ въ Плевну.

Слышу: выстрѣлъ!.. орудійный выстрѣлъ по направленію къ Плевнѣ! Началось или кончается?.. Въ такія минуты сердце сильно бьется. Я ѣхалъ рысью, торопился, а мракъ быстро пеленалъ окрестныя деревни, далекія горы, передніе курганы и кое-гдѣ небрежно раскинувшуюся растительность. Выстрѣлы повторялись часто. Хотѣлось кого нибудь встрѣтить, распросить. Вотъ летитъ казакъ карьеромъ на встрѣчу; нагайка гуляетъ по спинѣ его донскаго жеребца.

— Сраженіе началось?

— Иде-е-тъ!

— Кàкъ дѣлà?

— Мно о го легло! быстро проскакалъ онъ назадъ.

— Кого?

— Нашихъ! уже чуть-чуть глухимъ эхомъ донеслись роковыя слова.

«Нашихъ» кольнуло прямо въ сердце, и во мракѣ темнаго горизонта, въ область котораго я въѣзжалъ, вдругъ обрисовался страшный силуэтъ смерти, косившей направо и на налѣво живыхъ людей, безъ разбора ихъ лѣтъ, положеній, привязанностей, долга и обязательствъ.

Я миновалъ еще 15 верстъ, и лошадь окончательно отказалась идти. Обозъ попался по дорогѣ. Онъ стоялъ въ сторонѣ на

ночлегѣ. Я приткнулся къ нему. въ ожиданіи разсвѣта. Выстрѣлы продолжались.

— Наши отступаютъ! громовымъ ударомъ пронеслось по лагерю передъ разсвѣтомъ. И по дорогѣ изъ Плевны въ Систово уже неслись какіе-то обозы. Тутъ былъ новый транспортъ раненыхъ, тутъ были ящики со снарядами, просто какія то телеги— и все это летѣло, перегоняя другъ друга безъ порядка и безъ оглядки. Сила паническаго страха гнала этихъ людей!.. Долженъ вамъ сказать, что я не знаю ничего ужаснѣе этого паническаго страха. Онъ порождается при извѣстныхъ условіяхъ, подобныхъ настоящимъ, часто безъ всякой разумной причины, въ силу бѣшеннаго крика одного безумца, ни съ того, ни съ сего, вдругъ произнесшаго хотя бы просто имя непріятеля. «Запрягать!» пронеслось по рядамъ стоявшаго въ сторонѣ обоза, и не прошло двухъ минутъ, какъ всѣ эти сотни стоявшихъ повозокъ вдругъ стремительно кинулись къ дорогѣ въ Булгарени. Одна перегоняла другую, колесо задѣвало за колесо, фургоны валились въ канавы; бѣгущая масса становилась пестрѣе и разнообразнѣе. Конные ѣхали рысью, пѣшіе старались забраться на повозки. Отступившая изъ подъ Плевны артиллерія перемѣшалась въ массѣ разнообразныхъ фургоновъ. Пѣхотныя части шли въ разсыпную; одинъ шелъ пѣшкомъ, другой велъ по три лошади, и никто не могъ отдать себѣ отчета о томъ, что творится въ тылу, тамъ позади, подъ Плевною.

— Гдѣ ваша лошадь, батюшка?

Священникъ бѣжалъ, подобравши рясу.

— Пропала; я самъ-то чуть чуть баши-бузукамъ не попался.

— Скажи мнѣ, родимый, почему отступаютъ?

— Турки!.. всѣ отступаютъ!

Страхъ клеймитъ бѣгунца. Ему хочется, чтобы всѣ отступали вмѣстѣ съ нимъ. Но отступала одна только дивизія генерала Пузанова.

— Гдѣ же турки?

— За нами бѣгутъ, близко! Баши-бузуковъ впередъ пустили.

— Гдѣ турки?

— Говорятъ, близко!.. право, не знаю! отвѣчаетъ офицеръ.

— Тамъ! совершенно неопредѣленно махнулъ солдатъ рукою куда-то въ сторону.

— Ихъ не видать совсѣмъ!

— Сунься, такъ увидишь! кричитъ мнѣ кто-то въ отвѣтъ.

Вотъ ѣдетъ карета. Въ каретѣ сидитъ генералъ Пузановъ.

Все, что бѣжало сосредоточилось у моста, у деревни Булгарени. Переѣхавъ мостъ, я встрѣтился съ Пузановымъ. Высо-

кая фигура очень стараго генерала стояла, закинувъ руки назадъ, и смотрѣла на отступленіе. Узнавъ, что я—корреспондентъ, онъ молча указалъ мнѣ на картину дѣйствительности и... заплакалъ.

— Скажите мнѣ, обращался я ко многимъ потомъ:—почему все это случилось?

— Одинъ у другаго хотѣлъ вырвать побѣду, отвѣчали мнѣ, а когда пришла критическая минута, они не поддержали другъ друга.

Это говорила желчь.

Такъ объясняли вторичную неудачу подъ Плевною въ арміи. Во всякомъ случаѣ, если это такъ, то это была одна изъ побочныхъ причинъ. Главная заключалась все-таки въ томъ, что мы сунулись въ воду, не спросившись броду.

Положеніе вещей усложнилось. Главная квартира переѣхала въ Горный Студень. Плевна сосредоточила на себѣ вниманіе всей Европы. Духъ турецкаго войска возросталъ. Духъ нѣкотораго унынія поселился въ рядахъ нашей арміи. Сулейманъ-паша началъ ожесточенныя атаки на шипкинскую позицію. Съ шипкинскихъ высотъ понеслись тревожные слухи. Недостатокъ численности нашей арміи вышелъ наружу. Отдѣльныя бригады и полки разсылались съ мѣста на мѣсто, съ позиціи на позицію, за неимѣніемъ достаточныхъ резервовъ. Корпуса, дивизіи, бригады — все это перепуталось. «Мало войска», говорили всѣ въ арміи, и въ этомъ недостаткѣ усматривалась единственная причина постигшихъ неудачъ, по мнѣнію лицъ, близко стоявшихъ къ главной квартирѣ. Насколько это мнѣніе выдерживало критику, можете судить сами. Начали искать виновниковъ. Всякому хотѣлось найти виновника. Слышались громкія обвиненія бывшаго константинопольскаго посланника Игнатьева, по мнѣнію котораго, будто бы, наличныхъ силъ было достаточно для того, чтобы начать войну. Явилась потребность въ помощи. И вотъ тѣ самые румуны, про которыхъ мы иронически говорили: «слышите: они хотятъ придти къ намъ на помощь!»—эти самые румуны дѣйствительно пришли къ намъ на помощь, и эта помощь была дорога для насъ въ ту минуту, когда гвардіи еще не было, когда задумали еще одну, новую, третью атаку и когда нужно было рѣшать, будемъ ли мы воевать зимою, или мы кончимъ войну подъ конецъ глубокой осени?

Мы стянули подъ Плевну все, что̀ только могли стянуть въ то время. Войска подъ Плевною получили названіе: «западной арміи». Генералъ Зотовъ вступилъ на мѣсто начальника «запад-

ной арміи», но чувство собственнаго достоинства заставило румунъ отнять отъ него это высокое званіе, и дипломатія подсказала, что это званіе слѣдуетъ передать князю Карлу румынскому.

«Лишь бы покончить», думали мы.

Слѣдующій періодъ войны былъ періодомъ полнаго затишья. Мы сводили итоги. Всякая новая неудача вызывала въ арміи критическое отношеніе къ ея причинамъ. Вторая неудача объяснялась недостаткомъ рекогносцировки и отсутствіемъ подготовки атаки артиллерійскимъ огнемъ. Сущность заключалась вовсе не въ этомъ. Въ основаніи неудачъ лежали другія, болѣе глубокія причины. Съ горяча онѣ, конечно, не могли придти въ голову. Самая существенная причина заключалась въ общихъ причинахъ всѣхъ нашихъ неурядицъ: военныхъ, гражданскихъ, земскихъ, какихъ хотите! Подобно тому, какъ въ земскомъ дѣлѣ во главѣ новой реформы встали старые люди—такъ это было и въ арміи. Что̀ общаго имѣли старые люди, старые ученики съ новою наукою, съ новыми усовершенствованіями въ военномъ дѣлѣ? Пришла пора дѣйствовать на основаніи этихъ новыхъ правилъ, и эта пора оказась порою учебнаго курса людей, воспитанныхъ на основаніи старыхъ правилъ. Главное зло, тормозящее всякій прогрессъ, заключается именно въ томъ, что общество слишкомъ мало вѣритъ въ молодыя силы. Что̀ можетъ быть надежнѣе, честнѣе энергичнѣе, умнѣе и сильнѣе молодаго поколѣнія? Но, по смыслу существующихъ военныхъ отношеній, молодое поколѣніе равняется нулю. Да и въ нѣдра-то современнаго молодаго поколѣнія закрадываются элементы отжившихъ традицій. Говорятъ, что артиллеристы дѣйствовали плохо, что наша кавалерія плохо зарекомендовала себя въ прошлую кампанію. Въ самомъ дѣлѣ, на первый взглядъ, это было странно: послѣ второй атаки мы насчитывали болѣе десяти тысячъ убитыми и ранеными въ пѣхотныхъ частяхъ, между тѣмъ какъ въ артиллеріи и въ каваллеріи убитые и раненые были самымъ рѣдкимъ исключеніемъ. Въ сущности, въ этомъ нѣтъ ничего страннаго. Послѣ первыхъ неудачъ, мало-по малу, начали обнаруживаться нравственныя болѣзни нашей арміи, и самый существенный недостатокъ обнаружился въ системѣ общихъ порядковъ, въ условіяхъ службы, въ обстановкѣ ея и въ воспитательной системѣ.

Генералъ Зотовъ, вступивъ въ новую должность, прежде всего энергично принялся за рекогносцировку мѣстности, обративъ особенное вниманіе на предстоящую роль артиллеріи. Въ штабѣ генерала Зотова, признававшаго недостаточность наличныхъ силъ для новой атаки плевненскихъ позицій (обстоятельство довольно

важное для тѣхъ, кто неосновательно обвиняетъ Зотова), высказывалось мнѣніе въ пользу предварительной атаки Плевны, на случай необходимости ея, а потомъ уже и Ловчи, между тѣмъ какъ предварительное взятіе Ловчи обезпечивало за нами Сельви, Трновъ, отрѣзывало путь могущаго быть на Ловчу отступленія Османа-паши, въ случаѣ успѣха съ нашей стороны, давало намъ возможность сосредоточить бо̀льше силъ подъ Плевной и могло, во всякомъ случаѣ, благопріятно отразиться на духѣ нашего войска, пришедшаго въ нѣкоторое уныніе.

Такъ и рѣшили. Былъ сформированъ отрядъ, поступившій подъ команду молодаго генерала Скобелева 2-го. Судьба свела этого генерала съ опытнымъ ташкентскимъ героемъ, очень серьёзнымъ человѣкомъ, образованнымъ офицеромъ генеральнаго штаба, капитаномъ Куропаткинымъ. Это было слитіе двухъ противоположныхъ характеровъ: горячаго и хладнокровнаго, въ одно храброе, отважное, молодое цѣлое. 11-го августа, вновь сформированный отрядъ сосредоточился на лѣвомъ флангѣ зотовской «западной арміи,» противъ Ловчи, у деревни Уаглау, и рано утромъ выступилъ съ мѣста своей стоянки на ловче-сельвинское шоссе. Движеніе этого отряда было обходное. Совершаемое въ виду непріятеля, было опасное, и во всякомъ случаѣ крайне дерзкое. Приходилось перейти рѣчку и войти въ горы, среди которыхъ Скобелеву предстояло пробираться съ артиллеріей по проселочной, трудно проходимой дорогѣ, круто взбиравшейся на высоты среди узкаго ущелья, вдоль ручейка, между двумя крутыми возвышенностями. Ловчинскіе турки оставались на правомъ флангѣ движущагося отряда Скобелева; слѣдовательно, усмотрѣвъ движеніе этого отряда, они имѣли полную возможность ударить ему во флангъ или просто отрѣзать Скобелева прежде, чѣмъ онъ достигнетъ самого шоссе. Съ цѣлью предупрежденія возможности нападенія турокъ, Скобелевъ выслалъ кавказскую казачью бригаду въ авангардъ, предписавъ ей подойдти ближе къ Ловчѣ. День былъ жаркій до невозможности. Солдаты шли безъ ранцевъ, которые везли на подводахъ, вслѣдствіе чего обозъ растянулся на нѣсколько верстъ и замедлилъ движеніе отряда. Артиллерія двигалась съ громадными трудностями по горной дорогѣ, мѣстами обращавшейся въ горную тропинку, извивавшуюся между грудами дикаго камня. Разстояніе отъ деревни Уаглау до шоссе хотя и незначительное, но такой трудный путь возможно было совершить только въ двое сутокъ. 12-го августа, къ вечеру, отрядъ занялъ позицію вблизи деревни Себрія, какъ разъ по обѣимъ сторонамъ шоссе, соединяющаго Ловчу съ Сельви.

Замѣчено, что во время подобныхъ движеній многіе офицеры

пѣхоты, двигаясь походнымъ порядкомъ, не знаютъ, куда идутъ и черезъ какія деревни они проходятъ. Карта театра войны между ними—рѣдкость. Солдаты, растягиваясь, отходятъ въ сторону отъ дороги, пьютъ всякую встрѣчную воду, ѣдятъ незрѣлые плоды, и на все это обращалось очень мало вниманія. Отсталые подтягивались обыкновенно къ ночлегу еще ночью. Предпріимчивая непріятельская кавалерія могла бы, такимъ образомъ, порубить многихъ. Останавливаясь на ночлегѣ или привалѣ, пѣхотинцы имѣли обыкновеніе отправляться партіями или поодиночкѣ, часто безоружными, за нѣсколько верстъ отъ расположенія частей, подъ предлогомъ закупки скота и фуража. Бывали случаи, когда ихъ рубили черкесы.

Отрядъ Скобелева занялъ новую позицію. Съ Шипки пришли извѣстія о наступленіи Сулеймана-паши. Не будемъ останавливаться на этихъ атакахъ; защита Шипки Радецкимъ достаточно знакома читателямъ по газетнымъ описаніямъ. Замѣтимъ только, что, при тогдашнемъ положеніи вещей, при недостаткѣ войска и при тогдашнемъ стратегическомъ расположеніи его—защита Шипки не имѣла никакого значенія. Чисто политическія соображенія заставляли насъ защищать эту позицію и оттягивать туда большія силы. Я передаю со словъ спеціалистовъ, офицеровъ генеральнаго штаба, отъ которыхъ мнѣ приходилось слышать подобное мнѣніе.

19-го августа, генералъ Скобелевъ повелъ атаку на Ловчу.

Городъ Ловча стоитъ въ ущельѣ. Его окаймляютъ возвышенности, среди которыхъ «рыжія горы» представляли собою самую сильную позицію. Вообще позиція турокъ была сильна, вслѣдствіе открытости мѣстности, по которой приходилось наступать, пересѣчки этой мѣстности рѣкою Осьмою и глубокимъ оврагомъ и вслѣдствіе крутаго подъема на турецкія укрѣпленія. Вотъ, видна опушка садовъ, окаймляющихъ рѣку Осьму; тамъ далѣе тянется поляна. На полянѣ видна мельница, окруженная нѣсколькими деревьями — единственное убѣжище для передышки во время наступленія, а тамъ, еще далѣе высился редутъ—убѣжище турокъ, а передъ нимъ рядъ ружейныхъ ложементовъ.

Скобелевъ объѣхалъ войско.—«Съ Богомъ!»

Впереди двинулся К—ій пѣхотный полкъ. Турки открыли огонь при первомъ движеніи нашихъ войскъ. Приблизясь къ сферѣ непріятельскаго огня, полкъ потянулся по опушкѣ садовъ рѣки Осьмы, дошелъ до удобнаго мѣста для переправы черезъ рѣку, и вотъ видно, какъ отдѣльные люди стали выходить на открытую долину р. Осьмы. За однимъ идетъ другой, третій, вотъ, наконецъ,

сотни людей показались въ одиночку. Начинается уронъ. По всему пространству наступленія люди уподобляются мухамъ, которыя только-что поднялись съ отравленной тарелки, летятъ и падаютъ отъ вліянія яда. Одни перебѣгаютъ поляну однимъ духомъ, бѣгутъ прямо къ мельницѣ, другіе ложатся за небольшими грядами гальки, образованной теченіемъ воды. Толпа солдатъ растетъ у мельницы довольно быстро; шеренга лежащихъ за грядами становится все гуще и гуще. Солдатскія груди тяжело дышатъ, во рту у нихъ сохнетъ, духъ захватываетъ отъ волненія, хочется выпить воды—манерки пусты! Проводя полкъ мимо ручья, никто не догадался приказать набрать имъ воды. Толпа около спасительной мельницы возрасла въ нѣсколько сотъ человѣкъ. Лежащіе за грядами замѣтили, что они начали терпѣть отъ огня; передніе оглянулись на заднихъ и видятъ, что шеренга ихъ сгустилась, болѣе храбрые бросились къ мельницѣ.

— Не туда повели, замѣтилъ кто-то изъ офицеровъ.

— Куда же нужно было вести?

— Стоило подвинуться далѣе, садами, пройти, вотъ видите, той окрайной города и выйдти къ той же самой мельницѣ.

Офицеръ говорилъ правильно; разница была бы въ томъ, что, вмѣсто хорды, пришлось бы описать дугу.

Около мельницы раздался бой наступленія. Офицеръ, верхомъ на лошади, рванулся впередъ. Это былъ полковой командиръ. За нимъ двинулись нѣсколько солдатъ, но, замѣтивъ, что товарищи стоятъ на мѣстѣ, вернулись назадъ и эти.

— «Ура!.. Впередъ»!.. напрасно кричалъ молодой офицеръ, охрипшимъ голосомъ, махая саблею. Толпа еще не была расположена идти за нимъ, и юноша, выбѣжавъ съ нѣсколькими солдатами впередъ, не успѣлъ пробѣжать нѣсколькихъ шаговъ, какъ былъ уже убитъ. Его солдаты, частію были перебиты, частію залегли въ придорожную канаву.

Ахъ, какъ трудно рѣшиться идти впередъ въ ту минуту, когда тысячи пуль, сотни гранатъ свистятъ, ревутъ и лопаются вдоль по всему пространству! Стоитъ остановиться на одну минуту для передышки, чтобы мозгъ сейчасъ же подѣйствовалъ на чувство самосохраненія и чтобы человѣкъ поддался вліянію какой-то страшной силы, такъ вотъ и оттягивающей его отъ риска движенія впередъ. Отъ этого чувства никто не избавляется. Но стоитъ только забыться хотя бы на секунду, рвануться впередъ, и опять-таки невольно поддаетесь вы вліянію такой сильной ажитаціи, что васъ можетъ остановить одна только мягкая пуля, шальной осколокъ гранаты да холодная сталь штыка, вонзеннаго въ открытую грудь!

Толпа отдохнула. Эмоція отъ первой перебѣжки прошла, толпа

готова была двинуться впередъ. Нѣсколько храбрѣйшихъ изъ офицеровъ перебѣжали 50—60 шаговъ, частью стали за деревья, частью легли на землю. Толпа бросилась за ними въ одиночку и кучками. До непріятеля оставалось еще полторы тысячи шаговъ. Всюду сыпался свинцовый градъ, но ажитація была уже настолько сильна, что эти пули не могли остановить наступленія. Сзади подходили товарищи по полку, правѣе бѣжали съ двумя офицерами люди стрѣлковаго батальйона, лѣвѣе двинулась извивавшеюся лентою стрѣлковая рота, еще лѣвѣе были видны густыя массы строящихся для боя войскъ. Каждый оглядывался, видѣлъ эту массу своихъ, видѣлъ близость поддержки, и вѣра въ успѣхъ росла въ сердцѣ каждаго. Люди претерпѣлись къ выстрѣламъ. Они лѣзутъ, уже не пользуясь мѣстными укрѣпленіями. Нѣсколько всадниковъ-офицеровъ скакало между наступавшими. Молодецъ-командиръ ободрялъ солдатъ. Но вотъ одинъ всадникъ пошатнулся и упалъ съ лошади мертвымъ. Это былъ адъютантъ л—скаго полка, принявшій участіе въ атакѣ к—цевъ. Другой всадникъ, командиръ батальйона, покатился на землю вмѣстѣ съ своею лошадью. Тамъ и сямъ падаютъ и стонутъ солдаты, падаютъ офицеры, но это уже не можетъ остановить наступленія.

Но вотъ, пробѣжавъ шаговъ семьсотъ отъ мельницы, солдаты неожиданно наткнулись на глубокій оврагъ, съ обрывистыми берегами. Первые остановились; произошло смятеніе, которое сейчасъ-же стоило жертвъ. Нѣсколько раненыхъ упали въ воду и утонули. Но болѣе хладнокровные отыскали относительно возможный спускъ и частью сползали, частью скатывались внизъ. Вода, при довольно сильномъ теченіи, оказалась по поясъ. Рѣчку перешли и начался самый трудный манёвръ: подъемъ на крутую гору. Все было пущено въ ходъ: плечи товарищей, воткнутыя ружья, толстыя жерди и скоро нѣсколько сотъ человѣкъ были уже на той сторонѣ оврага. По мѣрѣ приближенія къ туркамъ, огонь становился менѣе смертоноснымъ. Непріятель поколебленъ. Турки бросили свои ложементы и бѣжали. Это придало нашимъ новыя силы. «Ура!» стало громче и громче. Добѣжавъ до линіи первыхъ ложементовъ, наши пріостановились и заняли ихъ. Турки стрѣляли, положивъ ружья на скатъ бруствера и не высовывая головы, т. е. не цѣлясь. Наши крикнули: «ура!» и снова бросились впередъ. Вторая линія траншей уже близка! Вотъ, вотъ сейчасъ начнется рукопашная схватка, но... нѣтъ! Турки бѣжали частью въ редутъ, частью на дорогу въ Мидре. Въ редутѣ происходила суета. Вотъ показались изъ него нѣсколько групъ всадниковъ. «Орудія увозятъ!» раздались крики солдатъ, и прелесть ощущенія побѣды охватила нашихъ

всѣми силами человѣческихъ впечатлѣній. Увѣренные въ побѣдѣ, мы сдѣлали послѣднее усиліе. Со всѣхъ сторонъ солдаты и офицеры карабкались на брустверъ редута въ одиночку. Толпа обѣжала редутъ съ выхода и загородила дорогу туркамъ, имѣвшимъ намѣреніе отступать. Внутри шло избіеніе сопротивлявшагося непріятеля. Уголъ редута между брустверомъ и траверзами у выхода былъ заваленъ горою труповъ и живыхъ людей, лежавшихъ другъ на другѣ рядами. Одинъ изъ офицеровъ, ворвавшійся изъ первыхъ, скромно стоялъ въ углу редута. Солдаты принялись разбирать кучу своихъ и непріятелей, отдѣляя живыхъ отъ мертвыхъ. Изъ кучи, въ углу редута, было вытащено легко раненыхъ и совсѣмъ здоровыхъ турокъ 103 человѣка.

Смерть ближняго иногда поразительно дѣйствуетъ на обаяніе человѣка въ минуты атаки. Во время атаки Ловчи былъ убитъ одинъ батальйонный командиръ N—го полка. Это случилось въ тотъ моментъ, когда солдаты и офицеры легли, а къ нимъ подходили другія части. При видѣ умирающаго командира, послышались крики: «полковника убили!» Кучка людей бросилась назадъ. Товарищи, увидя полковника въ крови и слыша крики, подхватили ихъ, бросились за своими. Громаднаго труда стоило остановить солдатъ и двинуть впередъ. Отбѣжавъ нѣсколько шаговъ, за пятьсотъ саженей до непріятеля, люди запыхались. «Ура»! только изрѣдка вырывалось изъ охрипшихъ грудей, и тотъ страшный эфектъ, подавляющій непріятеля, когда масса наступающихъ людей крикнетъ свое громкое «ура!» за сто, за двѣсти шаговъ отъ непріятеля—было уже потеряно.

Атака Ловчи принадлежитъ къ числу блистательныхъ атакъ прошлой кампаніи, хотя она и стоила большихъ жертвъ съ нашей стороны.

Но и первая удачная атака обнаружила собою существенные недостатки организаціи арміи. По замѣчанію специальныхъ людей, отрядамъ генераловъ Скобелева и Имеретинскаго надлежало взять сильно укрѣпленный лагерь сначала подъ г. Ловчею и, затѣмъ, дѣйствовать, подъ Плевной, на самое чувствительное мѣсто расположенія противника—на его правый флангъ, отъ котораго отходитъ путь отступленія къ Софіи. Отчего же не приняли участія въ этихъ дѣйствіяхъ сапёрныя войска? Отчего при войскахъ не было ни одного сапёрнаго офицера и, наконецъ, гдѣ же наши спеціалисты? Вотъ вопросы, на которые никто не умѣлъ отвѣтить, хотя всякій съ убѣжденіемъ и утверждалъ, что присутствіе достаточныхъ сапёрныхъ частей въ отрядѣ спасло бы жизнь сотнямъ, если не тысячамъ солдатъ. Впослѣдствіи, во время атакъ на «зеленыхъ горахъ», 29-го августа, надо было тотчасъ

приступить къ устройству ложементовъ, и тутъ оказалось, что полкъ пришелъ на позицію безъ шанцовыхъ инструментовъ потому что нашъ солдатъ, наступая въ жаркое время года—первымъ дѣломъ для облегченія себя, бросаетъ лопату, топоръ, затѣмъ слѣдуетъ шинель, и наконецъ, мѣшокъ съ сухарями. Спеціальныхъ инженерныхъ частей въ арміи было совершенно недостаточно.

Рекогносцировка подъ Плевной близилась къ концу. Румынія вошла въ составъ «западной арміи». Мы назначили третью атаку на Плевну на 30-е августа.

Артиллерія плохо дѣйствовала въ прошлую атаку. Нужно было такъ сдѣлать, чтобы артиллерія дѣйствовала хорошо, чтобы она, такъ сказать, подготовила атаку. Мудрено было дѣйствовать нашей артиллеріи лучше турецкой, такъ какъ у турокъ были лучшія орудія, но она могла, во всякомъ случаѣ, дѣйствовать лучше прошлаго раза. Съ этою цѣлью ей даже разсказали анекдотъ про Фридриха Великаго. Когда Фридриху объявили: какъ тяжело рубить непріятеля, «потому что у него мечь длиннѣе нашего», то Фридрихъ отвѣтилъ: «приблизтесь къ непріятелю на столько ближе, насколько мечь его длиннѣе, и тогда шансы у васъ будутъ ровны». Мы усилили артиллерію привозомъ двадцати осадныхъ орудій, воздвигли громадныя батареи, сосредоточили болѣе 200 орудій, вмѣстѣ съ румунскими, собрали все войско, какое могли, болѣе 100 батальйоновъ, исключая кавалеріи и позаботились, въ тоже время, собрать почти весь медицинскій персоналъ арміи, съ покойнымъ княземъ Черкасскимъ во главѣ.

26-го августа начались дѣйствія.

Но прежде всего позвольте васъ познакомить въ общихъ чертахъ съ мѣстностью и съ положеніемъ непріятеля. Турецкія позиціи расположены на отлогихъ, холмистыхъ высотахъ, окружающихъ городъ Плевну съ юго-восточной, восточной, сѣверо-восточной и сѣверной стороны.

Высота этихъ горъ ростетъ по мѣрѣ ихъ протяженія съ юга на сѣверъ и достигаетъ наибо́льшаго возвышенія противъ деревни Гривицы, гдѣ и былъ построенъ большой редутъ. Всѣхъ редутовъ, воздвигнутыхъ турками, я насчитывалъ болѣе десяти. Въ трехъ центральныхъ пунктахъ были построены четырехъугольныя укрѣпленія, турецкіе лагери; каждый редутъ соединялся глубокимъ и широкимъ прикрытымъ путемъ; такіе же крытые пути были расположены вдоль всей линіи зигзагами отъ одного передняго редута къ слѣдующему заднему, такъ какъ

они были построены не въ одну линію, а скорѣе въ шахматномъ порядкѣ. Независимо отъ путей, соединявшихъ редуты, были устроены еще передовые ложементы. Короче всѣ турецкія укрѣпленія были расположены такимъ образомъ, что нападающій попадалъ въ сосредоточенный артиллерійскій и ружейный огни. Покатость возвышенностей, на которыхъ построены турецкія укрѣпленія, и совершенно открытая мѣстность, еще болѣе усложняли взятіе редутовъ, такъ какъ атакующій долженъ былъ проходить съ версту и болѣе прежде, чѣмъ достигнуть турецкихъ батарей. Въ прошлую кампанію турки при тактической оборонѣ широко пользовались двумя факторами: своимъ скорострѣльнымъ оружіемъ и подготовкою поля сраженія въ фортификаціонномъ отношеніи. Турки встрѣчали огнемъ съ разстоянія, превышающаго 2,000 шаговъ, и уже наносили потери. Пули летали массами, облаками. Снабженіе турокъ патронами изумительно. Въ ложементахъ, кромѣ патроновъ, розданныхъ на руки, ставились большіе ящики съ патронами. Въ фортификаціонномъ отношеніи турецкія укрѣпленія были нетолько солидны по своимъ размѣрамъ, но и изящны по наружному виду. Расположеніе укрѣпленій не заставляетъ желать ничего лучшаго. Несомнѣнно, что очень опытные и даровитые инженеры работали при укрѣпленіи позиціи подъ Ловчею и Плевною. Видѣнныя нами турецкіе укрѣпленія подъ Ловчею и при Плевнѣ показывали, что земляныя работы въ этихъ лагеряхъ не прекращались ни на минуту. Въ турецкихъ траншеяхъ заботливость объ удобствахъ для солдата заслуживаетъ вниманія. По внутренней крутости траншей вырыты углубленія, въ которыя ставится для сражающихся вода, а иногда лёдъ и сухари.

Наши позиціи находились частью на мѣстахъ болѣе низменныхъ сравнительно съ противуположными турецкими позиціями, частью—на горахъ, господствующихъ надъ послѣдними, но слишкомъ удаленныхъ отъ нихъ. Позиція нашего крайняго лѣваго фланга, «зеленыхъ горъ», была значительно слабѣе праваго по своимъ мѣстнымъ условіямъ и обстановкѣ; между тѣмъ какъ операціи нашего лѣваго фланга играли главную роль въ дѣлѣ общей атаки и могли бы имѣть громадное значеніе на исходъ ея.

Нашъ крайній правый флангъ занималъ низменности (сравнительно), тогда какъ противуположный лѣвый турецкій флангъ находился на возвышенной мѣстности, укрѣпленной редутами. Наши сѣверо восточныя позиціи, между деревнями Гривицей и Радишовымъ, господствовали надъ турецкими, но были удалены отъ нихъ на слишкомъ большое разстояніе, не позволявшее дѣйствовать болѣе или менѣе успѣшно нашимъ осаднымъ орудіямъ.

Господствующій открытый хребетъ радишовской возвышенности тянулся вдоль линіи турецкихъ укрѣпленій на весьма близкое разстояніе.

Въ ночь съ 25-го на 26-е августа мы окопались на нашихъ позиціяхъ. Утромъ 26-го, раздался нашъ первый выстрѣлъ, за нимъ слѣдующій, и вся длинная линія нашихъ орудій заклубилась пороховымъ дымомъ; раскаты пушечныхъ выстрѣловъ потрясли воздухъ тихаго, жаркаго дня.

— Началось!.. пошли Господи! перекрестились солдатики.

Главная квартира явилась на позицію въ полномъ ея составѣ и помѣстилась на холмѣ сзади Гривицы, имѣя на правомъ флангѣ румуновъ и части корпуса барона Криденера, на лѣвомъ — батареи осадныхъ орудій съ прикрытіями отъ 4-го корпуса.

Сомкнутыя части прятались за откосами нашихъ холмовъ. Кое-гдѣ групировались люди, и офицеры слѣдили за бомбардировкою съ батарей. Въ сторонкѣ отъ батареи стояла кучка солдатиковъ.

— Вотъ такъ бандировка!

— Летитъ, летитъ—стой, смотри, смотри—ловко попало!

Граната ударила какъ разъ въ брустверъ турецкаго редута.

— И что̀ это люди не бѣгутъ?

— Людей-то какъ будто и нѣту.

— Чтобъ *его* разорвало!

— Кого?

— Да *его!*.. ишь ты, какая Плевна задалась!

— Ловко шарахнула!

— Громко палитъ, что̀ говорить!

— А, вѣдь, *его* не взять?

— Ужо̀ будетъ пальба... погоди маленько.

На батареѣ разговаривали офицеры изъ штаба какого-то генерала. Батарейный командиръ лежалъ на брустверѣ, на животѣ, и молча смотрѣлъ въ бинокль. Прислуга то и дѣло, что придвигала орудія, молоденькій артиллеристъ понукалъ на солдатъ.

— При такомъ большомъ количествѣ нашихъ орудій, слышалось въ групѣ:—турки бросятъ свои окопы.

— Легко можетъ быть... дай-то Богъ, чтобы они бѣжали.

— Нашъ огонь долженъ быть убійственнымъ.

— Странно, что они не отвѣчаютъ...

— Что̀ бы это значило?

Въ сторонѣ потянулся батальйонъ солдатъ. Нѣсколько турецкихъ гранатъ немедленно разорвались около батальйона.

— Должно быть, у турокъ мало гранатъ... они экономятъ.

На мѣстѣ главнаго штаба—румуны и русскіе обмѣнивались комплиментами:

— Ваша батарея удивительно метко стрѣляетъ.

Румуны самодовольно улыбались, отдавая честь. Князь Карлъ былъ въ восторгѣ.

Въ результатѣ, канонада не давала тѣхъ плодовъ, на которые мы разсчитывали. Пострадавшія части турецкихъ редутовъ исправлялись по ночамъ, и на слѣдующій день снова возобновлялось то, что̀ оказывалось попорченнымъ наканунѣ. Очень мудрено было попадать въ турецкіе ложементы. Ихъ резервы находились, конечно, на безопасныхъ мѣстахъ, отнюдь не въ редутахъ, и сто̀ило намъ выразить малѣйшее поползновеніе начать атаку—ихъ орудія кровожадно раскрывали свои пасти при первомъ движеніи стройныхъ рядовъ нашей пѣхоты. Со второго дня бомбардировки турки почти перестали отвѣчать на наши выстрѣлы.

Насталъ, наконецъ, роковой день 30 го августа. Еще 29 го, вечеромъ, тучи заволокли весь горизонтъ, и небо разразилось частымъ, пронизывающимъ дождемъ. Въ полночь, всѣ войска̀ получили диспозицію, подписанную генераломъ Зотовымъ.

Диспозиція гласила:

«Завтра, 30 го августа, назначается общая атака укрѣпленнаго плевненскаго лагеря, для чего: 1) съ разсвѣтомъ, со всѣхъ батарей открыть самый усиленный огонь по непріятельскимъ укрѣпленіямъ и продолжать его до 9 часовъ утра. Въ 9 часовъ одновременно и вдругъ прекратить всякую стрѣльбу по непріятелю. Въ 11 часовъ дня, вновь открыть усиленный огонь и продолжать его до 1 часа по полудни. Съ 1 часа до $2^1/_2$ часовъ опять прекратить огонь на батареяхъ, а въ $2^1/_2$ часа вновь начать усиленную канонаду, прекращая ее только на тѣхъ батареяхъ, дѣйствію которыхъ могутъ препятствовать наступающія войска; 2) въ 3 часа по полудни начать движеніе для атаки». Слѣдовалъ порядокъ этого движенія.

— Почему это такъ: съ разсвѣтомъ начать — въ 9 вдругъ прекратить, потомъ опять начать и опять вдругъ прекратить? спросилъ я потомъ кого-то.

— Такъ обыкновенно бываетъ.

— Нѣтъ, безъ шутокъ?

Мнѣ подали «Военный летучій листокъ», о̀рганъ главной квартиры. Я прочиталъ: «для того, чтобы истомить непріятеля, уничтожить его, убить его нравственно ужасомъ такого ожиданія».

Тѣмъ не менѣе многіе предвкушали наканунѣ всю прелесть

впечатлѣнія зрителя издалека при видѣ столь эфектной картины. Я тоже приготовился.

Румуны и баронъ Криденеръ должны были атаковать гривицкій редутъ. Генералъ Крыловъ—начать атаку съ радишевскаго хребта (середина арміи). Генералъ Скобелевъ—съ лѣваго фланга, съ «зеленыхъ горъ». Генералу Леонтьеву предписывалось войдти со своею кавалеріею въ связь съ кавалеріей генерала Лошкарева и дѣйствовать противъ турецкихъ войскъ, могущихъ появиться на лѣвомъ берегу р. Вида.

Задача атакующаго заключается въ томъ, чтобы опредѣлить главный нервъ непріятельской позиціи, ударить на него, разорвать связь, если позиція растянута и такимъ образомъ обезсилѣть непріятеля. Плевненскія позиціи растягивались на 30 верстъ. Нервомъ ихъ мы, очевидно, приняли гривицкій редутъ, потому-де онъ «больше и выше другихъ». Противъ этой мѣстности мы сгрупировали до 84 батальйоновъ, а на лѣвый флангъ Скобелева—послали 22 батальйона. Когда кончился бой—нервъ позиціи оказался у Скобелева, а гривицкій редутъ представился мѣстомъ простой демонстраціи.

30-го августа, съ ранняго утра сталъ накрапывать мелкій дождь, который увеличивался по мѣрѣ приближенія часа всеобщей атаки. Послѣ 9 час. утра, турки, замѣтивъ движеніе нашихъ резервовъ на лѣвомъ флангѣ, начали усиленно бросать гранаты. Меня интересовалъ лѣвый флангъ болѣе другихъ, какъ ключь позиціи, какъ главный нервъ турецкихъ укрѣпленій; поэтому я съ утра и отправился туда, на «зеленыя горы».

За тученицкимъ оврагомъ. глубокимъ и глухимъ—стояла палатка Скобелева, въ лощинѣ между двумя холмами, а сейчасъ же сзади палатки—шло плевно-ловченское шоссе. Слѣва двигались резервы.

Скобелевъ зналъ, что, если онъ начнетъ въ 3 часа атаку, ему не удастся взять редуты.

— Надо начинать ранѣе, сказалъ онъ и, не дожидаясь 3 часовъ, двинулъ передовые батальйоны на Зеленыя Горы.

Турки сначала изрѣдка пострѣливали изъ орудій. Штабъ Скобелева въѣхалъ въ чащу лѣса и остановился въ виноградникахъ. Иногда наѣзжали корреспонденты, что̀ называется «понюхать». Пріѣхалъ рыжій корреспондентъ-мистеръ Розъ; онъ привезъ съ собою бутылку коньяку и жареную курицу. Всѣ мы до того были голодны, что мѣшокъ мистера Роза, съ запасомъ провизіи, очень быстро опорожнился. Гранаты ложились около. Мистеръ Розъ, должно быть, въ первый разъ ощущалъ впечатлѣ-

нія ихъ полета. Каждый разъ онъ ложился на землю и пряталъ свою голову за виноградную вѣтку.

— Чудной какой! смѣялись конвойные казаки... такъ онъ за виноградомъ-то и спрячется.

По мѣрѣ движенія цѣпи впередъ, гранаты учащались. Нужно было предпочесть уѣхать назадъ, къ палаткѣ, въ лощину.

У палатки сидѣлъ флигель-адъютантъ, прикомандированный къ отряду, и пилъ чай.

— Не хотите ли чайку? предложилъ онъ мнѣ, съ видомъ совершенно счастливаго человѣка.

— Давайте

— Что̀, батюшка, скверно?

— Да, не хорошо.

— То ли дѣло теперь въ Петербургѣ, сказалъ онъ, наливая чай:—поѣхали бы мы съ вами къ татарамъ, закусили бы, а потомъ...

Граната лопнула въ нѣсколькихъ саженяхъ. Оба мы ка̀къ-то дико оглянулись въ ея сторону.

— Да! хорошо бы!... потомъ вечеркомъ—въ буффъ!...

Еще одна граната лопнула въ лощинѣ.

— Ахъ, чортъ возьми!

— Не хорошо!

Осколокъ отвратительно прожужжалъ гдѣ то близко.

— Это вѣдь совсѣмъ скверно, сказалъ я, подымаясь.

— Да, не хорошо, отвѣтилъ адъютантъ, тоже вставая.

— Никакъ не дадутъ и о хорошемъ-то поговорить.

Мы замолчали. Должно быть, мы были блѣдны; по крайней мѣрѣ, мы стали очень серьёзны. Однако, прошло.

— Ну, а потомъ бы что̀? возобновилъ я прерванный разговоръ съ улыбкою, довольный тѣмъ, что все благополучно.

— Ахъ, батюшка!... а потомъ бы...

Вдругъ страшный ревъ гранаты послышался совсѣмъ уже близко. Мы кинулись къ лошадямъ; я не знаю, что̀ потомъ было, но мы очнулись не ближе тученицкаго оврага; только здѣсь мы поняли, что собственно не разставались и что все это время мы перегоняли другъ друга. Сзади насъ раздалась страшная трескотня ружейной перестрѣлки.

Я выѣхалъ на гору—къ резервамъ генерала Крылова. Генералъ Зотовъ, окруженный штабомъ, ѣхалъ ко мнѣ на встрѣчу.

— Что̀ тамъ за перестрѣлка?

— Не знаю.

— Пошлите узнать, сказалъ онъ начальнику своего штаба:— для атаки еще слишкомъ рано.

— Должно быть турки наступают.

Въ три часа началась общая атака. Невозможно было охватить зрѣніемъ все пространство. Замѣтно было, что у Крылова дѣла шли совершенно вяло; только фланги и поддерживали. Дождь усилился. Наступилъ вечеръ. Вечеръ былъ тусклый, сѣрый; въ воздухѣ пахло дождемъ; густая пелена тумана спускалась все ниже и ниже на землю. Ознобъ пронизывалъ меня до костей, и нервная дрожь пробѣгала по тѣлу. Начало темнѣть.

Осторожно высматривая путь, шагъ за шагомъ ощупывая каждую ступню своимъ копытомъ, спускался утомленный конь по горной, изрытой, каменистой тропинкѣ, съ высоты голой скалы внизъ, въ тученицкій оврагъ; я возвращался вторично съ «Зеленыхъ Горъ»; и точно такая же невольная дрожь пробѣгала и по тѣлу лошади. Мы взяли два редута съ громадными потерями.

Мы были на краю пропасти. Крута была тропинка. Съ правой стороны подымалась скала. Ея капризные выступы мѣстами загораживали путь. Съ лѣвой стороны открывалась глубокая пропасть. Пальба продолжалась жестокая.

Но вотъ я спустился въ глубокій и узкій оврагъ. Ка́къ здѣсь тихо, спокойно!.. Меня окружали со всѣхъ сторонъ высокія, крутыя, гранатныя скалы. Оврагъ былъ такъ глубокъ и узокъ, что звуки выстрѣловъ, отражаясь отъ гранитныхъ стѣнъ, едва слышались на его днѣ. Въ оврагѣ протекалъ ручеекъ, позади бездѣйствовала мельница. Легкій шумъ ручейка, бѣжавшаго по каменьямъ, среди высокой и влажной травы, успокоительно дѣйствовалъ на сильно возбужденные нервы. Ужасъ и смерть — повсюду ужасъ и смерть! Я невольно остановился и машинально сѣлъ отдохнуть на ближайшій камень.

На другой день нервы до того притупились, что безъ всякихъ ощущеній я выѣхалъ на послѣдній хребетъ «Зеленыхъ Горъ». «Что̀ такое жизнь человѣческая? думалось въ эту минуту:—тысячи стонали, охали, плакали, исходили кровью, изнемогали, сотни гнили и тухли, брошеные какъ дохлый скотъ... что̀ такое я, съ правомъ жизни, среди этихъ несчастныхъ людей?»...

Встрѣтился Куропаткинъ.

— Поѣдемте на средній редутъ.

Благоразуміе шепнуло: «нѣтъ, не ѣзди!»...

Остатки скобелевскаго отряда съ трудомъ отстаивали занятые наканунѣ два редута.

Возвращаясь къ нашимъ батареямъ, которыя оставались сзади, я услышалъ голосъ, окликавшій меня по фамиліи.

— Пожалуйте къ генералу Скобелеву, сказалъ мнѣ казакъ.

— Гдѣ генералъ?

— А вотъ здѣсь, на площадкѣ.

Скобелевъ, Куропаткинъ и командиръ батареи Ружковскій сидѣли на площадкѣ, за опушкою, и завтракали. Все лицо Скобелева было забрызгано грязью, бакенбарды слиплись, голосъ хрипѣлъ, пальто было разорвано, георгіевскій крестъ съѣхалъ съ груди куда-то на бокъ.

— Посмотрите, какіе герои сидятъ у меня на редутѣ, сказалъ онъ, и слёзы навернулись на его глазахъ.

— Это—люди, достойные всякой награды... Это—львы!.. Это—герои въ истинномъ значеніи слова»...

Позавтракали.

— Ѣдемте на редутъ.

«Не ѣзди», шепнуло чувство.

— Нѣтъ, не поѣду, отвѣтилъ я.

— Вы боитесь?

И Скобелевъ посмотрѣлъ на меня такимъ взглядомъ, котораго я никогда не забуду. Въ этомъ спокойномъ, улыбающемся взглядѣ сказалось и бездна подкупающаго, и бездна презрительнаго.

«Чортъ возьми!» шепнулъ мнѣ демонъ на ухо:—что̀ такое *ты* со своею жизнію!»

— Вы думаете, я боюсь?

Скобелевъ захохоталъ. Меня взорвало.

— Идемте!

— Коня!

— Только не коня!.. идемте пѣшкомъ.

— Для васъ я дѣлаю эту уступку...

Пошли. Пошли въ троемъ: Скобелевъ, я и Куропаткинъ. Пули свистѣли вокругъ и рѣзко шлепались въ землю. Съ каждымъ шагомъ, разсудокъ шепталъ мнѣ: «глупо!.. глупо!.. глупо!.. вотъ сейчасъ!.. вотъ!.. нѣтъ!.. вотъ теперь!..»

Вдругъ что̀-то стремительно ударило меня въ бокъ! Одинъ моментъ — и я не сознавалъ себя! Я перевернулся! Шлепнуло въ землю!... боль въ боку!.. что̀ такое?..

— Я раненъ! крикнулъ я громко, отдѣливъ руку отъ бока и увидѣвъ окровавленную ладонь.

Всѣ остановились. Скобелевъ улыбнулся.

— Въ руку? кинулся ко мнѣ Куропаткинъ.

— Нѣтъ, въ бокъ!..

«Пуля въ груди!.. ну, вотъ—конецъ!.. сейчасъ умирать.» Странно! Лишь только мелькнула эта мысль, я забылъ обо всемъ на свѣтѣ... даже самые дорогіе о̀бразы не вспомнились въ эту минуту. «Ка̀къ я буду умирать?» — вотъ вопросъ, который сидѣлъ въ головѣ.

Силы были при мнѣ. Разсудокъ здравъ. А чувство самосохраненія незамѣтною силою гнало къ перевязочному пункту. «Скорѣй!.. скорѣй!..» Меня положили на носилки. Кровь лилась изъ раны; ничѣмъ нельзя ее было остановить.

— Я пѣшкомъ пойду.

— Идите, сказали носильщики:—мы и такъ уже пятую сотню таскаемъ, плечи болятъ.

Я побѣжалъ. Въ глазахъ моихъ начало темнѣть. Вотъ путается дорожка, я перестаю различать кусты, деревья; вотъ, наконецъ, я ничего не вижу, опускаюсь на землю и думаю: «должно быть, смерть!..» Кàкъ сильно захотѣлось мнѣ жить въ эту минуту! «Неужели я умру?»

— Ваше бл—діе, садитесь.

— Кто ты?

— Казакъ.

— Не могу, посади.

Казакъ поднялъ меня на сѣдло. Докторъ сказалъ на перевязочномъ пунктѣ:

— Счастливый вы человѣкъ... еще-бы на йоту въ сторону, и мы бы не видѣли васъ.

Легко, отрадно и пріятно стало мнѣ послѣ этой перевязки.

Вечеромъ 31-го августа, до насъ донеслись ликующіе крики турокъ: «Алла!» Чтò значатъ эти крики, эта музыка, этотъ зловѣщій, постепенно приближающійся грохотъ орудійныхъ колесъ? Неужели турки отняли у насъ редуты, доставшіеся намъ кровью тысячей людей—редуты, на которыхъ мы съ такими жертвами держались 24 часа? Неужели всѣ эти тысячи раненыхъ, убитыхъ, изувѣченныхъ, обезображенныхъ—все это, напрасныя жертвы нашей злосчастной судьбы? Неужели мы снова отступали съ плевненскихъ позицій?

Мы отступали, потому что разбросали наши силы, вмѣсто того чтобы сосредоточить ихъ въ одномъ мѣстѣ и прорвать непріятеля; потому что мы ошиблись въ опредѣленіи ключа позиціи; потому что у насъ не хватало шанцевыхъ инструментовъ, чтобы укрѣпиться на редутахъ; потому что кавалерія не помогла намъ, завязавъ бой съ какими-то баши-бузуками; потому что артиллерія стрѣляла сильно 26 августа и очень вяло во время атаки; потому что румыны плохо помогали намъ и, наконецъ потому что далеко не всѣ генералы ходили съ солдатами въ атаку, вслѣдствіе чего у Крылова, напр. получился полный безпорядокъ.

Этимъ закончился періодъ нашихъ неудачъ за Дунаемъ.

Н. Максимовъ.

ОБРЯДОВОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО.

VI.

Формы обращенія.

Форма обращенія выражаетъ словами то̀, что̀ въ поклонѣ выражено дѣйствіемъ. Можно сказать a priori, что они имѣютъ одинъ общій корень происхожденія; не трудно также и доказать это. Въ иныхъ случаяхъ употребляютъ безразлично либо поклонъ, либо словесное привѣтствіе, какъ вещи равнозначущія. Говоря о полякахъ и славянахъ Силезіи, капитанъ Спенсеръ дѣлаетъ слѣдующее замѣчаніе:

«Быть можетъ, ни одна черта нравовъ этихъ народовъ не характеризуетъ ихъ до такой степени, какъ унизительный способъ изъявленія благодарности за оказанную услугу, именно выраженіе *«Upadam do nóg»*, которое далеко не фигурально, потому что они за самую ничтожную подачку, напримѣръ, за нѣсколько полупенсовъ, буквально падаютъ ницъ и цѣлуютъ ваши ноги».

Такимъ образомъ, положеніе побѣжденнаго передъ побѣдителемъ либо принимается на самомъ дѣлѣ, либо только подразумѣвается словесно. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ словесное упоминовеніе о такомъ положеніи замѣняетъ собою приведеніе слоѣъ въ исполненіе. Въ другихъ случаяхъ мы находимъ подобную же ассоціацію словъ и поступковъ: такъ, напримѣръ, турецкій придворный, привыкшій къ униженнымъ поклонамъ, обращается къ султану съ слѣдующими словами: «Центръ вселенной! Голова вашего раба у вашихъ ногъ»; а сіамецъ, который ежедневно совершаетъ рабскіе поклоненія, говоритъ своему начальнику: «господинъ благодѣтель, къ ногамъ котораго припадаю»; князю — «я подошва вашей ноги»; королю — «я пылинка подъ вашими священными ногами». Еще замѣчательнѣе обращеніе сіамскаго придворнаго къ королю: «высочайшій и славнѣйшій господинъ, вла-

дыка мой, твоего раба, я прошу передать мнѣ королевскія повелѣнія, чтобы я могъ положить ихъ на мой мозгъ, на верхушку моей головы»; здѣсь мы видимъ словесное указаніе на полнѣйшее подчиненіе, когда голова находится подъ ногами побѣдителя.

Не мало примѣровъ подобной замѣны дѣйствительныхъ поклоновъ словесными представляютъ и ближележащія къ намъ страны. Въ Россіи прошеніе въ былое время начиналось словами: «Такой-то бьетъ челомъ» (о землю), и просители назывались «челобитчиками». При французскомъ дворѣ, даже въ 1577, говорили иногда: «цѣлую руки вашей милости», на что̀ отвѣчали: «цѣлую ноги вашей милости». А объ Испаніи, гдѣ сохранились и до настоящаго времени слѣды восточныхъ нравовъ, мы читаемъ слѣдующее: «Когда вы встаете, чтобы проститься, вы должны сказать, если прощаетесь съ дамой: «синьора, я становлюсь у вашихъ ногъ», на что̀ она вамъ отвѣтитъ: «цѣлую вашу руку, синьоръ!»

Изъ предъидущаго можно легко предвидѣть, что таково именно происхожденіе и таковы отличительныя черты формъ обращенія. Рядомъ съ другими средствами умилостивленія побѣдителя, господина и правителя, должны были естественно произноситься и нѣкоторыя слова̀, въ которыхъ первоначально выражалось признаніе пораженія и принятіе положенія побѣжденнаго; впослѣдствіи же, изъ этихъ словъ образовались разныя фразы, выражающія рабское состояніе произносящаго ихъ. Отсюда выводъ: всѣ эти формы обращенія вообще, развившіяся такимъ образомъ изъ одного корня, выражаютъ, ясно или смутно, подчиненіе или передачу себя въ собственность тому лицу, къ которому обращаются.

Нѣкоторыя изъ умилостивительныхъ фразъ выражаютъ лишь послѣдствія отдачи себя во власть лица, къ которому обращаются, вмѣсто того, чтобы описывать поклоненіе, порождаемое пораженіемъ. Между этими обращеніями одно изъ наиболѣе странныхъ встрѣчается у людоѣдовъ туписовъ. Между тѣмъ какъ, съ одной стороны, воинъ кричитъ своему врагу: «Да снидетъ всякое несчастье на тебя, мое кушаніе!», съ другой, при приближеніи къ жилищу плѣнникъ Гансъ Стаде долженъ былъ произносить слѣдующія слова: «Я, ваша пища, пришелъ».

Затѣмъ, вмѣсто того, чтобы сказать, что онъ живетъ лишь вслѣдствіе позволенія высшаго лица (высшаго въ дѣйствительности или только фиктивно), говорящій иногда провозглашаетъ, что онъ самъ составляетъ собственность своего собесѣдника или что онъ отдаетъ все свое имущество въ распоряженіе послѣд-

няго, или утверждаетъ одновременно и то, и другое. Африка, Полинезія и Европа представляютъ тому массу примѣровъ. «Когда чужестранецъ входитъ въ домъ Серраколета (внутренняго негра), послѣдній выходитъ и говоритъ: «Бѣлый человѣкъ, мой домъ, моя жена, мои дѣти принадлежатъ тебѣ!» На Сандвичевыхъ Островахъ спросили одного вождя, кто владѣтель дома или лодки, принадлежавшей ему; онъ отвѣтилъ: «Это ваше и мое». Во Франціи, въ XV в., аббатъ, привѣтствуя на колѣняхъ королеву, пріѣхавшую посѣтить его аббатство, сказалъ: «Мы предлагаемъ вамъ аббатство со всѣмъ тѣмъ, что̀ въ немъ находится, со всѣмъ нашимъ добромъ и всѣми нами». А въ настоящее время, въ Испаніи, гдѣ, по правиламъ вѣжливости, вещь, понравившаяся посѣтителю, должна быть ему предложена, «желая обозначить на письмѣ мѣсто, откуда вы пишите, чтобы правильно написать, вы должны сказать... изъ этого *вашего* дома, изъ какого бы мѣста вы ни писали; вы не можете сказать—изъ этого *моего* дома, такъ какъ при этомъ предполагается, что вы отдаете вашъ домъ въ распоряженіе вашего корреспондента».

Но такой способъ обращенія къ начальнику, дѣйствительному или фиктивному, выражающій косвенно принадлежность ему лично съ всею собственностью, имѣетъ второстепенное значеніе въ сравненіи съ прямыми заявленіями о томъ, что говорящій—рабъ лица, къ которому онъ адресуется. Такого рода заявленія возникли еще во дни варварства, но упорно держались и въ цивилизованный періодъ времени вплоть до настоящаго времени.

Библейскіе разсказы достаточно ознакомили насъ съ словомъ «слуга», употребляемымъ подданнымъ или низшимъ лицомъ при обращеніи его къ правителю или къ высшему лицу. Въ наши дни свободы, ассоціація идей, установившаяся благодаря ежедневному употребленію слова «слуга», затемнила тотъ фактъ, что это слово въ древнихъ памятникахъ означало собою «раба», что имъ обозначалось то положеніе, въ которое впадаетъ плѣнникъ, взятый на войнѣ. Слѣдовательно, когда слова̀ «твой слуга» или «твои слуги» произносились передъ царемъ, какъ то встрѣчается часто въ библіи, то подъ ними подразумѣвалось то самое положеніе подчиненія, которое менѣе явственно выражается въ фразахъ, приведенныхъ нами выше. Ясно, что подобныя самоунижающія слова̀ произносились нетолько слугами, придворными, но и побѣжденными народами и всѣми вообще подданными: такъ, напримѣръ, Давидъ, обращаясь къ Саулу, называетъ себя и своего сына слугами Сауловыми. Подобное употребленіе словъ при разговорѣ съ правителемъ сохранилось и до настоящаго времени.

Впрочемъ, въ очень раннія времена эти заявленія рабства, ко-

торыя дѣлались первоначально передъ лицами, обладавшими верховною властью, стали употребляться и по отношенію къ лицамъ, имѣющимъ второстепенное значеніе. Приведенные къ Іосифу его братья, изъ-за страха предъ нимъ, называютъ себя его слугами или рабами и выражаются такъ нетолько о себѣ, но и о своемъ отцѣ. Даже болѣе: можно доказать, что такъ величали себя и при сношеніяхъ съ равными, если надѣялись при этомъ получить какую нибудь милость, какъ то видно, напримѣръ, изъ кн. Судей, XIX, 19. Чтобы показать, какъ распространялась среди европейскихъ народовъ подобная же форма обращенія, достаточно указать на нѣкоторыя переходныя ступени въ ея развитіи. Французскіе придворные XVI в. говорили обыкновенно: «Я—вашъ слуга и вѣчный рабъ вашего дома»; а среди насъ самихъ въ прошлое время были въ ходу такія косвенныя выраженія рабства, какъ напримѣръ: «къ вашимъ услугамъ», «всегда въ распоряженіи вашей милости», «со всею услужливостью и покорностью» и т. д. Въ наше время, подобныя выраженія рѣдко употребляются устно иначе, какъ въ видѣ насмѣшки, но зато письма часто заканчиваютъ слѣдующими словами, имѣющими одинаковое съ ними значеніе: «вашъ покорный слуга», «вашъ нижайшій слуга»; дѣлаютъ это бо̀льшею частью въ томъ случаѣ, когда между переписывающимися не существуетъ особенной близости, поэтому слова эти имѣютъ иногда совершенно обратное значеніе.

Что тѣ же умилостивительныя слова употребляются иногда и для религіозныхъ цѣлей—истина общеизвѣстная. Въ библіи говорится о евреяхъ, какъ слугахъ Господнихъ, такъ же какъ и о слугахъ царя, о сосѣднихъ народахъ, что̀ они служатъ своимъ божествамъ, подобно тому, какъ рабы служатъ господамъ. Можно привести и рядъ другихъ случаевъ, въ которыхъ эти отношенія видимаго правителя къ невидимому выражаются параллельнымъ образомъ: такъ, мы читаемъ, что «царь исполнилъ просьбу своего раба»; а въ другомъ мѣстѣ, что «Господь простилъ своего раба Іакова». Слѣд., слова̀ «твой рабъ» въ томъ смыслѣ, въ какомъ они теперь употребляются при богослуженіи, имѣютъ свою исторію, параллельную исторіямъ другихъ элементовъ религіознаго церемоніала.

Здѣсь, быть можетъ, яснѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было, обнаруживается, что слова̀ «твой сынъ», употребляемыя по отношенію къ правителю, къ начальнику или другому лицу, первоначально были равносильны словамъ «твой рабъ». Если мы вспомнимъ, что въ первобытныхъ обществахъ родители властны были умерщвлять новорожденныхъ или оставлять ихъ въ живыхъ, что въ

патріархальныхъ обществахъ, изъ которыхъ произошли цивилизованныя общества Европы, отецъ имѣлъ право жизни и смерти надъ дѣтьми, то для насъ станетъ вполнѣ очевиднымъ, что назвать себя сыномъ другого лица равносильно названію себя слугою его или рабомъ его. Въ древней исторіи можно найдти примѣры, указывающіе на однородность этихъ названій: такъ, «и послалъ Ахазъ пословъ къ Ѳеглаѳфелласару, царю Ассирійскому, сказать: рабъ твой и сынъ твой я; прійди и защити меня». Можно подыскать болѣе близкіе намъ по времени примѣры въ средніе вѣка, когда менѣе могущественные правители предлагали болѣе могущественнымъ усыновить себя: они добровольно налагали, такимъ образомъ, на себя сыновнее рабство и называли себя сыновьями: такъ, напр. поступили Теодебертъ I и Хильдебертъ въ отношеніи императоровъ Юстиніана и Маврикія. Впослѣдствіи, какъ видно изъ многихъ фактовъ, подобныя выраженія подчиненія получаютъ все бо̀льшую и бо̀льшую распространенность; пока, наконецъ, не принимаютъ форму привѣтствія.

«Наиболѣе сильнымъ и ласкательнымъ выраженіемъ, къ которому прибѣгаетъ самоанецъ, служитъ наименованіе себя сыномъ того лица, къ которому онъ обращается».

Отъ формъ привѣтствія, выражающихъ униженіе личности, произносящей ихъ, перейдемъ теперь къ тѣмъ, въ которыхъ превозносится другое лицо. Взятыя отдѣльно, обѣ эти формы содержатъ въ себѣ признаніе относительно ничтожности говорящаго; это признаніе дѣлается еще болѣе выразительнымъ, когда обѣ эти формы соединяются въ одно, какъ то обыкновенно и происходитъ въ дѣйствительности.

Съ перваго взгляда кажется неправдоподобнымъ, чтобы можно было прослѣдить происхожденіе похвальныхъ словъ отъ поведенія побѣжденнаго передъ побѣдителемъ; но мы можемъ представить доказательства, что таково въ нѣкоторыхъ случаяхъ дѣйствительное происхожденіе. Обращаясь съ просьбами о пощадѣ къ побѣдоносному Рамзесу II, его побѣжденные враги предпосылаютъ ему слѣдующія похвальныя слова̀: «О, Рамзесъ Міамонъ, царь, охрана своего войска, доблестный съ мечемъ въ рукахъ, оплотъ войскъ своихъ въ дни битвы, владыка могучій и сильный, великій повелитель, солнце, могущественное правдою, покровительствуемый Ра, великомощный побѣдами своими!» Очевидно, что не существуетъ никакого разграниченія между похвалами подобнаго рода, произносимыми побѣжденными, и тѣми, которыя произносятся покоренными, завоеванными народами или подданными передъ своими воинственными и деспоти-

ческими правителями. Затѣмъ, мы прямо переходимъ къ прославляющимъ словамъ, съ которыми обращаются къ сіамскому королю: «Могущественный и августѣйшій господинъ! Божественное милосердіе!» «Божественный порядокъ!» «Владыка жизни!» «Государь земли» и т. д., или къ тѣмъ, съ которыми обращаются къ султану: «Тѣнь божества!» «Слава міра!» или къ тѣмъ, которыя говорятъ китайскому императору: «Сынъ неба!» «Господинъ десяти тысячъ лѣтъ!» или, наконецъ, къ тѣмъ, съ которыхъ, въ прежнее время, начинали рѣчи, произносимыя передъ французскимъ монархомъ: «О кротчайшій! О величайшій! О милосерднѣйшій». Но рядомъ съ такими умилостивительными словами, въ которыхъ содержится прямая лесть, произносятся и такія, гдѣ лесть скрывается за принужденнымъ, аффектированнымъ удивленіемъ и восторгомъ передъ великимъ словомъ, которое произноситъ правитель. Такъ, послѣ всего, что̀ ни скажетъ король Дели, его придворные подымаютъ вверхъ руки и кричатъ: «О, чудо! чудо!»; если же онъ среди бѣлаго дня скажетъ, что теперь ночь, они отвѣчаютъ. «посмотрите на луну и звѣзды!», или, напр., русскіе въ прежнія времена восклицали: «того хочетъ Богъ и царь!» «Про то знаютъ Богъ и царь!»

Похвальныя слова̀, съ которыми обращаются первоначально лишь къ лицамъ, обладающимъ высшею властью, постепенно начинаютъ произноситься и передъ менѣе важными лицами и т. д. Какъ на примѣръ этого, можно указать на похвальныя слова̀, бывшія въ ходу во Франціи въ XVI в.: кардиналу говорили «славнѣйшій и преподобнѣйшій»; епископу — «почтеннѣйшій и славнѣйшій», герцогу — «славнѣйшій и почтеннѣйшій государь, мой многоуважаемый господинъ»; маркизу — «славнѣйшій и многоуважаемый господинъ»; доктору — «добродѣтельный и превосходный». Даже въ наше время, нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ, можно было слышать подобные эпитеты по отношенію къ лицамъ, занимающимъ болѣе низкое общественное положеніе: «высокопочтенный» — къ рыцарямъ, а иногда и къ эсквайрамъ; «высокоблагородный» — къ джентльмэнамъ; даже разговаривая съ альдерманами и лицами, титулуемыми обыкновенно «мистеръ», употребляли такія похвальныя выраженія, какъ «достойный и почтенный», «почтенный, добродѣтельный, достойнѣйшій». Рядомъ съ льстивыми эпитетами выработываются и выраженія, льстивыя болѣе по формѣ, чѣмъ по содержанію; это происходитъ, главнымъ образомъ, на Востокѣ, гдѣ оба эти вида похвальныхъ словъ доведены до крайней степени развитія. Китайская пригласительная записка, адресованная обыкновенному

лицу, торжественно гласитъ: «Какой блескъ придастъ намъ ваше присутствіе». «До какого блеска заставитъ насъ возвыситься ваше присутствіе!» Тавернье, у котораго я заимствовалъ столь невѣроятный образчикъ льстивыхъ выраженій, употребляемыхъ при дворѣ Дели, замѣчаетъ, что «этимъ порокомъ зараженъ даже народъ»; затѣмъ, приводя въ примѣръ свое собственное положеніе при дворѣ и описывая, какъ онъ внесенъ былъ въ разрядъ старѣйшихъ, обладающихъ наиболѣе сильною властью, онъ прибавляетъ, что даже лицъ его военной свиты сравнивали съ величайшими изъ завоевателей и говорили, что они, садясь на коня, заставляютъ дрожать міръ. А это выраженіе вполнѣ гармонируетъ съ примѣромъ, приводимымъ Робертсомъ о комплиментахъ, съ которыми на Востокѣ обращаются къ самымъ обыкновеннымъ смертнымъ: «Господинъ мой, только два существа могутъ сдѣлать что-либо для меня: во-первыхъ Богъ, во-вторыхъ Ты».

Читая, что, во времена Тавернье, на Востокѣ весьма нерѣдко можно было услышать выраженіе: «да будетъ королевская воля», вспомнивъ параллельное выраженіе: «да будетъ воля Божья», мы увидимъ, что многія изъ прославительныхъ рѣчей, съ которыми обращаются къ королю, вполнѣ тождественны съ рѣчами, произносимыми передъ божествами. Тамъ, гдѣ воинственный типъ общества достигъ высшей степени развитія и гдѣ монарху приписываются божественныя свойства нетолько послѣ смерти, но и при жизни, какъ-то было въ прежнія времена въ Египтѣ и Перу и какъ-то и теперь происходитъ в Японіи, Китаѣ и Сіамѣ, прославительныя слова, обращенныя къ видимому правителю, сдѣлавшемуся невидимымъ, оказываются по существу своему тождественными. Похвальныя слова, обращаемыя къ королю при жизни его достигаютъ до такой степени преувеличенія, что послѣ смерти и по обожествленіи его, они не могутъ сдѣлаться болѣе сильными, и полная тождественность ихъ по существу, однажды возникшая, продолжаетъ сохранять свою силу черезъ послѣдовательныя ступени развитія, при обращеніи къ божествамъ, происхожденіе которыхъ нѣтъ болѣе возможности прослѣдить.

Два элемента входятъ въ составъ полнаго преклоненія: одинъ подразумѣваетъ подчиненіе, покорность, другой—любовь; тѣ же два элемента входятъ и въ составъ полнаго словеснаго привѣтствія. Къ словамъ, умилостивляющимъ помощью самоуниженія или посредствомъ возвеличенія лица, къ которому обращаются, или обоими этими способами вмѣстѣ, присоединяютъ слова, выражаю-

щія привязанность къ собесѣднику—разныя пожеланія ему долгой жизни, здоровья и счастья.

Дѣйствительно—выраженія интереса къ здоровью другого лица, къ его судьбѣ—болѣе ранняго происхожденія, чѣмъ выраженіе подчиненія. Подобно тому, какъ объятія, поцѣлуи и похлопыванія, выражающія привязанность, употребляются дикарями, вовсе незнакомыми съ правительствомъ или лишь слабо управляемыми и не имѣющими никакого понятія о поклонахъ, выражающихъ покорность—дружескія рѣчи предшествуютъ рѣчамъ, выказывающимъ подчиненіе. Индѣйцы-змѣи Сѣверной Америки встрѣчаютъ иностранца словами: «мнѣ пріятно, я очень радъ»; а въ Южной Америкѣ, среди арауканцевъ, у которыхъ соціальная организація достигла бо̀льшей степени развитія, но гдѣ, въ то же время, воинственный духъ не повліялъ на выработку деспотическаго строя, формальности при встрѣчѣ «занимаютъ десять или пятнадцать минутъ» и состоятъ изъ освѣдомленія въ подробности о здоровьи каждаго лица и его близкихъ, вмѣстѣ съ длинными поздравленіями и соболѣзнованіями.

Этотъ элементъ привѣтствій продолжаетъ существовать и въ то время, когда начинаютъ возникать дѣйствія и фразы, выражающія подчиненіе. Негрскіе народы, и береговые, и внутренніе, употребляютъ при встрѣчѣ съ начальникомъ какъ рабскіе поклоны, такъ и пожеланія всякаго благополучія и разнаго рода поздравленія, а у феллаховъ и абиссинцевъ освѣдомленія о здоровьи встрѣтившагося лица и его близкихъ занимаютъ много времени. Но наибо̀льшаго развитія достигаютъ такого рода рѣчи въ Азіи, гдѣ воинственные типы общества представляютъ бо̀льшую законченность. Начавши съ гиперболическаго выраженія: «о король, живи вѣчно!», мы переходимъ къ словамъ, обращеннымъ къ равнымъ, которыя подобнымъ же преувеличеннымъ образомъ выражаютъ большую симпатію: такъ напр., арабы высказываютъ свое участіе тѣмъ, что быстро повторяютъ въ теченіи нѣсколькихъ минутъ: «благодаря Бога, ка̀къ вы поживаете?» Если же они хорошо воспитаны, то они прерываютъ и послѣдующій разговоръ, спрашивая вновь: «ка̀къ вы поживаете?» Китайцы на обыкновенной визитной карточкѣ, оставляемой у привратника, выражаютъ прямо свою привязанность, надписывая на ней слѣд. слова̀: «Нѣжный и искренній другъ вашей милости и постоянный послѣдователь вашего ученія является для уплаты своего долга и для того, чтобы поклониться до земли». У западныхъ народовъ, у которыхъ личная власть никогда не достигала такой силы въ общественной организаціи, выраженія привязанности и заботы были всегда гораздо менѣе преувеличе-

пы; они начали упадать вмѣстѣ съ развитіемъ свободы. Въ XIV в., во Франціи, за королевскимъ столомъ, «герольдъ постоянно выкрикивалъ: «король пьетъ!», присутствующіе выражали свои пожеланія и кричали: «да здравствуетъ король!» Хотя подобнаго рода пожеланія въ ходу и въ настоящее время, какъ въ Англіи, такъ и заграницею, но они произносятся далеко не такъ часто. То же можно сказать и относительно пожеланій, употребляемыхъ въ обыденной жизни, въ обыкновенныхъ общественныхъ сношеніяхъ. И въ настоящее время можно иногда услышать выраженіе «желаю долгой жизни вашей милости!», но оно произносится извѣстнымъ классомъ общества, который до послѣдняго времени жилъ подъ личной властью и теперь даже, въ силу своей преданности и привязанности, находится подъ сильнымъ вліяніемъ представителей старыхъ фамилій; между тѣмъ, въ другихъ частяхъ королевства, давно освободившихся отъ феодальныхъ формъ и находящихся подъ сильнымъ вліяніемъ промышленнаго духа, обыкновенныя выраженія участія сократились до how do you do?» (какъ выше здоровье?) и «Good-bye» (прощайте), причемъ, произнося эти слова, имъ придаютъ ровно столько чувства, сколько въ дѣйствительности питаютъ его къ лицу, къ которому обращаются. Интересно замѣтить, что рядомъ съ общераспространенными фразами, въ которыхъ призывается божественная помощь въ защиту привѣтствуемаго лица, какъ, напр. «пожалуетъ васъ Богъ своими милостями» у арабовъ, «да хранитъ васъ Богъ» у венгерцевъ, «да покровительствуетъ вамъ Богъ» у негровъ, и рядомъ съ фразами, выражающими участіе помощью разспросовъ о здоровьи, силѣ и состояніи и также общераспространенными, существуютъ и такія выраженія, которыя образовались подъ давленіемъ внѣшнихъ обстоятельствъ. Къ такимъ принадлежитъ восточная фраза «да будетъ съ вами миръ», перешедшая къ намъ съ того времени, когда миръ былъ великимъ desideratum; другая подобнаго же рода: «какъ вы потѣете?» въ ходу у египтянъ; но одна изъ самыхъ любопытныхъ, это слѣд.: «какъ кушали васъ москиты», которою, согласно словамъ Гумбольдта, привѣтствуютъ другъ друга по утрамъ на Ориноко.

Остается упомянуть о тѣхъ видоизмѣненіяхъ языка, граматическихъ и др., съ помощью которыхъ превозносится лицо, къ которому обращаются, и унижается лицо говорящее. Они имѣютъ нѣкоторую аналогію съ другими элементами церемоніала. Мы уже видѣли, какъ въ тѣхъ частяхъ, гдѣ подчиненіе достигло своего апогея, на правителя, показывающагося, подданные не осмѣливаются взглянуть подъ страхомъ смерти; изъ понятія о

томъ, что смотрѣть на высшее лицо—непростительная вольность, возникъ въ нѣкоторыхъ странахъ обычай повертываться къ высшимъ спиною. Подобнымъ же образомъ обычай цѣловать землю передъ уважаемымъ лицомъ или предметъ, принадлежащій ему, означаетъ, что подчиненное лицо занимаетъ до такой степени низшее сравнительно положеніе, что не рѣшается даже взять на себя смѣлость поцѣловать ногу или платье. Такъ же точно и разговорныя формы привѣтствій отличаются тою особенностью, что онѣ избѣгаютъ прямыхъ сношеній съ тѣмъ лицомъ, къ которому онѣ обращены.

Особыя видоизмѣненія языка, клонящіяся всѣ къ одному общему результату, къ сохраненію извѣстнаго разстоянія между высшими и низшими, очень распространены и начинаютъ появляться на сравнительно раннихъ ступеняхъ общественнаго развитія. Мы читаемъ объ абипонахъ, что «имена мужчинъ высшаго класса оканчиваются на *in*; женщинъ того же класса, принимающихъ также долю участія въ этихъ почестяхъ, на *en*. Разговаривая съ этими лицами, нужно прибавлять *in* и *en* даже къ существительнымъ и къ глаголамъ». Далѣе «въ самоанскомъ языкѣ существуетъ вполнѣ опредѣленный разрядъ словъ съ постояннымъ значеніемъ, которыя, по правиламъ вѣжливости, слѣдуетъ употреблять по отношеніи къ начальникамъ или въ случаяхъ особыхъ торжествъ!» У яванцевъ, «ни одно лицо, какого бы званія оно ни было, не смѣетъ ни подъ какимъ видомъ обращаться къ начальникамъ на обыкновенномъ или мѣстномъ языкѣ страны». А о древне-мексиканскомъ языкѣ Галлантинъ говоритъ, «что въ немъ существуетъ особая форма, напримѣръ, *почтительная*, которая проникаетъ собою все нарѣчіе и не встрѣчается болѣе нигдѣ; полагаютъ, что это—единственный языкъ, въ которомъ каждое слово, произносимое низшимъ лицомъ, напоминаетъ ему о его общественномъ положеніи.»

Обычай говорить въ третьемъ лицѣ, обращаясь къ кому либо, установленный этикетомъ, повидимому, имѣетъ свое начало въ первобытномъ предразсудкѣ относительно собственныхъ именъ. Полагая, что имя извѣстнаго лица составляетъ часть его личности, что обладаніе этимъ именемъ даетъ нѣкоторую власть надъ лицомъ, дикари почти повсюду неохотно открываютъ свои имена и, слѣдовательно, избѣгаютъ произносить ихъ въ разговорѣ, чтобы не сдѣлать ихъ извѣстными слушателямъ. Какъ бы то ни было, въ этомъ ли единственная причина указаннаго факта, или, кромѣ того, произношеніе имени кого либо считается нѣкоторою вольностью по отношенію къ этому лицу; но вездѣ, у всѣхъ племенъ, имена получаютъ какъ бы священное значеніе, и произно-

шеніе всуе имени запрещено, особенно же низшимъ при обращеніи къ высшему. Изъ этого вытекаетъ любопытное слѣдствіе: такъ какъ, въ первобытную эпоху, личныя имена производятся отъ именъ предметовъ, то эти имена предметовъ, болѣе не употребляются и замѣняются другими. У кафровъ «жена не смѣетъ публично произнесть *і-гата* (имя, данное при рожденіи) своего супруга или кого либо изъ его братьевъ; она не смѣетъ также употреблять запрещенное слово въ его обыкновенномъ смыслѣ... *І-гата* начальника изъято изъ употребленія въ языкѣ его народа». Далѣе, такъ какъ наслѣдственное прозвище настоящаго вождя Панго-Панго (въ Самоа)—*Маунга* или гора, то это слово нельзя произносить въ его присутствіи для обозначенія горы, а его замѣняютъ другимъ, *вѣжливымъ* терминомъ. «Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ собственныя имена болѣе сложны и замысловаты, мы видимъ тѣ же ограниченія въ ихъ употребленіи: такъ, въ Сіамѣ подданный не смѣетъ произносить имени короля; онъ долженъ выражаться перифразомъ, употреблять выраженія «господинъ жизни», «господинъ земли», верховный глава; въ Китаѣ посѣтитель для обозначенія отца хозяина употребляетъ слѣдующія слова: «старшина дома», «высокопочтеннѣйшій, и достопочтенный великій князь».

Избѣгая употребленія собственныхъ именъ при обращеніи къ высшимъ лицамъ, избѣгаютъ также и употребленія личныхъ мѣстоименій, какъ видно изъ многихъ примѣровъ, приведенныхъ выше, а это дѣлается потому, что эти мѣстоименія устанавливаютъ слишкомъ прямое отношеніе къ лицу, къ которому они обращены, въ томъ случаѣ, когда требуется сохраненіе извѣстнаго разстоянія. Въ Сіамѣ, какъ мы уже видѣли, при испрашиваніи королевскихъ приказаній стараются какъ можно болѣе избѣгать мѣстоименій; а что этотъ обычай сильно распространенъ среди сіамцевъ, доказывается слѣдущимъ замѣчаніемъ отца Брюгьера: «въ ихъ языкѣ мы находимъ личныя мѣстоименія, но они рѣдко употребляютъ ихъ». У китайцевъ этотъ способъ обращенія въ ходу и въ обыкновенныхъ общественныхъ сношеніяхъ. Если между ними нѣтъ тѣсной дружбы, они никогда не говорятъ *я* и *вы*; это считается у нихъ грубою невѣжливостью. Вмѣсто того, чтобы сказать: я очень тронутъ услугою, оказанною вами мнѣ, они говорятъ: «услуга, оказанная господиномъ или докторомъ своему нижайшему слугѣ или своему ученику, сильно тронула меня».

Обратимся теперь къ тѣмъ извращеніямъ въ употребленіи мѣстоименій, которыя служатъ для возвышенія высшихъ лицъ и униженія низшихъ. «*Я* и *меня* выражаются у сіамцевъ разны-

ми терминами: когда рѣчь идетъ 1) между господиномъ и рабомъ, 2) между рабомъ и господиномъ, 3) между простолюдиномъ и дворяниномъ, 4) между лицами равнаго званія; существуетъ, наконецъ, особая форма обращенія, которую исключительно употребляютъ жрецы». Но эта система еще болѣе развита среди крайне церемонныхъ японцевъ. «Въ Японіи всѣ классы общества имѣютъ свое особое *я*, которое другіе классы не могутъ употреблять; одно изъ нихъ принадлежитъ исключительно микадо... другое—исключительно женщинамъ... Существуетъ восемь мѣстоименій второго лица для употребленія слугами, учениками и дѣтьми». Хотя на Западѣ различія, установленныя помощью извращенія формъ мѣстоименій, не были такъ сильно выработаны, тѣмъ не менѣе они достаточно оттѣнены. Въ «старину... въ Германіи со всѣми низшими говорили въ третьемъ единственнаго числа, *er*»; т. е. употребляли косвенную форму; не обращались прямо къ низшему лицу, а лишь упоминали о немъ, точно говоря съ другимъ лицомъ, чѣмъ устанавливалось извѣстное разстояніе между собесѣдниками. И обратно, мы встрѣчаемъ фактъ, что низшіе постоянно употребляютъ третье лицо множественнаго лица при разговорѣ съ высшими: форма, которая одновременно возвышая высшее лицо примѣненіемъ къ нему множественнаго числа, своею относительною косвенностью увеличиваетъ разстояніе между высшимъ и низшимъ лицомъ; начавшись умилостивленіемъ могущественныхъ лицъ, она, подобно всему остальному, расширяется въ значеніи, распространяется и обращается въ общее умилостивленіе. На англійскомъ языкѣ стараются избѣгнуть извращенія мѣстоименія, служащаго для униженія, и употребляютъ исключительно *вы* для замѣны *ты*, т. е. то слово, которое вначалѣ служило привѣтственнымъ возвеличеніемъ, впослѣдствіи, распространившись на всѣ сословія, потеряло свое церемоніальное значеніе. Очевидно, что оно имѣло такое значеніе въ то время, когда квакеры упорствовали въ употребленіи *ты*. Что въ болѣе раннія времена *вы* служило для выраженія достоинства, можно заключить изъ того, что во Франціи, въ меровингскую эпоху, когда обычай этотъ былъ лишь отчасти установленъ, короли приказали называть себя во множественномъ числѣ. Кто не повѣритъ, чтобы мѣстоименіе *вы* служило въ прежнее время для возвеличенія лица, съ которымъ разговаривали, пусть обратитъ вниманіе на это извращеніе языка въ его первобытномъ и болѣе выразительномъ образѣ: такъ, въ Самоа къ вождю обращаются съ слѣдующими словами: «Пришли ли вы оба?» или «идете ли вы оба»?

Коль скоро формы обращенія выражаютъ словами то̀, что̀ по-

клоны выражаютъ дѣйствіями, то онѣ, понятно, должны имѣть и однѣ и тѣ же общія отношенія къ соціальнымъ типамъ. Необходимо сказать нѣсколько словъ о тѣхъ явленіяхъ, въ которыхъ высказывается эта параллельность.

Говоря о дакотахъ, не имѣющихъ вовсе политической организаціи, не имѣвшихъ даже вождей до тѣхъ поръ, пока бѣлые не стали отличать нѣкоторыхъ изъ нихъ, Бэртонъ замѣчаетъ: «У нихъ вовсе нѣтъ церемоній и обычаевъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ мы ихъ понимаемъ», и онъ приводитъ въ примѣръ то простое восклицаніе, которое испускаетъ дакота при входѣ въ чужой домъ: «хорошо». Бэлей говоритъ о веддахахъ, что они вовсе не употребляютъ почетныхъ именъ, столь обильныхъ у сингалезовъ; они знаютъ только одно мѣстоименіе *to*, ты, и обращаются съ нимъ какъ другъ къ другу, такъ и къ лицамъ которыя, по своему положенію, могли бы внушить имъ желаніе выказать свое къ нимъ уваженіе. Приведенные случаи показываютъ достаточнымъ образомъ тотъ общій фактъ, что тамъ, гдѣ нѣтъ подчиненія, нѣтъ и рѣчей, унижающихъ лицо говорящее и возвышающихъ лицо, съ которымъ говорятъ. Обратно: гдѣ личное правительство обладаетъ абсолютною властью, словесныя самоуниженія и словесныя же возвеличенія другихъ принимаютъ крайнія формы. Въ такихъ обществахъ, какія мы находимъ напримѣръ въ Сіамѣ, гдѣ каждый подданный считается рабомъ короля, низшіе называютъ себя пылинками подъ ногами высшихъ, высшимъ приписывается громадная власть и, обращаясь къ какому-либо лицу, даже между равными, стараются избѣжать необходимости называть лицо по имени. Главнымъ образомъ, въ такихъ соціальныхъ организаціяхъ, каковъ Китай, гдѣ власть верховнаго владыки, небеснаго императора не знаетъ предѣловъ, и гдѣ фразы лести и самоуниженія, вначалѣ употреблявшіяся въ сношеніяхъ съ правителями, впослѣдствіи распространились и на другіе классы, выработались такія крайности, какъ, напримѣръ, слѣдующія слова, помощью которыхъ освѣдомляются объ имени какого-либо лица: «Могу я взять на себя смѣлость спросить: каково ваше благородное имя и ваша знаменитая фамилія;» на что слѣдуетъ отвѣтъ: «Имя моей холодной (или бѣдной) фамиліи — —, а мое подлое имя — —.» Если мы спросимъ, въ какой странѣ происходило наибольшее злоупотребленіе мѣстоименіями съ обрядовыми цѣлями, мы увидимъ, что страна эта—Японія, гдѣ хроническія войны породили съ давняго времени деспотизмъ, усвоившій истинно божеское обаяніе и значеніе.

Если мы сравнимъ Европу прошлаго времени, отличающуюся соціальными строями, развившимися подъ вліяніемъ постоянныхъ

войнъ и принаровленными къ нимъ, съ современною Европою, въ которой войны хотя и принимаютъ иногда большіе размѣры, но представляютъ, въ то же время, скорѣе временную, чѣмъ постоянную форму общественной дѣятельности, мы замѣтимъ, что комплименты теперь въ мѣньшемъ употребленіи и носятъ менѣе вычурный характеръ. То же различіе бросится намъ въ глаза, если мы поставимъ рядомъ европейскія общества съ болѣе воинственною организаціею, каковы, напримѣръ, континентальныя, и англійское общество, въ мѣньшей степени организованное для войны, или если мы поставимъ рядомъ рягулятивныя части англійскаго общества, развившіяся подъ вліяніемъ воинственнаго духа, съ промышленными. Употребленіе льстивыхъ словъ въ превосходной степени и выраженій преданности менѣе распространено въ Англіи, чѣмъ за-границею; и какъ сильно ни уменьшилось употребленіе льстивыхъ выраженій среди англійскихъ правящихъ классовъ въ настоящее время, тѣмъ не менѣе, они въ гораздо бòльшемъ ходу среди этихъ классовъ, нежели среди промышленныхъ — особенно же среди тѣхъ, которые не находятся въ прямыхъ отношеніяхъ съ правящими классами.

Эти отношенія, эта связь между явленіями, очевидно, столь же необходимы и неизбѣжны, какъ и тѣ отношенія, которыя мы уже разсмотрѣли выше. Еслибы кто сказалъ, что рядомъ съ насильственнымъ послушаніемъ, порождаемымъ воинственною организаціею, возникаютъ естественнымъ образомъ формулы обращенія, не выражающія подчиненія, и что, обратно, рядомъ съ дѣятельнымъ обмѣномъ продуктовъ, денегъ, услугъ и т. д., производимыхъ совершенно свободно—что̀ составляетъ отличительную черту промышленнаго общества—возникаютъ естественнымъ образомъ преувеличенныя прославленія другихъ и рабскія самоуниженія—такое заключеніе показалось бы для всѣхъ явнымъ абсурдомъ; а абсурдъ его еще ярче выказываетъ истинность того положенія, которое мы противопоставляемъ ему.

Гербертъ Спенсеръ.

ЭКОНОМИЧЕСКІЕ КРИЗИСЫ.

(По Максу Вирту [1]).

Подъ названіемъ «Черной Пятницы» извѣстенъ кризисъ, происшедшій въ 1869 г. въ Нью-Йоркѣ. Вызванъ былъ этотъ кризисъ спекуляціями на золото, которыя возникли и приняли огромные размѣры вслѣдствіе грубыхъ финансовыхъ ошибокъ: чрезмѣрнаго выпуска бумажныхъ денегъ и небрежнаго отношенія правительства къ послѣднему принудительному внутреннему займу. Американское правительство, повидимому, совершенно забыло исторію ассигнацій во Франціи, Австріи и Россіи, забыло, что размѣръ средствъ обращенія въ каждой странѣ сообразуется съ размѣромъ ея оборотовъ [1] и что, въ случаѣ увеличенія средствъ обращенія, если обороты не могутъ соотвѣтственно расшириться, золото будетъ утекать за границу, а бумажныя деньги будутъ падать въ цѣнѣ. Законы обращенія не церемонятся съ государ-

---

[1] М. Виртъ дѣлаетъ довольно интересный разсчетъ—вычисляетъ въ нѣкоторыхъ странахъ отношеніе средствъ обращенія къ общей суммѣ богатствъ и общей суммѣ оборотовъ:

	Къ суммѣ богатствъ.	Къ суммѣ оборотовъ.
Въ Англіи	1%	5%
Въ Германіи, Голландіи, Бельгіи и Швейцаріи.	2%	10%
Во Франціи.............................. ...	3%	15%

Незначительный процентъ средствъ обращенія въ Англіи объясняется тѣмъ, что тамъ каждый сколько-нибудь состоятельный человѣкъ имѣетъ своего банкира, у котораго имѣетъ текущій счетъ и черезъ котораго, посредствомъ чековъ, производитъ всѣ свои платежи, держа при себѣ только самыя небольшія «карманныя деньги»; а также существованіемъ въ Лондонѣ Clearing House (расчетной палаты), въ которой взаимныя обязательства погашаются размѣномъ векселей. До какихъ громадныхъ суммъ доходитъ этотъ размѣнъ, можно видѣть изъ слѣдующаго: «съ тѣхъ поръ, какъ англійскій банкъ примкнулъ къ Clearing Hous'у, сумма производящихся въ немъ взаимныхъ погашеній черезъ обмѣнъ векселей возросла до 5,000,000,000 ф. ст.» (325).

ственными бумажками: принудительный курсъ нисколько не гарантируетъ ихъ отъ паденія, такъ какъ поднимается цѣна на благородные металлы и товары, и соотвѣтственное обезцѣненіе ихъ происходитъ другимъ путемъ. Послѣдствіемъ чрезмѣрности бумажныхъ денегъ всегда является лажъ на золото, вздорожаніе товаровъ, паденіе вексельныхъ курсовъ, необезпеченность и колебанія въ торговыхъ сдѣлкахъ. Во время господства ассигнацій во Франціи лажъ достигалъ 99%, т. е. ассигнаціи упали, значитъ, до 1%; примѣры Австріи и Россіи изъ болѣе новѣйшихъ временъ не менѣе поучительны. Если необходимость заставляетъ иногда (напримѣръ, война) обратиться къ чрезмѣрному выпуску ассигнацій, то «всякое правительство, понимающее свои обязанности, говоритъ М. Виртъ:—должно заботиться объ уничтоженіи лажа на благородные металлы какъ только позволятъ ему средства». (326) Соединенные Штаты между тѣмъ повторили ошибку и уклонились отъ этого пути. Заключивъ во время междоусобной войны около 2½ милліардовъ долл. займовъ и истощивъ всѣ внѣшнія и внутреннія кредитныя средства, правительство обратилось къ принудительному внутреннему займу—къ выпуску въ огромномъ количествѣ ассигнаціи—greenbacks'овъ (зеленыхъ спинокъ). Общая сумма бумажнаго обращенія достигла вслѣдствіе этого громадной цифры 700 мил. дол. (370 мил. бумажекъ и болѣе 330 м. билетовъ), а лажъ на золото поднялся до 40%, и еще долгое время по окончаніи войны стоялъ на 30%. Когда война окончилась, то, разумѣется, слѣдовало немедленно же приступить къ извлеченію гринбаковъ изъ обращенія и продолжать это пока лажъ на золото не исчезнетъ (уплата по другимъ добровольно заключеннымъ и процентнымъ займамъ была менѣе настоятельна), между тѣмъ правительство «послѣ продолжительныхъ совѣщаній, въ которыхъ вліяніе нью-йоркскихъ спекулянтовъ, взяло перевѣсъ», пришло къ обратному рѣшенію и рѣшило: оставить гринбаки въ обращеніи, а излишекъ государственныхъ доходовъ употреблять на выкупъ союзныхъ облигацій. Вслѣдствіе этого страна на многіе годы была обречена «оставаться жертвою спекуляціи и колебанія валюты». Эти колебанія, говоритъ М. Виртъ, происходящія отъ ухудшенія средствъ обращенія, составляютъ еще бо̀льшее зло, чѣмъ самое ухудшеніе: «они не дозволяютъ установиться въ торговлѣ никакой прочности и увѣренности и дѣлаютъ публику добычей ловкихъ спекулянтовъ, которые въ выборѣ средствъ не любятъ стѣсняться. Крупныя фирмы, благодаря своему полному знанію положенія дѣлъ на рынкѣ, умѣютъ оберегать себя отъ убытковъ; но среднее сословіе и рабочіе терпятъ черезъ эти колебанія постоянныя

потери. Первое должно уплачивать нетолько болѣе высокую цѣну за товары, являющуюся неизбѣжнымъ послѣдствіемъ чрезмѣрнаго выпуска бумажныхъ денегъ, но еще и страховую премію за рискъ, что при исполненіи контракта или торговой операціи валюта снова подвергнется какимъ-нибудь измѣненіямъ. Эта премія всегда падаетъ на массу публики, непосвященную въ тайны арбитража и ажіотажа. Рабочіе же страдаютъ вслѣдствіе того, что они не могутъ внимательно слѣдить за движеніемъ денежнаго рынка и потому, что при *дальнѣйшемъ ухудшеніи валюты заработная плата не слишкомъ быстро поднимается, между тѣмъ какъ при паденіи лажа на золото работодатели сейчасъ настаиваютъ на уменьшеніи заработной платы, какъ то доказали многочисленные примѣры»*. (328) Спекулянтовъ, разумѣется, сейчасъ же явилось множество, а вскорѣ образовалась и «золотая клика», которая систематически старалась искуственно усиливать колебанія валюты съ цѣлью обирать публику посредствомъ игры на повышеніе и пониженіе. Во главѣ клики стали: Джей-Гоульдъ, и, въ качествѣ ближайшаго его помощника, Фискъ, люди гораздо болѣе популярные въ Америкѣ и гораздо болѣе изобрѣтательные по части разныхъ учредительскихъ и биржевыхъ плутень, чѣмъ Струсбергъ въ Германіи и Пето въ Англіи.—Начала свои дѣйствія клика сейчасъ же по окончаніи войны, но развила ихъ до чрезвычайныхъ размѣровъ только въ 1868 и 69 гг., сдѣлавшись ближайшею виновницею «Черной Пятницы» и раззоривъ тысячи людей. Узнавъ достовѣрно черезъ Абеля Р. Корбина, зятя президента Гранта, что правительство, у котораго въ государственномъ казначействѣ былъ запасъ золота въ 80 мил. дол., не будетъ въ скоромъ времени продавать золото въ большихъ размѣрахъ, клика начала въ Августѣ 1869 г. скупать его мильйоны за мильйонами, разсчитывая поднять лажъ до 200% и реализировать такимъ образомъ громадные барыши. Въ сентябрѣ въ ея рукахъ было уже больше золота, чѣмъ сколько находилось въ цѣломъ Нью-Йоркѣ: она имѣла, частью въ видѣ наличныхъ денегъ, частью въ видѣ обязательствъ на доставку золота свыше 100 мил. дол. (331). Для производства такихъ колоссальныхъ операцій у клики, конечно, не было необходимыхъ денежныхъ средствъ, но она умѣла доставать эти средства, эксплуатируя банки, въ особенности 10-й національный банкъ, находившійся подъ контролемъ Джей-Гоульда. «Банковые чиновники, говоритъ М. Виртъ:—были большіе мастера удостовѣрять чеки клики до неограниченныхъ размѣровъ». (331) Долгое время господствуя на золотой биржѣ и пожиная лавры, Джей-Гоульдъ, очутившись въ распоряженіи такой массы золота, при

искуственно вздутомъ лажѣ, и не довѣряя Корбину, однако, началъ опасаться какъ бы въ дѣло не вмѣшалось правительство. Конечно, еслибы государственное казначейство, выпустило золото на рынокъ, то онъ могъ бы самъ внезапнымъ нападеніемъ на спекулянтовъ на пониженіе, которымъ кликою были выданы громадныя ссуды золотомъ по курсу 138, заставить ихъ исполнить обязательства, все-таки, по сравнительно высокому курсу и наказать многихъ изъ нихъ... Но такимъ образомъ, все-таки, можно было довольно много потерять. Да къ тому же, когда было задумано потребовать отъ спекулянтовъ на пониженіе ссужженныя имъ суммы обратно, то инспекторъ 10 го національнаго банка, который предполагалось употребить въ качествѣ посредника въ этой операціи, разстроилъ этотъ планъ. Тогда клика рѣшила на своемъ «военномъ совѣтѣ» внезапно еще сильнѣе поднять курсъ золота и побудить спекулянтовъ на пониженіе регулировать ихъ дѣла... Между тѣмъ, авторъ этого манёвра, Джей Гоульдъ, задумывалъ собственно другое: онъ замышлялъ, обирая публику и наказывая спекулянтовъ на пониженіе, обобрать и своихъ ближайшихъ товарищей и помощниковъ. Въ четвергъ, 22 сентября, Фискъ держалъ на биржѣ пари на 50 т. дол., что золото достигнетъ 200, а многочисленные агенты клики опять скупали цѣлые мильйоны. Слѣдующій день—роковая пятница—былъ еще оживленнѣе: лажъ поднялся до 65% и была даже минута, когда онъ достигалъ 69%; одинъ изъ агентовъ клики, маклеръ Шпейеръ, купивъ золота на 50 мил. дол., предлагалъ еще за 1 мил. по 160; другіе агенты предлагали по 165 за суммы, «простиравшіяся на многіе мильйоны»; десятый національный банкъ удостовѣрилъ въ четвергъ чековъ клики на 25 м. д. и въ пятницу, не взирая на присутствіе инспектора, перевалилъ уже на 15-й мильйонъ. . Это была минута обильной жатвы для Джей Гоульда и двухъ-трехъ «его присныхъ», которые, въ то время, какъ агенты клики закупали золото, черезъ посредство другихъ агентовъ спускали его по нѣсколько пониженной цѣнѣ, но тѣмъ не менѣе, наживая громадные барыши. Но это была послѣдняя минута. Правительство въ Уашингтонѣ осаждалось депешами, умолявшими его положить конецъ продѣлкамъ клики, и одной телеграммы министра финансовъ, предписавшей немедленную продажу изъ казначейства золота на 4 мил. дол. было достаточно, чтобы пузырь лопнулъ. Шпейеръ бѣжалъ, и когда маклера-продавцы бросились за нимъ въ погоню, то нашли контору его запертою. Черезъ нѣсколько времени онъ снова появился на биржѣ и объявилъ, что былъ не болѣе, какъ орудіемъ Фиска. Джей Гоульдъ отретировался въ

домъ «Большой Оперы», гдѣ и скрылся подъ охрану полиціи отъ яростной толпы. Десятый національный банкъ выдержалъ отчаянный приступъ публики и попалъ подъ конкурсное управленіе. Послѣдовалъ цѣлый рядъ банкротствъ и пріостановки платежей. Тайныя сдѣлки, которыя были заключены съ кликою банкирами, спекулянтами и купцами въ то время, когда лажъ стоялъ на 60, простирались свыше 25 мил. дол. Фирма «Смитъ, Гоульдъ и К°» одна изъ первыхъ отказалась исполнить заключенныя ею сдѣлки и когда биржевое управленіе хотѣло было притянуть Джей Гоульда къ судебной отвѣтственности или, по крайней мѣрѣ, къ исполненію обязательствъ, то послѣдній настолько съумѣлъ склонить въ свою пользу судебное расположеніе, что нетолько избѣжалъ всякой отвѣтственности, но и контракты, заключенные его фирмой, были изъяты отъ принудительнаго исполненія посредствомъ аукціона». (334) Сколько нажилъ Джей Гоульдъ цѣною общаго раззоренія, осталось неизвѣстно, но сумма навѣрное была громадная. Клика орудовала въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, и, прежде чѣмъ настало страшное крушеніе, «раззорившее въ конецъ тысячи людей, самымъ безжалостнымъ образомъ распоряжалась съ своими жертвами, обирая всякаго, кто попадался въ когти, до послѣдней рубашки» (332). «Но, говоритъ М. Виртъ:—какъ бы ни была виновата золотая клика и Джей Гоульдъ, все же истиннымъ первоначальнымъ виновникомъ страшныхъ сценъ, разыгравшихся въ эту пятницу и другихъ подобныхъ имъ, разыгрывавшихся на ньюйоркской биржѣ за послѣднія семь лѣтъ — было правительство Соединенныхъ Штатовъ, которое, въ непостижимомъ ослѣпленіи, воздерживалось употреблять свои свободныя средства на возстановленіе валюты» (330). Что касается до Джей Гоульда, Фиска и другихъ важнѣйшихъ дѣятелей клики, то они пережили пораженіе и продолжали свою карьеру. Захвативъ мѣсто президента и казначея въ К° Эрійской желѣзной дороги, Джей Гоульдъ и Фискъ съ 1868 г. по 1872 г. увеличили акціонерный капиталъ К° ни много ни мало, какъ до 78 мил. дол., находились въ сношеніяхъ и эксплуатировали для своихъ цѣлей извѣстную шайку мошенниковъ Tammany Ring, подкупали судей, обманывали правительство и кончили расхищеніемъ 30 мил. дол. Послѣ умерщвленія Фиска, Джей Гоульдъ былъ въ 1872 году насильственно удаленъ изъ правленія дороги акціонерами. Изъ «множества другихъ операцій» этого, въ своемъ родѣ, замѣчательнаго человѣка, М. Виртъ приводитъ: хозяйничанье его на Ганнибалло-Сент-Джозефской дорогѣ, которую онъ ограбилъ то того, что акціи ея, стоявшія до него на 120, упали

при немъ до 35; управленіе Сѣверо-западною К°, кончившееся поглощеніемъ состояній Дрью, Смита и множества другихъ мелкихъ свѣтилъ биржи, и наиболѣе любопытный эпизодъ послѣдней аферы, а именно—заарестованіе Джей Гоульда по жалобѣ Эрійской дороги. Дѣло въ томъ, что Генри Смитъ, пострадавъ отъ Джея Гоульда, выдалъ Эрійской К° торговыя книги прежней фирмы Гоульда, изъ которыхъ оказывалось, что послѣдній обокралъ К° на 9 м. дол.—Внеся залогъ въ 1 мил. дол., Джей Гоульдъ черезъ нѣсколько дней послѣ того какъ былъ выпущенъ изъ подъ ареста, добровольно возвратилъ Эрійской К° всѣ взятыя у нея 9 мил. «Сколько бѣдъ, говоритъ М. Виртъ:—еще надѣлаетъ этотъ человѣкъ въ будущемъ, этого никто не можетъ напередъ сказать». Коммодоръ Вандербильтъ, одинъ изъ богатѣйшихъ банкировъ и лучшихъ финансистовъ Нью-Йорка, заканчивая одну изъ своихъ статей, слѣдующимъ образомъ характеризуетъ его: «Я, за исключеніемъ одного только случая, ни разу не имѣлъ дѣла съ Джей Гоульдомъ и не намѣренъ и впредь приходить съ нимъ въ какое бы то ни было соприкосновеніе, развѣ только понадобится отъ него обороняться. А равнымъ образомъ я постоянно отсовѣтывалъ своимъ друзьямъ вступать съ нимъ въ какія бы то ни было сношенія. Я пришелъ къ этому рѣшенію послѣ того, какъ внимательно всмотрѣлся въ черты его лица» (335).

Кризисъ 1873 г., по размѣрамъ причиненныхъ имъ бѣдствій, былъ обширнѣе, чѣмъ всѣ предыдущія катастрофы. Начавшись на вѣнской биржѣ, онъ распространился на всѣ отрасли торговли и промышленности и не ограничился одною только Австро-Венгріей, а вовлекъ въ свои пагубныя сцѣпленія Германію, Италію, Францію, Англію, Америку и Россію. «Удары страшнаго краха» отддавались въ такихъ отдаленныхъ другъ отъ друга концахъ, какъ Бухарестъ, Москва, Александрія и Южная Америка (336). Непосредственною причиною кризиса было громадное развитіе учредительства и биржевая игра, принявшая въ особенности большіе размѣры послѣ франко-прусской войны. Накопленіе причинъ происходило собственно гораздо раньше. Хотя экономическое развитіе за періодъ съ 1850 по 57 г. и было велико, но оно значительно уступаетъ тому, что̀ было сдѣлано въ послѣдующія 15 лѣтъ: промышленность вездѣ почти расширилась, производство угля, шерсти, хлопка и другихъ продуктовъ возросло, вывозъ товаровъ изъ Франціи удвоился, изъ Англіи—утроился и т. д. Это усиленіе производительности, съ одной стороны, было совершенно нормально: обусловливалось введеніемъ техническихъ изобрѣтеній и усовершенствованій, проведеніемъ желѣзныхъ дорогъ, те-

леграфовъ и проч.; а съ другой стороны, въ немъ замѣчалось то экстренное, спѣшное направленіе, какое замѣчается обыкновенно въ спекулятивныя эпохи. Послѣднее въ значительной степени обусловливалось тѣмъ, что послѣ 1857 г. цивилизованные народы вступили въ новый періодъ варварскихъ войнъ, которыя слѣдовали одна за другою: за испанскою войною послѣдовала междоусобная война въ Америкѣ, затѣмъ начались: датская война, итальянская, австро-прусская и, наконецъ, франко-прусская. Войны эти, по быстротѣ результатовъ, не имѣли ничего подобнаго въ исторіи, и, такъ какъ эпохи послѣ войнъ вообще знаменуются усиленіемъ промышленной и торговой дѣятельности, которая какъ бы стремится компенсировать и наверстывать потери, возстановляя нарушенное экономическое равновѣсіе, то въ промежуткахъ между кровавыми драмами происходила усиленная, лихорадочная дѣятельность. Подобныя эпохи чрезвычайно благопріятны и для спекуляцій. Вездѣ основывались банки, возникали въ большихъ городахъ громадныя постройки, разрабатывались копи, строились заводы, желѣзныя дороги и т. д. Въ особенности благопріятною для спекуляціи представлялась почва Австро-Венгріи: надъ Франціей и Германіей еще скоплялись и ходили тучи, а здѣсь, послѣ объединенія Италіи и вообще послѣ 1866 г., не представлялось возможности столкновенія. Въ Пештѣ въ началѣ 1868 г. всѣхъ акціонерныхъ предпріятій числилось лишь 21 съ капиталомъ въ 30 мил. гульд., а къ сентябрю 69 г. уже дѣйствовало 99 обществъ съ капиталомъ 135 мил. гульд. «Вліятельными кружкàми Венгріи овладѣла настоящая желѣзнодорожная манія» (352). Въ Вѣнѣ, въ 1869 г. предпріятій считалось на 982 мил. гульд. Уже въ то время австрійскій національный банкъ, въ видахъ обузданія предпринимательной горячки, повысилъ дисконтъ съ 4% до $5-5^1/_2$%, но мѣра эта была не особенно дѣйствительна. Уже осенью 1869 г. наступила на рынкѣ сильная нужда въ деньгахъ, принявшая размѣры настоящаго кризиса, который произвелъ не мало опустошеній, вызвалъ нѣсколько банкротствъ и повлекъ за собою «полное истощеніе экономическихъ силъ» (353). Банки вынуждены были отказать въ поддержкѣ многимъ предпріятіямъ, и спекуляція, обремененная обязательствами, очутилась лицомъ къ лицу съ недостаткомъ въ деньгахъ, «истинная причина котораго лежала не въ недостаткѣ бумажныхъ знаковъ, а, напротивъ, въ страшномъ наплывѣ цѣнностей, которыя не шли съ рукъ». Но спекулянты не останавливались и употребляли самыя невозможныя средства. Являлись проэкты одинъ невозможнѣе другаго. Въ то время, напр., «когда господствовалъ принуди-

тельный курсъ и когда лажъ на серебро стоялъ по 120—явный знакъ, что со времени 1868 г. созданіемъ 350 мил. гульд. государственныхъ кредитныхъ билетовъ, дѣйствительная потребность въ средствахъ обращенія давно была превышена» — настойчиво предлагали сдѣлать новый выпускъ бумажныхъ денегъ. Если еще сдерживали этихъ неукротимыхъ людей событія, происходившія около Парижа, то съ окончаніемъ войны «спекуляція неудержимо ринулась на рынокъ и понеслась, какъ конь, сорвавшійся съ привязи». Приливъ въ Германію такой громадной суммы, какъ 5 мильярдовъ фр. (а съ процентами и отдѣльными военными поборами до 6 мильярдовъ) и рядъ законодательныхъ реформъ въ Австріи и Германіи были причинами, что спекуляція въ этихъ странахъ «эскомптировала на многіе годы впередъ и... перецѣнила то вліяніе, которое французскіе мильярды окажутъ на нѣмецкій фондовый рынокъ». И теперь уже ни стѣсненіе концессій, ни увеличивавшееся съ каждымъ годомъ число банкротствъ (въ одной Австро-Венгріи, напр., въ 1872 г. произошло 1250 банкротствъ), ничто не могло сдержать ретиваго коня, пока въ 1873 г. онъ совсѣмъ не свалился въ пропасть. Въ 1870 г. въ Австро-Венгріи было создано 37 новыхъ предпріятій на сумму болѣе 139 мил. гульд.; въ 1871 году—261 предпріятіе на сумму 1108 мил. г.; въ 1872 г. потребовалось съ этою цѣлью болѣе 989 мил. франк. и въ первое полугодіе 1873 г.—531 м. фр. Пруссія, разумѣется, не отставала отъ сосѣдки. Чтобы судить о развитіи ея акціонернаго дѣла, достаточно взглянуть на слѣдующія цифры: съ 1790 г. по 1867 г. было основано 225 различныхъ обществъ; съ 1867 по 70 г.—54 общества; въ 70-мъ—34; въ 71-мъ—259; въ 72-мъ—504 и въ первой половинѣ 1873 г.—196 обществъ. Другія европейскія государства и Америка за все это время также проявляли сильную дѣятельность: въ 1871 г. на міровую биржу было выпущено разными странами бумагъ разныхъ предпріятій на 15,600,000,000 фр.; въ 1872 г. на 12,641,670,000 фр. и въ первомъ полугодіи 1873 г. на 7,650,000,000 фр. Нужно замѣтить, что въ разсчетъ этотъ включены лишь суммы, «фактически покрытыя подпиской, да и тѣ не вполнѣ, а по номинальной ихъ стоимости, при чемъ не принимались въ разсчетъ преміи отъ повышенія курсовъ...» (356). Кромѣ того, было еще множество мелкихъ акціонерныхъ предпріятій, которыя, вслѣдствіе скромныхъ размѣровъ ихъ капитала, ускользали отъ контроля. М. Виртъ полагаетъ, что выпущенныя въ теченіи 2½ лѣтъ бумаги поглотили капиталъ не менѣе 40 мильярдовъ фр. Такое громадное требованіе, предъявленное, гла-

вымъ образомъ на европейскій денежный рынокъ [1], далеко превышало его дѣйствительныя средства.

Спекуляція эксплуатировала государственные займы или, лучше сказать, эксплуатировала будущій трудъ, экспропріируя, при помощи кредитныхъ комбинацій, его будущую производительность и переводя займы въ налоги. Изъ 15,6 мильярдовъ фр. бумагъ, выпущенныхъ въ 1871 г., бумаги государственныхъ займовъ составляли 11,7 мильярдовъ и около половины изъ 12,6 мильярдовъ бумагъ, выпущенныхъ въ 1872 г. Но спекуляція очень мало обращала вниманія на эти соображенія, она не слушала даже предостереженій. Въ Вѣнѣ уже наступилъ кризисъ, а на сѣверѣ Германіи учредительство продолжало идти своимъ порядкомъ», подобно судну, которое разъ пущено въ ходъ, не можетъ сразу остановиться»: въ іюлѣ 1873 г. берлинскія газеты извѣщали о возникновеніи 12 предпріятій, въ августѣ новыя предпріятія потребовали около 22 мил. тал., въ сентябрѣ—около 23 мил. тал. и даже въ октябрѣ вновь возникшія 13 предпріятій взяли около 8 мил. тал.

Если мы теперь посмотримъ на самыя предпріятія—изъ чего онѣ состояли, то придется не разъ вспомнить эпоху мыльныхъ пузырей. Прежде всего бросается въ глаза множество банковъ всевозможныхъ наименованій: торговые, ремесленные, промышленные, маклерскіе, мѣняльные, биржевые, арбитражные, комиссіонные, центральные, рентные, ипотечные, агентурные, фондовые, репортные, соединенные земельные, банковые союзы и проч. Несмотря на это различіе наименованій, банковъ было такъ много, что ихъ очень часто смѣшивали другъ съ другомъ. Даже строительныя компаніи и маклерство приняли банковую организацію.—Всѣ эти учрежденія занимались поощреніемъ и учредительствомъ самыхъ разнообразныхъ предпріятій: фабрикъ, желѣзныхъ дорогъ и проч., но преимущественно биржевою игрою. Сегодня, напр., учреждалось общество, а завтра еще ненапечатанныя его акціи уже закладывались въ какомъ нибудь банкѣ; при подпискѣ вамъ не нужно было ни тратить денегъ, ни пріискивать капиталъ, ни брать на себя акціи въ дѣйствительности —все это улаживали агенты и банки при помощи репортныхъ операцій; вамъ оставалось только класть барыши въ карманъ. Спеціальнымъ учрежденіемъ этого рода являлись маклерскіе банки, про которые М. Виртъ говоритъ, что они «изъ всѣхъ хитро-

[1] Американскіе займы увлекли изъ Европы громадный капиталъ. Нужно также замѣтить, что въ вышеприведенный разсчетъ не вошли еще предпріятія главныхъ англійскихъ колоній и нѣкоторыхъ другихъ государствъ, которыя также поглотили значительный капиталъ.

умныхъ продѣлокъ, какія когда либо пускались въ ходъ, съ цѣлью эксплуатировать въ пользу финансовыхъ тузовъ публику», оказались «одною изъ наиболѣе прибыльныхъ» (361). Честь этого изобрѣтенія принадлежитъ Берлину, вызвавшему многочисленныя подражанія въ Вѣнѣ, Бреславлѣ, Франкфуртѣ, Лейпцигѣ и т. д.

Ставя цѣлью гарантировать биржевыя сдѣлки и освобождая такимъ образомъ крупныя фирмы отъ риска, маклерскіе банки основывались, однако, не на принципѣ взаимнаго страхованія, а принимали акціонерную организацію, т. е. сваливали, значитъ, всю отвѣтственность и весь рискъ на акціонеровъ, т. е. на публику. Кромѣ того, они не ограничивались однѣми маклерскими и страховыми операціями, но и пускались во всевозможныя банковыя дѣла за свой счетъ. «Репортное ростовщичество достигло въ рукахъ этихъ банковъ роскошнаго разцвѣта», и съ нихъ-то, въ 1873 г., началось крушеніе. Земельные банки, которыхъ тоже расплодилось великое множество, наводняли биржу закладными листами. Но въ особенности расплодились строительные банки, которыхъ въ одномъ Берлинѣ насчитывалось до 40. Строительная горячка, обуявшая обѣ нѣмецкія столицы, приняла особенно большіе размѣры послѣ франко прусской войны. До 1870 г. въ Вѣнѣ было не болѣе 2—4 строительныхъ обществъ, но какъ только состоялась подписка на французскій заемъ, такъ они стали появляться цѣлыми дюжинами. «Можно было думать, говоритъ М. Виртъ:— что вся сумма французской контрибуціи долженствовала быть израсходована на постройки въ Вѣнѣ». Единственною цѣлью этихъ обществъ было обогащеніе учредителей, и все, что говорилось тогда объ улучшеніи и удешевленіи жилищъ, было не больше, какъ рекламнымъ пустословіемъ. Дѣятельность ихъ началась и сосредоточилась преимущественно на спекуляціяхъ земельными участками: болѣе 11,000 десят. было закуплено ими въ городѣ и въ окрестностяхъ по баснословно-высокимъ цѣнамъ; конкуренція обществъ перешла за всякія границы благоразумія и спокойнаго разсчета. Поверхности купленной земли было достаточно, «чтобы настроить жилищъ для населенія втрое бо̀льшаго, чѣмъ дѣйствительное населеніе Вѣны»; при нормальномъ приростѣ населенія и самыхъ лучшихъ условіяхъ, строительныя общества по разсчету М. Вирта, могли бы ежегодно застраивать не болѣе 0,002 всего пространства и имъ понадобилось бы около 500 лѣтъ, чтобы «возстановить доходность земель этимъ нормальнымъ путемъ» (370). Всѣмъ указывали на предстоящую выставку, какъ будто всѣ посѣтители выставки и экспоненты должны были совсѣмъ переселиться въ Вѣну, и на увеличеніе населенія, которое было не больше, какъ временнымъ притокомъ

по случаю приготовленій къ выставкѣ, устройству водоснабженія, регулированію теченія Дуная и разныхъ другихъ работъ. Что касается до цѣнъ на квартиры, то вздорожаніе квартиръ «лишь усиливалось строительными обществами, которыя, съ одной стороны доводили цѣны на землю, а черезъ это и на квартиры до искуственной высоты, а съ другой—на мѣсто дешовыхъ жилищъ, которыя они ломали, строили дворцы за дворцами, какъ будто большинство вѣнскаго населенія принадлежало къ счастливой кастѣ мильйонеровъ» (367). Нужно замѣтить, что бо̀льшая часть земель закупалась обществами въ кредитъ, съ разсрочкою, и когда наступилъ кризисъ то общества очутились въ самомъ непріятномъ положеніи, напр.: 13 банковъ, купившіе сообща участокъ по Дунаю, не въ состояніи были сколотить одинъ изъ послѣдующихъ взносовъ въ 1 мил. гульд. Оставалось одно—продавать дома̀, но это было не такъ легко: за землю было заплачено вчетверо и вдесятеро дороже, постройки, при спѣшности работъ, обходились также дорого, и когда заработная плата и цѣны на матерьялъ упали болѣе чѣмъ на 30%, то покупатели, конечно, не являлись. Кромѣ того, дома̀ у многихъ обществъ были заложены и перезаложены. Изъ другихъ банковыхъ спекуляцій, употреблявшихся другими банками, въ особенности практиковался—выпускъ кассовыхъ свидѣтельствъ (Cassenscheine). Собирая въ видѣ процентныхъ вкладовъ весь свободный въ данную минуту капиталъ, прельщая высокими процентами капиталы, уже занятые въ прочно установившихся предпріятіяхъ, банки отвлекали ихъ отъ промышленности и направляли на рискованныя, а часто и совсѣмъ дутыя предпріятія, устраивавшіяся съ единственною цѣлью ажіотажа. Еще обширнѣе, по размѣрамъ и злоупотребленіямъ, были желѣзнодорожныя спекуляціи. Воспретивъ закономъ 1870 г. выдачу концессій акціонернымъ обществамъ, Германія не распространила этого закона на банки и желѣзнодорожныя компаніи, оставивъ ихъ въ исключительномъ положеніи. Это послужило поводомъ къ торговлѣ концессіями, «къ самому безцеремонному надуванію публики и къ самымъ вопіющимъ злоупотребленіямъ» (371). Торговля концессіями вскорѣ сдѣлалась самымъ обычнымъ дѣломъ: представитель Магдебурга, Ласкеръ, въ прусской палатѣ депутатовъ изобличалъ представителя самаго знатнаго дворянства и одного изъ вожаковъ феодальной партіи — тайнаго совѣтника Вагнера, въ томъ, что онъ, добывъ концессію на померанскую центральную дорогу (впослѣдствіи обанкротившуюся), перепродалъ ее въ другія руки; принцъ Биронъ, выхлопотавъ концессію, уступилъ ее, получивъ 100 т. тал. отступнаго; князь Путбусъ также занимался этою выгодною торговлею и т. д. Когда

разоблаченія Ласкера вызвали назначеніе слѣдственной комиссіи [1], то изслѣдованіе 26 желѣзнодорожныхъ обществъ обнаружило факты еще болѣе вопіющаго свойства и подлоги: то, что требуемое закономъ удостовѣреніе въ томъ, что подписка состоялась и часть взносовъ уплачена, обходилось путемъ подставныхъ акціонеровъ, выдачею имъ за взносы обратныхъ росписокъ и т. п. Въ Австро-Венгріи желѣзнодорожныя спекуляціи велись съ еще бо́льшею дерзостью. Здѣсь, кромѣ торговли концессіями и обыкновенныхъ злоупотребленій, мы встрѣчаемъ еще факты наглаго воровства: Г. Офенгеймъ, главный директоръ карлъ-лудвигской дороги, и гг. Лисковецъ и Циферъ были арестованы за расхищеніе суммъ, при чемъ обнаружилось, на какія деньги строились въ Вѣнѣ мильйонные дворцы; изъ 576 мил. гульд., затраченныхъ въ 2½ года на желѣзныя дороги, расходы на добываніе денегъ, по свѣдѣніямъ «Neue Freie Presse», поглотили до 35%; т. е. попросту, было расхищено до 150 мил. и т. д. Желѣзнодорожное учредительство съ 1866 года держало австрійскій денежный рынокъ всецѣло въ своихъ рукахъ: «учредители, владѣльцы концессій, банки, посвященные въ тайны финансоваго дѣла, и строители дорогъ—все это составляло одну клику, которая, располагая крупными капиталами, занималась только тѣмъ, что создавала на фондовой биржѣ то положеніе дѣлъ, которое ей было нужно» (375). Манёвры были неизмѣнные: ежегодный выпускъ на нѣсколько сотенъ мильйоновъ бумагъ, искуственное повышеніе курсовъ, учредительская и биржевая нажива, магарычи отъ подрядовъ и проч. Система огульныхъ подрядовъ, первоначально введенная англичаниномъ Пето, который на ней обанкротился и которая затѣмъ практиковалась нѣкоторое время въ Берлинѣ Струсбергомъ (давая ему громадные барыши, пока, въ концѣ концовъ, не прогорѣлъ и онъ, благодаря тому, что употреблялъ плохой матеріалъ и вообще велъ дѣло рискованнымъ образомъ), дала новый толчекъ желѣзнодорожнымъ спекуляціямъ: оптовые подрядчики, входя въ сдѣлку съ строителями, получали подряды по громаднымъ цѣнамъ и, сдавая ихъ мелкимъ подрядчикамъ, наживали мильйоны. О добросовѣстномъ исполненіи работъ и доходности дороги, какъ и вообще о солидной постановкѣ предпріятій, никто не думалъ: все дѣло ограничивалось срывками, и если учредители и подрядчики, пролѣзавшіе въ

[1] Практическимъ результатомъ этой комиссіи былъ проектъ закона 1874 г., которымъ учреждался желѣзнодорожный совѣтъ и требовалось періодическое составленіе сѣти желѣзныхъ дорогъ, при чемъ опредѣлялось, что, въ случаѣ несогласія по какому нибудь вопросу министра торговли съ совѣтомъ, вопросъ передается въ совѣтъ министровъ.

правленія и совѣты, оставались нѣкоторое время во главѣ дѣла, то только ради дальнѣйшихъ срывокъ и биржевой игры или же приличія ради, чтобы запутать концы и облечь расхищеніе суммъ въ законную форму. М. Виртъ указываетъ на нравственное разложеніе, постигшее высшіе классы Австріи, на «поголовное» участіе ихъ въ учредительствѣ и биржевой игрѣ. «Въ началѣ, говоритъ онъ: — лишь единичныя личности, какіе-нибудь прожившіеся въ пухъ и прахъ представители историческаго дворянства отдавали свои гербы для прикрытія христіански-семитическихъ носовъ и для приманки мелкихъ капиталовъ; но, мало-по-малу, и представители наиболѣе вліятельныхъ и уважаемыхъ родовъ изъ самой высшей аристократіи спустились изъ своихъ древнихъ зàмковъ и замѣшались въ толпѣ желѣзнодорожныхъ учредителей». Иногда это дѣлалось съ благимъ намѣреніемъ—придать предпріятію твердую и правильную основу,, но такіе господа не обладали ни необходимымъ знаніемъ и пониманіемъ дѣла, ни достаточною силою, чтобы парализовать вліяніе грюндерства и потому становились обыкновенно только вывѣскою для выманиванія денегъ и выхлопатыванія концессій. Безкорыстныхъ чудаковъ было, впрочемъ, очень мало; большинство же руководилось желаніемъ проводить желѣзныя дороги черезъ свои имѣнія и понимало вкусъ гешефтовъ. «Желѣзнодорожная горячка такъ усилась въ этихъ сферахъ общества, что почти сплошь все дворянство цѣлыхъ провинцій со всѣмъ своимъ добромъ втягивалось въ учредительство...» И такъ какъ l'appetit vient en mangeant, такъ какъ съ постройкою желѣзныхъ дорогъ тѣсно вяжутся каменно-угольныя копи, желѣзные заводы и банки, а съ банками биржа, то дворянство очень скоро усвоило себѣ всѣ тайны учредительства и биржеваго искуства и приняло въ нихъ самое ревностное участіе. Въ 1874 году засѣдало въ желѣзнодорожныхъ совѣтахъ: 41 дворянинъ, 29 бароновъ, 64 графа, 1 ландграфъ и 13 князей; въ правленіяхъ банковъ: 4 дворянина, 12 бароновъ, 24 графа и 1 герцогъ; въ правленіяхъ промышленныхъ компаній—6 бароновъ, 16 графовъ и т. д. Голосованіе въ палатѣ господъ стало замѣтно пристрастнымъ въ пользу буржуазныхъ интересовъ. Участіе аристократіи въ буржуазной оргіи, безнаказанность, съ какою все сходило людямъ богатымъ, и роскошь, съ какою они жили, вскорѣ втянули въ погоню за наживой всѣ слои населенія. Желѣзныя дороги не составляли и 1/4 части всѣхъ расплодившихся предпріятій, бумаги которыхъ, примѣнительно къ малымъ состояніямъ и человѣческой алчности, получали небольшіе размѣры и выпускались по низкому курсу, и въ которыхъ, благодаря менѣе строгому правительственному контролю, злоупо-

требленія развились еще шире. Слѣдуетъ обратить еще вниманіе на положеніе австрійскихъ финансовъ того времени. Очутившись въ 1859 г. въ состояніи несостоятельности, правительство, повидимому, убѣдилось въ невозможности покрывать свои хроническіе дефициты безграничными выпусками бумажекъ и лотерейныхъ займовъ и рѣшилось приступить къ реорганизаціи финансовъ. Начало было положено въ 1862 году изданіемъ новаго банковаго закона, который §-мъ 14-мъ, между прочимъ, ограничилъ количество билетовъ, непокрытыхъ металлическимъ фондомъ, суммою 200 мил. флор. Долгъ государства банку, опредѣленный при этомъ въ 217 мил. флор. (изъ которыхъ 80 мил. должны были остаться безсрочнымъ долгомъ, а 137 мил. должны были быть уплачены къ 1867 г.)—погашался довольно успѣшно: къ 1865 г. правительство уплатило уже 127,239,000 флор, и всѣ надѣялись, а министръ финансовъ, графъ Ларишъ, былъ даже убѣжденъ, что не далѣе какъ въ слѣдующемъ же году валюта совершенно возстановится. Но наступившая война разрушила эти надежды. Нуждаясь въ деньгахъ, правительство пріостановило дѣйствіе банковаго закона и разрѣшило усиленный выпускъ бумажныхъ денегъ.—Произошла быстрая перемѣна: въ началѣ 1866 г. общая сумма банковыхъ билетовъ=337.923,886 флор. и лажъ на серебро стоялъ на 106¾, а въ іюлѣ въ обращеніи уже находилось на 361.770,471 флор. банковыхъ билетовъ и на 140.935,321 государственныхъ билетовъ, т. е. всего на 502.705,792 флор. бумажныхъ денегъ и лажъ на серебро поднялся до 128½% (398). По окончаніи войны, послѣ того, какъ финансы были «нѣсколько приведены въ порядокъ», австрійскій національный банкъ понизилъ дисконтъ и сталъ оказывать поддержку разнообразнымъ предпріятіямъ. Капиталъ и кредитъ направились отъ государственныхъ фондовъ къ промышленнымъ и спекулятивнымъ бумагамъ и значительно поддали жару учредительству. Когда средства уже были достаточно истощены, то въ самый разгаръ спекуляцій, а именно 13-го мая 1872 г. правительство, подъ давленіемъ дѣльцовъ и аферистовъ, опять пріостановило дѣйствіе банковаго закона, разрѣшивъ банку не стѣсняться при выпускѣ билетовъ нормою, опредѣленною § 14 устава, и производить щедрѣе, если найдетъ нужнымъ, учетъ векселей и ссуды подъ цѣнныя бумаги. Все это было очень неудачнымъ подражаніемъ Англіи, гдѣ въ затруднительныя минуты пріостанавливали законъ Пиля. Затрудненіе въ 1872 г. было вовсе не настолько велико и банкъ даже не просилъ о пріостановкѣ закона. Въ Англіи расширявшійся кредитъ все-таки обезпечивался промышленностью и торговлею; здѣсь же промышленность и торговля были далеко не такъ раз-

виты, а бо́льшая часть новыхъ предпріятій, для которыхъ собственно и расширялся кредитъ, висѣла въ воздухѣ или предназначалась преимущественно для биржевой игры (какъ, напримѣръ, маклерскіе банки). Эта недостаточная обезпеченность кредита дѣйствительною производительностью, эта зыбкая экономическая почва, въ связи съ безпорядочнымъ финансовымъ управленіемъ и политическимъ дуализмомъ, сказывалась въ Австріи и тогда, когда, нѣсколько времени спустя, она привела количество банковыхъ билетовъ въ довольно выгодное соотвѣтствіе съ металлическимъ обезпеченіемъ: имѣя въ обращеніи билетовъ не болѣе какъ на 300 мил. гульд., при металлическомъ фондѣ въ 136 мил. гульд., она тѣмъ не менѣе не внушала къ себѣ довѣрія. Это—лучшее доказательство односторонности тѣхъ теорій, которыя полагаютъ на металлическій фондъ слишкомъ большія надежды и недостаточно внимательны къ производительности. Мы говорили уже о помѣщеніи нѣмецкихъ капиталовъ (среди которыхъ австрійскіе занимали видное мѣсто) въ американскія бумаги. Это помѣщеніе, простиравшееся въ 1857 г. до нѣскольких сотъ мильйоновъ таллеровъ, продолжалось во все время междуусобной американской войны, а равно и послѣ войны. Нетолько охотно пристроивались капиталы въ союзныя облигаціи, но и въ другія бумаги, причемъ это пристроиваніе капиталовъ, производившееся преимущественно черезъ посредство франкфуртской биржи, само обратилось въ предметъ спекуляціи и давало комиссіонерамъ мильйоны. Конечно, во всемъ этомъ отчасти играла роль притягательная сила высокаго % на капиталъ, платимаго въ Америкѣ, но главнымъ образомъ руководила капиталами бо́льшая увѣренность въ американской производительности. Эта эмиграція нѣмецкихъ капиталовъ, происходившая въ то время, когда чувствовался недостатокъ капитала и въ Австріи, и въ Германіи, будучи знаменательна сама по себѣ, сопряжена была для нѣмецкихъ земель еще съ другого рода вредомъ: она шла рядомъ съ громадною эмиграціею населенія вслѣдствіе дурныхъ экономическихъ условій и политическаго гнёта. Послѣдній фактъ, между прочимъ, довольно наглядно показываетъ ходъ капиталистическаго процесса: съ одной стороны, промышленный прогрессъ, выражавшійся сосредоточеніемъ капиталовъ въ немногихъ рукахъ, размноженіемъ предпріятій и возроставшею суммою оборотовъ, сопровождался обѣднѣніемъ населенія, которое было вынуждено бросать отечество; а съ другой стороны, въ самомъ обѣднѣніи ясно можно было наблюдать процессъ отрѣшенія работника отъ условій труда: эмигрировало вовсе не наиболѣе бѣд-

ное населеніе, а населеніе, бывшее болѣе или менѣе достаточнымъ, самостоятельные ремесленники, которыхъ давила крупная промышленность и грозила перспективою пролетаріата. Кто могъ еще убѣжать—убѣгалъ, расчищая дорогу и ускоряя наступленіе новаго порядка, при которомъ въ государствахъ оставались только капиталисты и неимущіе рабочіе. Но, какъ бы тамъ ни было, а нѣмецкія государства, теряя капиталы, теряли и рабочую силу, теряли наиболѣе производительныхъ и технически подготовленныхъ работниковъ, которые, переселясь въ Америку, конечно, не мало гарантировали собою успѣхъ американской производительности; но, кромѣ того, они теряли еще потребителей и должны были, для уравновѣшенія своего производства со сбытомъ, или искать помѣщенія для своихъ продуктовъ на иностранныхъ рынкахъ, или же сокращать размѣры производства и пристроивать капиталы въ американскія и другія иностранныя бумаги. Вотъ при какихъ условіяхъ слагался кризисъ въ Германіи, и въ частности, въ Австро-Венгріи. Учредительство далеко превышало нетолько предѣлы дѣйствительной потребности въ предпріятіяхъ, но и размѣры имѣвшагося капитала и вскорѣ перешло въ биржевую игру, т. е. приняло острую форму борьбы между капиталистами безъ всякаго отношенія къ производительности. Все дѣлалось въ голову французской контрибуціи, которая дѣйствовала опьяняющимъ образомъ и должна была, не будучи на самомъ дѣлѣ настолько велика, осуществить, къ славѣ нѣмецкихъ земель, всѣ многочисленныя годныя и часто никуда негодныя предпріятія. Вотъ при какихъ условіяхъ расширялся и напрягался до послѣдней возможности кредитъ въ Австріи. Напрасно, черезъ нѣсколько времени, національный банкъ, обремененный сомнительными бумажными цѣнностями, закрылъ свои кассы и прекратилъ выдачу ссудъ подъ бумаги, эту мѣру обходили дутыми векселями, и вексельный портфёль его все утолщался и утолщался. Напрасно правительство, въ самомъ разгарѣ игры на повышеніе, пытается наложить узду на спекуляцію: напрасно министръ внутреннихъ дѣлъ не хочетъ разрѣшать болѣе одной публикаціи о концессіяхъ на учрежденіе новыхъ банковъ въ день—грюндеры осаждаютъ его настолько, что онъ соглашается на двѣ публикаціи въ день; напрасно министръ финансовъ намѣревается запретить выпускъ «молодыхъ акцій»—спекуляція прибѣгаетъ къ старымъ банковымъ концессіямъ и т. д.

Что касается до Америки, то, среди множества разнообразныхъ ея предпріятій, первое мѣсто занимали въ описываемую пору желѣзныя дороги, постройка которыхъ приняла въ особенности большіе размѣры по окончаніи междуусобной войны. Не

далѣе, какъ въ 1861 г., въ Америкѣ было желѣзныхъ дорогъ 33,860 миль, а къ 1873 г. ихъ уже насчитывалось 60,000 миль [1]. Если предположить, вслѣдъ за М. Виртомъ, что дороги стоили по 50,000 дол. за милю, то выйдетъ, что въ теченіи только 8 лѣтъ па нихъ было израсходовано болѣе 1,300 мил. дол. Не считая другихъ предпріятій и затратъ и присоединяя къ этому только расходы недавно окончившейся войны, образовавшей государственный долгъ въ 2,500 мил. дол., мы поймемъ, что подобныя затраты не могли дѣлаться изъ экономическихъ суммъ. И дѣйствительно: эти капиталы пріобрѣтались по большей части путемъ займовъ въ Англіи, Австріи, Пруссіи и другихъ странахъ, о чемъ отчасти мы только-что говорили. Въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ передъ кризисомъ по германскимъ, швейцарскимъ и англійскимъ биржамъ рыскали американскіе агенты, предлагая по самымъ дешевымъ цѣнамъ желѣзнодорожныя облигаціи. Нужно замѣтить, что американскія желѣзнодорожныя спекуляціи тѣснымъ образомъ переплетались съ спекуляціями на государственныя земли. «Конгрессъ осаждался цѣлымъ полчищемъ авантюристовъ», которые, получивъ концессію на дорогу, клянчили и, при помощи происковъ, добивались даровой уступки громадныхъ пространствъ земель, лежащихъ по сторонамъ вдоль полотна дороги.—Это выпрашиваніе производилось и въ штатахъ, въ общинахъ и графствахъ, которые также уступали принадлежавшія имъ земли въ видахъ предстоявшихъ работъ, поставки строительнаго матерьяла, подводъ и проч., за что предприниматели расплачивались по большей части акціями. Земли предназначались для продажи переселенцамъ: изъ Европы приглашались туристы прокатиться по дорогамъ, осмотрѣть живописныя и плодоносныя окрестности и рекомендовать ихъ въ газетахъ, а одновременно съ этимъ тамъ и сямъ раскидывалась цѣлая сѣть агентуръ для продажи земель. Насколько распространено было это заманиваніе переселенцевъ можно видѣть изъ того, что прусское правительство было вынуждено воспретить сельскимъ учителямъ принимать на себя роль такихъ агентовъ; а швейцарскому правительству одинъ предприниматель предлагалъ во Флоридѣ 80,000 дес. въ даръ съ условіемъ, чтобы оно направило свою эмиграцію въ эту сторону и отъ чего правительство отказалось. Конечно, подобными мѣрами эмиграція не задерживалась, и американскіе желѣзнодорожники быстро обдѣлывали свои дѣла. Многія дороги нетолько выстроились даромъ, но и нажили еще огромные барыши, такъ напр.: «Illinois Central K°», получивъ

[1] Въ апрѣлѣ 1876 г. въ Америкѣ было уже 74,183 мили желѣзныхъ дорогъ. Въ Европѣ въ то же время считалось 88,745 миль.

2,595,000 акр. земли, быстро распродала ее и выручила 24 мил. дол.; такимъ образомъ, постройка ей не стòила ни 1 цента, даже было много «нажито» и, сверхъ того, осталось еще 320,000 акр. непроданной земли и т. п. Въ какихъ громадныхъ количествахъ раздавались желѣзнодорожнымъ К° К° земли, можно видѣть изъ весьма обстоятельной статьи «Растрата общественныхъ земель американскимъ конгрессомъ», напечатанной въ № 5 «Отеч. Зап.» 1877 года. Въ продолженіи 20 лѣтъ, съ 1850—70 г., конгрессъ роздалъ такимъ образомъ желѣзнодорожникамъ 54,677,000 акр., но это, говоритъ авторъ, было только цвѣтики въ сравненіи съ тѣмъ, чтò было сдѣлано въ территоріяхъ. Въ 1862 г. двумъ К° К°, получившимъ концессіи на дорогу отъ р. Миссури къ Тихому Океану, было дано, сверхъ денежной субсидіи, по 12,000 акр. на милю пути, чтò составило, вмѣстѣ съ побочными линіями, до 32 мил. акр. Когда, по окончаніи этой дороги, составилась компанія для проведенія второго пути къ Тихому Океану на 6° сѣвернѣе, вдоль 48-й параллели, то, по случаю отказа въ денежной субсидіи, ей было дано по 25,000 акр. на милю или всего 47 мил. акр. Третья К° (вдоль 35-й параллели) получила 48 мил. акр. и четвертая, южная (вдоль 32 параллели)—21 мил. акр. Кромѣ того, послѣдняя К° получила отъ Тексаса 30 мил. акр., да сверхъ того дано было разнымъ колоніямъ по соединительнымъ линіямъ этихъ дорогъ въ штатахъ Айовѣ, Калифорніи и Орегонѣ—10,839,600 акр. Такимъ образомъ, четыремъ только дорогамъ къ Тихому Океану, изъ которыхъ послѣдующія линіи далеко не имѣли такого важнаго значенія, какъ первая, и руководились больше побочными цѣлями и соперничествомъ, которое скоро же перешло, разумѣется, въ соглашеніе—было роздано около 189 мил. акр., т. е. пространство равное Франціи, Бельгіи, Голландіи, Англіи и Шотландіи вмѣстѣ взятымъ. Но, кромѣ земель, многія дороги получили еще отъ правительства денежныя субсидіи по 25,000 дол. на милю. Раздавая лучшія земли, правительство создавало въ то же время крупное землевладѣніе, образцовъ котораго уже довольно много въ Америкѣ, создавало желѣзнодорожныя монополіи, поощряло биржевую игру и эксплуатацію публики.—Самыя исполненія предпріятій отличались крайнею непрочностью и были полны риска и плутень. Такъ, напр. фирма «Джей Кукъ и К°» приступила къ постройкѣ сѣверной дороги къ Тихому Океану, длиною болѣе 500 нѣмецкихъ миль, съ основнымъ капиталомъ въ 2 мил. дол., изъ которыхъ на лицо было не болѣе 10%; а дорогу изъ Сент-Джозефа въ Деньеръ-Сити, обошедшуюся въ 12 мил. дол., начали строить только съ 1,400 дол. Строились доро-

ги или на облигаціонный капиталъ, или на вырученныя суммы отъ продажи земли. Американскіе дѣльцы умѣли обдѣлывать дѣла и, сравнительно съ ихъ аферами, какъ замѣчаетъ М. Виртъ, дѣйствительно, «аферы нашего дѣльца Струсберга представляются просто ученическими шалостями». (385) Другія страны были гораздо менѣе причастны къ причинамъ, создавшимъ кризисъ: Франція не успѣла еще оправиться послѣ войны и уплаты контрибуціи, хотя для уплаты послѣдней и оттянула оттуда и отсюда много капиталовъ, т. е. косвенно участвовала въ ихъ экстренномъ перемѣщеніи; Англія, какъ бы припоминая 1866 г., неособенно выступала съ самостоятельными спекуляціями, хотя, черезъ посредство другихъ государствъ, въ особенности Америки, и ея капиталы принимали въ нихъ непосредственное участіе и т. п. Но теперь промышленный и торговый міръ такъ связанъ и перепутанъ въ своей дѣятельности, такъ одно государство солидарно съ другимъ, что каждое участвуетъ въ грѣхахъ другого и платится за эти грѣхи.—Въ Вѣнѣ, говоритъ М. Виртъ, уже въ сентябрѣ 1872 г. всѣ признаки кризиса были на лицо: смѣлыя спекуляціи, биржевая игра, легковѣріе публики и жажда быстраго обогащенія; роскошь, возроставшая до безумія (заплатить за одинъ билетъ на представленіе Патти — 300 — 500 гульд. было обыкновеннымъ дѣломъ), вздорожаніе цѣнъ нетолько на предметы роскоши, но и на сырьё, мясо, квартиры и проч., быстрыя колебанія дисконта, то падавшаго довольно низко, то поднимавшагося до 40%; высокій курсъ въ особенности игровыхъ бумагъ, причемъ «международныя спекуляціонныя бумаги и промышленные фонды поднимались на 200—500%». «Всѣ симптомы приближающагося кризиса совпали, и наступленіе послѣдняго можно было съ достовѣрностью предсказать», но для публики «явственно сказались они слишкомъ поздно». (396) Финансовые тузы начали отступленіе, разумѣется, заблаговременно, въ то время когда спекулятивное опьяненіе только доходило до своего апогея. (402) Уже въ октябрѣ 1872 г., австрійская государственная рента и другія солидныя правительственныя бумаги стали подниматься, что̀ было яснымъ признакомъ, что капиталъ началъ ретироваться въ болѣе безопасныя мѣста. Равнымъ образомъ, должно бы было дѣйствовать предостерегающимъ образомъ и ограниченіе размѣра кредита, и отказъ въ пріемѣ сомнительныхъ бумажныхъ залоговъ, начатые національнымъ банкомъ и чему вскорѣ стали слѣдовать другіе банки. Съ этого собственно и началась реакція. Банкамъ нужно было сбыть до 20 мил. бумажныхъ цѣнностей. Въ мартѣ (1873 года) потребовались еще платежи звонкою монетою за подвезенный

изъ-за границы хлѣбъ. Усиленное предложеніе бумагъ вызвало паденіе курсовъ, которое въ началѣ апрѣля уже приняло опредѣленное направленіе. Первые испытали затрудненіе маклерскіе банки, обремененные бумажными залогами въ количествѣ, вдесятеро превышавшемъ размѣры акціонернаго капитала: кліенты ихъ или скрывались, или прямо отказывались платить, и банки запутались въ собственныхъ сѣтяхъ. До конца апрѣля пошатнувшееся зданіе еще кое-какъ можно было поддерживать искуственно: «ожидавшееся открытіе всемірной выставки представлялось спекулянтамъ какимъ-то deus ex machina, долженствовавшемъ, какимъ-то невѣдомымъ доселѣ способомъ, положить конецъ всѣмъ казавшимся затрудненіямъ, и за эту надежду они хватались, какъ утопающій за соломенку». Но открылась 1 мая и выставка, а тучи, висѣвшія надъ Вѣной, нетолько не расходились, но все болѣе и болѣе сгущались: курсы не поднимались, тамъ и сямъ слышалось о банкротствахъ... Выставка точно показывала всю шаткость промышленности: промышленное торжество было рѣзкимъ диссонансомъ съ дѣйствительнымъ положеніемъ вещей. 8 мая было сдѣлано до 100 заявленій о несостоятельности; наконецъ, 9 мая, за нѣсколько дней до паденія Тьера, курсы рухнули разомъ и подали сигналъ къ наступленію кризиса. Смятеніе было самое полное и немедленно же отразилось въ Берлинѣ, Гамбургѣ, Франкфуртѣ, Лейпцигѣ, Бреславлѣ и другихъ городахъ, а равно и на биржахъ Англіи, Франціи, Италіи, Швейцаріи и Россіи. Но нигдѣ, за исключеніемъ Вѣны, до острыхъ проявленій кризиса дѣло еще не доходило. Даже въ Вѣнѣ, благодаря образовавшемуся «комитету вспомоществованія», выдававшему ссуды подъ залогъ бумагъ, не принимавшихся національнымъ банкомъ, и благодаря поддержкѣ со стороны послѣдняго и со стороны правительства, тревога даже стала было успокоиваться, какъ вдругъ, 20-го сентября, трансатлантическій телеграфъ принесъ извѣстіе о кризисѣ, разразившемся въ Нью-Йоркѣ. Оказалось, что банкротство крупной банкирской фирмы Джей Кукъ и К°, бывшей банкиромъ правительства и имѣвшей къ американскому казначейству самое близкое отношеніе, повлекло за собою паденіе другой большой фирмы «Фискъ, Гатчъ и К°» и грозило лондонскому дому Мэкъ-Кёллокъ. Передъ этимъ въ Америкѣ произошло нѣсколько мелкихъ банкротствъ, но на нихъ мало обращали вниманія; эти же банкротства вызвали цѣлую бурю въ американскихъ банкахъ, изъ которыхъ многіе вынуждены были закрыть свои кассы, а на биржѣ вскорѣ произошло такое смятеніе, что ее сочли за лучшее на нѣкоторое время закрыть. Мы уже сказали о томъ, что главною причиною кризиса въ Америкѣ были же-

лѣзнодорожныя спекуляціи и займы съ этою цѣлью въ Европѣ (обѣ обанкротившіяся фирмы прогорѣли на желѣзныхъ дорогахъ); къ этому отчасти присоединились еще громадные убытки, причиненные пожарами въ Бостонѣ и Чикаго. Желѣзнодорожныя спекуляціи тѣснѣйшимъ образомъ были связаны съ банками, которые, какъ мы видѣли выше, умѣли обходить новое банковое законодательство и опять не соблюдали установленныхъ послѣднимъ предосторожностей. Никто изъ нихъ не держалъ установленнаго закономъ minimum'а наличности [1]; всѣ они развили до громадныхъ размѣровъ операціи со вкладами и крайне неосторожно выдавали ввѣряемые имъ капиталы въ ссуду спекулянтамъ. Въ 1857 еще году узнали банки, какъ опасно выдавать безсрочные вклады подъ долгосрочные векселя. Но теперь они повторили то же самое: они почти все, что имѣли и что могли достать въ кредитъ въ Европѣ, роздали подъ залогъ желѣзнодорожныхъ облигацій. Когда наступали сроки и платежи не поступали, то ссуды возобновлялись, то есть, попросту переписывались.—Рынокъ былъ заваленъ желѣзнодорожными бумагами, а денегъ въ банкахъ не было. Между тѣмъ, многія желѣзныя дороги, начатыя безъ капитала или съ недостаточнымъ капиталомъ, сами нуждались въ дальнѣйшихъ средствахъ и обращались въ банки за дальнѣйшими ссудами, не говоря уже о вкладчикахъ, которые начали терять къ банкамъ довѣріе. Европейскіе капиталисты также уже съ недовѣріемъ смотрѣли на Америку: когда Джей-Кукъ, незадолго передъ кризисомъ, добился отъ конгресса порученія устроить заемъ въ 300 мил. доллар., то, несмотря на участіе въ образовавшемся синдикатѣ Ротшильда, заемъ этотъ не имѣлъ успѣха— по истеченіи 10-ти мѣсяцевъ собралось лишь 100 мил.! Обезпеченіе банковыхъ билетовъ, котораго требовало законодательство, состояло изъ союзныхъ облигацій и представляло такого рода обезпеченіе, которое не могло гарантировать торговлѣ, промышленности и предпріятіямъ во всякое время необходимыхъ средствъ обращенія, хотя правительство, выкупая облигаціи по частямъ, отъ времени до времени и снабжало рынокъ денежными сред-

[1] Банковое законодательство представляло въ этомъ отношеніи большую путаницу: minimum наличныхъ средствъ (въ видѣ золота, серебра и бумажныхъ денегъ—legal tender и гринбаковъ съ обязательнымъ курсомъ), который должны были держать банки, былъ опредѣленъ для 17 банковъ главнѣйшихъ городовъ союза въ 25% суммы обращающихся билетовъ и депозитовъ, а для остальныхъ національныхъ банковъ въ другихъ мѣстностяхъ—въ 15%, причемъ на усмотрѣніе послѣднихъ предоставлялось держать $^{3}/_{5}$ этой суммы у корреспондирующихъ съ ними 17 банковъ главнѣйшихъ городовъ, а эти послѣдніе, обязанные производить уплату по своимъ билетамъ въ одномъ изъ Нью-Іоркскихъ банковъ, могли держать $^{1}/_{2}$ своихъ запасовъ въ Нью-Іоркѣ.

ствами, предотвращая или, лучше сказать, отсрочивая такимъ образомъ наступленіе кризиса. Крушеніе было неизбѣжно. И какъ только одна желѣзная дорога оказалась несостоятельной, такъ банки стали строже относиться къ другимъ дорогамъ и стали строже требовать съ нихъ платежей; какъ только одинъ банкъ оказался несостоятельнымъ, такъ публика осадила и другіе банки. Такимъ образомъ, дошла очередь и до Джей-Кука и К° и затѣмъ до Фиска, Гатча и К° и другихъ. Послѣ одного изъ злополучныхъ и тревожныхъ дней, правительство сдѣлало распоряженіе выкупить государственныхъ облигацій на 10 мил. доллар. Финансисты считали эту мѣру вполнѣ достаточной, и биржа открылась въ спокойномъ настроеніи. Но не тутъ-то было: не прошло и получасу, какъ пришла вѣсть о пріостановкѣ платежей «Union Trust Company». «Не успѣла, говоритъ М. Виртъ:— обезумѣвшая отъ испуга толпа маклеровъ оправиться отъ этого удара, какъ пришло извѣстіе о томъ, что банкъ «of Commonwealth» пріостановилъ платежи, и въ числѣ многихъ другихъ слуховъ прошолъ слухъ о банкротствахъ фирмы Вандербильтъ.. «Тутъ казалось настали послѣдніе дни биржи, ни о какихъ курсахъ не было болѣе и рѣчи... самые скупые люди, торговавшіеся прежде по цѣлымъ часамъ изъ-за 1/4%, теперь старались перекричать другъ друга и сбавляли по 10 — 20%.. довѣріе совершенно исчезло, на многочисленныя пріостановки платежей маклерскими фирмами, о которыхъ возвѣщалось съ президентской эстрады, никто уже болѣе не обращалъ вниманія; въ помѣщеніи биржи стоялъ рёвъ и гулъ, и всякое подобіе порядка исчезло» (433). При такихъ то обстоятельствахъ, биржевое управленіе и рѣшило закрыть на время биржу и избрало комитетъ для предупрежденія несчастія. Но напрасно Clearing House Association старалась выпутаться изъ затрудненія путемъ самопомощи капиталистовъ, напрасно избранный комитетъ выпустилъ сначала на 10 и затѣмъ еще на 12 доллар. своихъ свидѣтельствъ и принималъ разныя другія мѣры—банкротства продолжались. Изъ провинцій приходили самыя печальныя вѣсти. Президентъ и министръ финансовъ со всѣхъ сторонъ осаждались просьбами и депешами, умолявшими ихъ положить конецъ паникѣ и выпустить въ обращеніе такъ называемый резервный фондъ гринбаковъ (въ 44 мил. дол.), составившійся изъ гринбаковъ, извлеченныхъ изъ обращенія. Не соглашаясь на это, правительство, однако, разрѣшило нью йоркскому отдѣленію государственнаго казначейства на имѣвшіяся у него средства начать новый выкупъ государственныхъ облигацій. Мѣра эта подѣйствовала успокоительно, но ея вскорѣ оказалось мало: съ субботы до среды отдѣленіе каз-

начейства израсходовало до 12 мил. дол. и истощило свою кассу. Министръ телеграфировалъ о пріостановкѣ закупки облигацій. Между тѣмъ, банкротства продолжались, и нужда въ деньгахъ увеличивалась: въ Нью-Йоркъ прибывали хлѣбъ съ запада и хлопокъ съ юга; товары складывались, въ ожиданіи отправки въ Европу, а отправлять было не на что, переводные же векселя не шли. Торговый міръ, въ свою очередь, обратился къ правительству съ просьбою. Общее положеніе дѣлъ было настолько печально, что правительство объявило о готовности немедленно же уплатить, со скидкою 6%, 13½ мил. золотомъ изъ процентовъ государственнаго долга, срокъ которымъ истекалъ 1-го ноября. Это, въ связи съ посылками золота изъ Англіи (которыя, посылаясь по частямъ, составляли уже до 20 мил. дол.), мало помалу успокоило умы и стало успокоивать волненіе. Но кризисъ далеко не прекратился и продолжался еще очень долго, перейдя съ биржи на фабрики. Clearing House прежде всего должна была употребить полученныя суммы на извлеченіе изъ обращенія выпущенныхъ на 22 мил. дол. временныхъ свидѣтельствъ. Затыкая старыя дыры, торговля и промышленность испытывали затрудненіе относительно текущихъ платежей. Цѣны на товары значительно упали: хлопокъ на 20%, пшеница на 13 цент. съ мѣры, мануфактурные товары нельзя было совсѣмъ сбыть съ рукъ даже со скидкою въ 25% и болѣе и т. д. Фабрики всюду или совсѣмъ отпускали рабочихъ, или значительно сокращали ихъ число. Желѣзныя дороги, какъ старыя, такъ и новыя, пріостановили свои постройки и даже необходимыя ремонтныя работы. Въ одномъ Нью-Йоркскомъ Штатѣ осталось безъ работы до 182,000 рабочихъ. Въ другихъ штатахъ было отпущено отъ ½ до ⅔ рабочихъ. Банкротства продолжались своимъ чередомъ: 4-го ноября техасско-калифорнская строительная Компанія прекратила платежи съ 7 мил. дол. пассива; 15 ноября 15 желѣзнодорожныхъ обществъ оказались несостоятельными и т. д. Общее число банкротствъ, происшедшихъ въ 1873 году въ Америкѣ, простиралось до 5,183 съ пассивомъ въ 228.199,000 дол., изъ которыхъ 92.635,000 дол. приходилось на одинъ Нью-Йоркъ.

Одновременно со всѣми этими исторіями, происходили не менѣе печальныя исторіи и въ Европѣ. Сдѣлавъ рикошетъ, кризисъ возвратился назадъ съ двойною силою: въ Вѣнѣ, въ концѣ сентября, убытки, понесенные на однихъ только курсахъ бумагъ, опредѣлялись въ 607.618,235 фл. При этомъ, не мѣшаетъ замѣтить, что въ этотъ разсчетъ не вошли еще потери на рентахъ, пріоритетахъ и закладныхъ листахъ. Въ Берлинѣ паденіе курсовъ было не менѣе значительно: съ апрѣля къ 10 октября акціи различ-

ныхъ предпріятій упали съ 380 до 78, съ 110 до 41, съ 123½ до 37, съ 216¾ до 32 и т. д. Но кризисъ 1873 года, будучи, по происхожденію своему, чисто биржевымъ кризисомъ, былъ въ сущности «острою экономическою болѣзнью, вызванною чрезмѣрнымъ усердіемъ учредительства по части всякихъ акціонерныхъ обществъ», болѣзнью, которая «обусловила перемѣщеніе извѣстной части капитала и переманила какъ средства производства, такъ и рабочихъ изъ старыхъ, прочно установившихся отраслей производительной дѣятельности въ новоосновання предпріятія, изъ которыхъ извѣстная часть, вслѣдствіе перецѣнки свободныхъ средствъ денежнаго рынка, вынуждена была прекратиться» (466). А потому кризисъ съ биржи перешелъ, разумѣется, на предпріятія, уничтожая изъ новыхъ наиболѣе шаткія и изъ старыхъ—наиболѣе ослабленныя. Началось въ Германіи крушеніе съ Квистропскаго банка, основаннаго по образцу Crédit mobilier и сосредоточившаго вокругъ себя массу промышленныхъ обществъ, отличавшихся по преимуществу спекулятивнымъ характеромъ. Затѣмъ «два мѣсяца послѣ этого продолжалось крушеніе однихъ предпріятій за другими: трещали нетолько желѣзнодорожныя общества, банки и строительныя компаніи, но и большія фабрики, на которыхъ кризисъ отзывался еще пагубнѣе, нежели на какихъ-либо другихъ предпріятіяхъ... Вслѣдъ за Берлиномъ дошла очередь до Мемеля, Гёрлица, Познани, Кёнигсберга, Бреславля, Глогау, Грюнберга, Дрездена, Хемница, Пирны, Лейпцига, Магдебурга, Штетина; въ Гамбургѣ, Эссенѣ, Кёльнѣ, Мюльгаузенѣ, Мюнхенѣ, Эрфуртѣ и другихъ мѣстахъ происходили банкротства» (451). Въ Австріи должны были ликвидировать дѣла: 40 банковъ съ капиталомъ около 140 мил. гульд.; 6 страховыхъ обществъ съ капиталомъ болѣе 5 мил.; 18 строительныхъ обществъ съ капиталомъ около 65 мил. гульд. и подверглись конкурсу: 8 банковъ, 2 страховыя общества, 1 желѣзнодорожная компанія и 7 промышленныхъ предпріятій съ капиталомъ въ общей сложности въ 22.600,000 гульд. Въ Венгріи лопнуло 10 банковъ съ капиталомъ въ 33 мил. гульд., два промышленныя предпріятія съ капиталомъ въ 800,000 гульд. и т. д. Тамъ и сямъ слышалось о кражахъ, о поддѣлкахъ векселей и прочихъ мошенничествахъ. Въ особенности отличалась въ этомъ отношеніи Германія (452). Тамъ и сямъ фабрики отпускали рабочихъ. Кризисъ не замедлилъ отразиться: на Франціи—паденіемъ курсовъ, застоемъ въ дѣлахъ и безработицей; на Италіи—скопленіемъ товаровъ, пріостановкою въ торговлѣ, крайнею нуждою въ деньгахъ и паденіемъ курсовъ; на Россіи—пониженіемъ цѣнъ на отпускны товары, паденіемъ курсовъ и банкротствами въ Москвѣ

и въ Одессѣ; на Англіи—паденіемъ курсовъ, уменьшеніемъ заработной платы и прекращеніемъ работъ на горныхъ заводахъ и въ каменноугольныхъ копяхъ, вздорожаніемъ пшеницы на 10% и мяса на 12% и сильнымъ пониженіемъ цѣнъ на другіе товары [1]; на Александріи, въ Египтѣ—прекращеніемъ платежей 25 фирмами; въ Нидерландахъ—сильнымъ паденіемъ курсовъ и раззореніемъ множества частныхъ лицъ, такъ же какъ и въ другихъ случаяхъ, «не принадлежавшихъ къ торговому сословію и слѣпо довѣрившихъ свое состояніе комиссіонерскимъ фирмамъ» (476); на Южной Америкѣ — многочисленными банкротствами и застоемъ въ дѣлахъ; на Швеціи — колебаніемъ курсовъ и т. д. Словомъ, кризисъ не оставилъ почти ни одного изъ европейскихъ государствъ. Общая потеря на однѣхъ только бумагахъ, по разсчету берлинскаго биржевого комитета, простиралась отъ 4 до 5 мильярдовъ таллеровъ.

Ни въ одинъ изъ прежнихъ кризисовъ, говоритъ М. Виртъ, не обнаружилось столько похищеній, обмановъ и кражъ. Никогда еще проявленія отчаянія не проявлялись съ такою силою: въ Вѣнѣ, «въ день великаго краха многіе представители биржевой кулисы хватали тузовъ финансоваго міра за горло и съ воплемъ смертельнаго ужаса требовали назадъ свое добро, котораго они лишились». «Бурныя сцены, которыя разыгрывались на вѣнской биржѣ, говоритъ другой писатель:—имѣли почти революціонный характеръ; никакое описаніе не можетъ дать понятія о взрывѣ бѣшенства, которому предавались пострадавшіе.» (Нейвартъ). Ни въ одномъ изъ прежнихъ кризисовъ не оставалось безъ занятій такого значительнаго числа лицъ, служащихъ при комерческихъ предпріятіяхъ и рабочихъ: «въ Берлинѣ и Вѣнѣ служащіе при банкахъ бродили цѣлыми тысячами безъ дѣла, и еще въ мартѣ 1874 г. одинъ изъ этихъ несчастныхъ упалъ безъ чувствъ на улицѣ потому что... уже 8 дней ничего не ѣлъ». Ни въ одномъ изъ прежнихъ кризисовъ не произошло такого громаднаго количества самоубійствъ, начиная отъ директора банка и кончая простыми рабочими, отъ биржеваго спекулянта и до генерала, увѣнчаннаго лаврами (фонъ-Габленцъ во Франкфуртѣ на Майнѣ), «никогда еще столько жениховъ и невѣстъ, у которыхъ катастрофа похитила ихъ надежды, не искали утѣшенія въ смер-

---

[1] Шотландское невыдѣланное желѣзо упало на..... 35,9%
Каменный уголь.................................. 29,9
Чилійская мѣдь.................................. 14,2
Олово... 35,1
Хлопокъ... 22,2
Колоніальный сахаръ............................. 12,8

ти». (484) Самоубійства принимали эпидемическій характеръ. «Впрочемъ, добавляетъ М. Виртъ:—не всѣ относились къ постигшей ихъ участи такъ трагически: нѣкоторые биржевые плуты разыгрывали комедію самоубійства, оставляя старыя платья на перилахъ какого-нибудь моста, и удирали, переодѣвшись въ новое платье, за-границу».

Отмѣтивъ наиболѣе существенныя черты кризисовъ, мы попытаемся теперь сгрупировать ихъ, насколько это возможно. Прежде всего можно видѣть слѣдующее: что такія бѣдствія, какъ неурожайные годы, большіе пожары и т. п., посѣщаютъ человѣчество сравнительно рѣдко и никогда почти не являются единственною и исключительною причиною кризисовъ, а дѣйствуютъ обыкновенно совокупно съ другими причинами и являются скорѣе только обстоятельствомъ, усиливающимъ кризисъ или ускоряющимъ его наступленіе въ разстроенномъ уже и расшатанномъ народномъ хозяйствѣ (напримѣръ: голодъ 1846 въ Ирландіи); что весьма рѣдко такого рода бѣдствія распространяются въ пространствѣ и времени настолько, чтобы бѣдствія одной отрасли хозяйства, одной страны, одного неурожайнаго года или ряда годовъ не могли быть уравновѣшены избытками другихъ отраслей хозяйства, другихъ странъ и другихъ урожайныхъ годовъ, и что, наконецъ, при бо̀льшей внимательности человѣчества, онѣ въ значительной степени могли бы быть предупреждаемы и отклоняемы: пожары въ Чикаго и Бостонѣ, причинившіе такіе большіе убытки, значительно зависѣли отъ непредусмотрительности при постройкахъ и недоброкачественности самыхъ построекъ; неурожаи хлѣба гораздо больше зависятъ отъ истощенія почвы, чѣмъ отъ атмосферныхъ вліяній, по крайней мѣрѣ, страны съ высокою культурою подвергаются имъ гораздо рѣже, чѣмъ страны съ хищническою культурою; знаетъ также человѣчество средства противъ избытка почвенныхъ водъ, засухъ, противъ нѣкоторыхъ болѣзней растеній и т. п., а отъ того, чего еще не знаетъ и что̀ не можетъ предупреждать заранѣе, возможно страхованіе, которое можетъ быть нетолько мѣстнымъ, областнымъ и государственнымъ, но и международнымъ. Гораздо больше причиняютъ вреда и нарушаютъ экономическое равновѣсіе другого рода бѣдствія: войны, раззорительные налоги, привилегіи, монополіи, дурная организація кредита и производства и вообще дурной экономическій строй.

Войны всегда оставляютъ глубокія раны на народномъ хозяй-

ствѣ, и, какъ бы промышленность послѣ усиленно ни работала, ей никогда уже не возвратить народу того, что поглощено войной: кромѣ разрушенныхъ городовъ и фабрикъ, сожженныхъ селъ, истребленныхъ посѣвовъ, кромѣ пріостановки торговли, потерь людьми и отвлеченія работниковъ отъ производительной дѣятельности, теряются безвозвратно громадные капиталы на пушки, порохъ, военныя суда, крѣпостныя сооруженія и проч. Англія, израсходовавъ на войну съ Франціей до 50 мильярдовъ франк., была въ началѣ нынѣшняго столѣтія въ самомъ критическомъ положеніи и, еслибы не благопріятное стеченіе обстоятельствъ, то ей, конечно, такъ легко не выйдти бы изъ затрудненія. Франко-прусская война стоила Франціи 10 мильярдовъ франк. заставила ее сдѣлать однихъ внѣшнихъ займовъ на 9,287 мил. франк., взвалила на націю, въ видѣ налога, «добавочное ежегодное бремя въ 764 мил. франк.», вслѣдствіе чего бюджетъ ея, въ 1874 возросъ до 2,526 мил. франк. и, въ связи съ другими причинами спекулятивнаго характера, вызвала крайне бѣдственное состояніе [1].

[1] Послѣдствія войны обнаружились не сразу: онѣ нѣкоторое время маскировались усиленнымъ кредитомъ, временнымъ возбужденіемъ промышленности и сказались только въ 1874 г., когда наступилъ тяжелый кризисъ. Фабрики и мастерскія распускали рабочихъ тысячами. Правительство обращалось къ парижскимъ и окрестнымъ фабрикантамъ съ приглашеніемъ продолжать работы, обѣщая имъ со стороны государства заказы. Лучшіе работники эмигрировали въ Англію и Америку или отправлялись въ Мецъ и тамъ работали *за счетъ прусскаго короля* надъ постройкою укрѣпленій. Торговля совсѣмъ почти стала. Въ Парижѣ три тысячи банкротствъ стояли на очереди и не объявлялись только потому, что кредиторы давали отсрочку. Сальная свѣча, прежде употреблявшаяся развѣ только въ подвалахъ, у бочаровъ, вытѣснила во многихъ хозяйствахъ стеариновую, которая стала слишкомъ дорога «для людей, употреблявшихъ, вмѣсто вина, смѣшанные напитки, вмѣсто сахара—патоку и иногда вмѣсто хлѣба — картофель». (479) Съ юга и сѣвера приходили подобныя же извѣстія: въ Ліонѣ сажали рабочихъ на половинные рабочіе часы или отпускали совсѣмъ; въ Сент-Этьенѣ, Вогезахъ и другихъ мѣстахъ тоже самое; въ Сен-Мартенѣ, Реми и сосѣднихъ мѣстностяхъ стояли праздно 2/3 желѣзныхъ заводовъ; въ Лонгви фабрикація чугуна также сократилась; въ Бургундіи винодѣліе почти совсѣмъ стало; въ Аннеси, въ Савойѣ, до 732 семей (при населеніи въ 12 т. душъ) содержались благотворительностью и т. д.

Франція, говоритъ М. Виртъ, не участвовала въ излишествахъ спекуляціи, породившихъ кризисъ 1873 г: «ей приходилось расплачиваться за одну изъ самыхъ безумныхъ спекуляцій... за политическую ошибку объявленія войны Германіи». (477) Хотя войнѣ, дѣйствительно, принадлежитъ главная роль въ дѣлѣ кризиса, но несомнѣнно, что въ немъ принимали участіе и другія причины: Франція въ 1870 г. представляла *арену, на которой процвѣтала спекуляція*, парижская биржа была *такимъ очагомъ свѣта*, на который слетались изъ сосѣднихъ странъ мошки обжигать себѣ крылья; устроивалось множество акціонерныхъ обществъ нетолько въ предѣлахъ Франціи, но и въ другихъ странахъ (напримѣръ Crédit foncier Suisse, испанскій поземельный банкъ и другіе—всѣ покончившіе на скамьѣ подсудимыхъ); послѣ войны начались

Еслибы сосчитать, сколько израсходовано Европою на войны одного только послѣдняго двадцатипятилѣтія со всѣми причиненными ими убытками и со всѣми тѣми громадными военными приспособленіями, которыя тамъ и сямъ сдѣланы, въ ожиданіи будущихъ столкновеній, то, конечно, получились бы итоги въ сотни мильярдовъ. Подобные расходы не могутъ дѣлаться, не истощая народнаго хозяйства, и если не сопровождаются кризисами въ острой формѣ, то, конечно, служатъ имъ посредствующею причиною и усложняютъ ихъ. Кромѣ этихъ общихъ послѣдствій, войны обыкновенно отвлекаютъ капиталъ отъ производства и нерѣдко заставляютъ промышленность принять иное, примѣнительное къ военнымъ потребностямъ, направленіе, при чемъ послѣ войны промышленность должна бываетъ снова возвратиться въ старое русло. А подобные переломы и переприспособленія промышленности чрезвычайно затруднительны и дороги.

Совершенно такое же давленіе на народное хозяйство производитъ и спекуляція, эта застрѣльщица капиталистическаго процесса: она нетолько переводитъ рабочихъ и переноситъ капиталы, занятые въ производствѣ, въ предпріятія, нерѣдко оказывающіяся несостоятельными, но и очень часто, совершенно такъ же, какъ и война, непроизводительно растрачиваетъ капиталы (расхищая ихъ и уничтожая непроизводительнымъ потребленіемъ, обращая ихъ въ мертвое состояніе и т. п.), точно также, только мирнымъ путемъ, беретъ контрибуціи съ экономически-побѣжденныхъ и истребляетъ рабочихъ голодомъ и болѣзнями. Разница заключается только въ томъ, что войны, неурожаи и т. п. бѣдствія представляются явленіями спорадическими, до извѣстной степени стихійными, внѣшними и причиняющими вредъ очевиднымъ для всѣхъ образомъ; а спекуляція дѣйствуетъ постоянно, расхищеніе и растрата капиталовъ совершаются по большей части внутри самого общества, стремясь принять международный характеръ (хотя зачастую при этомъ одно государство эксплуатируетъ другое) и замаскироваться въ самую благовидную форму. Въ общемъ итогѣ, удары, наносимые народному благосостоянію спекуляціей, больше и тяжелѣе ударовъ, наносимыхъ войнами: опустошенія, производимыя большими кризисами, соперничаютъ съ опустошеніями, производимыми наиболѣе истребительными войнами; наконецъ, за это достаточно говоритъ уже одно то соображеніе, что спекуляція дѣйствуетъ постоянно.

новыя спекуляціи; наконецъ, Франція косвеннымъ путемъ участвовала въ спекуляціяхъ другихъ странъ и, конечно, не могла при международной солидарности, не подвергнуться вліянію такого большого кризиса, какъ кризисъ 1873 г.

Она въ особенности оживляется въ періоды, благопріятные торговлѣ и промышленности, напримѣръ, по заключеніи мира, въ эпохи великихъ изобрѣтеній, при введеніи желѣзныхъ дорогъ и т. п. (200); но и въ обыкновенное время постоянно замѣчается бо̀льшее или мѐньшее оживленіе, смѣняющееся послѣ кризиса охлажденіемъ. «Въ торговлѣ и промышленности, говоритъ М. Виртъ:—такая смѣна періодовъ чрезмѣрнаго возбужденія періодами ослабленія и обратно происходитъ съ большою правильностью» (200). Кризисы наступаютъ, приблизительно, черезъ 10 лѣтъ (1815 г. 25, 36, 47, 57 г.), которые, такимъ образомъ, представляютъ собою промышленный циклъ, въ теченіи котораго промышленность и торговля послѣдовательно перебываютъ въ состояніи посредственной жизненности, процвѣтанія, избыточнаго производства, кризиса и застоя. Но эта правильность весьма часто нарушается, такъ сказать, экстренными кризисами, возникающими вслѣдствіе какихъ либо особыхъ условій, и многочисленными частными затрудненіями, происходящими въ отдѣльныхъ государствахъ и въ особенности въ отдѣльныхъ отрасляхъ промышленности. Такъ, напримѣръ, англійская хлопчатобумажная промышленность съ 1815 по 21 г. находилась въ состояніи застоя; въ 1822—23 гг. процвѣтала; въ 1824 г. строила множество фабрикъ; въ 1825 и 26 г. испытывала кризисъ и ужасную нищету; съ 1827—29 гг.—улучшеніе; въ 1830—переполненный рынокъ и сильная нужда, продолжающаяся до 1832 г; съ 1834—по 36 улучшеніе и процвѣтаніе; въ 1837—38 гг.—кризисъ; въ 1839—оживленіе; въ 1840—сильное стѣсненіе; въ 1841—43 г.—ужасныя страданія рабочихъ, нищета; съ 1844—46 г.—улучшеніе; въ 1847 — кризисъ, продолжающійся до 1849 г; съ 1849 — 50 г. — процвѣтаніе; въ 1851 — стѣсненное положеніе, пониженіе заработной платы; въ 1852 г. — улучшеніе; въ 1853 — вывозъ увеличивается, сильная нищета въ Престонѣ; въ 1854 — 56 г. — процвѣтаніе и переполненіе рынка; въ 1857 г. — кризисъ; въ 1858 — 60гг. — улучшеніе, процвѣтаніе и переполненіе рынковъ, затѣмъ американская гражданская война, недостатокъ хлопка и въ 1862 — 63 г. — полное крушеніе [1]. Кризисъ 1873 г. вызвалъ въ Америкѣ 5,183 банкротства, но число банкротствъ весьма значительно и въ обыкновенные годы: такъ, въ 1871 г. Америка насчитывала ихъ до 3,000, а въ 1872 году болѣе 4,000 (148); въ 1872 же году было 1,250 банкротствъ въ Австріи, а въ Россіи былъ банковый кризисъ; въ 1874 г. былъ кризисъ во Франціи и т. п. Словомъ—кризисы наполняютъ

---

[1] Капиталъ К. Маркса, стр. 400—401.

собою и промежуточные годы и происходятъ тамъ и сямъ почти постоянно. Спекуляція зорко присматривается и чутко прислушивается къ народнымъ сбереженіямъ и, еле они успѣютъ образоваться, немедленно же переводитъ ихъ въ бездонные карманы своихъ представителей. Обыкновенно страдаютъ частныя лица, преимущественно мелкіе собственники, мелкіе акціонеры, вкладчики, владѣльцы бумагъ, въ которыхъ они помѣщаютъ свои сбереженія. Въ отношеніи выманиванія и эксплуатаціи мелкихъ капиталовъ спекуляція дѣлаетъ все бо̀льшіе и бо̀льшіе успѣхи: бумаги различныхъ предпріятій назначаются по возможно доступной цѣнѣ, при взносахъ допускаются разсрочки; банкиры и маклера за умѣренный коммиссіонный % даютъ возможность пріобрѣтать съ разсрочкой большое количество бумагъ и проч. М. Виртъ подробно объясняетъ, какимъ образомъ финансовые тузы и спекулянты, живущіе подлѣ биржъ, знающіе биржевыя тайны и получающіе быстро извѣстія, эксплуатируютъ мелкую сошку, людей непосвященныхъ въ биржевое искуство, и провинціальную публику, во всѣхъ случаяхъ и по преимуществу оказывающуюся «дойною коровою» (387). Спекуляція демократизируется, приспособляясь къ самымъ мелкимъ состояніямъ: когда обанкротился въ 1857 г. западный шотландскій банкъ съ его 98 отдѣленіями, то пострадало множество рабочихъ, помѣщавшихъ въ него свои сбереженія (270); право выпуска мелкихъ билетовъ, которые могли бы обращаться среди рабочаго населенія, было предметомъ постоянныхъ желаній и домогательства банковъ; устроенный въ 1873 г. Ланграномъ-Дюмонсо банкъ для сельскаго кредита послужилъ средствомъ для обмана множества поселянъ Бельгіи и Австро-Венгріи (354); такимъ же образомъ г. Плахтъ выманилъ сбереженія 1,600 бѣдняковъ, «въ числѣ которыхъ было много сиротъ и вдовъ» (394); кооперативныя товарищества—кредитныя, сырьёвыя и проч.—усвоиваютъ все болѣе и болѣе акціонерную организацію, втягивая въ водоворотъ спекуляціи и рабочихъ. Люди, при помѣщеніи своихъ сбереженій, руководствуются, къ сожалѣнію, больше высотою обѣщаемаго %, чѣмъ солидностью помѣщенія; людей, у которыхъ алчность преобладаетъ надъ разумомъ, къ сожалѣнію, очень много, а въ періоды спекулятивнаго возбужденія страсть къ легкой наживѣ становится настоящею общественной маніей, настоящею болѣзнью, охватывая собою людей даже наиболѣе осторожныхъ: г. Плахтъ и г-жа Шпицэдеръ, обѣщавшіе первый 40% и вторая 20% на вклады и нѣкоторое время платившіе такіе %% не изъ дѣйствительныхъ, разумѣется, прибылей, а изъ послѣдующихъ вкладовъ, находили многочисленныхъ кліентовъ. Та-

кимъ образомъ, страдаютъ отъ кризисовъ не одни только зарвавшіеся спекулянты, а и тѣ, кто скопилъ себѣ на старость небольшую сумму. Но это, все-таки, еще не настоящія, не главныя жертвы кризисовъ. Еслибы все дѣло ограничивалось только страданіемъ какихъ нибудь вдовъ, потерявшихъ, въ погонѣ за высокимъ %, свой капиталецъ, или какихъ нибудь парочекъ, не могущихъ безъ капитала повѣнчаться, то это было бы еще неособенно большимъ несчастіемъ, такъ какъ тѣхъ и другихъ сравнительно немного. Настоящею жертвою кризисовъ становятся рабочіе, не отдѣльныя личности изъ рабочаго класса, могущіе нѣчто откладывать и сберегать, а рабочіе классы вообще—этотъ злополучный экономическій Макаръ, на котораго валятся всѣ шишки. Каждый кризисъ непремѣнно является прецедентомъ для пониженія заработной платы: все, что успѣли рабочіе оттянуть отъ капиталиста упорною борьбою, посредствомъ стачекъ, рабочихъ союзовъ и усиленнаго труда, вся прибавка заработной платы смарывается кризисомъ, какъ мѣлъ губкою. Каждый кризисъ всегда сопровождается пріостановкою работъ и нищетою. Въ Англіи, послѣ кризиса 1815 г. во всѣхъ отрасляхъ промышленности осталось множество работниковъ безъ занятій, даже среди сельскаго населенія слышались жалобы на безработицу, и жалобы эти доходили въ парламентъ. Бѣдняки «оставляли свои жилища, цѣлые приходы опустѣли, и толпы несчастныхъ становились все многочисленнѣе по мѣрѣ того, какъ подвигались отъ одного прихода къ другому и влачили за собою свое безграничное убожество»; во многихъ мѣстностяхъ происходили безпорядки и призывалась военная сила для усмиренія (72). Въ 1825 г. опять повторялись тѣ же ужасныя сцены нищеты и голодныхъ возмущеній, противъ которыхъ опять призывались войска (89). Въ 1837—39 г. рабочіе также сильно страдали. Въ 1846 г., когда цѣны на жизненные припасы возросли вдвое и втрое—половина и даже треть рабочихъ были отпущены (156); отовсюду слышалось о прекращеніи работъ на фабрикахъ и по постройкѣ желѣзныхъ дорогъ; въ одномъ Ланкаширѣ 10,000 человѣкъ остались безъ дѣла (163). Число бѣдныхъ увеличилось на сотни тысячъ, и нужда продолжалась въ 1847 и 1848 гг. Въ Америкѣ: въ 1814 г. фабрики останавливались, рабочіе отпускались, заработокъ прекратился; въ 1837 г. «тысячи людей бродили по улицамъ безъ куска хлѣба» (113); въ 1839 г. было почти тоже самое. Въ 1857 г., во многихъ государствахъ, которыя обошолъ кризисъ, работы были пріостановлены: въ Америкѣ, въ однихъ только портовыхъ городахъ и фабричныхъ округахъ внутри страны, 100,000 человѣкъ взрослыхъ остались безъ за-

нятій, понеся убытокъ въ теченіи только 4-хъ мѣсяцевъ въ 12 мил. дол. (265); въ Нью-Йоркѣ до 30,000 человѣкъ работниковъ были въ самомъ несчастномъ положеніи (266); въ Англіи послѣдовало «всеобщее прекращеніе работъ», причемъ въ рудникахъ осталось 30,000 человѣкъ безъ дѣла, въ хлопчато-бумажныхъ округахъ 390,000 человѣкъ работали только по 36 часовъ въ недѣлю, что̀ причинило имъ потерю въ заработной платѣ въ 3 мѣсяца — 1.064,700 фунт. стер.; въ шерстяной и шолковой промышленности потери были «гораздо значительнѣе» (276); въ желѣзномъ дѣлѣ, по свидѣтельству газеты «The Staffordshire Advertiser», въ одинъ только день, 31-го декабря, стало 69 заводовъ и 28,000 человѣкъ остались безъ занятій; въ Шотландіи, на 41-мъ заводѣ были погашены горны и было отпущено 16,000 человѣкъ; въ Нижнемъ Уэльсѣ четвертая часть заводовъ была закрыта, а въ остальныхъ заработная плата повсемѣстно понижена на 20%; въ Бирмингэмѣ работы производились только въ теченіи 2—3 дней въ недѣлю; въ Йоркширѣ, Дёргэмѣ и другихъ округахъ происходило тоже самое, т. е. или вовсе прекращались работы, или понижалась заработная плата, или сокращалось рабочее время и вмѣстѣ съ тѣмъ, разумѣется, и заработная плата (277). Въ Швейцаріи только въ двухъ производствахъ—часовомъ и шолковомъ — нѣсколько тысячъ человѣкъ остались безъ дѣла, а слѣдовательно и безъ средствъ существованія (307). Въ Пруссіи, Саксоніи, Австріи и другихъ странахъ происходило приблизительно тоже самое (308). Во время лондонскаго кризиса 1866 г. значительное число фабрикъ закрылось, а другія посадили рабочихъ на половинные рабочіе часы (315). Въ 1873 г. «число рабочихъ, оставшихся безъ хлѣба было по истинѣ ужасающее», говоритъ М. Виртъ (433). Въ Америкѣ, съ конца октября столбцы газетъ были переполнены перечнями фабрикъ, пріостанавливавшихъ работы или вводившихъ уменьшенную заработную плату. Одна бумагопрядильная и ситцевая фабрика фирмы Спрэгъ и К° выкинула на улицу до 10,000 человѣкъ. Совершенно прекратили работы: гармонійская бумагопрядильня, дётческая ситцевая фабрика Гарнера и К° и фабрики той же фирмы въ Ньюренбергѣ, Говерстроу, Рочестерѣ и Плизэнтъ-Валли; многія желѣзныя дороги; фабрика стильманской мануфактурной К° въ графствѣ Уэстерли; всѣ желѣзные заводы въ Тройѣ и Нью-Йоркѣ и т. д., и т. д. Съ Запада, Востока и изъ Среднихъ Штатовъ приходили подобныя же извѣстія. Въ Дерси и Гобкенѣ было отпущено до 5,000 рабочихъ, въ Филадельфіи—до 25,000, даже верфи въ Портсмутѣ отпустили рабочихъ. Заработная плата вездѣ уменьшилась на 20, 30 и 50%.

Въ одномъ Нью-Йоркскомъ Штатѣ насчитывалось до 182,(человѣкъ однихъ только членовъ рабочихъ союзовъ, оставшиі безъ работы, а въ самомъ Нью-Йоркѣ до 10,000 человѣкъ бродили по улицамъ, питаясь благотворительностью; одинадцать фабрикъ, занимавшія 26,200 человѣкъ, теперь давали работу только 5,950 человѣкамъ. Требованія помощи отъ благотворительныхъ учрежденій «возростали въ необычайной пропорціи» (443). Въ Англіи, Германіи, Австріи и другихъ государствахъ происходили подобныя же явленія: на суконныхъ фабрикахъ Силезіи «многія тысячи рабочихъ находились въ крайне затруднительномъ положеніи» (453); въ теченіи только 2-хъ мѣсяцевъ—декабря и января—14,000 рабочихъ покинули Вѣну добровольно и, кромѣ того, 800 человѣкъ, не имѣвшихъ средствъ къ существованію, были выпровожены за городскую черту полицейскимъ порядкомъ. Въ началѣ февраля 1874 г. къ этимъ цифрамъ прибавилось въ Вѣнѣ и ея предмѣстіяхъ еще 18,000 человѣкъ, которые, безъ всякой вины съ своей стороны, остались безъ работы (468). Вотъ настоящія жертвы кризисовъ.

Если мы внимательнѣе всмотримся въ проявленія кризисовъ, то увидимъ, что подъ всею массою этихъ сложныхъ и запутанныхъ явленій дѣйствуютъ одни и тѣ же капиталистическіе нервы, одни и тѣ же капиталистическіе законы и что даже самыя войны послѣднихъ временъ въ значительной степени обусловливаются капиталистическими факторами, становясь, въ свою очередь, факторами капиталистическаго процесса. М. Виртъ смотритъ на дѣло нѣсколько односторонне; тѣмъ не менѣе, факты подводятъ и его довольно близко къ истинѣ. Вотъ какъ объясняетъ онъ общій механизмъ кризисовъ: «Въ нашихъ цивилизованныхъ странахъ, въ нормальные годы и при среднемъ урожаѣ, обыкновенно оказывается излишекъ въ производительности, и этотъ излишекъ обращается въ капиталъ, служащій для основанія новыхъ предпріятій: желѣзнодорожныхъ, фабричныхъ, горнозаводскихъ и др. Если въ теченіи извѣстнаго періода усилившійся духъ предпріимчивости вызываетъ къ жизни бо̀льшее количество новыхъ предпріятій, чѣмъ то дозволяютъ образующіяся ежегодныя сбереженія, то средства для нихъ берутся изъ прежнихъ предпріятій, въ которыхъ сбереженія были помѣщены; дѣлается это потому, что ажіотажъ всегда умѣетъ выставить новыя предпріятія болѣе заманчивыми, чѣмъ старыя» (411). Такимъ образомъ, производство въ этихъ послѣднихъ уменьшается, между тѣмъ какъ доходъ съ новыхъ предпріятій «или вовсе еще не получается, или бываетъ гораздо меньше, чѣмъ въ старыхъ предпріятіяхъ». (Пріобрѣтеніе опыта достается не дешево,

достаточно обширный кругъ потребителей пріобрѣтается не сразу и т. п.). Въ такіе моменты биржа живетъ исключительно въ зачётъ будущаго; каждый, въ ожиданіи золотой жатвы, «перецѣниваетъ немножко свои силы», курсы бумагъ повышаются; но продолжаться долго такое положеніе вещей не можетъ: одни предпріятія оказываются несостоятельными, другія—не могутъ быть доведены до конца по недостатку капитала, третьи, подъ вліяніемъ спекуляціи, произвели продуктовъ больше, чѣмъ можно было сбыть. Если наступаетъ необычайно благопріятный результатъ жатвы, открываются какіе либо новые источники богатства или какія либо предпріятія оказываются очень выгодными и уравновѣшиваютъ убыль другихъ, то происходятъ только частныя затрудненія; но если ничего подобнаго не происходитъ или происходитъ не въ той степени, въ какой нужно, то многія предпріятія бываютъ вынуждены ограничить свое производство, временно пріостановиться или совсѣмъ уничтожиться. Наступаетъ кризисъ. Процессъ «приспособленія предпріятій къ размѣрамъ капитала и наростанія послѣдняго—требуетъ времени», а въ это время кризисъ развивается «въ панику, въ полную остановку всякой трудовой дѣятельности, всякой торговли и промышленности» (412). Мы видѣли не мало примѣровъ, что спекуляція совершенно игнорировала всѣ эти соображенія: не сообразовалась съ размѣрами капитала, какой могла дать страна безъ ущерба для необходимой производительности (которая не только должна давать опредѣленный доходъ, но и нѣкорый + для постоянно возростающаго населенія и расширяющихся потребностей), отвлекала капиталы отъ такого необходимаго производства и затрачивала ихъ въ предпріятія крайне сомнительныя, зачастую даже завѣдомо негодныя. Учредительство часто сводилось просто къ желанію поживиться на счетъ человѣческаго легковѣрія и алчности. Про предпріятія, разумѣется, разсказывались чудеса—они всегда представлялись чѣмъ нибудь въ родѣ изумрудной скалы на берегахъ Арканзаса или калифорнскихъ розсыпей, а на самомъ дѣлѣ о полезности, выгодности и долговѣчности ихъ никто не думалъ: все сводилось къ выпуску акцій, захвату учредительскихъ долей и биржевой игрѣ, и затѣмъ предпріятія оставлялись въ рукахъ злополучныхъ акціонеровъ. Кредитныя учрежденія, стягивая со всѣхъ сторонъ капиталы, сосредоточивая ихъ и выдавая въ ссуду спекулянтамъ, руководились преимущественно высокимъ % на капиталъ, какой платятъ изъ экстренныхъ рессурсовъ только спекулянты и какой не могутъ платить солидные предприниматели. Жажда быстрой и легкой наживы заглушала всѣ доводы разума, всѣ указанія

теоріи и практики и самый рискъ потерять при этомъ капиталъ. Но въ рукахъ спекуляціи даже несомнѣнно полезныя предпріятія часто становятся вредными для народнаго хозяйства. Чрезмѣрное расширеніе производства, избытокъ товаровъ и экстренное паденіе цѣнъ, замѣчаемое передъ наступленіемъ почти каждаго кризиса, суть прямое слѣдствіе ненормальнаго расширенія производства подъ вліяніемъ спекуляціи. Это расширеніе производства совершается обыкновенно въ какомъ нибудь одностороннемъ направленіи: нормальное возростаніе производительности, конечно, не обусловливало бы собою кризиса, производство вскорѣ не сокращалось бы, фабрики не тушили бы огней и цѣны на товары снова не поднимались бы до прежней высоты (а иногда и еще выше), какъ это нерѣдко бываетъ... Иногда подобное расширеніе производства прямо ведется на счетъ другихъ отраслей промышленности, при чемъ отвлеченіе отъ нихъ капитала, достигнувъ извѣстнаго предѣла, сопровождается реакціей—крайнимъ недостаткомъ капитала на рынкѣ, вслѣдствіе чего новыя предпріятія часто не могутъ быть даже доведены до конца (напримѣръ, въ Америкѣ въ 1857 г. 14 желѣзныхъ дорогъ обанкротились и многія изъ нихъ прекратили постройку). Когда, съ выпускомъ новыхъ бумагъ, курсъ старыхъ бумагъ падаетъ, какъ это нерѣдко можно видѣть, слѣдя за биржевыми бюллетенями; то навѣрное можно сказать, что на рынкѣ не достаетъ капитала, когда дисконтъ сильно поднимается, предметы первыхъ потребностей дорожаютъ, а мануфактурные товары падаютъ въ цѣнѣ, то, съ увѣренностью можно сказать, что въ мануфактурную промышленность затрачено капиталовъ больше, чѣмъ могло быть отвлечено отъ земледѣлія и т. п. Особенно краснорѣчивый примѣръ одностороннихъ затратъ могутъ дать желѣзныя дороги. Если мы припомнимъ, что Франція къ осени 1856 г. затратила на желѣзныя дороги 3,080 мил. фр. (изъ которыхъ 919 мил. были затрачены только въ теченіи 2-хъ послѣднихъ лѣтъ) и что, кромѣ того, для окончанія тѣхъ дорогъ, на которыя уже были выданы концессіи, требовалось еще 1,260 мил. фр.; что въ Англіи за 3 года (1845—7) парламентъ разрѣшилъ желѣзнодорожныхъ построекъ на 1,400 мил. таллер.; что американская желѣзнодорожная сѣть въ 60,000 миль стоила 3 мильярда талл., изъ которыхъ около 3/5 было израсходовано въ теченіи только 15 лѣтъ; что въ Австро-Венгріи желѣзнодорожное дѣло потребовало, судя по номинальной стоимости выпущенныхъ бумагъ, съ 1871 г. по май 1873 г.—576 мил. гульд., а въ Пруссіи и другихъ германскихъ государствахъ около 302 мил. гульд., то поймемъ, что подобныя затраты, въ особенности

*

въ то время, когда дѣлались одновременно громадныя затраты въ промышленность, не могли производиться изъ экономическихъ суммъ, а производились на счетъ оборотнаго капитала и въ счетъ будущихъ благъ, т. е. на займы подъ будущіе доходы. Считая капиталы, оттянутые отъ производства и сосредоточенные въ банкахъ для биржевой игры и поддержки эфемерныхъ предпріятій непроизводительно занятыми, нельзя оправдать и такихъ затратъ въ желѣзныя дороги, потому что капиталы, необходимые для текущей промышленности, становятся неподвижными и приносятъ слишкомъ медленный доходъ. Когда постройка дорогъ приняла въ Англіи слишкомъ большіе размѣры, то канцлеръ казначейства, Чарльзъ Удъ, доказывалъ, что это настолько уменьшило оборотный капиталъ, что приноситъ ущербъ для «интересовъ страны». И Англія, дѣйствительно, была поставлена желѣзными дорогами въ крайне затруднительное положеніе, которое привело ее въ 1847 г. на край кризиса. Смотря на желѣзнодорожный прогрессъ, говоритъ М. Виртъ, читатель напрасно поторопился бы заключить, что онъ былъ вездѣ встрѣченъ лишь «одними ликованіями народа»: и въ Америкѣ, и въ Англіи, и въ Германіи, и въ другихъ странахъ не было недостатка въ голосахъ, которые «съ точки зрѣнія общаго блага, считали желѣзныя дороги пагубнымъ нововведеніемъ». Если въ Англіи, въ 1847 г., однѣхъ желѣзныхъ дорогъ было недостаточно, чтобы вызвать кризисъ, то въ Америкѣ въ 1873 г. «одной этой причины было достаточно, такъ какъ банки и торговля не провинились никакой спекулятивной опрометчивостью», Счеты американскихъ желѣзныхъ дорогъ далеко еще не кончены: правительство, кромѣ уступки земель, выдало еще нѣкоторымъ дорогамъ субсидіи по 25,000 дол. на версту, для чего были заключены внѣшніе займы, съ условіемъ, чтобы въ погашеніе долга К°К° уплачивали 5% изъ ежегодной чистой прибыли и не взимали половины той платы, которая будетъ слѣдовать съ правительства за перевозку войскъ, почту и другую транспортировку. По отчетамъ министерства финансовъ, суммы, получаемыя съ компаній, нетолько недостаточны для погашенія долга, но и для уплаты %%. Долгъ компаній правительству все накопляется, и, если дѣло будетъ продолжать идти также, то въ 1898 г. (срокъ займа) только 6 компаній будутъ должны правительству 180.945,833 дол., каковые уплатить онѣ, вѣроятно, будутъ не въ состояніи. Дороги, конечно, могутъ сдѣлаться государственною собственностью... Но въ какомъ видѣ будутъ сданы онѣ правительству, не придется ли на ремонтировку ихъ затратить новый громадный капиталъ, да и даютъ ли еще онѣ дос-

таточный доходъ? Компаніямъ, которымъ постройка ихъ ничего не стоила, онѣ, разумѣется, приносятъ вполнѣ достаточный доходъ: весьма вѣроятно, что компаніи просто надуваютъ правительство и кладутъ себѣ въ карманъ изрядные барыши, но возможно также и то, что компаніямъ выгоднѣе получать временной доходъ и послѣ отказаться отъ дорогъ, т. е. возможно, что доходъ, приносимый дорогами, не настолько великъ, чтобы погашать затраченный капиталъ, платить на этотъ капиталъ %% и давать рыночный % на капиталъ оборотный (расходы по эксплуатаціи и проч.). Дороги проводились, какъ мы видѣли, параллельныя одна другой, проводились через пустыни, связывали слишкомъ отдаленные промышленные и торговые центры и т. п. Страна, разумѣется, оживлялась, производительность ея возростала и продолжаетъ возростать, но это возростаніе производительности все-таки можетъ быть непропорціонально съ затратами, можетъ отставать отъ нихъ въ теченіи болѣе или менѣе продолжительнаго времени. Говоря, что желѣзныя дороги могутъ перейдти въ собственность государства, мы предполагаемъ лучшій исходъ дѣла; но дороги десять разъ могутъ остаться въ частныхъ рукахъ, долгъ можетъ быть отсроченъ, возобновленъ, уплаченъ бумагами другихъ, можетъ быть, нарочно сочиненныхъ для этого предпріятій и т. п. Продѣлки американскихъ спекулянтовъ превосходятъ всякое описаніе. Но дѣло собственно не въ этомъ, а въ томъ, что по займамъ, заключеннымъ для желѣзныхъ дорогъ, пока платило и платитъ государство, т. е. вся нація, а не компаніи, которыя ими воспользовались. Мало того: при помощи системы crédit mobilier и своихъ адвокатовъ въ конгрессѣ, компаніи убѣдили правительство дозволить имъ выпустить акцій на сумму, равную бондамъ правительства, которые такимъ образомъ послужили залогомъ для кредита компаній; но проценты на этотъ кредитъ отказались уплачивать и отнесли его на счетъ бондовъ, т. е. правительства, заставивъ его такимъ образомъ платить двойной % по займу [1]. Не даромъ въ Нью-Йоркѣ, Филадельфіи и другихъ мѣстахъ народъ неоднократно высказывался противъ чрезмѣрныхъ затратъ на желѣзныя дороги, отказывался платить проценты по заключеннымъ съ этою цѣлью займамъ и совсѣмъ не хотѣлъ признавать этихъ займовъ. Приведенный примѣръ отчасти показываетъ, какимъ образомъ спекуляція сваливаетъ свои грѣхи и свои обязательства на правительство, а послѣднее перекладываетъ ихъ на народъ въ видѣ налоговъ. Тожо самое дѣлается и въ другихъ случаяхъ, и въ другихъ странахъ съ нѣкоторыми, конечно, измѣненіями; это —

[1] «Отеч. Зап.» май 1877 г. «Растрата земель ам. конгр.»

только одинъ изъ пріемовъ общаго порядка. Всѣ государства должны и должны громадныя суммы. Но кому же, однако, должны они? Обыкновенно думаютъ, что они должны Ротшильдамъ, Берингамъ, Вандербильтамъ и другимъ первоклассньмъ банкирамъ мірового денежнаго рынка, богатства которыхъ, несмотря на всю ихъ величину, однако на самомъ дѣлѣ, не настолько велики, сравнительно съ государственными займами, какъ это, можетъ быть, кажется при первомъ взглядѣ на ихъ кредитные обороты: если бы балансировать эти обороты, то первоклассные банкиры потеряли бы значительную долю своего финансоваго обаянія, которымъ они такъ ловко пользуются и которымъ они значительно обязаны государственнымъ займамъ. Каждый заемъ расширяетъ ихъ кредитъ для послѣдующаго займа и приноситъ имъ дѣйствительно огромные барыши. Займы составляютъ для финансовыхъ тузовъ одну изъ наиболѣе лакомыхъ спекуляцій. Договариваясь съ представителемъ страны, заключающей заемъ, на счетъ комиссіоннаго % и сроковъ выпуска бумагъ, они производятъ подписку, главнымъ образомъ, на чужія средства—на счетъ группирующихся вокругъ нихъ мелкихъ капиталистовъ или, лучше сказать, на счетъ публики, помѣщающей въ бумаги займовъ свои сбереженія; они оставляютъ за собою болѣе или менѣе значительную часть или только для того, чтобы временно придержать бумагу, поднять такимъ образомъ ея курсъ и поживиться на счетъ ажіотажа, или когда заемъ очень выгоденъ, надеженъ и представляетъ какія-нибудь новыя финансовыя комбинаціи; въ случаѣ же «подписка на заемъ не удается, говоритъ М. Виртъ:—можете быть увѣрены, что неразошедшіяся бумаги остаются на шеѣ не у князей биржи, а у императорско-королевскихъ банковъ» (389). Если, напримѣръ, венгерское правительство, платя комиссіонный %, получаетъ на каждые 100 гульд. займа только $85\frac{1}{2}$ гульд., то финансовые тузы недовольствуются этимъ самимъ по себѣ большимъ %, но спекулируютъ еще на преміи отъ поднятія курсовъ. Конечно, они должны подѣлиться: во 1) съ банкомъ, черезъ который производится подписка, во 2) съ мелкими капиталистами-биржевиками, маклерами и проч., но все-таки имъ принадлежитъ львиная доля [1]. Золото, покрываю-

---

[1] «Банки, говоритъ М. Виртъ:—всегда стоятъ въ невыгодномъ положеніи по отношенію къ финансовымъ тузамъ, вступающимъ съ ними въ связь. Послѣдніе извлекаютъ изъ операціи тройную прибыль: во 1) въ качествѣ компаньйоновъ предпріятія, во 2) въ качествѣ акціонеровъ банка и въ 3) въ качествѣ спекулянтовъ, имѣющихъ возможность знать раньше публики о заключеніи сдѣлокъ по займу. Но и банки и другіе участники, тѣмъ не менѣе, «получаютъ недурной магарычъ, изъ-за котораго стоитъ похлопотать» (389).

щее подписку по какому-нибудь займу, сейчасъ же поступаетъ въ руки капиталистовъ—отечественныхъ и иностранныхъ—за подряды по поставкамъ на армію, за оружіе, за банковые билеты, товары и т. д. и снова возвращается на международный рынокъ (напримѣръ, прусская контрибуція съ Франціи). Такимъ образомъ, одно и то же золото можетъ служить послѣдовательно для нѣсколькихъ займовъ; финансовые тузы, при помощи кредитныхъ комбинацій, могутъ даже покрывать подписку, не извлекая фактически всего необходимаго золота изъ обращенія и покрывая въ дѣйствительности только часть подписки. Между тѣмъ, обезпечиваются займы налогами, текущею и будущею производительностью, т. е. текущимъ и будущимъ трудомъ. Это, въ сущности—принудительный кредитъ, который оказывается рабочими классами капиталистамъ; рабочіе занимаютъ капиталъ у иностраннаго капиталиста, чтобы вручить его отечественному капиталисту или заплатить его долги, принимая новый долгъ и платежъ %% на себя. Такимъ образомъ: долгъ одной страны другой превращается, въ сущности, въ долгъ рабочихъ капиталистамъ, устроиваемый при помощи международнаго кредита и новѣйшей системы государственныхъ займовъ и налоговъ, при чемъ капиталисты съ большимъ удобствомъ эксплуатируютъ текущій и будущій трудъ, придавая этой эксплуатаціи международный характеръ. Капиталисты, подписывающіеся на иностранный заемъ, выигрывая очень много, въ тоже время весьма мало рискуютъ. Рискъ ихъ, обыкновенно, уравновѣшивается и обставляется различными гарантіями, а иногда и перекладывается на занимающую страну: бумаги займовъ, пристроенныя за-границей, страдаютъ иногда «тоскою по родинѣ» и выражаютъ неудержимое стремленіе вернуться назадъ (напримѣръ, французская рента). Рабочіе, конечно, при этомъ ничего не выигрываютъ, потому что рѣшительно все равно, въ чьихъ бы рукахъ ни находились бумаги: въ рукахъ ли иностранныхъ, или отечественныхъ капиталистовъ. Но не будемъ уклоняться въ сторону. Нѣкоторые экономисты видятъ въ спекуляціи творческое начало, начало, созидающее экономическій прогрессъ. Когда спекуляція строитъ желѣзныя дороги, проводитъ телеграфы, вводитъ машины и проч., то, конечно, она созидаетъ, но зиждущая ея роль просто ничтожна въ сравненіи съ разрушительною ея ролью. Она имѣетъ очень мало общаго съ какими-либо высокими научными или общественными цѣлями и чувствами, съ тѣми усовершенствованіями въ техникѣ, которыя производятъ промышленный прогрессъ: цѣлью ея всегда была и есть—легкая нажива, и если, мимоходомъ, она и совершала какое-нибудь общеполезное дѣло, то только постоль-

ку, поскольку оно представляло случай поживиться. Конечно, желѣзнодорожники, хлопоча о концессіяхъ, всегда распространялись о важномъ общественномъ значеніи рельсовыхъ путей; конечно, бр. Перейра были когда-то ревностными сен-симонистами и, ведя спекуляціи, нерѣдко распространялись объ общественныхъ интересахъ; даже Наполеонъ III писалъ по рабочему вопросу и начертилъ проэктъ рабочаго домика; даже докторъ Струсбергъ кàкъ-то связывалъ свою дѣятельность и продѣлки въ московскомъ ссудномъ банкѣ съ рабочимъ вопросомъ; но надобно быть слишкомъ ужь легковѣрнымъ, чтобы вѣрить всѣмъ этимъ розсказнямъ. Услуги спекуляціи дѣлу изобрѣтеній больше, чѣмъ сомнительны; изобрѣтенія, обыкновенно, направляются не въ помощь народу, а противъ народа, становятся достояніемъ немногихъ и служатъ имъ орудіемъ для эксплуатаціи массъ; сами изобрѣтатели, по бòльшей части, оказываются обобранными и нищенствуютъ. Въ то время, какъ спекуляція растрачивала мильйоны на самыя безумныя аферы, Уаты и Фультоны бились цѣлые десятки лѣтъ, не находя возможности осуществить свои изобрѣтенія; многія превосходныя изобрѣтенія, благодаря невѣжественному вмѣшательству и преждевременному муссированію ихъ спекулянтами, спѣшившими извлекать изъ курицы золотыя яйца, были настолько дискредитированы въ глазахъ общества, что не могли быть осуществлены и т. д. Реализація изобрѣтеній можетъ находиться въ рукахъ спекулянтовъ только по несчастному состоянію общественнаго устройства: человѣческій геній принадлежитъ невѣжественному капиталисту не меньше, чѣмъ и трудъ рабочаго; какъ всякій ребёнокъ рабочаго класса, находясь еще въ материнской утробѣ, составляетъ уже собственность капитала, если случайная волна жизни не вынесетъ его изъ рокового круга, точно также и всякая идея изобрѣтателя заранѣе уже принадлежитъ капиталисту. Можно представить себѣ, кàкъ пагубенъ такой порядокъ вещей. Если присяжные ученые оказываются большими консерваторами въ наукѣ и зачастую не понимаютъ многихъ изобрѣтеній, то лучше имѣть особый общественный фондъ и затрачивать хоть десятки мильйоновъ на опыты надъ самыми, повидимому, даже безумными изобрѣтеніями, чѣмъ оставлять дѣло въ настоящемъ положеніи. «Посмотрите, говорятъ экономисты, неравнодушные къ спекуляціи:—несмотря на злоупотребленія, богатства возрастаютъ...» Они при этомъ совершенно забываютъ, что создаются богатства вовсе не спекуляціей. То, что, несмотря на періодическіе погромы, государства довольно быстро оправляются показываетъ только, что технологическія и трудовыя основы производства стоятъ уже на значительной высотѣ; что

производство идетъ быстро и позволяетъ скоро возстановлять нарушенное частными лицами экономическое равновѣсіе; что господство человѣка надъ природою, хотя еще и весьма ограничено, но настолько уже достаточно для его существованія, что, не будь постоянной, систематической экспропріаціи богатствъ и уничтоженія ихъ непроизводительнымъ потребленіемъ и расходованіемъ, а равно не будь всегда вреднаго для общества чрезмѣрнаго накопленія богатствъ въ рукахъ немногихъ и обращенія ихъ въ мертвое состояніе, то человѣчество могло бы жить превосходно. Кризисы являются результатомъ борьбы человѣка съ человѣкомъ: капиталиста съ рабочимъ и капиталиста съ капиталистомъ, а не человѣка съ природою и не результатомъ побѣды послѣдней надъ первымъ. Говоря объ экспропріаціи и непроизводительномъ употребленіи богатствъ, слѣдуетъ помнить, что капиталисты вовсе не настолько глупы, чтобы не заботиться о своемъ будущемъ и уничтожать капиталъ потребленіемъ или обращать его въ мертвое состояніе: несмотря на всю громадность и чрезмѣрность этого рода расходовъ (роскошь въ спекулятивныя эпохи доходитъ часто, какъ мы видѣли, до настоящаго безумія), какой они достигаютъ въ частныхъ случаяхъ, несомнѣнно вліяя на происхожденіе кризисовъ, тѣмъ не менѣе, заботы о будущемъ и накопленіе составляютъ все-таки бо̀льшій стимулъ для расхищенія и экспропріаціи богатствъ у народа; государственныя богатства, все-таки, возрастаютъ, возрастаютъ, разумѣется, безотносительно, то-есть не улучшая положенія массъ, такъ что К. Марксъ имѣлъ полное право сказать, что такое государственное богатство есть синонимъ народной бѣдности. Да, наконецъ, уничтоженіе и амортизація капиталовъ становятся далѣе извѣстнаго предѣла и невозможными, потому что хищничество упирается въ законы народонаселенія — въ такія бѣдствія рабочаго класса, которыя или грозятъ капиталистамъ серьёзными непріятностями, или переходятъ въ такое быстрое сокращеніе рабочихъ классовъ (вымираніемъ или эмиграціей), что грозятъ успѣхамъ промышленности, а слѣдовательно, и благосостоянію капиталистовъ. Многіе экономисты видятъ еще въ спекуляціи элементъ, обуздывающій алчность капиталистовъ путемъ конкурренціи, путемъ направленія капиталовъ въ ту сторону, гдѣ предпринимательскія прибыли и % на капиталъ черезчуръ велики. Это нормированіе прибыли если и можетъ служить утѣшеніемъ, то лишь крайне слабымъ утѣшеніемъ. Во 1-хъ) оно постоянно нарушается постояннымъ стремленіемъ той же самой спекуляціи къ привиллегіямъ и монополіямъ внутри страны и къ протекціоннымъ пошлинамъ по отношенію къ внѣшней конкуррен-

ціи, такъ что прибыль никогда не достигаетъ естественнаго minimum'а; во 2-хъ) это нормированіе прибыли никогда не совершается спокойно, подобно подъему и опусканію маятника, какъ это представляютъ экономисты, а происходитъ толчками, тяжелѣе всего отзывающимися на рабочихъ классахъ: чтобы перенести капиталъ изъ одной отрасли промышленности въ другую, нужно время, которое, какъ ни сокращается желѣзными, дорогами и телеграфами, все-таки достаточно для того, чтобы сопровождаться бѣдствіями для рабочаго класса, живущаго изо-дня въ день и сегодня же поѣдающаго то, что сегодня же заработано; прекратить постройку желѣзной дороги или пріостановить фабрику иначе нельзя, какъ съ огромными потерями и отпускомъ рабочихъ и т. д. Для удаленнаго глаза экономиста, наблюдающаго жизнь въ очень большіе промежутки времени, толчки эти незамѣтны, но они полны постоянныхъ и глубокихъ страданій. Наконецъ, въ 3-хъ), конкуренція прямо ведется на счетъ заработной платы и на счетъ потребителей (путемъ фальсификаціи продуктовъ, торговыхъ обмановъ и проч.) и кончается очень часто соглашеніемъ между капиталистами. Всѣ эти явленія имѣютъ гораздо больше мѣста, чѣмъ это, можетъ быть, кажется. Капиталисты находятся въ постоянномъ, хотя бы и невидимомъ, заговорѣ, говорилъ еще Адамъ Смитъ. Фальсификація продуктовъ охватываетъ всѣ сферы промышленности: поддѣльныя сукна, ткани, вина и проч. все болѣе и болѣе вытѣсняютъ доброкачественные фабрикаты; наливныя мыла вытѣсняютъ ядровыя; поддѣльный кофе замѣняетъ настоящій и т. д. Даже поддѣльный хлѣбъ входитъ все въ бо̀льшее и бо̀льшее употребленіе: въ Лондонѣ, напримѣръ, по свѣдѣніямъ правительственныхъ комиссаровъ, $^3/_4$ булочниковъ, продающихъ хлѣбъ дешевле, чѣмъ въ остальныхъ булочныхъ, приготовляютъ его съ примѣсью квасцовъ, мыла, поташу, извести, каменной муки и проч. Хлѣбъ этотъ имѣетъ такой же видъ, какъ и хорошій, но главные его потребители—бѣдняки не получаютъ въ дѣйствительности, какъ говоритъ John Gordon, и $^1/_4$ питательныхъ веществъ, какія должны были бы въ немъ содержаться[1]. Промышленность, подъ вліяніемъ спекуляціи, получаетъ часто и другое фальшивое направленіе: производители вводятся въ заблужденіе насчетъ спроса на извѣстные продукты и выгодности извѣстныхъ предпріятій. Такъ, напримѣръ, въ Америкѣ, въ 1839 г., цѣны на хлопокъ были, какъ мы видѣли, настолько подняты, что плантаторы бросили воздѣлываніе риса, индиго и другихъ

---

[1] К. Марксъ, «Капиталъ», стр. 118.

растеній и занялись воздѣлываніемъ хлопка; но каково же было ихъ изумленіе, когда они узнали, что цѣны были вздуты искуственно, что они сдѣлались жертвою эксплуатаціи—не больше, и когда цѣны на хлопокъ упали, они понесли громадные убытки. Въ такомъ же положеніи находились и гамбургскіе домовладѣльцы, и акціонеры вѣнскихъ строительныхъ обществъ, и американскіе землевладѣльцы, платившіе въ 20 и болѣе разъ дороже за землю и считавшіе себя мильйонерами. Фиктивныя цѣнности, создаваемыя спекуляціей, многочисленны. Но неужели, однако, все зло, вся причина кризисовъ—въ спекуляціи, да и что̀ такое, наконецъ, спекуляція? М. Виртъ, сваливая на послѣднюю всѣ бѣды, отводитъ ей довольно тѣсную рамку и съуживаетъ, такимъ образомъ, роль другихъ факторовъ. Указывая, насколько «необузданность спекуляціи и надувательство аферистовъ способствовали возникновенію кризиса 1857 г.», онъ объясняетъ дѣло такъ: «Рядомъ съ купцомъ втерся спекулянтъ: это—человѣкъ ограниченныхъ средствъ и бѣдный благоразуміемъ, который бросается, очертя голову, въ каждое предпріятіе, сулящее хоть тѣнь прибыли; когда у него не хватаетъ своего капитала, онъ отважно ведетъ дѣло на деньги другихъ, барыши кладетъ себѣ въ карманъ, а убытки сваливаетъ на своихъ кредиторовъ; онъ почти всегда ведетъ дѣло на большую ногу, онъ навѣрное отправитъ на кораблѣ вдвое, втрое больше товарнаго груза, чѣмъ сколько рискнулъ бы отправить, при соотвѣтствующихъ обстоятельствахъ, купецъ (?), и, между тѣмъ, довольствуется каждый разъ меньшею прибылью; онъ разсчитываетъ на благопріятный случай, чтобы нажить разомъ состояніе, но, если до того дойдетъ дѣло, не боится и банкротства» (278). М. Виртъ, отдѣляя купца отъ спекулянта и говоря, что купецъ, «хотя и можетъ быть безразсуденъ и подвергается потерямъ, но все же, какъ честный человѣкъ, не беретъ на себя больше обязательствъ, чѣмъ можетъ исполнить» и т. д., очевидно, идеализируетъ купца, беретъ купца больше воображаемаго, чѣмъ дѣйствительнаго. Такихъ купцовъ, которые не брали бы на себя больше обязательствъ, чѣмъ могутъ исполнить, и не желали бы получить больше, чѣмъ слѣдуетъ, нѣтъ совсѣмъ или очень мало. Исключительно на свои деньги, при развитіи кредита, оборотовъ теперь никто не ведетъ, а стремленія къ наивозможно бо̀льшему барышу, къ привиллегіямъ, монополіямъ и проч., конечно, одинаково присущи всему комерческому и промышенному міру. Всякій купецъ, всякій капиталистъ есть непремѣнно, въ то же время, и спекулянтъ, хотя бы спекулянты зачастую и не располагали собственнымъ капиталомъ. Употребляя цивъ татахъ и

вообще вслѣдъ за М. Виртомъ слово спекуляція, мы придаемъ ему болѣе общее значеніе: мы видимъ въ спекуляціи не частное, а общее явленіе, тѣсно связанное съ капиталистическимъ порядкомъ. Другой нѣмецкій экономистъ, К. Марксъ, взглянулъ на вопросъ шире и объясняетъ его гораздо удовлетворительнѣе. «Громадная, порывистая растяжимость фабричнаго производства, говоритъ онъ:—и зависимость его отъ міроваго рынка необходимо производитъ лихорадочную производительность и, какъ слѣдствіе ея—переполненіе рынковъ, съ сжатіемъ которыхъ наступаетъ параличъ» [1]. Если мы припомнимъ главныя основанія капиталистическаго процесса и тѣ условія, при какихъ онъ совершался и совершается, то въ фактахъ, собранныхъ М. Виртомъ, будетъ гораздо легче оріентироваться. Основаніемъ капиталистическаго процесса послужила экспропріація земли у народа [2]. Съ этого началось превращеніе общественныхъ средствъ существованія и производства въ капиталъ, отрѣшенный отъ работника, и продолжалось дальнѣйшимъ отдѣленіемъ послѣдняго отъ другихъ видовъ собственности, отъ другихъ средствъ и условій самостоятельнаго труда, пока, подъ давленіемъ крупной промышленности, феодальный способъ эксплуатаціи не превратился совсѣмъ уже въ капиталистическій (какъ, напримѣръ, въ Англіи), пока работникъ не сталъ въ рукахъ капиталиста такимъ же мертвымъ, пассивнымъ орудіемъ производства, какъ и рабочіе инструменты, съ тою единственною и выгодною для капиталиста разницею, что не требуетъ затратъ ни на свою покупку, ни на свою ремонтировку. Затѣмъ, капиталистическій процессъ выразился въ цѣлой системѣ экспропріаціи прибавочнаго капитала, создаваемаго постоянно текущимъ трудомъ, въ сосредоточеніи капиталовъ и въ борьбѣ капиталистовъ другъ съ другомъ за ихъ личныя доли участія на рынкахъ, причемъ крупные капиталы давятъ мелкіе, мануфактура—ремесло, а фабричное производство—ремесло и мануфактуру. Капиталистическое лѣтосчисленіе начинается собственно съ XVI столѣтія, хотя въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ случаяхъ капиталистическое производство и встрѣчалось въ XV и XIV столѣтіяхъ. Средніе вѣка оставили собственно двѣ формы капитала—торговый и ростовщичій, превращенію которыхъ въ промышленный капиталъ мѣшало феодальное и цѣховое устройство. То и другое должно было быть уничтожено, хотя бы цѣною личной свободы работника, оказавшейся, впрочемъ, весьма удобной для капиталиста. Капитали-

---

[1] «Капиталъ», стр. 399.

[2] Ibid, стр. 615—654.

стическому процессу чрезвычайно благопріятствовали: реформація, помогшая экспропріировать секуляризованныя земли, географическія открытія XVI вѣка, послужившія для основанія колоній и открытіе мірового рынка, въ связи съ которыми создалась новѣйшая система кредита, государственныхъ долговъ и налоговъ, игравшихъ и играющихъ, какъ мы отчасти уже видѣли, «большую роль въ превращеніи общественнаго богатства въ капиталъ, въ экспропріаціи самостоятельныхъ работниковъ и въ прижимкѣ наемныхъ работниковъ» [1]; изобрѣтенія и усовершенствованія; открытіе американскихъ золотыхъ и серебряныхъ рудниковъ; протекціонная политика, торговыя привиллегіи и монополіи, искуственно фабриковавшія капиталистовъ; акціонерныя общества, торговыя войны и проч. Все это были факторы капиталистическаго процессса, которые соединялись въ цѣлую исторически-послѣдовательную систему. Земли у крестьянъ отбирались, а пашни обращались въ луга, въ которыхъ нуждались начинавшіяся шерстяныя мануфактуры, или просто въ парки и пустыри, такъ какъ на фабрики преимущественно требовались руки, совершенно свободныя отъ имущества. Колоніи открывались грабежомъ туземныхъ населеній и эксплуатаціей привозныхъ невольниковъ. «Сокровища, прямо награбленныя внѣ Европы или добытыя тамъ посредствомъ рабства и убійства, возвращались въ метрополію и здѣсь превращались въ капиталъ [2]». Это—съ одной стороны, а съ другой: богатства, экспропріированныя въ Европѣ, направлялись въ колоніи и тамъ превращались въ капиталъ. Такое перемѣщеніе богатствъ, имѣвшее и имѣющее мѣсто нетолько между колоніями и метрополіями, но и между различными государствами, представляетъ чрезвычайно важное условіе накопленія: такъ, напр. положимъ, хлѣбъ, составляющій избытокъ или просто полученный эксплуататорскимъ способомъ (покупкою за безцѣнокъ во время сбора податей, наемкою рабочихъ во время нужды и т. п.) и не могущій, вслѣдствіе бѣдности страны, отсутствія въ ней промышленности или какой другой причины, обратиться въ капиталъ дома, отправляется въ другую страну и тамъ претерпѣваетъ капиталистическую метаморфозу. Страна можетъ, конечно, при этомъ голодать, подобно тому, какъ голодала Самарская Губернія въ то время, когда купцы вывозили изъ нея хлѣбъ громадными транспортами. Это—только частный случай, но приблизительно то же самое происходитъ съ мануфактурными и со всякими дру-

---

[1] Ibid , стр. 644.
[2] ibid стр. 644.

гими товарами. Колоніямъ, какъ извѣстно, запрещалось заводить фабрики, онѣ обязывались потреблять произведенія метрополіи и поставлять ей, исключительно на ея корабляхъ, свои произведенія и проч. М. Виртъ ничего не говоритъ о кризисахъ въ колоніяхъ, которые, однако, при такихъ условіяхъ, составляли весьма частое явленіе [1]. Всѣ эти мѣры для эксплуатаціи колоній, будучи налогомъ на колоніи, были, въ то же время, налогомъ на народъ метрополіи въ пользу капиталистовъ. Привилегіи, такъ щедро дававшіяся торговымъ и промышленнымъ К° К°, были опять налогомъ на народъ въ пользу капиталистовъ точно такъ же какъ и пошлины, налагавшіяся на произведенія другихъ странъ въ видахъ поощренія отечественной промышленности. Государственные долги и международный кредитъ, будучи также важнымъ факторомъ капиталистическаго процесса, въ то же время, чрезвычайно хорошо маскируютъ первоначальный источникъ накопленія въ какой-нибудь странѣ: «иной капиталъ, появляющійся сегодня въ Соединенныхъ Штатахъ безъ свидѣтельства о рожденіи, былъ въ Англіи еще не далѣе, какъ вчера—капитализированною дѣтскою кровью [2]». Ссуда капиталовъ одною страною другой становится, при извѣстныхъ условіяхъ, постояннымъ и правильнымъ явленіемъ: такъ, Венеція, въ періодъ своего упадка, ссужала свои капиталы Голландіи; то же самое дѣлала Голландія въ XVIII ст., когда ея мануфактуры были оттѣснены, по отношенію къ Англіи; а въ настоящее время нѣчто подобное происходитъ между Англіей и Соединенными Штатами. Банки, разбросанные по провинціямъ и связанные въ центральные узлы въ каждомъ государствѣ и затѣмъ въ международные центры, стягиваютъ невидимыми нитями самые мелкіе капиталы и являются спеціальнымъ и очень совершеннымъ орудіемъ сосредоточенія капиталовъ, которые выдаются въ ссуду финансовымъ тузамъ и спекулянтамъ. Акціонерныя общества сплачиваютъ самыхъ мелкихъ капиталистовъ и даютъ имъ всѣ выгоды крупнаго капиталиста для эксплуатаціи труда. Каждый изъ акціонеровъ, съ другой стороны, представляетъ собою отдѣльную экспропріирующую ячейку, которая отлагаетъ капиталъ по каплѣ, содѣйствуя общему накопленію. Открытіе рудниковъ, доставлявшихъ благородные металлы, служило въ рукахъ частныхъ лицъ для экспропріаціи дѣйствительныхъ богатствъ, не увеличивая въ то же время или увеличивая далеко непропорціонально общее благосостояніе. «Частныя лица, говоритъ М. Виртъ:—

[1] Леруа-Больё. «Колонизація у новѣйшихъ народовъ». Спб. 1877 г. стр. 497.
[2] К. Марксъ «Капиталъ» стр. 644.

могутъ обогащаться черезъ умноженіе денегъ, но государства—нѣтъ; частныя лица могутъ выигрывать отъ рискованныхъ спекуляцій, причиняющихъ убытки другимъ, государства же—нѣтъ. Вся совокупность общества можетъ извлекать пользу лишь изъ реальнаго производства, но отнюдь не изъ фиктивныхъ предпріятій» (253). Выигрываютъ черезъ умноженіе денегъ и государства, когда обращаютъ ихъ на эксплуатацію другихъ государствъ или когда другія обстоятельства позволяютъ имъ соотвѣтственно расширить производство. Но эксплуатація другихъ государствъ—средство весьма непрочное: исторія намъ даетъ не мало примѣровъ того, что государства выходили изъ положенія эксплуатируемыхъ. Положеніе англійской промышленности, разсчитанной на чужое сырьё, въ высшей степени шатко: Европа почти вся уже, за исключеніемъ развѣ Россіи да Турціи, вышла изъ-подъ ея ферулы, заведя собственное производство; она пробивается теперь, эксплуатируя преимущественно колоніи: Индію, Австралію и друг., и впереди у нея, конечно, невеселая перспектива. Правда, государства спеціализировались въ нѣкоторыхъ производствахъ, а нѣкоторымъ производствамъ благопріятствуютъ мѣстныя, природныя условія, и о такихъ производствахъ, разумѣется, нѐчего и говорить; но есть множество производствъ, которыя гораздо выгоднѣе завести въ другихъ мѣстахъ и которыя, конечно, тамъ заведутся, даже безъ всякаго правительственнаго покровительства, разъ только явится сознаніе въ ихъ необходимости и прекратятся стѣснительныя условія. Такъ, напр. высчитано, что хлопокъ, идущій изъ Индіи въ Англію, прежде чѣмъ возвратиться назадъ въ видѣ ткани, проходитъ до 150 различныхъ рукъ, пользующихся отъ него нѣкоторымъ барышомъ, вслѣдствіе чего цѣна его сильно возростаетъ и проходитъ много времени. Ясное дѣло, что гораздо выгоднѣе имѣть хлопчатобумажныя фабрики на мѣстѣ. Что касается расширенія производства соотвѣтственно съ увеличеніемъ денегъ, то такое расширеніе не всегда возможно; однѣхъ денегъ для этого еще недостаточно, если не благопріятствуютъ другія обстоятельства. При такихъ условіяхъ, избытокъ звонкой монеты или начинаетъ отливать за границу, или начинаетъ функціонировать такимъ образомъ, что повышаетъ цѣны на товары, сравнительно съ иностранными, а это вредно отзывается на заработной платѣ и вообще на рабочемъ классѣ. Испанія испытала это болѣе, чѣмъ какая-либо другая страна, когда начеканила изъ своихъ рудниковъ слишкомъ много монеты и искусственно задерживала ее внутри страны. Стать въ совершенно изолированное положеніе отъ другихъ государствъ государства теперь не могутъ. Все, что̀ сказано относительно звонкой моне-

ты, тѣмъ болѣе относится къ бумажнымъ деньгамъ—ассигнаціямъ, банковымъ билетамъ и проч., которые, вытѣсняя звонкую монету, не имѣютъ даже ея цѣнности. Не даромъ американскіе президенты—Джэксонъ, Ванъ-Бьюренъ и Бёкэнэнъ, вели упорную борьбу съ частными учрежденіями, выпускавшими массы бумажныхъ денегъ. «Увеличеніе количества или, вѣрнѣе, уменьшеніе цѣнности этихъ орудій обращенія, говорилъ Джэксонъ:—всегда сопровождается потерями для рабочаго сословія. Эта часть населенія не имѣетъ ни времени, ни возможности выжидать смѣны приливовъ и отливовъ на денежномъ рынкѣ. Занятые со дня на день своимъ полезнымъ трудомъ, люди эти не замѣчаютъ, что, хотя заработная плата ихъ номинально остается одна и та же и даже въ нѣкоторыхъ случаяхъ нѣсколько повышается, тѣмъ не менѣе, дѣйствительный заработокъ ихъ уменьшается быстрымъ умноженіемъ плохихъ орудій обмѣна»... (100). Если мы припомнимъ, что повышеніе заработной платы настаетъ «лишь послѣ того, какъ цѣны на предметы жизненной необходимости возросли до того, что дѣлаютъ невозможнымъ удовлетвореніе потребностей», то поймемъ, что доводы престарѣлаго государственнаго человѣка имѣли особенно важное значеніе. «Вначалѣ, продолжаетъ онъ:—рабочіе смотрятъ на такое умноженіе денегъ даже какъ «на благодѣяніе»; но «совсѣмъ иначе относится къ дѣлу спекулянтъ, который лучше понимаетъ сущность этихъ операцій и умѣетъ извлекать себѣ изъ нихъ выгоду». Наконецъ, М. Виртъ ничего не говоритъ о введеніи машинъ, этихъ сильныхъ рычаговъ капиталистическаго процесса, введеніе которыхъ всегда тяжело отзывалось на рабочихъ классахъ и было причиною многихъ частныхъ кризисовъ въ той области, въ которой онѣ вводились: такъ, напр. введеніе въ Англіи прядильныхъ паровыхъ машинъ въ 1827—33 г., введеніе механическаго станка—сучителя въ 1840 г. и т. д.

Капиталистическій порядокъ наступилъ не вдругъ, отдѣленіе работника отъ средствъ производства совершалось далеко не сразу и продолжается еще и въ наши дни. Обезземеленіе крестьянъ въ Европѣ произошло только въ XVIII и XIX столѣтіяхъ, даже на нашихъ глазахъ. Въ Англіи, гдѣ къ обезземеленію народа было приступлено раньше, чѣмъ въ другихъ странахъ (въ XV ст.), по свидѣтельству Маколея, еще въ концѣ XVII ст. 4/5 населенія было земледѣльческимъ. Смотря на раздачу земель американскимъ конгрессомъ, мы опять присутствуетъ при экспропріаціи земли капиталистами; лучшія земли въ Америкѣ принадлежатъ уже частнымъ лицамъ; оставшіяся незанятыми по бòльшей чàсти неудобны, и, кàкъ это ни странно, а въ такой об-

ширной странѣ является уже вопросъ о крупномъ землевладѣніи, съ одной стороны, и пролетаріатѣ—съ другой. Въ Германіи, Франціи и другихъ странахъ и до сихъ поръ продолжается еще аграрная борьба: насильственнаго срытія крестьянскихъ усадебъ, обращенія общинныхъ земель въ государственныя и продажи ихъ съ торговъ, а равно и другихъ экстренныхъ средствъ, такъ недавно еще практиковавшихся, правда, уже не употребляется; но крестьянство, несмотря на отчаянное сопротивленіе, все болѣе и болѣе вытѣсняется другого рода собственниками, вооруженными бо̀льшимъ капиталомъ. Равнымъ образомъ, тамъ и сямъ, и преимущественно въ Германіи, можно встрѣтить и теперь еще мелкія ремесла и мануфактуры, съ которыми капиталистическій процессъ не успѣлъ еще покончить. Все это, впрочемъ—уже второй и послѣдній актъ борьбы: главное сдѣлано. Капиталистическій процессъ теперь, главнымъ образомъ, выражается экспропріаціей прибавочной стоимости, прибавочнаго капитала, постоянно вновь образующагося, т. е. эксплуатаціей наемнаго рабочаго и взаимною борьбою капиталистовъ другъ съ другомъ: «число производительныхъ головъ, говоритъ М. Виртъ: — изобрѣтающихъ что либо новое и прокладывающихъ новые пути—очень ограниченно; гораздо многочисленнѣе тѣ механическія головы, которыя живутъ подражаніемъ и торопятся вступить въ конкуренцію со всякимъ новымъ производствомъ.» Но ка̀къ бы широко ни раскидывалась борьба эта и какой бы ожесточенный характеръ ни принимала временами, мы уже видѣли на чей счетъ она ведется и кто отъ нея страдаетъ. Козломъ отпущенія всегда и вездѣ является работникъ. Таковъ ужъ смыслъ всего экономическаго порядка и таковъ же смыслъ экономическихъ кризисовъ, этихъ естественныхъ послѣдствій этого порядка, такъ тѣсно связанныхъ съ рабочимъ вопросомъ. К. Марксъ доказываетъ, что «характерный жизненный путь новѣйшей промышленности, являющійся въ видѣ десятилѣтнихъ цикловъ, прерываемыхъ мелкими колебаніями и состоящихъ изъ періодовъ средняго оживленія производства подъ сильнымъ давленіемъ кризиса и застоя — основывается на постоянномъ образованіи, бо̀льшемъ или мѐньшемъ поглощеніи и новомъ образованіи резервной промышленной арміи или избыточнаго населенія.» [1] И напрасно кто нибудь сталъ бы доискиваться причинъ кризисовъ въ несовершенствѣ банковаго устройства, въ неудачной организаціи акціонерныхъ обществъ и т. д. и попытался бы какими нибудь измѣненіями въ этомъ направленіи устранить зло—онъ только за-

[1] Капиталъ, стр. 544.

путался бы въ страшномъ капиталистическомъ лабиринтѣ, утерялъ бы аріаднину нить и, конечно, ничего бы не сдѣлалъ. «Нѣтъ такого закона, говоритъ М. Виртъ:—который могъ бы застраховать банковое дѣло отъ всякой опасности, отъ всякаго потрясенія.» (222). И это совершенно вѣрно нетолько по отношенію къ банкамъ, но и вообще. Зло заключается въ разобщеніи труда и капитала, въ томъ, что земля, машины и другія орудія производства принадлежатъ однимъ людямъ, а трудъ—другимъ, въ томъ, что кредитъ, единственнымъ фундаментомъ которому служитъ трудъ, оказывается не представителямъ труда, а спекулянтамъ-предпринимателямъ, въ томъ, что государства, какъ во внутреннихъ распорядкахъ, такъ и во внѣшнихъ отношеніяхъ другъ къ другу, руководствуются тою же самою капиталистическою политикою. Кромѣ кризисовъ съ ихъ прямыми послѣдствіями, весь этотъ порядокъ сопровождается для общества еще и другого рода вредомъ: биржевая игра, роскошь, обманы и проч. сильно отзываются на нравственности и на характерѣ всего народа, и этотъ косвенный вредъ едва ли не больше вреда непосредственнаго, выражающагося въ матерьяльныхъ потеряхъ. Страсть къ легкой наживѣ, къ наживѣ безъ труда, насчетъ своего ближняго, становится преобладающимъ руководителемъ въ жизни и поражаетъ общество сверху до низу, отъ стараго до малаго, воспитывая эгоистическія чувства. Каждый становится особнякомъ, и личные интересы каждаго приходятъ въ полнѣйшій антагонизмъ съ интересами общественными. Порицая американскую спекуляцію, Джэксонъ высказывалъ: «поощряя этотъ духъ, мы не можемъ сказать себѣ, что охраняемъ добродѣтель народа и служимъ истиннымъ его интересамъ... Искушеніе добывать деньги какими бы то ни было способами будетъ становиться все сильнѣе и сильнѣе, и это неизбѣжно поведетъ къ порчѣ нравовъ, которая проложитъ себѣ путь и въ ваши совѣты и въ скоромъ времени запятнаетъ чистоту вашего правленія» (108). Къ сожалѣнію, далеко не всѣ лица, стоящія во главѣ государствъ, смотрятъ на дѣло такими чистыми глазами: замѣчательно, что капиталистическій процессъ вездѣ почти встрѣчалъ со стороны правительствъ уступчивость, какое-то конфузливое, если можно такъ выразиться, сопротивленіе (въ родѣ сопротивленія нѣкоторыхъ англійскихъ королей и королевъ) и гораздо чаще прямое содѣйствіе и поддержку; замѣчательно, что спекуляція вездѣ почти шла рука объ руку съ правительствами, которыя дѣлились съ нею барышами. Въ Англіи, во время спекуляцій на южно-американскую торговлю, министры составляли съ капиталистами финансовый заговоръ, носившій названіе клики

(the Cabale). Директоры К°К° великодушно дѣлились съ вліятельными лицами: всѣ эти «герцоги и герцогини, говоритъ М. Виртъ:—получали свои сотни тысячъ и статсъ-секретари свои десятки тысячъ фунтовъ». Спекуляціи Лоу были на половину дѣломъ правительства: онѣ могли достигнуть такого расцвѣта только при поддержкѣ регента, мать котораго писала въ одномъ письмѣ, оставшемся въ память потомству, слѣдующее: «Всюду только и рѣчи, что о мильйонахъ. Сынъ мой подарилъ мнѣ въ акціяхъ, 2 мил., которые я роздала лицамъ, находящимся на моей службѣ. Король тоже взялъ нѣсколько мильйоновъ для штата, состоящаго при его особѣ. Всѣ члены королевской фамиліи тоже получили свою долю» (25). Оба наполеоновскія правительства находилась въ самой тѣсной связи съ биржею. Члены парламентовъ, князья, ландграфы, маркизы, графы, бароны и лорды—все это участвовало и участвуетъ въ биржевой игрѣ, торговало и продолжаетъ торговать своимъ именемъ, продавая его, какъ рекламу; даже наслѣдный принцъ Англіи дозволялъ выставить свое имя во главѣ одного дутаго предпріятія, и когда Уольполь стыдилъ его тѣмъ, что «мыльный пузырь принца Уэльскаго» будетъ продаваться по сбавленной цѣнѣ, то принцъ нимало не устыдился и не устранился изъ предпріятія, пока не нажилъ 40,000 фунтовъ (40). Выше мы упоминали о почти поголовномъ участіи нѣмецкихъ аристократій въ спекуляціи. Говоря о томъ, что австрійскій министръ торговли рѣшился положить конецъ вопіющимъ злоупотребленіямъ въ акціонерныхъ обществахъ путемъ правосудія, М. Виртъ замѣчаетъ, что радость по этому поводу «значительно умѣряется при мысли о томъ длинномъ рядѣ въ высшей степени вліятельныхъ личностей, которыя сильно компрометировали себя» (377). Въ 1847 г., французскій министръ Тестъ былъ уличенъ въ принятіи взятки въ 100,000 франк. Другой бывшій министръ, г. Дювернуа, завѣдывавшій въ 1870 г. снабженіемъ Парижа и сдѣлавшійся впослѣдствіи директоромъ испанскаго территоріальнаго банка, попался въ мошенничествахъ. О тайномъ совѣтникѣ Вагнерѣ и другихъ лицахъ, разоблаченныхъ Ласкеромъ въ прусской палатѣ депутатовъ, мы уже говорили. Бывшій членъ федеральнаго совѣта и президентъ швейцарскаго союза, г. Форнеродъ, былъ осужденъ, въ 1873 г., на 3 года въ тюрьму. Свободная и молодая Америка не избѣжала пороковъ старой Европы. Предсказанія Джэксона сбылись: порча нравовъ скоро обнаружилась и не замедлила запятнать чистоту американскаго правленія. Въ 1857 г., изслѣдованія открыли такую организацію всяческихъ злоупотребленій, какой, по сознанію самихъ амери-

канскихъ газетъ, въ цѣломъ мірѣ нельзя было найдти ничего подобнаго. Чтобы получать отъ конгресса земли, желѣзныя дороги должны были подкрѣплять свое ходатайство согласіемъ того штата, въ которомъ находилась земля, и желѣзныя дороги безъ церемоніи и съ успѣхомъ подкупали правительства многихъ штатовъ. Больше другихъ отличился въ этомъ отношеніи штатъ Висконсинъ. Правленіе дороги между Лакроссомъ и Мильуокки израсходовало на подкупъ слѣдующую сумму:

Губернатору	50,000	дол.
Вице-губернатору	10,000	„
Государственному контролёру (т. е. министру фин.)	10,000	„
Частному секретарю губернатора	5,000	„
51 депутату по 5,000 дол. каждому	255,000	„
8 депутатамъ по 10,000 дол. каждому	80,000	„
Тринадцати сенаторамъ круглымъ счетомъ	175 000	„
Первому секретарю законодательнаго собранія	5,000	„
Второму секретарю	10 000	„
Карпентеру, издателю газеты «Duglas Demokrat»	5,000	„
Шеффлеру, издателю нѣмецк. газеты «Buchanan Blatt»	10,000	„
Редактору газеты «Milwaukee—News»	1,000	„
Редактору газеты «Sentinel»	10,000	„
Лицамъ, состоящимъ на службѣ общества, маклерамъ, агентамъ и судьямъ въ общей сложности	236,000	„
Итого	872,000	дол. (стр. 265).

По чьему то остроумному замѣчанію, подкупъ свободнаго правительства обходится дороже, чѣмъ подкупъ коронныхъ чиновниковъ, но утѣшеніе это малоутѣшительно. Мошенничество становится самымъ обычнымъ, самымъ зауряднымъ явленіемъ. Ни одно предпріятіе не обходится безъ расхищенія суммъ, безъ того, чтобы не прилипала извѣстная часть акціонернаго капитала къ рукамъ учредителей и окружающей ихъ стаи пройдохъ. Депланкъ разсчитывалъ, что во Франціи скидки, дѣлавшіяся желѣзнодорожными подрядчиками въ пользу учредителей, составляли minimum 10%, что съ 3 мильярдовъ фр. дало 3 мильйона въ пользу только 100 чел. (235). Страсбургско-базельская дорога обошлась не 40 мил. фр., а только 27, слѣдовательно, 13 составляли магарычъ. На сѣверной дорогѣ было нажито 90 мил. фр. Въ Австріи, по разсчету «Neue Freie Presse», расходы на добываніе средствъ на постройку составляли 25—35%. Въ Америкѣ, по оцѣнкѣ самихъ компаній, стоимость мили пути выводилась въ 88,872 дол., а по оцѣнкамъ инженеровъ—только 35,000 дол.; слѣдовательно, изъ всего капитала 6.236,638,749 дол., собраннаго отъ акціонеровъ и взятаго у правительства, въ дѣйствительности было израсходовано на желѣзныя дороги только 2.456,230,000 дол. [1] Вчера вы

1 «Отеч. Зап.» май 1877, «Растрата общ. зем. амер. конгрессомъ».

слышали о бѣгствѣ кассира, укравшаго кассу, сегодня вы слышите о коллективномъ воровствѣ директоровъ и поддѣлкѣ въ книгахъ, завтра видите на скамьѣ подсудимыхъ министра, ученаго, игуменью и т. д. Сегодня вы слышите, что американскіе капиталисты сильно понизили заработную плату, завтра жены этихъ капиталистовъ выписываютъ изъ Европы на 40.828,844 дол. женскихъ нарядовъ и такъ усиленно поѣдаютъ конфекты, что ввозъ сахара простирается до 42.770,300 дол. и превышаетъ ввозъ прошлаго года на 27 мил. дол. Сегодня австрійскій еврей моритъ 20-ти часовою работою дѣтей и беременныхъ женщинъ, завтра онъ платитъ 500 гульд. за билетъ на представленіе Патти и, можетъ быть, плачетъ, слушая Травіату. Сегодня двѣ чопорныя французскія аристократки оспариваютъ другъ у друга честь проѣхаться на козлахъ экипажа любовницы Лоу, завтра шесть знатнѣйшихъ дамъ, какъ писала герцогиня Орлеанская, урожденная нѣмецкая принцесса, отъ 20 ноября 1719 г., подкарауливаютъ Лоу на дворѣ одного дома и осаждаютъ его просьбами уступить имъ нѣсколько акцій. Лоу куда-то спѣшитъ, не хочетъ ихъ слушать и, наконецъ, говоритъ дамамъ: «Сударыни, тысячи разъ прошу извинить меня, но если вы меня не пустите, я лопну, потому что чувствую потребность помочиться и немогу больше удержаться». На это знатныя барыни отвѣчаютъ ему: «Eh bien, monsieur, pissez, pourvu que vous nous écoutiez!» И пока онъ отправляетъ свою нужду, онѣ стоятъ возлѣ и объясняютъ ему свое дѣло [1] Мошенничество все чаще и чаще становится наглымъ: такъ, напр., когда американское правительство рѣшилось наложить нѣкоторую узду на банки и потребовать отъ нихъ, чтобы они имѣли и держали въ кассѣ извѣстную наличную сумму звонкою монетой, то вновь открытый въ 1857 г. лакомптонскій банкъ (въ штатѣ Канзасъ) долженъ былъ представить 50,000 дол. Имѣя въ наличности только 2,000 д. въ двухъ мѣшкахъ, по 1,000 дол. въ каждомъ, директоры, чтобы обмануть губернатора, пріѣхавшаго провѣрить сумму, устроили дѣло такимъ образомъ, что, пока губернаторъ, пересчитавъ одинъ мѣшокъ, считалъ деньги во второмъ мѣшкѣ, первый мѣшокъ выбрасывался въ одну дверь и вносился затѣмъ въ другую, чтобы снова подвергнуться повѣркѣ и т. д. (257). Ратуя противъ банковыхъ спекуляцій, Джэксонъ присовокуплялъ къ своимъ доводамъ еще предостереженіе противъ банкократіи, которая грозила свободнымъ учрежденіямъ страны: банкъ Соединенныхъ Штатовъ «явно сопротивлялся конгрессу, многократно нарушалъ за-

---

[1]) Лассаль, т. I, стр 7.

коны страны и не разъ вмѣшивался въ политику партій (129). Эта банкократія, говорилъ онъ, «не преминетъ оказать пагубное вліяніе на ходъ промышленности и финансовое положеніе»; она «отниметъ у народа его независимость и создастъ феодальную аристократію, которая будетъ отличаться всѣми пороками стараго дворянства, не обладая ни одною изъ его добродѣтелей» (109), добродѣтелей весьма, впрочемъ, немногочисленныхъ, добавимъ мы отъ себя. Феодальная аристократія еще не создалась въ Америкѣ, а плутократія дѣйствительно, и не въ одной только Америкѣ, а и въ другихъ странахъ, отнимаетъ у народа его независимость, держитъ правительства въ своихъ рукахъ и диктуетъ имъ свои законы. Достаточно припомнить одинъ только тотъ тонъ, какимъ заговорила, въ 1872 г., клика австрійскихъ учредителей съ министромъ торговли. И «то не была рѣчь единичныхъ зазнавшихся личностей, то былъ голосъ многочисленной могущественной партіи» (379). Достаточно припомнить тѣ мягкія мѣры, въ родѣ записыванія именъ «несостоятельныхъ должниковъ, которые, по окончаніи процедуры соглашенія, будутъ уличены въ злостномъ уклоненіи отъ исполненія своихъ обязательствъ» на особой черной доскѣ въ залѣ биржи, ка́къ это было предписано въ 1873 г. австрійскимъ министромъ въ Вѣнѣ и раньше въ Прагѣ (415). И такія мягкія мѣры противъ злостнаго уклоненія отъ исполненія своихъ обязательствъ употребляются въ той странѣ, которая такъ строго относится къ стачкамъ рабочихъ. Интересно еще отношеніе правительствъ къ пострадавшимъ спекулянтамъ во время кризисовъ. Средства, употреблявшіяся въ разныхъ странахъ, для облегченія кризисовъ въ высшей степени однообразны: капиталисты устраивали кассы взаимнаго вспомоществованія, кассы для ссудъ подъ товары и подъ бумаги, заключали займы, выпускали временныя свидѣтельства и т. п.; но всѣ эти средства обыкновенно оказывались вскорѣ недѣйствительными. Капиталисты прибѣгали тогда за помощью къ правительствамъ, и правительства оказывали щедрую — гласную и негласную — поддержку. То отмѣнялось, какъ въ Англіи, дѣйствіе банковаго закона и дозволялось выбивать клинъ клиномъ—усилить выпускъ ничѣмъ не обезпеченныхъ билетовъ; то, какъ во Франціи въ 1857 г., прямо выдавалось «значительное денежное пособіе» (285); то, какъ въ Гамбургѣ въ 1763 и 1799 г. ссужались мильйоны подъ залогъ товаровъ (56); то, какъ въ Австріи, ссудою подъ бумаги и т. п. Не проходило кризиса, чтобы наблудившіе аферисты, отрицающіе всякую правительственную поддержку по отношенію къ рабочимъ, не обращались за государственною помощью то какъ дѣти, «нарушившіе материнское

запрещеніе и попавшіе въ бѣду», то съ требованіемъ, отзывающимся «чисто якобинскимъ терроризмомъ», и не было правительства въ западной Европѣ, которое не оказало бы имъ той или иной, прямой или косвенной поддержки. За высокими мотивами при этомъ, конечно, дѣло не останавливалось: выдавая въ 1757 г. 10 мил., полученные въ ссуду отъ австрійскаго національнаго банка и предназначенные для дисконтной кассы, въ руки особой комиссіи, гамбургскій сенатъ говорилъ, что назначаетъ эту сумму «для оказанія наиболѣе необходимой помощи крупнѣйшимъ и вліятельнѣйшимъ фирмамъ, паденіе которыхъ *было бы опасно для общаго блага* (302). «Опытные» экономисты, разумѣется, при этомъ не скупились на доводы: одни, какъ экономистъ «Венгерскаго Ллойда», доказывали, что учредители по профессіи полезны для народнаго благосостоянія, такъ какъ они оберегаютъ, видите ли, «людей, любящихъ помѣщать свои деньги за высокіе проценты въ ненадежныя предпріятія, отъ грабительства заграничныхъ посягательствъ на ихъ кошелекъ» (391); другіе, поумнѣе, какъ М. Виртъ, отрицая въ принципѣ государственную помощь въ такихъ случаяхъ, распространялись въ тоже время о страданіяхъ *«невинныхъ»*, т. е. рабочихъ (412), совершенно забывая при этомъ, что помощь оказывается обыкновенно вовсе не невиннымъ и т. д. Говоря о поощреніяхъ, оказываемыхъ правительствами капиталистамъ, и о мягкости мѣръ, употребляемыхъ не противъ отдѣльныхъ и уличенныхъ проворовавшихся личностей, попадающихъ на скамью подсудимыхъ, а по отношенію къ цѣлому порядку вещей сплошнаго и неуличеннаго мошенничества, сочувствуя бо̀льшей регламентаціи капиталистическихъ отношеній и бо̀льшей строгости законодательства противъ злоупотребленій—строгости, по крайней мѣрѣ, равномѣрной съ употреблявшеюся противъ рабочихъ—мы, однако, думаемъ, что никакіе законы, никакія строгія мѣры не могутъ устранить злоупотребленій и предотвратить кризисовъ: зло лежитъ во всемъ порядкѣ извращенныхъ экономическихъ отношеній, которыя обращаютъ жизнь въ сплошное мошенничество, которыя не оставляютъ профессіи, не оставляютъ уголка даже для честнаго человѣка, чтобы онъ могъ примирить свою дѣятельность съ совѣстью и сказать, что онъ ни добровольно, ни невольно не мошенничаетъ; равнымъ образомъ, окажутся безсильными и всѣ мѣры противъ кризисовъ, которые будутъ повторяться до самыхъ тѣхъ поръ, пока трудъ и капиталъ будутъ раздѣлены, пока кредитъ будетъ оказываться не дѣйствительному производителю, не дѣйствительному работнику.

НАРОДЪ.

Знакомъ съ тобой я чуть ли не съ пелёнокъ,
Народъ великорусскихъ деревень!
Ты продиралъ глаза еще спросонокъ,
Прозрѣлъ едва въ торжественный тотъ день,
Когда ждала у каждаго порога
Благая вѣсть: вчерашній рабъ, проснись!
И знаменіемъ крестнымъ осѣнись
На вольный трудъ, съ благословеньемъ Бога!
Темна среда, невзраченъ образъ твой
Въ годину рабства и томленья:
Ты жертвой былъ ошибки роковой
И вѣкового преступленья;
Въ невѣжествѣ, въ грязи ты брошенъ былъ
На произволъ грабителей и барства,
Ты на цѣпи наслѣдственной изнылъ —
Безсмѣнный стражъ полуночнаго царства!
Не видѣли твоихъ кровавыхъ слёзъ,
Въ тебѣ не признавали *человѣка!..*
Всё пережилъ и все ты перенесъ,
Безъ горечи, безъ злобы и упрека.
И этотъ гнётъ насилій и оковъ,
Въ которыхъ гаснутъ духъ живой и сила,
Всю повѣсть эту скорбную вѣковъ —
Толпа твоихъ хулителей-враговъ,
Себялюбивая забыла!!
Не на своихъ плечахъ она несла
Невзгоды земства стараго покроя,
Всю тяготу крестьянскаго *тягла*,
Безправіе общественнаго строя.
Какъ не забыть?!. О, сколько разъ и я —
Услышь, народъ, тяжелое признанье —
Неправеднаго гнѣва не тая,

Клеймилъ тебя словами порицанья!
Но предъ твоей безпомощной судьбой,
Хоть тѣмъ же себялюбіемъ недуженъ,
Я умолкалъ, безропотной тоской,
Терпѣніемъ твоимъ обезоруженъ...

. . . .

Какъ нѣкогда съ синайской высоты
Народъ богоизбра̀нный, принялъ ты
Гражданскихъ правъ и вольностей скрижали...
Что̀жъ сдѣлалъ ты съ великой той поры?
Отмылся ли отъ струповъ и коры,
Что̀ на тебѣ вѣками наростали?
Поправился-ль?—Прошло немало лѣтъ —
Красна-ль изба? полны̀ ль твои закро̀мы?
Изъ тьмы глухой ты вышелъ ли на свѣтъ?
Опомнился-ль отъ круговой истомы?
Нѣтъ! обновить *годами* не легко
Что̀ ржавѣло *столѣтія* подъ спудомъ!
Твоя бѣда таится глубоко̀,
Убитый духъ не воскресаетъ чудомъ.
Неволей злой обиженъ и забитъ,
Дитя большое, сметливый ребенокъ,
Ты и теперь не вышелъ изъ пелёнокъ,
Хоть твердъ въ бѣдѣ, выносливъ, даровитъ.
Пусть въ скорбную безправія годину
Бѣдой не вмочь навьюченную спину
Ты преклонялъ подъ Грознаго рукой;
Скрѣпивъ съ землей и жизнь твою, и долю,
Пусть Годуновъ сковалъ тебѣ неволю,
Могучимъ былъ и будетъ образъ твой!
Грозу татаръ и Посполитой Рѣчи
И съ запада неслыханный погромъ,
Все принялъ ты, какъ исполинъ, на плечи
И—сбросилъ побѣдительно потомъ!
Вотъ—изъ среды твоей космато-сѣрой
Опять встаютъ и изумляютъ свѣтъ,
И въ бой идутъ съ несокрушимой вѣрой
Богатыри, которымъ равныхъ нѣтъ.
Но... истомленъ природою суровой,
Въ глуши и тьмѣ, безъ помощи, одинъ,
Ты вырости не могъ для жизни новой,
Какъ вѣрный стражъ закона—гражданинъ:
Разгулъ—законъ твоихъ шумливыхъ сходокъ,

Но трезвъ твой умъ, спокоенъ твердый шагъ,
Съ родной землей — подательницей благъ —
Весь слился ты, громадный самородокъ!
Жизнь безъ утѣхъ, лишенья, нищета,
Широкій духа складъ своеобразный,
Въ понятіяхъ—глухая темнота,
Все вызвало разгулъ твой безобразный,
Да! теменъ ты, какъ золотой чертогъ,
Завѣшенный отъ солнечнаго свѣта,
Какъ, утромъ, лѣсъ дремучій, до разсвѣта,
Какъ грудой скалъ заваленный потокъ...
Дастъ Богъ—изъ тьмы непроходимой ночи
Пробьется лучъ; придетъ твоя чреда,
Прозрятъ твои осмысленныя очи,
Созрѣетъ духъ, поднимется среда.
Узнаешь ты, что̀ *честный* трудъ—свобода,
Что изъ бѣды иного нѣтъ исхода;
Что тотъ прямой заступникъ твой и другъ,
Кто, предъ толпой не расточая лести,
Врачуетъ твой невѣжества недугъ
И отъ тебя не ждетъ похвалъ и чести;
Кто правду говоритъ тебѣ въ глаза,
Кому твои простыя рѣчи внятны,
Знакомы нужды, близки и понятны
Вздохъ каждый твой и каждая слеза!

А. Яхонтовъ.

1878.

ИСТОРІЯ ОДНОГО ПРЕСТУПЛЕНІЯ.

СОЧ. ВИКТОРА ГЮГО.

ТОМЪ II.

(*Продолженіе*).

IV.

События ночи. Пассажъ Сомонъ.

Когда съ баррикады Пти-Карро, увидали, что Денисъ Дюссубъ палъ, такъ славно для своихъ, такъ постыдно для убійцъ, это произвело ошеломляющее дѣйствіе. Всѣ на минуту какъ бы оцѣпенѣли. Возможно ли это? Вѣрить ли глазамъ? Неужели такое преступленіе совершено французскими солдатами? Ужасъ овладѣлъ всѣми!

Но это продолжалось не долго. Да здравствуетъ республика! въ одинъ голосъ вскричала вся баррикада и отвѣтила убійцамъ сильнымъ огнемъ.

Бой начался, неистовый бой со стороны переворота, отчаянная борьба со стороны республики. На сторонѣ солдатъ были: холодная, страшная рѣшимость, безусловное повиновеніе, численность, хорошее оружіе, начальники съ неограниченной властью, сумки, наполненныя патронами. На сторонѣ народа—недостатокъ боевыхъ запасовъ, безпорядокъ, усталость, изнеможеніе, отсутствіе дисциплины и одинъ вождь—негодованіе.

Повидимому, въ то время, какъ Денисъ Дюссубъ говорилъ, пятнадцать гренадеровъ, подъ начальствомъ сержанта Питруа,

пробрались, пользуясь темнотой, вдоль домовъ, и никѣмъ не замѣченные, заняли позицію довольно близко къ баррикадѣ. Эти пятнадцать человѣкъ внезапно сгрупировались и, держа ружья на перевѣсъ, въ двадцати шагахъ отъ баррикады готовились взобраться на нее. Ихъ встрѣтили ружейнымъ залпомъ. Начальникъ батальйона Жаннепъ крикнулъ: покончимъ разомъ! Тогда батальйонъ, занимавшій баррикаду Моконсель, появился весь на ея неровномъ гребнѣ, выровнялся, съ поднятыми кверху штыками, и внезапно, но правильно, не ломая своихъ линій, ринулся на улицу. Всѣ четыре роты, сомкнувшіяся и какъ бы смѣшавшіяся, такъ что ихъ едва можно было различить, казались одной бурной волной, шумно извергающеюся съ плотины.

Съ баррикады Пти-Карро наблюдали за этимъ движеніемъ и пріостановили огонь. «Цѣлься! крикнулъ Жанти-Сарръ: — но не стрѣлять... ожидать команды».

Всѣ прижали приклады къ плечу, ружейныя дула просунулись между камнями баррикады, готовые къ залпу. Бойцы ожидали.

Батальйонъ, покинувъ редутъ Моконсель, быстро построился къ атакѣ, и, минуту спустя, послышался перемежающійся шумъ бѣглаго шага. Батальйонъ приближался.

— Шарпантье! сказалъ Жанти-Сарръ:—у тебя хорошее зрѣніе: скажи—дошли ли они до половины пути?

— Да, отвѣчалъ Шарпантье:

— Пли! скомандовалъ Жанти Сарръ.

Баррикада сдѣлала залпъ. Вся улица наполнилась дымомъ. Нѣсколько солдатъ упали. Послышались стоны раненыхъ. Батальйонъ, осыпанный пулями, остановился и отвѣчалъ повзводной пальбой.

Семь или восемь бойцовъ, только на половину прикрытые баррикадой, слишкомъ низкой и построенной наскоро, упали. Трое были убиты на мѣстѣ. Одинъ, раненый въ животъ, упалъ между Жанти-Сарромъ и Шарпантье. Онъ стоналъ.

— Живѣй! На перевязочный пунктъ! сказалъ Жанти-Сарръ.

— Куда?

— Въ улицу du Cadran.

Жанти Сарръ и Шарпантье взяли раненаго, одинъ за голову, другой за ноги, и унесли его черезъ проходъ баррикады, въ улицу du Cadran.

Между тѣмъ, шла непрерывная пальба. Въ улицѣ, полной дыма, свистѣли и перекрещивались пули, слышались то короткія и повряемыя слова команды, то жалобные стоны, да огонь отъ ружейныхъ выстрѣловъ прорѣзывалъ мракъ.

Вдругъ чей-то громкій голосъ крикнулъ: «впередъ!» Батальйонъ снова пустился бѣглымъ шагомъ и ринулся на баррикаду.

Тогда произошло нѣчто ужасное. Дрались въ рукопашную, четыреста съ одной стороны, пятьдесятъ—съ другой. Хватали другъ друга за горло, за волосы, за лицо, душили другъ друга. Ни одного патрона не оставалось на баррикадѣ. Но оставалось отчаяніе. Одинъ работникъ, весь исколотый, выхватилъ изъ своего живота штыкъ и убилъ имъ солдата. Дрались не видя другъ друга. Это была рѣзня ощупью.

Баррикада не продержалась и двухъ минутъ. Она была низка во многихъ мѣстахъ, какъ мы уже говорили. Черезъ нее скорѣй перешагнули, чѣмъ перелѣзли. Но тѣмъ болѣе героизма было со стороны ея защитниковъ. Одинъ изъ нихъ, оставшійся въ живыхъ, говорилъ пишущему эти строки: баррикада защищалась очень плохо, но люди умирали очень хорошо [1].

Между тѣмъ, какъ все это происходило, Жанти-Сарръ съ Шарпантье отнесли раненаго въ временный лазаретъ въ улицу du Cadran. Окончивъ перевязку, они возвращались на баррикаду. Они уже подходили къ ней, какъ кто-то назвалъ ихъ по именамъ Слабый голосъ говорилъ подлѣ нихъ: «Жанти-Сарръ! Шарпантье!» Они обернулись и увидѣли одного изъ своихъ, который, едва держась на ногахъ, прислонился къ стѣнѣ. Онъ умиралъ. Это былъ одинъ изъ бойцовъ, только-что покинувшій баррикаду. Онъ кое-какъ выбрался на улицу, прижимая руку къ груди, куда его ранили пулей въ упоръ. Онъ сказалъ имъ чуть слышнымъ голосомъ:—Баррикада взята! Спасайтесь!

— Нѣтъ! сказалъ Жанти-Сарръ.—Я еще долженъ разрядить ружье свое.

Жанти-Сарръ вошелъ на баррикаду, выстрѣлилъ и ушелъ.

Внутренность взятой баррикады представляла ужасное зрѣлище.

Республиканцы, подавленные численнымъ превосходствомъ, не сопротивлялись болѣе. Офицеры кричали: «Не берите въ плѣнъ», Солдаты убивали тѣхъ, которые еще оставались на ногахъ, и прикалывали упавшихъ. Многіе ожидали смерти съ гордымъ спокойствіемъ. Умирающіе, приподнявшись, кричали: «да здравствуетъ республика!» Нѣкоторые солдаты топтали каблуками лица умершихъ для того, чтобъ ихъ не могли узнать. Между трупами, посреди баррикады, лежалъ распростертый, съ волосами, погруженными въ стокъ, почти однофамилецъ Шарпантье—Карпантье, делегатъ комитета X-го округа; онъ былъ убитъ двумя пулями въ грудь. Зажженная свѣчка, которую солдаты взяли у погребщика, стояла на камнѣ.

---

[1] 18-го февраля.—Лувенъ.

Солдаты неистовствовали. Казалось, они мстили за что-то. За что? Работникъ, по имени Патюрель, раненый тремя пулями, получилъ послѣ того еще десять штыковыхъ ранъ, изъ которыхъ четыре были нанесены ему въ голову. Его сочли умершимъ и оставили. Онъ чувствовалъ, какъ его обшаривали. Въ карманѣ у него было десять франковъ; ихъ вытащили. Онъ умеръ только шесть дней спустя и успѣлъ разсказать эти подробности. Замѣтимъ мимоходомъ, что имя Патюреля нигдѣ не встрѣчается въ спискахъ труповъ, опубликованныхъ г. Бонапартомъ.

Шестьдесятъ республиканцевъ защищали редутъ Пти-Карро. Сорокъ шесть изъ нихъ были убиты. Эти люди пришли сюда утромъ, по доброй волѣ, гордые и счастливые тѣмъ, что могли драться и умереть. Въ полночь все было кончено. Ночные фургоны свезли на другой день девять труповъ на больничныя кладбища и тридцать семь на монмартрское.

Жанти-Сарръ, Шарпантье и еще третій, имя котораго осталось неизвѣстнымъ, спаслись какимъ-то чудомъ. Они пробрались вдоль домовъ до пассажа Сомонъ. Рѣшотка пассажа, запиравшаяся на ночь, не достигала въ вышину до арки воротъ. Они перелѣзли черезъ нея, рискуя поранить себя. Жанти-Сарръ полѣзъ первый и, зацѣпившись за одну изъ остроконечныхъ стрѣлъ рѣшотки, разорвавшую ему панталоны, упалъ головой внизъ; но онъ скоро поднялся, его только ошеломило. Остальные послѣдовали за нимъ, и также спустились по рѣшоткѣ въ пассажъ, слабо освѣщаемый лампой, мерцавшей гдѣ-то, въ глубинѣ его. Но они слышали шаги солдатъ, преслѣдовавшихъ ихъ, и для того, чтобы пробраться въ улицу Монмартръ, имъ нужно было перелѣзть черезъ другую рѣшотку, находившуюся на противоположномъ концѣ пассажа, а руки ихъ были изрѣзаны, колѣни въ крови. Они изнемогали отъ усталости и чувствовали себя не въ силахъ повторить такую попытку.

Жанти-Сарръ зналъ, гдѣ живетъ сторожъ пассажа. Онъ постучался къ нему, умоляя его отворить. Сторожъ отказалъ ему. Въ эту минуту, отрядъ, посланный для ихъ преслѣдованія, подошелъ къ рѣшоткѣ, черезъ которую они перелѣзли. Солдаты, услыхавъ шумъ въ пассажѣ, просунули дула своихъ ружей между желѣзными палками рѣшотки. Жанти-Сарръ прислонился къ стѣнѣ, позади одной изъ колоннъ, украшающихъ пассажъ, но колонна была слишкомъ тонка и закрывала его только на половину. Солдаты сдѣлали залпъ, дымъ наполнилъ пассажъ. Когда онъ разсѣялся, Жанти-Сарръ увидѣлъ Шарпантье, лежащаго навзничъ, на каменныхъ плитахъ. Пуля попала ему въ сердце. Дру-

гой ихъ товарищъ лежалъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него, смертельно раненный.

Солдаты не полѣзли черезъ рѣшотку, но поставили къ ней часоваго; Жанти-Сарръ слышалъ, какъ они удалились улицей Mandar. «Вѣроятно, они еще вернутся», подумалъ онъ. Бѣжать не было никакой возможности. Онъ ощупалъ, одну за другой, всѣ двери, находившіяся вокругъ него. Одна, наконецъ, подалась. Это показалось ему чудомъ. Кто же забылъ запереть ее? Провидѣніе, конечно? Онъ спрятался за нее и простоялъ тутъ болѣе часа, недвижимъ, притаивъ дыханіе.

Не слыша никакого шума, онъ рѣшился выйдти. Часоваго уже не было. Отрядъ возвратился къ своему батальйону.

Одинъ изъ старыхъ друзей Жанти-Сарра, человѣкъ, которому онъ когда-то оказалъ значительную услугу, жилъ именно въ пассажѣ Сомонъ. Жанти-Сарръ отыскалъ нумеръ, разбудилъ дворника, сказалъ ему имя своего пріятеля, заставилъ отворить себѣ, поднялся по лѣстницѣ и постучалъ въ дверь. Ее отворили, и передъ нимъ появился его пріятель въ одной рубашкѣ, со свѣчкой въ рукѣ; узнавъ Жанти-Сарра, онъ вскричалъ: «Это—ты! Въ какомъ ты видѣ! Откуда ты? Небось бунтовалъ? Надѣлалъ какихъ-нибудь глупостей и хочешь насъ всѣхъ подвести? хочешь, чтобъ насъ перерѣзали, разстрѣляли? Говори же, наконецъ, чего ты отъ меня требуешь?»

— Чтобъ ты почистилъ меня, сказалъ Жанти-Сарръ.

Пріятель взялъ щетку и почистилъ его; Жанти-Сарръ ушелъ «Спасибо!» крикнулъ онъ своему пріятелю съ лѣстницы.

Подобнаго рода гостепріимство мы встрѣчали потомъ въ Швейцаріи, въ Бельгіи и даже въ Англіи.

На другой день, когда подняли трупы, на Шарпантье нашли памятную книжку и карандашъ, а на Денисѣ Дюссубъ—письмо. Письмо къ женщинѣ. Сердца̀ этихъ сто̀иковъ нѣжны.

«Моя милая Мари!

«Знакомо ли вамъ тяжолое и вмѣстѣ сладкое чувство грусти о тѣхъ, кто груститъ о васъ? Что касается меня, то со дня нашей разлуки, у меня не было другого горя, какъ только мысль о васъ. Но и въ самомъ горѣ заключалось для меня нѣчто отрадное, я могъ судить по немъ, ка̀къ сильно я васъ люблю; я былъ счастливъ сознаніемъ этой любви. Зачѣмъ мы разстались? Зачѣмъ я долженъ былъ бѣжать отъ васъ? Мы были такъ счастливы! Когда я вспомню о вечерахъ, проведенныхъ съ вами, объ этой веселой болтовнѣ въ деревнѣ, съ вашими сестрами, горькое сожалѣніе закрадывается мнѣ въ душу. Неправдали, вѣдь мы очень любили другъ друга, моя дорогая? Ни у кого изъ

насъ не было никакихъ тайнъ отъ другого, потому что намъ нѣзачѣмъ было таиться. Наши уста передавали мысль такою, какою она исходила изъ сердца, и мы никогда не думали что-нибудь изъ нея утаивать.

«Богъ отнялъ у насъ всѣ эти блага, и ничто не можетъ меня утѣшить. Вы, безъ сомнѣнія, также скорбите объ ихъ утратѣ.

«Ка̀къ не часто мы видимъ тѣхъ, кого любимъ! Обстоятельства разлучаютъ насъ съ ними, и душа наша, тревожимая и увлекаемая внѣшней жизнью, осуждена на постоянныя терзанія. Я испытываю эти муки, причиняемыя отсутствіемъ любимаго существа. Я переношусь въ тѣ мѣста, гдѣ вы находитесь, я слѣжу глазами за вашей работой или слушаю ваши рѣчи, сидя подлѣ васъ и стараясь угадать, что̀ вы скажете. Ваши сестры шьютъ около... напрасныя мечты! Минутная иллюзія!.. Моя рука ищетъ вашей... гдѣ вы, моя дорогая?

«Моя жизнь подобна изгнанію. Вдалекѣ отъ тѣхъ, кого я люблю и кѣмъ я любимъ, сердце мое зоветъ ихъ, изнываетъ отъ горя. Нѣтъ! я не люблю большихъ городовъ съ ихъ шумомъ—городовъ, населенныхъ чужими людьми, гдѣ никто тебя не знаетъ и гдѣ ты никого не знаешъ, гдѣ сталкиваются другъ съ другомъ, никогда не обмѣниваясь улыбкой. Но я люблю наши спокойныя деревни, миръ очага и ласкающій голосъ друзей. До сихъ поръ я жилъ постоянно въ противорѣчіи съ своей природой. Моя пылкая кровь, моя душа, ненавидящая несправедливость, зрѣлище незаслуженныхъ несчастій, ввергли меня въ борьбу, исхода которой я не могу предвидѣть, и я хочу до конца остаться въ ней «безъ страха и упрека», но она убиваетъ меня, пожираетъ жизнь мою.

«Я открываю вамъ, дорогой другъ мой, тайныя страданія моего сердца: нѣтъ, мнѣ нѣчего краснѣть за то, что̀ рука моя написала сейчасъ, но сердце мое болитъ, и тебѣ сознаюсь я въ этомъ. Я страдаю... Я хотѣлъ бы вычеркнуть эти строки. Но зачѣмъ? Развѣ они способны оскорбить васъ? Что̀ же въ нихъ оскорбительнаго для моего друга? Вѣдь я знаю вашу привязанность, знаю, что вы меня любите. Да, вы не обманывали меня. Я цѣловалъ не лживыя уста. Когда вы сидѣли у меня на колѣняхъ, и я слушалъ въ упоеніи ваши ласковыя рѣчи, я вѣрилъ вамъ. О! какая тоска грызетъ и терзаетъ меня. Я чувствую какое-то бѣшеное желаніе жизни. Неужели это Парижъ производитъ на меня такое дѣйствіе? Мнѣ все хотѣлось бы быть въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ меня нѣтъ теперь. Я живу здѣсь въ совершенномъ уединеніи. Я вамъ вѣрю, Мари!»

. . . .

. . . .»

Памятная книжка Шарпантье содержала въ себѣ только слѣдующій стихъ, который онъ написалъ въ темнотѣ, у подножія баррикады, въ то время, какъ Денисъ Дюссубъ говорилъ:

Admonet et magna testatur voce per umbros.

V.

Еще мрачныя вещи.

Иванъ еще разъ видѣлся съ Конно. Онъ подтвердилъ намъ то, что̀ содержалось въ запискѣ А. Дюма къ Бокажу. Вмѣстѣ съ фактами, мы узнали и имена. 3-го декабря, у г. Аббатуччи, въ улицѣ Комартенъ, № 31 въ присутствіи доктора Конно, Пьетри, предложилъ корсиканцу Жаку Франсуа Крисчелли [1], уроженцу Веццони, состоявшему при Луи Бонапартѣ и исполнявшему его личныя и секретныя порученія, схватить или убить Виктора Гюго за «двадцать пять тысячъ франковъ». Онъ принялъ предложеніе и сказалъ:

— Хорошо; но если я исполню это не одинъ, если насъ будетъ двое?..

Пьетри отвѣчалъ: «Тогда пятьдесятъ тысячъ франковъ».

Это сообщеніе, сопровождаемое настоятельными просьбами, было мнѣ сдѣлано Иваномъ, въ улицѣ Монтаборъ, когда еще мы находились у Дюпонъ-Вита.

Упомянувъ объ этомъ, продолжаю разсказъ.

Бойня 4 го декабря только на другой день возъимѣла настоящее дѣйствіе. Импульсъ, данный нами сопротивленію, длился еще нѣсколько часовъ, такъ что, при наступленіи ночи, на всемъ пространствѣ, между улицей Пти-Карро и улицей Тампль, еще дрались. Баррикады Пажвенъ, Neuve S-te Eustache, Монторгёйль, Рамбюто, Бобуръ, Трансонненъ защищались съ примѣрнымъ мужествомъ. Тутъ былъ цѣлый узелъ переулковъ и улицъ, баррикадированныхъ народомъ и окруженныхъ войсками, куда невозможно было проникнуть. Приступъ былъ безпощадный, ожесточенный.

Баррикада въ улицѣ Монторгёйль была одна изъ тѣхъ, которыя держались долѣе другихъ. Для взятія ея явилась надобность въ батальйонѣ и пушкахъ. Въ послѣднюю минуту, ее

---

[1] Это былъ тотъ самый Крисчелли, который позднѣе, въ Божирарѣ, въ улицѣ Транси, убилъ, по спеціальному порученію префекта полиціи, нѣкоего Кёльша, «заподозрѣннаго въ замыслѣ убить императора».

защищали только трое: два комми и продавецъ лимонада изъ сосѣдней улицы. Когда начался приступъ, было уже совсѣмъ темно, и бойцы могли убѣжать. Но они были окружены. Никакого выхода, ни одной отворенной двери. Подобно тому, какъ Жанти Сарръ и Шарпантье скрылись въ пассажѣ Сомонъ, и они перелѣзли черезъ рѣшотку пассажа Вердо, но противуположная рѣшотка была заперта. Имъ нѣкогда было, такъ же какъ и тѣмъ, перебираться черезъ нея, и притомъ, они слышали, что солдаты подходятъ съ обѣихъ сторонъ. Въ углу, при входѣ въ пассажъ, лежало нѣсколько досокъ, которыя хозяинъ одной наружной лавчонки, имѣлъ привычку оставлять тутъ на ночь. Они подлѣзли подъ эти доски.

Солдаты, взявшіе баррикаду, обыскавъ улицы, вздумали обыскать и пассажъ. Они, въ свой чередъ, перелѣзли черезъ рѣшетки и принялись всюду искать съ фонаремъ. Не найдя никого, они уже уходили, какъ одинъ солдатъ замѣтилъ торчавшую изъ-за досокъ ногу одного изъ бойцовъ.

Всѣхъ троихъ прикололи штыками.

Они кричали: «Убейте насъ на мѣстѣ! Разстрѣляйте насъ; не заставляйте мучиться».

Сосѣдніе лавочники слышали эти крики, но не смѣли отворить ни дверей, ни оконъ, изъ боязни—какъ говорилъ одинъ изъ нихъ на другой день — чтобы и съ ними не сдѣлали того же самого. Окончивъ казнь, палачи оставили свои жертвы плавающими въ лужѣ крови на плитахъ пассажа. Одинъ изъ этихъ несчастныхъ умеръ только на другой день, въ восемь часовъ утра.

Никто не посмѣлъ умолять о пощадѣ, никто не посмѣлъ оказать помощи. Его оставили умирать тутъ.

Одному изъ бойцовъ баррикады Бабуръ посчастливилось болѣе.

Его преслѣдовали. Онъ вбѣжалъ на одну лѣстницу, добрался до крыши и оттуда проникъ въ какой-то корридоръ, оказавшійся корридоромъ верхняго этажа гостинницы. Увидавъ въ одной двери ключъ, онъ смѣло толкнулъ ее и очутился лицомъ къ лицу съ господиномъ, ложившимся спать. Это былъ путешественникъ, усталый съ дороги и только-что пріѣхавшій въ гостинницу. Бѣглецъ сказалъ ему:

— Я погибаю! спасите меня! и объяснилъ ему все въ трехъ словахъ. Путешественникъ отвѣчалъ: «Раздѣвайтесь и ложитесь въ мою постель». Потомъ онъ спокойно закурилъ сигару. Едва защитникъ баррикады успѣлъ улечься, какъ въ дверь постучались. Это были солдаты, обыскивавшіе домъ. На вопросъ ихъ, путешественникъ, указавъ на свою постель, отвѣчалъ: «Мы здѣсь

только двое. Мы сейчасъ пріѣхали. Я курю сигару, а братъ мой спитъ». Спросили корридорнаго; онъ подтвердилъ слова путешественника, и солдаты ушли, не разстрѣлявъ никого.

Слѣдуетъ сказать, что солдаты-побѣдители убивали менѣе, чѣмъ наканунѣ. На взятыхъ баррикадахъ не происходило поголовнаго избіенія. Въ этотъ день, отданъ былъ приказъ брать плѣнныхъ. Можно было даже предположить нѣкоторую человѣчность. Какого рода была эта человѣчность—увидятъ изъ слѣдующаго.

Въ одиннадцать часовъ все было кончено.

Задержали всѣхъ, кого встрѣтили на окруженныхъ войсками улицахъ, не разбирая—были ли то бойцы, или нѣтъ; велѣли отворить себѣ кабаки и кофейни; обыскали множество домовъ и, захвативъ всѣхъ мужчинъ, находившихся тамъ, оставили только дѣтей и женщинъ. Потомъ, два полка, образовавши каре, увели всѣхъ этихъ плѣнныхъ въ Тюильри, гдѣ заперли ихъ въ обширный подвалъ подъ террасой, выходящей на Сену.

Войдя въ этотъ подвалъ, плѣнные успокоились. Они вспомнили, что, въ іюнѣ 1848 года, инсургенты, въ огромномъ числѣ, содержались здѣсь и потомъ были сосланы. Они говорили себѣ, что и ихъ вѣроятно сошлютъ или предадутъ военному суду. и что передъ ними еще много времени.

Ихъ томила жажда. Многіе изъ нихъ дрались съ самого утра; а ни отчего такъ не сохнетъ во рту, какъ отъ скусыванія патроновъ. Они попросили пить; имъ принесли три кружки воды.

У нихъ явилась вдругъ какая-то увѣренность въ своей безопасности. Между ними находились нѣкоторые изъ іюньскихъ ссыльныхъ, которымъ былъ уже знакомъ этотъ подвалъ. Они говорили: «Въ іюнѣ не были такъ человѣчны. Намъ трое сутокъ не давали ни ѣсть, ни пить».

Нѣкоторые, покрывшись своими пальто и плащами, легли и заснули. Въ часъ по полуночи, за дверями послышался шумъ. Солдаты, съ зажженными факелами, вошли въ подвалъ, Спавшіе плѣнники проснулись. Офицеръ велѣлъ имъ встать.

Ихъ вывели гурьбой, въ безпорядкѣ, какъ привели, и потомъ уже, по мѣрѣ того, какъ они выходили, ихъ ставили попарно. безъ разбора, кто попадется, и сержантъ пересчитывалъ ихъ вслухъ. У нихъ не спрашивали именъ, не спрашивали, кто они и откуда, есть ли у нихъ семья и чѣмъ они занимаются. Довольно было числа для того, что̀ предполагалось сдѣлать.

Ихъ оказалось триста тридцать семь человѣкъ. По окончаніи счета, ихъ выстроили въ колонну, все-также, по два въ рядъ. Они не были связаны, но по обѣимъ сторонамъ колоны, справа

и слѣва, шли въ три шеренги солдаты съ заряженными ружьями; батальйонъ шелъ во главѣ колоны и другой въ хвостѣ ея. Плѣнные пустились въ путь, сжатые и окруженные этой движущейся рамой штыковъ. Каждый долженъ былъ идти съ своимъ сосѣдомъ подъ руку.

Въ ту минуту, какъ колоны двинулись, молодой студентъ-юристъ, бѣлокурый и блѣдный эльзасецъ, лѣтъ двадцати, спросилъ капитана, шедшаго подлѣ него съ обнаженной шпагой:

— Куда мы идемъ?

Офицеръ не отвѣчалъ.

Выйдя изъ Тюильри, они повернули направо, по набережной, и достигли до моста Concorde. Пройдя его, они снова взяли направо. Они миновали Эспланаду Инвалидовъ и очутились на пустынной набережной Гро-Калью.

Ихъ было, какъ мы уже сказали 337 человѣкъ, и такъ какъ они шли по-парно, то послѣднему пришлось идти одному. Это былъ одинъ изъ самыхъ отважныхъ бойцовъ улицы Пажвенъ другъ Леконта-младшаго. По волѣ случая, сержантъ, шедшій рядомъ съ этимъ плѣннымъ, оказался его землякомъ.

— Куда насъ ведутъ? спросилъ плѣнникъ.

— Въ Военную Школу, отвѣчалъ сержантъ.—Эхъ! ты, бѣдняга! прибавилъ онъ и отошелъ отъ плѣннаго.

Такъ какъ колона оканчивалась здѣсь, то между послѣдней шеренгой солдатъ, шедшихъ съ боку, и первой шеренгой взвода, замыкавшаго шествіе, образовался небольшой интервалъ.

Когда они достигли пустыннаго бульвара Гро-Калью, сержантъ быстро приблизился къ плѣннику и сказалъ ему торопливо и шопотомъ. «Здѣсь темно. Налѣво—деревья. Удирай!»

— Но въ меня будутъ стрѣлять, возразилъ плѣнникъ.

— Промахнутся.

— А если убьютъ?

— Это будетъ не хуже того, что̀ тебя ожидаетъ.

Плѣнникъ понялъ. Онъ пожалъ руку сержанта и, воспользовавшись упомянутымъ интерваломъ, въ одинъ скачокъ очутился подъ деревьями и исчезъ въ темнотѣ.

— Одинъ бѣжалъ! вскричалъ офицеръ, командовавшій послѣднимъ взводомъ:—держи! стрѣляй!

Колона остановилась. Арьергардъ сдѣлалъ залпъ, на-удачу, по направленію куда скрылся бѣглецъ, и, какъ это предвидѣлъ сержантъ, промахнулся. Черезъ нѣсколько минутъ, бѣглецъ достигъ улицъ, примыкающихъ къ табачной мануфактурѣ, и былъ въ безопасности. Его не преслѣдовали. Нужно было покончить спѣшное дѣло.

И притомъ, въ рядахъ арестантовъ могъ произойти безпорядокъ. Погнавшись за однимъ, можно было выпустить изъ рукъ 336 остальныхъ.

Колонна продолжала идти. Достигнувъ Іенскаго Моста, повернули налѣво и пришли на Марсово Поле. Здѣсь ихъ всѣхъ разстрѣляли.

Эти 336 труповъ были изъ числа тѣхъ, которыхъ отвезли на монмартрское кладбище и похоронили, оставивъ головы незарытыми. Такимъ образомъ, семейства убитыхъ могли ихъ признать. Палачи узнали, кто были ихъ жертвы уже послѣ того, какъ убили ихъ!

Скажемъ теперь же, что эти казни, начиная съ 3-го декабря, повторялись почти каждую ночь. Иногда онѣ происходили на Марсовомъ Полѣ, иногда въ префектурѣ полиціи, иногда въ обоихъ мѣстахъ заразъ.

Когда тюрьмы были переполнены, г. Мопа говорилъ: разстрѣливайте! Разстрѣливанія префектуры производились то на дворѣ, то въ улицѣ Жерюзалемъ. Несчастныхъ, обреченныхъ на казнь, ставили къ стѣнѣ, на которой приклеивались театральныя афиши. Это мѣсто избрали потому, что оно примыкаетъ къ стоку, и кровь стекала туда сейчасъ же, оставляла гораздо меньше слѣдовъ. Нѣкто [1] разсказывалъ мнѣ: «на другое утро я проходилъ тамъ; мнѣ показали мѣсто; я носкомъ сапога расшевелилъ грязь между камнями мостовой и увидѣлъ кровь».

Въ этихъ словахъ—вся исторія переворота, вся исторія Луи Бонапарта. Разшевелите грязь—подъ нею окажется кровь.

Пусть же исторія отмѣтитъ слѣдующіе факты:

Продолженіемъ бульварной бойни служили тайныя казни. Переворотъ, послѣ перваго, наглаго убійства, посреди бѣлаго дня, прибѣгнулъ къ убійству тайному, маскированному, ночному. Это подтверждается многочисленными свидѣтельскими показаніями. Эскиросъ, скрывавшійся въ Гро-Кальу, каждую ночь слышалъ ружейные выстрѣлы на Марсовомъ Полѣ. Шамболь въ Мазасѣ, въ первую же ночь послѣ своего прибытія, между полуночью и пятью часами утра, слышалъ такіе ружейные залпы, что подумалъ, не сдѣлали ли нападеніе на тюрьму. Демуленъ, такъ же какъ и Монферрье, видѣлъ въ улицѣ Жерюзалемъ кровь на мостовой.

Подполковникъ Кальо, служившій въ прежней республиканской гвардіи, проходя черезъ Pont-Neuf, видитъ городовыхъ, цѣ-

---

[1] Маркизъ Сарразенъ де-Монферрье, родственникъ моего старшаго брата. Я могу его назвать въ настоящее время.

лящихся въ прохожихъ изъ штуцеровъ. Онъ говоритъ имъ: «вы безчестите мундиръ!» Его арестуютъ и обыскиваютъ. Одинъ изъ городовыхъ говоритъ ему: «Если мы найдемъ на васъ хоть одинъ патронъ, мы васъ разстрѣляемъ». Не находятъ ничего. Несмотря на это, его ведутъ въ префектуру и тамъ сажаютъ въ тюрьму. Директоръ тюрьмы приходитъ къ нему и говоритъ. «Полковникъ! я васъ хорошо знаю; не жалуйтесь на то, что вы здѣсь. Вы поручены моему надзору. Радуйтесь этому. Я, видите ли, здѣсь—свой человѣкъ, могу разхаживать себѣ всюду; я все вижу и слышу; знаю что̀ дѣлается, что̀ говорится, угадываю то, о чемъ умалчивается. По ночамъ я слышу извѣстнаго рода шумъ, по утрамъ вижу кое какіе слѣды. Я не золъ. Я завладѣлъ вами и припрячу васъ. Въ настоящую минуту, вы можете быть довольны тѣмъ, что попались ко мнѣ. Если бы вы не были здѣсь—вы были бы въ землѣ.»

Бывшій членъ магистратуры, зять генерала Лефло̀, разговариваетъ на площади Concorde, у подъѣзда палаты, съ офицерами. Полицейскіе подходятъ къ нему: «Вы склоняете на свою сторону армію?» Онъ отрицаетъ это. Его сажаютъ въ фіакръ и везутъ въ префектуру полиціи. Въ ту минуту, какъ они подъѣхали къ ней, онъ увидалъ шедшаго по набережной молодого человѣка въ блузѣ и фуражкѣ, котораго трое муниципальныхъ гвардейцевъ подгоняли сзади прикладами. Около спуска къ рѣкѣ—одинъ изъ солдатъ крикнулъ молодому человѣку: «спускайся!» Тотъ повиновался. Двое выстрѣлили ему въ спину. Онъ упалъ. Третій покончилъ съ нимъ, выстрѣливъ ему въ ухо.

13 го избіеніе еще не кончилось. Утромъ этого дня, на разсвѣтѣ, одинъ прохожій, возвращаясь къ себѣ домой, улицей С.-Оноре, встрѣтилъ три тяжело нагруженные фургона, двигавшіеся между двумя рядами кавалеристовъ и оставлявшіе за собою кровавый слѣдъ. Они направлялись отъ Марсова Поля къ монмартрскому кладбищу. Фургоны эти были наполнены трупами.

IV.

Совѣщательная коммисія.

По минованіи опасности, всякая совѣстливость становилась излишней. Благоразумные и осторожные люди могли признать переворотъ и заявить объ этомъ публично.

Вотъ ка̀къ было сдѣлано это заявленіе.

«Французская республика.
«Именемъ французскаго народа.
«Президентъ республики.

«Желая, до преобразованія законодательнаго собранія и государственнаго совѣта, окружить себя людьми, пользующимися, по всей справедливости, уваженіемъ и довѣріемъ страны

«Учреждаемъ совѣщательную комиссію, состоящую изъ гг. (слѣдуетъ 170 именъ)».

Въ этомъ спискѣ находится, между прочимъ, имя Бурбуссона. Было бы прискорбно, еслибъ оно затерялось для потомства.

Одновременно съ этимъ объявленіемъ, появился слѣдующій протестъ г. Дарю.

«Присоединяюсь ко всѣмъ заявленіямъ, сдѣланнымъ національнымъ собраніемъ, въ засѣданіи, происходившемъ 2-го декабря въ мэріи X округа: гдѣ мнѣ помѣшало присутствовать насиліе, которому я подвергся. Дарю».

Нѣкоторые изъ этихъ членовъ совѣщательной комиссіи только-что вышли изъ Мазаса и Мон-Валеріена. Ихъ продержали въ заключеніи сутки, и потомъ выпустили. Какъ видно, эти законодатели не очень претендовали на человѣка, заставившаго ихъ испробовать на себѣ вотированный ими законъ. Многія лица, вошедшія въ эту коллекцію, не имѣли другой репутаціи, кромѣ той, какую создалъ имъ шумъ, надѣланный ихъ долгами. Такой-то два разъ банкротился; но къ этому прибавляли, въ видѣ «смягчающихъ обстоятельствъ»: *не подъ своимъ именемъ*. Другой, принадлежавшій къ ученому или литературному обществу — извѣстенъ былъ своей продажностью. Третій, красивый, свѣтскій, щеголеватый, вылощенный, раззолоченный, жилъ на содержаніи у женщины, Всѣ эти господа, разумѣется, безъ особенныхъ колебаній примкнули къ перевороту, «спасавшему общество».

Между людьми, составлявшими эту мозаику, находились и такіе, которые, не имѣя никакихъ политическихъ мнѣній и дали согласіе на внесеніе своихъ именъ въ этотъ списокъ только для того, чтобъ сохранить за собой свои мѣста и оклады. И при имперіи, они продолжали быть тѣмъ же, чѣмъ были до нея, т. е. нейтральными. Они въ теченіи девятнадцати лѣтъ царствованія исполняли свои военныя, судебныя и административныя обязанности совершенно невинно, окруженные тѣмъ почтеніемъ, какое обыкновенно оказываютъ безъобиднымъ болванамъ.

Но были и дѣйствительно политическіе дѣятели, сторонники доктринерской школы, начинающейся съ Гизо и не оканчивающейся съ Парьё, серьёзные и строгіе врачи общественнаго по-

рядка, успокоивающіе встревоженнаго буржуа, сохраняющіе то, что умерло.

Панкрасъ спросилъ его:—я глазъ свой потеряю?
О! нѣтъ, любезный другъ. Онъ у меня въ рукѣ.

Въ этомъ quasi-государственномъ совѣтѣ засѣдало доброе количество полицейскихъ—люди этой категоріи были тогда въ почетѣ—Карлье, Пьетри, Мопà.

Вскорѣ послѣ 2-го декабря, полиція, подъ названіемъ «смѣшанныхъ комиссій», замѣнила судъ, постановляла приговоры, осуждала, нарушала судебнымъ порядкомъ всѣ законы, и дѣйствія этого искаженнаго суда не встрѣчали со стороны правильной магистратуры ни малѣйшаго препятствія.

Судъ, уступивъ свое мѣсто полиціи, смотрѣлъ на нее съ довольнымъ видомъ выпряженныхъ лошадей, дождавшихся смѣны.

Нѣкоторыя лица, внесенныя-было въ списокъ членовъ совѣщательной комиссіи, отказались: Леонъ Фоше, Гуляръ, Мортемаръ, Фредерикъ Гранье, Маршанъ, Мальяръ, Паровей, Бёньо. Пресса получила приказаніе не сообщать объ этихъ отказахъ.

Г. Бёньо, напечаталъ на своихъ визитныхъ карточкахъ: «Графъ Бёньо, не состоящій членомъ совѣщательной комиссіи».

Г. Жозефъ Перье, ходилъ изъ улицы въ улицу, съ карандашемъ въ рукѣ, вычеркивая свое имя изъ списковъ, наклеенныхъ на стѣнахъ, и говоря:—Я отбираю свое имя всюду, гдѣ нахожу его.

Генералъ Бараге д'Илье не отказался. Это былъ, однакожъ, храбрый солдатъ, лишившійся руки во время войны съ Россіей. Впослѣдствіи онъ былъ сдѣланъ маршаломъ Франціи. Онъ заслуживалъ бы того, чтобъ получить эту награду не отъ Луи Бонапарта. Нельзя было думать, что онъ такъ кончитъ. Въ послѣднихъ числахъ ноября, генералъ Бараге д'Илье сидѣлъ въ большихъ креслахъ, передъ высокимъ каминомъ совѣщательной залы національнаго собранія и грѣлся. Одинъ изъ его сотоварищей, пишущій эти строки, сѣлъ около него, по другую сторону камина. Они не вступали въ разговоръ, принадлежа одинъ къ правой, другой къ лѣвой. Но вошелъ Пискатори. Онъ отчасти принадлежалъ къ правой, отчасти къ лѣвой. Онъ спросилъ Бараге д'Илье: Слышали вы, генералъ, что̀ говорятъ?

— Что̀?

— Что президентъ, на дняхъ, захлопнетъ намъ по̀дъ носомъ двери.

— *Если г. Бонапартъ вздумаетъ запереть для насъ двери собранія, то Франція снова растворитъ ихъ для насъ настежъ.*

Луи-Бонапартъ сначала хотѣлъ-было назвать эту комиссію исполнительной.—*Нѣтъ*, сказалъ Морни:—*это значило бы пред-*

полагать въ нихъ мужество. Они готовы быть поддержкой, но не захотятъ быть преслѣдователями.

Генералъ Рюльеръ, былъ отставленъ за то, что порицалъ пассивное повиновеніе арміи.

Отдѣлаемся поскорѣй отъ одной подробности.

Нѣсколько дней спустя послѣ 4-го декабря, Эммануэль Араго, встрѣтившись въ улицѣ Сен-Оноре съ г-мъ Дюпеномъ, спросилъ его, не бываетъ ли онъ въ Елисейскомъ Дворцѣ?

— *Я никогда не хожу въ б ....и,* отвѣчалъ г. Дюпенъ.

И однакоже пошелъ!

Г. Дюпенъ, какъ мы уже говорили, былъ назначенъ генералъ-прокуроромъ при кассаціонномъ судѣ.

VII.

Другой списокъ.

За спискомъ присоединившихся послѣдовалъ списокъ изгнанныхъ. Эти два списка даютъ возможность одновременно бросить взглядъ на обѣ стороны переворота.

«*Декретъ.* Ст. 1. Изгоняются изъ предѣловъ Франціи, Алжиріи и Колоній въ видахъ общественной безопасности, нижепоименованные, бывшіе представители въ національномъ собраніи (Слѣдуетъ 66 именъ [1].

«Ст. 2. Въ случаѣ, если кто-либо изъ поименованныхъ въ ст. 1-й лицъ, въ противность настоящему декрету, вступитъ на французскую территорію, то, въ видахъ общественной безопасности, можетъ подвергнуться ссылкѣ

«Данъ въ Тюильрійскомъ Дворцѣ, въ засѣданіи совѣта министровъ, 9-го января 1852 г. *Луи-Бонапартъ.* Министръ внутренихъ дѣлъ *Морни*».

Кромѣ того, былъ еще списокъ *удаленныхъ*, въ которомъ, между прочими, встрѣчались имена Эдгара Кинэ, Тьера, Ремюза̀, Жирардена, Паскаля Дюпра̀, Версиньи. Четыре представителя: Мате, (Mathé) Греппо, Маркъ Дюфресъ и Ришарде были включены въ списокъ *изгнанныхъ*. Представителю Міо выпали на долю африканскіе казематы. Такимъ образомъ, помимо избіенія, побѣда переворота представляла въ итогѣ слѣдующія цифры: 88 представителей изганныхъ, одинъ убитый.

---

[1] Въ этомъ спискѣ, приводить который мы считаемъ излишвимъ, находится, между прочимъ, и имя В. Гюго. *Пр. ред.*

Въ Брюсселѣ, я обыкновенно завтракалъ въ одномъ кафé, называемомъ café des Mille Colonnes, гдѣ сходились изгнанники.— 10-го января, я пригласилъ туда позавтракать Мишеля де Буржъ, и мы сидѣли съ нимъ за однимъ столомъ. Слуга принесъ мнѣ «Moniteur, Français». Я бросилъ взглядъ на газету.

— А! сказалъ я; вотъ и списокъ изгнанниковъ! Потомъ, пробѣжавъ списокъ глазами, прибавилъ, обращаясь къ Мишелю де-Буржъ:—*Я долженъ сообщить вамъ дурную вѣсть...* Онъ поблѣднѣлъ. *Вы не попали въ списокъ*». Лицо его просіяло. Этотъ мужественный Мишель де Буржъ, не боявшійся смерти—боялся изгнанія.

VIII.

Давидъ Д'Анжеръ.

Грубость шла объ руку съ звѣрствомъ. Геніальный скульпторъ Давидъ былъ арестованъ въ своей квартирѣ, въ улицѣ d'Assas, № 16-й. Полицейскій комиссаръ, войдя, спросилъ его

— Оружія у васъ нѣтъ?

— Есть, отвѣчалъ Давидъ: — для того, чтобъ защищаться. И прибавилъ:—еслибъ я имѣлъ дѣло съ цивилизованными людьми.

— Гдѣ это оружіе?

Давидъ указалъ ему на свою мастерскую, наполненную великими произведеніями искуства.

Его посадили въ фіакръ и повезли въ тюрьму, въ префектуру полиціи. Въ этой тюрьмѣ, предназначенной для ста двадцати арестантовъ, ихъ уже находилось семьсотъ. Давидъ былъ двѣнадцатымъ, въ чуланѣ, гдѣ могли помѣститься двое. Ни свѣта, ни воздуху. Надъ головами заключенныхъ виднѣлась небольшая отдушина. Въ углу—отвратительная лахань, одна для всѣхъ, стояла прикрытая, но не закрытая деревянной крышкой. Въ полдень имъ приносили похлёбку, нѣчто въ родѣ тёплой, вонючей воды, разсказывалъ мнѣ Давидъ. Они стояли вдоль стѣнъ, переминаясь съ ноги на ногу. Улечься на тюфякахъ, брошенныхъ на полъ, не было никакой возможности. Подъ конецъ они, однако же, такъ тѣсно прижались другъ къ другу, что имъ удалось растянуться во всю длину. Имъ дали одѣяла. Нѣкоторые спали. На разсвѣтѣ скрипѣли засовы; входилъ тюремщикъ и кричалъ: «вставайте!» Они выходили въ корридоръ. Тюремщикъ выносилъ тюфяки; онъ кое-какъ вытиралъ полъ, плеснувъ на него воды, потомъ опять вносилъ тюфяки и, бросивъ ихъ на мокрыя

каменныя плиты, говорилъ: «входите!». Ихъ запирали до слѣдующаго утра. Отъ времени до времени приводили еще сотню новыхъ арестантовъ и уводили сотню прежнихъ (тѣхъ, которые содержались тутъ уже дня два или три). Куда? По ночамъ арестанты изъ своихъ камеръ слышали ружейные залпы; а утромъ, прохожіе, какъ мы уже говорили, видѣли лужи крови на дворѣ префектуры.

Уводимыхъ арестантовъ выкликали въ алфавитномъ порядкѣ.

Однажды вызвали и Давида. Онъ взялъ свой узелъ и собирался выходить, какъ вдругъ смотритель тюрьмы, казалось, наблюдавшій за нимъ, сказалъ съ живостью. «Останьтесь, г. Давидъ. Останьтесь.»

Однажды, утромъ, въ тюрьму вошелъ Бюше (Buchez), бывшій президентъ національнаго собранія.

— А! сказалъ Давидъ, это хорошо, что вы пришли навѣстить заключенныхъ.

— Я—самъ арестантъ, отвѣчалъ Бюше.

Отъ Давида сначала требовали, чтобы онъ уѣхалъ въ Америку; но потомъ удовольствовались Бельгіей. 19-го декабря, онъ пріѣхалъ въ Брюссель. Онъ зашелъ ко мнѣ и сказалъ: «я остановился въ гостинницѣ: «Великій Монархъ», въ улицѣ Лоскутниковъ, № 89» и прибавилъ, смѣясь:

— Великій монархъ. Король. Лоскутники. Роялисты. 89. Революція. Случай бываетъ иногда остроуменъ.

IX.

Наше послѣднее собраніе.

3-го все шло къ намъ, 5-го все насъ покинуло. Словно это было необъятное море во время отлива. Волны его прибывали грозныя—удалились зловѣщія.—Мрачныя волны народныя!

И кто же былъ настолько могуществен, что могъ сказать этому океану: «стой! Ты не пойдешь дальше». Увы! пигмей!

Эти отливы моря народнаго непостижимы. Пучина испугалась чего? чего-то, еще болѣе глубокаго, чѣмъ она—преступленія! Народъ отступилъ. Онъ отступилъ 5-го—6-го онъ исчезъ. На горизонтѣ уже ничего не было видно. Начиналась непроглядная ночь. Эта ночь—была имперія.

Мы очутились, 5-го, въ томъ же самомъ положеніи, въ какомъ находились 2-го, т. е. одни. — Но настойчивость не покинула насъ. Мы потеряли надежду, но не приходили въ отчаяніе.

Дурныя вѣсти слѣдовали одна за другой, какъ наканунѣ хорошія. Обри (изъ Сѣвер. Деп.) сидѣлъ въ консьержеріи; нашъ дорогой, краснорѣчивый Кремьё—въ Мазасѣ. Луи-Бланъ, который вліяніемъ своего знаменитаго имени и своей благородной личности могъ бы оказать намъ такую сильную поддержку, хотя и поспѣшилъ изъ своего изгнанія на помощь Франціи, но, подобно Ледрю-Роллену долженъ былъ остановиться передъ катастрофой 4-го декабря. Ему удалось доѣхать только до Турнэ. Что̀ же касается генерала Немайера, то онъ «не пошелъ на Парижъ», но пріѣхалъ туда заявить свою покорность перевороту.

У насъ не было болѣе убѣжища. За № 15 въ улицѣ Ришелье наблюдали. На № 11 въ улицѣ Монтаборъ было указано полиціи. Мы блуждали по Парижу, встрѣчаясь то тамъ, то здѣсь, обмѣниваясь вполголоса нѣсколькими словами, не зная, гдѣ мы будемъ спать и ѣсть. Разговоры наши, при этихъ встрѣчахъ, были такого рода:

— Что̀ сдѣлалось съ такимъ-то?

— Онъ арестованъ.

— А такой-то?

— Умеръ.

— А такой то?

— Исчезъ.

У насъ, однакожь, происходило еще одно собраніе, именно 6-го, у представителя Раймона, на площади Мадленъ. Мы встрѣтились тамъ почти всѣ. Я могъ пожать руку Эдгару Кинэ, Шоффуру, Клеману Дюлаку, Банселю, Версиньи, Эмилю Пеану и съ удовольствіемъ увидѣлъ нашего энергическаго, неподкупимаго хозяина въ улицѣ Бланшъ, Коппанса, и нашего мужественнаго сотоварища, Понса Станда, которыхъ мы совсѣмъ потеряли изъ виду въ дыму битвъ. Изъ оконъ комнаты, гдѣ мы засѣдали, виднѣлись площадь Мадленъ и бульвары, занятые войсками, свирѣпыми и безмолвными, выстроенными въ боевой порядокъ и, казалось, готовыми къ новой битвѣ. Вошелъ Шарамоль. Онъ вынулъ изъ-подъ своего широкаго плаща два пистолета, положилъ ихъ на столъ и сказалъ: «Все кончено. Одно, что̀ теперь возможно и что̀ будетъ вполнѣ разумно—это сдѣлать какую нибудь отчаянную попытку! И я предлагаю ее. Согласны ли вы со мною, Викторъ Гюго?»

— Да̀, отвѣчалъ я.

Я не зналъ, что̀ онъ скажетъ, но зналъ, что онъ можетъ предложить только что̀-нибудь героическое. Я не ошибся.

— Насъ здѣсь въ сборѣ около пятидесяти человѣкъ, сказалъ онъ.—Мы—остатки національнаго собранія, послѣдніе предста-

вители всеобщей подачи голосовъ, закона, права. Гдѣ мы будемъ завтра? Мы не знаемъ. Мы будемъ разсѣяны или убиты. Настоящая минута принадлежитъ намъ. Она пройдетъ, и нашимъ удѣломъ будетъ—тьма. Случай единственный. Воспользуемся имъ.

Онъ остановился, посмотрѣлъ на насъ пристально своимъ твердымъ взглядомъ и продолжалъ:

— Воспользуемся тѣмъ, что мы случайно остались въ живыхъ; что намъ удалось еще собраться. Група, находящаяся здѣсь, это—вся республика. Такъ предложимъ же всю республику, въ лицѣ нашемъ, войску и заставимъ войско отступить передъ республикой, силу отступить передъ правомъ. Въ эту великую минуту, кто-нибудь изъ двухъ содрогнётся: если не содрогнётся право, то содрогнётся сила. Если не содрогнёмся мы, содрогнётся армія. Пойдемъ противъ преступленія. Когда явится законъ—преступленіе отступитъ. Во всякомъ случаѣ, мы исполнимъ свой долгъ. Если мы останемся живы—мы будемъ спасителями, если насъ убьютъ—мы будемъ героями. Вотъ что̀ я предлагаю

Воцарилось глубокое молчаніе.

— Надѣнемъ наши шарфы и двинемся процессіей, по два въ рядъ, на площадь Мадлены. Видите ли вы, около паперти, этого полковника, который стоитъ передъ своимъ выстроившимся батальйономъ? мы пойдемъ къ нему и тамъ, при его солдатахъ, я потребую, чтобъ онъ перешелъ на сторону долга и возвратилъ республикѣ ея полкъ. Если онъ откажется...

Шарамоль взялъ въ обѣ руки свои пистолеты.

— Я раздроблю ему черепъ.

— Шарамоль! сказалъ я.—Я буду подлѣ васъ.

— Я это зналъ, отвѣчалъ Шарамоль, и прибавилъ: — этотъ выстрѣлъ пробудитъ народъ.

— А ежели не пробудитъ? вскричали многіе.

— Мы умремъ.

— Я буду съ вами, сказалъ я ему.

Мы пожали другъ другу руку.

Но тутъ послышались возраженія. Никто не трусилъ, но всѣ обсуждали: не будетъ ли это безуміемъ, и безуміемъ безполезнымъ? Не значитъ ли это, безъ всякой надежды на удачу, поставить на карту республику? Какое счастье для Бонапарта! Уничтожить однимъ ударомъ всѣхъ, кто еще продолжалъ бороться, кто выказывалъ сопротивленіе. Покончить съ ними разъ навсегда. Мы были побѣждены—это правда; но нужно ли было къ пораженію присоединять еще и окончательное уничтоженіе? Надежды на успѣхъ не было никакой. Цѣлой арміи не раздробишь черепа. То, что̀ предлагалъ Шарамоль, значило приготовить

себѣ могилу—ничего больше. Это было бы великимъ самоубійствомъ, но только самоубійствомъ. Въ иныхъ случаяхъ быть только героями—это быть эгоистами. Покончилъ разомъ—и знаменитъ, и переходишь въ исторію; это, конечно, удобно. А суровый трудъ продолжительнаго протеста, непоколебимое, упорное сопротивленіе, даже въ изгнаніи, горькая, тяжелая жизнь побѣжденнаго, не перестающаго бороться съ побѣдой—все это пускай выпадетъ на долю другихъ. Въ политику входитъ извѣстная терпѣливость. Умѣть ждать возмездія иногда труднѣе, нежели насильственно ускорить развязку. Есть два рода мужества: мужество солдата и мужество гражданина. Первое—храбрость, второе—настойчивость. Умереть, хотя бы и съ твердостью, еще недостаточно. Выпутаться изъ бѣды самому, посредствомъ смерти, это—дѣло одной минуты; но выпутать изъ бѣды отечество—вотъ что трудно и вотъ что необходимо. «Нѣтъ! возражали многіе, весьма достойные противники мнѣнія Шарамоля и моего:—вы хотите, чтобы мы воспользовались настоящей минутой и принесли ей въ жертву завтрашній день... берегитесь! въ самоубійствѣ есть нѣкоторая доля дезертёрства...»

Слово «дезертёрство» произвело на Шарамоля тяжелое впечатлѣніе.

— Хорошо, сказалъ онъ.—Я отказываюсь.

Это была трогательная сцена, и позже, въ изгнаніи, Эдгаръ Кинэ говорилъ мнѣ о ней съ глубокимъ волненіемъ.

Мы разошлись и болѣе уже не видѣлись.

Я блуждалъ по улицамъ. Гдѣ ночевать? вотъ въ чемъ былъ вопросъ. За № 19-мъ въ улицѣ Ришельё полиція, конечно, наблюдала такъ же, какъ и за № 18-мъ. Но ночь была такъ холодна; и я, все таки, рискнулъ пойти въ это убѣжище, хотя, можетъ быть, и опасное. Я хорошо сдѣлалъ. Поужинавъ хлѣбомъ, я провелъ тамъ ночь совершенно спокойно. На слѣдующее утро, проснувшись, я вспомнилъ о своихъ обязанностяхъ; я подумалъ, что, вѣроятно, никогда уже не вернусь въ эту комнату и, взявъ оставшійся у меня кусокъ хлѣба, искрошилъ его и разбросалъ на подоконникѣ птичкамъ.

X.

Долгъ можетъ имѣть двойственный видъ.

Было ли во власти лѣвой, въ какой нибудь моментъ, помѣшать перевороту? Не думаемъ. Но вотъ, однако же, фактъ, который нельзя пройдти молчаніемъ.

16-го ноября 1851 г., я сидѣлъ у себя въ кабинетѣ, въ улицѣ Tour d'Auvergne № 37-й. Было около полуночи. Я работалъ. Человѣкъ мой пріотворилъ дверь.

— Можете ли вы принять, сударь?... Онъ назвалъ имя.

— Да, отвѣчалъ я.

Нѣкто вошелъ.

Говоря объ этомъ почтенномъ и замѣчательномъ человѣкѣ, я долженъ быть особенно сдержанъ. Довольно будетъ, если я скажу, что онъ имѣлъ право, упоминая о Бонапартахъ, говорить «моё семейство».

Извѣстно, что семья Бонапартовъ раздѣлялась на двѣ линіи: императорская семья, и семья частныхъ людей. Первая жила традиціями Наполеона, вторая—традиціями Люсьена. Особенно рѣзкой грани, впрочемъ, между ними не было.

Мой ночной посѣтитель сѣлъ противъ меня, у камина.

Онъ началъ мнѣ говорить о мемуарахъ одной очень достойной и добродѣтельной женщины, принцессы ***, его матери, которыя онъ мнѣ передалъ, прося моего совѣта: полезно ли и удобно ли будетъ ихъ напечатать? Эта рукопись, впрочемъ, крайне интересная, имѣла для меня еще ту прелесть, что почеркъ принцессы очень походилъ на почеркъ моей матери. Мой гость, которому я её возвратилъ, нѣсколько минутъ перелистывалъ её, потомъ вдругъ обратился ко мнѣ и сказалъ:

— Республика погибла.

Я отвѣчалъ:

— Почти.

Онъ продолжалъ:

— Если только вы её не спасете.

Тогда онъ обрисовалъ мнѣ, съ той ясностью, порой усложняемой парадоксами, которая составляетъ одну изъ характеристическихъ сторонъ его замѣчательнаго ума, наше положеніе, въ одно и то же время, отчаянное и сильное.

Это положеніе, впрочемъ, столь же ясное для меня, какъ и для него, было таково:

Правая сторона собранія состояла, приблизительно, изъ четырехъ сотъ членовъ, а лѣвая изъ ста восьмидесяти. Эти четыреста членовъ правой принадлежали къ тремъ партіямъ—къ легитимистамъ, орлеанистамъ и бонапартистамъ и, кромѣ того, были всѣ клерикалы. Сто восемьдесятъ лѣвыхъ—принадлежали къ сторонникамъ республики. Правая опасалась лѣвой—и приняла противъ нея слѣдующую мѣру предосторожности: она образовала изъ шестнадцати наиболѣе вліятельныхъ членовъ своихъ наблюдательный комитетъ, на обязанности котораго лежало сооб-

щать дѣйствіямъ трехъ различныхъ групъ большинства единство и слѣдить, въ тоже время, за меньшинствомъ. Лѣвая сначала ограничивалась ироніей, и заимствовавъ у меня слово, съ которымъ соединяли тогда—впрочемъ, совершенно несправедливо—понятіе о дряхлости, и назвали этихъ 16 наблюдателей «бурграфами». Потомъ, перейдя отъ ироніи къ подозрительности, они кончили тѣмъ, что въ свой черёдъ образовали также комитетъ, изъ 16 членовъ, обязанныхъ руководить дѣйствіями лѣвой и наблюдать за правой, которая поспѣшила назвать ихъ *красными бурграфами*. Невинныя репрессаліи. Результатомъ этого всего было то, что правая слѣдила за лѣвой, лѣвая слѣдила за правой—и никто не слѣдилъ за Бонапартомъ. Два стада, до такой степени опасавшіяся другъ друга, что они забыли о волкѣ.—Между тѣмъ, Бонапартъ, въ своёмъ елисейскомъ логовищѣ не спалъ. Онъ пользовался временемъ, которое большинство и меньшинство Собранія тратили на взаимныя подозрѣнія. Чуялось приближеніе катастрофы, какъ чуется паденіе лавины. Врага выслѣживали, но обращались не въ ту сторону, куда было нужно. Умѣнье направить свои подозрѣнія—тайна великой политики. Собраніе 1851 г. не обладало этой прозорливой вѣрностью взгляда. Факты были неправильно освѣщены. Каждый смотрѣлъ на будущее по своему, и какая-то политическая близорукость ослѣпляла и правую, и лѣвую. Всѣ боялись, но не того, чего слѣдовало: всѣ чувствовали, что ихъ окружаетъ какая-то тайна, что готовится какая-то западня, но ее искали тамъ, гдѣ ея не было, и не замѣчали тамъ, гдѣ она была, такъ что эти два стада, большинство и меньшинство, стояли другъ передъ другомъ съ испуганнымъ видомъ, и между тѣмъ какъ вожаки съ одной стороны и проводники съ другой, серьёзные и внимательные, спрашивали себя боязливо, одни—что̀ значитъ рычаніе лѣвой? а другіе—что̀ предвѣщаетъ блеяніе правой?—они внезапно почувствовали на своихъ плечахъ когти переворота.

Мой собесѣдникъ спросилъ:

— Вы—одинъ изъ шестнадцати?

— Да, отвѣчалъ я, усмѣхнувшись:—«*красный бурграфъ*».

— Какъ я—«*красный принцъ*».

И онъ, въ свой чередъ, улыбнулся.

— Вамъ даны полномочія? продолжалъ онъ.

— Такія же, какъ и другимъ. У лѣвой нѣтъ предводителей.

— Іонъ, полицейскій комиссаръ Собранія—республиканецъ?

— Да.

— Исполнитъ-ли онъ предписаніе за вашей подписью?

— Можетъ быть.

— А я говорю: безъ сомнѣнія.

Онъ посмотрѣлъ на меня пристально.

— Такъ дайте ему предписаніе—нынѣшней ночью арестовать президента.

Пришла моя очередь посмотрѣть на него.

— Что̀ вы хотите сказать?

— То, что̀ я сказалъ.

Я долженъ заявить, что рѣчь, его ясная, твердая и убѣжденная, ни на минуту не оставляла во мнѣ, въ продолженіи всего нашего разговора, ни малѣйшаго сомнѣнія въ искренности говорившаго и что впечатлѣніе это сохранилось у меня до сихъ поръ.

— Арестовать президента! вскричалъ я.

Тогда онъ объяснилъ мнѣ, что эта необычайная мѣра была, въ сущности, очень простою, что армія находилась въ нерѣшительности, что въ ней вліяніе алжирскихъ генераловъ могло перевысить вліяніе президента, что національная гвардія стоитъ за Собраніе—и въ Собраніи за лѣвую, что полковникъ Фарсетье отвѣчалъ за 8-й легіонъ, полковникъ Грессье—за 6-й и полковникъ Говинъ—за 5-й, что, по предписанію шестнадцати членовъ наблюдательнаго комитета лѣвой, немедленно возьмутся за оружіе, что даже одной моей подписи было бы совершенно достаточно; но что если я предложу собрать комитетъ, разумѣется съ соблюденіемъ величайшей тайны, то можно подождать до слѣдующаго дня, что, получивъ предписаніе комитета, одинъ батальонъ двинется на Елисейскій Дворецъ, что Елисейцы ничего не ожидаютъ и готовятся къ нападенію, а не къ защитѣ, что ихъ застанутъ врасплохъ, что армія не будетъ сопротивляться національной гвардіи, что дѣло обойдется безъ выстрѣла, что Венсенскій За̀мокъ отворится и затворится, пока Парижъ будетъ спать, что президентъ проведетъ тамъ остальную часть ночи и что Францію, при ея пробужденіи, обрадуютъ двѣ хорошія вѣсти: Бонапартъ внѣ поля сраженія; республика внѣ опасности.

Онъ прибавилъ:

— Вы можете разсчитывать на двухъ генераловъ: Немайера въ Ліонѣ и Лавёстина, въ Парижѣ.

Онъ всталъ. Я ка̀къ теперь его вижу, стоящаго спиной къ камину, задумчиваго. Онъ продолжалъ:

— Я не чувствую въ себѣ силы начать снова жизнь изгнанника; но я желаю спасти своё семейство и отечество.

Ему показалось, повидимому, что на лицѣ моемъ выразилось удивленіе, потому что онъ съ особеннымъ удареніемъ, почти подчеркивая, произнесъ слѣдующія слова̀:

— Я объяснюсь. Да, я желалъ бы спасти свое семейство и свое отечество. Я ношу имя Наполеонъ, но, какъ вамъ извѣстно, безъ фанатизма. Я—Бонапартъ, но не бонапартистъ. Я чту это имя, но и сужу его. На немъ уже есть пятно: 18-е брюмера. Запятнаетъ ли оно себя еще разъ? Прежнее пятно исчезло въ лучахъ славы. Брюмеръ заслоненъ Аустерлицемъ. Наполеонъ искупилъ вину свою геніемъ. Народъ столько удивлялся, что, наконецъ, простилъ. Наполеонъ стоитъ на колоннѣ. Это—дѣло поконченное, и пусть его оставятъ въ покоѣ: пусть не повторяютъ дурныхъ сторонъ его, не заставляютъ Францію вспоминать слишкомъ много. Эта наполеоновская слава уязвима. У ней есть рана, хотя и закрывшаяся, положимъ. Не надо разкрывать ее. Чтò бы ни говорили и ни дѣлали апологисты, но, тѣмъ не менѣе, остается несомнѣннымъ, что Наполеонъ самъ себѣ нанесъ первый ударъ 18-го брюмера.

— Дѣйствительно, сказалъ я.—Преступленіе всегда обращается противъ того, кто его совершилъ.

— Его слава пережила первый ударъ, но второй убьетъ ее. Я этого не хочу. Я ненавижу первое 18-е брюмера и боюсь второго; я хочу помѣшать ему.

Онъ остановился на минуту и продолжалъ:

— Вотъ почему я пришелъ къ вамъ сегодня ночью. Я хочу помочь этой великой, раненой славѣ. Совѣтуя вамъ то, чтò я совѣтую, я, въ случаѣ вашего согласія, спасаю славу перваго Наполеона, потому что, если новое пятно ляжетъ на нее—она исчезнетъ. Да! это имя провалится, и исторія отвергнетъ его. Я иду еще далѣе и дополню мысль свою. Я спасаю также и настоящаго Наполеона, потому что славы у него уже нѣтъ, и съ его именемъ будетъ сопряжено одно преступленіе. Я спасаю его память отъ вѣчнаго позорнаго столба. Арестуйте же его.

Онъ, дѣйствительно, былъ глубоко растроганъ. Онъ продолжалъ:

— Что касается республики, то для нея арестъ Луи-Бонапарта будетъ освобожденіемъ. И потому я правъ, говоря вамъ, что тѣмъ, чтò я вамъ предлагаю, я спасаю и семейство свое, и отечество.

— Но, возразилъ я ему:—то, чтò вы мнѣ предлагаете, есть государственный переворотъ?

— Вы думаете?

— Безъ сомнѣнія. Мы—меньшинство, а поступить такимъ образомъ значило бы присвоить себѣ права большинства. Составляя только часть собранія, мы не можемъ дѣйствовать отъ имени всего собранія. Мы, осуждающіе всякую узурпацію, сами бы

сдѣлались узурпаторами. Мы наложили бы руку на должностное лицо, арестовать которое имѣетъ право только собраніе. Мы, защитники конституціи, мы разбили бы конституцію. Мы, люди закона, нарушили бы законъ. Это, конечно—насильственный переворотъ.

— Да, но переворотъ для общаго блага.

— Зло сдѣланное, во имя блага, тѣмъ не менѣе, остается зломъ.

— Даже когда оно удаётся?

— Въ особенности, когда оно удается.

— Почему?

— Потому что оно можетъ тогда служить примѣромъ.

— Такъ вы не одобряете 18-го фрюктидора?

— Нѣтъ.

— Но 18-ое фрюктидора дѣлаетъ невозможнымъ 18-е брюмера.

— Напротивъ—подготовляетъ его.

— Но существуетъ же государственная польза?

— Нѣтъ. Существуетъ одно—законъ.

— 18-е фрюктидора защищаютъ многіе безпристрастные умы.

— Знаю.

— Бланки съ Мишле за него.

— А я съ Барбèсомъ—противъ.

Отъ нравственной оцѣнки я перешелъ къ практической.

— Теперь, это въ сторону, сказалъ я:—разберемъ вашъ планъ.

Выполненіе этого плана представляло множество затрудненій. Я доказалъ ему это ссязательно.

Разсчитывать на національную гвардію! но генералъ Лавёстина еще не командуетъ ею. Разсчитывать на армію? Но генералъ Немайеръ былъ въ Ліонѣ, а не въ Парижѣ. И кàкъ знать еще пойдетъ ли онъ на помощь собранію. Что же касается до Лавёстина, то развѣ онъ не двуличенъ? Развѣ можно на него положиться? Призвать къ оружію 8-й легіонъ? Но Форестье уже не былъ его командиромъ. 5-й и 8-й? Но Грессье и Говинъ были только подполковники и неизвѣстно, послѣдуютъ ли эти легіоны за ними. Прибѣгнуть къ комисару Іону? Но согласится ли онъ повиноваться одной только лѣвой? Онъ былъ агентомъ собранія и, слѣдовательно, большинства, а не меньшинства. Вотъ сколько являлось вопросовъ. И если бы даже всѣ они были разрѣшены въ смыслѣ успѣха, то все-таки дѣло не въ этомъ. Дѣло, главнымъ образомъ, въ правѣ. Въ данномъ же случаѣ, и при успѣхѣ, право было бы не нашей сторонѣ. Для того, чтобы

задержать президента, нуженъ приказъ собранія. Мы замѣнили бы этотъ приказъ самоуправствомъ лѣвой. Кража со взломомъ — кража закона и власти. Теперь предположите сопротивленіе. Мы пролили бы кровь. Нарушеніе закона всегда ведетъ къ пролитію крови. Что̀ же всё это, какъ не преступленіе.

— Но нѣтъ же! вскричалъ онъ, это—salus populi.

И онъ прибавилъ:

— Suprema lex.

— Не для меня, сказалъ я.

Онъ продолжалъ настаивать.

— Я не убилъ бы ребенка для спасенія цѣлаго народа.

— Катонъ сдѣлалъ бы это.

— А Христосъ не сдѣлалъ бы.

Я прибавилъ: — За васъ весь древній міръ. Вы смотрите съ точки зрѣнія греческой и римской; я—съ точки зрѣнія человѣческой. Новый горизонтъ обширнѣе древняго.

Наступило молчаніе. Онъ прервалъ его.

— Такъ, стало быть—нападающимъ будетъ онъ.

— Дѣлать нѐчего.

— Вы должны будете дать битву, почти заранѣе проигранную.

— Я этого боюсь.

— И этотъ неравный бой можетъ кончиться для васъ, Викторъ Гюго, только смертью или изгнаніемъ.

— Вѣроятно.

— Смерть, это—одинъ мигъ; но изгнаніе продолжительно.

— Придётся привыкать.

Онъ продолжалъ:

— Вы не только будете изгнаны, вы будете оклеветаны.

— Къ этому я привыкъ.

Онъ настаивалъ.

— Знаете ли, что̀ говорятъ уже?

— Что̀?

— Говорятъ, что вы раздражены противъ него, потому что онъ отказалъ вамъ въ министерскомъ портфёлѣ?

— Но вѣдь вы-то знаете...

— Я знаю, что дѣло происходило совершенно наоборотъ; что онъ предлагалъ вамъ портфёль, но что вы отказались.

— Въ такомъ случаѣ, что̀ же?..

— Солгутъ.

— Пускай ихъ!

Онъ вскричалъ:

— Вы возвратили во Францію Бонапартовъ—и вы же будете изгнаны изъ Франціи Бонапартомъ! [1]

— Кто знаетъ, сказалъ я ему:—не сдѣлалъ ли я ошибки. Эта несправедливость можетъ быть будетъ справедливостью.

Мы оба замолчали. Онъ продолжалъ.

— Можете ли вы перенести изгнаніе?

— Постараюсь.

— Можете ли жить безъ Парижа?

— У меня будетъ океанъ.

— Такъ вы поселились бы на берегу моря?

— Полагаю.

— Это очень уныло.

— Это величественно.

Опять водворилось молчаніе; онъ прервалъ его.

— Вы не знаете, что̀ такое изгнаніе; а я знаю. Это ужасно. И я, конечно, былъ бы не въ состояніи снова начать эту жизнь. Человѣкъ не можетъ вернуться въ изгнаніе.

— Если бъ было нужно, я отправился бы въ изгнаніе вторично.

— Нѣтъ: лучше умереть! покинуть жизнь—ничто; но покинуть отечество...

— Увы! отвѣчалъ я... это—все!

— Но въ такомъ случаѣ, зачѣмъ же соглашаться на изгнаніе, когда можно его избѣжать? Что̀ же вы ставите выше отечества?

— Совѣсть.

Мой отвѣтъ заставилъ его задуматься. Однакожь онъ возразилъ:

— Но я увѣренъ, что, когда вы поразмыслите—ваша совѣсть одобритъ васъ...

— Нѣтъ.

— Почему?

— Я сказалъ вамъ. Моя совѣсть ужь такова, что она ничего не признаётъ выше себя.

— И я также, вскричалъ онъ, съ выраженіемъ полнѣйшей искренности въ голосѣ:—и я также повинуюсь своей совѣсти.— Можетъ казаться, что я измѣняю Луи, но нѣтъ!—я служу ему, Спасти его отъ преступленія, значитъ—спасти его. Я испробовалъ всѣ средства. Остается только одно—арестовать его. Придя къ вамъ, и дѣлая то, что̀ я дѣлаю, я въ одно и тоже время

[1] 14 іюня 1847 г. Рѣчь, произнесенная В. Гюго въ палатѣ перовъ. См. книгу Avant l'éxil (До изгнанія).

возстаю противъ его власти и защищаю его честь. Я поступаю хорошо.

— Это правда, сказалъ я.—Вами руководитъ благородная и высокая мысль.

И я прибавилъ:

— Но у насъ съ вами два различные долга. Я не иначе могу помѣшать Луи-Бонапарту совершить преступленіе, какъ совершивъ его самъ. Я не хочу ни 18-го брюмера для него, ни 18 фрюктидора для себя. Я соглашусь лучше быть изгнанникомъ, нежели изгонять. Мнѣ остается выборъ между двумя преступленіями—преступленіемъ Луи-Бонапарта и своимъ собственнымъ. Я отказываюсь отъ своего!

— Но тогда вы сдѣлаетесь жертвой его преступленія?

— Пусть лучше это, нежели самому совершить преступленіе.

— Будь по вашему! сказалъ онъ задумчиво и прибавилъ: —можетъ быть, мы оба правы.

— Я то же думаю, отвѣчалъ я.

Мы пожали другъ другу руку.

Онъ взялъ рукопись своей матери и ушелъ.

Было три часа утра. Разговоръ продолжался болѣе двухъ часовъ. Я не прежде легъ спать, какъ записавъ его.—

XI.

Борьба кончилась; начинается испытаніе.

Я не зналъ, куда мнѣ направить шаги свои.

7-го, послѣ полудни, я еще разъ рѣшился зайти въ № 19, въ улицѣ Ришельё. Подъ воротами, кто-то схватилъ меня за руку. Это была г-жа Д. Она ждала меня.

— Не входите, сказала она.

— Убѣжище мое открыто?

— Да...

— И нѣтъ возможности уйти...

— Есть. Пойдемте.

Мы прошли черезъ дворъ и вышли въ улицу Фонтенъ-Мольеръ. Вскорѣ мы достигли палэ-ройяльской площади. Фіакры стояли тамъ, какъ и всегда. Мы сѣли въ первый попавшійся.

— Куда ѣхать? спросилъ извозчикъ.

Она посмотрѣла на меня.

— Я не знаю.

— Ну, такъ я знаю, сказала она.

Женщины всегда знаютъ, гдѣ Провидѣніе.

Часъ спустя, я находился въ безопасности.

Начиная съ 4-го декабря, каждый проходившій день служилъ къ утвержденію переворота. Пораженіе наше было полное, и мы чувствовали себя покинутыми. Парижъ превратился въ лѣсъ, гдѣ Луи-Бонапартъ дѣлалъ облаву на представителей. Звѣрь травилъ охотниковъ. Мы слышали за собой лай Мопа̀. Нужно было разсѣяться. Преслѣдованіе было упорное. Мы вступали во второй фазисъ долга. Мы признали катастрофу и подчинились ей. Побѣжденные сдѣлались изгнанниками. У каждаго была своя личная развязка. У меня не могло быть другой, кромѣ изгнанія, такъ какъ я избѣжалъ смерти. Я не буду разсказывать ее здѣсь, потому что эта книга—не моя исторія, и я не долженъ привлекать къ себѣ вниманіе, которое она можетъ возбудить. Притомъ же, все что̀ касается до меня, можно найти въ одномъ изъ разсказовъ, завѣщанныхъ изгнаніемъ (Les hommes de l'éxil, Шарля Гюго).

Но, несмотря на всю ярость нашихъ преслѣдователей, я не считалъ себя вправѣ покинуть Парижъ, пока оставалась хоть какая нибудь надежда; пока пробужденіе народа казалось еще возможнымъ. Маларме далъ мнѣ знать въ мое убѣжище, что во вторникъ, 9-го, готовится движеніе въ Бельвилѣ. Я ждалъ до 12-го. Никто не шевелился. Народъ дѣйствительно умеръ. Къ счастью, подобная смерть бываетъ, какъ смерть боговъ, только временною.

Я въ послѣдній разъ видѣлся съ Жюлемъ-Фавромъ и Мишелемъ де-Буржъ у г-жи Дидье, въ улицѣ Виль-Левекъ. Это было ночью. Пришелъ также Бастидъ. Этотъ мужественный человѣкъ сказалъ мнѣ:

— Вы уѣзжаете изъ Парижа; я остаюсь. Сдѣлайте меня вашимъ намѣстникомъ. Заставьте меня дѣйствовать, изъ вашего изгнанія. Пользуйтесь мной, какъ рукой, которая у васъ есть во Франціи.

— Я буду пользоваться вами какъ сердцемъ, сказалъ я ему.

14-го, послѣ разныхъ перепетій, разсказанныхъ моимъ сыномъ Шарлемъ въ его книгѣ, я, наконецъ, добрался до Брюсселя.

Побѣжденные, это—пепелъ; судьба дохнётъ на нихъ, и они разсѣятся. Такъ совершилось внезапное исчезновеніе всѣхъ бойцовъ, защищавшихъ законъ и право. Исчезновеніе трагическое.

XII.

Изгнанники.

Преступленіе удалось, и все присоединялось къ нему. Упорствовать было можно, сопротивляться нельзя. Положеніе становилось все болѣе и болѣе безнадежнымъ, словно какая-то гигантская стѣна возвышалась на горизонтѣ, вплоть до самаго неба. Исходъ былъ одинъ — изгнаніе. Великія сердцà, слава народа эмигрировали. Міръ увидѣлъ темное дѣло. Франція изгоняла Францію.

Но то, чтò кажется потеряннымъ въ настоящемъ, возрождается въ будущемъ. Рука, разбрасывающая зерна, есть въ тоже время и рука сѣющая ихъ.

Представителей лѣвой преслѣдовали, разыскивали, травили.— Они нѣсколько дней блуждали, не находя себѣ пристанища. Тѣ, кому удалось спастись, покинули Парижъ и Францію, но съ величайшими затрудненіями. У Мадье де-Монжо были очень густыя черныя брови. Онъ сбрилъ ихъ на половину; остригся и отпустилъ бороду. Иванъ, Пеллетье, Дуторъ и Жандрье сбрили себѣ усы и бороду. Версиньи пріѣхалъ въ Брюссель 14-го съ паспортомъ нѣкоего Морена. Шёльхеръ одѣлся патеромъ. Этотъ костюмъ удивительно шелъ къ нему, къ его строгому лицу и внушительному голосу. Одинъ достойный священникъ помогъ ему переодѣться, далъ ему свою рясу, заставилъ его заблаговременно сбрить бакенбарды, для того, чтобы бѣлыя полосы остающіяся послѣ бритья не выдали его, вручилъ ему свой паспортъ и разстался съ нимъ только на дебаркадерѣ.

Де Флоттъ переодѣлся лакеемъ и въ этомъ видѣ перебрался черезъ границу въ Мускронѣ. Оттуда онъ отправился въ Гентъ и потомъ въ Брюссель.

Въ ночь на 26-е декабря, я возвратился къ себѣ, въ маленькую комнатку безъ камина, которую я занималъ во второмъ этажѣ, гостиницы Porte-verte, № 9. Была полночь. Я только-что легъ въ постель и начиналъ засыпать, какъ въ дверь мою постучались. Я проснулся. Я всегда оставлялъ ключъ снаружи. «Войдите», сказалъ я.—Вошла горничная со свѣчей и ввела ко мнѣ двухъ незнакомыхъ людей. Одинъ изъ нихъ былъ гентскій адвокатъ М... другой былъ де-Флоттъ. Онъ взялъ обѣ руки мои и пожалъ ихъ съ нѣжностью. «Кàкъ! воскликнулъ я.—Это—вы?» Де-Флоттъ, въ національномъ собраніи, съ своимъ умнымъ, широкимъ лбомъ,

съ своими глубокими задумчивыми глазами, съ коротко обстриженными волосами и длинной бородой, походилъ на фигуру изъ картины Себастіано дель-Піомбо, «Воскресеніе Лазаря»; а теперь передо мной стоялъ худенькій, блѣдный молодой человѣкъ въ очкахъ. Но что̀ не могло измѣниться и что̀ я нашелъ въ немъ опять, это—благородное сердце, энергическій умъ, непоколебимое мужество, возвышенность мысли; и если я не узналъ его въ лицо, то сейчасъ же узналъ по пожатію руки.

Эдгара Кинэ увезла съ собой великодушная женщина, валахская княгиня Кантакузенъ, которая взялась проводить его до границы и сдержала свое обѣщаніе. Это было не легко. Эдгару Кинэ достали иностранный паспортъ, Грубеску. Онъ долженъ былъ выдавать себя за валаха и дѣлать видъ, что не говоритъ по французски. Путь былъ опасенъ; по всей линіи требовали паспорты, начиная съ дебаркадера. Въ Амьенѣ были какъ-то особенно подозрительны. Но всего болѣе угрожала опасность въ Лиллѣ. Жандармы обходили вагоны, съ фонаремъ въ рукѣ, и сличали примѣты, обозначенныя въ паспортахъ, съ личностью поссажировъ. Многіе, внушавшіе подозрѣніе, были задержаны и немедленно отведены въ тюрьму. Эдгаръ Кинэ, сидѣвшій рядомъ съ г-жей Кантакузенъ, ожидалъ своей очереди. Наконецъ дошло дѣло и до него. Г-жа Кантакузенъ быстро наклонилась къ жандармскому ефрейтору, и поспѣшила подать ему свой паспортъ. Но онъ оттолкнулъ его, сказавъ: «Не нужно, сударыня. Мы не смотримъ женскіе паспорты.» И потомъ грубо обратился къ Кинэ: «Ваши бумаги?» Кинэ держалъ свой паспортъ въ рукѣ, раскрытымъ. Ефрейторъ сказалъ: «Выйдите изъ вагона: я сравню ваши примѣты.» Онъ вышелъ. Но въ валахскомъ паспортѣ примѣтъ-то именно и не значилось. Ефрейторъ нахмурилъ брови и сказалъ, обратясь къ жандармамъ: Паспортъ неправильный, сходите за коммисаромъ».

Все казалось потеряннымъ; но г-жа Кантакузенъ, съ необыкновенной живостью и апломбомъ, начала говорить съ Кинэ по валахски, такъ что жандармъ, вполнѣ убѣжденный, что онъ имѣетъ дѣло съ Валахіей и видя, что поѣздъ готовъ тронуться, отдалъ Кинэ его паспортъ, сказавъ ему: «Ну, ступайте себѣ!» Черезъ нѣсколько часовъ, Эдгаръ Кинэ былъ въ Бельгіи.

Арно де л'Аріежъ, тоже испыталъ разныя мытарства. На него было указано полиціи. Нужно было его спрятать. Арно былъ католикъ. Г-жа Арно обратилась къ попамъ. Аббатъ Дегерри отказался; аббатъ Марѐ согласился. Это былъ добрый и мужественный человѣкъ. Арно двѣ недѣли скрывался у него и оттуда написалъ письмо къ архіепископу Парижскому, гдѣ умолялъ его

оказать сопротивленіе декрету Луи-Бонапарта, который отнималъ у Франціи Пантеонъ и отдавалъ его Риму. Это письмо привело архіепископа въ негодованіе. Изгнанный Арно поселился въ Брюсселѣ; и тутъ умерла полутора года, маленькая *красная*, носившая, какъ вы помните, 3-го декабря, письмо работника къ архіепископу. Ангелъ, посланный Богомъ къ попу, который не понялъ ангела и не зналъ уже Бога.

Въ этомъ разнообразіи событій и приключеній у каждаго была своя драма.

Странная и ужасная драма выпала на долю Курнэ.

Курнэ, какъ вы вѣроятно помните, былъ морской офицеръ. Это былъ одинъ изъ тѣхъ рѣшительныхъ людей, которые притягиваютъ къ себѣ другихъ, подобно магниту, и въ извѣстные моменты способны сообщить массамъ импульсъ. У него были широкія плечи, гордая осанка, мощныя руки, тяжелые кулаки, высокій ростъ, внушающій довѣріе толпѣ, и умный взглядъ, внушающій довѣріе мыслителю. Онъ проходилъ мимо, и вы узнавали въ немъ силу; онъ говорилъ — и вы чувствовали въ немъ волю, которая еще могущественнѣе силы. Еще очень молодымъ, онъ служилъ на нашихъ военныхъ корабляхъ. Онъ соединялъ въ себѣ страстность народа съ спокойствіемъ военныхъ — свойства, благодаря которымъ, энергическій человѣкъ этотъ, хорошо направленный и съ толкомъ употребленный въ дѣло, могъ служить опорой возстанія. Это была одна изъ тѣхъ натуръ, созданныхъ для урагана и для толпы, у которыхъ изученію народа предшествовало изученіе океана и которымъ революціи нипочемъ, какъ и бури.

Какъ мы уже говорили, онъ принималъ дѣятельное участіе въ борьбѣ, онъ былъ неутомимъ и неустрашимъ; онъ былъ изъ тѣхъ, которые могли бы еще возобновить её. Съ середы, нѣсколько агентовъ разыскивали его повсюду. Имъ поручено было схватить его, гдѣ бы онъ ни находился, и привести въ префектуру полиціи. Тамъ уже имѣлся приказъ немедленно разстрѣлять его.

Однакожь, Курнэ, съ своей обычной смѣлостью, свободно расхаживалъ даже въ кварталахъ, занятыхъ войсками, содѣйствуя законному сопротивленію. Единственная предосторожность, которую онъ принялъ, была та, что онъ сбрилъ усы.

Въ четвергъ, послѣ полудня, онъ находился на бульварѣ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ кавалерійскаго полка, выстроившагося въ боевомъ порядкѣ. Онъ спокойно разговаривалъ съ двумя своими товарищами, Гюи и Лореномъ. Вдругъ онъ увидѣлъ, что ихъ всѣхъ окружилъ отрядъ полицейскихъ. Одинъ изъ нихъ, взявъ его за руку, сказалъ:—Вы—Курнэ. Я васъ арестую.

— Нѣтъ, отвѣчалъ Курнэ.—Я—Лепѝнъ.

— Вы—Курнэ, настаивалъ агентъ:—Развѣ вы не узнаете меня? Такъ я васъ узналъ. Я былъ вмѣстѣ съ вами членомъ избирательнаго комитета соціалистовъ.

Курнэ посмотрѣлъ на него и дѣйствительно припомнилъ это лицо. Агентъ былъ правъ. Онъ принималъ участіе въ собраніяхъ, происходившихъ въ улицѣ Сен-Сиръ.

— Я еще вмѣстѣ съ вами подалъ голосъ за Эженя Сю, продолжалъ сыщикъ.

Отрицать было безполезно, такъ же какъ и сопротивляться. Мы сказали уже, что тутъ находилось до двадцати полицейскихъ и, кромѣ того, стоялъ полкъ драгунъ.

— Я слѣдую за вами, сказалъ Курнэ.

Привели фіакръ.

— Садитесь всѣ трое, сказалъ сыщикъ.

Онъ посадилъ Гюи и Лоррена на передней скамейкѣ, а самъ сѣлъ съ Курнэ въ глубинѣ кареты и крикнулъ кучеру: «Въ префектуру!»

Полицейскіе окружили фіакръ. Приписать ли это простой случайности, или довѣрію со стороны сыщика, или, наконецъ, желанію его получить поскорѣй награду за свою добычу, но только онъ безпрестанно погонялъ кучера, и фіакръ помчался.

Курнэ зналъ, что онъ, немедленно по прибытіи въ префектуру, будетъ разстрѣлянъ, и рѣшился не ѣхать туда. При поворотѣ въ улицу Сент-Антуанъ, онъ оглянулся назадъ и увидалъ, что полицейскіе отстали далеко отъ фіакра.

Всѣ четверо до сихъ поръ еще не открывали рта. Курнэ бросилъ на сидѣвшихъ противъ него двухъ товарищей своихъ взглядъ, говорившій: «Насъ трое. Воспользуемся случаемъ и убѣжимъ».

Они, въ отвѣтъ ему, незамѣтно указали глазами на улицу, которая была полна прохожихъ. Въ глазахъ ихъ читалось: «нѣтъ».

Нѣсколько минутъ спустя, фіакръ выѣхалъ изъ Сент-Антуанской Улицы и своротилъ въ улицу Фурси, обыкновенно безлюдную, на которой и въ эту минуту не было ни души.

Курнэ вдругъ обернулся къ сыщику и спросилъ.

— У васъ есть предписаніе арестовать меня?

— Нѣтъ; но при мнѣ мой билетъ. И, вынувъ изъ своего кармана билетъ агента полиціи, онъ показалъ его Курнэ.

Тогда между этими двумя людьми произошелъ слѣдующій діалогъ.

— Это неправильно.

— Что̀ мнѣ за дѣло!

— Вы не имѣете права меня арестовать.

— Это все равно. Я, тѣмъ не менѣе, арестую васъ.

— Послушайте, если вамъ нужны деньги, то они есть у меня. Возьмите, только выпустите меня.

— Хотя бы вы предложили мнѣ мѣшокъ золота величиной съ вашу голову, то я не возьму. Вы—лучшая добыча моя, гражданинъ Курнэ.

— Куда вы меня везете?

— Въ префектуру.

— Меня разстрѣляютъ?

— Можетъ быть.

— И обоихъ моихъ товарищей?

— Я не говорю: «нѣтъ».

— Я не хочу ѣхать туда.

— И, однако-жъ, поѣдете.

— Я тебѣ говорю, что не поѣду! вскричалъ Курнэ.

И мгновенно схватилъ сыщика за горло. Сыщику не удалось издать крика. Онъ отбивался, но желѣзная рука душила его. Языкъ его высунулся, глаза вышли изъ своихъ орбитъ. Вдругъ голова его опустилась, и красноватая пѣна показалась у рта. Онъ умеръ.

Гюи и Лорренъ, неподвижные, словно пораженные громомъ, смотрѣли на эту ужасную сцену. Они не произнесли ни единаго слова, не пошевельнулись. Фіакръ продолжалъ ѣхать.

— Отворите дверцу, крикнулъ имъ Курнэ.

Но они не двигались. Казалось, они окаменѣли. Курнэ попытался было отворить дверцу лѣвой рукой, такъ какъ большой палецъ правой руки его, вошелъ въ рану, сдѣланную имъ на шеѣ сыщика, но это не удалось ему, и онъ принужденъ былъ выпустить свою жертву. Мертвецъ упалъ лицомъ впередъ и опустился на колѣни.

Курнэ отворилъ дверцу.

— Ступайте, сказалъ онъ своимъ товарищамъ.

Гюи и Лорренъ выпрыгнули на улицу и пустились бѣжать со всѣхъ ногъ.

Извозчикъ ничего не подозрѣвалъ.

Курнэ далъ имъ удалиться, потомъ повернулъ пуговку звонка, заставилъ фіакръ остановиться, вышелъ, не торопясь, захлопнулъ дверцу, вынулъ спокойно изъ кошелька сорокъ су, отдалъ ихъ кучеру, не покидавшему своихъ козелъ, и сказалъ ему: «поѣзжайте, куда васъ наняли.»

Онъ углубился въ парижскія улицы. На площади Побѣдъ онъ встрѣтилъ бывшаго конституціоналиста Изидора Бювинье, своего пріятеля, недѣль шесть тому выпущеннаго изъ Маделоннетъ, гдѣ онъ содержался по дѣлу Республиканской Солидарности. Это была одна изъ самыхъ замѣчательныхъ личностей, принадлежавшихъ къ «горѣ». Бѣлокурый, обстриженный подъ гребенку, съ строгимъ взглядомъ, онъ напоминалъ англійскихъ «круглоголовыхъ» и походилъ болѣе на кромвелевскаго пуританина, нежели на дантоновскаго монтаньяра. Курнэ разсказалъ ему о своемъ приключеніи. Онъ рѣшился на это дѣло, вынужденный крайностью.

Бювинье покачалъ головой.

— Ты убилъ человѣка.

У меня, въ «*Маріи Тюдоръ*», Фабіани, въ подобномъ же случаѣ, отвѣчаетъ: «Нѣтъ, жида.»

Курнэ, который, по всей вѣроятности, не читалъ «Маріи Тюдоръ», отвѣчалъ: «Нѣтъ, сыщика». Курнэ былъ правъ. Борьба была въ самомъ разгарѣ, его везли разстрѣливать, и шпіонъ этотъ, собственно говоря, былъ убійца; слѣдовательно, Курнэ только оборонялся. Нужно прибавить къ этому, что негодяй — демократъ для народа и сыщикъ для полиціи—былъ вдвойнѣ предателемъ. Наконецъ, онъ служилъ насильственному перевороту, а Курнэ защищалъ законъ.

— Тебѣ надо спрятаться, сказалъ Бювинье.—Ступай въ Жювизи.

У Бювинье былъ маленькій пріютъ въ Жювизи, по дорогѣ къ Корбейлю. Тамъ его знали и любили. Они вмѣстѣ съ Курнэ пріѣхалъ туда въ тотъ вечеръ. Но не успѣли они выйдти изъ вагона, какъ крестьяне сказали Бювинье: «Жандармы ужь являлись арестовать васъ и возвратятся ночью». Надо было отправиться назадъ.

Курнэ, которому болѣе, чѣмъ кому-нибудь, угрожала опасность, преслѣдуемый, розыскиваемый, съ великимъ трудомъ могъ укрываться въ Парижѣ; онъ оставался въ немъ до 16-го. Никакой возможности не было достать себѣ паспортъ. Наконецъ, 16-го, друзья, которыхъ онъ имѣлъ въ правленіи сѣверной желѣзной дороги, снабдили его служебнымъ паспортомъ, гдѣ значилось слѣдущее: «Пропустить г. М., инспектора, ѣдущаго по дѣламъ службы».

Онъ рѣшился уѣхать на другой день, съ утреннимъ поѣздомъ, можетъ быть, не безъ основанія думая, что за ночными поѣздами слѣдили строже.

Поѣздъ отходилъ въ восемь часовъ утра.

17-го, на разсвѣтѣ, ему подъ покровомъ сумрака, кое-какъ удалось добраться до желѣзной дороги. Его высокій ростъ каждую минуту могъ его выдать. Но, однакожъ, онъ благополучно прибылъ на станцію. Кочегары помѣстими его около себя, на тендерѣ отправлявшагося поѣзда. У него не было другого платья кромѣ того, въ которомъ онъ ходилъ съ 2-го декабря, ни бѣлья, ни чемодана; онъ только имѣлъ при себѣ немного денегъ.

Въ декабрѣ свѣтаетъ поздно, а ночь начинается рано, что̀ очень удобно для бѣглецовъ. Онъ безпрепятственно достигъ до границы. Въ Нёвъ-Эглизъ, онъ былъ уже въ Бельгіи и считалъ себя въ безопасности. У него спросили паспортъ; онъ потребовалъ, чтобъ его отвели къ бургомистру, которому онъ сказалъ: «Я—политическій эмигрантъ».

Бургомистръ, бельгіецъ, но бонапартистъ—такая порода людей существуетъ—безъ дальнихъ разговоровъ, велѣлъ жандармамъ проводить его до границы и передать съ рукъ на руки французскимъ властямъ.

Курнэ считалъ себя погибшимъ.

Бельгійскіе жандармы доставили его въ Армантьеръ. Еслибъ они обратились къ мэру—все было бы кончено; но они спросили инспектора таможни. Лучъ надежды блеснулъ Курнэ. Онъ смѣло подошелъ къ инспектору таможни и подалъ ему руку. Бельгійскіе жандармы все еще не выпускали его.

— Вы—инспекторъ таможни, сказалъ Курнэ:—я—инспекторъ желѣзной дороги. Инспектора̀, чортъ возьми, не ѣдятъ другъ друга. Эти честные бельгійцы испугались не знаю чего и препроводили меня къ вамъ съ четырьмя жандармами. Сѣверное Общество послало меня осмотрѣть въ этой мѣстности мостъ, требующій починки. Позвольте мнѣ продолжать мой путь. Вотъ вамъ мой пропускъ.

Онъ показалъ инспектору свой видъ; тотъ нашелъ его въ исправности, и сказалъ Курнэ:

— Г. инспекторъ, вы свободны!

Курнэ, избавленный отъ бельгійскихъ жандармовъ французскими властями, побѣжалъ на дебаркадеръ желѣзной дороги. Тамъ у него были друзья.

— Скорѣй, сказалъ онъ:—теперь—ночь, но тѣмъ лучше, скорѣй найдите мнѣ контрабандиста, который бы перевезъ меня за границу.

Къ нему привели 18-ти лѣтняго юношу, совсѣмъ ребёнка на видъ, маленькаго, бѣлокураго, свѣжаго, румянаго — швейцарца, говорившаго по-французски.

— Какъ васъ зовутъ, спросилъ Курнэ.
— Анри.
— Вы похожи на дѣвочку.
— Но я—мужчина.
— Вы беретесь доставить меня за-границу.
— Да.
— Вы были контрабандистомъ.
— Я и теперь — контрабандистъ.
— Дороги вы знаете?
— Нѣтъ. Мнѣ не́ зачѣмъ знать дорогъ.
— Такъ что̀ же вы знаете?
— Знаю проходы, лазейки.
— Тутъ двѣ таможенныя линіи.
— Это мнѣ извѣстно.
— И вы проведете меня черезъ оба кордона?
— Разумѣется.
— Такъ вы не боитесь таможенной стражи?
— Я боюсь только собакъ.
— Въ такомъ случаѣ, мы возьмемъ палки.

Они, дѣйствительно, вооружились толстыми палками. Курнэ далъ своему проводнику 50 франковъ и обѣщалъ еще 50, когда они минуютъ второй кордонъ.

— Т. е. въ четыре часа утра, сказалъ Анри.

Была полночь. Они отправились въ путь.

То, что̀ Анри называлъ «проходами», другой назвалъ бы препятствіями. Это былъ рядъ рытвинъ, трясинъ, овраговъ, гдѣ на каждомъ шагу можно сломать себѣ шею. Передъ этимъ шелъ дождь, и всѣ ямы были полны водой.

Невозможная тропинка извивалась змѣей посреди какого-то лабиринта, изъ котораго, казалось, невозможно выпутаться—то колючая, какъ верескъ, то грязная и топкая, какъ болото.

Ночь была безпроглядная. Повременамъ они слышали лай собакъ. Тогда контрабандистъ быстро сворачивалъ то вправо, то влѣво, дѣлалъ зигзаги и даже порой возвращался назадъ.

Курнэ, перелѣзая черезъ изгороди, перескакивая черезъ канавки и ямы, поскользаясь и спотыкаясь на каждомъ шагу, цѣпляясь за терновникъ, умирая отъ голода, изнемогая отъ усталости, съ окровавленными, изрѣзанными руками, въ изодранномъ платьѣ, слѣдовалъ, однакожъ, весело за своимъ вожакомъ.

Онъ ежеминутно падалъ въ какую-нибудь яму и подымался совершенно грязный; наконецъ, онъ попалъ въ лужу; она была довольно глубокая, и смыла съ него грязь.

— Браво! вскричалъ онъ.—Я теперь чистъ; но только мнѣ ужасно холодно.

Въ четыре часа утра, Анри согласно своему обѣщанію, привелъ Курнэ въ бельгійскую деревушку Мессину. Курнэ нѐчего было опасаться ни таможенныхъ кордоновъ, ни переворота, ни людей, ни собакъ.

Онъ вручилъ Анри остальные 50 франковъ и продолжалъ путь свой пѣшкомъ, нѣсколько наугадъ. Только къ вечеру добрелъ онъ до желѣзной дороги. Съ наступленіемъ ночи онъ сѣлъ въ вагонъ и пріѣхалъ въ Брюссель.

Онъ оставилъ Парижъ наканунѣ, не спалъ съ тѣхъ поръ и часу, всю ночь шелъ пѣшкомъ и ничего не ѣлъ. Обшаривъ свой карманъ, онъ не нашелъ уже въ немъ бумажника, но нашелъ корку хлѣба. Онъ болѣе обрадовался этой находкѣ, нежели огорчился потерей бумажника. Деньги были у него въ поясѣ. Бумажникъ, оставшійся, вѣроятно, въ лужѣ, заключалъ въ себѣ письма и, между прочимъ, одно, которое могло бы быть ему очень полезно, а именно—рекомендательное письмо его друга Эрнеста Кёхлина, къ представителямъ Гильго и Карлосу Форелю, также эмигрировавшимъ въ Брюссель и жившимъ въ настоящую минуту въ гостиницѣ Brabant.

Выйдя изъ дебаркадера, онъ бросился въ фіакръ и сказалъ кучеру:—Въ гостинницу Brabant. Онъ услышалъ голосъ, повторившій: въ гостинницу Brabant. Онъ высунулся изъ фіакра и увидѣлъ человѣка что̀-то записывавшаго карандашомъ въ памятную книжку, при свѣтѣ фонаря.

Это, вѣроятно, былъ полицейскій.

Безъ паспорта, безъ рекомендательныхъ писемъ, безъ бумагъ, Курнэ боялся, что его арестуютъ ночью, а ему такъ хотѣлось хорошенько выспаться. «Только бы на эту ночь, подумалъ онъ: — найти хорошую постель, а завтра—будь что̀ будетъ!» У гостинницы Brabant онъ отпустилъ фіакръ, но не вошелъ въ гостинницу. Да и напрасно бы сталъ онъ искать тамъ Гильго и Фореля; оба они жили подъ чужими именами.

Онъ пошелъ бродить по улицамъ. Было одиннадцать часовъ вечера, и онъ чувствовалъ, что силы начинаютъ ему измѣнять.

Наконецъ, онъ увидѣлъ фонарь съ надписью Hôtel de la Monnaie. Онъ вошелъ. Встрѣтившій его хозяинъ посмотрѣлъ на него ка̀къ-то странно.

Борода у него была не выбритая, волосы въ безпорядкѣ, фуражка въ грязи; руки окровавленныя, платье въ лохмотьяхъ; онъ имѣлъ отталкивающій видъ.

Вынувъ изъ своего пояса двойной луидоръ, онъ положилъ его на столъ и сказалъ хозяину.

— Безъ околичностей, къ дѣлу, милостивый государь! Я—не воръ, я—изгнанникъ. Вмѣсто всякаго паспорта, у меня есть деньги. Я изъ Парижа. Сначала я хотѣлъ бы поѣсть, а потомъ выспаться. Хозяинъ взялъ луидоръ и, смягченный, велѣлъ подать посѣтителю ужинать и приготовить постель.

На другой день, онъ еще спалъ, когда хозяинъ вошелъ въ его комнату, тихонько разбудилъ его, и сказалъ:

— Послушайте, м. г. Еслибы бы я былъ на вашемъ мѣстѣ, я отправился бы къ барону Годи.

— Что̀ это за баронъ Годи? спросилъ Курнэ, сквозь сонъ.

Хозяинъ объяснилъ ему кто такое баронъ Годи.

Что касается меня, то, когда мнѣ случилось, однажды, сдѣлать тотъ же самый вопросъ, какой сдѣлалъ Курнэ, то я получилъ отъ трехъ обитателей Брюсселя три слѣдующіе отвѣта:

— Это—собака.

— Это—куница.

— Это—гіена.

«Во всѣхъ этихъ отвѣтахъ была, кажется, нѣкоторая доля преувеличенія.

Четвертый бельгіецъ ограничился тѣмъ, что сказалъ: «это—животное», не опредѣляя, какое именно. Что касается до публичной дѣятельности, г. барона Годи, то онъ былъ тѣмъ, что̀ называютъ въ Брюсселѣ «охранителемъ общественной безопасности». Это—нѣчто въ родѣ префекта полиціи. Немножко Карлье, немножко Мопа̀.

Благодаря г. барону Годи, впослѣдствіи оставившему это мѣсто и который былъ, впрочемъ, какъ г. Монталамберъ, «простымъ іезуитомъ», бельгійская полиція, въ это время, представляла какую-то странную смѣсь австрійской и пруской полиціи. Я читалъ изумительныя конфиденціальныя письма этого барона Годи. Ничего не можетъ быть циничнѣе и гнуснѣе (разумѣю, какъ дѣйствія, такъ и слогъ) іезуитской полиціи, когда она обнаруживаетъ свои сокровенныя тайны.

Въ эпоху, о которой идетъ рѣчь—декабрь 1851—клерикальная партія находилась съ союзѣ со всѣми формами монархизма. И этотъ баронъ Годи одинаково покровительствовалъ какъ орлеанизму, такъ и легитимизму.

— Пожалуй, и къ барону Годи, сказалъ Курнэ. Мнѣ—все равно.

Онъ всталъ, одѣлся, вычистился какъ могъ и спросилъ хозяина.

— Гдѣ здѣсь полиція?

— Въ министерствѣ юстиціи.

Въ Брюсселѣ это дѣйствительно такъ. Полиція составляетъ часть министерства юстиціи, что̀ не очень возвышаетъ первую и немножко роняетъ второе.

Курнэ велѣлъ везти себя къ этой личности и былъ ею принятъ.

Баронъ Годи весьма сухо спросилъ Курнэ: кто вы такой?

— Политическій эмигрантъ. Я принадлежу къ тѣмъ, кого переворотъ выгналъ изъ Парижа.

— Ваше званіе.

— Отставной флотскій офицеръ.

— Отставной флотскій офицеръ? повторилъ баронъ Годи, на этотъ разъ уже болѣе мягкимъ голосомъ.—Не знали ли вы его королевское высочество, принца Жуанвильскаго.

— Я служилъ подъ его начальствомъ.

Это была правда. Курнэ служилъ подъ начальствомъ принца и гордился этимъ.

При этихъ словахъ, лицо охранителя бельгійской безопасности совсѣмъ прояснилось, и онъ сказалъ Курнэ, съ самой любезной улыбкой, на какую только способна полиція:

— Это—другое дѣло. Оставайтесь здѣсь, м. г., сколько вамъ угодно; мы не пускаемъ въ Бельгію монтаньяровъ, но такіе люди, какъ вы, всегда могутъ разсчитывать на наше гостепріимство.

Когда Курнэ передавалъ мнѣ этотъ отвѣтъ барона, я подумалъ, что правъ-то вѣдь мой четвертый бельгіецъ!

Къ этимъ трагедіямъ примѣшивались иногда и комическіе эпизоды.

Изгнанному представителю народа Бартелеми Террье, вмѣстѣ съ его женой, выдали заграничный паспортъ, съ обязательнымъ маршрутомъ, до Бельгіи. Снабженный этимъ паспортомъ, онъ поѣхалъ съ женщиной. Женщина эта была мужчина. Преверо̀, имѣвшій собственность въ Донжонѣ, одинъ изъ зажиточныхъ гражданъ Аллье, былъ зятемъ Бартелеми Террье. Когда совершился переворотъ, Преверо̀, исполняя свой долгъ, съ оружіемъ въ рукахъ защищалъ законъ. Его приговорили за это къ смерти. Таково было тогдашнее правосудіе, какъ извѣстно. Оставаться честнымъ человѣкомъ было преступленіемъ; за подобное преступленіе казнили Шарле, казнили Кюизинье Сирасса. Гильотина была однимъ изъ средствъ для водворенія порядка въ то время. Она помогала царствовать. Нужно было спасти Преверо̀. Онъ

былъ маленькаго роста и худощавый. Его переодѣли женщиной. Онъ былъ не настолько красивъ, чтобы можно было не закрывать вуалемъ лица его. Его мощныя, грубыя руки, руки бойца, спрятали въ муфту. Такимъ образомъ, при помощи вуаля и нѣкоторой искуственной полноты, изъ Преверо̀ вышла весьма приличная женщина. Онъ превратился въ мадамъ Терръе, и зять увезъ его. По Парижу проѣхали безъ всякихъ особенныхъ приключенiй, если не считать одной неосторожности, сдѣланной Преверо̀, который, увидѣвъ на улицѣ, что у одного ломового извозчика упала лошадь, хотѣлъ было помочь ему поднять ее: онъ уже отложилъ въ сторону свою муфту, откинулъ вуаль и приподнялъ юбку, какъ Терръе поспѣшилъ удержать его. Случись тутъ городской сержантъ, и Преверо̀ бы арестовали. Терръе поскорѣй усадилъ его въ вагонъ, и съ наступленiемъ ночи они отправились въ Брюссель. Они находились въ вагонѣ одни и сидѣли другъ противъ друга, каждый прижавшись къ углу. Все шло хорошо до Амьена. Въ Амьенѣ, гдѣ поѣздъ останавливается, отворилась дверца вагона, и вошелъ жандармъ. Помѣстившись рядомъ съ Преверо̀, онъ потребовалъ у Терръе его паспортъ. Тотъ показалъ. Жандармъ нашелъ паспортъ въ исправности и ограничился тѣмъ, что сказалъ: «мы поѣдемъ вмѣстѣ до самой границы. Я—дежурный по этой дистанцiи».

Поѣздъ двинулся далѣе. Была очень темная ночь. Терръе заснулъ. Вдругъ Преверо̀ слышитъ, что чье-то колѣно прижалось къ его колѣну. Это было колѣно полицiи. Чей-то сапогъ слегка наступилъ на ногу Преверо̀. Это былъ сапогъ благочинiя. Идилiя внезапно зародилась въ сердце жандарма. Онъ сначала довольно нѣжно жалъ колѣно Преверо̀, потомъ, ободренный темнотой ночи и сномъ мужа, осмѣлился прикоснуться и къ платью сосѣдки — случай, предусмотрѣнный Мольеромъ. Но прекрасная незнакомка съ опущеннымъ вуалемъ была добродѣтельна. Преверо̀, исполненный изумленiя и взбѣшенный, отвелъ, однакожъ, тихонько руку жандарма. Опасность угрожала серьёзная.—Немножко побольше страстности со стороны жандарма, еще одна смѣлая выходка — и дѣло могло принять совершенно неожиданный оборотъ: эклога превращалась въ протоколъ, Фавнъ въ сбира; Тирсисъ въ Видока. И тогда вышелъ бы прелюбопытный казусъ: пассажира казнили бы за то, что жандармъ нанесъ оскорбленiе женщинѣ. Преверо̀ откинулся въ уголъ, подобралъ платье, спряталъ ноги подъ скамейку и продолжалъ оставаться неприступнымъ. Но все это не обезкураживало жандарма; и опасность увеличивалась съ каждымъ часомъ. Борьба была без-

молвная, но упорная; нѣжная съ одной стороны, яростная—съ другой. Террье все спалъ. Вдругъ поѣздъ остановился; голосъ кондутокра крикнулъ: Кьеврэнъ! и вагонъ отворился. Это была уже Бельгія.

Жандармъ, принужденный возвратиться во Францію, всталъ, чтобы выйти, и въ ту минуту какъ онъ спускался съ послѣдней ступеньки, позади его, изъ-подъ кружевного вуаля, раздались слѣдующія энергическія слова: «*Убирайся скорѣй, а не то я сворочу тебѣ челюсть*».

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

НА СЛАВЯНСКОМЪ РАСПУТЬИ.

(Мотивы и выводы.)

(Окончаніе).

XVIII.

Рядомъ съ Загребомъ и хорватами, Бѣлградъ и сербы Княжества Сербскаго представляли, лѣтомъ 1877 года, самый живой интересъ, бо̀льшій, чѣмъ Черногорія, гдѣ все сводилось и до сихъ поръ сводится къ увеличенію боевыхъ средствъ этой кучки сербовъ, которыхъ нельзя даже назвать и особымъ племенемъ. Съ самаго начала войны видно было, что правительство князя Милана должно, по настояніямъ Россіи, воздержаться, до поры до времени, отъ участія въ новой борьбѣ съ турками. Тѣмъ удобнѣе было присмотрѣться къ тому, ка̀къ сербы княжества пережили свое прошлогоднее столкновеніе съ русскими, ка̀къ они себя чувствовали по уходѣ «дорогихъ гостей». Цѣлый почти годъ отдѣлялъ движеніе, охватившее русское общество, отъ того момента, когда войска наши перешли Дунай. Россія, сравнительно съ Сербіей—настоящій колоссъ, и слѣдовало бы предполагать, что русское общество подастъ примѣръ меньшимъ братьямъ въ дѣлѣ взаимнаго пониманія, воспользуется своимъ прошлогоднимъ порывомъ, чтобы, хотя заднимъ числомъ, узнать немного эту самую Сербію, ея народъ, духовныя и матеріальныя силы, стремленія ея правительства и культурнаго слоя. А что̀ же показывала дѣйствительность?—Порывъ вспыхнулъ и разошелся въ видѣ довольно тяжелаго чада; онъ оставилъ въ русскомъ обществѣ чувство недовольства, почти раскаянія въ томъ, что принесена жертва для народа, который оказался нисколько не симпатичнымъ, по крайней мѣрѣ, по отзывамъ большинства прошлогоднихъ сподвижниковъ сербской свободы. Въ теченіи цѣлаго года не появилось у насъ ни одной обстоятельной книги, которая бы резюмировала, на основаніи провѣренныхъ фактовъ, то, что̀ рус-

скимъ народомъ и обществомъ сдѣлано для сербовъ, помогла бы русской публикѣ немного разобраться въ массѣ отрывочныхъ свѣдѣній, освободить себя отъ пристрастныхъ и раздраженныхъ взглядовъ. *Отношеніе, какъ было внѣшнимъ, такъ и осталось имъ.* Обстоятельно ничто не изучено. Какъ ни старались наши идеалисты-славянолюбцы маскировать горечь, явившуюся въ видѣ осадка послѣ сербской кампаніи, горечь эта существуетъ до сихъ поръ и вызвана, конечно, дурнымъ пониманіемъ всей прошлогодней исторіи, въ которой прежде всего мы, русскіе, виноваты. Вина эта заключается, конечно, не въ томъ, что сотни и тысячи добровольцевъ пошли, по доброй волѣ, подставлять свою грудь подъ турецкія пули, а въ томъ, что безкорыстный порывъ, такъ сказать, *дисконтировали впередъ;* требовали во имя его какихъ-то идеальныхъ совершенствъ отъ сербовъ, требовали для себя какого-то исключительнаго положенія, требовали массы вещей, неосуществимыхъ въ условіяхъ сербской дѣйствительности. Кто-же въ этомъ виноватъ, какъ не мы сами? Кто виноватъ въ томъ, что изъ массы газетныхъ писемъ, статей и кореспонденцій о Сербіи, войнѣ и народномъ характерѣ сербовъ вы едва-едва выдѣлите 5 — 6 писемъ и статей, гдѣ авторы стараются быть безпристрастными, относятся человѣчнѣе и разумнѣе къ свойствамъ и недостаткамъ сербовъ, не скрываютъ того безобразнаго хозяйничанья, съ которымъ русскіе начальники, крупные и мелкіе, связывали всю суть своего призванія? Теперь можно, мнѣ кажется, сознаться въ томъ, что прошлогоднее увлеченіе, при всей своей искренности, не было ничѣмъ подготовлено. Оно такъ и осталось лирическимъ порывомъ. Шли туда сотни и тысячи людей, не задававшихъ себѣ никогда вопроса о томъ: что̀ такое эта Сербія, ка̀къ жилъ ея народъ до послѣдняго времени, можетъ-ли она выдержать борьбу, ка̀къ толковѣе и разумнѣе помочь ей?—Такіе вопросы кажутся даже смѣшными, когда сообразишь, изъ кого состояло большинство добровольцевъ. Мы знаемъ нѣсколько именъ людей, дравшихся геройски, но мы знаемъ также, что и самая интелингенція русскихъ волонтеровъ, которую долженъ былъ представлять генеральный штабъ, имѣла очень мало общаго съ порядочными сферами русской мысли, съ лучшими стремленіями страны нашей. Здѣсь не мѣсто вдаваться въ обличительный тонъ, да нѣтъ и надобности повторять то, что̀ было, въ свое время, доложено русской публикѣ. Поэтому и случилось такъ, что даже лѣтомъ 1877-го года русская книжная литература съ журналистикой и газетной прессой не обогатились, какъ бы слѣдовало ожидать, порядочными изслѣдованіями, которыя помогли бы каждому, отправлявшемуся въ Бѣлградъ, въ его знакомствѣ со страной и съ ея общественными порядками.

Зато отрицательными результатами прошлогодняя кампанія очень богата. Настоящіе обрусительные инстинкты массы волонтеровъ сказались во всей своей красотѣ. Если-бы было иначе, то откуда-бы явились сейчасъ-же почти поголовное недовольство

на сербовъ за то, что они—сербы, высокомѣрное презрѣніе, а то такъ и простая ругань, негодованіе при всякой попыткѣ отстоять сколько-нибудь свою самобытность, не позволять пришлымъ людямъ распоряжаться, какъ какимъ-нибудь завоевателямъ? Фальшь и фраза тѣхъ, кто кричалъ и кричитъ о духовной связи между разными славянскими народностями, изобличена всего сильнѣе въ прошлогодней исторіи съ сербами. Нетолько у какихъ-нибудь «ташкентцевъ», сотнями перебывавшихъ въ арміи генерала Черняева, но и у спеціалистовъ военнаго дѣла, до сихъ поръ не видно никакого терпимаго, широкаго отношенія къ маленькой народности, едва-едва устроившей свою политическую и бытовую жизнь. Съ какими военными ни случалось мнѣ говорить о сербахъ въ началѣ кампаніи нынѣшняго года, всѣ одинаково пренебрежительно и высокомѣрно отзывались о нихъ, даже и тѣ, кто не заглядывалъ въ Сербію. Господамъ спеціалистамъ такое огульное осужденіе совсѣмъ уже не пристало. Они должны были бы знать, что на-скоро сбитыя войска изъ милиціонеровъ, да вдобавокъ еще послѣ продолжительнаго періода мирныхъ крестьянскихъ занятій, не могли ни въ какомъ случаѣ выказать чудеса храбрости и стойкости. Эти пренебрежительные отзывы продолжались, впрочемъ, до той минуты, когда мы наткнулись на Плевну. Тогда только каждый не военный русскій могъ говорить любому полковнику генеральнаго штаба: «Посмотрите! и не однихъ сербовъ бьютъ турки; они бьютъ и хорошо дисциплинованное войско съ образцовыми ружьями и блистательной артиллеріей». Сколько мнѣ приводилось сталкиваться съ военными людьми, и весной, и лѣтомъ 1877 года, я не слыхалъ ни отъ одного разумныхъ и терпимыхъ сужденій, когда рѣчь заходила о сербахъ и прошлогодней кампаніи. И даже теперь, когда сербы очутились опять нашими союзниками, когда русское правительство нашло ихъ поддержку полезной для себя, вступило съ ними въ соглашеніе и начало уплачивать имъ, каждый мѣсяцъ, значительную субсидію, даже и теперь раздраженное чувство не уходилось нетолько между военными, но и въ массѣ русской публики. Въ Петербургѣ, въ Москвѣ, въ провинціи, въ деревняхъ, вездѣ, гдѣ только зайдетъ рѣчь о сербахъ, вы сейчасъ наталкиваетесь на презрительныя гримасы, на изобличительный тонъ, на ѣдкія или бранныя выходки. Недоразумѣніе существуетъ и, вѣроятно, очень долго будетъ существовать, и каждый русскій, не желающій продумать всю эту исторію, будетъ считать себя въ правѣ третировать сербовъ, какъ неблагодарныхъ трусовъ и неисправимыхъ пошляковъ. Какого-же бо̀льшаго доказательства тому, что наши славянофилы не подготовили ни малѣйшей почвы для взаимнаго пониманія этихъ двухъ славянскихъ народностей; что русское общество не дошло даже до сознательнаго отношенія къ своимъ собственнымъ промахамъ, увлеченіямъ, непродуманнымъ порывамъ; что оно способно испортить ненужной горечью и себялюбивой придирчивостію высшее

нравственное содержаніе своей жертвы, своей способности откликнуться на идею?..

XIX.

Для сербскаго дѣла, особливо въ такую горячую пору, какъ минувшее лѣто, городъ Вѣна былъ весьма важный пунктъ. Въ Вѣнѣ, вплоть до той минуты, когда Сербія выступила, наконецъ, въ качествѣ союзницы Россіи, происходили тайные переговоры, соглашенія, запросы. Пріѣзжали и уѣзжали агенты, привозились и заказывались разныя военныя принадлежности. Тутъ чувствовалось біеніе пульса внѣшней сербской политики, тутъ выдавались и получались деньги. Въ началѣ кампаніи, наше вѣнское посольство держало себя въ сторонѣ, страдая славянобоязнью; но къ августу мѣсяцу и оно должно было сдѣлаться активнѣе: черезъ него происходили весьма существенные переговоры, окончившіеся заключеніемъ русско-сербской конвенціи. Самыми дѣятельными пособниками въ сербско-русскихъ сношеніяхъ были тайные агенты, и въ числѣ ихъ одинъ австрійскій сербъ, игравшій и до сихъ поръ играющій роль главнаго посредника во всѣхъ политическихъ и денежныхъ дѣлахъ, гдѣ завязаны интересы княжества сербскаго и Черногоріи. Я объ немъ много разъ упоминалъ въ своихъ корреспонденціяхъ. Каковы-бы ни были его личные планы, побужденія и цѣли, нельзя ему никакъ отказать въ энергіи и въ преданности идеѣ славянскаго возрожденія. Но такіе агенты, когда вы къ нимъ присмотритесь, не идутъ дальше совершенно-формальнаго отношенія къ Россіи и русскому обществу. Они будутъ васъ увѣрять въ своей любви къ русскимъ; но вы ясно видите, что для нихъ имѣетъ значеніе только матеріальная сила Россіи. Чтобы быть съ ними вполнѣ солидарными, надо стать на узко славянскую точку зрѣнія, надо раздѣлять всѣ ихъ антипатіи, вдаваться съ ними въ тотъ противорѣчивый антагонизмъ со всякой европейской культурой, которую они охотно усвоиваютъ, продолжая ненавидѣть, на словахъ, нѣмцевъ. Во многихъ такихъ «удѣлывателяхъ» славянской политики есть что-то двойственное, шаткое, заносчивое и даже дѣтское. Они постоянно конспирируютъ, по безъ строго опредѣленной программы, съ такими уступками и компромиссами, на которые ни одинъ развитой и либерально-мыслящій русскій не пойдетъ. Но, каковы-бы ни были такія личности, онѣ все-таки послѣдовательнѣе, дѣльнѣе и полезнѣе такъ называемому славянскому дѣлу, чѣмъ большинство нашихъ славянофиловъ, чѣмъ тѣ «уполномоченные», которые разсылаются комитетами. Отъ нихъ-то вы и услышите горькія жалобы на такихъ уполномоченныхъ, они-то и будутъ вамъ доказывать на фактахъ, какъ русскіе, пріѣзжающіе въ славянскіе центры, не умѣютъ себя вести,

отталкиваютъ себя своимъ *генеральствомъ*, важничаньемъ, невѣжественностью, пустотой или вялостью, нерѣшительностію, неумѣлостію. Въ печати ни одинъ изъ такихъ славянскихъ агентовъ не высказываетъ своихъ жалобъ; но въ частныхъ бесѣдахъ они охотно объ этомъ распространяются и, зная множество фактовъ, могутъ доставить вамъ всевозможныя доказательства безчисленныхъ промаховъ русскихъ «эмиссаровъ», которые до сихъ поръ сплошь и рядомъ тратятъ зря деньги и время.

Въ лучшихъ изъ тѣхъ сербовъ, съ которыми я сталкивался въ Вѣнѣ, видна извѣстнаго рода выдержка, хотя они и не дѣйствуютъ по строго опредѣленной программѣ. Въ нихъ всётаки чувствуется преданность тому дѣлу, которому они взялись служить. Было бы весьма не трудно имѣть въ глазахъ ихъ безусловный авторитетъ. Каждый русскій, являющійся съ какимъ-нибудь серьёзнымъ порученіемъ, выкажи онъ только снаровку и тактъ, забудь онъ про свое чиновное положеніе, могъ бы достичь несравненно бо̀льшихъ результатовъ. Но лѣтомъ прошлаго года пренебрежительное отношеніе къ сербамъ въ каждомъ почти русскомъ было еще слишкомъ сильно. Сербы чувствовали это и, по мѣрѣ того, какъ наши военныя дѣйствія принимали характеръ неудачной борьбы, поднимали голову и въ неуспѣхахъ русскихъ искали оправданія своимъ прошлогоднимъ неуспѣхамъ. Они имѣли также право жаловаться на то, что пропущено было слишкомъ много времени прежде, неужели русскіе сочли нужнымъ вступить съ ними въ переговоры о военныхъ дѣйствіяхъ. Теперь можно безошибочно сказать, что въ началѣ кампаніи поддержка сербовъ была-бы по крайней мѣрѣ такъ-же полезна, какъ и союзничество румыновъ. Вѣдь и съ румынами мы тотчасъ же не поладили, а все-таки не побрезговали ихъ содѣйствіемъ. Сербовъ это ужасно коробило, и въ Вѣнѣ мнѣ не разъ приходилось выслушивать ихъ сѣтованія.

«— Помилуйте, восклицали они:—ка̀къ-же можно поставить насъ на одну доску съ румынами? Мы постоянно боролись, приносили жертвы за свою независимость; а тѣ играли всегда роль покорнаго стада и, только благодаря своему географическому положенію и политическимъ видамъ Россіи, освобождались постепенно изъ-подъ турецкаго владычества. Они провозглашаютъ свою независимость и дѣлаются союзниками Россіи; а мы должны, въ такую минуту, сидѣть сложа руки и даже впереди не предвидѣть никакой для себя пользы въ случаѣ полнаго пораженія турокъ».

Въ теченіи всего почти лѣта шли переговоры и затягивали участіе сербовъ, которые не могли двинуться безъ денегъ; а деньги должна была дать Россія. Тутъ опять выступило на сцену пренебрежительное недовѣріе русскихъ. Они очень хорошо знали, что прошлогодняя война истощила всѣ ресурсы княжества; что заемъ не поправилъ дѣлъ сербской казны; что нельзя по этому и требовать экстренныхъ жертвъ отъ государства въ

мильйонъ съ небольшимъ жителей. Но можно было очень и очень воспользоваться желаніемъ сербскаго правительства, принять участіе въ борьбѣ и выставить стотысячную армію. Сербы, въ этомъ случаѣ, поступили открыто и толково. Они прямо говорили: «Денегъ у насъ нѣтъ; а для того, чтобы поставить армію на военную ногу, нужно до 10 мильйоновъ русскихъ рублей. Дайте намъ ихъ, хотя-бы заимообразно.» Съ ними начали торговаться, и дѣло уладилось кой какъ уже глубокой осенью, такъ что военныя дѣйствія можно было начать только къ зимѣ. Человѣку со стороны вся эта исторія служила наилучшимъ доказательствомъ того, ка̀къ мало между русскими и братьями-славянами настоящаго пониманія взаимныхъ интересовъ, довѣрія, широкаго отношенія другъ къ другу. Мы, какъ дѣти, не хотимъ понять естественности и неизбѣжности матеріальной помощи, которая въ такихъ дѣлахъ всегда должна исходить отъ Россіи. Мы или предадимся энтузіазму, поразимъ своимъ великодушіемъ, щедростію и даже безумнымъ разбрасываніемъ денегъ и душевныхъ силъ, или же являемся мелочными, неразсчетливыми въ самой своей разсчетливости. Поэтому неудивительно, что, еслибы агенты сербскаго правительства и были одушевлены настоящей идеей славянской солидарности, они все-таки не могли бы дѣйствовать безъ той фальши, какую приводилось въ нихъ видѣть. Одинъ изъ этихъ агентовъ, проживавшій довольно долго въ Петербургѣ, болѣе другихъ былъ доволенъ тѣмъ, ка̀къ съ нимъ обращались; онъ имѣлъ и прежде время и случай ознакомиться съ нашимъ обществомъ, сохранилъ лично русскія симпатіи, и все-таки ни онъ, ни его товарищи по политическимъ сношеніямъ не могли не чувствовать тѣхъ предубѣжденій, какія закрались въ сознаніе большинства русскихъ. Да, вдобавокъ, всѣ эти сербы до сихъ поръ имѣютъ въ виду только извѣстную долю русскаго общества: оффиціальный міръ и должностныя лица заслоняютъ для нихъ почти все остальное. И ка̀къ только вы начинаете съ ними толковать, вы сейчасъ-же чувствуете, до какой степени отношенія наши къ Сербіи лишены ясности, простоты, настоящаго пониманія.

XX.

Столица княжества сербскаго сдѣлалась, въ русской газетной прессѣ, избитымъ мѣстомъ для корреспондентовъ и публицистовъ, по крайней мѣрѣ, въ теченіи цѣлаго полугодія. Но мы видѣли, что изъ всей сербской эпопеи, все-таки, не вышло ничего существеннаго для знакомства съ физіономіей того государства, изъ-за котораго мы добровольно проливали кровь. Въ 1876-мъ году, военныя событія поглощали интересъ, и тѣ русскіе, которые писали изъ Сербіи, довольствовались литературными картинками,

характеризующими обстановку войны; потомъ тотчасъ же явились неудовольствія, послышались жалобы, упреки, всѣ стали впадать въ обличительный тонъ, и среди этого общаго гула раздавались два-три голоса съ бòльшимъ пониманіемъ, безпристрастіемъ и шириной взгляда. Были даже попытки сказать и «Правду о Сербіи»; но люди, въ родѣ автора книжки, носящей это заглавіе, сами были слишкомъ преисполнены самообмана или нечистоплотной фразистости, чтобы, дѣйствительно, присмотрѣться къ людямъ и событіямъ, чтобы не впасть въ фальшивый, слащавый тонъ, чтобы не опрокидываться на сербовъ даже и тогда, когда желали защищать ихъ. И что же вышло? Человѣкъ, отправлявшійся въ Бѣлградъ лѣтомъ 1877-го года, не имѣлъ въ рукахъ своихъ никакой русской книжки, которая могла бы руководить въ розыскахъ и наблюденіяхъ, гдѣ бы разобраны были дѣйствительныя причины взаимныхъ неудовольствій, гдѣ бы показано было, кàкъ себя чувствуютъ сербы послѣ «дорогихъ гостей». Лично меня этотъ вопросъ интересовалъ сильнѣе всего остального. Газетные толки, письма, замѣтки, были слишкомъ противорѣчивы. Но, кàкъ ни старались нѣкоторые замаскировать правду, нельзя было a priori не предположить, чтобы послѣ «хозяйничанья» русскихъ не осталось въ Сербіи какого нибудь осадка, вмѣстѣ съ появленіемъ новыхъ взглядовъ, болѣе реальныхъ чувствъ и болѣе яснаго взаимнаго пониманія. Я зналъ, что русскихъ я не найду уже въ Бѣлградѣ, кромѣ двухъ-трехъ человѣкъ, занимающихъ оффиціальные пòсты, или какихъ-нибудь проѣзжихъ. Мнѣ не хотѣлось также довольствоваться казеннымъ знакомствомъ съ сербами, находящимися во власти. Но всего важнѣе было освободить себя отъ всякихъ предвзятыхъ взглядовъ, отъ того пренебрежительнаго и высокомѣрнаго чувства, которымъ проникнуты теперь многіе недавніе друзья сербскаго народа. Здѣсь я не стану повторять моихъ первыхъ впечатлѣній, ни распространяться о городѣ Бѣлградѣ и его внѣшней культурѣ. Въ моихъ письмахъ «За войной» я старался характеризовать нетолько обстановку тогдашняго политическаго момента, но и многія личности. Случилось, однако же, такъ, что мнѣ не удалось, въ этихъ письмахъ, поговорить о людяхъ, находящихся во власти, за исключеніемъ сербскаго митрополита, котораго я, опять-таки, описывалъ болѣе съ внѣшней стороны. Читатели моихъ писемъ припомнятъ, быть можетъ, что я нашелъ въ Бѣлградѣ русскаго, прекрасно освоившагося съ мѣстными дѣлами по своей оффиціальной обязанности, и могъ, насколько позволяло мнѣ время, воспользоваться его указаніями, знакомствами и запасомъ свѣдѣній. Разобраться въ этомъ крошечномъ государственномъ организмѣ вовсе не легко. Для этого нужно: стать на мѣстную почву, войти, такъ сказать, въ душу теперешняго сербскаго правительства, приглядѣться, кàкъ *оно* смотритъ на свое призваніе, ничего не требовать отъ массы сербскаго народа, ничему не удивляться и ничѣмъ не возмущаться *по-русски*,

т. е. съ той смѣсью барства и легкомыслія, какую мы привыкли выдавать за широкіе взгляды. Этой программы я старался держаться во все время моего, къ сожалѣнію, довольно краткаго житья въ Бѣлградѣ. Тогда, въ началѣ войны, я не могъ упускать изъ виду и вопросовъ минуты, т. е. того, скоро ли Сербіи дадутъ возможность выступить противъ Турціи и какъ стоитъ дѣло о Босніи и Герцеговинѣ? Но, повторяю, существеннѣе для меня лично было: сколько нибудь обслѣдовать настроеніе сербскаго или, лучше сказать, бѣлградскаго общества, съ его мѣстной интеллигенціей, по отношенію къ намъ, послѣ прошлогоднихъ событій.

Въ Бѣлградѣ подъ «обществомъ» нужно понимать болѣе образованныхъ сербовъ, участвующихъ въ политическомъ движеніи страны. Никакихъ другихъ выдающихся общественныхъ элементовъ тамъ почти нѣтъ. Пресса сводится къ одной оффиціальной и одной оффиціозной газетѣ. Крупныхъ землевладѣльцевъ, *обособившихся въ сословіе*, не существуетъ. Промышленныя и торговыя дѣла въ сравнительно ничтожномъ развитіи, кромѣ нѣкоторыхъ статей отпускной торговли. Молодежь, вышедшая изъ среднихъ школъ, а также та, которая побывала въ заграничныхъ университетахъ, вся занимается внутренней политикой или же хлопочетъ о поступленіи въ ряды администраціи. Кромѣ того, есть въ Бѣлградѣ и въ другихъ городахъ не мало праздношатающагося люда, который, благодаря дешевизнѣ жизни, сидитъ по кафе по цѣлымъ днямъ и толкуетъ о политическихъ новостяхъ. Все это не даетъ вѣрнаго понятія о настроеніи сельскаго люда, въ которомъ должна бы заключаться соціальная и государственная суть княжества сербскаго. Сербія—маленькое мужицкое государство. Это—самая симпатичная сторона его устройства. Но трудно добраться до настоящихъ чувствъ и воззрѣній народнаго представительства, т. е. простыхъ сельскихъ обывателей, занятыхъ своими домашними дѣлами, не участвующихъ даже какъ слѣдуетъ и въ скупштинахъ, потому-что правительство имѣетъ множество средствъ подтасовывать большинство. Пріѣзжему русскому, особливо, если онъ ограничится Бѣлградомъ, придется сейчасъ же имѣть дѣло съ интеллигенціей. Къ ней, послѣ войны 1876-го года, русская публика и пресса начали относиться весьма недружелюбно. Нетолько такіе публицисты, какъ авторъ книжки «Правда о Сербіи», но и болѣе спокойные и толковые люди, стали упрекать сербскую интеллигенцію въ томъ, что она страдаетъ отсутствіемъ народнаго чувства, состоитъ изъ двухъ-трехъ генерацій, кинувшихся въ слѣпое подражаніе Западу, высказываетъ во всемъ мелочность, эгоизмъ, непониманіе своей задачи, недовѣріе къ Россіи и русскимъ. Къ счастію, нашлись въ русской прессѣ честные и серьёзные писатели, которые старались показать всю односторонность и фальшь этихъ обвиненій. Всего лучше было бы взять для примѣра двухъ образованныхъ людей—русскаго и серба — и анализировать ихъ ум-

ственныя и гражданскія свойства. Разница оказалась бы весьма малая, и очень часто по западному образованный сербъ представлялъ бы собой болѣе развитую личность, по крайней мѣрѣ, въ политическомъ смыслѣ. Я не хочу этимъ сказать, чтобы русское образованное общество было, въ цѣломъ своемъ составѣ, ниже сербскаго; но въ отдѣльныхъ личностяхъ, если взять во вниманіе исторію, національныя средства и размѣры Сербіи, западно-европейская школа сдѣлала свое дѣло прямѣе, дала болѣе осязательные результаты. Мы, русскіе, не имѣемъ, въ сущности, ни малѣйшаго права упрекать сербскую молодёжь за то, что она предпочитала и до сихъ поръ предпочитаетъ западныя высшія школы нашимъ: ни наше правительство, ни общество ничего не дѣлали такого, что̀ бы оправдывало подобныя притязанія. Въ самое послѣднее время, когда не одни славянофилы заговорили о славянской солидарности, молодые люди, являвшіеся на собственныя средства изъ Сербіи въ Петербургъ за наукой, должны были проходить черезъ горькія испытанія. Имъ приходилось точно такъ же, какъ всякому заурядному русскому студенту, бѣдствовать, жить впроголодь въ дорогомъ и противномъ, по своему климату, Петербургѣ и не имѣть возможности выбиться изъ студенческаго пролетаріата. На свои средства могутъ отправиться только дѣти богатыхъ буржуа и землевладѣльцевъ, понимающихъ значеніе Россіи и русскаго общества для дальнѣйшей судьбы Сербіи. Заботиться объ этомъ должно правительство для того, чтобы имѣть развитыхъ чиновниковъ и знающихъ спеціалистовъ. А чтобы не тратить лишняго и получать на свою службу людей, хорошо обученныхъ, правительству сербскому гораздо удобнѣе отправлять молодыхъ людей въ Вѣну, Гейдельбергъ или Парижъ, чѣмъ въ Москву и Петербургъ. Два-три русскіе публициста и докладывали это нашимъ рьянымъ шовинистамъ; но они не знаютъ, что вліянію нашей умственной культуры препятствовали, еще не такъ давно, сами представители русскаго государства. По этому вопросу у меня былъ съ теперешнимъ министромъ народнаго просвѣщенія, г. Васильевичемъ, курьёзный разговоръ. Васильевичъ—одинъ изъ немнгихъ сербовъ поколѣнія 50-хъ годовъ, учившихся въ Россіи. Тогда нѣсколько молодыхъ сербовъ слушало лекціи въ кіевской духовной академіи и московскомъ университетѣ, въ томъ числѣ и бывшій сербскій агентъ въ Петербургѣ, г. Протичъ. По возвращеніи въ Бѣлградъ, Васильевичъ получилъ каѳедру логики и психологіи въ такъ называемой «Великой Школѣ», которая до сихъ поръ, по недостатку финансовыхъ средствъ, не можетъ еще быть превращена въ настоящій университетъ. Такъ какъ онъ вернулся изъ Россіи съ порядочнымъ знаніемъ нашего языка (онъ до сихъ поръ еще говоритъ весьма сносно), то ему хотѣлось открыть курсъ нетолько для студентовъ, но и для стороннихъ слушателей. Онъ и открылъ этотъ курсъ, но долженъ былъ вскорѣ прекратить свои занятія съ довольно многочисленной аудиторіей, человѣкъ до 70-ти.

Какъ вы думаете, по какому поводу? — Потому что тогдашній генеральный консулъ, г. Шишкинъ, считалъ подобную пропаганду русскаго языка несвоевременной, и курсъ закрылся. Такъ изложилъ мнѣ это дѣло самъ Васильевичъ. Достовѣрность мотива я оставлю на его отвѣтственности. Съ конца же 50 хъ годовъ, при князѣ Михаилѣ и во время регентства, «западничество» сербовъ приняло гораздо бòльшіе размѣры и находилось въ прямомъ соотвѣтствіи съ такъ называемымъ омладинскимъ движеніемъ. Возмущаться этимъ мы, русскіе, опять-таки, не имѣемъ ни малѣйшаго права. Тогдашняя передовая политическая партія во всемъ томъ, что у ней было лучшаго и либеральнаго, держалась за начала общечеловѣческой свободы, и ей принадлежитъ починъ въ дѣлѣ выработки учрежденій демократическаго характера, соотвѣтствующихъ народному складу сербовъ княжества.

XXI.

Узнать про то, какія чувства оставили послѣ себя «дорогіе гости», было всего труднѣе въ оффиціальныхъ сферахъ. Сношенія съ русскими находятся почти исключительно въ рукахъ митрополита Михаила; а это — чисто политическая личность не такого рода, чтобы вы добились отъ нея вполнѣ искренняго отзыва. Черезъ него и поддерживается внѣшняя связь съ нашимъ славянофильскимъ міромъ. Но господа славянолюбцы сильно ошибаются, если думаютъ, что въ людяхъ, подобныхъ митрополиту Михаилу, живетъ общеславянская идея. Это — ловкій политикъ, составившій себѣ положеніе и ревниво держащійся за него, балансирующій между разными сциллами и харибдами мѣстнаго политическаго муравейника. Онъ учился и жилъ въ Россіи; но ученіе его было не такое, которое бы сближало съ передовымъ русскимъ обществомъ; хотя, по наружнымъ формамъ, онъ — самый мірской, мягкій и доступный духовный сановникъ, какихъ мнѣ приводилось видѣть на своемъ вѣку, особливо въ средѣ православнаго духовенства. Я не стану добираться до того: имѣетъ ли этотъ православный сербскій прелатъ до сихъ поръ идеи и стремленія омладиниста; но онъ, по своей теперешней роли, долженъ держаться съ партіей Ристича, т. е. поддерживать политику министерства, давно уже измѣняющаго своей прежней либеральной программѣ, считаясь либеральнымъ. Эта основная фальшь проникаетъ весь оффиціальный сербскій міръ. Никакой цѣльности, единства, никакой почвы пониманія и сознательной поддержки, по моему, нѣтъ между этой групой людей и Россіей, нетолько Россіей, представляемой лучшей долей прессы и общества, но и *казенной*, такъ сказать, Россіей. Было бы въ высшей степени желательно, чтобы кто-нибудь, поживъ въ Бѣлградѣ и другихъ пунктахъ княжества сербскаго, распуталъ всю эту ми-

стификацію Личность князя и его политическое поведеніе доставляютъ лишній поводъ къ цѣлому ряду новыхъ фальшивыхъ отношеній, увѣреній и компромиссовъ. Не можетъ быть ничего прямого, простого, прочнаго тамъ, гдѣ преслѣдуются на первомъ планѣ чисто-династическія цѣли. Съ княземъ Миланомъ я имѣлъ только одну бесѣду, правда, довольно продолжительную, по которой, конечно, не позволю себѣ судить безповоротно ни о его личности, ни о его воззрѣніяхъ на связь съ Россіей. Но коечтò приведу здѣсь, какъ болѣе характерное, дополнивъ свои собственныя наблюденія отзывами сербскихъ государственныхъ людей, знающихъ князя съ дѣтства. Въ этомъ молодомъ человѣкѣ, слишкомъ тучномъ для своихъ лѣтъ, преобладающей чертой выступаетъ разсудочный умъ, который врядъ ли сдерживается какими-нибудь глубокими принципами. Таково первое впечатлѣніе, и оно подтверждается всѣмъ, чтò я слышалъ о князѣ отъ его *бывшихъ* министровъ; теперешніе, разумѣется, не станутъ говорить въ этомъ тонѣ. Неудобно было бы цитировать здѣсь характеристику, сдѣланную мнѣ однимъ изъ этихъ бывшихъ министровъ, человѣкомъ чрезвычайно умнымъ и порядочнымъ: до такой степени она безпощадна и печальна. Цѣлый рядъ фактовъ изъ послѣднихъ двухъ-трехъ лѣтъ царствованія Милана показываетъ, что онъ только терпитъ демократическую конституцію своей страны, но нисколько не любитъ ея и способенъ высказать, при случаѣ, тактъ и ловкость во внутренней политикѣ, насколько это нужно для сохраненія и безъ того подточенной популярности; но у него не достаетъ еще до сихъ поръ умѣнья сдерживать свои себялюбивые и своенравные инстинкты. Онъ уже привыкаетъ обращаться съ людьми и интересами страны весьма произвольно. Въ одномъ изъ клубовъ Бѣлграда меня познакомили съ тѣмъ достаточнымъ крестьяниномъ — членомъ скупштины, который, послѣ того, какъ князь Миланъ распустилъ великую скупштину, бывшую въ 1876 мъ году, пошелъ къ нему прямо въ конакъ и сказалъ: «Смотри, князь, если ты будешь такъ обращаться съ народными представителями, тебѣ не сдобровать!» Наши обрусители скажутъ: воспитаніе князя было западническимъ, парижскимъ, потому онъ и не чувствуетъ никакой внутренней духовной связи съ своимъ народомъ. Но такое толкованіе чисто внѣшнее. Натуру и наклонности темперамента далъ ему не Парижъ, не тотъ лицей, гдѣ онъ оставался всего до 14-ти лѣтъ. Во Франціи онъ могъ скорѣе слышать и видѣть кругомъ сочувствіе къ сербамъ. Даже правительство Наполеона III-го предоставляло сербамъ всякаго рода льготы, позволяло имъ поступать въ спеціальныя военныя школы, въ томъ числѣ и въ политехническую. Во французскомъ лицеѣ, воспитываясь съ мальчиками всѣхъ слоевъ общества, онъ могъ бы пріобрѣсти хорошія привычки къ товариществу, къ равномѣрности, развить въ себѣ демократическій духъ болѣе, чѣмъ гдѣ-либо. Но главное его воспитаніе произошло въ Сербіи, когда онъ спеціально готовился къ роли

государя. Про него никакъ нельзя сказать, что онъ—нѣмецъ, англичанинъ или французъ по своимъ свойствамъ, замашкамъ и идеямъ. Въ немъ чувствуется потомокъ Милоша, который, какъ извѣстно, хотя и былъ бойцомъ противъ турецкаго гнёта, но по личнымъ свойствамъ олицетворялъ въ себѣ своекорыстные инстинкты сербскаго кулака. Молодого князя Милана, во время регентства, могли бы, правда, выучить по-русски, но, вѣдь, онъ изъ иностранныхъ языковъ знаетъ только французскій, какъ свой родной, а ему гораздо полезнѣе было бы владѣть свободно и нѣмецкимъ. Знаніе русскаго языка, безъ сомнѣнія, дало бы ему извѣстное пониманіе Россіи, но не могло бы поднять въ немъ его сербскаго чувства больше, чѣмъ удалось это сдѣлать всей окружающей его обстановкѣ. Теперь, женившись на русской и придавъ своей внѣшней политикѣ славяно-русскій характеръ, князь Миланъ волей-неволей долженъ будетъ держаться за Россію. Вопросъ весь въ томъ, за *какую* Россію. Въ немъ я лично не замѣтилъ особаго желанія ознакомиться съ нашимъ внутреннимъ движеніемъ. Онъ будетъ довольствоваться, по всей вѣроятности, оффиціальной Русью и развивать въ себѣ, подъ вліяніемъ своей супруги, внѣшнія политическія способности, добиваясь такимъ путемъ всего того, чего ему нужно добиться отъ нашего правительства. Этотъ молодой государь не по лѣтамъ консервативенъ, и въ его разговорѣ о Россіи съ пишущимъ эти строки закрались уже разные страхи и предубѣжденія на счетъ русскаго нигилизма, соціализма и разныхъ другихъ *измовъ*. Онъ знаетъ, что наши газеты упрекали сербовъ за то, что они ѣздятъ учиться на Западъ, и оправдывалъ это тѣмъ, что изъ Парижа, Гейдельберга и Вѣны молодые сербы возвращаются умѣренными либералами, изъ Москвы же и Петербурга —«нигилистами». Князь объяснялъ при этомъ и причину такой разницы. Въ Петербургѣ и Москвѣ сербскіе студенты, какъ люди бѣдные, принуждены вращаться только въ студенческой сферѣ, въ которой, по увѣренію его, и «преобладаютъ разрушительныя начала». Читатель видитъ, что въ бѣлградскій конакъ закрались взгляды, господствующіе на Страстномъ Бульварѣ. Мнѣ кажется, что нетолько по части русскихъ студентовъ и русскаго общества, но и по части сербской конституціи, взгляды, засѣвшіе въ конакѣ, отзываются династическими инстинктами и врядъ ли чѣмъ болѣе. Бесѣда съ княгиней Натальей еще болѣе укрѣпила меня въ этомъ убѣжденіи. Эту русскую барышню, попавшую въ жены конституціоннаго государя, авторъ книги «Правда о Сербіи» произвелъ въ «ангелы-хранители». Спорить съ княземъ Мещерскимъ я не стану и упоминаю объ его лирической характеристикѣ только потому, что другіе корреспонденты не восторгались такъ княгиней Наталіей. То, что̀ мнѣ сообщали въ Бѣлградѣ люди весьма добросовѣстные, и въ томъ числѣ одинъ уполномоченный Краснаго Креста, не показываетъ ничего особенно *ангельскаго*. Но, повторяю, вдаваться въ полемику я

не хочу. Меня интересовалъ, главнымъ образомъ, вопросъ: какое вліяніе можетъ княгиня производить на своего мужа въ смыслѣ пониманія Россіи и связи со всѣмъ, что у насъ есть лучшаго, мыслящаго, передоваго? *Вліянію этому я не предсказалъ бы плодотворныхъ результатовъ.* Зато для достиженія разныхъ «правъ и преимуществъ», какихъ князь Миланъ можетъ добиться, находясь въ ладу съ Петербургомъ, его супруга, вѣроятно, будетъ ему прекрасной совѣтницей. Въ бѣлградскомъ конакѣ нѣтъ ни Сербіи, ни Россіи, а сидитъ чета молодыхъ людей, желающихъ сохранить свое положеніе *во что бы то ни стало,* живущихъ однообразной и безцвѣтной жизнью «общеевропейскихъ» порядочныхъ людей. Скептицизмъ и раннее измельчаніе идеаловъ и теперь уже, по отзывамъ весьма нестрогихъ наблюдателей, господствуютъ въ бѣлградскомъ конакѣ. Чтобы было иначе, необходимы принципы, необходимы искренность и преданность дѣлу свободы или народнаго блага, что-нибудь стоящее выше династическихъ или, лучше сказать, семейныхъ интересовъ. Стало-быть, связи съ Россіей, т. е. съ той долей нашего отечества, которая намъ дорога, нѣтъ и быть не можетъ, въ такихъ условіяхъ.

XXII.

Теперешнее сербское министерство считается *омладинскимъ,* прогрессивнымъ, чуть не радикальнымъ. Князь держитъ его не потому, что его собственныя наклонности либеральны, а потому, что онъ предпочитаетъ людей, которые для удержанія въ рукахъ своихъ власти пойдутъ на всякую сдѣлку. Главный дѣлецъ этого министерства, Ристичъ, извѣстенъ русской публикѣ по газетнымъ статьямъ и корреспонденціямъ. Многіе русскіе описывали его личность; въ томъ числѣ и авторъ книги «Правда о Сербіи». Западные политическіе люди считаютъ Ристича единственнымъ государственнымъ человѣкомъ княжества Сербіи. И дѣйствительно, ему никто не откажетъ въ ловкости, энергіи и умѣньи выворачиваться изъ затруднительныхъ положеній. Но между Ристичемъ-омладинистомъ начала 60-хъ годовъ и теперешнимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ княжества лежитъ порядочная пропасть. Все его омладинство сводится, въ настоящее время, къ государственнымъ замысламъ расширенія и гегемоніи; а внутри страны онъ поддерживаетъ ложно либеральную *реакцію.* Народное представительство большой и малой скупштины превратилъ онъ чуть не въ пустую формальность и совѣтуетъ князю прибѣгать къ экстреннымъ мѣрамъ, дѣйствуя по программѣ французскихъ бонапартистовъ. Въ моихъ корреспонденціяхъ я и назвалъ эту правительственную партію, съ Ристичемъ во главѣ, *бѣлградскими бонапартистами.* Не отказываюсь отъ этого опре-

дѣленія и теперь. Единомышленникъ Ристича, министръ внутреннихъ дѣлъ Радивой Милойковичъ, по моему - еще болѣе хищный типъ. Если Ристичъ производитъ впечатлѣніе хмураго, сухого оберъ-кельнера въ вѣнскомъ отелѣ, умѣющаго прилично служить важнымъ господамъ, то Милойковичъ, съ его наружностью плотоядной птицы, сразу говоритъ вамъ, на что̀ способенъ этотъ администраторъ, чтобы поддержать свою партію во власти. Мы и знаемъ, что до сихъ поръ, съ войны 1876 года, Сербія находится, въ сущности, на военномъ положеніи, лишена свободы слова и запугана арестами и правительственнымъ давленіемъ на выборы. Эти два человѣка представляютъ, вмѣстѣ съ митрополитомъ Михаиломъ, душу сербскаго правительства. Другіе министры, состоя ихъ товарищами, не образуютъ изъ себя тѣсносплоченнаго кружка̀. Всѣ они считаются либералами, принадлежавшими когда-то, въ первой юности, къ омладинскому движенію. Изъ нихъ министръ народнаго просвѣщенія Васильевичъ и военный министръ Савва Груичъ учились въ Россіи, и Савву Груича многіе называютъ, даже и въ Бѣлградѣ, «русскимъ нигилистомъ». Вліяніемъ своимъ на скупштину и вообще нѣкоторой популярностью въ сельскомъ населеніи страны пользуется министръ юстиціи Ефремъ Груичъ, который въ своихъ рѣчахъ держится особой манеры говорить, дѣйствующей на крестьянъ-депутатовъ. Какъ читатель видитъ, министерство это не имѣетъ органическаго единства и сдѣлалось, по необходимости, династическимъ, а не народнымъ. За исключеніемъ Саввы Груича и отчасти Васильевича, оно не знаетъ Россіи и русскаго общества, держится славяно-русской политики изъ чисто сербскихъ разсчетовъ и чувствуетъ, что его въ нашихъ оффиціальныхъ сферахъ не любятъ и даже очень не любятъ. Это—положительный фактъ. Но еслибы наши славянофилы хотѣли быть послѣдовательными, то и имъ нельзя ни подъ какимъ видомъ любить это министерство, такъ какъ оно все состоитъ изъ западниковъ, изъ людей, бывшихъ еще недавно въ рядахъ поборниковъ конституціонной свободы, противъ которыхъ наши византійцы враждебно настроены. Оффиціальныя же наши русскія сферы относятся скептически и даже презрительно къ министерству Ристича гораздо болѣе по личнымъ соображеніямъ, нежели по какимъ-нибудь продуманнымъ принципамъ. Для нихъ Ристичъ съ товарищами—бывшіе революціонеры, тайные заговорщики, на которыхъ даже лежитъ, до сихъ поръ, подозрѣніе въ сообщничествѣ убійцамъ князя Михаила Обреновича. Я самъ слыхалъ не разъ отъ нашихъ дипломатовъ такого рода намёки. Все это я привожу для того, чтобы показать рыхлость, непрочность и двойственность нашихъ отношеній къ современной Сербіи. Но, дѣлая это, я нисколько не оправдываю русскихъ, безусловно нападающихъ на сербскій либерализмъ. Ни наше правительство, ни наше общество своимъ частнымъ почином не хлопотали вовсе о томъ, чтобы сербское культурное развитіе пошло по другому пути.

Въ теченіи всего княженія князя Михаила, когда сложились стремленія сербской омладины, русская дипломатія играла болѣе пассивную, чѣмъ активную роль, а русское общество нимало не занималось братьями-славянами и ничего даже не знало хорошенько про тѣ вліянія, подъ которыя попадала сербская молодежь. Исключеніе составляли сербы, учившіеся тогда въ нашихъ духовныхъ академіяхъ и въ московскомъ университетѣ. Съ тѣхъ поръ, какъ Ристичъ забралъ въ руки свои веденіе дѣлъ, русскія оффиціальныя сферы или, по крайней мѣрѣ, личности съ оффиціальнымъ положеніемъ начали сильно заигрывать съ консерваторами, т. е. съ врагами партіи, находящейся у дѣлъ. Между этими консерваторами есть дѣйствительно люди очень толковые, серьёзные, талантливые и честные. Нѣкоторыхъ изъ нихъ я старался характеризовать въ моихъ письмахъ «За войной». Внутренняя сербская политика приняла такой оборотъ, что подъ консерваторами не слѣдуетъ уже разумѣть противниковъ теперешней конституціи и даже противниковъ династіи, а просто оппозицію, въ которой сходятся на общей почвѣ и дѣйствительно консервативные люди, и чистые радикалы. Но нашимъ славянофиламъ и тутъ придется плохо. Они не могутъ открыто протягивать руку ни радикаламъ, ни настоящимъ консерваторамъ въ родѣ, напримѣръ, бывшаго перваго министра Марйновича. Для нихъ Марйновичъ и люди его партіи — слуги Австріи, заговорщики, хлопочущіе о возстановленіи династіи Карагеоргіевичей, которая принесетъ съ собой сильнѣйшее нѣмецко-венгерское вліяніе. Всѣ эти соображенія на половину вздорны и основываются только на прежнихъ фактахъ, которымъ теперь повториться уже нельзя. Но кто поближе знаетъ настоящихъ сербскихъ консерваторовъ, тотъ сейчасъ же скажетъ, что они, съ московской точки зрѣнія — еще болѣе западники, чѣмъ Ристичъ съ товарищами. Самые выдающіеся изъ нихъ, какъ Марйновичъ, Пирочанацъ, братья Гарашанины, воспитывались и учились во Франціи и ни съ какимъ византійствомъ не будутъ имѣть ничего общаго. Люди, какъ Марйновичъ, до сихъ поръ нѣсколько скептически относятся къ конституціи 1868 года и могутъ быть даже заподозрѣны въ аристократическихъ наклонностяхъ, въ приверженности къ болѣе чиновничьей, охранительной системѣ. И выходитъ, что волей неволей наши славянолюбцы должны ладить съ псевдо-либералами, находящимися теперь во власти, и въ то же время обличать ихъ. Такая двойственность будетъ постоянно продолжаться и не исчезнетъ вовсе и съ перемѣной министерства. Устранить ее можетъ только болѣе широкій взглядъ на Сербію и сербскія дѣла. Передовая русская интеллигенція одна можетъ дойти до пониманія и до солидарности. Если любить народную свободу и съ интересомъ относиться къ судьбѣ родственнаго племени, устроившаго свой государственный бытъ на демократическихъ началахъ, тогда партіи, личности, претензіи, недоразумѣнія должны отойдти на задній планъ; тогда можно изъ каждой

партіи и изъ каждаго кружка вліятельныхъ сербскихъ людей отдѣлить, на выборъ, истинныхъ патріотовъ, преданныхъ дѣлу народной свободы, желающихъ вести народъ по дорогѣ общечеловѣческаго прогресса, готовыхъ сблизиться съ русскими, слиться съ ними въ общности широкихъ двигательныхъ стремленій. Связующимъ звеномъ будетъ молодежь, не заѣденная ни односторонностію сербскихъ претензій, ни славянофильствомъ Москвы. Одного изъ такихъ молодыхъ людей я нѣсколько изучилъ въ Бѣлградѣ. Онъ вернулся изъ Россіи съ пониманіемъ нашего общественнаго движенія и сразу сталъ въ ряды противниковъ всѣхъ реакціонныхъ мѣръ правительства, прикрытыхъ формальнымъ либерализмомъ. Другое ядро настоящаго здороваго сближенія заключается въ кружкѣ сербскихъ ученыхъ, которые не поддавались и до сихъ поръ не поддаются византійскимъ идеямъ. Таковъ, напримѣръ, извѣстный изслѣдователь славянской филологіи и литературы, Стоянъ Новаковичъ. Мнѣ лично этотъ серьёзный и убѣжденный дѣятель выражалъ искреннее желаніе сближаться съ русскими, *свободными отъ всякихъ обрусительныхъ притязаній*. Онъ тоже принадлежитъ къ партіи консерваторовъ, то есть враговъ своекорыстной политики Ристича и компаніи. Онъ жаловался мнѣ горько на то, что въ Бѣлградъ попадаютъ почти исключительно посланцы византійскихъ обрусителей. Когда, по возвращеніи изъ Бѣлграда въ Вѣну, я говорилъ въ своихъ корреспонденціяхъ о сербскомъ правительствѣ и о томъ, какъ слѣдуетъ смотрѣть на теперешнихъ сербскихъ консерваторовъ, то люди, какъ Новаковичъ, письменно благодарили меня и доставляли мнѣ фактическія данныя, опровергающія клеветы и выдумки правительственной партіи. Даже въ учительской семинаріи, находящейся въ вѣдомствѣ митрополита, въ такъ называемомъ «Богословіи», я находилъ преподавателей, сочувствующихъ Россіи, но вовсе не желающихъ, чтобы ихъ считали агентами русско-славянскихъ комитетовъ, принимали за людей, готовыхъ безъ всякой критики и безъ малѣйшаго протеста вбирать въ себя обрусительныя вожделѣнія нашихъ славянолюбовъ. Словомъ, на сколько я познакомился съ бѣлградской интеллигенціей, у нашихъ византійцевъ нѣтъ настоящихъ единомышленниковъ и быть не можетъ, потому что каждый сербъ остается сербомъ, думаетъ по идеаламъ мѣстнаго патріотизма и внутренно не имѣетъ ничего общаго съ нашими обрусителями. Нѣсколько разъ слышалъ я отъ сербовъ, учившихся въ Россіи, протесты противъ притязаній московскихъ и петербургскихъ *обличителей* насчетъ сербскаго православія и его недостаточности, насчетъ язвы западничества и т. д. Они хотятъ быть сами собой и въ этомъ вполнѣ правы. Ихъ законно возмущаютъ претензіи нашихъ византійцевъ во-что бы то ни стало превратить ихъ въ какой-то уголокъ Замоскворѣчья. Свое историческое, государственное и культурное развитіе понимаютъ они по своему и берутъ отовсюду то, что имъ пригодно. А главная ихъ задача должна заключаться въ томъ, чтобы

сохранить народу его политическія права, неприкосновенность личности, свободу совѣсти, слова, сходокъ, то матеріальное довольство, какое развито до сихъ поръ въ массѣ и сельскаго, и городскаго населенія. Это гораздо посущественнѣе и поплодотворнѣе пустопорожнихъ мечтаній, высиживаемыхъ гдѣ-нибудь на Сивцевомъ Вражкѣ или въ Кудринѣ...

XXIII.

Россіи, какъ правительству и обществу, слѣдовало бы имѣть въ Сербіи по нѣскольку представителей и дѣятелей. Но и тамъ чувствуется такой же недочетъ, какъ и въ другихъ славянскихъ центрахъ. Событія 1876 года показали, что русскій генеральный консулъ, по своей ли, или по чужой винѣ, не съумѣлъ провести послѣдовательно извѣстную программу. Теперешній преемникъ его слишкомъ мало знакомъ съ славянскимъ міромъ. Въ началѣ русско-турецкой войны и вовсе не было консула; исполнялъ его должность секретарь консульства, о которомъ мнѣ приводилось говорить въ своихъ письмахъ изъ Бѣлграда. Весьма жаль, что такой знающій и свѣжій человѣкъ занимаетъ до сихъ поръ мѣсто, не дающее возможности выбиться изъ чисто-канцелярской сферы. Но, кромѣ г. Ладыженскаго, я не нашелъ въ Бѣлградѣ ни одного русскаго, который бы проживалъ тамъ постоянно или наѣзжалъ туда съ цѣлью групировать вокругъ себя какой-нибудь кружокъ вліятельныхъ людей. Засталъ я одного уполномоченнаго Краснаго Креста предъ его отъѣздомъ и другаго русскаго, жившаго безъ опредѣленнаго дѣла, тоже передъ отъѣздомъ, въ Боснію, гдѣ онъ въ послѣдствіи игралъ довольно важную роль. Насколько я бесѣдовалъ съ этими соотечественниками, могу сказать лишь то, что въ нихъ постоянно слышалась нота раздраженія нетолько противъ правительства, но и вообще противъ сербовъ. Это — одна изъ самыхъ печальныхъ чертъ нашего національнаго характера. Мы не можемъ не браниться и не заявлять требованій. Даже самые порядочные и развитые люди страдаютъ этой слабостью. Но тѣже русскіе обличали и дѣйствія прошлогоднихъ добровольцевъ и сообщили мнѣ немало такихъ фактовъ, которые я потому только не привожу въ печати, что они слишкомъ крупны; а доказать ихъ документально я не могу. Одинъ изъ этихъ фактовъ извѣстенъ всей русской публикѣ, только не въ полномъ видѣ, это — исторія провозглашенія Милана королемъ. Но русская публика не знаетъ, что правительство Милана готово было воспользоваться добрыми услугами пришельцевъ, ратовавшихъ за сербскую свободу, и произвести ни мало, ни меньше, какъ *государственный переворотъ*. Меня увѣрялъ даже человѣкъ совершенно компетентный, что объ этомъ былъ запросъ въ Петербургъ; отвѣтъ получился несовсѣмъ бла-

гопріятный, и сербская конституція осталась цѣла. Если даже въ такихъ толкахъ и есть много преувеличеннаго, то все-таки постыдно то, что ихъ связываютъ съ именемъ русскихъ. Городъ Бѣлградъ очень долго дрожалъ за свою свободу и всячески желалъ отдѣлаться отъ постоя русскихъ добровольцевъ. Разсказывали и про пріѣздъ генерала Н. съ мильйономъ денегъ для поправки сербскихъ военныхъ дѣлъ и о томъ фіаско, какое русскіе спасители потерпѣли вслѣдствіе своей неумѣлости, умничанья и важничанья. Какого же ждать серьёзнаго вліянія, когда, по отзывамъ самихъ соотечественниковъ, русскіе ничего не могутъ сдѣлать толково, основательно, просто и суются, неспросясь броду? А тутъ подъ бокомъ ловкіе соперники въ родѣ, напримѣръ, англійскаго консула Уайта, съ которымъ я провелъ въ Бѣлградѣ нѣсколько вечеровъ. Этотъ оригинальный, умный и просвѣщенный старикъ могъ бы послужить поучительнымъ примѣромъ для нашихъ дипломатовъ, получающихъ посты въ славянскихъ земляхъ. Онъ былъ прежде консуломъ въ Варшавѣ, и когда его назначили въ Бѣлградъ, то по собственному побужденію отправился въ Москву присмотрѣться къ славянофиламъ, чтобы быть компетентнѣе въ вопросахъ русско-сербскаго движенія. Только благодаря матеріальному могуществу Россіи и разсчетамъ сербскаго правительства на нашу помощь, можно коекакъ парализовать антагонизмъ такихъ западныхъ политическихъ агентовъ, какъ старикъ Уайтъ. Но они, по дѣльности, знаніямъ, ловкости, послѣдовательности взглядовъ и симпатій, головой выше случайныхъ чиновниковъ, которыхъ у насъ перемѣщаютъ съ одного поста на другой.

Я сказалъ сейчасъ, что первѣйшая задача каждаго сербскаго патріота есть сохраненіе своего народоправства и защита массы, живущей въ деревняхъ, отъ всякихъ набѣговъ государственной и фискальной власти. Самымъ дорогимъ для сербовъ послѣдствіемъ ихъ освобожденія изъ-подъ турецкаго владычества было безраздѣльное пользованіе землей. До сихъ поръ, кромѣ частной собственности, обезпечивающей сельскому люду вѣрный кусокъ хлѣба и даже довольство, во всѣхъ уголкахъ княжества сербскаго есть немало народно-государственныхъ угодьевъ. Сербскій крестьянинъ-депутатъ ревниво охраняетъ свои льготы. Но замыслы правительства, въ которыхъ больше тщеславія и династическаго себялюбія, чѣмъ любви къ отечеству, сдѣлаютъ, пожалуй, то, что чрезъ 30—50 лѣтъ сербскому поселянину придется платить втрое больше того, что онъ теперь уплачиваетъ въ казну. Парламентская система Сербіи также подтачивается, изъ года въ годъ, выходками произвола, развращеніемъ чиновниковъ, полицейскимъ гнетомъ. Хотя конституцію 1868 года писалъ Ристичъ съ товарищами, но теперь министерство измѣняетъ ей подъ тѣмъ предлогомъ, что консерваторы—сторонники Карагеоргіевичей, всячески душитъ оппозиціонную половину скупштины и чрезъ своихъ префектовъ подтасовываетъ выборы. Династическое тщесла-

віе—вовсе не народное дѣло. Сербскій крестьянинъ хочетъ жить въ довольствѣ и не знать никакихъ лишнихъ тягостей. На него было много нареканій со стороны русскихъ идеалистовъ за жадность, скопидомство, мелочность натуры. Но господамъ русскимъ обличителямъ слѣдовало бы радоваться прежде всего, что у братьевъ-сербовъ крестьянскій людъ живетъ такъ хорошо. Сербскіе мужики точно такъ же, какъ болгарскіе крестьяне, нисколько не виноваты въ невѣжественности русскихъ. Ихъ шли освобождать отъ чего-то въ 1876 году, а находимъ потомъ, что они живутъ неизмѣримо лучше массы русскаго крестьянства. Имъ война 1876 года, совсѣмъ непопулярная въ средѣ сербскаго крестьянства, обошлась слишкомъ дорого. Правительство Милана поняло хорошо, что новыя жертвы вызовутъ возмущеніе, почему и стало предлагать свое союзничество русской главной квартирѣ въ обмѣнъ на ежемѣсячную субсидію. А сербскій крестьянинъ инстинктивно понимаетъ, что надо ему, по крайней мѣрѣ, 100 лѣтъ прожить въ такомъ же довольствѣ, чтобы его отечество окрѣпло, поднялось и сдѣлало прочные культурные успѣхи. Нашихъ обрусителей слѣдовало бы ежегодно отправлять партіями въ разные уголки Сербіи, чтобы сбивать съ нихъ великорусскую спѣсь. Въ одинъ изъ такихъ уголковъ, въ окрестностяхъ Бѣлграда, попалъ и я, и, право, горькая досада взяла меня, когда я вспомнилъ разглагольствованія нашихъ народолюбцевъ, кажущихъ народу журавля въ небѣ, не давая ему въ руки синицы. Сербская деревня жила и развивалась безъ всякихъ славянофильскихъ теорій и поживаетъ себѣ прекрасно: сохранила и свою *задругу*, полезную до поры, до времени, и наивную религію, нисколько не болѣе суевѣрную, чѣмъ въ любой великорусской деревнѣ, и своеобразность домашняго быта, и свою сельскую администрацію съ *кметомъ* во главѣ. Но въ этой сербской деревнѣ несравненно болѣе гражданской самостоятельности, хотя правительство и старается прибирать ее къ рукамъ. Вы видите вездѣ болѣе человѣчную культуру; грубость не бросается вамъ такъ въ глаза; потребность высшаго пониманія умственныхъ интересовъ проникла въ крестьянскія хаты. Первый человѣкъ, съ которымъ я бесѣдовалъ въ сербской деревнѣ, былъ юноша, одѣтый уже по-европейски, сынъ простаго крестьянина, жившій на вакаціи у родителей, которые послали его въ Германію, въ Лейпцигъ, учиться въ семинаріи народныхъ учителей. Что̀ новаго, плодотворнаго и возрождающаго сообщитъ сербской деревнѣ нашъ московскій византіецъ? Православіе — тоже, любовь къ своему языку, пѣснямъ, обычаямъ значится въ наличности. Родовой общинный бытъ—чисто народнаго происхожденія; а ко всему къ этому сознаніе политической свободы, участіе въ высшемъ народномъ представительствѣ. На почвѣ симпатіи сербской къ свободѣ и народной массѣ и должны дѣйствовать тѣ русскіе молодые люди, которые хотѣли бы посвятить себя сочувственному и серьёзному изученію сербскаго народа. Такихъ я, къ сожалѣнію, не встрѣ-

чалъ въ Бѣлградѣ; но, по письмамъ и разсказамъ, зналъ одного бывшаго студента, съ лѣта 1876 года обходящаго чуть не пѣшкомъ уголки и захолустья княжества.

XXIV.

Въ этомъ этюдѣ (представляющимъ собою общіе факты и соображенія за все то время, какое мнѣ привелось провести въ центрахъ славянства) я старался воздерживаться отъ всего личнаго, отъ заявленія моихъ сочувствій и антипатій. Въ заключительной главкѣ я позволю себѣ нѣсколько окончательныхъ выводовъ, подкрѣпляемыхъ, сколько мнѣ кажется, содержаніемъ статьи.

Въ настоящее время, въ русской интеллигенціи нѣтъ ни чистыхъ панславистовъ, ни даже чистыхъ славянофиловъ, и нѣтъ славянолюбцевъ, свободныхъ отъ идей, которыя прежде всего чужды заграничному славянскому міру. Не существуетъ у насъ и опредѣленной доктрины, которая бы распространялась на весь славянскій міръ. Московскій кружокъ славянофиловъ сводится теперь къ 2—3 личностямъ, не имѣющимъ никакого оригинальнаго мыслительнаго типа; повторяющимъ только зады гегельянскихъ варьяцій на тэму византійско-русской цивилизаціи, измышленныхъ когда-то болѣе талантливыми москвичами: Хомяковымъ, братьями Кирѣевскими, Константиномъ Аксаковымъ. Къ сожалѣнію, въ Петербургѣ, въ послѣднія 5 лѣтъ, подняло голову своего рода *неославянофильство* на подкладкѣ русскаго славянизма. Оно также лишено мыслительной оригинальности и точно также повторяетъ зады московскихъ вѣроучителей, но гораздо шумнѣе, тревожнѣе, дѣятельнѣе и, въ самое послѣднее время, успѣло провести свою фразеологію, свои возгласы и идейки въ большинство петербургской газетной прессы. Мы видимъ даже, что самая популярная теперь газета, въ какіе нибудь 1½—2 года, начавши съ обличительнаго либерализма, кончаетъ тѣмъ, что печатаетъ безъ всякихъ коментаріевъ, руководящія статьи одного изъ московскихъ славянофиловъ, въ которыхъ доказывается, между прочимъ, что гніющій западъ никогда даже и не зналъ высшихъ основъ русской коллективной нравственности, сказавшейся, вѣроятно, въ дѣлѣ московскихъ «Червонныхъ Валетовъ»...

Такимъ образомъ, при отсутствіи опредѣленной доктрины, обхватывающей весь славянскій міръ, при отсутствіи даровитыхъ, хотя бы и одностороннихъ, людей, теперешнее русское славянофильство для массы читающей публики превращается въ какую-то сантиментальную игру на тэму племеннаго освобожденія. Болѣе пока нѣтъ въ немъ ничего осязательнаго, реальнаго, отзывающагося жизнію. *Племенное возрожденіе является только*

извѣстной долей новѣйшей идеи національностей, которой суждено, въ второй половинѣ XIX вѣка, играть выдающуюся роль въ Европѣ. Но, и въ племенномъ смыслѣ, за московскими славянолюбцами и ихъ петербургскими послѣдователями никакъ нельзя признать заслугу открытія братьевъ-славянъ. Если они и начали заниматься «братьями» 20 и 30 лѣтъ тому назадъ, то имъ, до 1875 года, не удавалось превратить этотъ вопросъ въ жизненный мотивъ для массы русскаго общества. Они терпѣли, въ этомъ смыслѣ, полнѣйшее фіаско. Масса ихъ не читала, не знала и, какъ я уже говорилъ въ самомъ началѣ статьи, вплоть до сербской войны оставалась довольно равнодушной даже къ возставшимъ славянамъ—боснякамъ и герцеговинцамъ. Въ западной Европѣ совершенно пассивно раздули значеніе славянскихъ комитетовъ. Англійская и нѣмецкая пресса увѣряютъ всѣхъ и каждаго, что эти комитеты, съ г. Аксаковымъ въ главѣ, представляютъ собой настоящую силу, какъ бы воюющую сторону, схватившуюся съ Турціей. Иностранная пресса впала въ это заблужденіе, какъ и во множество другихъ, по невѣдѣнію; но намъ-то очень хорошо извѣстно, что безъ извѣстной отзывчивости русскаго общества на *освободительную идею* ни славянскіе комитеты, ни г. Аксаковъ ничего-бы не могли добиться. Ходъ историческихъ событій вызвалъ симпатіи русскаго общества къ турецкимъ славянамъ. Но симпатіи эти можно было повернуть *такъ или иначе*, направить ихъ въ здоровую, разумную сторону, или же придать имъ шумный, фразистый, хвастливый характеръ.

Славянолюбіе теперешней русской массы имѣетъ всѣ признаки *моды*, подъ которой кроется самая малая доля продуманной, осмысленной солидарности. Моду эту всячески эксплуатируютъ газеты, примѣшивая къ ней всѣ нечистыя приправы, раздувающія національное самомнѣніе. Тѣ газетчики, которые спекулировали на войну (а такіе несомнѣнно есть), очень хорошо понимали, что взрывъ симпатій русскаго общества къ сербамъ въ 1876 году *былъ симптомъ не прямой, а косвенный*; онъ доказывалъ, главнымъ образомъ, необходимость во что-нибудь удариться, какъ-нибудь стряхнуть съ себя тяжесть пустоты, безсодержательности общественной жизни, найти какой нибудь исходъ изъ рутины и обмельчанія идеаловъ, а, главное, изъ разныхъ загородокъ, сковывающихъ гражданское чувство и всякій общественный починъ. И вмѣсто того, чтобы симпатіи къ славянамъ согласить съ общимъ культурнымъ движеніемъ русскаго народа, наши славянофилы и ихъ петербургскіе пособники-газетчики вдаются въ разглагольствованія о своихъ византійскихъ идеалахъ. Первые—прямо, безъ обиняковъ, вторые—сохраняя нѣкоторое фальшивое подобіе петербургскаго либерализма. Сколько мнѣ лично привелось, по возвращеніи изъ моихъ поѣздокъ, говорить съ представителями теперешняго московскаго византійства, они закоренѣли въ своемъ пренебрежительномъ взглядѣ на обще-

человѣческую культуру, на европейское освободительное движеніе. Они даже смѣются надъ самымъ словомъ «культура»; по ихъ толкованію, выходитъ, напримѣръ, что величайшій фактъ, имѣющій возродить западное и южное славянство, это—постройка въ Прагѣ православной церкви, ни для кого не нужной, куда пражскія кухарки ходятъ по воскресеньямъ слушать дьякона, котораго они принимаютъ за первое лицо въ богослуженіи. Вотъ это-то упрямое пренебреженіе къ общечеловѣческимъ идеаламъ, засѣвшее въ остаткахъ московскаго славянофильскаго кружка, слѣдовало бы всей честной русской прессѣ выставлять на показъ и убѣждать читающую массу, до какой степени пусто, безплодно и противорѣчиво направленіе подобныхъ господъ, которые въ жизни и общественной дѣятельности *преспокойно слѣдуютъ самой банальной буржуазной рутинѣ и не хуже никого другаго обрабатываютъ свои дѣлишки по современнымъ западнымъ образцамъ.*

Единеніе съ братьями-славянами, если только въ немъ заключается плодотворная и двигательная идея, не вышло до сихъ поръ изъ совершенно-хаотическаго состоянія. Чтобы придать ему какую нибудь почву, сдѣлать его достояніемъ и руководящаго меньшинства русскаго общества, и массы, слѣдуетъ привести въ общенародное сознаніе, вполнѣ выяснить: какіе взгляды имѣетъ наше общество на судьбы разноязычнаго, иноземнаго славянства; желаетъ ли оно развитія федеративнаго принципа, или образованія нѣсколькихъ славянскихъ государствъ, къ которымъ другія, болѣе мелкія, народности поступили-бы въ государственное подчиненіе—или, наконецъ, оно наклонно къ созданію безусловной гегемоніи русскаго народа, къ постепенному, но вѣрному обрусѣнію всякихъ «братьевъ»? Точно также долженъ быть выясненъ и вопросъ о развитіи отдѣльныхъ славянскихъ литературъ, а съ ними вмѣстѣ и отдѣльныхъ маленькихъ славянскихъ цивилизацій, окрашенныхъ въ народно бытовой цвѣтъ. Даже тѣ, которые выдаютъ себя за славянофиловъ, весьма не тверды въ этомъ пунктѣ. Обрусительныхъ наклонностей никто не осмѣливается еще высказывать рѣзко, грубо, съ полной откровенностью; но среди образованныхъ русскихъ людей уже попадается немало такихъ, которые совершенно равнодушны къ вопросу литературнаго развитія каждаго отдѣльнаго славянскаго племени—вплоть до такихъ славянъ, которыхъ не насчитывается и 200 тысячъ. Да и вообще развитые люди, преслѣдующіе общечеловѣческіе идеалы, не могутъ восхищаться раздробленіемъ умственныхъ силъ и развитіемъ партикуляризма среди такого племени, которое и безъ того страдаетъ имъ въ высшей степени. Но этотъ взглядъ наталкивается опять на широкое либеральное отношеніе къ народно-культурному развитію каждой, хотя бы крошечной, народности. Даже вопросъ русскаго языка, какъ будущаго дипломатическаго или общелитературнаго языка

славянства, остается далеко не выясненнымъ нетолько для массы, но и въ чисто теоретическихъ, спеціальныхъ преніяхъ.

Личныя наблюденія надъ западными и южными славянами должны привести каждаго безпристрастнаго человѣка (не испорченнаго ни слащавымъ панславизмомъ, ни московско-византійскимъ изувѣрствомъ) къ тому выводу, что до сихъ поръ между нами и заграничными славянами (не говоря уже о полякахъ) не существуетъ никакой прочной, опредѣленной, живучей связи, кромѣ туманнаго представленія о племенномъ родствѣ, къ которому присоединяется еще, для православныхъ сербовъ, общность формъ религіи; но и это представленіе не проникаетъ въ сербскую массу. Поэтому, если для такъ называемой *славянской солидарности* и открывается будущность, то только подъ условіемъ накопленія цѣлаго запаса взаимныхъ знаній, теперь положительно отсутствующихъ. Въ этомъ взаимномъ обученіи мы должны взять на себя починъ, потому что у насъ больше средствъ, и нравственныхъ, и матеріальныхъ, и не должны возмущаться еще долгое время тѣмъ, что славяне смотрятъ на наше государство, какъ на «дойную корову». А до сихъ поръ наше общество ничего не хотѣло еще сдѣлать нетолько для работы надъ взаимнымъ сближеніемъ, но и для выясненія программы этого сближенія.

Когда оно будетъ идти не урывками, а постепенно и послѣдовательно, не въ исключительномъ московско-византійскомъ духѣ, русскому обществу доставлены будутъ массы фактовъ, показывающихъ, какъ лживы, туманны и безсодержательны были идеи, представленія и увѣренія патентованныхъ славянолюбцевъ. Лучшіе элементы заграничнаго славянства не имѣютъ ничего общаго съ нашимъ византійствомъ, какъ я и старался показать на отдѣльныхъ личностяхъ. Славянскіе патріоты всѣхъ странъ и племенъ, ревниво отстаивая свое племенное развитіе, не желаютъ вовсе, чтобы имъ навязывали произвольно теоріи и доктрины, выработанныя въ Москвѣ. Они ждутъ изъ Россіи совсѣмъ другихъ посланцевъ и агентовъ. Они требуютъ гораздо болѣе терпимаго, уважительнаго отношенія ко всѣмъ своимъ особенностямъ и не могутъ не возмущаться безконечными претензіями, какія русскіе «уполномоченные» всякаго рода начинаютъ заявлять, какъ только столкнутся съ какою-бы то ни было, хотя-бы наидружественной славянской народностію.

Вредной ретроградной смѣси славянизма и византійскаго славянофильства, поднявшей теперь голову, русское общество должно противопоставить самую здоровую долю своей интелигенціи. Оно должно вырвать и славянскій вопросъ изъ рукъ тѣхъ, кто взялъ его *на откупъ*, напялилъ его на себя, въ видѣ расшитаго мундира, самозванно говоритъ и дѣйствуетъ отъ имени *всего* русскаго народа, портитъ всѣ наши отношенія съ Европой и съ тѣмъ, что есть порядочнаго въ славянствѣ. Но вырвать славянскій вопросъ изъ рукъ его теперешнихъ «удѣлывателей» можно

тогда только, когда въ средѣ нашей передовой интелигенціи установится больше единства, когда либерально мыслящіе люди всякихъ оттѣнковъ поймутъ необходимость ополчиться на одного врага. Борьбу надо, сначала, довести до плодотворныхъ результатовъ у себя дома и тогда уже разсудить, на какой почвѣ сближаться съ братьями-славянами, въ чемъ помогать имъ и въ чемъ противодѣйствовать. *Внутреннее дѣло*, надъ которымъ такъ потѣшаются наши шовинисты, одно только и можетъ указать настоящіе пути и для дѣла *болѣе внѣшняго*, которое явится уже, какъ придатокъ къ результатамъ нашей внутренней силы и просвѣщеннаго національнаго самосознанія.

П. Боборыкинъ.

Москва, январь 1878 года.

ЭКСКУРСІИ ДѢЛЬЦОВЪ ВЪ ОБЛАСТЬ НАУКИ И ЛИТЕРАТУРЫ

И. С. Бліохъ. Экономическое состояніе Россіи въ прошломъ и настоящемъ «Вѣстн. Евр.» 1877 г. IX, X, XII.

Изслѣдованія къ вопросу о взиманіи русскими желѣзными дорогами провозныхъ платъ въ металлической валютѣ, составленныя, по порученію г. министра финансовъ, членомъ ученаго комитета министерства финансовъ И. С. Бліохъ. Спб. 1877 г.

IV.

Въ предъидущей статьѣ, при разборѣ разсужденій г. Бліоха о вліяніи желѣзныхъ дорогъ на экономическое состояніе Россіи, мы имѣли случай коснуться тѣхъ общихъ условій, лежащихъ въ самомъ строѣ страны, которыми опредѣляется возможная степень такого вліянія. Намъ остается теперь обратиться къ другой сторонѣ предмета и посмотрѣть: насколько существующая у насъ постановка желѣзнодорожнаго дѣла способствуетъ достиженію въ дѣйствительности maximum'а благопріятныхъ результатовъ, возможныхъ при данныхъ общихъ условіяхъ?

Матеріаловъ для отвѣта на этотъ вопросъ мы поищемъ у г. Бліоха и попытаемся, на основаніи данныхъ, приводимыхъ имъ же самимъ, провѣрить правильность защищаемыхъ имъ воззрѣній о благодѣтельности для Россіи желѣзнодорожной операціи въ настоящей ея организаціи. Мы воспользуемся при этомъ преимущественно вторымъ изъ названныхъ выше сочиненій г. Бліоха, именно его брошюрою о металлическомъ тарифѣ. Брошюра эта хотя и посвящена спеціальному вопросу, но заключаетъ въ себѣ нѣсколько данныхъ общаго характера; поэтому

мы и позволимъ себѣ остановить на ней вниманіе читателей. Но прежде, чѣмъ перейти къ подробному разсмотрѣнію изслѣдованій г. Бліоха, считаемъ необходимымъ предпослать нѣсколько общихъ соображеній, чтобы оріентироваться въ предметѣ.

Общій вопросъ объ организаціи желѣзнодорожнаго перевознаго промысла можетъ быть разложенъ на нѣсколько частныхъ, отдѣльныхъ вопросовъ, но всѣ они находятся въ зависимости отъ одного принципіальнаго вопроса, разрѣшеніе котораго въ ту или другую сторону обусловливаетъ собою и разрѣшеніе частныхъ вопросовъ. Этотъ принципіальный вопросъ есть вопросъ о примѣненіи частной или государственной системы къ желѣзнодорожному дѣлу.

Въ то время, когда возникли и развились желѣзныя дороги, какъ у насъ, такъ и на западѣ Европы, въ общественномъ мнѣніи преобладали экономическія теоріи, отрицающія непосредственное участіе государства въ промышленной дѣятельности—теоріи такъ называемой манчестерской школы. Подъ вліяніемъ существовавшихъ воззрѣній, въ первое время частный принципъ получилъ почти всюду замѣтное преобладаніе въ желѣзнодорожномъ дѣлѣ; всего полнѣе и рѣшительнѣе принципъ этотъ проведенъ былъ въ Англіи, гдѣ желѣзныя дороги возникли помимо участія государства, на средства частныхъ капиталистовъ и затѣмъ дальнѣйшее веденіе дѣла точно также предоставлено было вполнѣ частной промышленности. Вскорѣ, однако, опытъ доказалъ, что желѣзнодорожный промыслъ имѣетъ совершенно специфическія свойства и что многое, приложимое къ прочимъ отраслямъ индустріи, не имѣетъ мѣста по отношенію къ нему. Болѣе всего пришлось разочароваться въ могуществѣ конкуренціи (этого нерва частной промышленности въ ея современной формѣ), на которую возлагали особенную надежду, какъ на одинъ изъ главныхъ регуляторовъ прибыли и продажной оцѣнки услугъ въ желѣзнодорожномъ дѣлѣ. Въ дѣйствительности оказалось, что соперничество можетъ имѣть только весьма ограниченное и временное значеніе по отношенію къ желѣзнымъ дорогамъ. Въ Англіи боровшіяся линіи почти во всѣхъ случаяхъ оканчивали состязаніе сліяніемъ въ одно большое предпріятіе, которое, соединяя въ своихъ рукахъ фактическую монополію перевозокъ на данной територіи, наверстывало впослѣдствіи съ лихвой потери періода борьбы. Эти «сліянія» (или амальгамаціи, какъ ихъ называютъ англичане) приняли наконецъ настолько опасный характеръ для промышленности, находящейся въ зависимости отъ желѣзныхъ дорогъ, что вызвали образованіе особой парламентской комиссіи для подробнаго изслѣдованія вопроса о томъ, насколько могутъ быть допускаемы подобныя соединенія желѣзнодорожныхъ предпріятій и какіе предѣлы слѣдуетъ положить, въ интересахъ публики, всемогуществу желѣзнодорожныхъ компаній. Работы этой комиссіи, произведенныя по образцу всѣхъ англійскихъ парламентскихъ комиссій, чрезвычайно широко, предста-

вили массу самаго любопытнаго и назидательнаго матеріала и значительно способствовали замѣтному, въ послѣднее время, въ Англіи повороту общественнаго мнѣнія въ пользу системы государственныхъ дорогъ. Проектъ выкупа всѣхъ рельсовыхъ путей правительствомъ съ каждымъ годомъ пріобрѣтаетъ въ Англіи все болѣе и болѣе сторонниковъ, и очень возможно, что еще на нашихъ глазахъ онъ будетъ осуществленъ, несмотря на громадную цифру расхода, потребнаго для этой операціи, и на сильную опозицію собственниковъ дорогъ и другихъ заинтересованныхъ лицъ, располагающихъ значительнымъ числомъ голосовъ въ парламентѣ. Тоже самое явленіе, которое мы отмѣтили относительно Англіи, имѣло мѣсто во второмъ періодѣ исторіи желѣзныхъ дорогъ и во многихъ континентальныхъ государствахъ, постепенно распространяющихъ сѣть правительственныхъ дорогъ на счетъ частныхъ. Въ Бельгіи государство уже давно владѣетъ бо̀льшею частью рельсовыхъ путей, проложенныхъ въ странѣ, и съ каждымъ годомъ пріобрѣтаетъ новыя линіи отъ частныхъ компаній. Въ Германіи точно также значительная часть сѣти эксплуатируется непосредственнымъ распоряженіемъ правительства. Итальянское правительство недавно выкупило систему дорогъ Верхней Италіи (Alta Italia). Въ послѣднее время и во Франціи правительство тоже приступаетъ къ выкупу сѣти второстепенныхъ желѣзныхъ дорогъ.

Исторія желѣзныхъ дорогъ въ Россіи имѣла нѣкоторыя своеобразныя черты. Въ началѣ, при постройкѣ и эксплуатаціи первыхъ линій имѣли почти одинаковое мѣсто и правительственная, и частная система, правильнѣе сказать, никакого твердо установленнаго принципа въ этомъ отношеніи не обнаруживалось. Но впослѣдствіи частный принципъ получилъ рѣшительно преобладающее значеніе: нетолько перестали строиться казенныя линіи, но и прежде построенныя постепенно перешли въ руки частныхъ обществъ, такъ что въ настоящее время за счетъ правительства эксплуатируется только одна небольшая ливенская узкоколейная дорога, протяженіемъ въ 57 верстъ. Такимъ образомъ, въ Россіи сфера участія представителей частной промышленности въ эксплуатаціи желѣзнодорожной сѣти шире, чѣмъ въ большинствѣ континентальныхъ государствъ, и, наоборотъ, правительственное участіе доведено до наимѐньшихъ предѣловъ; любопытно также, что правительство у насъ уступало свои дороги въ частныя руки (и притомъ дороги, оказавшіяся впослѣдствіи наиболѣе доходными какъ, напримѣръ, николаевская и московско-курская) въ то время, когда на западѣ имѣло мѣсто уже обратное явленіе. Посмотримъ же, насколько это настойчивое преслѣдованіе системы, отъ которой въ значительной мѣрѣ отступили уже другія, болѣе развитыя въ промышленномъ отношеніи страны, оправдывалось особыми условіями русской экономической и государственной жизни.

Едва ли нужно говорить, что соображенія финансовыя, пред-

ставлявшія въ нѣкоторыхъ случаяхъ одинъ изъ сильныхъ практическихъ доводовъ въ пользу частной системы желѣзныхъ дорогъ, у насъ никакимъ образомъ не могли имѣть подобнаго значенія. Мы уже упоминали, что наша сѣть въ дѣйствительности выстроена на счетъ или подъ гарантію фиска. Иначе не могло и быть. Когда въ Англіи приступили къ постройкѣ желѣзныхъ дорогъ, страна обладала уже развитою промышленностью и массою частныхъ капиталовъ, ищущихъ помѣщенія; не мудрено, что при такихъ условіяхъ сооруженіе сѣти частными компаніями не встрѣтило тамъ препятствія. Не то было у насъ. Строить желѣзныя дороги на собственныя средства страны было вообще затруднительно; капиталы нужно было искать за границею. Но частный кредитъ въ такихъ размѣрахъ, какъ это нужно было для грандіозной операціи покрытія страны сѣтью рельсовыхъ путей, конечно, тоже не могъ имѣть мѣста подъ гарантіи, представляемыя русскою промышленностью. Только одно государство могло представить достаточное солидное обезпеченіе для капиталистовъ, которые рѣшались вложить свои деньги въ желѣзнодорожное дѣло; поэтому участіе государства было необходимымъ условіемъ осуществленія предпріятія. Безъ всякаго сомнѣнія, кредитъ государства нисколько не зависѣлъ при этомъ отъ того, какой способъ избранъ будетъ для построенія и эксплуатаціи сѣти, вѣрили собственно солидности государственнаго бюджета, платежнымъ силамъ русскаго народа; участіе тѣхъ частныхъ комиссіонеровъ, чрезъ которыхъ правительство рѣшилось выполнить задуманное предпріятіе, какъ мы уже имѣли случай замѣтить, было тутъ не причемъ.

Если неразвитость русской промышленности и отсутствіе капиталовъ отразились на способахъ построенія желѣзныхъ дорогъ, то они не могли, съ другой стороны, не остаться безъ вліянія и на экономическое значеніе сѣти. На западѣ сильное торговое движеніе существовало еще ранѣе появленія новыхъ путей, у насъ оно въ значительной степени должно было создаться подъ вліяніемъ желѣзныхъ дорогъ; естественно поэтому, что у насъ было еще опаснѣе предоставить полный произволъ желѣзнодорожнымъ компаніямъ, обладавшимъ такимъ сильнымъ оружіемъ, какъ монопольное владѣніе средствами перевозки. Нѣмецкіе экономисты считаютъ однимъ изъ важныхъ преимуществъ государственной системы управленія путями сообщеній предъ частною то обстоятельство, что государство всегда можетъ примѣнить тотъ или другой принципъ къ опредѣленію цѣны услугъ при эксплуатаціи этихъ путей, тогда какъ въ частной промышленности, по самому существу ея, имѣетъ мѣсто только одинъ принципъ — извлеченіе наибольшей выгоды изъ предпріятія. Естественно, что это преимущество должно имѣть особое значеніе при тѣхъ экономическихъ условіяхъ, въ которыхъ должна была дѣйствовать наша сѣть.

Упомянемъ еще объ одномъ обстоятельствѣ. При распредѣ-

леніи сѣти желѣзныхъ дорогъ между отдѣльными компаніями, каждая дорога составляетъ отдѣльную хозяйственную единицу, расходы ея должны покрываться собственными сборами (или на счетъ государства, если дорога гарантирована), излишки въ доходахъ по одной части сѣти не имѣютъ никакого отношенія къ дефицитамъ остальныхъ. Понятно, что это условіе отзывается тѣмъ болѣе неблагопріятно на финансовыхъ результатахъ сѣти, чѣмъ болѣе взаимной зависимости существуетъ въ дѣйствительности между сборами отдѣльныхъ линій и чѣмъ рѣзче, съ другой стороны, разница между приходами богатыхъ и недостаточныхъ дорогъ. По отношенію къ русскимъ дорогамъ и то, и другое изъ названныхъ обстоятельствъ имѣетъ существенное значеніе. Одну изъ особенностей нашего желѣзнодорожнаго движенія составляетъ относительно бо̀льшее, чѣмъ гдѣ либо, преобладаніе перевозокъ на большія разстоянія. Отчасти это зависитъ отъ самаго пространства территоріи Россіи, отчасти же отъ характера промышленности. Весьма значительную часть движенія по русскимъ желѣзнымъ дорогамъ даетъ перевозка предметовъ отпускной торговли къ портамъ и пограничнымъ пунктамъ изъ отдаленныхъ мѣстностей имперіи. Въ то время, когда, напримѣръ, въ Бельгіи самую главную массу грузовъ составляетъ уголь, подвозимый на небольшія разстоянія къ фабрикамъ и заводамъ, у насъ эту роль играетъ хлѣбъ, идущій изъ хлѣбородныхъ губерній къ границѣ. При такихъ условіяхъ значительная часть грузовъ проходитъ до мѣста назначенія по нѣсколькимъ дорогамъ, такъ что транзитная перевозка для многихъ линій (и притомъ самыхъ богатыхъ) составляетъ одну изъ наиболѣе видныхъ статей дохода. Но ростъ транзитной перевозки на той или другой дорогѣ зависитъ по преимуществу отъ причинъ для данной дороги постороннихъ, болѣе всего отъ пристройки новыхъ линій къ сѣти. Очень часто при этомъ случается, что эти новыя линіи сами себя окупать не въ состояніи и оказываются убыточными, между тѣмъ *для цѣлой сѣти* построеніе ихъ далеко не безвыгодно, такъ какъ увеличиваетъ движеніе и сборъ на старыхъ линіяхъ. Когда вся сѣть составляетъ одно цѣлое въ хозяйственномъ отношеніи, убытокъ и прибыль взаимно балансируются. Но далеко не такъ является это при господствующей у насъ системѣ. Выигрышъ, доставляемый новыми линіями, увеличиваетъ чистую прибыль дорогъ, пользующихся приращеніемъ транзита; тогда какъ издержки, на поддержаніе этихъ линій падаютъ на государство. Пояснимъ нашу мысль примѣромъ. Линія отъ Саратова до Москвы представляетъ одинъ торговый путь, но путь этотъ раздѣленъ между 4-мя желѣзнодорожными обществами: тамбовско-саратовской, тамбовско-козловской и рязанско-козловской и московско-рязанской желѣзныхъ дорогъ. Дороги эти строились постепенно, начиная отъ Москвы, и каждый разъ пристройка новой линіи возвышала доходность прежнихъ. Построеніе послѣдней изъ нихъ, тамбовско-саратов-

ской самымъ рѣшительнымъ образомъ отразилось на доходности трехъ болѣе раннихъ, связавъ ихъ съ нижневолжскимъ бассейномъ. Но при такой тѣсной зависимости дорогъ одна отъ другой, мы видимъ, что тамбовско-саратовская дорога не окупаетъ себя и требуетъ значительныхъ приплатъ отъ казны и отъ земства, тогда какъ рязанско-козловская и особенно московско-рязанская даютъ огромный дивидендъ, на размѣры котораго не безъ влiянiя оставалось и сооруженiе тамбовско-саратовской дороги.

Что касается неравномѣрности между доходами отдѣльныхъ дорогъ, то точно такъ же она въ значительной степени свойственна нашей сѣти и дѣлаетъ весьма невыгодною существующую раздѣльность хозяйственныхъ интересовъ отдѣльныхъ линiй. Она не можетъ не затруднять также и мѣръ правительства для уменьшенiя расходовъ на приплаты по гарантiи дохода дорогъ съ недостаточнымъ сборомъ; болѣе всего подобныя затрудненiя могутъ встрѣчаться по отношенiи къ измѣненiямъ тарифовъ. Очень часто такiя измѣненiя невозможны для отдѣльныхъ линiй, и одна и таже мѣра должна быть распространена на всю сѣть или, по крайней мѣрѣ, на нѣсколько дорогъ, между которыми возможно соперничество и на которыхъ потому условiя перевозки должны быть одинаковы. Такимъ образомъ, приходится ради поднятiя дохода на дорогахъ бѣдныхъ увеличивать провозную плату, а слѣдовательно и прибыли, на дорогахъ, и безъ того извлекающихъ большiе барыши; точно такъ же и наоборотъ— еслибы правительство признало нужнымъ ради интересовъ промышленности настоять на пониженiи тарифа на той или другой богатой дорогѣ, ту же мѣру пришлось бы во многихъ случаяхъ распространить и на дороги съ недостаточнымъ сборомъ, такъ какъ въ противномъ случаѣ конкурренцiя дорогъ, понизившихъ провозную плату, могла бы содѣйствовать еще бо̀льшему уменьшенiю ихъ доходовъ.

Мы коснулись только нѣкоторыхъ сторонъ вопроса о послѣдствiяхъ примѣненiя къ нашимъ желѣзнымъ дорогамъ начала частной предпрiимчивости, но уже могли отмѣтить чрезвычайно серьёзныя затрудненiя и неудобства, возникающiя при этомъ какъ для фиска, такъ и для интересовъ лицъ, пользующихся желѣзными дорогами. Вообще, особенности нашего экономическаго положенiя нисколько не смягчали, а напротивъ скорѣе усугубляли тѣ выгодныя стороны, которыя присущи вообще частной эксплуатацiи желѣзныхъ дорогъ. Немудрено поэтому, что и результаты этой системы получались у насъ весьма печальные. Наши желѣзныя дороги оказались выстроенными дорого и въ настоящее время не окупаютъ своего содержанiя. Извѣстно, что приплаты по гарантiи желѣзнодорожныхъ доходовъ составляютъ весьма солидную статью въ нашемъ бюджетѣ. Въ одномъ 1876 году на этотъ предметъ затрачено было 34½ мил., всего же за желѣзнодорожными обществами состояло къ концу этого года до 350 мил. долга въ бо̀льшей своей части весьма безнадежнаго.

Отзываясь такъ невыгодно на интересахъ казны, наши желѣзныя дороги, въ тоже время, возбуждаютъ справедливыя жалобы и со стороны товаро отправителей, и пассажировъ. Частная администрація оказывается нетолько дорогою, но и весьма неисправною.

Все это вызываетъ необходимость постояннаго правительственнаго вмѣшательства въ дѣла желѣзнодорожныхъ обществъ и ставитъ для администраціи самыя сложныя и серьёзныя задачи. Между тѣмъ, способы государственнаго воздѣйствія на желѣзнодорожное хозяйство являются, при дѣйствующей системѣ, весьма ограниченными, тѣмъ болѣе, что на каждомъ шагу приходится сталкиваться и считаться съ разными частными интересами, которые, благодаря искусственной прививкѣ формы частной промышленности къ государственному предпріятію, переплетаются самымъ пестрымъ образомъ съ общими. Понятно, что такое положеніе вещей создаетъ удобную почву для смѣшенія и взаимной подстановки той и другой категоріи интересовъ. Бюрократическая обстановка дѣла и отсутствіе общественнаго контроля еще болѣе облегчаютъ это. И въ дѣйствительности мы не рѣдко встрѣчаемся съ странными притязаніями представителей частной промышленности и съ административными мѣрами, въ которыхъ частные интересы выдвигаются на мѣсто общегосударственныхъ. Въ исторіи нашего желѣзнодерожнаго дѣла можно найти такія, напримѣръ, явленія, какъ предоставленіе правительственной гарантіи по давно реализованнымъ капиталамъ бездоходныхъ дорогъ, какъ пріобрѣтеніе въ казну акцій желѣзныхъ дорогъ по цѣнѣ высшей ихъ дѣйствительной стоимости или, наконецъ, какъ выдачи казенныхъ ссудъ, мотивированныхъ «заслугами» того или другаго изъ желѣзнодорожныхъ дѣятелей и т. п.

V.

Любопытный образчикъ тѣхъ фантанстическихъ притязаній къ государству, которыя могутъ возникать со стороны представителей желѣзнодорожной промышленности, благодаря странному соединенію частныхъ и общихъ интересовъ въ желѣзнодорожномъ дѣлѣ—представляетъ исторія недавняго ходатайства желѣзнодорожныхъ правленій о введеніи металлической валюты при исчисленіи провозныхъ платъ на желѣзныхъ дорогахъ.

Въ свое время, наша періодическая пресса уже высказалась достаточно энергично и единодушно относительно этого ходатайства, и если мы теперь рѣшаемся еще разъ поднять о немъ рѣчь, то только потому, что брошюра г. Бліоха (заглавіе которой приведено выше) сообщаетъ нѣкоторыя новыя свѣдѣнія по этому предмету, неимѣвшіяся прежде въ виду. Само собою разумѣется, что мы не претендуемъ, чтобы наши разсужденія могли имѣть какое-нибудь вліяніе на практическое разрѣшеніе во-

проса; да, по всей вѣроятности, это было бы уже и поздно, такъ какъ, должно полагать, по данному вопросу уже принято то или другое рѣшеніе; мы просто пользуемся настоящимъ случаемъ какъ хорошею иллюстраціею къ общимъ соображеніямъ, приведеннымъ выше.

Какъ мы уже упоминали, матеріалъ для выводовъ намъ даетъ брошюра г. Бліоха «Изслѣдованія къ вопросу о взиманіи русскими желѣзными дорогами провозныхъ платъ въ металлической валютѣ». Брошюра эта имѣетъ полуофиціальный характеръ и написана г. Бліохомъ, по порученію министра финансовъ, въ качествѣ члена ученаго комитета министерства финансовъ (sic). Задачу своего сочиненія г. Бліохъ опредѣляетъ такимъ образомъ:

Ходатайство желѣзнодорожныхъ правленій о разрѣшеніи установить провозные тарифы въ металлической валютѣ возбудило— говоритъ онъ—«чрезвычайно оживленное порицаніе, выставлявшее на видъ, что желѣзнодорожныя правленія хотятъ поставить свои интересы въ совершенную отдѣльность отъ общихъ интересовъ русскаго народа, что въ то время, какъ всѣ страдаютъ отъ упадка кредитной валюты, желѣзныя дороги хотятъ свои доходы перевести на валюту металлическую, усилить тѣмъ свои сборы въ очень значительной степени, а слѣдовательно ухудшить еще общее экономическое положеніе народа, который долженъ внести въ доходъ желѣзныхъ дорогъ весь желаемый ими избытокъ сборовъ. Споры эти продолжаются и до сихъ поръ; къ несчастію, какъ это, впрочемъ, бываетъ въ бо̀льшей части споровъ, каждая сторона, ставъ на свою исключительную точку зрѣнія, не хочетъ знать, въ чемъ состоитъ доля правды, заключающаяся въ противоположномъ взглядѣ.

«Къ тому же, продолжаетъ г. Бліохъ:—ни одна изъ спорящихъ сторонъ не приняла на себя трудъ сдѣлать, на основаніи точныхъ числовыхъ данныхъ, выводы относительно послѣдствій того положенія, которое создано для желѣзныхъ дорогъ упадкомъ цѣнности рубля и которое вовсе не ограничивается людьми прямо заинтересованными въ предпріятіяхъ желѣзныхъ дорогъ, а распространяется въ бо̀льшей еще степени на государственный бюджетъ и вслѣдствіе того и на все государственное хозяйство».

Сочиненіе г. Бліоха и должно «пополнить указанный пробѣлъ и представить вѣрныя статистическія данныя, которыя могли бы служить къ надлежащему рѣшенію вопроса, возбужденнаго ходатайствомъ желѣзнодорожныхъ правленій, указавъ въ то же время и ту мѣру, при которой ходатайство это остается согласнымъ съ общимъ народнымъ интересомъ».

Чтобы выполнить означенную задачу, г. Бліохъ приводитъ рядъ соображеній и разсчетовъ о томъ, ка̀къ должно отразиться на доходахъ желѣзныхъ дорогъ паденіе кредитныхъ денегъ, а также и объ экономическомъ значеніи повышенія провозныхъ платъ,

которое имѣлось въ виду при возбужденіи желѣзнодорожнаго ходатайства. Но кромѣ того, г. Бліохъ разсказываетъ и самую исторію возниковенія проекта металлическаго тарифа. Къ этой исторіи, очень любопытной, мы прежде всего и обратимся.

Между желѣзными дорогами германскими и нѣкоторыми изъ русскихъ существуетъ прямое сообщеніе, т. е. грузы, назначаемые въ Германію, могутъ быть сдаваемы на русскихъ дорогахъ прямо до мѣста назначенія, съ уплатою русской дорогѣ провозной платы за весь путь и, наоборотъ, грузы изъ Германіи слѣдуютъ подобнымъ же способомъ въ Россію. Провозная плата опредѣляется при этомъ за все пространство въ германскихъ маркахъ. Курсъ русскихъ рублей, при установленіи соглашенія между русскими и германскими дорогами, опредѣленъ былъ въ 270, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ 283 марки за 100 рублей. Такимъ образомъ, на русскихъ желѣзныхъ дорогахъ, находящихся въ прямыхъ сношеніяхъ съ заграничными, существуютъ два тарифа: одинъ въ рубляхъ и копейкахъ для мѣстныхъ грузовъ, другой въ маркахъ и пфеннигахъ для грузовъ, идущихъ за-границу. Пока цѣнность рубля соотвѣтствовала курсу 270 марокъ за 100 р., оба эти тарифа были совершенно одинаковы; но когда курсъ палъ, тарифъ заграничный сдѣлался невыгоднымъ для отправителей, и они предпочитали посылать грузы до границы по мѣстному тарифу и затѣмъ перегружать ихъ на дороги нѣмецкія. Такимъ образомъ, de facto прямое сообщеніе уничтожалось.

Чтобы возвратить дѣло въ прежнее положеніе, представлялось два пути. Во 1-хъ, было возможно измѣнить тарифъ, опредѣленный въ маркахъ, такъ, чтобы онъ соотвѣтствовалъ курсу, т. е. уменьшить его, или же наоборотъ—повысить внутренній тарифъ до соотвѣтствія съ заграничнымъ. Первоначально на конференціи представителей русско-германскихъ дорогъ принято было первое предположеніе. Но предположеніе это встрѣтило протестъ со стороны одной изъ желѣзныхъ дорогъ (именно кіево-брестской, во главѣ которой стоитъ г. Бліохъ). Въ протестѣ этомъ объяснялось, что «при настоящемъ сильномъ паденіи стоимости рубля, русскія желѣзныя дороги терпятъ значительные убытки, такъ какъ, имѣя обязательство платить проценты на затраченные для постройки дорогъ капиталы въ металлической валютѣ и выписывая изъ-за границы значительную часть потребностей эксплуатаціи, онѣ, чтобы получить чистый доходъ въ томъ же размѣрѣ, въ какомъ получали до пониженія цѣнности нашей валюты, должны выручать гораздо высшій валовой доходъ. Поэтому желѣзныя дороги должны стараться не понижать, а сохранить прежніе международные тарифы. «Желѣзныя дороги, дѣйствуя такимъ образомъ, придерживались бы только принципа справедливости, такъ какъ съ пониженіемъ курса пропорціонально возвышается стоимость провоза. Но препятствіе къ тому встрѣчается въ томъ, что нынѣ дѣйствующіе внутренніе тарифы дешевле международныхъ. Вслѣдствіе этого, товароотправители

не пользуются прямымъ международнымъ сообщеніемъ, а, перевозя свои грузы во внутреннемъ сообщеніи по болѣе низкимъ мѣстнымъ тарифамъ до границы, оттуда отправляютъ ихъ далѣе посредствомъ своихъ комиссіонеровъ.

«Такимъ образомъ, продолжаютъ авторы протеста:—русскія желѣзныя дороги, платящія проценты по своимъ облигаціямъ, а нѣкоторыя и по акціямъ въ металлической валютѣ, лишаются и той незначительной дѣли вознагражденія убытковъ, которая достигалась отъ паденія курса рубля, и ихъ выгода переходитъ въ руки торговцевъ, которые и безъ того пользуются существующими нынѣ за-границею высокими цѣнами на хлѣбъ и прибылью отъ перевода въ Россіи денегъ, вырученныхъ за-границею за проданный товаръ, *не удѣляя даже частицы выручаемыхъ суммъ въ той же валютѣ, въ вознагражденіе провоза, составляющаго, однакожъ, интегральную частъ продажной цѣны*».

Далѣе въ протестѣ объясняется, что уменьшеніе тарифовъ было бы невыгодно и для казны, такъ какъ при этомъ возросъ бы долгъ гарантированныхъ дорогъ предъ правительствомъ. По всѣмъ этимъ основаніямъ, вмѣсто пониженія международныхъ тарифовъ, въ протестѣ кіево-брестской дороги рекомендуется возвысить внутренніе; для чего особыхъ препятствій встрѣтиться не можетъ, «такъ какъ предѣльные тарифы, установленные уставами обществъ, выше того размѣра, который требуется, чтобы уравновѣсились убытки, происходящіе отъ пониженія курса»; для того же, чтобы предполагаемое возвышеніе тарифовъ произошло одновременно по всей сѣти, авторы протеста предлагаютъ обратиться къ правительству съ ходатайствомъ разрѣшить такое возвышеніе и для тѣхъ дорогъ, которыя опубликовали низкіе тарифы съ обязательствомъ не возвышать ихъ ранѣе извѣстнаго срока.

«При обсужденія этого предложенія, говоритъ г. Бліохъ (стр. 7):—ясно обнаружилось, что, несмотря на признанную всѣми своевременность предложенной мѣры, соглашеніе о повышеніи существующихъ тарифовъ крайне трудно и даже не возможно, не вслѣдствіе того, что установленные уставами обществъ предѣльные тарифы были бы превзойдены или что опубликованныя нѣкоторыми дорогами предѣльныя ставки создавали бы серьёзныя препятствія, *но потому, что были бы нарушены установившіяся, вслѣдствіе долголѣтней борьбы, соотношенія провозныхъ платъ различныхъ дорогъ, конкурирующихъ между собою, а также съ водяными путями*».

«Вслѣдствіе этого, признано, продолжаетъ онъ:—что единственнымъ средствомъ, которое могло бы удовлетворить всѣмъ интересамъ желѣзныхъ дорогъ, безъ нарушенія установленныхъ соглашеній относительно направленія грузовъ, было бы равномѣрное повышеніе тарифовъ всѣми дорогами, *которое легче всего достигалось бы посредствомъ исходатайствованія согласія правительства на то, чтобы тарифы желѣзныхъ дорогъ*, какъ пре-

дѣльные, указанные въ уставахъ, такъ и устанавливаемые самими желѣзными дорогами, *признавались опредѣленными въ металлической валютѣ.*—Въ виду этого, желѣзнодорожныя правленія и вошли съ ходатайствомъ о разрѣшеніи установить провозные тарифы въ металлической валютѣ».

Мы остановились такъ подробно на исторіи возникновенія ходатайства о введеніи металлическаго тарифа потому, что исторія эта, какъ читатели могутъ сами судить — представляетъ очень любопытныя стороны. Какъ оказывается изъ разсказа г. Бліоха, все дѣло вышло, главнымъ образомъ, изъ-за-того, что желѣзнодорожныя правленія не съумѣли сами устроить между собою соглашеніе относительно одновременнаго повышенія тарифовъ на всѣхъ линіяхъ. Какъ ни проблематично вообще дѣйствіе конкуренціи при установленіи провозныхъ платъ на желѣзныхъ дорогахъ, оно можетъ имѣть мѣсто въ нѣкоторыхъ случаяхъ, въ особенности относительно такъ называемыхъ грузовъ прямаго сообщенія и транзитныхъ, т. е. такихъ, которые проходятъ по нѣсколькимъ дорогамъ между отдаленными одинъ отъ другаго пунктами; для такихъ грузовъ почти всегда можно избрать нѣсколько различныхъ путей, и потому между дорогами, входящими въ составъ этихъ путей происходитъ взаимное соперничество до тѣхъ поръ, пока оно не оканчивается соглашеніемъ въ той или другой формѣ. Въ данномъ случаѣ, вопросъ возникъ изъ-за повышенія именно прямыхъ тарифовъ; поэтому весьма естественно открылась и возможность конкурренціи между соперничествующими путями. На этотъ разъ «соглашеніе» не могло состояться при помощи обыкновенныхъ средствъ; поэтому придумана была такая комбинація, осуществленіе которой оказывалось возможнымъ лишь при энергическомъ содѣйствіи правительства. Чтобы «удовлетворить всѣмъ интересамъ желѣзныхъ дорогъ», была проектирована надбавка, широкая настолько, что никому не могло быть обидно. «Всего удобнѣе» такую надбавку казалось сдѣлать въ формѣ переложенія тарифныхъ нормъ изъ кредитныхъ рублей въ металлическіе; въ такомъ случаѣ, дѣйствительно, всѣ тарифы возвышались совершенно пропорціонально, и прежнія отношенія между провозными платами различныхъ дорогъ оставались безъ измѣненія. Желѣзнодорожныя правленія и сочли это удобство своего «соглашенія» (или, если угодно, стачки) достаточнымъ основаніемъ, чтобы добиваться измѣненія установленныхъ провозныхъ цѣнъ въ такихъ размѣрахъ, которое, кромѣ упомянутаго «удобства», ничѣмъ инымъ не мотивировалось. Что проектированное возвышеніе тарифа было выше тѣхъ потерь, которыя выставлялись какъ его основанія, объ этомъ, какъ мы видѣли, свидѣтельствуетъ приведенное выше заявленіе кіевобрестской дороги; въ немъ прямо утверждается, «что предѣльные тарифы, установленные уставами обществъ, выше того размѣра, который требуется, чтобы уравновѣсить убытки, происходящіе отъ пониженія курса.» Но, кромѣ такого «запроса», въ

проектѣ, о которомъ идетъ рѣчь, есть еще другая не безъинтересная сторона. Уже въ заявленіи кіево-брестской дороги дѣлается удареніе на барыши, доставляемые паденіемъ курса лицамъ, занимающимся внѣшнею торговлею, которыя, однако, нехотягъ удѣлить «даже частицы выручаемыхъ суммъ въ металлической валютѣ въ вознагражденіе провоза». Стремленіе заполучить «частицу» этихъ выручаемыхъ экспортерами кушей и служило, повидимому, однимъ изъ реальныхъ мотивовъ возбужденія ходатайства. Само по себѣ, подобное стремленіе ничего криминальнаго въ себѣ не имѣетъ: «на то и щука въ морѣ, чтобы карась не дремалъ»; въ сферѣ частной промышленности, основанной на борьбѣ соперничествующихъ предпріятій, каждое изъ нихъ всегда стремится получить наиболѣе барышей насчетъ всѣхъ остальныхъ. Но частное дѣло и должно оставаться частнымъ: каждый интересъ въ борьбѣ за существованіе долженъ разсчитывать на свои личныя силы. Представители желѣзнодорожныхъ правленій полагаютъ, однако, не такъ. По ихъ мнѣнію, дѣло ихъ должно взять подъ свою опеку правительство и для вящшаго обезпеченія цѣли, обложить добавочными уплатами не только тѣ виды перевозокъ, которые вызываются внѣшнею торговлею, но и мѣстное движеніе товарное и пассажирское, хотя, конечно, ни внутренняя торговля въ цѣломъ, ни въ особенности уже трудящіеся классы общества, доставляющіе главный контингентъ для пассажирскаго движенія, ничего отъ паденія курсовъ не выиграли, а скорѣе проиграли.

Наконецъ, нельзя не обратить вниманія на самую форму предполагаемаго возвышенія тарифа. Нѣчего доказывать, что *частная* девалюаація монеты всегда бываетъ сопряжена съ крайними затрудненіями и невыгодно отражается на обращеніи. Въ желѣзнодорожной операціи такая девалюаація уже имѣла отчасти мѣсто: мы говоримъ о разрѣшеніи выпустить бумаги въ металлической валютѣ, данномъ многимъ желѣзнодорожнымъ обществамъ. Мѣры этой нельзя не разсматривать, какъ извѣстную льготу желѣзнымъ дорогамъ, такъ какъ она предпринята была, въ видѣ исключенія изъ общаго правила, для облегченія реализаціи желѣзнодорожныхъ бумагъ на иностранныхъ рынкахъ. Но одна льгота порождаетъ другую. Мы видимъ, что желѣзнодорожные дѣятели не стѣсняются требовать, чтобы исключительная мѣра была доведена до конца. Естественное послѣдствіе данной имъ льготы—обязанность уплаты % по бумагамъ въ металлической валютѣ—они выставляютъ именно какъ основаніе для новыхъ домогательствъ и домогательствъ уже болѣе широкихъ: они требуютъ, чтобы кредитныя деньги совсѣмъ были исключены изъ области желѣзнодорожныхъ сдѣлокъ. Какія послѣдствія могло бы имѣть для фиска подобное стѣсненіе кредитнаго обращенія въ затруднительную эпоху (и, притомъ, стѣсненіе довольно значительное по размѣрамъ, такъ какъ желѣзнодорожные сборы достигаютъ ежегодно до 150—200 мил.)—понять не трудно; поэто-

му нельзя не видѣть нѣкоторой ироніи, когда въ числѣ мотивовъ пресловутаго ходатайства встрѣчается ссылка, между прочимъ, и *на интересы фиска* (!?), которые въ данномъ случаѣ выставляются солидарными съ интересами владѣльцевъ желѣзнодорожныхъ предпріятій.

Словомъ, съ какой бы стороны ни смотрѣть на проектъ металлическаго тарифа и его мотивы—ка̀къ они выясняются изъ историческаго очерка, приводимаго г Бліохомъ—нельзя не поражаться крайнею безцеремонностью притязаній желѣзнодорожныхъ дѣятелей — безцеремонностью, переходящею въ положительный цинизмъ.

Поэтому, чрезвычайно трудно понять, какая же именно «доля правды» можетъ заключаться въ подобныхъ притязаніяхъ и въ «какой мѣрѣ» могутъ быть они согласимы съ общими интересами страны. Г. Бліохъ, какъ мы видѣли, ставитъ своею цѣлью указаніе такой мѣры, но, несмотря на обиліе разнаго рода цифръ разсчетовъ, статистическихъ данныхъ и выводовъ (замѣтимъ мимоходомъ, въ значительной части весьма сомнительнаго достоинства), приводимыхъ въ его изслѣдованіи, въ результатѣ изъ нихъ весьма трудно выудить чт̀о либо въ пользу проекта. Мы были бы даже склонны заподозрить со стороны г. Бліоха злую иронію, если бы, несмотря на quasi - объективное изложеніе «изслѣдованія», въ немъ не проглядывали личныя воззрѣнія автора, намѣченныя отчасти уже въ приведенномъ выше заявленіи правленія кіево-брестской дороги.

Разсужденія г. Бліоха сосредоточиваются, главнымъ образомъ, на 3 хъ пунктахъ: во первыхъ, онъ старается подтвердить дѣйствительность убытковъ, которые сопряжены для желѣзныхъ дорогъ съ паденіемъ курсовъ; во вторыхъ, доказываетъ справедливость и возможность возвышенія провозныхъ платъ для возмѣщенія этихъ убытковъ и, въ третьихъ, останавливается на вопросѣ о формѣ и размѣрахъ такого возвышенія.

Расходы желѣзныхъ дорогъ распадаются на двѣ категоріи: 1) текущія издержки эксплуатаціи и 2) плату за капиталъ предпріятія. И та, и другая категорія издержекъ, говоритъ, г. Бліохъ, находятся въ зависимости отъ курса Относительно платы за капиталъ предпріятія, это—зависимость прямая и непосредственная: бо̀льшая часть акцій и облигацій желѣзнодорожныхъ компаній выпущены въ металлической валютѣ, и потому проценты и погашеніе по нимъ тоже исчисляются золотомъ; значитъ, кредитными деньгами приходится уплачивать тѣмъ больше, чѣмъ ниже курсъ. Что касается текущихъ издержекъ (т. е. расходовъ на содержаніе дороги и на ея эксплуатацію), то здѣсь прямо отъ курса зависитъ только та доля, которая идетъ на пріобрѣтеніе матеріаловъ заграничнаго происхожденія, но косвенно, путемъ общаго вздорожанія цѣнъ, паденіе бумажныхъ денегъ, можетъ отразиться и на другихъ статьяхъ издержекъ. Г. Бліохъ допускаетъ, что, при паденіи курса съ 114 на 152 и 165 коп. кр.

за 1 руб. мет., текущiя издержки желѣзныхъ дорогъ должны возрости не менѣе, чѣмъ на 9%. Въ 1876 г. общiй валовой доходъ желѣзныхъ дорогъ составлялъ около 147¹/₃ мил. руб., текущiя издержки эксплуатацiи до 100, 8 мил., затѣмъ остатокъ или чистый доходъ до 46½ мил. По мнѣнiю г. Блioxa, нѣтъ никакого основанiя предполагать, чтобы валовой доходъ желѣзныхъ дорогъ могъ значительно возрости въ ближайшемъ будущемъ; поэтому, цифру дохода 1876 г. онъ кладетъ въ основу своихъ разсчетовъ; расходы экслуатацiи, какъ мы упоминали, должны, по его разсчетамъ, увеличиться на 9%, такимъ образомъ, вѣроятную цифру этихъ расходовъ на будущее время можно принять въ 109,9 м.; а цифру остатка въ 37,4 мил. кр. рублей. Изъ этого остатка должны быть покрыты издержки на оплату капитала предпрiятiя. Бо̀льшая часть этого капитала, какъ извѣстно, гарантирована правительствомъ. Общая сумма правительственной гарантiи по желѣзнорожнымъ бумагамъ составляетъ, по вычисленiю г. Блioxa, 54,2 мил. руб. кред. при курсѣ 114%, 71,8 мил при курсѣ 152% и 77,8 мил.—при курсѣ 165%. Чистый доходъ желѣзныхъ дорогъ оказывается недостаточнымъ для удовлетворенiя этихъ расходовъ, тѣмъ болѣе, что значительная его часть, (по вычисленiямъ г. Блioxa, относящимся къ 1876 г. до 19 мил. изъ 46½ мил. руб.) должна идти не на уплату гарантированныхъ процентовъ, а на другiя издержки (какъ-то: образованiе запасныхъ капиталовъ, уплату долговъ, дивидендъ сверхъ гарантированнаго дохода по акцiямъ богатыхъ дорогъ, проценты по негарантированнымъ бумагамъ и т. д.). Поэтому государственное казначейство должно приплачивать извѣстныя суммы. Въ 1876 г., при курсѣ 114%, такiя приплаты, по вычисленiю г. Блioxa, должны было составить 26,7 мил.; при курсѣ 152%, приплаты эти возростутъ до 45,1 мил., а при курсѣ 165%—до 50,2 мил. Такимъ образомъ, паденiе курсовъ должно отразиться на оборотахъ желѣзныхъ дорогъ значительными потерями, въ которыхъ всего болѣе заинтересовано государственное казначейство. Для отвращенiя этихъ потерь и было проектировано возвышенiе желѣзнодорожныхъ тарифовъ переводомъ ихъ на золото.

Приведенныя выше вычисленiя лежатъ въ основанiи всѣхъ послѣдующихъ соображенiй и предположенiй г. Блioxa; поэтому, прежде, чѣмъ идти далѣе, необходимо посмотрѣть, въ какой мѣрѣ они прочны. Г. Блioхъ предполагалъ (брошюра его помѣчена декабремъ прошлаго года), что валовой доходъ желѣзныхъ дорогъ долженъ оставаться неподвижнымъ, расходъ же эксплуатацiи долженъ возрости, въ зависимости отъ чего уменьшится чистый доходъ. Въ настоящее время, мы уже имѣемъ опубликованныя оффицiальныя данныя о доходѣ 1877 г., которыя далеко не подтверждаютъ предположенiя г. Блioxa. Оказывается, что въ дѣйствительности валовой сборъ желѣзныхъ дорогъ въ прошломъ году достигъ до 190 мил., т. е. превзошелъ сборъ предъидущаго года

болѣе, чѣмъ на 40 мил. руб.; правда, сѣть въ 1877 г. увеличилась на 1,000 верстъ слишкомъ; но если мы сравнимъ не абсолютныя цифры, а выводы дохода, приходящагося на каждую версту (т. е. устранимъ изъ сравненія элементъ длины), то найдемъ, во всякомъ случаѣ, разницу въ пользу 1877 г. въ размѣрѣ 22%. Мы обращаемъ вниманіе на этотъ фактъ, потому, что въ извѣстной степени ростъ желѣзнодорожныхъ сборовъ находится въ связи съ тѣми же обстоятельствами, которыя приводятся г. Бліохомъ какъ основаніе предполагаемаго возвышенія расходовъ желѣзныхъ дорогъ, т. е. съ паденіемъ курса. Усиленное желѣзнодорожное движеніе 1877 г. объясняется, съ одной стороны, войною (вызвавшею и неблагопріятный курсъ) а съ другой стороны—усиленіемъ заграничнаго отпуска, который былъ въ значительной степени обусловленъ именно низкимъ вексельнымъ курсомъ. На эту сторону дѣла г. Бліохъ не обратилъ вовсе вниманія; отчего его предположенія и требуютъ извѣстной поправки; мы едвали будемъ далеки отъ истины, если примемъ, что прибавочныя, вслѣдствіе паденія курса, издержки эксплуатаціи могутъ быть покрыты увеличеніемъ сборовъ. Затѣмъ, остается только плата на капиталъ. Здѣсь въ разсчетахъ г. Бліоха опять довольно крупное несогласіе съ дѣйствительностію, хотя уже въ другую сторону: мы видимъ, что, по его исчисленіямъ, приплаты казны въ 1876 г. должны были соствлять 26½ мил. руб., въ дѣйствительности же, размѣръ ихъ составилъ 34½ мил. Уже изъ этихъ примѣровъ видно, что къ цифрамъ и исчисленіямъ г. Бліоха слѣдуетъ относиться съ большою осторожностью; въ данномъ случаѣ, впрочемъ, намъ нѣтъ надобности подвергать ихъ особой провѣркѣ; нѣтъ сомнѣнія, что правительственные расходы на желѣзныя дороги должны рости съ паденіемъ курсовъ и что размѣръ этихъ расходовъ, и безъ того уже значительный, при низкой стоимости бумажныхъ денегъ, дѣлается чрезвычайно обременительнымъ для бюджета.

Уменьшеніе правительственныхъ приплатъ зависитъ, конечно, отъ увеличенія чистаго дохода желѣзнодорожной операціи. Какимъ же образомъ можетъ быть достигнуто такое увеличеніе? Г. Бліохъ указываетъ, какъ на цѣлесообразное удобное средство къ этому—повышеніе провозныхъ платъ. По его мнѣнію, такое повышеніе будетъ и вполнѣ справедливо и не повлечетъ экономически-неблагопріятныхъ послѣдствій. Г. Бліохъ замѣчаетъ совершенно вѣрно, что вообще взваливать на государственный бюджетъ, т. е. на податные классы, обязанность поддержки желѣзныхъ дорогъ нѣтъ достаточныхъ основаній, такъ какъ далеко не все населиеленіе пользуется выгодами отъ желѣзныхъ дорогъ. Доводъ этотъ, повторяемъ, вполнѣ справедливъ, но въ подтвержденіе его, г. Бліохъ приводитъ доказательство или, лучше, иллюстрацію крайне сомнительнаго свойства. Г. Бліохъ составилъ цѣлую таблицу, въ которой подробно вычислено для каждой губерніи отношеніе числа жителей: къ протяженію же-

лѣзныхъ дорогъ, проходящихъ въ губерніи, основному капиталу (исчисленному пропорціально протяженію) и числу отправленныхъ пассажировъ и грузовъ. Значительный трудъ, потраченный на эту таблицу, ушелъ совсѣмъ даромъ. Неравномѣрность распредѣленія желѣзныхъ дорогъ по территоріи страны очевидна при бѣгломъ взглядѣ на карту, и особыя исчисленія для доказательства этой неравномѣрности едвали нужны; никакого же другаго вывода изъ таблицы г. Бліоха нельзя сдѣлать. Но главное дѣло еще не въ этомъ. Несправедливость обремененія государственнаго бюджета приплатами на содержаніе желѣзныхъ дорогъ обусловливается далеко не тѣмъ только, что желѣзныя дороги неравномѣрно распредѣлены *территоріально*, а тѣмъ, въ особенности, что не всѣ *классы* населенія извлекаютъ изъ нихъ одинаковую пользу, и притомъ наименѣе выгоды приходится на долю тѣхъ именно лицъ, на которыхъ падаютъ бо̀льшею своею частію бюджетныя тягости. Поэтому-то такъ несправедливы и тяжелы земскія гарантіи, хотя «желѣзнодорожныя подушныя» и платятъ мужики тѣхъ самыхъ мѣстностей, по которымъ проходятъ дороги. Эта послѣдняя сторона вопроса г. Бліохомъ совсѣмъ упущена изъ виду, что̀ не могло не отразиться и на дальнѣйшей его аргументаціи. Вообще, его теоретическіе выводы нерѣдко поражаютъ своею странностью. Такъ, вслѣдъ за приведеннымъ объясненіемъ неравномѣрности распредѣленія дорогъ по территоріи и происходящей оттого несправедливости относить на общій бюджетъ расходы по содержанію желѣзныхъ дорогъ, г. Бліохъ указываетъ источникъ, на который могли бы быть отнесены эти расходы; источникъ этотъ онъ видитъ въ сбереженіяхъ, достигаемыхъ на провозѣ товароотправителями и пассажирами. Выводъ свой г. Бліохъ опять подтверждаетъ таблицею, въ которой показано «сбереженіе на провозѣ и проѣздѣ, совершенномъ въ 1874 г. на 15,506 верстахъ желѣзныхъ дорогъ, сравнительно съ лошадьми, причемъ стоимость провоза по желѣзнымъ дорогамъ исчислена, на основаніи среднихъ тарифовъ и пробѣговъ по губерніямъ, стоимость же движенія на лошадяхъ опредѣлена: для грузовъ по дѣйствительнымъ цѣнамъ за провозъ, платившимся обществомъ «Двигатель», пассажиры же считаны равными 15-ти пудамъ груза, что̀ составляетъ 2,29 коп. съ пудо-версты». «Исчисленное, такимъ образомъ, сбереженіе на провозѣ составило въ 1874 году громадную сумму 386 мил. рублей. Къ этому еще слѣдуетъ прибавить чрезвычайныя выгоды, достигаемыя при посредствѣ желѣзныхъ дорогъ, вслѣдствіе болѣе скорой и обезпеченной доставки; еслибы оцѣнить эти выгоды на деньги, то онѣ составили бы также не маловажную сумму». «Такимъ образомъ, несомнѣнно, продолжаетъ г. Бліохъ:—что представляется возможность увеличить безъ особаго обремененія расходы лицъ, пользующихся желѣзными дорогами, съ цѣлію покрыть приплаты государства по гарантіи ихъ капитала». (Изсл. и пр. 17).

Мы встрѣчаемся опять съ тѣмъ же исчисленіемъ экономіи на

провозѣ вслѣдствіи построенія желѣзныхъ дорогъ, о которомъ уже имѣли случай сказать нѣсколько словъ при разборѣ статей г. Бліоха, помѣщенныхъ въ «Вѣстникѣ Европы». Но здѣсь выводъ г. Бліоха нѣсколько видоизмѣненъ и, вслѣдствіе этого, является еще болѣе страннымъ. Г. Бліохъ, повидимому, полагаетъ, что разность между дорогою и дешевою перевозкою цѣликомъ остается въ карманахъ отправителей, такъ что удешевленіе перевозки не оказываетъ вліянія на цѣны, а лишь увеличиваетъ барыши лицъ, непосредственно пользующихся дешевыми путями. Не говоря уже о томъ, что, придерживаясь подобнаго мнѣнія, трудно утверждать благодѣтельность вліянія желѣзныхъ дорогъ въ той мѣрѣ, какъ это дѣлаетъ г. Бліохъ въ статьяхъ въ «Вѣстникѣ Европы», любопытно было бы знать, какъ оно вяжется съ теоріею приспособленія цѣнъ къ измѣняющимся обстоятельствамъ, на которой построены выводы г. Бліоха объ убыткахъ желѣзныхъ дорогъ отъ паденія курсовъ? Мы готовы допустить, даже, что г. Бліохъ просто неловко выразилъ свою мысль, придалъ ей слишкомъ уже опредѣленныя формы. Но, оставляя вовсе въ сторонѣ вопросъ о томъ, чей именно барышъ составляетъ исчисленная сумма «экономій на провозѣ», посмотримъ: можно-ли, базировать на ней какой-нибудь выводъ относительно возвышенія провозныхъ платъ? По нашему мнѣнію—рѣшительно никакого. Дѣло въ томъ, что именно дешевизна желѣзнодорожныхъ перевозокъ и способствовала увеличенію числа перевезенныхъ предметовъ. Поэтому, при измѣненіи платы, количество перевозимыхъ товаровъ должно тоже уменьшиться. Вѣдь есть цѣлыя групы товаровъ, которые стали возиться впервые (на дальнія разстоянія, по крайней мѣрѣ) желѣзными дорогами; точно тоже, въ извѣстной мѣрѣ, слѣдуетъ сказать и о пассажирскомъ движеніи; по отношенію къ этимъ категоріямъ перевозокъ, ни о какомъ «сбереженіи» относительно провоза на лошадяхъ не можетъ быть и рѣчи. Такимъ образомъ, цифра «сбереженія» является чисто фиктивною и основаніемъ для положительнаго вывода о томъ, можно или нѣтъ возвысить провозныя платы, служить не можетъ. Для этого нужны другія болѣе положительныя данныя. Къ сожалѣнію, у г. Бліоха мы ихъ почти не находимъ. Г. Бліохъ приводитъ, правда, сравненіе нашихъ тарифовъ съ заграничными, въ доказательство того, что наши тарифы будутъ ниже западныхъ, даже при увеличеніи пассажирскихъ на 30%, а товарныхъ на 12%; но, во-1-хъ, самый способъ сопоставленія невѣренъ, ибо г. Бліохъ переводитъ металлическіе тарифы иностранные на наши по курсамъ 152% и 165% между тѣмъ, очевидно, что отношеніе между цѣнами отнюдь не тожественно вексельному курсу, и рубль кредитный, упавши на 40—50%, по отношенію къ золоту, далеко не теряетъ еще въ той же мѣрѣ своей покупательной силы внутри страны. Затѣмъ, у г. Бліоха въ сравненіи фигурируютъ всюду *средніе тарифы*, т. е. дѣйствительный сборъ съ пудоверсты; для практическаго вывода этого,

конечно, недостаточно; средній сборъ съ пудоверсты можетъ быть ниже въ одной странѣ относительно другой, не потому, что таксировка предметовъ перевозки низка, а потому, что перевозятся преимущественно предметы малоцѣнные. Вообще, для того, чтобы судить о томъ, высоки или низки размѣры провозныхъ платъ, главнѣйшими данными могутъ служить *цѣны* перевозимыхъ предметовъ и *разстоянія* ихъ перевозки. Если мы опредѣлимъ главные токи движенія, пункты нагрузки и выгрузки тѣхъ или другихъ товаровъ и разность въ ихъ цѣнахъ въ пунктахъ отправленія и назначенія, мы будемъ имѣть приблизительное основаніе для сужденія о возможной величинѣ желѣзнодорожнаго тарифа и о значеніи той или другой прибавки къ нему. Г. Бліохъ подобный разсчетъ даетъ только относительно одной категоріи грузовъ: именно предметовъ заграничнаго вывоза; но и здѣсь таблица его представляетъ, если можно такъ выразиться, злоупотребленіе средними величинами: г. Бліохъ опредѣляетъ среднюю стоимость товаровъ *на мѣстѣ производства* (не на *мѣстахъ* производства, а на какомъ-то среднемъ мѣстѣ); операція эта производится путемъ вычитанія изъ средней стоимости пуда даннаго товара въ Петербургѣ средней провозной цѣны за пройденное однимъ пудомъ этого товара среднее разстояніе по сѣти. Полученная такимъ образомъ *абстрактная* средняя цѣна, смѣемъ думать, имѣетъ весьма мало конкретнаго значенія: по даннымъ г. Бліоха, выходитъ, напримѣръ, что средняя стоимость пуда хлѣба на мѣстѣ стоитъ 72,9 коп., а такъ какъ средняя стоимость провоза составляетъ 15,8 коп., по возвышеніи тарифа на 20% могло бы повести за собою возвышеніе продажной цѣны хлѣба на мѣстѣ доставки или пониженіе въ мѣстѣ покупки только на 3,6%, возвышеніе на 30%—на 5,3% и, наконецъ, даже возвышеніе провозной платы на 40% измѣнило бы цѣну на мѣстѣ производства — всего на 7,1%.—Какъ общая иллюстрація, этотъ разсчетъ, можетъ быть, и имѣетъ извѣстное значеніе (конечно если цифры его вѣрны); но нельзя забывать, что со средними цифрами нужно обращаться осторожно, имѣя въ виду всегда, что, въ сущности, это—только фикціи, скрадывающія дѣйствительное разнообразіе входящихъ въ ихъ составъ конкретныхъ единицъ. Такъ и въ данномъ случаѣ: въ дѣйствительности, на многихъ категоріяхъ перевозокъ увеличеніе тарифа должно отразиться гораздо сильнѣе средняго размѣра выше приведеннаго, и притомъ именно на перевозкахъ дальнихъ, для которыхъ желѣзныя дороги имѣютъ преимущественное значеніе. Вообще, было бы гораздо интереснѣе и поучительнѣе видѣть цифры дѣйствительной провозной стоимости по главнымъ торговымъ путямъ къ мѣстамъ сбыта, нежели столь обобщенную схему, въ которой всѣ товары предположены идущими въ Петербургъ изъ какихъ-то абстрактныхъ мѣстъ производства. Впрочемъ, спасибо и на томъ; относительно другихъ категорій перевозки мы не находимъ и подобныхъ разсче-

товъ. Вообще, г. Бліохъ почти исключительно занятъ изслѣдованіемъ условій движенія вывознаго и лишь мелькомъ касается прочихъ сторонъ предмета; между тѣмъ, изъ его данныхъ оказывается, что предметы вывоза обнимаютъ только *одну треть* всѣхъ желѣзнодорожныхъ перевозокъ, т. е., во всякомъ случаѣ, меньшую долю, нежели остальныя категоріи перевозокъ [1]). Затѣмъ, и для общей экономіи страны и для экономіи желѣзнодорожной бо̀льшее значеніе имѣетъ развитіе внутренней торговли и внутренняго движенія, нежели вывознаго. Наконецъ, нельзя не замѣтить, что и по отношенію къ тарификаціи внутреннія отправки заслуживаютъ наибо̀льшаго вниманія. Дѣло въ томъ, что тарифы мѣстной перевозки на желѣзныхъ дорогахъ вообще выше, нежели тарифы для грузовъ прямыхъ и транзитныхъ (къ которымъ принадлежатъ бо̀льшею частью предметы вывоза; оно и понятно, такъ какъ конкуренція между дорогами понижаетъ плату почти исключительно для тѣхъ товаровъ, которые могутъ избрать для своего слѣдованія нѣсколько путей; грузы мѣстные составляютъ безспорное достояніе данной дороги, изъ-за котораго ей не съ кѣмъ бороться; поэтому, мѣстные тарифы рѣдко бываютъ низки, тогда какъ тарифы прямые и транзитные дѣйствительно могутъ быть сбиты конкуренціею (по крайней мѣрѣ, временно) значительно ниже нормальнаго уровня. При такомъ положеніи дѣла, при проектированіи тарифныхъ прибавокъ, особеннаго изслѣдованія требуютъ именно тѣ роды перевозокъ, которые и безъ того таксируются высоко. Г. Бліохъ настолько далекъ отъ признанія этого, что во всѣхъ своихъ разсчетахъ проектируетъ возвышеніе пассажирскихъ тарифовъ въ гораздо бо̀льшей мѣрѣ, нежели товарныхъ. Между тѣмъ, извѣстно, что ни на одной желѣзной дорогѣ пассажирское движеніе не таксируется ниже опредѣленнаго уставами maximum'а. Онъ довольствуется аргументомъ, что пассажирское движеніе, даже при значительномъ возвышеніи тарифа, не ослабнетъ, «такъ какъ у насъ оно вызывается неотложными потребностями, да при томъ стоимость провоза по желѣзнымъ дорогамъ «*составляетъ для пассажировъ лишь малую часть дѣйствительныхъ расходовъ на путешествіе*» (?!). Чтобы оцѣнить достоинство послѣдней части приведеннаго мѣста, достаточно припомнить, что наибо̀льшую часть пассажировъ у насъ доставляетъ бѣднѣйшій классъ населенія, пользующійся третьимъ, а гдѣ можно и четвертымъ классомъ. Какіе это особые расходы на путешествіе

---

[1]) Г. Бліохъ какъ-то странно упускаетъ это изъ виду. По крайней мѣрѣ, на стр. 31 мы встрѣчаемъ такое курьёзное мѣсто: „Общее число пудоверстъ тѣхъ изъ этихъ произведеній (земледѣльческихъ продуктовъ и другого сырья), которыя идутъ заграницу, представляетъ собою почти 1/3 всего движенія грузовъ. Такимъ образомъ, налогъ въ той и другой части на желѣзнодорожныя отправки ляжетъ *главнымъ образомъ* (?) на предметы вывоза заграницу“. Что 1/3 есть бо̀льшая часть цѣлаго, это, конечно — только lapsus linguae; но подобныя обмолвки ужь слишкомъ часто попадаются въ „ученомъ“ трудѣ г. Бліоха.

можетъ имѣть мужикъ, отправляющійся на заработки—понять довольно трудно. Можетъ быть, здѣсь опять слѣдуетъ признать lapsus linguae. Но и помимо этого, доводъ, что движеніе вызывается неотложными потребностями и потому не уменьшится, какъ бы не обременять его платою, съ точки зрѣнія общихъ интересовъ, которые должно имѣть въ виду при государственныхъ мѣрахъ, совсѣмъ несостояteленъ.

Чтобы исчерпать доводы г. Бліоха въ пользу возвышенія тарифовъ, упомянемъ еще о вліяніи паденія курсовъ на отношеніе провозныхъ платъ къ цѣнамъ перевозимыхъ предметовъ. Такъ какъ съ паденіемъ стоимости денегъ цѣна всѣхъ товаровъ должна повышаться, то для сохраненія прежняго отношенія провозныхъ платъ къ цѣнамъ и эти платы должны быть повышены; иначе на счетъ желѣзныхъ дорогъ созданы будутъ источники для барышей торговцевъ, которые и безъ того возростаютъ отъ измѣненія стоимости рубля. Это разсужденіе не лишено извѣстнаго, хотя, опять-таки, весьма ограниченнаго значенія. Точно такъ же и здѣсь соображенія г. Бліоха примѣнимы по преимуществу къ предметамъ вывоза, которые почти исключительно играютъ роль въ его аргументаціи. Чтобы подтвердить значительность выгодъ, извлекаемыхъ при колебаніяхъ курса лицами, занимающимися отпускною торговлею, г. Бліохъ приводитъ особую сравнительную таблицу цѣнъ на овесъ, ячмень и пшеницу въ 1877 г., въ Петербургѣ и въ Англіи. Изъ таблицы этой видно, что колебанія цѣнъ въ Лондонѣ и Петербургѣ идутъ далеко не паралельно, и петербургскія цѣны, исчисленныя въ металлической валютѣ, невполнѣ примѣняются къ измѣненіямъ курса, такъ что, чѣмъ ниже курсъ, тѣмъ выше барышъ отъ заключаемыхъ экспортерами сдѣлокъ. Г. Бліохъ заключаетъ отсюда, что повышеніе тарифовъ, покрайней мѣрѣ въ первое время, можетъ уменьшить только выгоды экспортеровъ, не оказавъ вліянія на размѣръ отпуска за границу. Мы готовы согласиться съ выводомъ г. Бліоха, что паденіе курса дѣйствительно можетъ доставлять хлѣбнымъ экспортерамъ и вообще крупнымъ негоціантамъ значительные барыши, и такъ какъ барышами этими они во многомъ обязаны содѣйствію желѣзныхъ дорогъ, то было бы вполнѣ справедливо привлечь ихъ и къ уплатѣ извѣстной контрибуціи на пополненіе дефицита желѣзнодорожной операціи. Но, вѣдь, это можетъ дать основаніе скорѣе въ пользу налога, падающаго на вывозъ, а не въ пользу возвышенія тарифовъ, которое захватываетъ собою и множество другихъ статей. Наконецъ, нельзя не принять во вниманіе, что послѣдствіемъ возвышенія тарифовъ является далеко не исключительно уменьшеніе тягостей государства, а также и пріумноженіе доходовъ владѣльцевъ желѣзныхъ дорогъ, для котораго трудно найти какіе нибудь резоны. Отъ г. Бліоха эта сторона вопроса не ускользнула, и онъ подробно останавливается на ней при обсужденіи наиболѣе удобной формы и размѣра возвышенія провозныхъ платъ.

Г. Бліохъ не стоитъ на томъ способѣ возвышенія тарифовъ, который проектированъ былъ въ ходатайствѣ желѣзнодорожныхъ правленій, т. е. на переводѣ ихъ въ металлическую валюту. Хотя онъ и ссылается на примѣръ Австріи, гдѣ установленіе провозныхъ платъ золотомъ не было сопряжено ни съ какими затрудненіями, но вмѣстѣ съ тѣмъ высказываетъ сомнѣніе, чтобы таже мѣра могла быть примѣнима и у насъ, такъ какъ у насъ «общій уровень развитія ниже, чѣмъ въ Австріи, и провозная плата, при значительности разстояній и малоцѣнности товаровъ, входитъ въ составъ продажной цѣны ихъ въ гораздо бо̀льшей пропорціи, чѣмъ въ Австріи» (Изслѣд. и проч. 34) Съ своей стороны, г. Бліохъ рекомендуетъ абсолютное повышеніе провозныхъ платъ, исчисляемыхъ по прежнему въ кредитпой валютѣ. Размѣръ такого повышенія, необходимаго для покрытія всѣхъ убытковъ отъ паденія курса или, еще болѣе всего, дефицита операціи, конечно, долженъ быть весьма значителенъ. При предположеніи курса 165%, весь дефицитъ желѣзныхъ дорогъ, покрываемый правительствомъ, составляетъ по исчисленіямъ г. Бліоха, болѣе 50 мил. рублей; этотъ дефицитъ не можетъ быть покрытъ даже при общемъ увеличеніи тарифовъ на 50%, такъ какъ, хотя при этомъ чистый доходъ желѣзныхъ дорогъ возросъ бы на высшую сумму, но изъ нея только 42,5 мил. пошли бы на уплату гарантированныхъ % и долю *казны*, а затѣмъ 22,8 м. увеличили бы собою барыши владѣльцевъ богатыхъ дорогъ и негарантированныхъ бумагъ. Барыши эти возростаютъ по мѣрѣ увеличенія тарифа все въ бо̀льшей и бо̀льшей прогрессіи; поэтому г. Бліохъ находитъ, что для казны является невыгоднымъ возвышеніе тарифовъ выше, чѣмъ на 30% пассажирскаго и 20% товарнаго. При такихъ нормахъ, чистый доходъ долженъ увеличиться на 32 мил.; изъ этихъ 32 милл. 21,6 м. пойдутъ въ счетъ доходовъ, гарантированныхъ правительствомъ, и на уплату долга желѣзныхъ дорогъ казнѣ, а 8,4 мил. на уплату супердивиденда свыше гарантированной суммы и на проценты по негарантированнымъ акціямъ. «Цифры эти, говоритъ г. Бліохъ:— какъ нельзя болѣе убѣждаютъ, что въ увеличеніи тарифовъ до размѣровъ 30% пассажирскаго и 20% товарнаго, преимущественно заинтересовано государственное казначейство, акціонеры же желѣзныхъ дорогъ получаютъ усиленіе своихъ доходовъ въ непреувеличенномъ размѣрѣ». Дальнѣйшаго возвышенія тарифовъ г. Бліохъ не защищаетъ, такъ какъ хотя при этомъ «госуд. казнач., считая въ процентномъ отношеніи, и получаетъ приличную долю участія въ прибыляхъ, участіе акціонеровъ является столь значительнымъ по суммѣ, что является сомнѣніе въ справедливости предлагаемой мѣры при настоящихъ критическихъ обстоятельствахъ, когда прежде всего слѣдуетъ имѣть въ виду общественную пользу, а не выгоды частныхъ лицъ». Поэтому, «для дальнѣйшаго извлеченія дохода для государственнаго казначейства изъ желѣзнодорожной перевозки, для удовлетворенія

принятыхъ правительствомъ обязательствъ по гарантіямъ», г. Бліохъ указываетъ путь налога на эту перевозку или, что̀ тоже самое—путь дальнѣйшаго увеличенія тарифа, но съ устраненіемъ желѣзно-дорожныхъ обществъ отъ участія въ сборахъ, проистекающихъ отъ этого повышенія». По нашему мнѣнію, этотъ путь представляется не для «дальнѣйшаго» только повышенія тарифа, сверхъ 20—30%, а для всякаго, если такое нужно. Выше мы уже говорили, что паденіе кредитной валюты представляетъ для правительства основаніе только къ такимъ мѣрамъ относительно желѣзно-дорожныхъ доходовъ, которыя нужны для сокращенія уплатъ по гарантіи. Тоже самое слѣдуетъ примѣнить и къ желѣзно-дорожной финансовой политикѣ вообще. Правительство не имѣетъ ни причинъ, ни нравственнаго права налагать своимъ авторитетомъ на отправителей и пассажировъ лишнюю тягость съ тѣмъ, чтобы доставлять какія бы ни было барыши владѣльцамъ желѣзныхъ дорогъ. По разсчету г. Бліоха, выходитъ, что, при повышеніи тарифовъ на 20% и 30%, правительство, для извлеченія дохода въ 23 м. р., должно будетъ заставить лицъ, пользующихся дорогами, уплатить еще 40% комиссіи акціонерамъ желѣзныхъ дорогъ. Если г. Бліоху такой комиссіонный процентъ кажется «не преувеличеннымъ», то это можно объяснить развѣ только его высокимъ мнѣніемъ о заслугахъ предъ страною желѣзно-дорожныхъ дѣятелей; не усматривая такихъ заслугъ, мы, съ своей стороны, отказываемся видѣть какое-либо основаніе и для ихъ вознагражденія, да еще въ столь щедромъ размѣрѣ.

Итакъ, изъ двухъ предлагаемыхъ г. Бліохомъ мѣръ: возвышенія тарифа и налога на перевозку, по нашему мнѣнію, можетъ быть рѣчь только о второй. Въ принципѣ, эта мѣра является вполнѣ правильною; но для того, чтобы она была практически примѣнима, нужна извѣстная совокупность условій. Прежде всего, является вопросъ: ка̀къ велика будетъ тяжесть налога и можетъ ли онъ быть вынесенъ перевозкою? У г. Бліоха мы находимъ слѣдующія объ этомъ данныя. По его разсчетамъ, собственно для покрытія разницы въ суммѣ платежей по гарантіи, происходящей отъ паденія курса, нужно при курсѣ 152%—около 18 м. и при курсѣ 152%—около 23 м.; для извлеченія такой суммы добавочнаго дохода достаточно возвышенія тарифовъ: пассажирскаго на 20% и товарнаго на 12% (при курсѣ 152%) и 17% (при курсѣ 165%); для совершеннаго же покрытія всѣхъ расходовъ по гарантіи (45,2 м. при курсѣ 152 %, 50,2 м. при курсѣ 165 %) необходимо повышеніе въ 30% съ лишкомъ при курсѣ 152 и болѣе 40 % при курсѣ 165%.

Что касается степени тяжести налога и отношенія его къ платежному источнику, то по этому пункту приходится довольствоваться соображеніями г. Бліоха, приведенными выше. Какъ мы уже видѣли, соображенія эти весьма недостаточны и охватываютъ, въ сущности, только одну отрасль перевозокъ, именно—

предметы вывоза. Такимъ образомъ, мы не находимъ у г. Бліоха того именно оружія, которое особенно важно для защиты доли его предположеній, принципіально справедливой. Даже болѣе того: въ дальнѣйшемъ развитіи этихъ предположеній г. Бліохъ косвенно даетъ оружіе противъ себя: такъ именно, онъ считаетъ необходимымъ, чтобы проектированный имъ налогъ на перевозку по желѣзнымъ дорогамъ былъ распространенъ и на водные пути; иначе конкуренція этихъ путей неизбѣжно отвлекла бы значительную долю желѣзнодорожныхъ грузовъ и повела бы къ уменьшенію желѣзнодорожныхъ доходовъ. Если для поддержанія провозныхъ платъ на предполагаемой высотѣ необходимы *искуственныя мѣры*, которыя заставляли бы грузы идти по желѣзнымъ дорогамъ, а не по другимъ путямъ, которые представляются болѣе выгодными, это показываетъ, что размѣръ провозной платы ненормаленъ. Въ такомъ случаѣ, нельзя сказать, что средства для поддержанія желѣзныхъ дорогъ извлекаются правительствомъ *изъ самой желѣзнодорожной операціи*, ибо условіемъ ихъ поступленія является обложеніе отраслей промышленности, съ желѣзнодорожною перевозкою прямо не связанныхъ, и самый сборъ съ перевозокъ получаетъ уже характеръ не *пошлины* (соотвѣтственной оказываемой услугѣ), а чистаго *налога*, падающаго на тотъ или другой объектъ помимо всякой спеціальной услуги государства. Для оправданія такого налога нуженъ уже рядъ совершенно новыхъ соображеній; исходная точка аргументаціи г. Бліоха, противъ которой мы ничего не имѣемъ, именно, что желѣзныя дороги должны сами себя окупать, не можетъ уже доставить основы для этихъ соображеній.

VI.

Мы изложили всѣ существенные доводы и соображенія, заключающіеся въ брошюрѣ г. Бліоха. Подведемъ же теперъ итоги сказанному.

Какъ мы уже имѣли случай упоминать, г. Бліохъ задачею своего изслѣдованія поставилъ указать долю правды «въ ходатайствѣ желѣзнодорожныхъ правленій о металлическомъ тарифѣ и ту мѣру, при которой ходатайство это остается согласнымъ съ общимъ народнымъ интересомъ». Надѣемся, читатели согласятся съ нами, что и послѣ изслѣдованія г. Бліоха такую мѣру отыскать также трудно, какъ было и до того. Справедливая сторона разсужденій г. Бліоха заключается въ указаніи на чрезмѣрность расходовъ на желѣзныя дороги, которые упадаютъ на государственный бюджетъ, и на возможность переложенія части этихъ расходовъ на лицъ, непосредственно пользующихся желѣзными дорогами. Но тотъ путь, которымъ можетъ быть сдѣлано это переложеніе, совершенно противоположенъ предполагавшемуся

въ проектѣ желѣзнодорожныхъ правленій. Проектъ этотъ настаиваетъ на возвышеніи (путемъ перевода на золотую монету) какъ дѣйствительныхъ тарифовъ, такъ и предѣльныхъ нормъ, т. е., въ сущности—на *расширеніи простора желѣзно-дорожныхъ компаній* въ дѣлѣ назначенія платъ. Изъ данныхъ же г. Бліоха выходитъ, что единственнымъ способомъ возвышенія провозныхъ платъ, при которомъ на отправителей не были бы наложены тяжести, несоразмѣрныя съ дѣйствительно достигаемыми отъ этого полезными результатами, можно признать только установленіе налога на перевозку *съ совершеннымъ устраненіемъ желѣзнодорожной администраціи отъ участія въ распоряженіи суммами этого налога.*

Но оставимъ въ сторонѣ проектъ металлическаго тарифа и возмемъ разсужденія г. Бліоха сами по себѣ. Посмотримъ на нихъ, какъ на самостоятельный проектъ разрѣшенія финансовыхъ затрудненій желѣзнодорожнаго дѣла. Мы уже упоминали, что сама по себѣ идея о перенесеніи расходовъ по желѣзно-дорожной операціи съ массы податнаго населенія на лицъ, извлекающихъ пользу изъ эксплуатаціи дорогъ, вполнѣ справедлива. Но развитіе ея у г. Бліоха представляется совершенно одностороннимъ. Мы не говоримъ уже о проектѣ повышенія тарифовъ: пассажирскаго на 30% и товарнаго на 20%, который, въ сущности, только возстановляетъ въ нѣсколько болѣе скромномъ видѣ тѣ же притязанія, которыя заключались и въ первоначальномъ желѣзнодорожномъ ходатайствѣ; но даже и предположеніе о налогѣ на перевозку (въ той формѣ, какъ мы находимъ его въ брошюрѣ г. Бліоха) грѣшитъ явною тенденціозностью. Вся аргументація г. Бліоха имѣетъ такой характеръ, какъ будто бы онъ стремится во что бы ни стало (хотя бы и съ явными натяжками) доказать, что слабыя стороны желѣзнодорожной операціи только случайны, что поправить дѣло можно легко однимъ лишь возвышеніемъ черезчуръ умѣренныхъ размѣровъ провозной платы. Мы уже видѣли, что доказательства его въ этомъ отношеніи весьма шатки и если и имѣютъ значеніе, то лишь по отношенію къ одной, сравнительно мѐньшей части перевозокъ. Что сплошное повышеніе провозной платы на всѣ отправленія [1] можетъ быть вынесено движеніемъ, не уменьшивъ его въ такой мѣрѣ, чтобы уничтожить или ослабить результаты принятой мѣры—это г. Бліохомъ совсѣмъ не выяснено.

Но еслибы даже и было доказано, что налогъ, въ томъ видѣ, какъ его проектируетъ г. Бліохъ, представляется осуществимымъ, этого еще мало. Безъ всякаго сомнѣнія, государство можетъ и должно заботиться, чтобы желѣзнодорожное движеніе само себя окупало; но на немъ лежитъ и другая обязанность. Оно должно принять мѣры, чтобы движеніе это было *возможно дешевле*. Вѣдь

[1] Кромѣ соли и каменнаго угля, которые г. Бліохъ выдѣляетъ изъ общей массы облагаемыхъ объектовъ.

всѣ выгоды желѣзнодорожной перевозки у насъ, по крайней мѣрѣ, обусловливаются именно ея дешевизною. Поэтому, прибѣгать къ такимъ medicamenta heroica, какъ усиленное повышеніе провозныхъ платъ, можно только въ крайнемъ случаѣ. Прежде необходимо испробовать всѣ средства для увеличенія размѣра чистаго дохода, помимо этого, путемъ болѣе строгаго контроля надъ расходами дорожной операціи. Только послѣ того, какъ государство приметъ всѣ мѣры для введенія возможной экономіи въ расходованія суммъ теперь собираемыхъ съ движенія, оно будетъ имѣть основаніе требовать отъ лицъ, пользующихся дорогами, новыхъ приплатъ. Итакъ, во всякомъ случаѣ, къ предположеніямъ г. Бліоха слѣдуетъ прибавить существенную поправку.

Подобная поправка необходима и въ другомъ еще отношеніи. Разыскивая лицъ, «извлекающихъ пользу изъ желѣзныхъ дорогъ», нельзя удовлетвориться тѣми данными, которыя приводитъ г. Бліохъ. Такъ, напримѣръ, только его фантастическія исчисленія «сбереженій», которыя дѣлаетъ населеніе, благодаря желѣзнымъ дорогамъ, и могутъ доставить основаніе для обложенія всѣхъ пассажировъ, проѣзжающихъ по желѣзнымъ дорогамъ, налогомъ значительнымъ и абсолютно, и по сравненію съ товарною перевозкою. Г. Бліохъ не принимаетъ вовсе во вниманіе, что такимъ образомъ добрая часть собираемыхъ налогомъ суммъ падетъ на тощіе кошельки трудящагося народа, для котораго каждая лишняя копейка имѣетъ значеніе. Впрочемъ, мы едва ли когда-нибудь кончили бы, если задались цѣлью перечислить всѣ «поправки», которыя вызываютъ собою предложенія г. Бліоха. Повторяемъ: для практическаго рѣшенія вопроса едва ли изъ нихъ можно извлечь что-либо.

Но они представляются для насъ весьма интересными съ другой стороны и наталкиваютъ на выводы, которые г. Бліохъ едва ли имѣлъ въ виду. По нашему убѣжденію, всѣ вышеприведенные факты и соображенія очень наглядно доказываютъ несовсѣмъ нормальное положеніе, въ которомъ находятся наши желѣзныя дороги. Выше мы высказали мнѣніе, что примѣненіе къ желѣзнодорожной операціи принципа частно промышленнаго, и притомъ въ такой искуственной формѣ, какъ это имѣло у насъ мѣсто, составляло принципіальную ошибку. Послѣдствія этой ошибки теперь у насъ предъ глазами. Каково бы ни было значеніе, которое можно признать за разсчетами г. Бліоха, они несомнѣнно доказываютъ, что финансовое положеніе сѣти очень неблагопріятно для интересовъ фиска. Этотъ выводъ подтверждается, впрочемъ, и другими источниками, несомнѣнно достовѣрными: стоитъ заглянуть въ отчеты государственнаго контроля и государственный бюджетъ, чтобы убѣдиться въ этомъ. Но разборъ брошюрки г. Бліоха можетъ привести еще и къ другому выводу, именно — что изъ помянутаго печальнаго положенія *нѣтъ исхода*, по крайней мѣрѣ, въ близкомъ будущемъ, если держаться той же системы, которая до сихъ поръ господствовала въ

желѣзнодорожномъ дѣлѣ. Мы видѣли, въ самомъ дѣлѣ, что тѣ способы возвышенія дохода, которые зависятъ отъ инициативы частныхъ компаній, оказываются несостоятельными. Правильны или нѣтъ выводы г. Бліоха о томъ, что существующіе тарифы низки въ цѣломъ, мы должны, во всякомъ случаѣ, признать, что они не могутъ быть приспособлены, помимо активнаго участія правительства, къ потребностямъ операціи. Мы видѣли тѣ результаты, которые повлекло бы за собою прямое повышеніе тарифовъ. Припомнимъ, что даже возвышеніе всѣхъ провозныхъ платъ на 50% не покрыло бы, по исчисленіямъ г. Бліоха, всего дефицита операціи, такъ какъ огромная доля прибавочнаго дохода только увеличила бы дивиденды богатыхъ дорогъ. Поэтому, мы пришли къ заключенію, что общее увеличеніе провозныхъ платъ могло бы быть предпринято съ пользою только въ формѣ пошлины на перевозку. При предположеніи такой пошлины, провозная плата будетъ состоять изъ двухъ частей: одной въ пользу компаній, другой—въ пользу казны. Послѣдняя доля должна служить регуляторомъ первой и способствовать тому, чтобы излишки въ доходахъ однихъ линій шли на пополненіе недостатковъ на остальныхъ. Безъ сомнѣнія, такая цѣль и легче, и полнѣе достигалась бы при томъ условіи, если бы сѣть составляла одно цѣлое въ хозяйственномъ отношеніи; въ сущности, система, предполагаемая въ проектѣ г. Бліоха, есть несовершенный суррогатъ казеннаго управленія дорогами. Но мы видѣли, кромѣ того, что нетолько регулированіе доходовъ, а также и регулированіе издержекъ желѣзныхъ дорогъ, составляетъ настоятельную потребность. Однимъ словомъ, оказывается, что по отношенію къ обоимъ элементамъ, которыми опредѣляется финансовая успѣшность операціи—валовому доходу и расходу—частная администрація оказывается несостоятельною, и самый ходъ обстоятельствъ приводитъ насъ къ такимъ поправкамъ въ существующей организаціи желѣзнодорожнаго дѣла, которыя должны возможно приблизить ее къ противоположному типу, до сихъ поръ принципіально избѣгавшемуся. Если, такимъ образомъ, приходится признать, что опытъ примѣненія частнаго принципа къ эксплуатаціи желѣзнодорожнаго промысла оказался неудачнымъ, то естественно возникаетъ вопросъ: въ чемъ же именно могли заключаться заслуги желѣзнодорожныхъ дѣятелей, забытыя «пессимистами»? Предоставляемъ рѣшить этотъ вопросъ самому г. Бліоху.

НѢСКОЛЬКО ЗАМѢЧАНІЙ

НА СОЧИНЕНІЕ СПЕНСЕРА О ВОСПИТАНІИ.

(«Воспитаніе умственное, нравственное и физическое». Сочиненіе Герберта Спенсера. Переводъ со англійскаго. [1] Спб. 1877 г.)

Указавъ на несомнѣнныя и важныя достоинства трактата Спенсера о воспитаніи, мы упомянули въ нашей рецензіи («Отеч. Зап.» № 11, 1877 г.) и объ имѣющихся въ трактатѣ недостаткахъ, обѣщавъ, въ виду важности вопроса, поговорить о нихъ болѣе обстоятельно. Приступая теперь къ исполненію обѣщанія, считаемъ прежде всего необходимымъ сдѣлать нѣкоторую оговорку: говорить о недостаткахъ сочиненія г. Спенсера о воспитаніи, не касаясь общихъ философскихъ основъ, общаго философскаго міросозерцанія этого писателя — чрезвычайно трудно; то и другое находится въ непосредственной связи: недостатки педагогическихъ взглядовъ непосредственно обусловливаются и вытекаютъ изъ недостатковъ цѣлаго міросозерцанія. Между тѣмъ, критика всего Спенсера завлекла бы насъ слишкомъ далеко, потребовала бы отъ насъ громаднаго труда, выполнить который скоро мы врядъ-ли могли бы: разбирая выводы и обобщенія, намъ, вѣроятно, пришлось бы провѣрять и перецѣнивать и тѣ разнообразныя данныя (изъ сравнительной анатоміи, біологіи, психологіи и проч.), которыя служили посылками, основаніями для этихъ выводовъ. Только съ такого рода обстоятельною критикою и можно выступать противъ Спенсера, такъ какъ разрушать его авторитетъ голословно — довольно трудно, да мы, сознаемся откровенно, и не чувствуемъ въ себѣ такой храбрости. Наконецъ, разрушеніе авторитета Спенсера вовсе и не входитъ въ нашу задачу: имѣть Спенсера союзникомъ, идти съ нимъ до извѣстнаго рубежа чрезвычайно даже пріятно, потому что со-

---

[1] Недавно этотъ переводъ вышелъ вторымъ изданіемъ. Кромѣ этого перевода у насъ есть еще переводъ 1867 г. см. Опыты и т. д.» Спенсера, томъ III. Мы будемъ пользоваться и этимъ послѣднимъ переводомъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ, по нашему мнѣнію, будетъ лучше выражать извѣстную мысль, обозначая при этомъ—откуда что взято.

знаешь себя подъ прикрытіемъ такой научной батареи, какую не всякому судьба даетъ въ распоряженіе. Мы только не желаемъ переходить роковой рубежъ и желаемъ указать читателю —гдѣ этотъ рубежъ начинается: мы останавливаемся какъ разъ тамъ, гдѣ начинается область недостаточно доказанныхъ выводовъ и обобщеній, гдѣ начинаются компромиссы мысли и науки съ жизнью, уступки и даже логическія противорѣчія автора самому себѣ, что̀, вѣроятно, обусловливается вліяніемъ традицій и личнаго положенія философа. Вотъ почему мы и пишемъ только о сочиненіи Спенсера о воспитаніи, и пишемъ только нѣсколько замѣчаній на это сочиненіе, стараясь, по возможности, удерживаться въ этихъ предѣлахъ.

Когда Спенсеръ разбираетъ существующія системы и способы воспитанія, онъ достигаетъ той высоты научной критики, съ которою нѣтъ никакой возможности не соглашаться; мало того: онъ увлекаетъ васъ и воодушевляетъ самыми сильными стремленіями къ добру и истинѣ. Но, разъ дѣло разрушенія приведено къ концу и начинается созиданіе новой системы и новыхъ методовъ воспитанія, вы видите, что постройка новаго зданія производится какъ разъ по старому образцу. Вы не вѣрите сначала глазамъ и протираете ихъ, но фактъ становится вслѣдствіе этого только еще очевиднѣе. Вы смущены, вамъ дѣлается досадно, а пожалуй и грустно. Передъ вами не голубь-турманъ, который, ка̀къ ни залетай высоко въ небесную высь, въ какую маленькую точку ни превращайся, все равно не перелетитъ ни въ какой иной міръ — вы знаете, что сейчасъ устанутъ его крылья, и онъ, сдѣлавъ вольтъ, возвратится на крышу своей голубятни—передъ вами ученый, который съ необыкновенною силою разметалъ цѣлую гору предразсудковъ, который смѣло развѣнчалъ гордое, самодовольное и авторитетное невѣжество и который сейчасъ же затѣмъ придумываетъ законныя причины для существованія этого невѣжества и выдаетъ ему отъ имени науки патентъ на право гражданства въ жизни. Къ подобнымъ полётамъ человѣческой мысли вы не привыкли, и это тѣмъ болѣе, что въ данномъ случаѣ даже и не имѣется въ виду перелетанія въ иной міръ, чѣмъ любила заниматься когда-то философія, а дѣло состоитъ въ болѣе простыхъ вопросахъ жизни, находящихся по бо̀льшей части въ рукахъ самого же человѣчества. Вслѣдствіе такого пассажа, иной читатель можетъ отвернуться отъ Спенсера, а иной, чего добраго, придетъ въ отчаяніе за человѣческую мысль и будущую судьбу человѣчества, представивъ ее себѣ безпросвѣтною тьмою.—То и другое будетъ крайне ошибочно и крайне нецѣлесообразно.

Припомнимъ вкратцѣ важнѣйшія положенія Спенсера. «Воспитаніе дѣтей—физическое, нравственное и умственное—страшно дурно, говоритъ онъ.—Прежде всего бросается въ глаза преобладаніе украшающаго элемента надъ полезнымъ, черта, такъ часто наблюдаемая у дикихъ народовъ, которые цѣнятъ цвѣтныя

бусы дороже сукна, выносятъ страшныя муки татуированія, подпиливаютъ себѣ зубы, носятъ въ хорошую погоду плащи, а въ плохую снимаютъ ихъ, которые ходятъ по улицѣ голыми, но никогда не рѣшатся нарушить благопристойности и выйдти изъ дому неразрисованными» (1). Совершенно такое же извращеніе понятій мы видимъ и при опредѣленіи цѣнности знаній: на первомъ планѣ стоятъ у насъ не тѣ знанія, которыя наиболѣе важны, а тѣ, которыя возбуждаютъ больше похвалъ, удивленія, почестей и съ помощью которыхъ вѣрнѣе достигается положеніе въ обществѣ. «Какъ индѣецъ Ориноко, прежде, чѣмъ выйти ему изъ своей лачуги, раскрашиваетъ себя не для дѣйствительной какой нибудь выгоды, а только потому, что иначе онъ будетъ осмѣянъ, такъ и мальчика заставляютъ долбить латинскій и греческій языки не въ виду ихъ существенной необходимости, а во избѣжаніе упрека въ незнаніи этихъ языковъ, для того, чтобы онъ получилъ *воспитаніе джентльмэна*, отличіе, указывающее на извѣстное соціальное положеніе и доставляющее извѣстное уваженіе» (4). «Рожденія, кончины и браки королей и другія ничтожныя историческія свѣденія набиваются въ память не для какой нибудь прямой выгоды, но потому, что общество считаетъ это принадлежностью хорошаго воспитанія, потому что отсутствіе этихъ познаній могло бы навлечь насмѣшки» (6). «То, что̀ составляетъ собственно исторію, бо̀льшею частью выпускается изъ сочиненій объ этомъ предметѣ»... (65). «Почти ни одинъ изъ фактовъ, приводимыхъ въ нашихъ учебникахъ, и весьма не многія изъ болѣе полныхъ сочиненій, предназначаемыхъ для взрослыхъ, уясняютъ дѣйствительные принципы политическихъ дѣлъ. Біографіи монарховъ (а дѣти не изучаютъ почти ничего другаго) не даютъ почти никакого понятія о наукѣ общества. Ознакомленіе съ придворными интригами, заговорами, похищеніями власти и тому подобными событіями, и съ личностями, принимавшими въ нихъ участіе, весьма мало изъясняютъ причины національнаго прогресса» (62). Мы читаемъ о битвахъ, узнаемъ, что такъ и такъ назывались полководцы и ихъ главные подчиненные, что у каждаго изъ нихъ было столько-то тысячъ пѣхотинцевъ и кавалеріи и столько-то пушекъ, что, послѣ всѣхъ превратностей счастья въ сраженіи, побѣда была одержана такою-то стороною и т. д. (63). И все это для васъ совершенно безполезно, какъ для гражданина, да и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ. Многіе утверждаютъ, говоритъ Спенсеръ, что «это—факты, и факты интересные», и отвѣчаетъ: «правда, это—факты (тѣ, по крайней мѣрѣ, которые не вполнѣ или частью вымышлены), и для многихъ они могутъ быть интересны, но это никоимъ образомъ не доказываетъ, чтобы они были цѣнны... Страстный охотникъ до тюльпановъ не уступитъ лучшую луковицу на вѣсъ золота. Другому человѣку, повидимому, болѣе всего желательно обладать безобразнымъ осколкомъ стараго китайскаго фарфора. Еще встрѣчаются люди, которые даютъ большія

деньги за смертные останки знаменитыхъ убійцъ» (64). Но подобные фальшивые или извращенные вкусы не могутъ служить мѣриломъ цѣнности предметовъ. «Еслибы кто-нибудь сказалъ вамъ, что кошка вашего сосѣда вчера окотилась, вы сказали бы, что свѣденіе это не имѣетъ никакого значенія. Хотя это и фактъ, но вы назвали бы его крайне безполезнымъ... Примѣните это мѣрило къ большинству историческихъ фактовъ, и результаты получатся тѣ же самые... Читайте ихъ для развлеченія, если это вамъ нравится, но вовсе не полагайте, чтобы они были поучительны» (64). Конечно, говоритъ Спенсеръ, нѣтъ ни одного предмета, который не имѣлъ бы какого-нибудь значенія и изученіе котораго не приносило бы какой-нибудь пользы: изучайте разстояніе между всѣми городами, и, можетъ быть, одинъ или два факта, изъ тысячи пріобрѣтенныхъ вами, окажутъ вамъ нѣкоторую услугу при путешествіи; собирайте мелкія провинціальныя сплетни, и это можетъ случайно содѣйствовать установленію какого-нибудь полезнаго факта—хотя бы представить хорошій примѣръ наслѣдственной передачи сплетничества. «Однако, каждый согласится, что въ этихъ случаяхъ нѣтъ никакой соразмѣрности между потраченнымъ трудомъ и возможною прибылью» (10). Въ то время какъ подобными знаніями набиваютъ дѣтскія головы, въ то время когда ихъ заставляютъ изучать даже суевѣрія, господствовавшія двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ, наиболѣе важное знаніе остается въ сторонѣ. Тѣ знанія, благодаря которымъ мы достигли настоящей степени развитія и которыя теперь служатъ основаніемъ для всего нашего существованія, обыкновенно выпускаются изъ школьныхъ курсовъ, пріобрѣтаются въ темныхъ углахъ и закоулкахъ и распространяются неофиціальными путями. Не будь другого ученія, кромѣ того, которое преподается въ англійскихъ общественныхъ школахъ, гдѣ пережевываются почти однѣ только мертвыя формулы, и не продолжай люди по выходѣ изъ школы своего образованія, Англія была бы теперь тѣмъ же, чѣмъ она была въ феодальныя времена, и промышленность ея не существовала бы (47). Родители, уча дѣтей Богъ вѣсть чему, не обращаютъ никакого вниманія на знакомство ихъ съ строеніемъ и отправленіемъ ихъ собственнаго тѣла; мало того, они даже не хотятъ, чтобы ихъ учили этому». «Таково, говоритъ Спенсеръ:—подавляющее дѣйствіе рутины» (32). Въ самомъ методѣ и пріемахъ воспитанія нѣтъ ни раціональной системы, ни плана: образованіе понятій и сообщеніе знаній нетолько не ведется такъ, какъ того требуетъ психологія, т. е. чтобы переходить отъ простого къ сложному, отъ неопредѣленнаго къ опредѣленному, отъ конкретнаго къ абстрактному, отъ эмпирическаго къ раціональному, но обыкновенно ведется какъ разъ наоборотъ (137 — 45). Отвлеченные предметы, какъ напримѣръ, грамматика, вмѣсто того, чтобы изучаться какъ можно позже, преподается напротивъ очень рано; политическая географія, мертвая и неинтересная для ребенка, которая долж-

на составлять принадлежность соціологическаго изученія, также преподается слишкомъ рано, тогда какъ физическая географія, болѣе понятная и занимательная, выпускается, и т. д. Преподаваніе почти всѣхъ предметовъ идетъ неправильнымъ порядкомъ: «правила и принципы стоятъ на первомъ планѣ, вмѣсто того, чтобы раскрывать ихъ чрезъ изученіе явленій;» а въ цѣломъ «эта превратная система обученія приноситъ духъ въ жертву буквѣ» (57). Кромѣ того, учениковъ заставляютъ пассивно воспринимать чужія мысли и подавляютъ ихъ самостоятельность и индивидуальность. Затѣмъ, ихъ обременяютъ такою массою предметовъ и такъ чрезмѣрно заставляютъ заниматься умственно, что въ результатѣ получается совершенно естественное отвращеніе отъ науки и вообще отъ умственныхъ занятій, неспособность къ самостоятельнымъ изслѣдованіямъ (198), потеря физическаго здоровья и то, что «весьма немногіе изъ нихъ обладаютъ тою силою ума, какою могли бы обладать» (58). Опасность чрезмѣрнаго умственнаго воспитанія и небрежность къ физическому здоровью настолько велики, что Спенсеръ, указывая на то, что средняя продолжительность человѣческой жизни настолько ниже возможной, что «обыкновенно пропадаетъ полжизни» (30), весь конецъ своей книги (327—60 стр.) посвящаетъ доказательствамъ, что происходитъ вырожденіе современныхъ поколѣній подъ вліяніемъ этихъ причинъ. «Смотря внимательно на безпощадную школьную долбню, надо удивляться, говоритъ онъ:—ка̀къ только она переносится». Но въ особенности негодуетъ Спенсеръ на стѣсненіе дѣтской самостоятельности и процесса саморазвитія: «стремленія развивающагося ума вовсе не такія дьявольскія, какъ прежде предполагалось» (107); эти стремленія вполнѣ естественны, законны и если становятся неправильными, то по бо̀льшей части вслѣдствіе нашего неумѣлаго вмѣшательства; на нихъ вообще можно гораздо больше положиться, чѣмъ на наши размышленія, потому что мы еще очень мало знаемъ о законахъ развитія человѣческаго духа (135). Указывая на мнѣніе м-ра Марселя, что уроки должны прекращаться прежде, чѣмъ ребенокъ выкажетъ какой-нибудь признакъ утомленія, Спенсеръ требуетъ, чтобы пріобрѣтеніе знаній было непремѣнно пріятнымъ для учениковъ и чтобы на этотъ критерій смѣло и больше всего полагались при испытаніи различныхъ учебныхъ плановъ (149). Вообще, педагоги, при настоящемъ уровнѣ психологическихъ знаній, обращаются крайне самонадѣянно, произвольно, нераціонально и жестоко съ умственными способностями подростающихъ поколѣній.

Что касается физическаго воспитанія, которое совершенно отодвинуто на задній планъ, то здѣсь обнаруживается со стороны воспитывающихъ едвали не бо̀льшее еще невѣжество. Родители съ жестокою безпечностью пренебрегаютъ изученіемъ тѣхъ жизненныхъ процессовъ, на которые они непремѣнно вліяютъ своими приказаніями и запрещеніями: совершеннымъ незнаніемъ самыхъ простыхъ физіологическихъ законовъ они съ каждымъ го-

домъ все болѣе и болѣе подрываютъ здоровье своихъ дѣтей и, главнымъ образомъ, сами виноваты во всѣхъ ихъ болѣзняхъ и въ преждевременной смерти нетолько ихъ, но и ихъ потомства» (51). Чѣмъ руководствуются они, воспрещая дѣтямъ бѣгать, играть, пѣть, отказывая имъ въ пищѣ, когда они хотятъ ѣсть, или не давая имъ чего нибудь, напримѣръ фруктовъ, весьма полезныхъ для здоровья? Чѣмъ руководствуются они, держа дѣтей взаперти, лишая ихъ свѣжаго воздуха, обнажая имъ ноги и одѣвая ихъ по модѣ въ неудобное, то слишкомъ холодное, то слишкомъ теплое платье? Плачущій и недовольный ребенокъ—самое обыкновенное явленіе. Объясняя это капризомъ или тѣмъ, что животикъ болитъ, утѣшая или наказывая ребенка въ первомъ случаѣ и натирая ему чѣмъ-нибудь животикъ во второмъ, мы остаемся по бо̀льшей части совершенно съ спокойною совѣстью, тогда какъ очень можетъ быть, что какія нибудь серьёзныя потребности ребенка не удовлетворены. Мы не подумаемъ, что слёзы—не нормальное явленіе; насъ даже не трогаютъ дѣтскія слёзы, тогда какъ плачущій взрослый человѣкъ производитъ на насъ тяжелое впечатлѣніе: мы думаемъ, что дѣтямъ легко плакать, легче, чѣмъ взрослымъ, а между тѣмъ, вѣроятно, и ребенку слёзы также не легко достаются. Къ юношескимъ потребностямъ, болѣе многочисленнымъ и сложнымъ, чѣмъ у ребенка, мы еще невнимательнѣе. Тутъ у насъ выступаютъ на сцену ужъ дурное поведеніе и лѣнь—мать всѣхъ пороковъ, отъ которыхъ происходитъ все: и блѣдный цвѣтъ лица, и головная боль, и плохіе успѣхи въ наукахъ и проч., и которыя мы искореняемъ наказаніями.

«Обращаясь отъ физическаго воспитанія къ нравственному, мы видимъ, говоритъ Спенсеръ:—тоже самое невѣжество и тѣже самыя пагубныя послѣдствія» (52). Большинство родителей совсѣмъ не знаютъ природы душевныхъ движеній, ихъ развитія и проявленій. «Посмотрите, продолжаетъ онъ:—на молодую мать и на законы, издаваемые ею въ дѣтской Еще немного лѣтъ тому назадъ она была въ школѣ, гдѣ память ея набивалась именами, числами, и едва ли хоть сколько нибудь упражнялись ея мыслительныя способности, гдѣ она не получала ни малѣйшаго понятія о методахъ обращенія съ развивающимся духомъ ребенка... Промежуточные годы прошли въ упражненіяхъ музыкою, въ вышиваньяхъ, въ чтеніи повѣстей и въ выѣздахъ на вечера: еще ни разу мысль ея не обращалась на важную отвѣтственность материнства и не пріобрѣтено почти ни одного прочнаго разумнаго познанія, которое могло бы служить нѣкоторою подготовкою къ этой отвѣтственности» (52). И вотъ эта, можетъ быть, 16—17 лѣтняя мать, мать—сама почти ребенокъ, становится законодательницей для другаго существа и неограниченнымъ его властелиномъ. Не зная душевныхъ явленій, ихъ причинъ и слѣдствій, она «постоянно противодѣйствуетъ тому или другому проявленію жизни дитяти, совершенно нормальному и благотворно-

му», уменьшаетъ черезъ это счастье ребенка, заставляетъ его чуждаться себя и портитъ его и свой характеръ (53). «Вмѣшательство такой матери-воспитательницы, говоритъ Спенсеръ:—часто вреднѣе полнѣйшаго ея безучастія». Не обращая вниманія на внутреннія побужденія ребенка и заботясь только о благообразности внѣшняго поведенія, она постоянно прибѣгаетъ къ подаркамъ, возбужденію похвалъ или къ угрозамъ и «вмѣсто хорошихъ чувствъ развиваетъ лицемѣріе, трусливость, самолюбіе»; «требуя правдивости, постоянно показываетъ примѣръ лжи» (54) и т. д. Цитируя Рихтера, представившаго цѣлый длинный рядъ взаимнопротиворѣчащихъ и одностороннихъ требованій, предъявляемыхъ отцами дѣтямъ, Спенсеръ говоритъ вмѣстѣ съ нимъ: что же касается матери, то она не походитъ ни на отца, «ни даже на того арлекина, который выходитъ на сцену со связкою бумагъ въ каждой рукѣ, и когда у него спрашиваютъ, что у него въ правой рукѣ, онъ отвѣчаетъ: *приказанія*, а въ лѣвой—*отмѣна приказаній*. Ее лучше всего можно сравнить съ гигантомъ Бріареемъ, у котораго сто рукъ и въ каждой по связкѣ бумагъ» (204). Мы не думаемъ, конечно, чтобы между отцами и матерями въ дѣлѣ воспитанія была столь большая разница: несмотря на разницу въ образованіи, они ѣдутъ на одномъ полозу, причемъ въ особенности худо то, что зло отъ ихъ взаимнодѣйствія не уменьшается, а обыкновенно увеличивается. Отсутствіе того, что на обыденномъ жаргонѣ называется образованіемъ, часто бываетъ даже спасеніемъ для ребенка. Но нельзя не согласиться съ Спенсеромъ, что нѣчего, при такихъ условіяхъ ждать отъ дѣтей довѣрія, любви и уваженія къ родителямъ, ждать хорошихъ семейныхъ отношеній, которыя походили бы на дружескія и которыхъ мы обыкновенно не встрѣчаемъ нетолько между отцами и дѣтьми, но даже между братьями и сестрами, изъ которыхъ старшіе обыкновенно усвоиваютъ себѣ отношеніе къ младшимъ отъ родителей. Это въ особенности станетъ понятно, если мы обратимъ вниманіе на систему грубыхъ и часто жестокихъ наказаній, къ сожалѣнію, еще весьма распространенную даже въ образованныхъ семьяхъ, чему Спенсеръ приводитъ не мало примѣровъ. Вы, конечно, встрѣчали гораздо больше семей, гдѣ живетъ постоянный антагонизмъ, постоянная вражда, или же господствуетъ самый глубокій индиферентизмъ между родителями и дѣтьми и во взаимныхъ отношеніяхъ между дѣтьми, и, вѣроятно, не думали о томъ, что это цѣликомъ производитъ тотъ самый институтъ, который вы считаете разсадникомъ нравственности, гуманности и самой нѣжной любви и который, между тѣмъ, служитъ лучшимъ оплотомъ для невѣжества и самодурства. «Въ настоящее время, говоритъ Спенсеръ:—дѣти смотрятъ на отцовъ и матерей, какъ на дружелюбныхъ враговъ... Обыкновенно мать считаетъ достаточнымъ сказать ребенку, что она—его лучшій другъ, и думаетъ, что, если она внушитъ ему, что онъ долженъ вѣрить ей, то онъ станетъ вѣрить. «Все для твоего блага»; «я

лучше тебя знаю, что̀ тебѣ полезнѣе»; «ты слишкомъ малъ, чтобы понимать это теперь, но когда выростешь, будешь благодаренъ мнѣ», эти и подобныя имъ увѣренія повторяются ежедневно. Между тѣмъ, ребенокъ ежедневно претерпѣваетъ положительныя мученія и ежечасно ему запрещаютъ дѣлать то или другое, что̀ ему хочется. На словахъ онъ слышитъ, что его счастье составляетъ главную цѣль, но на дѣлѣ его постоянно болѣе или менѣе мучатъ. Неспособный еще понимать то будущее, которое имѣетъ въ виду его мать, или какимъ это образомъ обращеніе ведетъ къ счастью въ этомъ будущемъ, онъ судитъ по тѣмъ результатамъ, которые ощущаетъ, и. . начинаетъ относиться скептически къ ея признаніямъ въ дружественности. И не безсмысленно ли ожидать иного результата? Не долженъ ли ребенокъ разсуждать на основаніи очевидныхъ данныхъ и не должны ли эти очевидныя данныя, повидимому, оправдывать его заключенія? На его мѣстѣ мать разсуждала бы точно такъ же. Еслибы между ея знакомыми нашелся кто-нибудь, кто постоянно противорѣчилъ бы ея желаніямъ, дѣлалъ ей рѣзкіе выговоры и причинялъ настоящія страданія, то она, конечно, не обращала бы никакого вниманія на увѣренія въ заботливости объ ея благѣ... Почему же она предполагаетъ, что ребенокъ долженъ поступать иначе» (246)? А когда ребенокъ пойметъ, что бо̀льшая часть испытываемыхъ имъ запрещеній и наказаній дѣйствительно не выдерживаютъ серьёзной критики и обусловливаются родительскими капризами или недоразумѣніями, то вражда его, конечно, становится еще сильнѣе. У родителей есть еще одна большая слабость—это стремленіе къ уподобленію дѣтей самимъ себѣ. Ту же самую слабость испытывалъ герой въ гоголевской «Женитьбѣ», когда, собравшись жениться, онъ предвкушалъ наслажденіе имѣть шесть штукъ дѣтей, какъ двѣ капли воды на себя похожихъ. Не вникая здѣсь въ то, насколько подобная слабость естественна, насколько подобное желаніе достижимо и насколько исполненіе его было бы хорошо и желательно для цивилизаціи, мы указываемъ здѣсь только на то̀, что настоящія отношенія и пріемы воспитанія самымъ естественнымъ образомъ ведутъ къ тому, чтобы это желаніе родителей не исполнялось. Сколько удивленія и, повидимому, горя у курицы, когда она высиживала цыплятъ и высидѣла утятъ, которые, увидѣвъ воду, взяли да и поплыли. Сколько горя у родителей, когда они желали видѣть въ дѣтяхъ одно, а вышло изъ нихъ другое. А между тѣмъ, курица въ своемъ удивленіи и горѣ гораздо менѣе виновата, потому что у нея подмѣнили яйца, тогда какъ люди сами создали для себя свое горе и удивленіе. Въ связи съ стремленіемъ родителей къ самоуподобленію дѣтей и некомпетентностью ихъ въ дѣлѣ воспитанія, нельзя не обратить вниманія еще на слѣдующее указаніе Спенсера: «Вообще предполагаютъ, говоритъ онъ:—обсуждая вопросы домашней дисциплины, какъ относительно управленія семьей, такъ и относитель-

но управленія націей, что правители соединяютъ въ себѣ добродѣтели, а управляемые пороки» (206), тогда какъ это, по крайней мѣрѣ, относительно семьи, по бо̀льшей части бываетъ наоборотъ (207). И въ самомъ дѣлѣ, люди, съ которыми мы имѣемъ дѣла и встрѣчаемся въ обществѣ, далеко неотличаются катоновской нравственностью и тѣмъ болѣе далеко не совершенныя существа. Мы видимъ ежедневные скандалы, доносы, злостныя банкротства, тяжбы, насилія надъ человѣческой личностью и вообще постоянно наталкиваемся на преобладаніе «эгоизма, безчестности и грубости»; но, какъ только начинаемъ мы судить «объ управленіи въ дѣтской или разсматриваемъ дурное поведеніе юношей, то обыкновенно, бываемъ вполнѣ увѣрены, что эти порочныя лица избавлены отъ нравственныхъ проступковъ въ дѣлѣ воспитанія» (207). Не говоря уже о томъ, что въ большинствѣ случаевъ, въ силу законовъ наслѣдственности, «тѣ дурныя наклонности, которыя родителямъ приходится искоренять въ дѣтяхъ, подразумѣваются въ нихъ же самихъ, скрываясь, можетъ быть, отъ глазъ общества», нельзя имѣть ни малѣйшей надежды «на общее примѣненіе какой-нибудь идеальной системы воспитанія», потому что родители недостаточно хороши для этого (210). Спенсеръ указываетъ при этомъ еще на одинъ важный пробѣлъ въ воспитаніи—на то, что «о воспитаніи дѣтей не дается ни малѣйшаго свѣдѣнія тѣмъ, которые со-временемъ будутъ родителями». «Еслибы, говоритъ онъ:—по какому-нибудь случаю, отъ нашего времени не дошло до отдаленнаго будущаго ничего, кромѣ груды школьныхъ учебниковъ или журналовъ какого-нибудь коллегіума, то мы можемъ себѣ представить, ка̀къ былъ бы пораженъ антикварій этого періода, не найдя въ немъ ни малѣйшаго указанія на то̀, что ученики могутъ сдѣлаться когда-нибудь родителями. «Это, должно быть, курсъ для безбрачныхъ»—такъ заключилъ бы онъ, вѣроятно. «Я вижу здѣсь заботливую подготовку къ различнымъ предметамъ, особенно къ чтенію книгъ вымершихъ народовъ и еще существующихъ (изъ чего ясно, конечно, что народъ этотъ имѣлъ весьма мало достойныхъ произведеній на своемъ родномъ языкѣ); но я не нахожу никакого намека на воспитаніе дѣтей. Не могли же они быть такъ нелѣпы, чтобы исключить всякую подготовку къ этой наиважнѣйшей изъ всѣхъ отвѣтственностей? Поэтому, очевидно, это былъ курсъ одного изъ монашескихъ орденовъ» (48). Такъ иронизируетъ Спенсеръ, находя даже *чудовищнымъ* тотъ порядокъ вещей, что «судьба новаго поколѣнія оставляется на произволъ нелѣпыхъ привычекъ, побужденій и фантазіи» такихъ невѣжественныхъ воспитателей. Приготовленіе дѣтей къ роли родителей должно быть *вѣнцомъ* всякаго курса, мужскаго и женскаго. Еслибы, говоритъ онъ:—купецъ начиналъ свое дѣло безъ знанія ариѳметики и бухгалтеріи, мы ждали бы плохихъ результатовъ отъ его торговли; еслибы человѣкъ, не изучивъ анатоміи, выдавалъ себя за хирурга—«мы удивились бы его смѣлости и пожа-

лѣли бы его паціентовъ»; а когда родители приступаютъ къ гораздо болѣе трудному дѣлу воспитанія, «ни разу не подумавъ о началахъ физическихъ, нравственныхъ и интеллектуальныхъ, которыми они должны руководствоваться, то мы не изъявляемъ ни удивленія къ дѣйствующимъ лицамъ, ни жалости къ ихъ жертвамъ» (49). Прибавьте только, говоритъ онъ:—къ десяткамъ тысячъ убитыхъ сотни тысячъ слабосильныхъ и болѣзненныхъ, остающихся въ живыхъ, и мильйоны дѣтей, выростающихъ не съ столь крѣпкимъ сложеніемъ, какое должно бы быть, да присовокупите къ этому громадную нравственную порчу и порчу умственныхъ способностей, и — вы получите нѣтоторое понятіе о томъ вредѣ, какой причиняется родителями и воспитателями, не знающими законовъ жизни. Задача воспитанія настолько велика и серьёзна, что Спенсеръ полагаетъ, что «истинное воспитаніе можетъ исполняться только настоящимъ философомъ» (132).

Таковы взгляды Спенсера на существующее воспитаніе. Повторяемъ, что со всѣми его доводами въ данномъ случаѣ трудно не согласиться. Но посмотримъ теперь на отрицательныя стороны трактата о воспитаніи.

Говоря, что знаніе должно приготовлять человѣка для жизни, Спенсеръ высказываетъ: «кàкъ жить? вотъ главный для насъ вопросъ. Кàкъ обращаться съ тѣломъ, съ умомъ, кàкъ вести дѣла, семью, кàкъ дѣйствовать въ роли гражданина, кàкъ воспользоваться всѣми источниками счастья, которыми снабжаетъ насъ природа, кàкъ употреблять всѣ наши способности съ наибòльшей выгодой для насъ и для другихъ—кàкъ жить наиболѣе полно». Подобный взглядъ на знаніе есть, разумѣется, самый вѣрный: знаніе, не могущее быть примѣненнымъ къ жизни, всегда будетъ предметомъ прихоти и мертвымъ, ненужнымъ балластомъ. Выдвигая естественныя науки на первый планъ и отодвигая мертвые языки и чисто умозрительныя науки на второй планъ, Спенсеръ еще меньше, чѣмъ кто либо изъ естественниковъ, впадаетъ въ узкій утилитаризмъ, въ которомъ такъ любили изобличать естественниковъ классики и любители отвлеченнаго мышленія, изобличать во имя умственныхъ наслажденій созерцать времена, давно прошедшія, или постигать непостижимое и обнимать необъятное. Пути къ истинѣ, открываемые естественными науками, вѣроятно, короче путей, открывавшихся лингвистикой и спекулятивной философіей, а наслажденія, испытанныя Ньютономъ, Лапласомъ, Коперникомъ и вообще астрономами, геологами, физіологами и микроскопистами, вѣроятно, гораздо возвышеннѣе наслажденій, испытываемыхъ при изученіи какого нибудь Эсхила или метафизическихъ гаданій о душѣ. Но положеніе, высказанное Спенсеромъ, довольно растяжимо; слова: *кàкъ вести дѣла, кàкъ пользоваться источниками счастья и вообще, кàкъ жить наиболѣе полно*—довольно неопредѣленны. Посмотримъ поближе, кàкъ ихъ понимаетъ Спенсеръ. Классифицируя знанія, опредѣляя ихъ цѣнность «по степени важности главныхъ родовъ

дѣятельностей, составляющихъ человѣческую жизнь» [1], онъ группируетъ эти дѣятельности слѣдующимъ образомъ: 1) тѣ дѣятельности, которыя непосредственно ведутъ къ самосохраненію; 2) тѣ дѣятельности, которыя посредственно ведутъ къ самосохраненію, обезпечивая жизненныя потребности; 3) тѣ дѣятельности, которыя имѣютъ цѣлью содержаніе и воспитаніе потомства; 4) тѣ дѣятельности, которыя заключаются въ установленіи хорошихъ соціальныхъ и политическихъ отношеній; 5) тѣ разнообразныя дѣятельности, которыя наполняютъ досугъ жизни, посвящаясь удовлетворенію чувствъ и вкусовъ». «Таковъ, говоритъ Спенсеръ:—раціональный порядокъ соподчиненія различныхъ дѣятельностей, съ которыми должно согласоваться воспитаніе». Прочитавъ эту классификацію, мы находимся въ самомъ узлѣ вопроса: дѣятельности посредственнаго самосохраненія, заключающіяся въ обезпеченіи жизненныхъ потребностей (о дѣятельностяхъ непосредственнаго самосохраненія говорить нѣчего, такъ какъ о нихъ заботится сама природа), а равно и дѣятельности, имѣющія цѣлью содержаніе и воспитаніе потомства, поставлены выше дѣятельностей гражданскихъ для установленія хорошихъ соціальныхъ и политическихъ отношеній, и только дѣятельностямъ, наполняющимъ досугъ жизни, т. е. занятіямъ музыкой, поэзіей, живописью и другими искуствами, отведено болѣе низкое мѣсто. Очень можетъ быть, что подобная классификація и вѣрна съ естественно-исторической точки зрѣнія: человѣкъ, вѣроятно, прежде всего думалъ о внѣшнихъ опасностяхъ, грозившихъ его жизни и благосостоянію, затѣмъ объ обезпеченіи себя жизненными потребностями на зиму, неурожай и другіе случаи и, наконецъ, о содержаніи и воспитаніи потомства. Такъ, вѣроятно, это и было до тѣхъ поръ, пока на землѣ существовали только семейства и не явились болѣе сложныя формы общежитія—роды, союзы и государства, пока не явилось человѣческое общество, продолжающее развиваться и усложняться. (Вѣроятно, человѣкъ и до появленія этихъ общественныхъ формъ на досугѣ занимался какою-нибудь эстетикой, такъ что съ естественно-исторической точки зрѣнія слѣдовало бы поставить и эстетическія дѣятельности выше общественныхъ). Самое возникновеніе общественныхъ формъ явилось въ видахъ наилучшаго достиженія сообща вышеуказанныхъ цѣлей, т. е. личной безопасности, болѣе обезпеченной жизни и лучшаго воспитанія подростающихъ поколѣній—съ этимъ, вѣроятно, теперь никто спорить не будетъ, такъ какъ это давно уже вошло во всѣ руководства государственнаго, гражданскаго и полицейскаго права. Но съ этимъ вмѣстѣ, т. е. съ появленіемъ общества, являются на сцену и новые роды дѣятельности—гражданской и политической, которые такъ же обязательны для человѣка, какъ и дѣятельности, ведущія къ непосредственному самосохраненію, потому что человѣкъ те-

[1] Опыты, т. III стр. 18.

перь безъ общества такъ же не мыслимъ, какъ и безъ воздуха, потому что онъ гораздо больше зависитъ отъ общества, чѣмъ отъ природы. Вотъ какъ превосходно выразилъ эту глубокую и всестороннюю зависимость другой англійскій философъ—Льюисъ: «нравственныя отношенія не мыслимы безъ общества... Разсудокъ и совѣсть суть соціальныя функціи; ихъ частныя проявленія строго опредѣляются соціальной статистикой, т. е. состояніемъ общественнаго организма въ данное время, состояніемъ, которое, въ свою очередь, опредѣляется ими. Языкъ, на которомъ мы думаемъ, и понятія, которыя мы употребляемъ, строй нашихъ умовъ и способы изслѣдованія, все это—общественные продукты, опредѣляемые дѣятельностями коллективной жизни. Законы интеллектуальнаго прогресса читаются въ исторіи, а не въ индивидуальномъ опытѣ. Мы дышимъ соціальнымъ воздухомъ, потому что наши мысли въ значительной степени зависятъ отъ того, что̀ думали другіе. Сегодняшій парадоксъ будетъ завтра общимъ мѣстомъ. Истины, для открытія и установленія которыхъ потребовалось нѣсколько поколѣній, признаются теперь врожденными. Даже открытія подчинены своему закону и составляютъ индивидуальное произведеніе лишь въ той мѣрѣ, въ какой одинъ голосъ высказываетъ членораздѣльно то, что̀ было болѣе или менѣе нечленораздѣльнымъ въ общей мысли [1]». Общество беретъ на себя множество индивидуальныхъ дѣятельностей, которыя человѣкъ прежде исполнялъ самъ съ громаднымъ трудомъ или исполненіе которыхъ единичными усиліями было для него немыслимо, и оставляетъ на долю личности такого рода дѣятельности, которыя она можетъ выполнять лучше или выполненіе которыхъ представляетъ для нея наслажденіе. Уже изъ одного этого понятно — насколько важно для каждой отдѣльной личности участіе въ общественныхъ дѣлахъ, насколько важно для самого общества это участіе и насколько оно обязательно для каждаго гражданина. Чѣмъ общество больше гарантируетъ каждому отдѣльному индивидууму благополучія, свободы и условій для его всесторонняго развитія, тѣмъ лучше оно выполняетъ свое назначеніе; но, съ другой стороны, оно требуетъ и отъ каждаго отдѣльнаго индивидуума: во 1) содѣйствія себѣ, а во 2), чтобы онъ своими индивидуальными дѣятельностями не вредилъ другимъ. Таковы элементарныя условія общества. Вопросы объ обществѣ и личности, о ихъ взаимныхъ правахъ и обязанностяхъ, немногимъ развѣ менѣе стары, чѣмъ свѣтъ. О нихъ толковалъ древній міръ, о нихъ толковалъ когда то Бентамъ и толкуютъ еще и теперь; о нихъ толковали философы, юристы, политики, экономисты и даже, съ Божьей помощью, теологи. Теоретически вопросы эти еще разрѣшались болѣе или менѣе удовлетворительно, въ особенности въ XVIII в., но на практикѣ всегда встрѣчались затрудненія: одни, какъ греческіе и римскіе писате-

[1] «Вопросы о жизни и духѣ» т. I, стр. 175.

ли, признавая личность гражданъ, не признавали личности рабовъ, другіе признавали цѣлесообразнымъ ограничивать права крѣпостныхъ, третьи — неимущихъ, четвертые, провозглашая полную равноправность, не обращали въ то же время вниманія на существовавшую уже экономическую зависимость однихъ отъ другихъ и на проистекавшую отсюда неравноправность. Въ связи съ этимъ, и отношенія людей къ государству были совершенно различны: одни управляли имъ и заставляли его служить себѣ, другіе только служили ему. XVIII-й вѣкъ, съ его просвѣтительною философіею, очень много сдѣлалъ для окончательнаго освобожденія человѣческой личности, но, провозгласивъ политическую равноправность, онъ оставилъ, однако, много вопросовъ нетронутыми, вслѣдствіе чего положеніе вещей мало измѣнилось по существу и приняло только иную форму. Еще не успѣло погаснуть зарево революціи, какъ уже стали отлагаться элементы болѣзни, удручавшей общество, какъ появились старые призраки, которые и начали переливать новое вино въ старые мѣхи. Конечно, говорить теперь, какъ это говорилось нѣкогда, о подавленіи личности ради государства и о воспитаніи въ этомъ смыслѣ подрастающихъ поколѣній—никто уже не будетъ: къ счастію, уже пріобрѣла права гражданства та простая мысль, что не для чиновниковъ и разныхъ учрежденій существуетъ народъ, а чиновники и учрежденія—для народа, что не личность существуетъ для государства, а государство для личности. Вѣроятно, теперь уже никто не сомнѣвается въ томъ, что личность, страдающая, мыслящая и творящая прогрессъ, есть фокусъ, куда должны быть направлены всѣ человѣческія усилія и помышленія, что ея независимость, свобода, благосостояніе и развитіе—суть главныя задачи и обязанности всякаго человѣческаго общества, и что именно по стольку общество и хорошо, по скольку оно выполняетъ эти задачи.— Справедливость и заботливость государства расширяются, въ силу требованій времени, все на бо̀льшее и бо̀льшее число людей; но вмѣстѣ съ тѣмъ и является вопросъ: съ одной стороны о дѣятельностяхъ вредныхъ для другихъ лицъ, интересы которыхъ оно охраняетъ, а, съ другой стороны, о расширеніи частныхъ дѣятельностей, полезныхъ для общества, напримѣръ, свободы науки, печати, передвиженія и т. п. Мы читаемъ въ нѣкоторыхъ европейскихъ конституціяхъ, что наука и ея ученія свободны, мы находимъ въ нѣкоторыхъ государствахъ неограниченную свободу слова и отсутствіе паспортной системы. Правда, все это не представляетъ еще общаго факта и встрѣчается только въ наиболѣе цивилизованныхъ государствахъ, правда, что человѣчество идетъ по этому пути съ нѣкоторою робостью, постоянно останавливаясь и озираясь, или, подъ давленіемъ реакціи, временно возвращаясь вспять; но дѣло въ томъ, что совсѣмъ повернуть назадъ съ этого пути оно не можетъ. Съ другой стороны, мы видимъ ограниченіе нѣкоторыхъ дѣятельностей: такъ, напримѣръ, общество нашло нужнымъ стѣснить дѣятельность ростовщиковъ,

и нетолько никто въ просвѣщенныхъ странахъ ничего противъ этого не имѣетъ, но даже, чѣмъ просвѣщеннѣе и либеральнѣе страна (какъ, напримѣръ, Америка), тѣмъ эта профессія болѣе регламентируется. По всей вѣроятности, съ теченіемъ времени, будутъ стѣснены и многія другія дѣятельности, несомнѣнно вредныя для общества, и въ особенности такія изъ нихъ, которыя самому стѣсняемому не приносятъ ни умственной, ни нравственной пользы, а только служатъ его своекорыстію. Регламентированіе желѣзныхъ дорогъ, фабрикъ и работы малолѣтнихъ все болѣе и болѣе распространяется. Буржуазные экономисты и хозяева, конечно, находятъ подобныя стѣсненія возмутительными, несправедливыми и вредными для общественнаго богатства. Но точно также вопили и ростовщики, и имѣли полное право вопить въ силу той же самой логики; они также могли ссылаться нетолько на временное облегченіе нуждающихся, которымъ, можетъ быть, грозила смерть, но и на историческія свои заслуги въ дѣлѣ кредита и экономическаго прогресса вообще, что̀, по достоинству, уже оцѣнено экономистами и занесено въ исторію политической экономіи. Писатели, полагавшіе, что личность сама, въ силу своего духовнаго развитія, не станетъ вредить другимъ, не имѣли еще случая видѣть въ обширныхъ размѣрахъ осуществленія своего предположенія и, по всей вѣроятности, долго еще не увидятъ его, такъ какъ, при настоящихъ условіяхъ воспитанія и настоящемъ строѣ жизни, трудно ожидать, чтобы личность могла развиться до необходимой для этого высоты. Такія личности составляютъ только рѣдкое исключеніе. Обыкновенно же, какъ прежде, такъ и теперь, являлось и является нѣчто внѣшнее, что̀ контролируетъ и регулируетъ дѣйствія личности: то религія, то законъ, то полицейскій или вотчинный надзоръ; въ акціонерныхъ обществахъ устроиваются повѣрочные совѣты и назначаются ревизіонныя комиссіи; въ конституціонныхъ государствахъ разныя наблюдательныя, задерживающія и контролирующія инстанціи, которымъ, въ свою очередь, стремятся придать коллегіальное устройство; наконецъ, является гласность, т. е. контроль всего общества и т. п. При чемъ слѣдуетъ замѣтить, что изъ всѣхъ видовъ такого контроля лучшій—есть, разумѣется, тотъ, который наименѣе всего тяжолъ и чувствителенъ для личности. Да, строгій контроль кромѣ того, обыкновенно и не достигаетъ цѣли, точно такъ же, какъ не достигали никогда цѣли строжайшіе полицейскіе надзоры и страшнѣйшіе уголовные законы, дававшіе только страшную силу произволу чиновниковъ надъ гражданами. Люди удерживаются отъ нарушеній правъ другаго человѣка гораздо больше не внѣшними строгостями, а внутренними мотивами: преступленія уменьшаются съ развитіемъ цивилизаціи, съ улучшеніемъ благосостоянія массъ, съ улучшеніемъ формъ общежитія, съ увеличеніемъ свободы, а не вслѣдствіе драконовскихъ законовъ. Мы не раздѣляемъ, конечно, мнѣнія тѣхъ людей, которые не вѣрятъ, что личность можетъ настолько

развиться умственно и нравственно, чтобы не вредить другимъ; мы даже думаемъ, что и теперешніе люди, при извѣстныхъ условіяхъ, вполнѣ способны для этого: поставьте только ихъ въ иную, болѣе гармоническую общественную обстановку, и вы увидите, что отсутствіе контроля нетолько не превратитъ землю въ арену бо̀льшихъ правонарушеній и въ храмъ бо̀льшихъ скорбей, но мы навѣрное даже увидимъ много самопожертвованія и самой беззавѣтной преданности обществу. Тѣмъ болѣе мы можемъ ожидать этого тогда, когда люди будутъ приготовляться къ этому воспитаніемъ и будутъ видѣть въ гражданской дѣятельности не послѣднюю или предпослѣднюю, а первую необходимость. Вы, конечно, не разъ слышали такую мысль, что, еслибы всѣ люди перестали бы вредить другъ другу, то и каждый отдѣльный человѣкъ пересталъ вредить другимъ. Въ этомъ, конечно, есть доля истины, но обыкновенно этотъ избитый труизмъ употребляютъ люди для самоуспокоенія и самооправданія. Такихъ софизмовъ придумано человѣкомъ великое множество: «еслибы не взялъ я (то, что̀ плохо лежитъ)—взялъ бы другой»; «еслибы всѣ не подавали руку и не знались съ Овсянниковыми и Юханцевыми—не знался бы и я»; «еслибы я не бралъ взятокъ, то надо мною всѣ смѣялись бы, такъ какъ у насъ всѣ берутъ» и т. д. Но надо же кому нибудь начинать, надо же кому нибудь переставать брать взятки. Воспитаніе, по нашему мнѣнію, здѣсь играетъ большую роль. Съ этой именно стороны мы и смотримъ на воспитаніе, и здѣсь у насъ второе разногласіе съ Спенсеромъ: мы сейчасъ увидимъ, насколько предлагаемое имъ воспитаніе не соотвѣтствуетъ развитію личности съ гражданской и нравственной точки зрѣнія. Передъ человѣкомъ, вступающимъ въ жизнь, становится прежде всего слѣдующій вопросъ: что̀ онъ намѣренъ и что̀ будетъ дѣлать въ жизни? Онъ можетъ посвятить себя наукамъ и искуствамъ, можетъ посвятить себя облегченію процесса борьбы человѣка съ природой и самъ непосредственно войти въ эту борьбу, можетъ посвятить себя облегченію участи слабыхъ и угнетенныхъ жизнью людей, содѣйствовать внесенію бо̀льшей справедливости въ людскія отношенія и можетъ сдѣлаться, напротивъ, ярымъ сторонникомъ рутины и приспособиться прямо или косвенно къ эсплуатаціи труда. Въ настоящее время, технологическій прогрессъ, съ одной стороны, и усложнившіяся общественныя отношенія—съ другой, сдѣлали то, что жизнь состоитъ гораздо больше изъ борьбы человѣка съ человѣкомъ, чѣмъ изъ борьбы съ природой. Вы видите огромную массу людей (почти все то, что̀ не работаетъ мускулами и не занимается нѣкоторыми спеціальными науками и ихъ примѣненіемъ), которые не имѣютъ никакого отношенія къ природѣ. Купецъ, рантье, банкиръ, фабрикантъ и проч. и проч. имѣютъ дѣло гораздо больше съ эксплуатаціей труда и другъ друга, чѣмъ съ эксплуатаціей природы; даже тотъ крестьянинъ, который, пашетъ землю, и тотъ рабочій, который сидитъ въ ка-

менноугольной шахтѣ, имѣя уже самое непосредственное соприкосновеніе съ природой, гораздо меньше имѣетъ борьбы съ нею, чѣмъ съ человѣкомъ. При такихъ условіяхъ, выраженіе «пробить дорогу въ свѣтѣ», выраженіе, означающее пріобрѣтеніе хорошихъ или болѣе или менѣе приличныхъ средствъ для существованія, выраженіе, которое такъ часто слышится въ обществѣ и которое употребляетъ и доброжелательный къ молодому человѣку Спенсеръ, гораздо чаще означаетъ именно приспособленіе къ эксплуатаціи труда, а не что либо другое. Конечно, Спенсеръ не на столько простъ и безтактенъ, чтобы говорить это прямо, но это само собою у него предполагается и выходитъ, какъ вещь совершенно естественная. — Онъ, какъ увидимъ ниже, имѣетъ преимущественно въ виду дѣтей достаточныхъ классовъ, и они то именно и должны пробить себѣ дорогу въ свѣтѣ. Главнымъ образомъ, для этого же имъ должны служить и тѣ дѣйствительно полезныя знанія, которыя Спенсеръ имъ рекомендуетъ, желая, чтобы они съ пользою для себя прилагали ихъ во всѣхъ родахъ дѣятельности, до мелочной торговли включительно. Вотъ какія небезъинтересныя соображенія онъ высказываетъ по этому поводу. Говоря о необходимости изученія естественныхъ наукъ вообще и біологіи и соціологіи въ частности, онъ говоритъ: «Всякій человѣкъ, который непосредственно или косвенно вовлеченъ въ какую нибудь отрасль индустріи (а мало такихъ людей, съ которыми этого не бываетъ), имѣетъ до извѣстной степени дѣло съ математическими, физическими и химическими свойствами вещей, имѣетъ, можетъ быть, прямой интересъ въ біологіи и, во всякомъ случаѣ, въ соціологіи. Отъ знанія одной или нѣсколькихъ изъ этихъ наукъ въ сильной степени зависитъ успѣхъ въ томъ косвенномъ самосохраненіи, *которое мы называемъ хорошимъ кускомъ хлѣба:* можетъ быть, тутъ не требуется раціональнаго знанія, но тѣмъ не менѣе знаніе, хотя и эмпирическое необходимо. То, что мы называемъ изученіемъ практическаго дѣла, предполагаетъ изученіе науки, на которой оно основано, хотя, можетъ быть, такое занятіе и не называется изученіемъ науки. Научная подготовка весьма важна нетолько потому, что приготовляетъ ко всему этому, но и потому, что раціональное знаніе имѣетъ огромное преимущество надъ эмпирическимъ. Кромѣ того, научные пріемы нужны нетолько для каждаго, желающаго понимать, *почему и какъ* происходятъ вещи и процессы, съ которыми онъ имѣетъ дѣло, какъ дѣятель производства или распредѣленія; но часто бываютъ необходимы, чтобы понимать, *почему и какъ* происходятъ различныя другія вещи и процессы. Въ наше время операцій съ ассоціонными капиталами, почти всякій человѣкъ, стоящій выше простого земледѣльца, заинтересованъ, какъ капиталистъ, въ какомъ нибудь предпріятіи, кромѣ собственнаго; а, разъ онъ заинтересованъ такимъ образомъ, его барышъ или убытокъ зависитъ отъ знанія наукъ, относящихся до того или другого предпріятія. Вотъ угольная

копь, на разработкѣ которой многіе акціонеры раззорились оттого, что не знали, что извѣстное ископаемое принадлежитъ къ слою, ниже которого не находятъ каменнаго угля. Безчисленныя попытки построить электро-магнитныя машины были сдѣланы въ надеждѣ замѣнить паръ; но еслибы люди, дававшіе деньги, понимали общіе законы соотношенія силъ, то могли бы имѣть болѣе пріятные счеты у своихъ банкировъ. Ежедневно уговариваютъ людей на участіе въ выполненіи изобрѣтеній, ничтожность которыхъ могъ бы доказать первый новичекъ въ наукѣ. Едва ли найдется мѣстность, которая не имѣла бы свою исторію растраченныхъ на невозможные проэкты состояній» (33 и 34 стр.). Хорошій кусокъ хлѣба, подъ которымъ, вѣроятно, подразумѣвается хорошій бифстексъ, пулярдка, бутылка хорошаго портера и многое другое, стоятъ, какъ видите, на первомъ планѣ. Но тутъ намъ разомъ представляется нѣсколько недоразумѣній. Сколько нѣжной предусмотрительности въ этихъ заботахъ о пріятныхъ счетахъ у банкировъ и въ обереганіи капиталистовъ отъ непроизводительной затраты ихъ капиталовъ на изобрѣтенія. Нужно замѣтить, что далеко не всякое изобрѣтеніе можно распознать и опредѣлить его достоинство только на основаніи знанія «общихъ законовъ соотношенія силъ», которыя находятся въ учебникахъ. Наиболѣе важныхъ изобрѣтеній обыкновенно не признаютъ офиціальные ученые, пока онѣ не осуществились практически. Съ новымъ изобрѣтеніемъ нерѣдко бываетъ связано и новое соотношеніе силъ. Тьеръ, вѣроятно, зналъ о силѣ пара изъ учебниковъ, но, какъ извѣстно, отрицалъ примѣнимость его къ желѣзнымъ дорогамъ; а какъ сильно когда-то сомнѣвалась и ратовала ученая рутина противъ того, что земля вращается вокругъ солнца? Спенсеръ, рѣшающійся, на основаніи знанія общихъ законовъ соотношенія силъ, отрицать возможность изобрѣтенія выгоднаго электро-магнитнаго двигателя, очевидно сдѣлалъ слишкомъ поспѣшное заключеніе, заплативъ дань рутинѣ. Что касается до учебниковъ, то руководиться ими очень трудно, такъ какъ они всегда значительно отстаютъ отъ науки. Наконецъ, не дѣлайся опытовъ надъ электричествомъ, мы, конечно, не узнали бы никогда о телефонѣ и фонографѣ, рѣшительно непредусмотрѣнномъ учебниками, хотя нельзя того же сказать о вновь сгущенныхъ газахъ (водородѣ, азотѣ и кислородѣ). Растраченныхъ на опыты состояній, вѣроятно, гораздо меньше, чѣмъ состояній прожитыхъ и обращенныхъ въ предметы роскоши и мертвыя постройки. Въ данномъ случаѣ скорѣе можно пожалѣть, что мало тратится денегъ на изобрѣтенія, а равно пожалѣть и изобрѣтателей, которыхъ обираютъ и забираютъ въ свои руки капиталисты и особая порода—реализаторовъ и учредителей компаній для эксплуатаціи изобрѣтеній. И въ особенности все это странно слышать отъ Спенсера, такъ сильно ратующаго противъ рутины и не далѣе какъ на 35 стр., говорящаго слѣдующее: «жизненное знаніе, то̀, благодаря

которому мы достигли настоящей степени развитія и которое теперь служитъ основаніемъ всего нашего существованія, пріобрѣтено въ темныхъ углахъ и закоулкахъ, тогда какъ присяжные дѣятели обученія пережовывали почти однѣ только мертвыя формулы»; «наша промышленность остановилась бы, еслибы люди не пріобрѣтали свѣдѣній послѣ того, какъ образованіе ихъ считается оконченнымъ»; безъ этихъ свѣдѣній, вѣками накопленныхъ и распространенныхъ неофиціальными путями, настоящая промышленность не существсвала бы» и «Англія была бы теперь тѣмъ же, чѣмъ была въ феодольныя времена». Но въ особенности интересно для насъ это примѣненіе науки (въ особенности, біологіи и соціологіи) къ торговлѣ, акціонернымъ компаніямъ, фабрикамъ и проч., примѣненіе, имѣющее преимущественно въ виду пріятные счеты у банкировъ... Вотъ какъ болѣе подробно говоритъ по этому поводу Спенсеръ: «Не одинъ только фабрикантъ и купецъ должны вести свои дѣла по разсчетамъ спроса и предложенія, которые основаны на безчисленныхъ фактахъ и на безмолвномъ признаніи различныхъ общихъ принциповъ соціальныхъ дѣйствій, но даже мелочной торговецъ долженъ дѣлать тоже самое: успѣхъ его зависитъ главнымъ образомъ отъ вѣрности его сужденія относительно будущихъ оптовыхъ цѣнъ и будущихъ размѣровъ потребленія». Ergo, наука нужна для всякаго заинтересованнаго въ промышленности и коммерціи, а не заинтересованныхъ теперь мало, говоритъ Спенсеръ, совершенно, повидимому, забывая, что европейскіе образованные купцы дошли до совершенства въ эксплуатаціи громадныхъ народныхъ массъ, не заинтересованныхъ въ промышленной и коммерческой дѣятельности въ качествѣ предпринимателей, капиталистовъ и вообще извлекателей барышей. Тутъ Спенсеръ переходитъ уже въ такой односторонній и узкій утилитаризмъ, такъ гнетъ науку къ буржуазнымъ интересамъ, что можно усомниться въ такомъ употребленіи ея, какъ общаго достоянія. Можно усомниться также и на счетъ воспитанія въ такомъ духѣ подростающихъ поколѣній. Совершенно соглашаясь съ Спенсеромъ относительно дурного вліянія классическихъ школъ на умъ и чувства дѣтей, вліянія, притупляющаго умственныя способности, развивающаго слѣпое поклоненіе авторитетамъ и проч., мы, однако, думаемъ, что мало будетъ толку и въ тѣхъ реалистахъ, прошедшихъ черезъ школу Спенсера, которые будутъ не хуже классиковъ думать прежде всего о хлѣбныхъ интересахъ, будутъ сидѣть въ лавочкахъ, трактирахъ и кабакахъ, прилагая результаты науки къ этимъ профессіямъ. Докторъ Эразмъ у Эскироса совѣтуетъ своему сыну не поступать въ чиновники: «Если, говоритъ онъ:—ты не хочешь продавать честь и свободу, если не хочешь губить отечество, то не служи правительству, которое губитъ его, а ступай въ ряды оппозиціи». Точно также и мы посовѣтовали бы нашему молодому человѣку не сидѣть въ мелочныхъ лавкахъ и не заводить кабаковъ и трактировъ, предо-

ставивъ эти занятія тѣмъ, кто чувствуетъ къ нимъ призваніе или не найдетъ въ жизни ничего лучшаго. Въ особенности печальны должны быть результаты, когда меркантильныя цѣли будутъ выдвигаться на первый планъ, когда наука будетъ играть подчиненную имъ роль, а высшіе интересы, высшія гражданскія, нравственныя и научныя цѣли отодвинутся, вслѣдствіе этого, на задній планъ. При возможности ограничиться элементарными или какими-нибудь узко-техническими знаніями (а для практики, для наживанія барышей обыкновенно больше и не требуется), можетъ выйти нѣчто крайне непривлекательное и крайне нежелательное: можетъ ли быть что-нибудь отвратительнѣе самодовольнаго невѣжества, считающаго себя исполненнымъ учености? Кому случалось бывать въ обществѣ иностранныхъ негоціантовъ или слышать, кáкъ, положимъ, какой-нибудь нѣмецкій булочникъ, умѣющій дѣлать только свой шмандъ-кухенъ да читать библію, гордится своимъ просвѣщеніемъ и третируетъ простого мужика, тотъ пойметъ, кáкъ отвратительно и безнадежно для цивилизаціи подобное состояніе человѣческаго ума. Еще отвратительнѣе и опаснѣе для цивилизаціи тѣ люди, которые идутъ дальше въ наукѣ и примѣняютъ ее къ эксплуатаціи труда, которые иногда сами разработываютъ науку и вносятъ въ нее меркантильное направленіе. Мы, къ сожалѣнію, очень часто видимъ въ жизни совмѣщеніе высшаго образованія и даже возвышеннаго строя мыслей съ ультра-практическими наклонностями: горный инженеръ имѣетъ сапожную лавку и, мечтая о геологическихъ переворотахъ, торгуетъ сапогами; технологъ заводитъ кабаки; профессоръ политической экономіи пишетъ для акціонерныхъ компаній уставы съ лазейками для учредителей или стряпаетъ такіе контракты, въ которыхъ сторона, которую имѣется въ виду нагрѣть, ни за что̀ не замѣтитъ этого; профессора технологіи и механики директорствуютъ въ правленіяхъ многихъ обществъ, нисколько не помогая предпріятіямъ своими знаніями и продавая только свой авторитетъ, какъ рекламу, для привлеченія публики къ подпискѣ на акціи и т. д. Если бы всѣ эти господа имѣли еще въ виду вносить честность и порядочность въ такія дѣятельности, но обыкновенно этого не бываетъ и въ значительной степени не можетъ быть: общій строй торговли и промышленности таковъ, что горный инженеръ нашъ, торгующій сапогами, непремѣнно долженъ платить дешево за трудъ, продавать гнилые сапоги или брать за хорошіе въ тридорога, иначе онъ долженъ будетъ отказаться отъ барышей и не будетъ имѣть «хорошаго куска хлѣба». Точно такъ же и во всѣхъ другихъ случаяхъ: повѣрьте, что честнаго и неглупаго профессора, который не позволитъ себя дурачить, не пригласитъ ни одна компанія. Да и скоро, наконецъ, увидѣли бы всѣ эти господа, что такой путь для борьбы со зломъ въ жизни есть путь наиболѣе изрытый ухабами и, главное, наиболѣе отдаленный. Все, что болѣе или менѣе талантливо и искренне предается наукѣ и

высшимъ интересамъ, по бо̀льшей части не вступаетъ въ такіе компромиссы съ жизнью; купецъ Бокль бросаетъ свою лавку и перебирается въ библіотеку; писатели изъ евреевъ отказываются отъ ханделя. Когда древній философъ Кратесъ, бывшій очень богатымъ человѣкомъ, продалъ свое имущество и бросилъ деньги въ море, говоря: «прощай, несчастное богатство, я гублю тебя, чтобы ты меня не погубило!», то поступилъ онъ вовсе не такъ глупо, какъ это, вѣроятно, покажется многимъ современникамъ. Одно изъ двухъ: или заниматься пріумноженіемъ капиталовъ и пользоваться для извлеченія барышей всякою человѣческою оплошностью, незнаніемъ и нуждою, или предаваться наукѣ и дѣятельностямъ, имѣющимъ въ виду общечеловѣческое благо. Совмѣщать служеніе Богу и мамонѣ чрезвычайно трудно, даже невозможно. Спенсеръ, правда, говоритъ, что онъ исполненъ умѣренныхъ желаній по отношенію къ молодымъ людямъ: подъ словами, чтобы они «пробили себѣ дорогу въ свѣтѣ» онъ подразумѣваетъ «не пріобрѣтеніе богатствъ, а пріобрѣтеніе капиталовъ, необходимыхъ для поддержки семьи» (124). Но съ этого собственно и начинается сказка про бѣлаго бычка. Сколько нужно капиталовъ для поддержки семьи Ивану Ивановичу и сколько нужно для той же цѣли Ивану Петровичу? Они должны воспитывать дѣтей, какъ это само собою предполагается, во 1) въ томъ же самомъ комфортѣ, какимъ пользуются сами, и, во 2), должны дать имъ соотвѣтственное своему положенію образованіе, даже самое что̀ ни на есть лучшее образованіе. За это больше всего превознесутъ ихъ, какъ образцовыхъ отцовъ, всѣ, не исключая даже такихъ либераловъ, которые порицаютъ оставленіе въ наслѣдство капиталовъ (хотя знаніе—тоже капиталъ). На всякій случай, конечно, можно и приберечь нѣкоторую сумму: мало ли что̀ можетъ случиться съ ребёнкомъ—лишится руки или ноги, да и себѣ, наконецъ, на старость нужно... Это тоже допускаютъ всѣ. Но какую же опять сумму нужно приберечь? Затѣмъ, сколько нужно капиталовъ Ивану Ивановичу съ Иваномъ Петровичемъ, когда они находятся въ чинѣ губернскаго секретаря и когда ихъ произведутъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники? Всѣ эти приличныя пожеланія очень растяжимы. Мы знаемъ одного петербургскаго издателя, который, будучи когда-то учителемъ уѣзднаго училища, довольствовался самыми скромными крупицами отъ жизни, а теперь не можетъ проживать менѣе 20 т. р. въ годъ, не забывая при каждомъ удобномъ случаѣ заявлять, что онъ—тоже пролетарій, не копитъ капиталовъ, оставляетъ дѣтей нищими и только даетъ имъ воспитаніе. Мы знаемъ какой хаосъ на этотъ счетъ существуетъ въ понятіяхъ общества, ка̀къ произвольно каждый толкуетъ свое поведеніе относительно житейской дороги и ка̀къ уважительно обставляетъ всѣ свои грабежи и мерзости чувствительной аргументаціей: жена, дѣти, хорошій кусокъ хлѣба, необходимость дать дѣтямъ образованіе. Но, въ виду такого хаоса понятій, тѣмъ

болѣе не слѣдуетъ поддѣлываться подъ рутину и примѣняться къ ея логикѣ, тѣмъ болѣе не слѣдуетъ насаждать сорную траву въ дѣтскія сердца и головы. Мы вообще выкинули бы изъ воспитанія всѣ эти внушенія по части куска и пробиванія дороги въ свѣтѣ, точно такъ же какъ выкинули бы и пріученіе дѣтей къ копленію денегъ. Во многихъ семьяхъ все больше и больше входитъ въ обычай пріучать дѣтей къ бережливости, заводя имъ копилки и давая особыя «карманныя деньги»; у многихъ дѣтей есть даже свои особые счеты у банкировъ. Между тѣмъ, у Спенсэра деньги являются не малымъ воспитательнымъ средствомъ: говоря о естественныхъ наказаніяхъ, онъ совѣтуетъ покупать новыя игрушки, вмѣсто сломанныхъ, «на собственныя карманныя деньги мальчика, которыя слѣдуетъ удерживать пока не соберется необходимой суммы» (138); точно такъ же и въ случаѣ кражи чего-нибудь или истребленія вещи «ребёнка слѣдуетъ заставить купить ее на свои карманныя деньги» (146). Мы не говоримъ, конечно, о совершенномъ прятаніи отъ ребенка денегъ, это можетъ также повести къ преувеличенію ихъ цѣнности, какъ запретнаго плода, или незнанію ихъ, но говоримъ, что не слѣдуетъ ни наказывать, ни поощрять ими ребенка. Спенсеръ, вѣдь, очень хорошо знаетъ, что на ребёнка производятъ дѣйствіе самыя тонкія вліянія, самыя, повидимому, ничтожныя и незамѣтныя обстоятельства; но, признавая это въ однихъ случаяхъ, онъ не обращаетъ вниманія на другіе и не находитъ вреда тамъ, гдѣ можетъ быть его болѣе всего и заключается. Ребёнокъ гораздо болѣе уменъ и наблюдателенъ, чѣмъ это мы обыкновенно думаемъ. Съ самаго ранняго возраста надо съ нимъ быть чрезвычайно осторожнымъ и внимательнымъ. Еще Горацій говорилъ, что примѣры, понятія и правила вкореняются въ дѣтствѣ такъ же сильно, какъ запахъ кушаньевъ, впервые влитыхъ въ глиняный сосудъ. А припомните, какія строгія правила требовалъ соблюдать въ идеальной дѣтской Фурье? Онъ требовалъ даже, чтобы кормилица, поющая у колыбели, не фальшивила.— Будьте нѣсколько наблюдательны и вы увидите, кàкъ глубоко правъ былъ Фурье. У насъ теперь на глазахъ два ребёнка, почти сверстники (мальчикъ 2-хъ лѣтъ и дѣвочка $2^1/_2$ лѣтъ), которые только-что начали говорить. Мать мальчика имѣетъ большую склонность къ кухнѣ: она сама ходитъ на базаръ, любитъ стряпать, проводитъ бòльшую часть дня въ кухнѣ и любитъ разговарить о свѣжести провизіи, дороговизнѣ и т. д. Сынъ ея цѣлый день ходитъ съ корзинкой и говоритъ, что онъ идетъ—«на базаръ». Слово: «на базаръ» довольно трудное для такого ребёнка, но онъ произноситъ его совершенно отчетливо, тогда какъ другихъ словъ, даже болѣе простыхъ, произносить также отчетливо не можетъ. Слово «на базаръ» было однимъ изъ первыхъ словъ его лексикона.—Куда мама ушла? спрашиваете вы его.—«На базаръ».—А папа куда ушолъ?—«На базаръ». Няня тоже ушла на базаръ, тётя тоже—на базаръ и самъ онъ теперь

идетъ на базаръ, вооружившись корзинкой. Онъ беретъ въ кухнѣ кортофель, лукъ, морковь, стряпаетъ, разноситъ по комнатамъ и угощаетъ. И это—любимое его занятіе, а корзинки и кухонная посуда—любимыя игрушки. Словомъ, это—какая-то маленькая кухарка, какой-то маленькій кухмистеръ. Другая мать очень любитъ наряжаться, и дочь ея—записная франтиха. Она вѣчно передъ зеркаломъ, она знаетъ слова: баска, турнюръ, шиньйонъ, плиссэ, біэ, знаетъ даже и выговариваетъ гофрировку. Она цѣлый день возится съ ленточками, пуговочками и возитъ куколъ другъ другу въ гости. Мы не думаемъ, чтобы въ данномъ случаѣ вліяла наслѣдственность, рѣдко выражающаяся такъ специфически, гораздо вѣроятнѣе, что это—слѣдствіе внѣшнихъ вліяній, вліяній примѣра, ложащихся на ребёнка съ извнѣ. Станетъ ребёнокъ подъ другое вліяніе, въ другія условія и эта внѣшняя кора отстанетъ, но кора эта можетъ точно также и пристать къ ребёнку на вѣки, и, во всякомъ случаѣ, каждое изъ подобныхъ вліяній непремѣнно оставляетъ свой слѣдъ на ребёнкѣ.—Пускай ребёнокъ ростетъ въ буржуазной обстановкѣ, видитъ буржуазный примѣръ, слышитъ буржуазную мораль, пускай на него вліяетъ въ этомъ же смыслѣ школа, и мы навѣрное на громадномъ большинствѣ дѣтей увидимъ тѣ же самые результаты, т. е. воспитаемъ въ нихъ будущихъ торгашей и всякихъ другихъ дѣльцовъ. Намъ хотѣлось бы, въ связи съ только-что указаннымъ вліяніемъ, указать еще на одно вліяніе нашего воспитанія, которое также просмотрѣлъ Спенсеръ, если опять-таки не просмотрѣлъ его потому, что не счелъ вреднымъ. Семья и школа нетолько не обращаютъ вниманія на развитіе въ ребёнкѣ хорошихъ общественныхъ чувствъ, но напротивъ старательно заглушаютъ эти чувства и развиваютъ въ немъ какой-то умственный аристократизмъ по отношенію къ простымъ занятіямъ и простому народу. Мы не говоримъ уже о тѣхъ спеціальныхъ школахъ, въ которыхъ дѣти съ измальства приготовляются къ занятію высшихъ должностей и управленію массами, а говоримъ о школахъ вообще, гдѣ въ бòльшей или мѐньшей степени замѣчается тоже самое, несмотря на то, что, можетъ быть, воспитатели и не желаютъ этого и борятся съ каждымъ проявленіемъ нетолько непослушанія и властолюбія, но даже самостоятельности въ дѣтяхъ. Замѣтимъ, между прочимъ, что подавлять самостоятельность человѣка есть вѣрное средство или обратить его въ совершенно безличное существо, или же, напротивъ, развить въ немъ властолюбіе. Трудно употреблять въ настоящее время такія жестокія средства, чтобы совершенно переламывать человѣка и обращать его въ ничтò, неспособное никоимъ образомъ реагировать, а потому получаются обыкновенно средніе результаты. Систематическое угнетеніе личности, которое мы видимъ въ семьѣ и школѣ, выработываетъ, съ одной стороны, безличный и покладистый человѣческій матеріалъ, не способный ни къ активной роли въ области мысли и нрав-

ственности, ни къ протесту противъ насилій и гнёта, а съ другой стороны, создаетъ вѣрныхъ защитниковъ рутины, такъ какъ природа человѣка реагируетъ въ данномъ случаѣ такимъ образомъ, что переноситъ все то̀, что̀ продѣлывали съ нею на другихъ—слабѣйшихъ. Подчиненіе и власть тѣсно вяжутся между собою, это—родныя сестры. Вчерашній лакей становится сегодня самымъ ужаснымъ господиномъ; офицеры изъ солдатъ отличаются наибо̀льшею жестокостью, что̀, конечно, нисколько не мѣшаетъ имъ съ подобострастіемъ и безгласностью относится къ жестокостямъ старшихъ надъ ними. Они одинаково способны исполнять какъ ту, такъ и другую роль. Быть господиномъ или рабомъ—третьяго выбора нѣтъ у человѣка, надъ которымъ продѣлана процедура подобнаго воспитанія. Къ равенству онъ не способенъ. Сообразно съ этимъ складываются и всѣ его отношенія къ другимъ людямъ: отъ однихъ онъ выноситъ чуть ли не палочные удары, надъ другими стремится господствовать.—И посмотрите, сколько борьбы происходитъ въ жизни изъ-за власти—каждый, сначала разумѣется, стремится господствовать вездѣ, гдѣ только можетъ. Рѣдкій мужъ и жена не ведутъ этой борьбы, начиная ее иногда на другой же день послѣ вступленія въ бракъ и не кончая, пока одинъ не окажется опрокинутымъ; рѣдкіе отцы и дѣти, рѣдкіе братья, рѣдкіе друзья и товарищи не продѣлываютъ въ той или иной степени того же самого. Мы можемъ наблюдать чрезвычайно распространенный фактъ, что два интеллигентныхъ человѣка не могутъ обыкновенно ужиться другъ съ другомъ на правахъ равенства: одинъ непремѣнно клюетъ другого и карабкается передъ нимъ на пьедестальчикъ. А много ли видали вы интеллигентныхъ семей, живущихъ, что̀ называется душа въ душу, а не считающихся только визитами и соблюдающихъ правила оффиціальнаго расположенія. Чѣмъ меньше способенъ человѣкъ къ роли господина, тѣмъ онъ мелочнѣе и требовательнѣе. Не будучи въ силахъ командовать на открытомъ полѣ, онъ переноситъ свою власть въ семью и дѣлаетъ жену и дѣтей несчастными. Стремленіе къ власти можно видѣть во всѣхъ сферахъ человѣческой дѣятельности: одинъ стремится выслуживаться и получать чины, другой крадетъ, чтобы быть богатымъ, и. т. д. Но въ особенности это стремленіе сказывается и представляетъ общее явленіе по отношенію къ простому народу. Много говорено было въ нашей литературѣ о необходимости придти къ народу на помощь, о необходимости жить и даже слиться съ нимъ, о томъ, что тогда только наша жизнь получитъ опредѣленный смыслъ, цивилизація пуститъ глубокіе корни, отношенія сдѣлаются справедливѣе, задачи шире и проч.; но все это остается гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Мы хотимъ безапеляціонно распоряжаться народомъ, хотимъ, чтобы онъ безапеляціонно насъ слушался и принималъ на вѣру все, чему мы его учимъ; мы сомнѣваемся, чтобы у него могло быть что-нибудь такое, что̀ заслуживало бы нашего просвѣщеннаго вниманія, и не хотимъ

подумать, что сами мы, какъ въ своей наукѣ, такъ и въ нравственныхъ поступкахъ, далеко не непогрѣшимы, что, учась чему-нибудь и какъ-нибудь и не умѣя ужиться даже вдвоемъ, мы могли бы поучиться у народа многому. Мы хотѣли бы здѣсь обратить особое вниманіе: во-первыхъ, на фактъ отчужденности нашей интеллигенціи отъ народа, вслѣдствіе чего, голосъ ея у народа не имѣетъ никакого кредита, а, во-вторыхъ, на то, что стремленіе къ безапеляціонному главенству надъ народомъ не всегда можетъ служить залогомъ лучшихъ общественныхъ отношеній и бо̀льшей цивилизаціи. Что̀ касается отчужденности интеллигенціи отъ народа, то доказывать этотъ фактъ, вѣроятно, нѣтъ никакой надобности, такъ какъ онъ каждому болѣе или менѣе извѣстенъ, а самое существованіе этого факта совершенно понятно: онъ является естественнымъ послѣдствіемъ изолированной замкнутой жизни интеллигенціи, отверженія, лежащаго на народѣ, и внушенія ребёнку съ самыхъ малыхъ лѣтъ, что мужикъ есть особой и непремѣнно низшей породы человѣкъ. Прямо, можетъ быть, это и не говорится, но такъ говоритъ ребёнку все, вся наша жизнь и отношенія. Вы, конечно, видали такихъ дѣтей, которые смѣло подходятъ и разговариваютъ съ людьми, хотя и мало имъ знакомыми, но прилично одѣтыми, и которые ни за что̀ не подойдутъ къ простому крестьянину, хотя ликъ его вовсе не такъ ужасенъ и зачастую даже гораздо добродушнѣе, чѣмъ у людей, одѣтыхъ въ сюртуки и фраки. Если вы не видали такихъ дѣтей, то, можетъ быть, видали такихъ собакъ (а таковы, по бо̀льшей части, всѣ городскія собаки), которыя не лаютъ и ласкаются къ приходящимъ въ домъ господамъ и бросаются на крестьянъ. Здѣсь, можетъ быть, просто дѣйствуетъ привычка къ внѣшности, а можетъ быть, дѣйствуютъ и болѣе сложныя психическія ассоціаціи: вѣдь, въ самомъ дѣлѣ, мы дурно обращаемся съ крестьяниномъ, не имѣемъ къ нему никакихъ сердечныхъ влеченій и вообще относимся къ нему ка̀къ-то совсѣмъ особо, несмотря на соблюденіе внѣшней вѣжливости: «идите», «дайте», «убирайтесь вонъ» и т. д. У интеллигентнаго человѣка, по бо̀льшей части, нѣтъ никакихъ дружественныхъ точекъ соприкосновенія съ крестьянствомъ: онъ нанимаетъ крестьянъ въ качествѣ прислуги, въ батраки, на работу; онъ слѣдитъ за производящейся работой, замѣчаетъ на счетъ лѣности мужика и штрафуетъ его; онъ получаетъ съ него ренту, взыскиваетъ подати, является на волостные сходы, распоряжается старшиною, старостами, производитъ рекрутскій наборъ и т. д. Всѣ эти отношенія подразумѣваютъ власть, съ одной стороны, и подчинененіе—съ другой, а при такихъ условіяхъ, всегда мало довѣрія и расположенія. Другихъ же отношеній очень мало: школъ у насъ очень немного, а дѣйствительно интеллигентныхъ учителей и учительницъ еще того меньше; докторовъ и акушерокъ, живущихъ въ деревняхъ, также можно пересчитать по пальцамъ; такихъ ассоціацій, гдѣ интеллигентные люди и рабочіе соединя-

лись бы съ одною общею цѣлью, совсѣмъ нѣтъ, если не считать скромныхъ попытокъ артельнаго сыроваренія, до ссудосберегательныхъ товариществъ, гдѣ учредители и распорядители опять-таки являются начальствомъ и покровителями. Работать на ряду съ крестьяниномъ интеллигентный человѣкъ не можетъ. Онъ до того аристократиченъ и не привыкъ къ труду, что, въ случаѣ нужды, скорѣе пойдетъ служить въ акцизъ, въ прикащики или въ какую нибудь завѣдомо-недобросовѣстную контору, а, въ крайнемъ случаѣ, скорѣе будетъ существовать милостью друзей и знакомыхъ, сборами къ концертовъ и лотерей, пойдетъ, наконецъ, просить милостыню, но за работу не возьмется. А между тѣмъ, это—весьма важная точка соприкосновенія съ народомъ. Дѣлались у насъ интеллигенціей нѣкоторыя попытки пріученія себя къ труду, становились люди въ положеніе работниковъ, но дѣлалось это на короткое время, въ видахъ опыта надъ собою или какихъ нибудь иныхъ соображеній; работа скоро бросалась подъ какими-нибудь благовидными предлогами, и такихъ людей, которые совершенно стали бы въ положеніе крестьянина, существовали бы на труды рукъ своихъ и посвящали досугъ благороднымъ занятіямъ—такихъ людей у насъ нѣтъ совсѣмъ. Солоно, конечно, и трудно работать. Мы не бросимъ упрека въ большинство изъ этихъ несчастныхъ экспериментаторовъ, такъ какъ они, въ большинствѣ случаевъ, дѣйствительно, несмотря на сильное желаніе, оказывались неспособными работать, а отнесемъ этотъ упрекъ скорѣе къ школѣ, отучающей отъ труда, за который ей многіе сказали бы большое спасибо. Человѣкъ, исключенный, положимъ, изъ гимназіи (а ихъ у насъ такъ много), оказывается въ самомъ скверномъ положеніи: мѣста не кончившему курса, хотя бы онъ дошелъ до VI или VII класса, нигдѣ не даютъ, ремесла онъ не знаетъ, къ простой черной работѣ не привыкъ. Спенсеръ, говоря очень много о физическомъ здоровьѣ, его условіяхъ и разныхъ ведущихъ къ нему средствахъ, совершенно упустилъ изъ виду физическій трудъ—средство, съ которымъ, по полезности и важности, никакъ не могутъ сравниться ни гимнастика, которую онъ справедливо отрицаетъ, какъ занятіе безсмысленное, ни дѣтскія игры, которыя онъ рекомендуетъ. Разумѣется, Спенсеръ имѣетъ въ виду преимущественно дѣтей достаточныхъ классовъ, которымъ не приходится обыкновенно работать и которыя предназначаются къ управленію работающими массами, но которымъ это въ особенности было бы полезно. Физическій трудъ очень полезенъ нетолько для физическаго здоровья, но и въ отношеніи умственномъ и нравственномъ: онъ значительно могъ бы умѣрять тотъ духъ аристократизма, которымъ пропитанъ школьный воздухъ; онъ могъ бы значительно содѣйствовать образованію понятій о справедливости и воспитывать въ дѣтяхъ альтруистическія чувства. Быть неспособнымъ къ равенству, быть господиномъ или рабомъ—очень тяжело. Командовать также унизительно, какъ и подчиняться, и многіе, конечно, сильно жела-

ли бы освободиться отъ подобнаго состоянія. Гюго, въ своемъ «L'homme qui rit» выводитъ человѣка, надъ лицомъ котораго продѣлана въ дѣтствѣ трупою спекулянтовъ такого рода операція, что лицо его постоянно выражаетъ смѣхъ: Гуинплэнъ груститъ, а лицо его смѣется, Гуинплэнъ хочетъ рыдать, а лицо его смѣется, Гуинплэна душитъ злоба и негодованіе, онъ хочетъ, въ палагѣ лордовъ, осыпать проклятіями англійскую аристократію, а лицо его смѣется. Школа дѣлаетъ надъ человѣкомъ операцію болѣе сложную и возмутительную: у Гуинплэна было измѣнено только лицо, а здѣсь надъ всею нервною системою, надъ всѣмъ умомъ и чувствами человѣка продѣлано то, что̀ онъ можетъ быть только рабомъ или господиномъ. Онъ хочетъ быть равнымъ, онъ страстно желаетъ равенства, а лицо его принимаетъ то видъ Юпитера, то видъ приниженнаго парія и всѣ дѣйствія его отдаютъ то деспотизмомъ, то лакействомъ. Это состояніе просто ужасно.

Теперь, что̀ касается главенства интеллигенціи, то, какъ мы сказали выше, это главенство не можетъ еще служить гарантіей водворенія въ обществѣ лучшихъ отношеній и бо̀льшей цивилизаціи. Здѣсь, прежде всего, можетъ являться вопросъ объ интеллигентности самой интеллигенціи, а затѣмъ и о другихъ ея качествахъ. Касты жрецовъ и древнія аристократіи были, разумѣется, кромѣ всего прочаго, и интеллигенціей. По крайней мѣрѣ, такъ смотрѣли они на себя, такъ объясняли наиболѣе умные изъ нихъ свою роль по отношенію къ грубой народной массѣ, неспособной къ свободѣ и самоуправленію, такъ смотритъ на нихъ исторія и такъ это и выходитъ, если судить о предметѣ по тому, что въ ихъ рукахъ находилось все современное имъ образованіе и вся формальная ученость. Повидимому, власть людей ума и науки должна была бы быть самою совершенною формою власти, однако, вездѣ, гдѣ только были примѣры этому, выходило далеко не такъ. Ко всѣмъ прочимъ недостаткамъ правительствъ присоединялся еще деспотизмъ ума, тормозившій свободу науки и мысли. Затѣмъ мы видимъ умственное вырожденіе кастъ и родовыхъ аристократій, видимъ выдѣленіе — съ одной стороны изъ нихъ, а съ другой изъ народа — новой интеллигенціи. Все это говоритъ не въ пользу вышеуказаннаго взгляда. Между тѣмъ, отъ времени до времени, въ пользу его раздаются голоса, причемъ говорятъ, что интеллигенція должна быть настоящею интеллигенціей и не должна быть замкнутою или родовою. Такъ, напримѣръ, Огюстъ Контъ предполагалъ, что главенство въ обществѣ должно впослѣдствіи перейти къ философамъ, и предлагалъ для нихъ съ этою цѣлью нѣчто въ родѣ корпоративной іерархіи съ такою же духовною властью, какая нѣкогда принадлежала католической церкви. Въ «Systéme de Politique Positive» онъ довелъ эту систему до крайнихъ предѣловъ духовнаго и свѣтскаго деспотизма. Исторія Китая можетъ дать плохой примѣръ ученой власти. Конечно, китайскіе чиновники—

очень плохіе философы и очень даже плохіе ученые, но, вѣроятно, тоже самое было бы и въ любой европейской странѣ. Трудно представить себѣ, въ особенности при настоящихъ условіяхъ воспитанія и общественной жизни, появленіе цѣлой значительной серіи такихъ большихъ философовъ, которые были бы чужды страстей и заблужденій, не стали бы злоупотреблять своими правами и служили бы обществу съ безкорыстіемъ и самоотверженіемъ. Появляются, конечно, отдѣльныя подобныя личности, но ихъ очень немного; большинство же интеллигенціи состоитъ просто изъ разнаго сброда, развѣ только по недоразумѣнію называющагося интеллигенціей. Ужъ не та ли пестрая толпа, болтающая по французски, бряцающая шпорами или читающая въ подлинникѣ Цицерона и ничему путному не учившаяся, толпа, проявляющая страшную путаницу понятій и пропитанная мѣщанскими чувствами — можетъ главенствовать съ пользою для цивилизаціи? Сомнительно. Сомнительно это также и въ томъ случаѣ, еслибы главенство перешло дѣйствительно къ лучшимъ людямъ. Самые лучшіе люди мѣняются, самые большіе философы имѣютъ странности и сходятъ иногда съ ума. Наконецъ, что касается конкретнаго міра и вопросовъ практическихъ, то въ отношеніи ихъ въ массѣ всегда бываетъ разлито гораздо больше ума и чувства, чѣмъ у отдѣльныхъ личностей; и всѣ силы интеллигенціи должны быть прежде всего направлены къ тому, чтобы вывести народный умъ и чувство изъ состоянія бездѣйствія и направить ихъ въ сторону дальнѣйшаго ихъ развитія. Мы вполнѣ сочувствуемъ вліянію людей ума и науки на жизнь и думаемъ, что сила ихъ дѣйствительно когда-нибудь помѣряется и покоритъ другіе виды силы, но не желали бы видѣть эту новую силу снова вылитою въ форму, снова организованною въ какой-нибудь институтъ власти, хотя бы власть эта и была наиболѣе мягкою и разумною. Сила ума и науки и безъ того велики (какъ и всегда будутъ велики), и безъ того обществу приходится и, вѣроятно, долго еще придется ощущать на себѣ давленіе этой силы, пока она не сдѣлается настолько совершенною, что совершенно сольется съ интересами всѣхъ и каждаго, и, дѣйствуя постоянно въ видахъ справедливости и идеальной гармоніи общественныхъ отношеній, сама не будетъ обществу въ тягость. А до сихъ поръ она никогда еще не была настолько совершенною и, несмотря на всѣ ея заслуги и отдѣльные яркіе примѣры, въ общемъ, была, все таки, обществу въ тягость. — Еслибы въ настоящую минуту вотировалось главенство философовъ, то мы не могли бы не предпослать этому слѣдующихъ соображеній. У философовъ, также какъ у Ивана Ивановича и у Ивана Петровича опять есть жены и дѣти, которымъ нужно давать содержаніе и воспитаніе, а, пожалуй, и оставить нѣкоторое наслѣдство (большинство философовъ—Лейбницъ, Гегель и многіе другіе, съ самыхъ разнообразныхъ точекъ зрѣнія, признавали наслѣдство; не отрицаетъ его и Спенсеръ); наконецъ у философовъ бываютъ пре-

старѣлые родители, тещи и тётки, какіе-нибудь больные или бѣдные племянники и племянницы, которымъ необходимо оказывать приличную ихъ общественному положенію помощь. Всѣ эти самыя законныя причины могутъ, однако, сдѣлать государственный бюджетъ не менѣе обременительнымъ для народа, чѣмъ теперь. Затѣмъ, ученія многихъ философовъ весьма часто не согласуются съ истиною и справедливостью: сколько было философскихъ ошибокъ и заблужденій, сколько было такихъ ученій, которыя принесли человѣчеству только вредъ и тормозили его цивилизацію. Не заходя далеко въ прошедшее, мы и теперь найдемъ не мало такихъ ученій; такъ, напримѣръ, припомнимъ хоть довольно близко относящуюся къ настоящему случаю доктрину, что общество есть организмъ, доктрину, раздѣляемую Спенсеромъ, Дрэперомъ и многими другими мыслителями, доктрину, вполнѣ недоказанную научно и порождающую, между тѣмъ, много недоразумѣній. Возникла эта доктрина сперва изъ простого сопоставленія, а затѣмъ изъ приложенія законовъ и метода біологіи и вообще наукъ о тѣлахъ органическихъ къ общественной жизни, къ явленіямъ соціологическимъ, подобно тому, какъ прежде прилагались законы механики и химіи къ біологіи и другимъ наукамъ, позже разработывавшимся. Подобныя приложенія породили много неточныхъ представленій и гипотезъ. Конечно, и въ жизни общества дѣйствуютъ нѣкоторые законы, которыми управляется индивидуумъ, точно такъ же, какъ дѣйствуютъ физическіе и химическіе законы въ растеніяхъ и животныхъ; но явленія общественныя, во всякомъ случаѣ, представляютъ совершенно особый міръ, управляющійся совершенно особыми законами, точно такъ же, какъ и органическій міръ представляется совершенно особымъ міромъ отъ физическаго. Подобныхъ теорій можно состряпать великое множество, а вышеуказанную теорію можно прилагать рѣшительно ко всему, что̀ находится въ какой-нибудь взаимнозависимости; ее можно приложить съ одинаковымъ удобствомъ хоть ко всей вселенной, назвавъ землю и другія планеты кровяными шариками, раздѣляющій ихъ эѳиръ— кровяною жидкостью, а солнца—ну хоть нервными узлами, что̀ ли... Но въ подобной гипотезѣ будетъ только много фантазіи. Между тѣмъ, подобныя доктрины даютъ слабымъ умамъ и филистерамъ «законное основаніе» для превратныхъ толкованій: даютъ поводъ утверждать, что, на основаніи непреложныхъ законовъ природы, одни части организма должны подчиняться другимъ, что стремленіе предоставить каждому возможность жить духовною жизнью и управлять собою есть утопія, такъ какъ мы видимъ и отложеніе свѣта въ солнцѣ, и отложеніе мозговаго вещества въ нервныхъ центрахъ, подобно чему должны отлагаться и интеллектуальные элементы въ обществѣ. А тамъ, за этими филистерами, явится какой-нибудь Гельвальдъ, который примѣнитъ законы животной борьбы за существованіе къ человѣческой жизни и провозгласитъ ихъ единственными

принципами общественности, ссылаясь при этомъ на Дарвина, который никогда подобныхъ глупостей не говорилъ. А тамъ явится какой-нибудь Стронинъ съ своею пирамидою и треxугольнымъ полетомъ журавлей и т. д. Если общество и можно сравнивать съ организмомъ, то, конечно, съ совершенно особымъ организмомъ, еще не виданнымъ въ природѣ ни натуралистами, ни философами. И сколько бы ни указывали вамъ на отложеніе свѣта и мозговаго вещества въ особые центры, вы, уважая хоть сколько-нибудь положительный методъ и положительную науку, не имѣете ни малѣйшаго права думать, чтобы одни люди спервоначала были предназначены къ блаженству, а другіе къ мукамъ, чтобы для прогресса человѣческаго непремѣнно требовалось страданіе большинства человѣчества, чтобы одни люди предназначались самою природою къ благороднымъ занятіямъ музыкою или философіей, а другіе къ вывозу удобреній на поля. Еслибы даже мы и открыли какіе-нибудь доводы въ пользу отложенія интеллигенціи въ какіе-нибудь особые центры, то не подлежитъ никакому сомнѣнію, что это должно было бы совершаться не для эксплуатаціи остальнаго человѣчества, не для загражденія ему дороги къ умственной жизни, свободѣ и счастью. Мы увѣрены въ томъ, что чѣмъ интеллигенція будетъ интеллигентнѣе, тѣмъ она будетъ больше не любить власти и меньше гоняться за властью и какими бы то ни было привилегіями. Мы думаемъ, что главенство интеллигенціи и потому еще не составляетъ логической необходимости, что человѣчество можетъ быть такъ воспитано и поставлено въ такія условія общежитія, что само не будетъ вредить другъ другу и нетолько не будетъ сваливать на шею ближняго непріятныхъ обязанностей, но даже будетъ оспаривать честь ихъ, подобно тому, какъ солдаты оспариваютъ иногда честь—кому идти на вылазку, кому взорвать пороховой погребъ, или какъ другъ съ удовольствіемъ беретъ на себя непріятности друга. Мы думаемъ, что достигнуть такого состоянія можно гораздо легче и скорѣе другими средствами, чѣмъ при помощи главенства философовъ. Если правительство философовъ несомнѣнно лучше деспотическаго, конституціоннаго и парламентарнаго, какимъ мы его видимъ, то это еще не значитъ, чтобы оно было идеальнымъ: сами философы—далеко не идеальныя существа, чуждыя человѣческихъ страстей и слабостей. Не одинъ только Бэконъ Веруламскій заявилъ себя съ этой печальной стороны. Народъ неоднократно высказывалъ недружелюбныя чувства къ интеллигенціи, которыя иногда врывались съ страшною дикостью. Болью отзываются въ сердцѣ подобные факты, но, въ то же время, въ нихъ чувствуется какая-то правда. Астрономъ Бальи и извѣстный химикъ Лавуазье, также не отличавшійся нравственностью, были, какъ извѣстно, обезглавлены въ первую французскую революцію, и когда Лавуазье просилъ три дня отсрочки для по-

вѣрки нѣкоторыхъ опытовъ, то одинъ изъ судей, отказывая въ просьбѣ, отвѣчалъ ему: «республика не нуждается въ философахъ». Когда постигли непріятности Пристлея въ Англіи (домъ его былъ сожженъ, библіотека уничтожена и жизнь была въ опасности), то онъ бѣжалъ изъ отечества также подъ крики народа: «долой философовъ!» Все это чрезвычайно грустно, повторяемъ мы, но, къ сожалѣнію, народъ не могъ понять совмѣщенія философіи съ безнравственностью и нелюбовью къ себѣ; къ сожалѣнію, онъ видѣлъ подобное совмѣщеніе и во многихъ другихъ случаяхъ и имѣлъ основаніе видѣть своихъ враговъ въ лицѣ, напримѣръ, тѣхъ нѣмецкихъ ученыхъ, которые доказывали законность и цѣлесообразность крѣпостнаго права. Если наука нуждается въ рабствѣ, то пусть лучше погибнетъ наука. Дѣло только въ томъ, что истинная наука въ рабствѣ не нуждается, а нуждаются въ немъ только несовершенные ея представители, отождествляющіе себя съ нею. Замѣчательно, что то же самое происходило и въ древности. Мысль о главенствѣ философовъ вовсе не нова—ее высказывали Пиѳагоръ, Платонъ и др. Посѣтивъ Египетъ, Пиѳагоръ пришелъ, какъ извѣстно, въ восхищеніе отъ управленія жрецовъ и пришолъ къ убѣжденію, что нравственное благородство, спокойствіе и порядокъ возможны только тамъ, гдѣ власть принадлежитъ однимъ добрымъ и мудрымъ, которымъ безсознательно повинуются всѣ остальные. Пиѳагоръ имѣлъ много послѣдователей, и мысль его имѣла осуществленіе, но добрые и мудрые, къ сожалѣнію, скоро превратились въ настоящихъ олигарховъ, вели себя возмутительно и, въ концѣ концовъ, вызвали сильное народное возстаніе и были изгнаны изъ Кротона и другихъ мѣстъ. Къ сожалѣнію, и до сихъ поръ имѣетъ еще мѣсто въ жизни тотъ фактъ, что мудрые невсегда бываютъ добрыми, а добрые мудрыми. Мы сплошь и рядомъ видимъ людей очень умныхъ, которые, въ то же время, элементарно безнравственны, эгоистичны и несправедливы. Это—тоже одна изъ нелѣпостей, создаваемыхъ воспитаніемъ и жизнью, съ которою никакъ не можетъ примириться человѣческій умъ и которая не должна существовать въ человѣкѣ, правильно развитомъ и здоровомъ. Между прочимъ, психіатры наблюдаютъ такой фактъ, что отсутствіе нравственнаго чувства обыкновенно бываетъ связано съ умственнымъ разстройствомъ или предрасположеніемъ къ нему. «Одинъ изъ первыхъ признаковъ помѣшательства, говоритъ Маудсли:—обнаруживающійся ранѣе всякаго другаго умственнаго разстройства, прежде, чѣмъ близкіе больного начнутъ подозрѣвать, что онъ теряетъ разсудокъ, есть притупленіе или совершенное извращеніе нравственнаго чувства. Въ крайнихъ случаяхъ приходится наблюдать, что скромный человѣкъ дѣлается надменнымъ и требовательнымъ, цѣломудренный—безстыднымъ и развратнымъ, честный—воромъ, правдивый—лгуномъ» [1].

---

[1] «Отвѣтств. при душ. болѣзн.», стр. 71.

Мы знаемъ также о связи преступленій съ умопомѣшательствомъ: еслибы преступники, говоритъ тотъ же авторъ:—«не были преступниками—они сошли бы съ ума, и если они не сходятъ съ ума, то только потому, что становятся преступниками»[2]. Правда, что мы имѣемъ очень условныя и перепутанныя понятія объ умѣ и нравственности, въ особенности, если будемъ руководствоваться ходячими понятіями на этотъ счетъ: въ большинствѣ случаевъ за людей умныхъ считаютъ людей, много читавшихъ, видавшихъ или наполненныхъ знаніями, а также людей, умѣющихъ вести свои дѣла, практическихъ и изворотливыхъ, тогда какъ они зачастую бываютъ очень глупы, и еще больше происходитъ путаницы и недоразумѣній относительно нравственныхъ и безнравственныхъ дѣйствій. Но дѣло въ томъ, что мы говоримъ о безнравственности, не удовлетворяющей, разумѣется, и высшихъ нравственныхъ требованій, и имѣемъ въ виду людей умныхъ не съ одной только точки зрѣнія ходячихъ понятій. Первымъ источникомъ такого внутренняго разлада человѣка является, какъ мы сказали уже, опять-таки воспитаніе въ семьѣ и школѣ, и затѣмъ довершаетъ этотъ разладъ—жизнь. Припомнимъ вышеприведенныя слова̀ Горація и строгія требованія Фурье. Между тѣмъ, что̀ же видитъ и какой нравственности учится ребенокъ въ семьѣ? Ему, правда, догматически преподаютъ много, даже, можетъ быть, черезчуръ много разныхъ нравственныхъ правилъ, но догматически нравственность не преподается: она усвоивается сначала изъ примѣра, затѣмъ развивается въ связи съ умственнымъ ростомъ подъ вліяніемъ жизни и, наконецъ, переходитъ въ привычку. Примѣры, которые видитъ ребёнокъ, обыкновенно далеко не согласуются съ преподаваемою ему моралью: ему говорятъ о гуманности, любви къ труду, правдѣ и проч.; а на дѣлѣ онъ видитъ — властолюбіе, жестокость, ложь, лѣнь, тунеядство и проч. Рѣдкая семья живетъ вполнѣ нравственною жизнью и не представляетъ разногласія сло̀ва съ дѣломъ: вся жизнь, всѣ ея отношенія, какъ внутреннія, такъ и къ внѣшнему міру, какъ будто нарочно устроены такъ, чтобы отрицать то, что̀ преподается на словахъ. Теперь, что̀ касается школы, то современная школа гораздо больше занята умственнымъ развитіемъ дѣтей, чѣмъ нравственнымъ, ограничиваясь только общимъ надзоромъ за внѣшнимъ поведеніемъ дѣтей, или вмѣшиваясь въ нравственные вопросы только въ экстренныхъ случаяхъ, для пресѣченія безнравственныхъ дѣйствій, не развивая въ нихъ хорошихъ чувствъ. Это не значитъ, однако, чтобы школа совсѣмъ не вліяла на нравственность; мы уже указали на нѣсколько результатовъ такого вліянія: на умственный аристократизмъ и властолюбіе, на совершенную потерю самостоятельности и безгласное подчиненіе авторитету, на буржуазное направленіе, узкій эгоизмъ и непривычку къ труду и

[2] Ibid., стр. 35.

общежитію. Къ этому можно было бы прибавить еще многое. Вліяя положительно на образованіе извѣстныхъ чувствъ, школа вліяетъ еще и такимъ образомъ, что, не упражняя и не развивая лучшихъ чувствъ, она даетъ развиваться дурнымъ чувствамъ, которыя либо выживаютъ въ ребёнкѣ отъ предковъ и передаются ему наслѣдственно, либо вновь образуются подъ вліяніемъ школьной и домашней обстановки и дѣятельности. Сложный вопросъ объ умѣ и чувствѣ, къ сожалѣнію, всегда рѣшался болѣе или менѣе односторонне: одни (какъ моралисты) приписывали чувству слишкомъ первенствующую роль, другіе (какъ, напримѣръ, Бокль) совершенно отвергали роль чувства въ дѣлѣ прогресса и самый даже прогрессъ нравственныхъ чувствъ, приписывая все уму и знанію. А отсюда естественно проистекало то, что обращалось вниманіе преимущественно на одну какую-нибудь сторону. Очевидно, что тѣ и другіе ошибались и не понимали глубокой связи между умомъ и чувствомъ, связанными, въ свою очередь, съ тѣломъ, которое также то превозносилось, то предавалось пренебреженію. Каждый тащилъ телегу за одно колесо, и всѣ удивлялись, что телега плохо двигается. Больше или меньше добродѣтели странъ цивилизованныхъ и не цивилизованныхъ—можетъ быть предметомъ спора, но не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что нравственность въ тѣхъ и другихъ странахъ различна, т. е., значитъ, измѣняется; не подлежитъ также никакому сомнѣнію, что нравственность различна въ одной и той же странѣ нетолько у различныхъ людей и сословій, но даже у различныхъ профессій; наконецъ, достовѣрно и то, какъ говоритъ Лекки, что отъ времени до времени появляются люди, которые стоятъ совершенно въ томъ же отношеніи къ нравственному состоянію своего вѣка, въ какомъ геніальные люди стоятъ къ его умственному состоянію — они предвосхищаютъ нравственный образецъ позднѣйшихъ временъ, возбуждаютъ энтузіазмъ и собираютъ вокругъ себя групу приверженцевъ [1]. Съ другой стороны, мы видимъ въ исторіи примѣры, ка̀къ слабо нравственное ученіе тамъ, гдѣ нѣтъ соотвѣтственной ему цивилизаціи, и ка̀къ слаба цивилизація тамъ, гдѣ нравственность въ забросѣ. Мы видимъ также, ка̀къ слабъ человѣкъ. въ случаѣ негармоническаго развитія и пробѣловъ въ какой нибудь изъ этихъ сторонъ. Іезуиты, которые лучше другихъ поняли связь нравственнаго воспитанія съ умственнымъ, создали не мало энергическихъ и упорныхъ характеровъ, несмотря на совершенное извращеніе человѣческой нравственности. Англійская школа, представляющая, во внутреннихъ своихъ распорядкахъ, копію съ политическихъ учрежденій этой страны, воспитываетъ дѣтей нравственно для дѣятельности и поддержки этихъ учрежденій [2].

---

[1] Истор. возникн. раціонализма въ Европѣ. Т. 1, стр. 241.

[2] Спенсеръ остается недоволенъ только дисциплиною, которую мальчики встрѣчаютъ въ Итонѣ, Уинчестерѣ, Горроу и т. д., которая болѣе жестока и

Американская школа, не трогая религіозной совѣсти, находитъ, однако, полезнымъ содѣйствовать развитію демократическихъ чувствъ въ подростающихъ поколѣніяхъ (Гиппо). Мысль о необходимости развитія нравственной стороны дѣтей встрѣчаетъ за послѣднее время все больше и больше сочувствія. Вотъ, напримѣръ, одно изъ недавнихъ педагогическихъ нововведеній: массачузетское общество покровительства животныхъ, по примѣру пенсильванскаго, предприняло организовать между дѣтьми общественныхъ школъ почетные легіоны для покровительства животнымъ. Членъ почетнаго легіона обязуется: не говорить лжи, не употреблять низкихъ выраженій, почитать старшихъ, защищать отъ ненужной жестокости всякое человѣческое и животное существо, которое не можетъ защитить себя само; всюду являться защитникамъ справедливости. Учителя получаютъ званіе «комондоровъ», а дѣти, смотря по полу, кавалеровъ или дамъ легіона, девизомъ котораго являются: почтительность, доброта и храбрость. Во Франціи, съ поощренія и руководства министерства народнаго просвѣщенія, уже устроено 500 подобныхъ обществъ («Новое Время № 638, 1878»). Тутъ, конечно, можетъ являться цѣлый рядъ вопросовъ: какой именно нравственности и чему собственно могутъ учить современные педагоги? не будутъ ли они развивать въ дѣтяхъ такую нравственность, какой не желательно въ нихъ видѣть? такъ какъ ребенокъ есть гораздо больше продуктъ общественной среды и приготовляется къ общественной жизни, то не станетъ ли передъ педагогами прежде всего вопросъ о борьбѣ съ жизнью? или, такъ какъ школа стоитъ обыкновенно позади жизни, то не станутъ ли педагоги слишкомъ тщательно оберегать дѣтей отъ всякаго умственнаго и нравственнаго прогресса? не попадетъ ли, наконецъ, дѣло воспитанія въ руки партій въ родѣ іезуитской, добивающейся теперь захватить все образованіе въ Америкѣ, или буржуазной, какъ въ Англіи? Все это—вопросы очень серьёзные, отвѣчать на которые можно только съ большою осторожностью. И Спенсеръ отвѣчаетъ на нихъ дѣйствительно съ крайнею осторожностью, граничащею даже съ уклончивостью. Съ одной стороны, онъ не раздѣляетъ того мнѣнія, что «всѣ дѣти рождаются добрыми», и придерживается «противуположнаго ученія, какъ оно ни бездоказательно»

менѣе справедлива, чѣмъ дисциплина взрослой жизни. Нужно замѣтить, что въ англійскихъ школахъ младшіе ученики подчиняются старшимъ, которые заставляютъ ихъ служить себѣ и подвергаютъ побоямъ и тѣлеснымъ наказаніямъ, нерѣдко переходящимъ въ крайнюю жестокость. «Вмѣсто того, говоритъ Спенсеръ:—чтобы быть пособіемъ человѣческому прогрессу, чѣмъ должна быть всякая культура, культура нашихъ общественныхъ школъ, пріучая мальчиковъ къ деспотической формѣ управленія и сношеніямъ, регулируемымъ грубою силою, готовитъ ихъ къ болѣе низкому состоянію общества, чѣмъ существующее. А такъ какъ наша законодательная власть, главнымъ образомъ, составляется изъ людей, воспитывающихся въ подобныхъ школахъ, то ихъ одичающее вліяніе дѣлается помѣхою національному прогрессу.» (212)

(204), а съ другой стороны, полагаетъ, что «по закону человѣческой природы, достаточно извѣстному каждому наблюдателю», люди только тогда бросаются на низшія наслажденія, когда лишены высшихъ, только тогда ищутъ удовлетворенія въ эгоизмѣ, когда не находятъ его въ симпатіи (252). Съ одной стороны, онъ говоритъ: «не ожидайте отъ ребенка значительнаго нравственнаго совершенства; въ первые годы жизни всякій цивилизованный человѣкъ проходитъ фазисы характера, выказывающіеся въ варварскомъ племени, отъ котораго онъ происходитъ; въ инстинктахъ своихъ ребенокъ похожъ на дикаря, какъ бываетъ временно похожъ на него и въ чертахъ лица» (149), и считаетъ вообще нравственное воспитаніе необходимымъ; а, съ другой стороны, высказываетъ, что вмѣшательство педагоговъ бываетъ по бòльшей части неумѣлымъ и невѣжественнымъ, вслѣдствіе незнанія законовъ духовнаго развитія, что родители недостаточно хороши для идеальнаго воспитанія и не располагаютъ для этого достаточною степенью ума, доброты и самообладанія, что «склонности къ жестокости, воровству, лжи, такъ часто встрѣчающіяся между дѣтьми», измѣняются въ бòльшей или мѐньшей степени сами даже безъ помощи сторонняго вліянія, подобно тому какъ измѣняются безъ посторонняго вліянія и черты ребенка (149). Уклончивость очевидна. Поставивъ болѣе категорично вопросъ объ умственномъ саморазвитіи, въ отношеніи нравственнаго воспитанія, Спенсеръ долго колеблется между необходимостью внѣшняго вмѣшательства и опасностью его. Впрочемъ, вообще онъ гораздо больше склоняется на сторону наивозможно мѐньшей искуственности: какъ въ умственномъ, такъ и въ нравственномъ отношеніи, онъ видитъ «соотношеніе между развитіемъ расы и индивидуума» (74), говоритъ, что воспитаніе «должно быть повтореніемъ цивилизаціи въ маломъ размѣрѣ» (112), и отводитъ родителямъ и воспитателямъ только роль «служителей и истолкователей природы», совѣтуя имъ больше обращать вниманія на внутреннія влеченія ребенка. То, что̀ Спенсеръ склоняется въ эту сторону, для насъ вполнѣ понятно, потому что положиться на нравственность и искуство современныхъ педагоговъ, дѣйствительно, очень трудно. Они, дѣйствительно, могутъ научить дѣтей такой нравственности, какой въ нихъ вовсе нежелательно видѣть, такъ, что въ этомъ отношеніи даже можетъ быть счастье, что школа обращаетъ мало вниманія на нравственность. Противъ мнѣнія Спенсера о саморазвитіи вообще и о томъ, что природные инстинкты могутъ быть надежными руководителями ребенка, возсталъ у насъ Мечниковъ въ статьѣ «Воспитаніе съ антропологической точки зрѣнія» [1], и, указывая на дисгармоническое развитіе организма человѣка, доказывалъ цѣлесообразность и необходимость искуственнаго воспитанія. Положимъ, что въ развитіи человѣка существуетъ дисгармонія, но знаемъ ли мы на-

[1] Вѣстн. Евр. №, 1871 г.

*

сколько эта дисгармонія естественна и насколько искуственна, знаемъ ли мы законы развитія человѣка и не будетъ ли съ нашей стороны слишкомъ самонадѣяннымъ браться за подобную задачу? Трудность воспитательной задачи, по нашему мнѣнію, превосходно выразилъ Спенсеръ, говоря, что даже «съ помощью самаго глубокаго знанія» ее нельзя выполнить какъ слѣдуетъ, и что «истиннымъ воспитаніемъ можетъ заниматься только истинный философъ». При чемъ не мѣшаетъ, между прочимъ, замѣтить, что самъ Спенсеръ, несмотря на свои обширныя и глубокія знанія, а равно и другія условія, не годился бы къ воспитательной дѣятельности, имъ же самимъ такъ опредѣленной, ибо вносилъ бы въ нее слишкомъ много чисто субъективной искуственности, чисто субъективныхъ взглядовъ на дѣятельность человѣка. Предполагаемъ, что не годился бы точно такъ же въ воспитатели и Мечниковъ, который, воображая, что онъ знаетъ нѣчто о порядкѣ развитія душевныхъ способностей человѣка, сталъ бы навѣрное употреблять невѣрные пріемы, такъ какъ знанія человѣчества по этому поводу еще весьма невелики, и сталъ бы, конечно, также вносить въ воспитаніе свои субъективныя чувства и убѣжденія, которыя, можетъ быть, были бы и лучше чѣмъ у Спенсера, а можетъ быть—были бы и еще хуже. Все это въ особенности относится къ нравственному воспитанію, которое обыкновенно должно согласоваться и согласуется съ извѣстною моралью, понятія о которой весьма разнообразны и неопредѣленны. Мы, конечно, могли бы опредѣлить рядъ такихъ безспорно нравственныхъ дѣятельностей и чувствъ, которыя были бы пригодны для внушенія дѣтямъ: такъ, напримѣръ, вѣроятно, никто не называлъ бы безнравственными дѣятельностей, не сопряженныхъ съ корыстными цѣлями и полезныхъ для возможно бо̀льшаго числа людей или для людей наиболѣе несчастныхъ; никто не назвалъ бы безнравственными: смерти за истину, протеста противъ насилія надъ личностью, занятій наукою, когда они не сопряжены съ привилегіями и эксплуатаціей общества, и т. д. Но примѣнять ли эти правила, и, затѣмъ ка̀къ примѣнять? Разсчитывать на раціональное примѣненіе ихъ можно развѣ только въ общественной школѣ, при посредствѣ избранныхъ людей. Наконецъ, можно было бы найти и нѣкоторые доводы въ пользу того, что мораль дѣтей и вообще молодого возраста шире, чѣмъ наша, т. е. людей, уже вступившихъ въ разные компромиссы съ жизнью; что многіе пороки, усвоиваемые отцами подъ старость, не передаются наслѣдственно, такъ какъ дѣти, въ большинствѣ случаевъ, родятся въ молодомъ возрастѣ; что дѣти, воспитывающіеся при мѐньшемъ вмѣшательствѣ въ ихъ духовную природу и живущіе среди менѣе искуственной обстановки, бываютъ нравственнѣе тѣхъ, которыхъ постоянно воспитываютъ и которые живутъ въ болѣе искуственной обстановкѣ (таковы, напримѣръ, деревенскія и городскія дѣти). Еслибы мы могли предоставить руководство дѣтьми людямъ наиболѣе достойнымъ (т. е. умнымъ и нравственнымъ) и чув-

ствующимъ призваніе къ воспитанію и устранить отъ нихъ хоть наиболѣе вредныя вліянія, то, вѣроятно, въ нихъ не выживали свойства грубыхъ предковъ и унаслѣдованныя отъ насъ дурныя наклонности, которымъ, замѣтимъ между прочимъ, Спенсеръ придаетъ черезчуръ большое значеніе. Идея объ общественномъ воспитаніи дѣтей съ выборными воспитателями долго будетъ безпокоить умы людей и казаться лучшимъ выходомъ изъ той трясины, въ какую забралось человѣчество и въ которой грязнутъ и подростающія поколѣнія. Эта идея будетъ отъ времени до времени появляться ровно до тѣхъ поръ, пока родители недостаточно совершенны». «Но, полагаемъ, что сдѣлать родителей совершенными, чего желаетъ Спенсеръ, гораздо труднѣе, чѣмъ устроить общественное воспитаніе. Въ ожиданіи совершенныхъ родителей можетъ лопнуть терпѣніе нетолько обыкновенныхъ людей, но даже терпѣніе философовъ и филантроповъ.

Еще меньше можно ожидать какихъ-нибудь дѣйствительныхъ результатовъ въ этомъ отношеніи, если мы не предъявимъ серьёзныхъ требованій къ родителямъ и ограничимся на практикѣ тою небольшою программою образованія, какою ограничивается Спенсеръ. Здѣсь мы укажемъ еще на одинъ компромиссъ Спенсера съ жизнью. Вы, конечно, помните, что̀ говорилъ онъ о приготовленіи дѣтей къ роли родителей, къ этой «важнѣйшей изъ всѣхъ дѣятельностей?» Онъ находилъ *чудовищнымъ*, что судьба новыхъ поколѣній предоставляется на произволъ неразумнаго обычая, влеченій и каприза невѣжественныхъ людей, не знающихъ законовъ жизни; онъ находилъ *безумнымъ*, что люди берутся за воспитаніе, *ни разу не подумавъ о принципахъ физическихъ, нравственныхъ и умственныхъ, которыми они должны руководиться*, и негодовалъ, что никто *не смотритъ съ удивленіемъ на дѣйствующихъ лицъ и не жалѣетъ о жертвахъ*. Серьёзное общее образованіе, серьёзное и глубокое изученіе наукъ, изучающихъ человѣка, онъ считалъ необходимымъ условіемъ для успѣшности воспитанія; между тѣмъ, сходя на практическую почву, онъ ограничивается такими элементарными знаніями, какія, вѣроятно, многіе родители и воспитатели имѣютъ и теперь. Вотъ, что̀ говоритъ онъ: «Нѣкоторое знакомство съ первыми принципами физіологіи и элементарными истинами психологіи необходимо для хорошаго воспитанія дѣтей. Мы не сомнѣваемся, что многіе прочтутъ это съ улыбкою. Имъ покажется нелѣпостью, чтобы отъ родителей вообще требовали изученія такихъ темныхъ предметовъ. И еслибы мы требовали отъ отцовъ и матерей полнаго знакомства съ этими предметами — нелѣпость, дѣйствительно, была бы довольно осязательна. Но мы этого не дѣлаемъ. Достаточно и однихъ общихъ принциповъ, сопровожденныхъ такими примѣрами, какіе окажутся необходимыми для ихъ пониманія. А это легко пріобрѣсти, если не въ раціональной формѣ, то хоть въ догматической» (42). Ка̀къ все это малопослѣдовательно! «Вполнѣ невѣжественная мать», касательно яв-

леній, съ которыми ей приходится встрѣчаться, т. е. съ порядкомъ развитія душевныхъ движеній, ихъ сущностью и проч., «принимается за то, что̀ даже съ помощью самаго глубокаго знанія нельзя выполнить ка̀къ слѣдуетъ» (38). И вдругъ достаточно и однихъ только общихъ принциповъ, и не въ раціональной даже формѣ, а въ догматической. «При недостаткѣ знакомства съ душевными явленіями, ихъ причинами и послѣдствіями, вмѣшательство такой женщины часто вреднѣе ея полнаго безучастія»; «постоянно тормозя то ту, то другую вполнѣ нормальную и полезную дѣятельность организма, она постоянно уменьшаетъ счастье и пользу ребенка, портитъ его нравъ и свой собственный» (38). И вдругъ—только *нѣкоторое* знакомство и притомъ только съ элементарными принципами физіологіи и психологіи! Еслибы человѣкъ, не знающій анатоміи, сдѣлался хирургомъ, мы изумились бы его дерзости и жалѣли бы его паціентовъ»; «долгое изученіе требуется для того, чтобы сшить сапоги, построить домъ, управлять кораблемъ или локомотивомъ. Неужели развитіе тѣла и души человѣка есть сравнительно такой простой процессъ, что всякій способенъ имѣть надзоръ и вести его безъ малѣйшаго приготовленія? «Не сумашествіе ли приниматься за такую обязанность безъ приготовленія?» (41). «Истиннымъ воспитаніемъ можетъ заниматься только истинный философъ» (82). И вдругъ—требованіе раціональнаго изученія важнѣйшихъ наукъ будетъ *нелѣпостью* и вполнѣ достаточно только *нѣкотораго знакомства съ элементарными ихъ принципами въ формѣ догматической*! Подобные компромиссы мысли съ рутиной какъ нельзя болѣе на руку филистерамъ. которые. разумѣется, и не замедлятъ ими воспользоваться. Удивительно ли, что, послѣ такой постановки вопроса лучшими умами, воспитаніе не двигается впередъ и продолжаетъ находиться въ томъ печальномъ состояніи, въ какомъ мы его видимъ. И можно ли, послѣ всего этого, ожидать примѣненія болѣе раціональныхъ педагогическихъ системъ и ждать лучшихъ результатовъ, а равно можно ли быть недовольнымъ тѣмъ, что реформы воспитанія идутъ медленно и что употребленіе какой-нибудь идеальной системы *безнадежно*, потому что родители недостаточно *хороши* для этого? Говоря, что печальное положеніе воспитанія «не легко измѣнить», что «поколѣнія пройдутъ прежде, чѣмъ можно ожидать большаго улучшенія» (121), Спенсеръ, впрочемъ, находитъ это вполнѣ естественнымъ и нормальнымъ и считаетъ безполезнымъ пытаться примѣнить къ воспитанію какую нибудь идеальную систему: «ни одна система нравственнаго воспитанія, говоритъ онъ: —не можетъ немедленно сдѣлать дѣтей тѣмъ, чѣмъ они должны быть» (125). «Органическій консерватизмъ человѣчества достаточно силенъ, чтобы не допустить слишкомъ быстрой перемѣны» (126). Онъ считаетъ даже примѣненіе такой идеальной системы, которая могла бы принести перемѣну въ смыслѣ приближенія человѣка къ совершенству, нецѣлесообразнымъ: «Еслибы, говоритъ онъ:—

какая-нибудь система культуры могла произвести идеальнаго человѣка, не сомнительно ли, чтобы онъ оказался годенъ для этого міра? Не имѣемъ ли мы основаній подозрѣвать, что слишкомъ строгая честность, слишкомъ возвышенное нравственное мѣрило сдѣлали бы ему жизнь невыносимой и даже невозможной? И ка̀къ бы ни былъ великолѣпенъ результатъ съ индивидуальной точки зрѣнія, не будетъ ли онъ равенъ нулю по отношенію къ обществу и потомству? По многимъ причинамъ, можно полагать, что въ семьѣ, какъ и въ народѣ, данное правительство, въ цѣломъ, настолько хорошо, насколько то допускается общимъ состояніемъ человѣческой природы. Мы могли бы сказать, что въ данномъ случаѣ, какъ и въ другомъ, средній уровень характера народа опредѣляетъ качество существующаго контроля. Можно предположить, что въ обоихъ случаяхъ улучшеніе средняго уровня характера ведетъ къ улучшенію системы и что улучшеніе системы, безъ предварительнаго улучшенія средняго уровня характера, дало бы скорѣе дурной, нежели хорошій результатъ» (124). Все это разсужденіе просто великолѣпно! Филистеру прежде всего бросится въ глаза то, что слишкомъ идеальная система непримѣнима, что «слишкомъ строгая честность, слишкомъ возвышенное нравственное мѣрило» могутъ сдѣлать человѣка непригоднымъ *для этого міра*, сдѣлаютъ для него жизнь *невыносимой*, и потому онъ постарается дать своимъ дѣтямъ практическое (т. е. немножко подлое) воспитаніе, чтобы изъ нихъ вышли практическіе (т. е. немножко подлые) люди, для которыхъ жизнь была бы легкою и веселою. И что̀ же онъ будетъ за отецъ, если обратитъ жизнь для своихъ дѣтей въ тягость и муку, сдѣлаетъ ее невыносимой и даже невозможной!? Затѣмъ, очень понравится ему также мысль, что, въ случаѣ даже великолѣпныхъ результатовъ воспитанія съ индивидуальной точки зрѣнія, «результатъ по отношенію къ обществу и потомству будетъ равенъ нулю». Этого филистеръ даже не пойметъ, почему собственно это будетъ такъ, но, тѣмъ не менѣе, это ему понравится, такъ какъ такимъ образомъ онъ получаетъ утѣшеніе и какъ гражданинъ своего отечества. Затѣмъ, ка̀къ успокоительно должно на него подѣйствовать также то положеніе Спенсера, что «въ семьѣ, какъ и въ народѣ, данное правительство, въ цѣломъ, настолько хорошо, насколько то допускается общимъ состояніемъ человѣческой природы» и т. д. Все это, скажетъ онъ, просто великолѣпно! И, главное: что какъ разъ то̀ же самое, что̀ говоритъ теперь европейскій ученый, замѣчательный умъ, настоящее свѣтило науки, я и самъ думалъ. Съ этихъ поръ онъ навѣрное будетъ считать все вышеписанное непреложною истиною, которая выше всякой критики. Дѣйствительно, не подлежитъ никакому сомнѣнію, что для идеально-честнаго человѣка жизнь можетъ быть невыносимой; только каждый болѣе или менѣе порядочный и неглупый человѣкъ непремѣнно будетъ стремиться дать своимъ дѣтямъ именно такое, идеально-честное

воспитаніе. Онъ не посмотритъ на то, что такое воспитаніе приведетъ его ребенка «къ бѣдственному разладу съ настоящимъ положеніемъ дѣлъ», и постарается только объ одномъ, чтобы приготовить и лучше вооружить его для борьбы съ жизнью за истину и цивилизацію. Точно такъ же, какъ иногда мать благословляетъ сына на борьбу за отечество и гордится его смертью, такъ и всякій порядочный человѣкъ будетъ гордиться сыномъ, погибающимъ за истину. Въ этомъ очень много наслажденія, и неправда, что результатъ такого воспитанія по отношенію къ обществу и потомству будетъ равенъ нулю. Даже капля, и та долбитъ камень, а человѣкъ всегда можетъ сдѣлать больше. Въ этомъ весь прогрессъ, и такъ всегда шло впередъ человѣчество. Къ сожалѣнію, только такихъ отцовъ и матерей у насъ пока очень немного, гораздо, по крайней мѣрѣ, меньше такихъ, которые даютъ дѣтямъ практическое воспитаніе. Спенсеръ не признаетъ, чтобы воспитаніе могло рѣшительно измѣнять людей: «Мнѣніе, говоритъ онъ: — что совершенная система воспитанія немедленно произведетъ идеальное человѣчество, похоже на мнѣніе, высказанное въ поэмахъ Шелли, что все зло немедленно исчезнетъ въ мірѣ, если только человѣчество откажется отъ своихъ старыхъ учрежденій и предразсудковъ: ни то, ни другое не можетъ быть допущено человѣкомъ, который безстрастно изучалъ дѣла человѣческія» (121). Конечно, поэты — народъ далеко не безстрастный, чувства и страсти даже главные ихъ руководители; но нельзя сказать, чтобы поэты никогда уже не высказывали на что-нибудь пригодныхъ мыслей. Еслибы это было такъ, то поэты навѣрное не имѣли бы большаго значенія въ жизни, а они иногда овладѣваютъ умами больше философовъ и намѣчаютъ будущіе пути для человѣчества вѣрнѣе многихъ философовъ. — Мнѣніе Шелли относительно старыхъ учрежденій, несмотря на свою односторонность, въ значительной степени справедливо, такъ какъ учрежденія играютъ очень большую роль въ жизни. Нельзя сказать, что люди не имѣютъ лучшихъ учрежденій потому, что неспособны къ лучшей жизни: имъ обыкновенно труднѣе всего бываетъ измѣнить положеніе вещей, отрѣшиться отъ старыхъ и создать новыя учрежденія. Мы знаемъ, что англійскій народъ, вѣроятно, находившійся на одной степени умственнаго развитія съ народомъ континентальныхъ государствъ, познакомился и сжился съ политическою свободою гораздо раньше, гораздо раньше другихъ. Мы знаемъ, что Magna Charta охранялась невѣжественными крестьянами, не умѣвшими подписать свое имя. Мы знаемъ, что негры стали сразу гражданами Америки и, несмотря на причисленіе ихъ нѣмецкими и англійскими учеными къ обезьянамъ, не обнаруживаютъ желанія возвратиться въ рабство и съ достоинствомъ поддерживаютъ республику и т. д. Учрежденія имѣютъ и очень важное воспитательное значеніе: эгоистическое чувство, говоритъ Милль, «составляющее главную общую черту существующаго порядка, такъ

глубоко засѣло въ насъ только потому, что всѣ существующія учрежденія способствуютъ его развитію; и въ этомъ отношеніи современныя учрежденія превосходятъ древнія, такъ какъ въ нашей жизни гораздо рѣже, чѣмъ въ мелкихъ древнихъ республикахъ, встрѣчаются случаи, когда индивидуумъ обязанъ что̀ либо совершить на пользу общую (?)».

Что̀ же, однако, дѣлать съ воспитаніемъ? неужто оставлять его въ томъ же безотрадномъ положеніи, или поступать ка̀къ-нибудь иначе? Самъ же Спенсеръ говоритъ про одичающее вліяніе на англійскую націю, людей, выходящихъ изъ англійскихъ школъ и становящихся во главѣ націи (212); самъ же онъ говоритъ, что «варварскіе методы, вѣроятно, лучше всего подготовляютъ дѣтей къ варварскому обществу?» А вотъ ка̀къ нужно поступать: «реформа домашняго управленія должна идти pari passu съ другими реформами; методы дисциплины не могутъ и не должны быть улучшаемы иначе, какъ *постепенно* (золотое слово), требованія абстрактной честности необходимо будутъ на практикѣ подчиняться современному состоянію человѣческой природы, вслѣдствіе несовершенства дѣтей, родителей и общества, и примѣненіе этихъ требованій будетъ улучшаться только по мѣрѣ улучшенія общаго характера» (126). Словомъ, все надо дѣлать постепенно и не горячиться. Надо имѣть идеалъ въ виду, но поспѣшать къ нему надо возможно тише, съ умѣренными надеждами и покорностью судьбѣ... Ка̀къ все это будетъ опять на руку филистерству! Мы очень опасаемся, чтобы эта порода людей не сдѣлала изъ книги Спенсера о воспитаніи своей настольной книги. Она можетъ перетолковать въ свою пользу и многіе другіе положенія Спенсера, которыя, въ связи съ вышеизложеннымъ, не покажутся даже особенно нелѣпыми, хотя Спенсеръ и остался бы навѣрное недоволенъ такимъ узкимъ и одностороннимъ ихъ толкованіемъ. Такъ, напримѣръ, ратуя за физическое здоровье и желая убѣдить родителей въ его необходимости, онъ говоритъ, что матери, заботящіяся о «привлекательности» дочерей, поступаютъ очень нераціонально, воспрещая дѣвочкамъ «сильныя и веселыя тѣлесныя упражненія» и заставляя ихъ сидѣть за книжками и рукодѣліями, вслѣдствіе чего дѣвочки становятся «плоскогрудыми, блѣдными и худыми». Или матери, восклицаетъ Спенсеръ, «пренебрегаютъ вкусами противуположнаго пола, или же ихъ понятіе объ этихъ вкусахъ ложно. Мужчины заботятся мало объ учености женщины, но больше объ ихъ физической красотѣ, добродушіи и здравомъ смыслѣ. Много ли побѣдъ одержитъ ученая женщина съ помощью своихъ обширныхъ историческихъ свѣдѣній? Влюблялся ли когда мужчина въ женщину потому, что она понимаетъ итальянскій языкъ? Гдѣ тотъ Эдвинъ, который бросился бы къ ногамъ Анжелины, вслѣдствіе ея знанія нѣмецкаго языка? Но розовыя щеки и веселые глаза имѣютъ

[1] Автобіографія. Стр. 246.

много привлекательнаго. Прекрасно округленная фигура привлекаетъ взгляды удивленія» (356). Доводы эти смѣло могутъ употребляться тѣми врагами женскаго образованія, которые, при обсужденіи женскаго вопроса, больше всего руководятся темными инстинктами. Мы понимаемъ, что Спенсеръ далекъ отъ того, чтобы придать своимъ словамъ такое именно значеніе и употребленіе: вѣроятно, онъ просто желалъ сильнѣе подѣйствовать на чувства читателей, но дѣло въ томъ, что такое значеніе и употребленіе имъ можно придать. Вѣроятно, Спенсеръ не понимаетъ также въ буквальномъ смыслѣ и слѣдующаго своего положенія: «люди начинаютъ понимать, что для успѣха въ жизни важнѣе всего быть хорошимъ животнымъ» (71); а многіе, вѣроятно, поймутъ и это буквально. Очень вѣроятно, что найдется даже какой-нибудь такой филистеръ, который скажетъ: «буду свиньей». Еще удобнѣе для двоякаго толкованія взглядъ Спенсера на наказанія. Нужно замѣтить, что онъ сильно возстаетъ противъ наказаній и въ особенности противъ жестокихъ и искусственныхъ наказаній, но, подойдя къ вопросу о вредѣ безхарактерности многихъ родителей, которые то наказываютъ, то балуютъ дѣтей, говоритъ: если наказывать, такъ ужь наказывать! «Пусть ваши наказанія будутъ подобны наказаніямъ неодушевленной природы, т. е. неотразимы. Ребенокъ обожжется о горячій уголь первый разъ, какъ дотронется до него; обожжется всякій разъ, и вскорѣ научится не прикасаться къ горячему углю...» Если вы будете такъ же послѣдовательны и постоянны, то ребенокъ «будетъ скоро уважать ваши законы, какъ уважаетъ законы природы» (153); «избѣгайте понудительныхъ мѣръ, если есть хоть малѣйшая возможность, но когда считаете нужнымъ деспотизмъ—будьте серьёзно деспотами» (154). Словомъ, какъ считаешь нужнымъ поступать, такъ и поступай: можешь не бить ребенка, и это хорошо; а считаешь нужнымъ бить, такъ бей, и бей неукоснительно, какъ природа. Таково педагогическое правило. Мы понимаемъ, какъ вредно дѣйствуетъ на дѣтей безхарактерное обращеніе съ ними родителей, но думаемъ, что битью человѣка и тѣмъ болѣе ребенка долженъ быть положенъ когда-нибудь рѣшительный конецъ, если только мы вышли изъ состоянія варварства и способны понять такую простую вещь, что мы на это не имѣемъ права. Мы знаемъ, что были люди, которые доказывали, что внезапно данная пощечина производила необыкновенно благодѣтельное вліяніе на дѣтей, но думаемъ, что эти люди были очень глупы. Никогда благодѣтельно не могутъ дѣйствовать на ребенка такія мѣры и никогда онъ не будетъ видѣть въ практикующихъ надъ нимъ подобныя мѣры природу или горячій уголь и проникнется къ нимъ только страхомъ и глубокою ненавистью.

Вотъ какого рода замѣчанія мы считали нужнымъ сдѣлать на сочиненія Спенсера о воспитаніи.

НОВЫЯ КНИГИ.

Учебникъ по словесности. *Андр. Филонова.* Для среднихъ учебныхъ заведеній. Спб. 1878 г.

Г. Филоновъ преподаетъ русскую словесность съ 1855 года; перепробовалъ, какъ говоритъ онъ въ предисловіи, разные способы ея преподаванія и успѣлъ видѣть плоды ихъ. Теперь онъ издалъ учебникъ по словесности, изложенный «въ системѣ, *вѣками выработанной*, съ указаніемъ на главнѣйшихъ представителей того или другого вида произведеній словесныхъ и съ историческими необходимыми объясненіями». Конечно, многіе учебники претендуютъ на такую хорошую программу, но позволительно ожидать, что новое руководство будетъ лучше прежнихъ, хотя бы уже только потому, что по времени оно—послѣднее и, слѣдовательно, обязано было критически воспользоваться многими изъ лучшихъ прежнихъ руководствъ. Впрочемъ, сколь бы ни былъ многоопытенъ авторъ, каково бы ни было его право имѣть и высказывать свои убѣжденія на счетъ разныхъ способовъ преподаванія словесности, мы, однакожъ, не будемъ здѣсь заводить рѣчь о методахъ: хочется вѣрить, что г. Филоновъ не принадлежитъ къ многочисленному разряду тѣхъ преподавателей, которые и печатно, и устно излагаютъ и оспариваютъ почти всегда только способы преподаванія всякихъ учебныхъ предметовъ, не оставляя очень часто даже самимъ себѣ времени для изученія этихъ предметовъ. Въ самомъ дѣлѣ, едва ли гдѣ нибудь на Западѣ, не исключая даже Германіи или Швейцаріи, педагогическіе пріемы и механизмы подвергались такому всеобщему голосованію, какъ у насъ; но за то нигдѣ въ Европѣ, по всей вѣроятности, не ощущается такой скудости въ хорошихъ самостоятельныхъ учебникахъ, какъ у насъ, не исключая даже руководствъ по отечественному языку. Въ виду всеобщей педагогической пытливости, въ виду того, что почти каждое министерство содержитъ у себя свои особые ученые комитеты, имѣющіе спеціальною цѣлью направлять, разсматривать, критиковать, одобрять представленные учебники, причемъ комитеты эти не подчиняются какой-нибудь общей, болѣе или менѣе однородной инструкціи, а напротивъ, повидимому, дѣйствуютъ наперекоръ одинъ другому, намъ кажется, что рецензенту слѣдуетъ почаще

отклонять отъ себя разсужденія собственно о методахъ и не увеличивать массы взаимно-сердитыхъ противниковъ. Постоянные споры о способахъ преподаванія и отсутствіе хорошей оригинальной педагогической литературы породили въ нашемъ педагогическомъ мірѣ *чрезвычайно* много *чрезвычайно* рѣдкихъ людей; оксиморія эта (кстати, г. Филоновъ ничего не говоритъ о такой словесной фигурѣ) оправдывается тѣмъ соображеніемъ, что среди нашихъ педагоговъ много, по общему мнѣнію, *догматическихъ скептиковъ*, т. е. такихъ мыслителей, самая возможность существованія которыхъ противорѣчила пониманію нѣкоторыхъ философовъ: относясь непремѣнно *скептически* ко всему еще только развивающемуся, еще только смутно проявляющему свои очертанія, наши учители отстаиваютъ *догматически* все еще только проэктируемое и еще не имѣющее за собой никакихъ положительныхъ указаній опыта, и, слѣдовательно, объявляя себя эмпириками, они на дѣлѣ оказываются послѣдователями метафизическихъ вдохновеній, при которыхъ масса словъ чаще всего находится въ обратномъ отношеніи къ количеству фактическихъ свѣдѣній.

Такимъ образомъ, оставляя въ сторонѣ всякія разсужденія о педагогическихъ убѣжденіяхъ г. Филонова, которыя положены въ основу новаго учебника, вѣря, что практикуемая имъ метода еще не успѣла, по крайней мѣрѣ въ его глазахъ, тронуться и наклониться къ періоду своего разложенія, мы лучше обратимъ вниманіе почтеннаго автора на то, что̀ всегда и вездѣ должно составлять первѣйшую обязанность всякаго писателя, нарушеніе чего непремѣнно производитъ, на зло всякимъ методамъ, «замѣтные и непоправимые пробѣлы въ умахъ слушателей». Мы разумѣемъ здѣсь достаточное знаніе и ясное пониманіе своего предмета тѣмъ лицомъ, которое пишетъ учебникъ.

И вотъ, прежде всего, трудно отыскать какое-нибудь разумное или научное основаніе слѣдующему заявленію г. Филонова: «теорія словесности въ старину называлась риторикою» (стр. 1). Ужели авторъ думаетъ, что множество совершенно новыхъ книгъ, и теперь еще являющихся подъ Rhétorique, Rhetorik, Rhetoric и проч., какимъ-нибудь образомъ должно свидѣтельствовать объ уничтоженіи этого названія? Неужели самыя послѣднія новости западной литературы, хотя бы, напримѣръ: English Composition and Rhetoric извѣстнаго философа Бэна, составляютъ уже старину? Послѣ этого, и русскія книги, указанныя авторомъ въ его жалкой и безпорядочной библіографіи подъ 1846 или 1856 годами, вслѣдъ за вышеуказаннымъ заявленіемъ, придется считать тоже стариною; мало того—самъ г. Филоновъ, преподающій словесность съ 1855 г., долженъ быть, въ силу этого разсчета, тоже причисленъ къ obsoleta vetustas! На слѣдующей (2) страницѣ читаемъ: «теоріею словесности называется систематическое изложеніе законовъ и формъ, *по которымъ созидаются произведенія* слова». Опредѣленіе это, очень заманчивое для учащагося юно-

шества, составляетъ, однакожъ, наивный анахронизмъ. Нашъ авторъ не представляетъ себѣ того вреда, который можетъ потерпѣть любимая имъ наука вслѣдствіе подобныхъ туманно щедрыхъ обѣщаній. Это—не опредѣленіе, а невыгодная даже для самого торговца реклама, такъ какъ, на основаніи ея, всякій вправѣ потребовать отъ г. Филонова того, чего и самъ г. Филоновъ, пожалуй, не имѣетъ. Говоримъ это не въ обиду, а въ извиненіе автору, и изъ представляющейся намъ дилеммы беремся, отъ лица г. Филонова, за менѣе острый рогъ ея. Въ самомъ дѣлѣ, если авторъ, по его словамъ, долго занимался риторикою, если онъ, какъ намъ помнится, по временамъ принимался за созиданіе разныхъ произведеній слова, изъ которыхъ, однакожъ, ни одно, кромѣ русской христоматіи, не заслужило какого-нибудь поощрительнаго вниманія, то или риторика не выучиваетъ *созидать словесныя произведеній*, или г. Филоновъ не знаетъ риторики. Разумѣется, наборъ изъ русскихъ авторовъ многотомной и грузной христоматіи не причисляется къ созиданію произведеній словесныхъ, съ чѣмъ, вѣроятно, согласится и самъ авторъ. Справедливо замѣчено, что чѣмъ болѣе обѣщаетъ какаянибудь наука, тѣмъ болѣе ожидается отъ изученія ея, тѣмъ болѣе со временемъ она теряетъ изъ своего кредита и уваженія, когда оказывается въ невозможности исполнить все то, что̀ насулили отъ ея имени ея немудрые апологеты. Быть можетъ, никогда столько не подсмѣивались надъ риторикой и логикой, какъ именно въ тѣ далекія отъ насъ времена, когда эти науки озаглавливались самыми лестными именами: ars artium, via ad veritatem, pharus intellectus и проч. Впрочемъ, мы и сами въ нѣкоторомъ родѣ—поклонники риторики и думаемъ, что даровитый человѣкъ, познакомившись съ нею, будетъ писать лучше, а человѣкъ, котораго природа надѣлила нещедро, потрудившись надъ теоріей словесности, будетъ хорошо понимать и развѣ только въ очень рѣдкихъ случаяхъ самъ рѣшится созидать дѣйствительно жалкія произведенія слова. Слѣдовательно, тревожа опредѣленіе, данное г. Филоновымъ теоріи словесности, мы нисколько не безпокоимъ самой теоріи; мы желали бы только, чтобы г. Филоновъ значительно оттѣнилъ въ своемъ опредѣленіи риторики ту мысль Цицерона, что для *открытій* (quo modo verum inveniatur) *совсѣмъ нѣтъ правилъ,* а есть только правила для составленія взглядовъ на открытое (sed tantum est quo modo iudicetur). Не худо бы было также г. Филонову взять въ разсчетъ, при опредѣленіи своей науки, и тотъ стихъ изъ Гудибраса, который такъ часто приводится и такъ сочувственно комментируется въ разныхъ учебникахъ риторики:

That all a Rhetorican's rules
Serve only but to name his tools,

т. е. *всѣ правила ритора служатъ только къ тому, чтобы онъ зналъ названія своихъ инструментовъ.* А знать названіе даже всѣхъ инструментовъ, напр.: столяра, далеко еще не значитъ

быть столяромъ. Но пусть г. Филоновъ не смущается; на долю риторики, во всякомъ случаѣ, остается много важнаго: если не позволяется забирать все, то отсюда еще не слѣдуетъ, чтобы не предоставлялось ничего. Развивать обстоятельно главнѣйшія задачи риторики и разъяснять истинные ея предѣлы — не мѣсто въ настоящей замѣткѣ. Можно бы было, конечно, и просто указать на тѣ сочиненія или учебники по риторикѣ, изъ которыхъ нашъ авторъ имѣлъ бы возможность почерпнуть надлежащія свѣдѣнія, но, признаться, мы опасаемся и это дѣлать: г. Филоновъ не одобряетъ въ своей книгѣ (5 стр.) *техническихъ словъ* и, не задумываясь, приводитъ въ примѣръ неясности рѣчи такіе отрывки изъ русскаго перевода брошюры Гладстона «Болгарскіе ужасы» [1], которые, по нашему крайнему разумѣнію, не представляютъ никакихъ неясностей. Замѣтьте, онъ не говоритъ въ учебникѣ о накопленіи *техническихъ выраженій*, о скученности ихъ въ патетическихъ мѣстахъ рѣчи, въ лирическихъ стихотвореніяхъ, въ поэтическихъ описаніяхъ природы и т. п.— нѣтъ! г. Филоновъ просто ихъ не любитъ. Вѣроятно, въ силу такого безотчетнаго нерасположенія къ техническимъ словамъ или терминамъ, г. Филоновъ и обращается съ ними при всякомъ удобномъ случаѣ какъ-то прихотливо. Такъ, на стр. 2-й у него сказано: «слово *стилистика* происходитъ отъ латинскаго имени существительнаго stylus». При сопоставленіи этого термина съ корнемъ stig (di—sting—u) ere, in—stinc—tus и проч.), слово stilus (вм. stig lus, сравн. русск. мог-ъ, вм. мог-лъ) слѣдуетъ писать и бо̀льшею частію пишутъ чрезъ i; если же отождествлять этотъ терминъ съ такимъ же греческимъ словомъ (что, впрочемъ, не дозволяется количествомъ коренной гласной), то придется въ корнѣ писать y (игрекъ)». Ка̀къ бы тамъ ни было, дѣло, однакожъ, состоитъ въ томъ, что даже начинающій учиться латинскому языку сейчасъ же узнаетъ изъ самаго алфавита, что *y* пишется исключительно только въ словахъ иностранныхъ и преимущественно заимствованныхъ изъ греческаго языка, почему эта буква и называется i grec. Послѣ этого грамматическаго отступленія, будетъ понятна неосмотрительность г. Филонова, который и пишетъ въ корнѣ игрекъ, и называетъ слово латинскимъ. Разумѣется, это—такая ошибка, которую выправитъ г. Филонову и начинающій гимназистъ, но, все-таки, позволительно спросить: какую же авторитетность заслужитъ себѣ въ V или VI классахъ гимназіи учебникъ, уже самыми первыми своими страницами вызывающій столь нехитрую корректуру? Не желая пестрить страницы журнала необычайнымъ въ нашей періодической литературѣ шрифтомъ, мы принуждены отказаться отъ значительнаго сур-

---

[1] Рус. пер. гг. Бестужева - Рюмина и Побѣдоносцева. Огрывокъ, приведенный г. Филоновымъ, какъ образчикъ изобилія техническихъ словъ, таковъ: «пусть теперь турки уничтожатъ свои злоупотребленія. Ихъ *заптіи* и *мудиры*, *бимбаши* и *юзбаши*, *каймакамы* и паши... очистятъ провинціи».

рогата для нашей рецензіи и оставляемъ безъ всякаго вниманія тѣ, кажись, греческія слова, которыя, къ крайнему сожалѣнію, часто-таки попадаются въ учебникѣ. Смѣемъ думать, что и самъ г. Филоновъ въ этомъ случаѣ не посѣтуетъ за умолчаніе, тѣмъ болѣе, что мы при этомъ позволимъ себѣ указать на практическій способъ, посредствомъ котораго можно будетъ удержать книгу г. Филонова учебникомъ гимназіи, а именно: нужно будетъ учителю древнихъ языковъ, во время своего урока, просить гимназистовъ забывать то, что̀ они успѣли выучить изъ Теоріи Словесности, а учитель словесности будетъ обязанъ совѣтывать ученикамъ, при занятіяхъ по книгѣ г. Филонова, не развлекаться свѣдѣніями, добытыми на урокахъ классическихъ языковъ. Обратимся теперь къ болѣе существеннымъ погрѣшностямъ.

Внизу 4-й страницы маленькое подстрочное примѣчаніе заслуживаетъ вниманія, какъ количествомъ, такъ и качествомъ своихъ ошибокъ, при чемъ нѣкоторыя изъ нихъ едва ли могутъ быть легко исправлены даже ученикомъ, достаточно предубѣжденнымъ противъ учебника. Въ этомъ курьёзномъ примѣчаніи сказано: «Солонъ основалъ въ *Сициліи* городъ Солеисъ и населилъ аѳинянами: они, смѣшавшись съ природными жителями, начали говорить ни по аттически, ни по *сицилійски*, а страннымъ образомъ, солецизмами (solecismis utebantur)». Что̀ касается упоминаемыхъ здѣсь: *Сицилія*, *по-сицилійски*, то, кажется, мы нѣсколько угадываемъ причину прискорбной погрѣшности; по всей вѣроятности, г. Филоновъ, напавъ на терминъ *солецизмъ*, взялся, въ видахъ объясненія его, за какой нибудь французскій словарь, гдѣ и встрѣтился, между прочимъ, съ собственнымъ именемъ Cilicie, означающимъ Киликію, страну на южномъ берегу М. Азіи, между Киликійскимъ Моремъ и Тавромъ; страна эта, какъ извѣстно, совсѣмъ не рѣдко упоминается даже въ очень краткихъ курсахъ всеобщей исторіи, въ связи съ такими именами, какъ Помпей, Цицеронъ, Александръ Македонскій и др. Очевидно, нашъ почтенный авторъ прочелъ въ попыхахъ французское названіе Cilicie такъ, что у него совсѣмъ вышло *Сицилія*, которую онъ добросовѣстно и занесъ въ свой учебникъ, Но, если автору не удалось во̀ время вспомнить Киликію, то зачѣмъ не обратилъ онъ своего просвѣщеннаго вниманія на тѣ свѣдѣнія, которыя, безъ всякаго сомнѣнія, онъ имѣетъ о Сициліи? Конечно, онъ знаетъ, что на этомъ, сравнительно, небольшомъ островѣ одновременно жило, во все продолженіе древней исторіи, нѣсколько различныхъ народовъ съ разными языками: и греки, и карѳагеняне, и наконецъ римляне, не говоря уже о миѳическихъ лестригонахъ и др. Ка̀къ же, въ виду всего этого, онъ могъ говорить о какомъ-то сицилійскомъ языкѣ? Вѣдь, *говорить по-сицилійски* въ этомъ случаѣ будетъ совершенно тоже, что въ наше время говорить, напр., *по-сибирски*. Да и зачѣмъ грекамъ въ Сициліи непремѣнно ужъ слѣдовало говорить по аттически, когда они могли, не навлекая на себя никакихъ странныхъ воззрѣній, говорить и по

дорически тѣмъ болѣе, что почти всѣ важнѣйшія общины въ Сициліи (Сиракузы, Гела и проч.) были основаны именно дорійцами? Наконецъ, съ какой стати г. Филоновъ приписалъ къ своей замѣткѣ еще латинское выраженіе: solecismis (sic) utebantur? — Вѣдь свое противоклассическое разъясненіе не могъ же онъ перевести изъ какого нибудь классическаго автора. Ужели и эта латинская фраза поставлена только для того, чтобы неправильностью терминологіи неупустительно искушать довѣрчивость учениковъ?

Предметъ и прямое назначеніе книги точнѣе всего должны формулировать то понятіе, которое обыкновенно соединяется съ словами: придирчивость рецензента; съ нашей стороны, было бы безцѣльною щепетильностью демонстрировать, останавливаясь, напр., при разсмотрѣніи географіи, ариѳметики или исторіи, на слѣдующихъ выраженіяхъ: «слово имѣетъ въ себѣ три стороны» (стр. 3, у Филонова);.. «ошибки можно встрѣчать у мастеровъ словеснаго искуства» (стр. 4);... «правильность требуетъ наблюденія законовъ языка въ отношеніи къ отдѣльнымъ словамъ и въ отношеніи къ соединенію ихъ предложеніями и періодами» (стр. 9) и проч. Но отъ автора стилистическаго руководства можно всегда требовать, чтобы обороты рѣчи его учебника, излагая и рекомендуя красоту и точность литературнаго слога, не противорѣчили восхваляемымъ достоинствамъ. Не выбирая, однако, изъ предлежащаго учебника болѣе или менѣе значительнаго количества неловкихъ оборотовъ русской рѣчи, такъ какъ, при неустойчивости нашего литературнаго языка и грамматики, подобныя указанія плодятъ только праздные споры, мы остановимся лучше на неправильности тѣхъ выводовъ и научныхъ положеній, которыя, по своему изложенію въ учебникѣ, не могутъ, кажется, возбуждать никакихъ сомнѣній на счетъ правильности ихъ пониманія. Такъ, напр.: при исчисленіи важнѣйшихъ случаевъ, мѣшающихъ ясности рѣчи, г. Филоновъ формулируетъ первый случай слѣдующимъ образомъ: «когда слова такъ бываютъ разставлены, что не вдругъ можно догадаться, куда ихъ надо отнести въ рѣчи» (стр. 5). Примѣръ подобной неясности приведенъ изъ «Цыганъ» Пушкина:

И завѣщалъ онъ, умирая,
Чтобы на югъ перенесли
Его тоскующія кости
И смертью чуждой сей земли
Неуспокоенные гости.

«Здѣсь, продолжаетъ авторъ: — неясная мысль произошла отъ неправильнаго словорасположенія. Надо было сказать: и смертью неуспокоенные гости чуждой сей земли». Не входя въ разсмотрѣніе логическихъ и грамматическихъ конструкцій, не перечисляя главнѣйшихъ отличій конструкціи древнихъ языковъ отъ бо̀льшей части новѣйшихъ европейскихъ, не объясняя значенія такъ

называемыхъ *ораторскихъ инверсій*, не указывая, вмѣстѣ съ г. Филоновымъ, тѣхъ нерѣдкихъ случаевъ, когда конструкція одного языка бываетъ инверсіей по отношенію къ другому языку, и наоборотъ; оставляя, такимъ образомъ, совершенно въ сторонѣ тѣ элементарныя основанія риторики, въ силу которыхъ указанное авторомъ правило непремѣнно нужно было изложить въ учебникѣ значительно иначе, мы ограничимся только напоминаніемъ нашему автору того общаго практическаго замѣчанія, что *носиться со словами* или перетасовывать данную рѣчь по своему—въ большинствѣ случаевъ, бываетъ опасно. Конечно, если дѣло касается какихъ-нибудь обыденно-житейскихъ требованій, то переноска словъ можетъ быть причиною только забавныхъ анекдотовъ. Намъ, напримѣръ, приходитъ на память слѣдующій случай съ однимъ французомъ, устроившимъ морскія ванны для дамъ въ Біаррицѣ и, съ цѣлью отличиться передъ другими торговцами, устлавшимъ морской берегъ гладкимъ деревяннымъ поломъ. На вывѣскѣ сдѣлано было слѣдующее объявленіе: *ванны для дамъ въ 15 коп.* (à 50 cent.) *съ деревяннымъ дномъ* (fond). Когда легкомысленные завистники начали, вслѣдствіе неловкой разстановки словъ, подтрунивать надъ цѣнностью приглашаемыхъ дамъ, то догадливый французъ, вѣроятно учившійся риторикѣ по учебникамъ въ родѣ Филоновскаго, сейчасъ же переписалъ свое объявленіе такъ: *ванны съ деревяннымъ дномъ въ 15 коп. для дамъ*. Но и эта редакція вызвала шутки на счетъ цѣны деревяннаго дна, такъ что пришлось писать вывѣску въ третій разъ уже съ такимъ словорасположеніемъ: *ванны въ 15 коп. для дамъ съ деревяннымъ дномъ*. Очевидно, эта переписка снова не понравилась болѣе всего самимъ дамамъ. Мы не знаемъ на чемъ, въ концѣ концовъ, остановился риторъ-французъ, но г. Филоновъ перетасовалъ приведенный примѣръ изъ Пушкина совсѣмъ нелѣпо. Прежде, чѣмъ указывать, ка̀къ *«надо было сказать»*, авторъ долженъ былъ хоть нѣсколько вникнуть въ смыслъ и грамматическій строй этого неудачнаго отрывка; теперь же можно съ достаточною увѣренностью полагать, что составитель новаго руководства, выписывая механически изъ прежнихъ риторикъ готовые примѣры, часто не давалъ себѣ труда даже понять значеніе и пригодность перепечатываемыхъ примѣровъ. Не требуется какихъ-нибудь сложныхъ соображеній, чтобы видѣть, что вышеприведенному примѣру не поможетъ переноска словорасположенія, что мысль не ясна здѣсь вслѣдствіе очевиднаго нарушенія, вѣроятно по вліянію риѳмы, синтаксическаго управленія словъ. Да и ка̀къ не сообразить этого человѣку совершенно русскому, мужу сановитому, почти четверть вѣка (съ 1855 г.) преподающему русскій языкъ, составившему изъ русскихъ авторовъ столь объемистую хрестоматію? Ка̀къ могъ спеціалистъ по русскому языку не смекнуть того, что здѣсь слово *«кости»* въ винительномъ падежѣ отъ дѣйствительнаго залога *«перенесли»*, а «гости», какъ приложеніе (appositio) къ существительному «ко-

сти», тоже должно было бы стоять съ своимъ опредѣленіемъ въ винительномъ падежѣ, значитъ: необходимо было, отрѣшившись отъ риѳмы, сказать: *неуспокоенныхъ гостей*. Подлежащимъ къ сказуемому *перенесли* отнюдь не можетъ быть *кости*, иначе, кромѣ повальной безсмыслицы, пришлось бы еще мѣстоименіе «его» принять за прямой объектъ! Союзъ *и*, въ четвертомъ стихѣ, употребленъ *интенсивно*, т. е. вмѣсто: *даже и самою* (смертью). Стòитъ только обратить сказуемое *перенесли* въ страдательный залогъ, чтобы сейчасъ же понять надлежащій смыслъ всего отрывка и безъ всякихъ перетаскиваній словъ видѣть, что Пушкинъ, не спутанный риѳмой, выразился бы слѣдующимъ образомъ: И завѣщалъ онъ, умирая, чтобы на югъ перенесли (разумѣется, люди, слышавшіе это завѣщаніе) его (здѣсь родит. притяж. отъ послѣдующ. существ.) тоскующія кости, этихъ даже и самою смертью чуждой сей земли неуспокоенныхъ гостей. Но г. Филоновъ, не желая имѣть никакихъ дѣлъ съ коварною грамматикою, учитъ составлять изъ случайныхъ ошибокъ поэта совершенный вздоръ и дидактически вразумляетъ: «здѣсь неясная мысль произошла отъ неправильнаго словорасположенія. Надо было (?!) сказать: и смертью неуспокоенные гости чуждой сей земли.»

На 10 стр. нашъ авторъ учиняетъ такое этимологическое производство, которое способно ошеломить всѣ грамматики. Извольте видѣть, слово—«истина» происходитъ отъ мѣстоименія (??) истый, т. е. тотъ же самый, латинское iste (??)». Въ этихъ пяти-шести словахъ обнаружено замѣчательно большое и разностороннее невѣжество, тѣмъ менѣе извинительное, что сейчасъ же послѣ такихъ несообразностей легкомысленно отвергнуто совершенно научное производство слова *истый* отъ вспомогательнаго глагола ес-мь. Полагаемъ, что г. Филоновъ, кàкъ бы ни былъ *ликъ его ужасенъ*, съ большимъ трудомъ побѣдитъ назойливость тѣхъ изъ своихъ учениковъ, которые вызывательно замѣтятъ ему, что iste совсѣмъ не значитъ *тотъ же самый*, что *истый* отнюдь не есть мѣстоименіе и проч. Самыя даже опечатки разбираемаго учебника кàкъ-то особенно курьезны; напримѣръ, на стр. 12 сказано: «Изъ еврейскихъ ученыхъ разборомъ синонимовъ занимались: Жирардъ, Дидеротъ, Даламбертъ, Гельвецій, Джонсонъ, Гизо и др.» Понятно, что вмѣсто *еврейскихъ* слѣдуетъ читать европейскихъ; но транскрипція французскихъ фамилій такова, что, по первому впечатлѣнію, ихъ, пожалуй, можно принять и за еврейскія. И почему однѣ фамиліи произносятся неправильно—Дидеротъ, Жирардъ, а другія правильно — Гизо? Почему же Дидеротъ, а не Дидро, и почему Гизо, а не Гизотъ? мы не говоримъ уже о той несообразности, что въ числѣ этихъ европейскихъ фамилій нѣтъ ни одной нѣмецкой, между тѣмъ какъ наилучшіе синонимики, особенно по классическимъ языкамъ, принадлежатъ дѣйствительно нѣмцамъ? На стр. 15, при объясненіи галлицизмовъ, переведено, неизвѣстно зачѣмъ, краткое предложеніе изъ Карамзина

на французскій языкъ, и переведено, конечно, съ совершенно достаточнымъ количествомъ ошибокъ; quand la (?) voyage est devenu necessaire (?) ã mon âme (?). Но, и помимо опечатокъ, этотъ примѣръ неудаченъ по самому существу своему: почему же выраженіе Карамзина, «когда путешествіе сдѣлалось потребностью моей души», нарушаетъ особенность русской рѣчи? Самый даже переводъ его на французскій языкъ не обошелся безъ надлежащихъ уклоненій отъ русской рѣчи: вмѣсто существительнаго, поставлено прилагательное, вмѣсто родительнаго падежа, поставленъ дательный. Послѣ этого, всѣ русскія предложенія, переведенныя довольно близко на французскій языкъ, будутъ галлицизмы?

Въ заключеніе нашего обзора только первыхъ 15 страницъ учебника г. Филонова (дальше идти значило бы безмѣрно удлинить и безъ того длинную рецензію), мы считаемъ умѣстнымъ указать еще на одинъ фактъ, который, надѣемся, вполнѣ можетъ подтвердить то предположеніе, что г. Филоновъ часто принимается въ своей книгѣ объяснять такія вещи, которыя рѣшительно превосходятъ мѣру его собственныхъ свѣдѣній и пониманія. Начиная иногда опредѣлятъ различіе дѣйствительно и явно разныхъ терминовъ или троповъ, онъ нерѣдко оканчиваетъ совершеннымъ отождествленіемъ ихъ. Такъ, на стр. 9, говорится о синонимахъ, къ которымъ «относятся рѣченія, имѣющія хотя различныя значенія, однако сходныя (?) между собою и одно къ другому близкія. Они означаютъ одинъ и тотъ же предметъ, одно и тоже свойство или дѣйствіе предмета, но съ разныхъ ихъ сторонъ, въ различныхъ ихъ оттѣнкахъ» Представивъ, въ видѣ иллюстраціи этого не совсѣмъ-то складного объясненія нѣсколько примѣровъ (трудъ и работа, счастіе и благополучіе и проч), авторъ, въ концѣ этого же 4-го подраздѣленія, противопоставляетъ синонимамъ такъ называемые *омонимы* и говоритъ (11 стр.): «отъ синонимовъ надо отличать омонимы. Омонимами называются различныи празванія для одного и того же предмета, напримѣръ, око и глазъ,ароматъ и благовоніе и проч.» Любопытно знать, кого именно нашъ авторъ думалъ при этотъ обмануть: самого себя, или ученика? Мы увѣрены, впрочемъ, что порядочнаго ученика онъ не обманетъ, такъ какъ всякому учащемуся извѣстно, что когда *«надо отличать»*, то слѣдуетъ ставить на видъ и различіе, а не *полнѣйшее подобіе*; кромѣ того, всякій ученикъ, пораженный такимъ насиліемъ человѣческому смыслу, непремѣнно посмотритъ въ какой-нибудь словарь и поищетъ какого-нибудь *отличія*. И вотъ онъ увидитъ, что омонимами считаются *совершенно одинаковыя* слова или названія для совершенно *различныхъ* предметовъ, въ противоположность синонимамъ, которые суть *разныя* названія для одного и того же предмета, причемъ одно названіе указываетъ болѣе на внутреннее свойство предмета, другое—на его внѣшность, третье—можетъ особенно оттѣнять причину происхожденія этого предмета, четвер-

тое—главнѣйшую его цѣль и пр. и пр. А такъ какъ всѣ примѣры у г. Филонова на омонимы оказываются, въ сущности, тѣми же синонимами, то ученикъ отыщетъ и какой-нибудь русскій примѣръ, найдетъ, напримѣръ, что слово *коса* служитъ названіемъ, безъ всякаго измѣненія въ своей формѣ, тремъ различнымъ предметамъ, обозначая и орудіе для срѣзыванія травы, и длинную прядь волосъ на головѣ, и узкую полосу земли, вдающуюся въ море и т. д. Быть можетъ, гимназистамъ 5-го класса даже извѣстно, что французскій языкъ отличается остроумною игрою словъ преимущественно потому, что изобилуетъ омонимами.

Подлинно, г. Филоновъ—экземплярный учитель россійской словесности: онъ можетъ учить другихъ тому, чего самъ не знаетъ, можетъ на цѣлыхъ 3 страницахъ объяснять то, чего самъ не понимаетъ, можетъ изъ старыхъ учебниковъ дѣлать дрянные новые. Такіе учебники составлять, конечно, не трудно, но трудно, къ сожалѣнію, изучать ихъ, и тѣмъ труднѣе, чѣмъ голова ученика дѣльнѣе.

Этологическія и миѳологическія замѣтки I. Чаши изъ человѣчьихъ череповъ и тому подобные примѣры утилизаціи трупа *Л. Воеводскаго.* Одесса, 1877 г.

Это часть сравнительной исторіи нравственности, отдѣланная съ тѣмъ мастерствомъ, которое г. Воеводскій обнаружилъ еще въ своей магистерской диссертаціи («Канибализмъ въ греческихъ миѳахъ»). Кромѣ громаднаго знакомства съ фактическимъ матеріаломъ, онъ обладаетъ еще однимъ цѣннымъ качествомъ. Занимаясь отдѣлкой части, онъ всегда имѣетъ въ виду ея отношеніе къ цѣлому; разработывая основательно одну опредѣленную область вопросовъ науки, онъ не замыкается въ тѣсный кругъ этихъ вопросовъ и хотя бы мимоходомъ высказывается объ отношеніи ихъ къ конечнымъ выводамъ общественной науки. Онъ всегда отдаетъ себѣ отчетъ въ томъ, какое вліяніе можетъ имѣть то или иное рѣшеніе занимающихъ его частныхъ вопросовъ на рѣшеніе тѣхъ общихъ вопросовъ, которые ставитъ себѣ сравнительная исторія культуры.

Сравнительной исторіи культуры приходится еще бороться за свое существованіе нетолько въ Россіи, гдѣ наука «вообще» находится подъ постояннымъ «сумнѣніемъ» у весьма многихъ, гдѣ она живетъ подъ страхомъ быть упраздненною за ненужностью, но и въ Европѣ. Такъ, нѣмецъ Каммеръ жестоко нападаетъ на проф. сравнительнаго языкознанія Штейнталя за то, что онъ «осмѣлился судить о гомеровской поэзіи на основаніи понятій о народной поэзіи, составленныхъ по поэтическимъ произведеніямъ финновъ, русскихъ, татаръ и другихъ народовъ». По мнѣнію этого нѣмца, Штейнталь *забылъ*, «что греки *отличаются* отъ этихъ народовъ чуть ли не какъ небо отъ земли» (Воеводскій, стр. 5). Другой нѣмецъ, филологъ Фолькманнъ, провозглашаетъ слѣдующій догматъ: «Въ настоящее время, считает-

ся съ научной точки зрѣнія просто немыслимымъ дѣлать на основаніи изученія совсѣмъ дикихъ, нецивилизованныхъ народовъ и племенъ какіе-либо выводы для уясненія греческаго быта въ вѣкъ героевъ, а тѣмъ болѣе во времена Гомера». (Loc. cit.).

Очевидно, что здѣсь противникомъ сравнительной исторіи культуры является невѣжество, не абсолютное, конечно, а относительное, ограниченность кругозора, обусловливаемая дифференцированіемъ науки. Каждый ученый занимается отдѣльнымъ предметомъ, отдѣльнымъ народомъ и отчасти пораженъ, отчасти недоволенъ, когда его тянутъ къ другимъ предметамъ и народамъ, когда его приглашаютъ заглянуть въ то, что̀ является предметомъ спеціальныхъ занятій другихъ лицъ. Всевозможными средствами онъ открещивается отъ предъявляемыхъ къ нему притязаній. Нѣтъ сомнѣнія, однако, что такія основательныя изслѣдованія, какъ изслѣдованія г. Воеводскаго, въ концѣ концовъ, обезоружатъ близорукихъ противниковъ. Въ настоящемъ, первомъ выпускѣ своихъ изслѣдованій по сравнительной исторіи нравственности и вѣрованій г. Воеводскій показываетъ, на основаніи массы данныхъ, ка̀къ провозглашенный искони всѣми народами принципъ «неприкосновенности мертваго тѣла»—всегда нарушался этими же народами. Уже не говоря о людоѣдствѣ, съ которымъ мы встрѣчаемся у всѣхъ народовъ на самыхъ первобытныхъ ступеняхъ ихъ развитія, мы находимъ утилизацію «частей» трупа, примѣненіе ихъ на потребу людей на самыхъ позднихъ ступеняхъ развитія. Ка̀къ объяснить, ка̀къ примирить такое противорѣчіе въ нравственныхъ понятіяхъ человѣчества? Ка̀къ примирить, между прочимъ, издавна существующій антагонизмъ къ анатоміи (18 и прим. 9), занимающейся «потрошеніемъ» труповъ, съ употребленіемъ человѣческихъ череповъ въ видѣ чашъ для питья? Г. Воеводскій разрѣшаетъ его слѣдующимъ образомъ. Человѣческое жертвоприношеніе, представляющее собою «грубую утилизацію матеріальнаго человѣка», явилось тогда еще, когда «не могло быть и рѣчи о неприкосновенности или даже святости мертваго тѣла». Утилизація частей трупа есть *остатокъ* жертвоприношенія, который продолжалъ существовать и въ такія времена, когда принципъ «неприкосновенности трупа» былъ провозглашенъ и вообще взглядъ «на значеніе человѣка» успѣлъ уже «до крайности измѣниться».

На основаніи данныхъ, приведенныхъ г. Воеводскимъ, мы постараемся высказать и свои соображенія по этому предмету, нѣсколько отличныя отъ мнѣнія г. Воеводскаго. Намъ кажется, что итогъ подведенъ имъ не совсѣмъ вѣрно, что выводъ невполнѣ соотвѣтствуетъ фактамъ. Мы полагаемъ, во-первыхъ, что принципъ «неприкосновенности человѣческаго трупа» никогда не былъ провозглашенъ въ такой общей формѣ, въ какой выражаетъ его г. Воеводскій, что неприкосновенность трупа провозглашалась не по отношенію ко всѣмъ людямъ, а по отноше-

нію къ людямъ, принадлежащимъ къ извѣстной общественной групѣ, что требовалось щадить, оставлять неприкосновенными только трупы *своихъ*, а не *чужихъ*. Принципъ неприкосновенности обнималъ въ исторіи человѣчества тѣмъ бòльшій кругъ людей, чѣмъ болѣе расширялось понятіе о «своихъ», и слѣдовательно, одновременно съуживалось понятіе о «чужихъ». Но разъ принципъ, въ той общей формѣ, какую придалъ ему г. Воеводскій, не былъ провозглашенъ, мы увидимъ, опять-таки, изъ данныхъ г. Воеводскаго, что болѣе узкій, болѣе ограниченный принципъ вовсе не нарушался. Мы увидимъ, что въ большинствѣ случаевъ говорится не объ утилизаціи трупа человѣческаго вообще, а объ утилизаціи *вражескаго* трупа. Тупинамби въ Бразиліи дѣлаютъ трубки изъ костей убитаго «врага». (20). Таитяне въ Австраліи дѣлаютъ багры изъ костей «врага» (21). Абиноны, убивши «врага», хранятъ черепъ его и «употребляютъ его въ видѣ чаши для питья» (26—27). Индѣйцы Сѣверной Америки сдираютъ кожу съ головы убитаго «врага» и хранятъ эту кожу или такъ называемый скальпъ (27). Геродотъ разсказываетъ о скиѳахъ, между прочимъ, что они употребляютъ, вмѣсто чаши, черепа убитыхъ ими враговъ, «не всѣхъ, впрочемъ, а только своихъ *злѣйшихъ* враговъ» (24). Къ этому разсказу Геродотъ присоединяетъ другой разсказъ, совершенно противорѣчащій первому: «Такъ же точно, говоритъ онъ:—они поступаютъ и съ своими собственными *родственниками*» или, какъ онъ дальше выражается, съ «родственниками, которые затѣяли войну», но оказались «побѣжденными» (24). Изъ приведенныхъ до сихъ поръ данныхъ, изъ тѣхъ, которые будутъ приведены ниже, и изъ словъ самого Геродота мы имѣемъ право заключить, что подъ родственниками, «затѣявшими войну и побѣжденными», онъ разумѣетъ не отдѣльныхъ лицъ—родственниковъ, а родственныя, сосѣднія *племена*. Такимъ образомъ, скиѳы вообще хранятъ черепа своихъ злѣйшихъ враговъ, какими являются отдаленныя, неродственныя племена и поступаютъ такимъ же образомъ съ родственными, сосѣдними племенами, какъ скоро они становятся врагами. Здѣсь дѣло, значитъ, все-таки, идетъ о «чужихъ», а не о «своихъ», о черепахъ лицъ, принадлежащихъ къ чужимъ общественнымъ групамъ. — О сосѣдяхъ скиѳовъ—гелонахъ, Помпоній-Мела разсказываетъ, что они прикрываютъ себя и лошадей кожею «враговъ» (29). Посидоній, Родосскій, а за нимъ Діодоръ Сицилійскій и Страбонъ разсказываютъ о древнихъ галлахъ: Они «отрѣзывали головы павшимъ въ сраженіи «врагамъ», привязывали эти головы къ шеѣ своей лошади и, возвратившись съ побѣднымъ пѣніемъ домой, прикрѣпляли ихъ къ стѣнѣ у входа въ свое жилище... Головы же знатѣйшихъ «враговъ» они бальзамировали кедровымъ масломъ и хранили въ сундукахъ» (39). Къ этому Страбонъ прибавляетъ, что обычай обвѣшивать «шею лошади головами убитыхъ «враговъ» встрѣчается у сѣверныхъ варварскихъ народовъ особенно

часто. (Loc. cit.). Ливій разсказываетъ о кельтійскомъ племени бойевъ, которые оправили голову убитаго ими «римскаго» предводителя Постумія въ золото и употребляли его въ «храмѣ» своемъ вмѣсто чаши (41). Амміанъ Марцеллинъ расказываетъ объ одномъ народѣ, жившемъ во Ѳракіи, что онъ приносилъ «плѣнныхъ» въ жертву Богу, т. е. враговъ. Изъ «Германскихъ Древностей» Авентина Яковъ Гриммъ приводитъ слѣдующее мѣсто. «Черепа убиваемыхъ въ сраженіи «непріятельскихъ» предводителей и знати они украшали оправою и давали пить изъ нихъ» (44). На основаніи извѣстныхъ ему данныхъ изъ жизни германскихъ племенъ, уже Гриммъ приходилъ къ заключенію, «что первоначально только черепа знатныхъ «враговъ» служили бокалами» (49). О «врагахъ» говорятъ также данныя изъ жизни славянскихъ племенъ. Болгарскій царь Крумъ оправилъ черепъ убитаго въ сраженіи «византійскаго» императора Никифора въ серебро и пилъ изъ него (42). Печенѣги убили «русскаго» князя Святослова «и взяша голову его и во лбѣ его здѣлаша чашю». (42, прим. 14). Нѣмецкій ученый Крекъ, въ своемъ «Введеніи въ исторію славянской словесности», въ свою очередь, говоритъ объ употребленіи «вражескихъ», непріятельскихъ череповъ славянскими племенами (56 прим. 7). Г. Воеводскій снабжаетъ слова Крека вопросительнымъ знакомъ и спрашиваетъ: почему же «только непріятельскихъ»? (Loc. cit.). Потому же, отвѣтимъ мы, почему наибольшій процентъ приведенныхъ имъ самимъ данныхъ свидѣтельствуетъ о принесеніи въ жертву «враговъ», объ утилизаціи «вражескихъ» череповъ и т. д., словомъ—о той спеціализаціи употребленія цѣлыхъ труповъ и частей труповъ, противъ которой онъ, только мимоходомъ, впрочемъ, высказывается. Мы можемъ, указать между прочимъ на данныя о трофеяхъ, приводимыя въ статьяхъ Спенсера («Отеч. Зап.» февраль и мартъ), свидѣтельствующія о томъ же и приводящія къ такому же результату. Есть въ изслѣдованіи г. Воеводскаго весьма небольшое количество данныхъ, которыя, повидимому, несоотвѣтствуютъ выставленному нами общему началу о неприкосновенности трупа и частей трупа соплеменниковъ только. Мы приведемъ эти данныя и постараемся объяснить ихъ. Николай Дамаскскій сообщаетъ о либійцахъ Панебы, что они отрѣзываютъ голову умершаго «царя» и, «позолотивъ, ставятъ ее въ свѣтлицѣ» (38—39). Въ «Германскихъ Древностяхъ» Авентина разсказывается также, что монахи въ Эберсбергѣ давали пить изъ черепа «св. Севастіана», а монахи въ Регенсбургѣ—изъ черепа «св. Эрнгарта» (44). Точно также «въ Трирѣ монахи лечили отъ лихорадки, давая пить изъ оправленнаго въ серебро черепа св. Теодульфа и... еще въ 1465 году давали пить изъ черепа св. Квирина» (45). Цари и святые, очевидно—«не враги», а между тѣмъ, части ихъ трупа утилизируются, ихъ черепа превращаются въ чаши. Если мы припомнимъ, что черепа только «знатныхъ» враговъ и «предводителей» золотились и употребля-

лись въ «храмахъ» въ видѣ чашъ, то ключъ для разъясненія приведенной только что групы данныхъ будетъ найденъ. Черепу «знатнаго» «врага» стали оказывать «уваженіе» посредствомъ «золоченія» его и употребленія въ «храмѣ». «Уваженіе» стало мотивомъ такихъ дѣйствій par excellence. Черепъ неуважаемаго врага не золотился, хотя бы онъ и былъ добытъ. Впослѣдствіи, уваженіе, выразившееся въ такой демонстративной формѣ по отношеніи къ чужому «знатному», стало переноситься и на своего «знатнаго» и всякаго, кому желали оказывать уваженіе и почетъ. Нарушеніе принципа «неприкосновенности трупа соплеменниковъ» дѣйствительно произошло, но только на болѣе позднихъ ступеняхъ развитія. Утилизированіе трупа «соплеменника» было новымъ явленіемъ, небывалымъ до тѣхъ поръ. Оно явилось только тогда, когда «свой» сталъ знатнымъ среди «своихъ», когда онъ возвысился надъ «своими», когда ему стали оказывать спеціальные знаки уваженія, когда онъ сталъ, такъ сказать, врагомъ на изнанку.

Мы полагаемъ, слѣдовательно, что на самой первобытной ступени развитія неприкосновенными считались и были на самомъ дѣлѣ трупы соплеменниковъ. Трупы враговъ не были неприкосновенными и утилизировались. На болѣе позднихъ ступеняхъ развитія стали сравнительно болѣе щадить и тѣла враговъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ утилизировать и части тѣла соплеменниковъ. Добытый нами результатъ кажется намъ важнымъ въ томъ отношеніи, что онъ указываетъ на ходъ развитія нравственнаго чувства нетолько въ данной области жизни, но и во всѣхъ другихъ областяхъ.

Семь сказокъ для дѣтей. *Варвары Софроновичъ.* Съ силуэтами работы Елизаветы Бёмъ. Спб. 1878 г.

Сказка есть очень благодарная форма литературы, но ошибочно было бы думать, что хорошую сказку легко написать—это далеко не всякому удается. Хорошихъ сказокъ, отличающихся богатствомъ содержанія и внѣшними литературными достоинствами, у насъ, къ сожалѣнію, очень немного, хотя попытокъ разсказывать хорошія сказки и немало. Къ числу такихъ попытокъ надо отнести и сказки г-жи Софроновичъ. Довольно изящно изданныя и украшенныя силуэтами, онѣ представляютъ чистенькую книжечку, которая, вѣроятно, охотно будетъ покупаться маменьками и тетеньками, но къ которой, къ сожалѣнію, нельзя примѣнить пословицу: «красна изба не углами, а пирогами». Полуфантастическіе разсказы г-жи Софроновичъ (сказки) заканчиваются непремѣнно извѣстною и довольно избитою моралью: одна сказка доказываетъ, что полезно учиться и быть добрымъ («Волшебная палочка»), другая, что надо быть всѣмъ довольнымъ и за все благодарнымъ судьбѣ («Глазки принцессы Формозы»), третья, что надо прощать обиды, даже въ такихъ случаяхъ, когда вамъ сломаютъ ногу и вывихнутъ руку («Каменная статуя») и т. п. Не вдаваясь въ качество самой морали и въ

то, насколько мораль одной сказки согласуется съ моралью другой (напримѣръ: насколько пытливость въ наукѣ согласуется съ вседовольствомъ), можно видѣть, что морали г-жи Софроновичъ, которымъ она, повидимому, придаетъ очень важное значеніе, по бо̀льшей части плохо прилажены, плохо согласованы съ самымъ разсказомъ и не достигаютъ цѣли. Такъ, напримѣръ, въ сказкѣ о двухъ братьяхъ—младшій, дуракъ Иванъ, думающій о всемъ мірѣ, только потому становится счастливъ, что чья-то чужая свинья, прійдя въ его незагороженный садъ, отрываетъ ему кладъ, «котелъ чугунный и въ немъ денегъ пропасть» (62), а старшій братъ, умникъ и скупой эгоистъ, становится несчастнымъ только потому, что жена его, такая же скупая, какъ и онъ, потеряла всѣ свои деньги, а лошадь и телегу у нихъ украли воры (60). Согласитесь, что можно было найти болѣе подходящій примѣръ любви къ ближнему и непривлекательности узкаго себялюбія. Мораль выходитъ совсѣмъ плохая. Или, напримѣръ, въ сказкѣ «Дурнушка» разсказывается объ одной очень некрасивой дѣвочкѣ (кривобокая, хромая, ротъ до ушей, глаза-щелочки и т. д.), надъ которою всѣ дѣти смѣялись, за что̀ она постоянно злилась, считая ихъ «гадкими и злыми». Но вотъ, однажды, дурнушка нашла въ ручейкѣ розовое стеклышко, и какъ только взглянула въ него, такъ все ей показалось волшебно-привлекательнымъ, не исключая смѣявшихся надъ нею дѣтей и самой барыни (въ услуженіи у которой жила мать дурнушки), сердитой и ворчливой старухи, которая «помыкала» ею и бранила ее (71). Стала затѣмъ дурнушка смотрѣть на все въ розовое стеклышко, пока не выросла и не превратилась въ настоящую красавицу (76), причемъ неизвѣстно душевныя ли добродѣтели украсили ея лицо или же она просто выросла и измѣнилась. Но, во всякомъ случаѣ, мораль—смотри на все въ розовое стеклышко, черезъ которое всякая мерзость и несправедливость кажутся привлекательными—неудовлетворительна, потому что такимъ манеромъ отучишься отличать бѣлое отъ чернаго и потеряешь всякое чутье къ истинѣ. Или, вотъ, напримѣръ, какая еще исторія разсказывается въ сказкѣ: «Какой другъ былъ у Даши». У маленькой крестьянской сиротки, Даши, которую пріютили сосѣди, оказался другъ въ лицѣ Шарика, большой лохматой дворняшки. Дашу судьба надѣлила за что̀-то всѣми пороками: лѣнью, ложью, воровствомъ и проч., такъ что ей навѣрное предстояло бы подъ бременемъ ихъ погибнуть, если бы Шарикъ не занялся ея воспитаніемъ, а Шарика, напротивъ, судьба надѣлила такимъ умомъ и такими нравственными качествами, какимъ могъ бы позавидовать и любой двуногій педагогъ. Началъ Шарикъ съ пріученія дѣвочки къ труду. Дадутъ Дашѣ дома работу—горохъ лущить или чинить какое-нибудь тряпье, а она броситъ работу и убѣжитъ въ лѣсъ перекликаться съ птицами или собирать землянику. Тогда Шарикъ возьметъ корзинку съ работою въ зубы и отыщетъ Дашу, поставитъ корзинку

передъ нею «и смотритъ ей прямо въ глаза не то строго, не то умильно; и хвостомъ виляетъ, точно сказать ей хочетъ: «будь же умницей, Даша, работай, лѣниться нехорошо!» Не послушается Даша, онъ разсердится, схватитъ ее за платье зубами и не пускаетъ, пока не заставитъ работать. Затѣмъ, попробовала, однажды, Даша украсть ночью у хозяевъ медовыхъ пряниковъ изъ шкапчика, но Шарикъ «понялъ, какое дурное дѣло затѣяла его пріятельница», схватилъ ее зубами за ногу и, не «поднимая шума и лая, чтобы не выдать дѣвочку», держалъ ее за ногу до тѣхъ поръ, пока она не положила обратно пряники и не заперла шкапчикъ. Затѣмъ Шарикъ отучилъ ее отъ лжи (10), затушилъ подоженную ею избу (15) и т. п. Словомъ, Шарикъ былъ настоящимъ добрымъ геніемъ Даши. Какъ жаль, что его не было около г-жи Софроновичъ, когда она писала свои сказки, а то онъ непремѣнно схватилъ бы ее за руку и не выпускалъ бы ея до тѣхъ поръ, пока она не положила бы перо или не начала бы писать что-нибудь лучшее.

Объѣздъ губерніи съ картою новаго рода. (Недавнее прошлое). Сочиненіе *П. Леонарда*. Спб. 1878.

«Этого-то вислоухаго приказываете объѣзжать, ваше благородіе? спрашивалъ вахмистръ Федченко. — Зазорно мнѣ на него садиться-то.» Намъ истинно зазорно писать рецензію о вислоухомъ сочиненіи г. Леонарда. Дѣйствительно, это—нѣчто невѣроятное и невозможное, нѣчто безпримѣрное даже въ нашей литературѣ, въ которой, вотъ уже нѣсколько лѣтъ, Бога не боясь и людей не стыдясь, подвизается самъ князь Мещерскій. Какой-то «полковникъ», видите ли, подыскиваетъ себѣ невѣсту; въ этихъ видахъ, онъ составилъ себѣ карту губерніи съ отмѣтками на ней мѣстожительства всѣхъ подходящихъ невѣстъ и, вооруженный ею, разъѣзжаетъ, какъ Чичиковъ, отъ помѣщика къ помѣщику. Болѣе этого мы ничего не можемъ — да и никто въ мірѣ не сможетъ, смѣло утверждаемъ это — сказать о содержаніи «Объѣзда» г. Леонарда, хотя онъ занимаетъ собою ровно 423 страницы. Сначала, на первомъ десяткѣ страницъ, г. Леонардъ толкуетъ о добромъ старомъ времени, когда «жизнь текла ровно, спокойно», когда «стоялъ, напримѣръ, домъ — семья, но связь этого дома, отъ главы до послѣдняго слуги, была не денежная, не корыстная, но чисто родственная, самоотверженная» (3), когда «всему была цѣль, смыслъ и прямо къ цѣли и стремились, и нервы были покойны и въ порядкѣ — безцѣльно и безсмысленно было только для сумасшедшихъ. Въ ожиданіи было спокойствіе, въ обладаніи — удовольствіе; была искренность, правдивость, во взглядѣ — довѣріе, въ пожатіи — душа» (9). Г. Леонардъ довольно исправно «верхнія выводитъ нотки» нашего запоздалаго консерватизма, но такъ какъ этотъ пискъ слѣпыхъ котятъ, заброшенныхъ жизнью въ помойную яму, намъ слишкомъ извѣстенъ, напр. изъ произведеній г. Маркова («Барчуки») или г. Чаева («Надя»), то мы можемъ уволить се-

бя отъ собесѣдованія съ г. Леонардомъ по этому предмету. Послѣ этой прелюдіи, начинается собственно «Объѣздъ» полковника, растянутый на цѣлыхъ четыреста страницъ и обставленный авантюрами, въ которыхъ ни складу, ни ладу, ни смысла, ни правдоподобія. На сцену являются зачѣмъ-то сутяги-помѣщики, шуллера-прокуроры, скандалисты-гусары, идіоты-предводители, сплетницы-генеральши, и всѣ эти персонажи точно вырвались только-что изъ Бэдлама и, не снявши еще съ себя смирительныхъ рубахъ, кувыркаются черезъ голову и завываютъ, пугая весь честной народъ. А самъ авторъ, въ это время, обильно поливаетъ издѣлія своего воображенія соусомъ своего остроумія и юмора, въ родѣ того, напр., что у обжоры — полковника — «бой (?!), нельзя сказать, былъ, но только не въ головѣ, а въ желудкѣ... по ночамъ, когда изъ него, какъ изъ крѣпости, начиненной припасами, начинались тревога и вылазка со свистомъ и гамомъ, вызывавшимъ лай собакъ на дворѣ» (19). Тьфу! Или въ родѣ того, что пріѣзжаетъ нашъ полковникъ къ помѣщику, у котораго нѣсколько дочерей: «Дочки были съ удивительными бюстами-грудями; гора... настоящая гора вмѣсто грудей; за нею слѣдовалъ обрывъ къ мѣсту таліи, потомъ опять подъемъ и за нимъ неспосредственно огромная шарообразная площадь, туго обтянутая въ матерію. — Молока-то сколько! едва не вскрикнулъ полковникъ. Это было спереди у барышень, а сзади была также у каждой гора. «И съ этой стороны, фу ты — сколько!...» Полковникъ, къ счастію, не договорилъ; ему пришло на мысль ужасное слово въ pendant «молоку», и онъ никогда ничѣмъ не могъ бы его поправить — смягчить» (68, 69). Дважды, трижды тьфу! Дѣло кончается тѣмъ, что полковникъ, побитый у одного, обруганный у другого и наглупившій и напакостившій у всѣхъ безъ исключенія, такъ и остается на бобахъ.

Чортъ знаетъ что̀ такое! Неужели, и у г. Леонарда найдутся читатели? Неужели, въ самомъ дѣлѣ, это — законъ, что каждый г. Леонардъ находитъ другого, еще бо̀льшаго Леонарда, qui l'admire? Неужели нѣтъ возможности изолировать въ литературѣ бездарность и безсмысліе та̀къ, чтобы онѣ погрязли и задохлись въ своихъ собственныхъ испареніяхъ? Въ журналистикѣ это было относительно г. Леонарда отчасти достигнуто: свои прожекты о томъ, ка̀къ надо «тащить» мужика на работу и «не пущать» его съ таковой, онъ принужденъ былъ печатать въ томъ отдѣлѣ, въ которомъ главные сотрудники — кухарки за повара и горничныя со стиркой, въ отдѣлѣ объявленій. Отъ всей души желаемъ, чтобы точно также только тѣ, которымъ г. Леонардъ заплатитъ соотвѣтственный гонораръ, соглашались ступить какъ въ предлагаемый «Объѣздъ», такъ и въ будущія сочиненія г. Леонарда, которыми онъ, по всей вѣроятности, не замедлитъ сневѣжничать.

Графъ Арсеній Голенищевъ-Кутузовъ. **Затишье и буря** (1868—1878) Спб. 1878.

Надо полагать, безъ царя въ головѣ жить очень весело, хотя, въ концѣ концовъ, едва-ли удобно. Изображать собою мѣшокъ, въ который что̀ ни положишь, то̀ онъ и несетъ, пріятно должно быть въ томъ отношеніи, что человѣкъ такимъ образомъ совершенно гарантируется отъ той «жизненной пустоты», которая иныхъ, какъ извѣстно, даже до самоубійства доводитъ. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь совершенно же невозможно, чтобы дѣйствительность, какая бы она тамъ ни была, не имѣла ровно никакого содержанія. А для человѣка-мѣшка это только и требуется: уголь или апельсины, толченый кирпичъ или печеный хлѣбъ, онъ все понесетъ съ одинаковою готовностью и, стало быть, во всякомъ случаѣ будетъ набитъ вплотную. Но, съ другой стороны, обращеніе въ конечномъ результатѣ такого мѣшка въ грязную ветошку — тоже не подлежитъ никакому сомнѣнію. Что̀ дѣлать! Даромъ ничто не дается, и надъ чѣмъ посмѣешься, тому и послужишь.

Въ томъ-то и бѣда, что надъ логикою, надъ послѣдовательностью нельзя смѣятся безнаказанно. Одними увлеченіями не проживешь по крайней мѣрѣ, съ такимъ багажемъ ничего путнаго не сдѣлаешь: для дѣятельности нужны твердыя убѣжденія и опредѣленное міросозерцаніе. Человѣкъ, послѣдовательный только въ своей непослѣдовательности, роковымъ образомъ осужденъ на хроническое самоѣдство и, какъ Пенелопа, долженъ ввечеру распускать тотъ холстъ, который усердно ткалъ поутру. Положеніе незавидное, и скрасить его трудно! «Искренность» увлеченій (на что̀ всегда, въ подобныхъ случаяхъ, указывается какъ на circonstance atténuante) ровно ничего не говоритъ противъ ихъ вздорности и вредности, а «откровенность», съ какою тотъ или другой субъектъ сознается въ своихъ увлеченіяхъ, нисколько не почтеннѣе той всесовершеннѣйшей откровенности, съ какою Репетиловъ признавался Чацкому: «братъ, чувствую, что глупъ», но—«совру—простятъ», прибавлялъ онъ себѣ въ утѣшеніе. Простить—отчего, при случаѣ, не простить; но такому «откровенному» человѣку необходимо однакоже всегда помнить, что въ головѣ у него одной заклепки не хватаетъ.

Вся эта присказка самымъ непосредственнымъ образомъ относится къ дѣлу, къ той небольшой книжкѣ стихотвореній, которая лежитъ теперь передъ нами. Графъ Голенищевъ-Кутузовъ нетолько плыветъ по теченію жизни — несправедливо было бы поставить ему *это* въ упрекъ—онъ безсильно и безпомощно отдается каждой отдѣльной струйкѣ этого теченія, случайно подхватившей его ладью «безъ руля и безъ вѣтрилъ». Сказанное вчера нисколько не обязываетъ его на сегодня, и по сказанному сегодня совершенно невозможно предрѣшить, что̀ онъ скажетъ завтра. «Довлѣетъ дневи злоба его», какъ бы говоритъ онъ, и, такъ какъ les jours se suivent, mais ne se ressemblent pas, то онъ съ готов-

ностью «несетъ» все, что̀ въ него ни положитъ жизнь. Между прочимъ, какъ сейчасъ убѣдимся, зачастую несетъ, просто на просто, дичь.

Книжка графа Голенищева-Кутузова обнимаетъ собою десятилѣтній періодъ (68—78) и распадается на два рѣзко различные по характеру отдѣла—«Затишья» и «Бури». Стихотворенія, очевидно, расположены въ хронологическомъ порядкѣ, такъ что читатель послѣдовательно находитъ въ книжкѣ, какъ выражается авторъ въ «Посвященіи» —

И отроческихъ грёзъ волшебный, чудный жаръ,
И праздной юности постыдное безумье,
И черствой зрѣлости безстрастное раздумье.

Къ періоду «отроческихъ грёзъ» относится, конечно, первое стихотвореніе, въ которомъ авторъ заявляетъ, что

— Правда юная караетъ старый грѣхъ,
И предъ знаменами поруганной святыни,
Склонясь, блѣднѣетъ ликъ сѣдѣющей гордыни!
О, кто дерзнетъ сказать, что утро не взошло?

Въ непосредственно слѣдующемъ, очень миломъ стихотвореніи говорится «про людей неволю, про великія ихъ скорби, про невѣрную ихъ долю» и хотя, такимъ образомъ, самъ авторъ «дерзаетъ» сказать, что «утро не взошло», тѣмъ не менѣе, бодрое и свѣжее чувство еще не покидаетъ его. Но уже черезъ страницу, не успѣвши сапоговъ износить, поэтъ говоритъ себѣ:

Не вѣрь обѣтамъ вдохновенья
И сердцу воли не давай (12).

а на страницѣ 15-й, цѣлое стихотвореніе (субъективно-лирическое) резюмируется авторомъ уже такимъ образомъ: «жить легче съ пустой головою». Правда, вслѣдъ затѣмъ, г. Голенищевъ собирается «паломника ризу надѣть» (16); но, однакоже, не надѣваетъ и начинаетъ неустанно толковать о томъ, что у него «въ сердцѣ горя много много о погибшемъ, о быломъ» (36), на слѣдующей страницѣ, что у него «въ душѣ—ночи тѣнь», еще на слѣдующей, что онъ стоитъ «голову понуря, о мелькнувшемъ поминая счастьи» и т. д. и т. д. Все это завершается «Скукой» —такъ г. Голенищевъ назвалъ заключительную поэму перваго періода своей поэтической дѣятельности, поэму, въ которой онъ предается, напр. такимъ размышленіямъ:

Что̀ дѣлать? спать? иль равнодушно
Ѣсть, пить, глазѣть по сторонамъ,
Пастись безвредно и послушно
По тощимъ нивамъ и лугамъ;
Иль тяжкую стряхнувъ дремоту,
Сплеча приняться за работу
И «новь» тяжелую пахать?
Въ умѣ безплодно создавать
Невоплотимые обманы . . .
Въ насъ нѣтъ ни юности, ни вѣры,
Ни силъ, ни знанья, ни любви;

Мы убѣжденья всѣ свои
Не ставимъ въ грошъ . . . (43—44).

Очень печально, въ особенности послѣ заявленій на счетъ «блѣднѣющаго лика сѣдѣющей гордыни». Что̀ такое эти ламентаціи—«постыдное безуміе праздной юности» или черствой «зрѣлости раздумье»—этого мы не станемъ рѣшать. Да и вообще разсматривать идеи г. Голенищева по существу значило бы дѣлать имъ слишкомъ много чести. Но мы не знаемъ въ литературѣ болѣе рѣзкаго примѣра столь быстраго перехода отъ громкаго «во здравіе» къ минорному «за упокой». Въ нашей жизни такія метаморфозы, конечно—слишкомъ «обыкновенная исторія», и опытные люди говорятъ даже, что нѣтъ такой жгучей крапивы, которая бы не уварилась современемъ. Пусть такъ. Но для того, чтобы размякнуть въ холодной водѣ, надо быть не крапивой, а какой нибудь лебедой или куриной слѣпотой. Вѣдь даже намека хоть на какую нибудь борьбу, хоть на малѣйшую попытку отстоять отъ посягательствъ жизни свою человѣческую личность и свои идеалы, мы не находимъ въ стихотвореніяхъ г. Голенищева. Да и невидно даже, подвергался ли нашъ авторъ какимъ нибудь такимъ посягательствамъ. Онъ прямо заявляетъ: «я усталъ» (39), а отчего усталъ, на какой работѣ онъ былъ—это совершенно неизвѣстно. Разъясненіе этого недоразумѣнія заключается, быть можетъ, въ первой строфѣ того стихотворенія, въ которомъ поэтъ говоритъ: «я усталъ»:

Я прощался—всю жизнь я прощался
Съ тѣмъ, что̀ было всего мнѣ дороже;
Проносилися годы—и что̀ же?
Старый призракъ лишь новымъ смѣнялся.

Мы не имѣемъ ни малѣйшаго желанія придираться къ отдѣльнымъ словамъ. Но внутренній смыслъ всей поэзіи г. Голенищева таковъ, что мы съ полнымъ правомъ можемъ считать эти четыре строчки за наиболѣе характерныя и искреннія изъ всего написаннаго авторомъ. Горе г. Голенищева, дѣйствительно, въ томъ и состоитъ, что онъ переходилъ отъ призрака къ призраку, а основа и причина этого горя заключаются именно въ томъ, что онъ къ идеямъ относился, какъ къ призракамъ, какъ къ поэтическимъ о̀бразамъ, которыми можно восхищаться и увлекаться, но которымъ нельзя отдаться «всѣмъ сердцемъ своимъ и всею мыслію своею». Въ сущности, поэзія г. Голенищева—какой-то апотеозъ ренегатства, систематическаго сжиганія того, что̀ недавно обожалось, и обожанія того, что̀ сжигалось; тѣмъ не менѣе, мы никакъ не рѣшимся назвать г. Голенищева ренегатомъ. Онъ отречется отъ своей религіи не три, а тридцать три раза, но онъ сдѣлаетъ это не страха ради іудейска и, еще того менѣе, не изъ-за сребренниковъ, а лишь потому, что у него никогда и не было никакой религіи: вмѣстѣ съ другими и, можетъ быть, громче другихъ онъ взывалъ «Господи, Господи!», но что̀ такое истинная,

сердечная вѣра — объ этомъ онъ не имѣетъ никакого понятія. Мотаясь изъ стороны въ сторону, отъ одного «призрака къ другому», человѣкъ, естественно, утомляется этой мартышкиной суетней и, ровно ничего не сдѣлавши, тѣмъ не менѣе, можетъ вполнѣ искренно сказать: «я усталъ». И тогда — finita la comedia! Превращеніе мѣшка въ ветошку готово окончательно.

О второмъ отдѣлѣ періода «Затишья», отдѣлѣ, заключающемъ въ себѣ нѣсколько довольно крупныхъ пьесъ, оригинальныхъ и переводныхъ, говорить не стòитъ, за ихъ совершенною безцвѣтностью. Какъ и всѣ вообще стихотворенія г. Голенищева, онѣ написаны бойкимъ, звучнымъ, хотя довольно блѣднымъ стихомъ, но по своему содержанію — это не болѣе какъ рядъ столько же пустенькихъ, сколько красивенькихъ картинокъ.

Перейдемъ къ «Бурѣ». Подъ этимъ общимъ заглавіемъ собраны стихотворенія, написанныя г. Голенищевымъ по случаю послѣдней войны. Уже изъ предыдущаго личность г. Голенищева выяснилась настолько, что читатель безъ труда сообразитъ, *кàкъ* отнесся авторъ къ военнымъ событіямъ. Воинственный азартъ, овладѣвшій извѣстною частью нашего общества, подхватилъ г. Голенищева, какъ соломенку, и совершенно закружилъ его въ своемъ водоворотѣ. Понятно, *какія* стихотворенія могъ писать человѣкъ, настроенный такимъ образомъ. Цитировать же ихъ мы, однакоже, не станемъ: онѣ печатались первоначально въ «Новомъ Времени», и тиранить ими читателя вторично было бы безжалостно. Позволимъ себѣ замѣтить только г. Голенищеву, что онъ совершенно напрасно увѣряетъ читателя о себѣ, будто

Убійства жаждой не объятый,
Я бранныхъ пѣсенъ не пою,
И душу мирную мою
Не тѣшатъ ярыхъ битвъ раскаты. (123).

Нѣтъ, вы именно поете «бранныя пѣсни». Чтò такое, какъ не «бранная пѣсня», напр. трескучее стихотвореніе «Орлы», въ которомъ «грохочутъ дни, огнемъ пылаютъ ночи» и происходятъ разныя другія диковинки и, наконецъ, не самъ ли поэтъ, въ стихотвореніи «На рубежѣ» признается — «ты мнѣ полюбился, косматый, гордый левъ», разумѣя подъ метафорическимъ львомъ именно войну? Считаемъ справедливымъ прибавить, что патріотическое умопомраченіе г. Голенищева не было, какъ у многихъ другихъ, совершенно безнадежно: на него находили минуты сомнѣнія и онъ спрашивалъ себя:

Кто скажетъ? Кто рѣшитъ—то мудрость, иль безумье?
Грядущее для насъ свѣтло, или темно?
Народа русскаго глубокое раздумье,
Какъ моря тишину, постигнуть мудрено (133).

Вотъ чтò правда, то правда. И если бы г. Голенищевъ поглубже вдумался въ эти вопросы, онъ, можетъ быть, пересталъ бы надсажаться, выкрикивая свою уру.

ХРОНИКА ПАРИЖСКОЙ ЖИЗНИ.

I.

Юбилей Вольтера.—Клерикалы и Гамбетта.—Ораторское торжество въ зданіи театра Gaité—Спюллера, Дэшанеля и Виктора Гюго.—Народное торжество въ американскомъ циркѣ.—Поведеніе реакціи послѣ покушенія въ Берлинѣ.—Франція на берлинскомъ конгрессѣ.—Новая попытка клерикально-монархической конспираціи.—Непризнаніе палатою комерческаго трактата съ Италіей.—Тройное и полное пораженіе происковъ сената.—Отсрочка засѣданій палатъ, вмѣсто закрытія сессіи.—Либеральный выборъ въ Академіи.—Военный министръ, поставленный въ невозможность вредить дѣлу республики.—Приготовленія къ частнымъ выборамъ депутатовъ и къ сенаторскимъ выборамъ.

Несмотря на весь гнѣвъ и раздраженіе епископа Орлеанскаго и всѣхъ клерикаловъ, не остановившихся передъ вызовомъ, въ оппозицію фернейскому философу, тѣни орлеанской дѣвы, сожженной нѣкогда по приговору духовенства, несмотря на оффиціальное запрещеніе всякаго уличнаго празднованія дня годовщины смерти Вольтера, юбилей его былъ, отпразднованъ съ подобающею торжественностью нетолько Франціею, но и другими странами, какъ, напримѣръ, Бельгіею и Италіею. — Во Франціи память Вольтера почтили нетолько всѣ сколько нибудь значительные города, но даже и нѣкоторыя изъ незначительныхъ населенныхъ мѣстностей, какъ напримѣръ: деревушка Шатенэ близь Ссо, мѣсто рожденіе Аруэта.

Повсюду происходилъ цѣлый рядъ банкетовъ и публичныхъ чтеній въ воспоминаніе знаменитаго мыслителя XVIII-го вѣка.

За два дня до этого юбилея, на одномъ частномъ народномъ собраніи, гдѣ обсуждались мѣры для поданія пособія пострадавшимъ отъ катастрофы улицы Беранже, Гамбетта воспользовался случаемъ для произнесенія рѣчи, которою разбилъ всѣ надежды клерикаловъ—придать празднованію 30-го мая характеръ противуобщественной демонстраціи. Въ рѣчи этой онъ проводитъ, между прочимъ, ту мысль, что французскій республиканецъ умѣетъ жить одинаково и умомъ, и сердцемъ, такъ что, «будучи послѣдователемъ и ученикомъ Вольтера, онъ можетъ въ тоже время благоговѣть передъ самоотверженымъ подвигомъ Іоанны д'Аркъ». Слова эти такъ подѣйствовали на массу, что 30-го мая делега-

ція студентовъ, отправлявшаяся на ораторское торжество въ честь Вольтера, въ улицѣ Кастильйоне хотѣла произнести рѣчь передъ статуей Іоанны д'Аркъ въ память этой спасительницы Франціи. Въ этомъ ей, однако, помѣшала полиція, такъ какъ, допусти она такую манифестацію, вслѣдъ за ней возникли бы и манифестаціи другого рода со стороны католической клики. Въ зданіи театра Gaité ораторское торжество, подъ предсѣдательствомъ Виктора Гюго, было устроено совокупными усиліями общества писателей и республиканскаго союза сенаторовъ и депутатовъ. Зало было полно еще задолго до начала праздника. По серединѣ арены былъ поставленъ бюстъ Вольтера (копія съ знаменитаго бюста, исполненнаго Гудономъ), а вокругъ него расположены кресла для лицъ, приглашенныхъ на праздникъ, и для журналистовъ. Передъ бюстомъ была расположена каѳедра. Первымъ говорилъ Спюллеръ, одинъ изъ редакторовъ «République française». Вся рѣчь его заключалась въ опроверженіяхъ клеветъ клерикаловъ, которые при помощи подтасованыхъ цитатъ изъ сочиненій Вольтера стремились доказывать, что онъ, какъ писатель, глубоко презиралъ народъ, который и называлъ по бòльшей части не иначе какъ «la canaille» и «bas peuple». «Другое лицо, сказалъ онъ, подразумѣвая Тьера: — «государственный человѣкъ, тридцать лѣтъ тому назадъ, называлъ демократію презрѣнною толпою» (les viles miltitudes). Мы отомстили ему за такое отношеніе къ намъ, устроивъ ему такія похороны, какими едва ли удостоивалась чья либо память. Дѣйствуя такъ, народъ помнилъ только услуги, какія оказалъ ему покойный, великодушно забывая тѣ заблужденія, какія онъ могъ имѣть при жизни». Вслѣдъ за Спюллеромъ говорилъ Дэшанель, который во время своего изгнанія при Имперіи, первый учредилъ въ Бельгіи публичныя чтенія, такъ называемыя «conférences», а по возвращеніи ввелъ ихъ и въ наши обычаи. Онъ — большой мастеръ говорить на подобныхъ конференціяхъ, и въ нѣсколькихъ анекдотическихъ очеркахъ пересказалъ всю біографію главы французской философіи XVIII-го столѣтія, освободившей человѣчество отъ множества гибельныхъ предразсудковъ. За Дэшанелемъ выступилъ Викторъ Гюго, котораго передъ тѣмъ одинъ изъ предшествовавшихъ ораторовъ назвалъ «прямымъ наслѣдникомъ Вольтера» и «главнымъ представителемъ XIX столѣтія». Рѣчь его была нѣсколько фразиста, но исполнена теплоты и онъ считалъ своей обязанностью тѣмъ выше превознести Вольтера, что въ молодости своей онъ, не понимая всего его значенія, подвергалъ его нерѣдко нападкамъ въ стихахъ и прозѣ. «Господа, произнесъ онъ въ заключеніе своей рѣчи:—XIX-ое столѣтіе прославляетъ XVIII-ое: XVIII-ое предлагало—XIX-ое осуществляетъ. Такимъ образомъ, послѣднимъ моимъ словомъ будетъ спокойное, но непреклонное утвержденіе прогресса... Право отчеканило свою формулу и формула эта —федерація человѣческихъ обществъ. Сила въ наши дни стала пониматься, какъ насиліе, и надъ нею начинается судъ. Война

уже осуждена; цивилизація человѣческаго рода начала процессъ и составила уже длинный обвинительный актъ противъ завоевателей и полководцевъ... Нѣтъ, не можетъ быть терпимо, чтобы единственно ради той ужасной международной выставки, которая называется полемъ сраженія —женщина въ боляхъ рождала дѣтей, люди появлялись на свѣтъ, народъ сѣялъ и пахалъ, ремесленники украшали города, мыслители изобрѣтали, промышленность творила чудеса и широкая человѣческая дѣятельность производила безъ числа произведенія своего творчества. Нѣтъ! настоящія поля битвъ должны быть не таковы: они должны быть ареной, на которой появляются произведенія труда рукъ человѣческихъ всѣхъ національностей, подобно тому, какъ это происходитъ теперь въ Парижѣ. Настоящая побѣда—это та, какую теперь одерживаетъ Парижъ!.. Увы, варварство еще не исчезло съ лица земли! Пусть же философія протестуетъ противъ него! Если мечъ еще обнажается, то пусть негодуетъ на это вся цивилизація. Да придетъ XVIII-й вѣкъ на помощь къ XIX-му. Философы, жившіе въ этомъ вѣкѣ, были апостолами истины Призовемъ же ихъ великія тѣни, дабы передъ державами, стремящимися къ войнѣ, они провозгласили право человѣка на жизнь и свободу, провозгласили всемогущество разума, святость труда и благодѣтельность мира, и если изъ живыхъ центровъ власти возникаетъ ночь, пусть явится свѣтъ хотя отъ этихъ великихъ людей!» Слова эти, по мѣрѣ ихъ произношенія, производили все бо̀льшее и бо̀льшее впечатлѣніе на публику, такъ что когда ораторъ кончилъ, то рѣчь произвела общій энтузіазмъ, не умолкавшій около четверти часа. Лица, находившіяся вблизи Гюго, обнимали и цѣловали его, остальная публика безъ у̀стали рукоплескала, и въ воздухѣ носились восторженные крики въ честь Вольтера, Виктора Гюго и республики.

Въ тоже время въ зданіи американскаго цирка происходило подобное же торжество, на которомъ большинство членовъ парижскаго городскаго совѣта оффиціально присутствовали на открытіи статуи, оффиціальная постановка которой на площади Шатод'о была оффиціально запрещена. Въ ораторскомъ смыслѣ, этотъ праздникъ разумѣется не выдерживалъ конкуренціи съ праздникомъ Gaité. Лоранъ Пишо, предсѣдательствовавшій въ циркѣ, конечно, не обладаетъ геніальностью Виктора Гюго, докторъ Тюліе, разсказывавшій жизнь Вольтера, несравненно менѣе талантливъ, чѣмъ Дэшанель, но тѣмъ не менѣе публика, еще болѣе многочисленная, чѣмъ въ Gaité (это зависѣло, впрочемъ, отъ размѣровъ помѣщенія, такъ какъ ни въ одномъ изъ нихъ не было ни одного свободнаго мѣста), сопровождала громкими рукоплесканіями чуть не каждое слово ораторовъ и каждое ихъ удачное выраженіе. Впрочемъ, рукоплесканія эти начались еще ранѣе, чѣмъ стали произноситься рѣчи. Дѣло въ томъ, что посрединѣ арены цирка находилась громадная колесница, украшенная трой-

нымъ цвѣточнымъ вѣнкомъ и флагами съ именами главнѣйшихъ мыслителей XVIII-го вѣка. На колесницѣ этой помѣщалась колоссальная статуя Вольтера, прикрытая красной драпировкой, пока вступительная рѣчь не была произнесена. Архитекторъ Віоле-Ледюкъ объяснилъ публикѣ, что эту статую слѣдовало на колесницѣ провезти по улицамъ, но такъ какъ это оказалось невозможнымъ, то представителямъ парижскаго населенія самимъ осталось явиться передъ нею. Процессія открылась появленіемъ студентовъ, несшихъ великолѣпное трехцвѣтное знамя, на одной сторонѣ котораго было вышито золотомъ «Свобода, равенство, братство», а на другой — извѣстное выраженіе Вольтера «Ecrasons l'infâme!» На верху знамени развѣвалась классическая фригійская шапка. За делегаціей студентовъ появились делегаціи отъ разныхъ городовъ, числомъ не менѣе тридцати, и затѣмъ уже передъ статуей прошла рядами вся присутствовавшая въ циркѣ публика. При этомъ хоръ пѣвчихъ, сопровождаемый оркестромъ музыкантовъ, исполнилъ написанную для этого случая кантату. По окончаніи кантаты три оркестра сразу грянули Марсельезу, а вся присутствовавшая публика, болѣе пяти тысячъ человѣкъ, запѣла ее. Такъ шумно отпраздновали юбилей Вольтера всѣ непримиримые Парижа; я говорю непримиримые, такъ какъ праздникъ въ циркѣ устроенъ былъ комитетомъ, отъ котораго отдѣлились оппортунисты. Впрочемъ, въ рѣчахъ ораторовъ не заключалось ничего, что̀ могло бы возбудить неудовольствіе въ сторонникахъ политики своевременности, и только когда объявленъ былъ и начался денежный сборъ въ пользу жертвъ нашихъ гражданскихъ несогласій, раздались между публикой крики: «да здравствуетъ амнистія!» Разошлась публика изъ цирка небольшими групами и на улицѣ порядокъ ничѣмъ не былъ нарушенъ.

Это послѣднее обстоятельство глубоко опечалило клерикаловъ, разсчитывавшихъ послѣ неудачи запроса Дюпанлу, что день юбилея Вольтера будетъ днемъ мятежа и свалокъ и это дастъ имъ возможность повліять на маршала, и послѣ ряда нападокъ на палату, вызвать новый конфликтъ между законодательною и исполнительною властями. Нѣкоторые изъ нихъ такъ были увѣрены въ успѣхѣ своего плана, что называли даже день (11 іюня), въ который, по ихъ соображеніямъ, должно было повториться 16-е мая. Покушеніе Нобилинга подошло для нихъ какъ нельзя болѣе кстати, чтобы утѣшить ихъ въ обманутыхъ надеждахъ на безпорядки въ день юбилея Вольтера. Вслѣдъ за этимъ покушеніемъ, вся реакціонная парижская печать—католики, легитимисты, бонапартисты и даже орлеанисты —хотя и въ сдержанныхъ выраженіяхъ напустились обвинять республиканцевъ въ соціализмѣ и навязывать имъ солидарность съ преступленіемъ безумца. Омерзительно было видѣть до какихъ крайностей доходила реакціонная печать: требовалось даже прямо вмѣшательство Германіи во внутреннія дѣла Франціи, чтобы,

при ея пособіи, реставрировать которую-нибудь изъ династій? Правительство вынуждено было начать преслѣдованіе противъ Pays», но это не привело ни къ чему, такъ какъ палата, къ сожалѣнію, не имѣла времени инвилидировать выборъ Поля де-Кассаньяка и такимъ образомъ главный виновникъ этой полемики могъ воспользоваться правомъ своей депутатской неприкосновенности. Правительство хорошо сдѣлало, однако, что этимъ только и ограничилось. Враги республики, злоупотребившіе терпимостью, какую выказало противъ нихъ правительство, вызвали противъ себя общее неудовольствіе и именно неумѣренностью своихъ выходокъ обратили противъ себя тѣхъ изъ сенаторовъ и депутатовъ, которые отличаются нерѣшительностью въ мнѣніяхъ и дѣйствіяхъ. Изъ республиканскихъ газетъ ни одна не отозвалась сколько-нибудь легкомысленно по поводу берлинскаго покушенія, кромѣ подозрительнаго листка «Père Duchêne», который исправительная полиція тотчасъ же вслѣдъ за его появленіемъ подвергла значительному штрафу, а редактора присудила къ продолжительному тюремному заключенію. Кабинетъ немедленно отправилъ германскому императору заявленіе своего къ нему сочувствія и негодованія, возбужденнаго этимъ покушеніемъ. Заявленіе это было повторено и изустно министромъ иностранныхъ дѣлъ, прибывшимъ на европейскій конгресъ, и было принято такъ сочувственно, что исторія Нобилинга, вмѣсто того, чтобы посѣять раздоръ между Франціей и Германіей, какъ этого надѣялись реакціонеры, только скрѣпила добрыя отношенія между двумя этими странами. Поведеніе Ваддингтона на конгресѣ, и пріемъ, сдѣланный ему другими державами, не оставляютъ желать ничего лучшаго. Очевидно, что заявленія, сдѣланныя имъ съ трибуны передъ отъѣздомъ не были праздными словами, и были услышаны Европою, также какъ не остался незамѣченнымъ и единодушный очередной порядокъ въ палатѣ депутатовъ, вызванный этимъ заявленіемъ, и въ которомъ говорилось, что Франція «желаетъ стоять за миръ и свой нейтралитетъ, соблюдая въ то же время всѣ обще-европейскіе интересы». Такова цѣль Франціи на конгрессѣ: для себя она ничего не желаетъ, кромѣ чести способствовать всеобщему процессу общечеловѣческой цивилизаціи.

Несмотря на все, это мрачный органъ Дюпанлу «La défense sociale et réligieuse», предсказавшій, въ первыхъ числахъ мая 1877 г., все происшедшее 16 го, когда этого еще никто не ожидалъ, выступилъ снова на путь подобныхъ же предсказаній. Именно, въ немъ появилось извѣстіе, что еще ранѣе закрытія выставки «одна изъ значительныхъ партій отважится на весьма рѣшительный образъ дѣйствій, который благотворно повліяетъ на дальнѣйшія судьбы Франціи». Слова эти были какъ бы лозунгомъ, вслѣдъ за которымъ всевозможные Шепелоны, Бюффе, де Брольи, де-Кердрели и Дарю стали проявлять какую то особенную, усиленную дѣятельность, стали чуть не ежедневно

съѣзжаться другъ къ другу, и въ парламентскихъ корридорахъ, при каждой ихъ встрѣчѣ, между ними начинались какіе-то разговоры полушопотомъ, обмѣны улыбокъ и рукопожатій. Въ мѣстахъ, отведенныхъ для публики въ сенатѣ, стали появляться какія-то старыя барыни, необыкновенно хлопотливыя, и различные аббаты самого подозрительнаго свойства. 4-го іюня въ сенатѣ реакціонеры пустили пробный шаръ, при *обсужденіи закона о военныхъ пенсіяхъ.* Хотя сенатъ законъ этотъ и утвердилъ, но такъ какъ суммъ въ бюджетѣ на это увеличеніе не назначено, то вся уловка реакціонеровъ состояла въ томъ, чтобы принять законъ, умолчавъ о соотвѣтственныхъ ему измѣненіяхъ бюджета. Такимъ образомъ, великодушіе республиканцевъ относительно арміи оказалось чисто платоническимъ. Въ палатѣ депутатовъ клерикалы радостно способствовали тому, чтобы отвергнуть комерческій трактатъ съ Италіей, такъ какъ непризнаніемъ этого трактата косвенно наносилось порицаніе Гамбеттѣ, учавствовавшему въ его составленіи.

Въ тотъ самый день, когда въ палатѣ провалился трактатъ съ Италіей, правительство вынуждено было произвести выборъ лицъ для новыхъ международныхъ переговоровъ по этому поводу. Въ сенатѣ Шенелону удалось при посредствѣ большинства одного голоса—противодѣйствіе принятію сенатомъ 13-й статьи бюджетнаго закона, признаннаго палатою. На основаніи этой статьи изъ бюджета на 1879 годъ отдѣлялись прямые налоги, для того, чтобы дать возможность департаментскимъ совѣтамъ производить ихъ распредѣленіе въ обыкновенную ихъ лѣтнюю сессію. Статья эта съ точки зрѣнія реакціи была опасна потому, что на ея основаніи дѣлалось невозможнымъ въ случаѣ повторенія coup de tête собирать фонды, получаемые путемъ прямыхъ налоговъ. Голосованіе, котораго добился Шенелонъ, отнимаетъ, слѣдовательно, отъ палаты право, предоставленное ей конституціей, держать въ своихъ рукахъ ключи отъ всѣхъ денежныхъ кассъ и не выдавать фондовъ никакому министерству, безъ утвержденія выдачи большинствомъ депутатовъ.

Окончивъ всѣ свои занятія и закончивъ свою пятимѣсячную сессію, палаты не разошлись, и сессія не закрыта президентскимъ декретомъ. Засѣданія, по рѣшенію каждой изъ нихъ, только отсрочены до 28-го октября, такъ что за предсѣдателями обѣихъ палатъ осталось право въ случаѣ надобности открыть ихъ—извѣстивъ объ этомъ ихъ членовъ простыми записками. Такимъ образомъ, съ одной стороны, каждый изъ сенаторовъ и депутатовъ сохранитъ за собой право парламентской неприкосновенности, а съ другой—исполнительная власть находится подъ зависимостью и наблюденіемъ парламента, хотя и не засѣдающаго, но не распущеннаго.

13-го іюня, французской академіи предстоялъ выборъ безсмертныхъ на вакансіи Тьера и Клода-Бернара. Академики, опять-таки подъ вліяніемъ герцога де Брольи, прочили на это мѣсто

Тэна, въ благодарность за его «Начала современной Франціи», написанныя съ такой контрреволюціонной точки зрѣнія, и Валлона, не за то разумѣется, что онъ сдѣлался по неволѣ крестнымъ отцомъ настоящей конституціи, а за то, что нѣкогда написалъ «Жизнь Іоанны д'Аркъ», сочиненіе, направленное, правда, нѣсколько поздновато, противъ Вольтера. Но при первой же баллотировкѣ, оказались выбранными Анри-Мартенъ, трудолюбивый составитель подробнѣйшей «Исторіи Франціи» и Ренанъ, прославившійся своею романической «Жизнью Христа».

Вообще, на горизонтѣ внутренней политики Франціи къ серединѣ іюня не оставалось ничего зловреднаго, кромѣ одной точки: присутствія въ кабинетѣ генерала Береля, который на одномъ изъ послѣднихъ засѣданій палаты отличился неблаговидными выходками противъ республиканцевъ и вліяніе котораго на Мак-Магона выразилось въ назначеніи одного корпуснаго командира наперекоръ желаніямъ Гамбетты и республиканскаго большинства. Опасаясь дѣлать ему запросъ, чтобы не повредить этимъ министерству въ сенатѣ, лѣвая выбрала делегатовъ отъ 4-хъ своихъ групъ и отправила ихъ для дружескихъ объясненій по этому щекотливому дѣлу къ хранителю государственной печати и президенту совѣта министровъ. 17-го произошло свиданіе этихъ делегатовъ съ Дюфоромъ, и послѣдній вполнѣ успокоилъ депутатовъ, объяснивъ самымъ благопріятнымъ образомъ особенности ораторско-солдатскаго жаргона военнаго министра, и обѣщалъ издать циркуляръ, который обязывалъ бы жандармерію нетолько подчиняться республикѣ, но и охранять ее, какъ зѣницу ока. Такимъ образомъ, и этотъ случай, изъ котораго реакція надѣялась извлечь не малую для себя пользу, окончился только тѣмъ, что установилъ согласіе между кабинетомъ и республиканскимъ большинствомъ, и поставилъ Береля въ невозможность вредить своимъ товарищамъ по министерству.

Въ Парижѣ и двадцати двухъ департаментахъ общественное мнѣніе весьма озабочено частными выборами, назначенными 7-го и 14-го іюля для замѣщенія непризнанныхъ депутатовъ. Коалиція реакціонеровъ старается примирить въ своей средѣ всякія несогласія, чтобы побѣдить во что̀ бы то не стало. Такая побѣда ей необходима для дальнѣйшихъ конспираторскихъ попытокъ, но нѣтъ никакого основанія предполагать, чтобы пятые по числу частные выборы не послужили бы новымъ подтвержденіемъ побѣды 14-го октября. Палата, которая по настоящему должна бы была ликвидировать всѣхъ депутатовъ, обязанныхъ своимъ избраніемъ бѣлымъ афишамъ, ограничилась устраненіемъ только тѣхъ изъ нихъ, перевыборъ которыхъ, по ея соображеніямъ, не внушаетъ опасеній. Миръ же, которымъ пользуется Франція, и, наконецъ, выставка—вовсе не такія обстоятельства, чтобы при нихъ можно было опасаться внезапнаго и крутого поворота во мнѣніи населенія въ сторону реакціи.

Въ виду страстности, съ какою реакціонеры добивались въ се-

натѣ дальнѣйшей отсрочки предстоящихъ сенаторскихъ выборовъ (чтобы имѣть время свергнуть министерство и самимъ дать направленіе этимъ выборамъ), кабинетъ счелъ полезнымъ назначить выборы какъ можно скорѣе, и опредѣлилъ для нихъ срокъ 5-е января," 1879 года. Кромѣ того, такъ какъ, по закону, делегаты должны быть назначены *по меньшей мѣрѣ* за мѣсяцъ до выбора сенаторовъ, а президентскій декретъ объ ихъ созывѣ долженъ появиться *по меньшей мѣрѣ* за 6 недѣль—то ничто не мѣшаетъ приступить къ назначенію делегатовъ въ октябрѣ, что выгодно республиканцамъ, потому что въ этомъ мѣсяцѣ могутъ принять участіе въ назначеніи делегатовъ сенаторы и депутаты, тогда какъ съ 29-го октября, со дня открытія сессіи, они не могутъ уже оставлять Парижа. Подобно тому, какъ это было передъ общими выборами 1877 года, лѣвые теперь уже образовали главный комитетъ, для наблюденія и направленія сенаторскихъ выборовъ. Вмѣсто того, чтобы опочить на лаврахъ, республиканцы проявляютъ усиленную дѣятельность; всѣ они очень хорошо понимаютъ, что республика можетъ упрочиться только тогда, когда и въ сенатѣ появится демократическое большинство, что республикѣ пора уже перестать проводить все время въ трепетѣ за свое существованіе, а должно, не теряя больше времени, какъ можно скорѣе приступать къ осуществленію тѣхъ великихъ реформъ, которыхъ такъ долго и съ такимъ терпѣніемъ ожидаетъ народъ.

II.

Банкетъ выставки иностраннымъ делегатамъ: тосты Дюклерка, Гамбетты и министра Тейссерена де Бора.—Почтовый конгрессъ и нѣмецкій тостъ за Францію.—Торжественное собраніе литературнаго конгресса; рѣчи Абу, Тургенева, Виктора Гюго и Жюля-Симона.—Марсельеза на литературномъ банкетѣ.—Земледѣльческій конгрессъ и японскій тостъ.—Международные конгрессы въ будущемъ.—Испанскій праздникъ.—Погребеніе французскаго маршала и Ганноверскаго короля.—Скачки на большой призъ города Парижа.—Смотръ 20-го іюня.—Приготовленія къ празднику 30-го.—Праздники въ память Тьера и Гоша въ Версалѣ.

За нѣсколько дней до начала парламентскихъ вакацій, національный кружокъ (cercle national), составившійся изъ лѣвыхъ сенаторовъ и депутатовъ, устроилъ банкетъ для делегатовъ иностранныхъ секцій выставки. За дессертомъ предсѣдатель банкета, вице-предсѣдатель сената Дюклеркъ, произнесъ тостъ въ честь министра земледѣлія и торговли, подъ наблюденіемъ котораго устроивалась выставка, доставившая Парижу возможность чествовать гостей со всѣхъ краевъ міра. Тейссеренъ дю Боръ отвѣчалъ тостомъ въ честь иностранныхъ правительствъ и комиссаровъ, собравшихся на выставку. Секретарь иностранныхъ сек-

цій, англичанинъ Кёнлиффъ Оуенъ и представитель республики Сан-Сельвадоръ-Торессъ Койседо поздравляли Францію съ успѣхомъ ея предпріятія, «до того совершеннаго по своему устройству и внѣшней красотѣ, что выше этого трудно себѣ что-либо представить. Отвѣчалъ имъ Гамбетта, который былъ въ ударѣ. Онъ благодарилъ за довѣріе къ республиканской Франціи со стороны всѣхъ націй и въ особенности комиссаровъ, взявшихъ на себя роль «миссіонеровъ труда, составляющаго величіе человѣка». «Мы заявляемъ, сказалъ онъ:—глубокую признательность за принятіе нашего приношенія, какъ представителямъ царственныхъ династій, откликнувшимся на нашъ зовъ, такъ и представителямъ всего, что̀ есть благороднѣйшаго въ мірѣ науки, искуства и промышленности, явившимся честно пожать руку націи, которая не требуетъ ничего, кромѣ права занять мѣсто, какое подобаетъ ей между другими націями. Затѣмъ въ присутствіи иностранцевъ онъ считаетъ полезнымъ осудить образъ дѣйствій тѣхъ изъ французовъ, «которые оказались настолько злыми и испорченными, чтобы желать неуспѣха нашему предпріятію». Особенный энтузіазмъ произвело то мѣсто его рѣчи, гдѣ онъ заявляетъ, что Франція не утратила еще довѣрія Европы и «когда она заявила, что политика республики имѣетъ цѣлью поддержаніе мира ради тѣхъ результатовъ, какіе онъ приноситъ, то никто, начиная съ сѣверныхъ державъ Европы до послѣднихъ границъ крайняго востока—въ этомъ не усомнился». «И это потому, продолжалъ онъ среди общихъ рукоплесканій:—что мы—страна земледѣльцевъ, работниковъ, мелкихъ хозяевъ и мелкихъ собственниковъ, умѣющихъ сберегать свое малое, что система нашего управленія покоится на прочномъ устоѣ всеобщаго голосованія, что страна наша можетъ вынести всякія невзгоды, выдержать всевозможные политическіе ураганы—и ничто при этомъ непоколеблетъ и не сломитъ великаго принципа, на которомъ покоится французское общество—принципа всеобщаго равенства». Послѣ этихъ его словъ, произнесенныхъ громкимъ и растроганнымъ голосомъ, всѣ собесѣдники дружно провозгласили тостъ «за трудъ и всеобщій миръ!»

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого, директоръ французскихъ почтъ и товарищъ министра, Кошери, представлялъ въ Елисейскомъ Дворцѣ Мак-Магону делегатовъ между-народнаго почтоваго конгресса. Отъ имени этихъ делегатовъ, гросмейстеръ германскихъ почтъ, докторъ Стефанъ, заявилъ президенту республики уваженіе къ Франціи всѣхъ другихъ державъ и закончилъ свою рѣчь словами «да здравствуетъ Франція», которыя хоромъ повторили за нимъ всѣ остальные делегаты, послѣ чего произошелъ общій обмѣнъ рукопожатій между маршаломъ, присутствовавшими французами и иностранными членами почтоваго конгресса.

Литературный конгрессъ, взявшій на себя разработку всѣхъ трудныхъ вопросовъ, связанныхъ съ правомъ литературной, музыкальной и драматической собственности, для составленія по

ложеній, которыя могли бы удовлетворить всѣ націи, открылся самымъ торжественнымъ образомъ, 17-го іюня, въ обширной залѣ зданія театра Шатлэ. Конгрессу этому было предложено народное зало во дворцѣ Трокадеро, но предсѣдатель его—величайшій ихъ современныхъ французскихъ писателей, Викторъ Гюго, отказался отъ оффиціальнаго помѣщенія конгресса для того, чтобы на его независимость не могло пасть ни малѣйшей тѣни.

Эдмонъ Абу, предсѣдатель общества литераторовъ, открылъ засѣданіе рѣчью о цѣляхъ конгреса. Рѣчь эта, сверхъ обыкновенія, неудалась ему, такъ какъ онъ позволилъ себѣ употребить весьма грубое и неловкое выраженіе «заграничный грабежъ» (brigandage à la frontière), чтобы опредѣлить тотъ ущербъ, какой приносятъ французскимъ авторамъ другія націи, позволяя себѣ *безъ опредѣленнаго права* перепечатывать, переводить и передѣлывать ихъ произведенія. Къ счастію, Викторъ Гюго и Жюль-Симонъ поспѣшили изгладить непріятное впечатлѣніе, какое неизбѣжно должно было произвести на нашихъ иностранныхъ гостей подобная неосторожность, такъ что никто изъ иностранныхъ писателей, повидимому, не обидѣлся, даже и нѣмцы, которые, съ своей стороны, выказали тоже нѣкоторую неловкость.

О роли, какую игралъ на конгресѣ вашъ соотечественникъ Тургеневъ, этотъ знаменитый Ivan, и о рѣчи, произнесенной имъ, вамъ, конечно, хорошо извѣстно, поэтому я и ограничусь только сожалѣніемъ, что онъ, въ своихъ краткихъ, но весьма лестныхъ для насъ, чтобы не сказать льстивыхъ, словахъ, выразилъ через-чуръ дѣвическую стыдливость и недостатокъ сознанія своего собственнаго литературнаго и человѣческаго достоинства. Онъ, между прочимъ, замѣтилъ, что, не имѣя значительнаго чина, онъ нѣсколько стѣсненъ тѣмъ, что ему приходится впервые (?) говорить въ такомъ блестящемъ собраніи. Стѣсненіе совершенно напрасное, ибо блескъ этотъ не заимствованный, а каждое лицо, находящееся на конгресѣ, свѣтитъ, на сколько можетъ, благодаря своему личному труду и таланту, послѣднимъ же Господь Богъ, какъ извѣстно, далеко не обдѣлилъ и Тургенева Ивана.

Викторъ Гюго превзошелъ, по общему признанію, самого себя, и рѣчь, сказанная имъ на конгрессѣ, вышла лучше произнесенной имъ на юбилеѣ Вольтера. Началъ онъ съ прославленія 1878 года, этого «года единенія», заявившаго всемірной выставкой союзъ промышленностей, юбилеемъ Вольтера—единеніе философій, международнымъ литературнымъ конгресомъ—союзъ литературъ. Годъ этотъ олицетворилъ великую федерацію труда во всѣхъ его видахъ, создавши величественное зданіе человѣческаго братства, въ фундаментѣ котораго—земледѣльцы и рабочіе, а въ вершинѣ — мысль. Самый конгресъ онъ назвалъ, нѣсколько, можетъ быть, преувеличенно «учредительнымъ собраніемъ литературы», а литературу «умственнымъ правительствомъ человѣческаго рода», и потомъ уже сталъ говорить о литературной собственности, на

которую онъ взглянулъ, какъ и слѣдуетъ, съ нравственной точки зрѣнія, со стороны достоинства писателя и неприкосновенности его мысли.

Наканунѣ Гамбетта, на открытіи одной народной библіотеки въ зданіи небольшого театра Gobelins, въ средѣ рабочихъ, высказалъ слѣдующую мысль: «Станемъ дѣйствовать въ видахъ политики будущаго!.. Будемъ основывать школы, открывать библіотеки, образовываться и любить другъ друга, составимъ тѣсный и дружный союзъ — и мы скоро покончимъ съ безсильными развалинами прошедшаго!..» Гюго на литературномъ конгрессѣ, какъ бы продолжалъ туже мысль: «Свѣта! воскликнулъ онъ: — свѣта всегда и повсюду!.. Свѣтъ этотъ—въ книгѣ. Откройте же книгу какъ можно шире. Предоставьте ей свѣтить—оставьте ей дѣлать свободно ея дѣло. И, кто бы вы ни были, чтобы вы не задумывали дѣлать, удобрять землю, воздвигать зданіе, вліять на чувство, умиротворять — кладите повсюду книги, научайте, просвѣщайте, разсказыйте, доказывайте, размножайте школы, школы, это—свѣтящіяся точки цивилизаціи... Пускай свѣтъ распространяется повсюду! Не оставляйте въ человѣческомъ сознаніи тѣхъ темныхъ угловъ, гдѣ можетъ укрыться предразсудокъ, спрятаться заблужденіе и прокрасться ложь. Невѣжество, это—потемки. Всякому злу въ нихъ раздолье. Заботьтесь, конечно, объ освѣщеніи вашихъ улицъ, но заботьтесь еще болѣе объ освѣщеніи вашихъ умовъ». Бросивъ взглядъ, исполненный презрѣнія на недавнее заблужденіе человѣчества, поэтъ подвергаетъ осмѣянію тѣхъ жалкихъ людей, которые мечтаютъ о созданіи такого Syllabus'а, который былъ бы достаточенъ, чтобы потушить мысль во Франціи, такого гасильника, который былъ бы достаточно великъ, чтобы загасить солнечный свѣтъ. Потомъ, вступивъ снова въ ту высокую роль, которую онъ принялъ на себя, какъ политикъ, историкъ и судья преступленія 2-го декабря, роль примирителя людскихъ ненавистей, онъ, несмотря на свои 75 лѣтъ, съ энергіею юноши воскликнулъ: «Будемъ ненавидѣть одну ненависть, объявимъ войну одной войнѣ!» Потомъ, сдѣлавъ аллюзію на недавнее покушеніе Гёделя и Нобилинга, онъ сказалъ: «долгъ королей щадить жизнь народа, долгъ республиканцевъ—щадить жизнь царствующихъ лицъ». Окончилъ онъ свою рѣчь напоминаніемъ о необходимости для Франціи амнистіи, о чемъ, какъ помнятъ читатели, онъ первый заявилъ съ сенатской трибуны. Достойно увѣнчать славу нашей выставки, по его словамъ, можетъ только всеобщее примиреніе гражданъ—только прощеніе и амнистія. Эфектъ, произведенный этой рѣчью, былъ громаденъ. Конечно, въ средѣ конгресса могло быть много лицъ совершенно другихъ убѣжденій, такъ сказать, чисто литераторовъ, которые не считаютъ почему-либо для себя обязательнымъ болѣть скорбями Франціи, но увлеченіе словами оратора было такъ сильно, что собраніе невольно повторило вслѣдъ за Гюго слово: «амнистія». Такимъ

образомъ, это былъ какъ бы голосъ Франціи и Европы. Министерство это поняло, и въ вѣдомствѣ юстиціи немедленно занялись подготовленіемъ къ объявленію въ день національнаго празднества 30-го іюня прощенія болѣе чѣмъ 1,000 комунаровъ, томящихся еще до сихъ поръ въ ссылкѣ и изгнаніи. Нужно ли говорить послѣ этого, что на самомъ конгрессѣ, послѣ того, какъ Гюго замолкъ, чуть не цѣлые полчаса продолжались рукоплесканія. Оратора поздравляли, цѣловали и обнимали.

Казалось бы, что послѣ подобной сцены ничье краснорѣчіе не въ состояніи конкурировать, и, однако, Жюль-Симонъ, этотъ *прогнанный* министръ 16-го мая, не испугался выбрать такую неблагопріятную минуту, чтобы напомнить о себѣ Франціи и Европѣ. Съ огромнымъ тактомъ, онъ началъ свою рѣчь съ ловкой поправки неудачной выходки Абу, признавъ равенство всѣхъ литературъ, различающихся между собою только особенностями національнаго генія, и показавъ, что вопросъ о литературной собственности долженъ имѣть одинаковое значеніе для литераторовъ всѣхъ странъ. Обращаясь къ иностраннымъ делегатамъ, онъ не позволилъ себѣ называть ихъ иностранцами, а обращался къ нимъ какъ къ «гостямъ и друзьямъ» и вообще старался подчинить космополитизму даже такіе взрывы поэтическаго патріотизма, какой только-что выразилъ передъ нимъ В. Гюго. Онъ старался показать, какъ идея отечества со всѣми ея послѣдствіями должна не умирать въ писателѣ рядомъ съ высокой общечеловѣческой идеей. «Каждый писатель, къ какой бы странѣ ни принадлежалъ онъ, сказалъ ораторъ:—обязывается идти во главѣ своего народа по пути цивилизаціи и прогресса. Останемтесь же тѣмъ, что мы есть, сохранимъ за собою наши традиціи, которыя суть наши догматы, сохранимъ наши знамена, составляющія нашу религію, не станемъ отказываться отъ нашихъ великихъ людей, которые суть наши предки, но соединимтесь для преслѣдованія одной общей цѣли и для борьбы за одно общее для всѣхъ насъ дѣло — благо человѣчества». Это слово «соединимтесь» «associons nous», вмѣсто слова «confondons-nous», которое ораторъ точно также могъ бы употребить, обусловило громадный успѣхъ рѣчи Жюля Симона; оно вполнѣ удовлетворило какъ нашихъ гостей, такъ и французовъ, да и вообще вся его рѣчь выказала въ немъ такой тактъ, умъ и ловкость, что, вѣроятно, многимъ изъ республиканцевъ невольно пришло тогда въ голову, что въ случаѣ смерти Дюфора во Франціи есть вполнѣ способный дѣятель для замѣны перваго министра.

Вечеромъ на банкетѣ, устроенномъ литературнымъ конгрессомъ въ великолѣпномъ помѣщеніи новой гостиницы «Hôtel Continental», послѣдовало безконечное число тостовъ въ честь Франціи со стороны итальянскихъ, американскихъ, бельгійскихъ, австрійскихъ, венгерскихъ, шведскихъ и др. делегатовъ. Представитель Сѣверной Германіи, Швейбель, желая показать, что на обидное выраженіе Абу делегаты посмотрѣли только, какъ на неосторожность

языка, заговорилъ о томъ, что національный конвентъ призналъ Шиллера французскимъ гражданиномъ, а по нантскому эдикту множество французовъ стали пруссаками: это показываетъ, что французы и нѣмцы—«нѣсколько съ родни» и не должны питать между собою вражды. «Для писателей, замѣтилъ онъ: — общее отечество въ свободѣ мысли», почему и предложилъ тостъ за «братство литераторовъ». Послѣ кофе, музыкальный критикъ «Siècle», Оскаръ Комметанъ, сѣлъ за фортепьяно и заигралъ Марсельезу, а литераторы всѣхъ странъ хоромъ затянули ее, превративъ такимъ образомъ воинственно-революціонный гимнъ въ дружескую пѣснь благотворнаго мира.

Такъ какъ въ секціяхъ продолжаются частныя совѣщанія, то я долженъ отложить до слѣдующаго мѣсяца отчетъ о заключеніяхъ, которыя выработаются конгрессомъ литераторовъ. Изъ конгрессовъ, совѣщанія которыхъ съ разрѣшенія управленія Выставки, происходятъ въ помѣщеніи зданія Трокадеро, первымъ открылъ свои дѣйствія международный конгрессъ земледѣльцевъ, дѣятельно работавшій съ 10-го по 20-е іюня, одновременно съ открытіемъ на эспланадѣ дома инвалидовъ—конкурса рогатаго скота и домашней птицы. Заключительный банкетъ этого конгресса на 400 слишкомъ человѣкъ, происходилъ подъ предсѣдательствомъ президента французскаго земледѣльческаго общества, австро-венгерскаго делегата, делегата отъ общаго совѣта земледѣльцевъ Германіи и генеральнаго японскаго комиссара на выставкѣ—министра финансовъ этой страны—Мэдье. Этотъ сановникъ съ крайняго Востока сказалъ лучшую изъ рѣчей, произнесенныхъ на этомъ банкетѣ: воздавая похвалу Франціи за все, что она до сихъ поръ сдѣлала для цивилизаціи и прогресса, онъ высказалъ, между прочимъ, слѣдующую мысль: «Скоро, впрочемъ, вмѣсто того, чтобы называть отдѣльныя нація, мы будемъ говорить: человѣчество. Людской трудъ уничтожилъ границы даже между самыми отдаленными странами.»

Въ іюлѣ мѣсяцѣ произойдутъ слѣдующіе международные конгрессы: конгрессъ учрежденій для предупрежденія бѣдствія, географическій, стенографическій, путей сообщенія, архитектурный. Въ августѣ произойдутъ инженерный, коммерческій, промышленный, метеорологическій, гигіеническій и антропологическій. Конгрессъ антропологіи, этой новой науки, соединяется съ открытіемъ особой антропологической выставки, чрезвычайно интересной, Открылъ ее надняхъ Тейссеренъ-дю-Боръ весьма хорошею рѣчью, въ которой онъ выразилъ все свое «уваженіе и удивленіе къ тѣмъ смѣлымъ научнымъ дѣятелямъ, которые неутомимо допытываются отвѣтовъ въ нѣдрахъ земли на тѣ вопросы, разрѣшеніе которыхъ поведетъ къ значительному расширенію научнаго горизонта.»

Я бы никогда не кончилъ, еслибы затѣялъ перечислять всѣ слѣдовавшія одно за другимъ открытія отдѣловъ съ рѣчами, ко-

торыя при этомъ говорились, съ празднествами по этому поводу, сопровождавшимися завтраками и лёнчами, концертами и серенадами, начиная съ открытія англійской секціи во время пребыванія еще въ Парижѣ принца Уэльскаго и до освященія русскаго отдѣла, начиная съ частныхъ выставокъ каждой отрасли французской администраціи и кончая историческими музеями разныхъ странъ, напримѣръ, Испаніи. Послѣдняя страна, между прочимъ, открыла съ особеннымъ блескомъ свой отдѣлъ, на которомъ устроенъ особенный сталактитовый гротъ необычайной красоты, въ этомъ гротѣ, въ первый день открытія, посѣтителямъ предлагали даромъ пробовать отъ «лозы виноградной».

Вообще, первая серія посѣтителей выставки, въ числѣ которыхъ оказались, между прочими, персидскій шахъ и король—отецъ Альфонса XII—не можетъ пожаловаться на недостатокъ развлеченій, какія доставилъ имъ Парижъ. На ихъ долю выпало сверхъ абонемента зрѣлище погребенія французскаго маршала (Барагэ д'Илье) въ церкви Инвалидовъ и отпѣваніе экс-короля Гановерскаго въ скромномъ протестантскомъ храмѣ. Костюмы, въ которыхъ были одѣты по церемоніалу участники послѣдней процессіи весьма понравились зрителямъ, среди которыхъ едва ли многіе задумывались о той несправедливости судьбы, которая постигла этого экс-короля-меломана. Германское правительство не позволяетъ даже того, чтобы прахъ его былъ погребенъ въ гробницѣ его предковъ, опасаясь, чтобы этотъ побѣжденный правитель, если бы тѣло его было привезено въ Гановеръ, не напомнилъ этому, нѣкогда самостоятельному государству, его недавняго прошлаго. Прахъ короля поэтому отвезенъ въ Англію, въ виндзорскій склепъ, такъ что Георгъ оказался изгнанникомъ даже послѣ своей смерти.

Въ самый день похоронъ Гановерскаго короля въ Лоншанѣ происходили скачки на премію отъ города Парижа. Я—не охотникъ до развлеченій этого рода и даже, признаюсь, не понимаю того азарта, который выказываютъ относительно ихъ наши аристократы и англичане, и послѣдніе безъ различія сословій. Поэтому, я скажу только, что главный призъ достался англійской лошади Тюріо, принадлежащей русскому князю Салтыкову. Пари за и противъ этой лошади были громадны.

20-го іюня, на томъ же Лоншанскомъ гиподромѣ происходилъ ежегодный смотръ парижскихъ войскъ. Онъ чрезвычайно удался и иностранцы признали, что Франція и въ военномъ отношеніи выиграла за послѣднее время столько же, сколько въ политическомъ и въ экономическомъ. Интересно было видѣть, что публика, собравшаяся на смотръ, кричала: «да здравствуетъ миръ!». Маршалу же до самаго Елисейскаго Дворца пришлось возвращаться среди единодушныхъ криковъ толпы: «да здравствуетъ республика!». Большой національный и международный праздникъ выставки, на устройство котораго палатами ассигно-

вано 500,000 франковъ, назначенъ на 30-е іюня—день, не напоминающій никакого историческаго событія. По поводу приготовленій къ этому празднику едва не возникъ конфликтъ между парижскимъ муниципальнымъ совѣтомъ и министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, такъ какъ послѣднее не предоставило городскимъ совѣтникамъ той первенствующей роли, на какую они имѣютъ право. Но муниципальный совѣтъ не захотѣлъ входить въ препирательство съ министерствомъ и потому, предоставивъ администраціи, всю отвѣтственность за организацію праздника онъ ограничился тѣмъ, что вотировалъ кредитъ въ 60,000 франковъ для иллюминованія зданій, принадлежащихъ муниципалитету, и предложилъ жителямъ украсить флагами и иллюминовать свои домà 30-го іюня, кàкъ они были украшены и освѣщены 1-го мая.

Но кромѣ Парижа — гостямъ нашимъ предстоитъ нѣсколько праздниковъ и въ другихъ близь лежащихъ городахъ Франціи, которые они могутъ видѣть даже проѣздомъ. Такъ, пріѣзжающіе съ Востока могутъ, остановившись въ Нанси, видѣть открытіе памятника Тьеру, чтò произойдетъ также и въ Сен-Жерменѣ. Разумѣется, оба открытія будутъ сопровождаться всевозможными процессіями, иллюминаціями и фейерверками. Въ Версали на 24-е и 25-е іюня предположены празднества съ освѣщеніемъ всѣхъ фонтановъ, какъ во времена Людовика XIV, по поводу годовщины смерти республиканскаго генерала Гоша. На банкетѣ по этому поводу, какъ всегда, будетъ говорить рѣчь Гамбетта въ честь героя республиканца, который, если бы долѣе прожилъ, то навѣрное помѣшалъ бы Наполеону I нанести столько бѣдъ Франціи, сколько принесъ ей «маленькій капралъ» и его злополучная династія.

III.

Настоящее состояніе выставки.—Вѣроятность ея продолженія.—Первые концерты въ зданіи Трокадеро.—Французскій оффиціальный концертъ.—Голландскій оркестръ. — Итальянскій оркестръ. — Застой театральныхъ новостей и открытіе новаго театра.—Изящныя искусства на выставкѣ: Англія, Соединенные Штаты, Швейцарія, Германія, Италія, Австро-Венгрія, Испанія, Нидерланды, Бельгія, Данія, Швейцарія и Норвегія. — Русскій художественный отдѣлъ.—Общіе выводы: демократизація искусства.

Наша выставка положительно удалась: теперь, когда всѣ отдѣлы ея открыты и когда понадобилось открывать такіе музеи и отдѣленія, какихъ первоначально никто не имѣлъ въ виду, можно сказать рѣшительно, что между парижскими выставками 1867 и 1878 годовъ не можетъ быть никакого сравненія. Никогда еще на одной точкѣ земнаго шара не было собрано одновременно столько чудесъ искуства, науки и промышленности. Никогда еще человѣческая цивилизація и культура не

были представлены такъ полно, тѣмъ болѣе что и самыя основы цивилизаціи не забыты—и громадные музеи, литографическій и антропологическій, прямо наводятъ на мысль, какимъ длиннымъ путемъ должно было пройти человѣчество, чтобы выставки, подобныя нашей, могли осуществляться.

Успѣхъ выставки равно и громадный матеріалъ, представляемый ею для изученія, невольно навели на мысль о краткости назначеннаго для нея срока, и явилось предположеніе продолжить ее, по крайней мѣрѣ, до декабря мѣсяца.

Приливъ публики громадный, на какой нельзя было разсчитывать. Этому способствуютъ и хорошіе дни установившагося лѣта. Съ другой стороны, и главный администраторъ выставки Кранцъ, такъ опасавшійся, чтобы и настоящая выставка не обратилась въ модный базаръ и мѣсто всевозможныхъ развлеченій, нѣсколько смягчился и сдѣлалъ уступку желаніямъ публики. Въ настоящее время, на выставку допущенъ уже не одинъ цыганскій хоръ—въ венгерскую чарду, но и другой хоръ—въ пивную Дрейера. Кромѣ того, въ англо-американскій буфетъ допущенъ небольшой оркестръ музыки. Передъ главнымъ входомъ во дворецъ Марсова Поля, по три раза въ недѣлю, стали играть оркестры военной музыки.

Въ большой парадной залѣ трокадерскаго дворца тоже начались концерты, которые должно назвать офиціальными концертами выставки. Ихъ было два: въ первомъ, кромѣ оркестра, участвовали хоры, во второмъ—одинъ оркестръ подъ управленіемъ Колонна. Но оба концерта не имѣли особеннаго успѣха. Виною этому, во первыхъ, зала, которая не окончательно еще готова, кое-какъ обмёблирована, но главное—съ дурнымъ резонансомъ: большой оргȁнъ, заказанный для нея, еще не готовъ, а между тѣмъ, углубленіе, оставленное для оргȁна за эстрадою исполнителей — мѣшаетъ правильности распространенія звука. Во вторыхъ, выборъ пьесъ не былъ удаченъ. Распорядители концертовъ руководствовались при этомъ выборѣ оригинальностью музыкальныхъ произведеній, а не ихъ достоинствомъ. Кромѣ этихъ концертовъ, въ другихъ комнатахъ дворца Трокадеро были еще три концерта, подъ управленіемъ трехъ различныхъ капельмейстеровъ. Къ сожалѣнію, и они не привлекли особенно большой публики, хотя и заслужили одобреніе знатоковъ.

Большіе концерты иностранныхъ оркестровъ тоже начались неудачно. Открылись они концертомъ превосходнаго оркестра амстердамскаго дворца промышленности, но добрые голандцы, по своей неопытности, сами испортили все дѣло. Не зная еще, чтȍ значитъ въ Парижѣ реклама, они почти не объявляли въ газетахъ о концертѣ предварительно, напечатали очень мало афишъ а, главное, забыли разослать именныя приглашенія къ нашимъ музыкальнымъ критикамъ. Поэтому, на первомъ ихъ концертѣ почти вовсе не было публики. Я случайно попалъ на второй—и зала опять-таки была почти пуста, о чемъ

нельзя было не пожалѣть, такъ какъ концертъ былъ превосходный. Итальянскій оркестръ миланскаго театра de la Scala не повторилъ ошибки голандцевъ. Мало того, что на первомъ концертѣ были исполнены вещи хорошо знакомыя публикѣ, какъ напримѣръ, увертюра изъ «Вильгельма Теля», програма его была напечатана во всѣхъ газетахъ и публики набралось такое множество, что я вынужденъ былъ, не найдя свободнаго мѣста, все время стоять, уйти же рѣшительно не могъ, такъ какъ исполненіе всѣхъ пьесъ было блистательное. Когда большая зала Трокадеро будетъ окончена, и противъ акустическихъ недостатковъ ея, если виною ихъ не одно отсутствіе органа, примутся мѣры, то эти концерты будутъ привлекать каждый разъ значительную публику, что непремѣнно окажетъ извѣстную пользу музыкальному воспитанію массъ. Концерты же эти публика станетъ посѣщать тѣмъ охотнѣе, что ни на одной изъ нашихъ сценъ не дается ничего новаго и заслуживающаго вниманія, за исключеніемъ «Семейства Фуршамбо», которая уже пріѣлась публикѣ. Совершенное отсутствіе театральныхъ новостей цѣлые два мѣсяца представляетъ собою даже нѣчто непонятное и необъяснимое. Мнѣ на этотъ разъ, напримѣръ, нѣчего и сказать о нашихъ театрахъ, кромѣ извѣстія объ открытіи на Итальянскомъ Бульварѣ подъ управленіемъ талантливаго комика Брассёра, новаго театра «Les Nouveautés», репертуаръ котораго будетъ состоять изъ пьесъ, дающихся на сценѣ Палеройяльскаго Театра. Представленія на немъ открылись смѣшнымъ, но нелѣпымъ водевилемъ Клервилля и Делакура, успѣхъ котораго объясняется участіемъ въ немъ самаго директора—Брассёра, и любимицы публики Селины Монталанъ.

Для тѣхъ, кто не любитъ серьёзной музыки въ окрестностяхъ Марсова Поля найдутся и другія развлеченія. Такъ, до выставки, у насъ былъ одинъ гиподромъ; теперь ихъ уже два, да третій строится, не говоря уже о двухъ циркахъ и звѣринцѣ Бидель, которые тоже находятся вблизи. Извѣстнымъ «Concerts Besselièvre» Елисейскихъ Полей также появилась конкуренція. На терасѣ Тюильрійскаго Сада, носящей названіе la terasse de l'orangerie, помѣстился русскій цыганскій хоръ, называющій себя въ объявленіяхъ «Курскими Соловьями». «Фигаро» очень протежируетъ этому хору за то смиреніе, съ какимъ онъ, появившись въ Парижѣ, поклонился великому Виллемессану, и, благодаря рекламамъ строчилъ этого газетнаго Барнума—дѣла хора идутъ весьма успѣшно; жаль только, что онъ возмечталъ о своемъ значеніи выше мѣры и однажды зашелъ даже въ большое зданіе дворца Трокадеро. Тамъ, какъ и слѣдовало ожидать, цыганъ постигло фіаско...

Изящнымъ искуствамъ, по общему каталогу выставки, какъ и должно быть, отведено первое мѣсто. Произведенія искуства занимаютъ весьма обширное помѣщеніе, во всю длину Марсова Поля, между французскимъ промышленнымъ отдѣломъ и

иностранными. Размѣщены они по групамъ національностей почти соотвѣтственно раздѣленіямъ улицы націй, за исключеніемъ центра, занятаго произведеніями французскаго искуства, и гдѣ кромѣ того находится павильйонъ города Парижа, въ которомъ, кромѣ произведеній изящныхъ искуствъ, выставлены еще и другіе предметы городскаго управленія.

Въ англійскомъ отдѣлѣ замѣчательны акварели и аква-форты, но зато скульптурныя произведенія ниже посредственности. Бо̀льшая часть картинъ—жанровыя. Изъ нихъ не мало такихъ, которыя или прегрѣшаютъ излишнею сентиментальностью, или впадаютъ въ карикатуру, но очевидно это — любимый родъ живописи англичанъ, и копіи съ нихъ расходятся десятками тысячъ. Почему это такъ — понятно само собою. Урожденцы небольшаго острова, разселяющіеся массами по отдаленнымъ колоніямъ, разумѣется, весьма дорожатъ сценами изъ жизни своего отечества, которыми и украшаютъ свои жилища во всѣхъ частяхъ свѣта. Въ этомъ смыслѣ я понимаю успѣхъ такихъ картинъ, какъ «Вокзалъ желѣзной дороги» и «Derby day» Твита, «Отъѣздъ» Галля, а въ особенности «Лондонскіе бѣдные, ожидающіе впуска въ ночлежный домъ» Люка Фильдеса. Послѣдняя картина поразительна по разнообразію типовъ, представленныхъ со всею силою правды, отъ 12-тилѣтняго уличнаго мальчика до бродяги-философа и джинопоклонника. Особенной граціей рисунка выдается картина Лесли «Посѣщеніе пансіона». Чрезвычайно колоритны и исполнены живаго юмора двѣ картины Орчирдсона: «Королева шпагъ» и «Заемъ подъ залогъ». Изъ картинъ историческихъ останавливаютъ на себѣ особенное вниманіе: «Сторожъ лондонской башни» Миллэза и «Герцогъ Кембриджскій въ сраженіи при Альмѣ» Гранта. Но еще лучше картина недавно умершаго Уокера «Старая рѣшетка», которая поразительна, какъ по простотѣ композиціи, такъ и по блеску исполненія.

Живописцы Сѣверной Америки еще менѣе англичанъ занимаются историческою и миѳологическою живописью, но жанръ въ такой же модѣ, какъ и въ Англіи. Въ картинахъ американцевъ нѣтъ никакой оригинальности, у нихъ и не могло образоваться отдѣльной школы, такъ какъ переселенцы изъ разныхъ странъ вносили съ собою въ искуство самые разнообразные элементы. Изъ американскихъ пейзажей особенное вниманіе обращаютъ на себя работы гг. Бристоля, Ричарда, Гихарда, Дюбуа и Вайена. Изъ художниковъ-реалистовъ выдаются гг. Браунъ, Гомеръ, Ширлейръ и Гамильтонъ. Двумъ первымъ особенно удаются фигуры дѣтей. Ширлейръ производитъ фуроръ «Стрижкой овецъ», а «Кокотка, читающая Journal pour rire» Гамильтона — сама истина.

Въ швейцарскомъ отдѣлѣ встрѣчаешься снова съ такою же массою жанровъ, какъ у англичанъ и американцевъ. Особенное вниманіе публика обращаетъ на «Случайный обѣдъ» Вотке, благо-

даря типичности изображенныхъ на картинѣ фугуръ. Весьма удачны: «Дождь» Равеля, «Цыгане, сопровождаемые жандармомъ», Симона Дюраля и «Монастырскіе политики» Бошарда, въ видѣ двухъ монаховъ, съ жадностью слушающихъ священника, читающаго газету. Въ пейзажахъ нѣтъ недостатка. Изъ пейзажей, изображающихъ швейцарскія мѣстности, лучшіе принадлежатъ гг. Бобру, Кастану и Могардону, но всѣ они по совершенству исполненія далеко уступаютъ «Каравану» Эженя Жираде «Тангерскому прибрежью» Жюля Жираде и «Римской деревнѣ» и «Босфору» Давида. Лучшіе портреты принадлежатъ кисти Альфреда Берто, а «Вѣтерскъ» Поля Робера, сына знаменитаго Леопольда Робера, доказываетъ, что талантъ иногда передается и по наслѣдству.

Переходя къ германскому отдѣлу, приходится снова удивляться обилію жанровъ. Наибольшимъ успѣхомъ изъ нихъ пользуется прелестная картина Гоффа: «Крестины послѣ смерти отца» — радостное семейное событіе, происходящее при самыхъ скорбныхъ условіяхъ. «Бесѣда солдата съ нянькою» Вернера невольно заставляетъ улыбнуться. Герой бросаетъ такіе убійственные взгляды на свою хорошенькую собесѣдницу, вся фигура его дышетъ такимъ неподражаемымъ комизмомъ, что отъ картины не хочется оторваться. Очень хорошъ «Урокъ гимнастики» Пильца. Кнауссъ, пользующійся значительною славою въ артистическомъ мірѣ, выставилъ нѣсколько картинъ: «Крестьянъ, совершающихъ контрактъ», «Похороны бѣдняка» и «Дѣтскій праздникъ»: изъ нихъ по экспрессіи особенно выдается послѣдняя. Анималисты Брендель и Крёнеръ выставили неподражаемыхъ «барановъ» и «кабановъ». Пейзажей тоже очень много, но зато много и большихъ полотенъ, на которыхъ подражатели Каульбаха, Корнеліуса и Овербека стараются поддержать традиціи «великой живописи». Я, какъ сынъ своего времени, отличающагося въ искуствѣ реализмомъ не большой поклонникъ такихъ полотенъ, весьма мало понимаю ихъ достоинства и остался совершенно холоденъ, созерцая «Эпизодъ изъ тридцатилѣтней войны» Пилоти, «Распятіе» и «Тайную вечерю» Гебгардта. Мнѣ гораздо болѣе по душѣ пришлись даже и портреты, выставленные Ланбахомъ и Рихтеромъ, а черная грубая фугура «Литейщиковъ» Менцеля — привела меня просто въ восторгъ. Скульптурныя произведенія Германіи на настоящей выставкѣ отличаются, по мнѣнію знатоковъ, высокими достоинствами, и ихъ весьма усердно изучаютъ скульпторы всѣхъ странъ. Особенно замѣчательны изъ нихъ «Народная и лирическая поэзія» двѣ фигуры Суссмана Гальбора, «Меркурій и Психея» и «Похищеніе Сабинянки» Бегаса.

Что касается до меня лично, то произведенія итальянскихъ скульпторовъ на меня производятъ несравненно сильнѣйшее впечатлѣніе, чѣмъ германскія. Ихъ такъ много, что, кромѣ художественнаго отдѣла вы ихъ встрѣтите поставленными повсюду, между витринами съ итальянскими фабричными и про-

мышленными произведеніями. Произведенія итальянской скульптуры, при всей своей реальности, исполнены въ тоже время какой-то необычайной граціи, и если въ анатомическомъ смыслѣ линіи ихъ нерѣдко и погрѣшаютъ, зато исполненіе высоко художественно. Изъ всѣхъ народовъ, дѣйствительно, одни только итальянцы умѣютъ обращаться съ мраморомъ, какъ слѣдуетъ: онъ подъ ихъ руками становится чуть не воскомъ или глиною. и они какъ будто не высѣкаютъ изъ него свои статуи, а просто лѣпятъ. Подражаніе самой легкой ткани, самый тонкій узоръ— имъ рѣшительно нипочемъ. Я затрудняюсь даже назвать какое нибудь изъ итальянскихъ скульптурныхъ произведеній—лучшимъ: по моему всѣ они изумительно хороши, и, если между ними и не найдется такихъ, которые напоминали бы что Италія—родина Микель Анжело, то вамъ невольно приходитъ въ голову, что въ ней долженъ былъ нѣкогда жить Бенвенуто Челлини.

Между итальянскими картинами вамъ тоже ни одна не напомнитъ ни о Рафаэлѣ, ни о Леонардо де-Винчи, но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, чтобы вы не остановились съ удовольствіемъ передъ весьма многими изъ нихъ. Упомяну о «Восточныхъ сценахъ» Позини, «Сценахъ изъ недавняго прошлаго» Пальяно, о картинахъ Нитюса, которыя надѣлали, къ неудовольствію классиковъ, столько шума на одной изъ послѣднихъ нашихъ ежегодныхъ выставокъ.

Между итальянскими портретистами выдаются очень многіе и особенно Спиридіонъ, выставившій портретъ Гамбетты. Портретъ этотъ постоянно окруженъ массою публики; впрочемъ, вѣроятно, это зависитъ не столько отъ его достоинства, сколько отъ славы нашего трибуна. Въ портретѣ этомъ по моему одинъ, весьма важный, недостатокъ: Гамбетта изображенъ на немъ слишкомъ цвѣтущимъ, это—не Гамбетта, поражающій съ трибуны враговъ республики, а Гамбетта, хорошо пообѣдавшій.

Отдѣлъ Австро-Венгріи по художественному значенію выставленныхъ на немъ картинъ положительно лучшій изъ всѣхъ иностранныхъ отдѣловъ. Чуть ли не лучшая историческая картина всей выставки, великолѣпно написанная и представляющая собою результатъ продолжительнаго изученія, принадлежитъ кисти вѣнскаго художника Ганса Маккарта и изображаетъ въѣздъ Карла V въ Антверпенъ, и встрѣчу его первыми красавицами города, едва прикрытыми кружевными покровами, и подносящими ему побѣдные вѣнки. Эти почти нагія дѣвушки занимаютъ чуть ли не весь первый планъ картины, причемъ всѣ онѣ изумительно прекрасны. Нѣкоторые недовольные критики находятъ въ картинѣ недостатки въ освѣщеніи и группировкѣ фигуръ, но никто не отказываетъ художнику въ томъ, что его композиція исполнена молодой энергіи, движенія и страстности и написана весьма колоритно и эфектно. Двѣ другія замѣчательныя картины принадлежатъ кисти недавно умершаго извѣстнаго художника Чермака и изображаютъ «Герцеговинскихъ бѣглецовъ» и «Чер-

ногорскіе похороны». Онѣ совершенно затмѣваютъ находящуюся вблизи картину Матейки «Союзъ Польши съ Литвою», которая по своимъ достоинствамъ заслуживала бы бо̀льшаго вниманія. Затѣмъ множество отличныхъ пейзажей, портретовъ Даллемана, Конона и д'Анжели совершенно затмѣваются рядомъ превосходныхъ и исполненныхъ живаго реализма картинъ венгерскаго художника Мункаци. Одна изъ нихъ: «Мильтонъ, диктующій своимъ дочерямъ Потерянный Рай» — до того исполнена жизненной правды, что поборники академическаго искуства заявляютъ сомнѣніе, можно ли ее принимать за историческую картину и не сатирическая ли это выходка смѣлаго художника. Наконецъ, весь этотъ рядъ первостепенныхъ произведеній достойно замыкается «Крещеніемъ венгерскаго короля Стефана I-го»—Бенезюра, картиною, которая по своему сюжету, могла бы занимать громадное полотно, но художникъ придалъ ей самые умѣренные размѣры.

Испанія, игравшая во времена возрожденія такую значительную роль въ искуствѣ, не поддержала своей былой славы. Всѣ большія картины, выставленныя испанцами, положительно плохи. Со времени успѣха недавно умершаго Фортуни, маленькія картины котораго, исполненныя блеска и фантазіи, продаются на вѣсъ золота, явилось множество подражателей этого рода живописи, между которыми не мало замѣчательныхъ талантовъ, какъ Аванда, Казанова, Мелида, и проч., щеголяющихъ какъ сюжетами своихъ небольшихъ картинокъ, такъ и колоритностью и искуствомъ своего письма. Между портретистами обращаютъ на себя вниманіе отецъ и сынъ Мадрасо. Казадо восхитительно пишетъ женскую наготу среди драпировокъ самыхъ яркихъ цвѣтовъ. Вообще, испанцы владѣютъ умѣньемъ мастерски писать свои картины, но въ нихъ окончательно погасъ тотъ священный огонь вдохновенія, какимъ намъ до сихъ поръ дорогъ Мурильо и другіе славные соотечественники его.

Въ Голландіи тоже—пока не народилось еще другаго Рубенса, но традиціи фламандской школы въ ней живы, какъ о томъ свидѣтельствуетъ цѣлый рядъ жанровъ и семейныхъ сценъ работы гг. Блеса, Артуа, Нокена, Бисгопа, Израэля, Мелиса и т. д. Пейзажи и особенно морскіе виды имъ также удаются (Боэловъ, Габріэль, Спейзе и особенно Мездагъ).

Въ Бельгіи—тоже нѣтъ недостатка въ жанристахъ. «Собаки фокусника» Жозефа Стевенса—рѣшительно живыя, дрессированныя собаки. Пейзажи Кабзиса и десятка другихъ художниковъ положительно не оставляютъ ничего желать съ точки зрѣнія реальной живописи. У бельгійцевъ сверхъ того много и большихъ историческихъ картинъ, которыя при всей ихъ посредственности доказываютъ, по крайней мѣрѣ, что въ Бельгіи академическое искуство много работаетъ. «Казнь Ванъ-Будевина» де-Вріена, съ палачемъ, одѣтымъ въ красное и держащимъ на колѣняхъ сѣкиру, нѣсколько мелодраматична, но фигуры плачущихъ жены и дочери осужден-

наго исполнены отлично. Верла выставилъ новозавѣтную сцену прощенія Варнавы, совершенно неимѣющую религіознаго характера. Личность Христа почти изчезаетъ передъ характеристическими типами толпы евреевъ. Вотерсъ, картина котораго «Безуміе художника» Вандер-Госса заслужила значительный успѣхъ на одной изъ послѣднихъ парижскихъ выставокъ Елисейскихъ полей—выставилъ двѣ весьма удачныя сцены изъ жизни Маріи Бургонской.

Греческій отдѣлъ, точно такъ же, какъ и португальскій, не представляетъ собой никакого интереса. Въ датскомъ обращаютъ на себя вниманіе два или три пейзажа и домашнія сценки Блока, и Эннера. Норвегія и Швеція геніальныхъ произведеній не выставили, но въ ихъ отдѣлѣ довольно много картинъ, показывающихъ, что мѣстные художники изучаютъ искуство и владѣютъ его техникою. Большая картина Эдерстрома: «Карлъ XII, убитый подъ Фридрихсгамомъ», поражаетъ величавой простотой своей композиціи. «Жена рыбака, ожидающая мужа», Герборга, несмотря на всю избитость этого сюжета привлекаетъ къ себѣ вниманіе мученическимъ выраженіемъ лица женщины и прелестью фигуры ребенка, котораго она держитъ на рукахъ. Между пейзажами нѣкоторые весьма замѣчательны по эффектамъ ночнаго и сумеречнаго освѣщенія и отраженія свѣта. «Море, освѣщенное луной», Янисберга Вальберга—превосходно и художникъ еще болѣе выигрываетъ въ мнѣніи публики, когда зрители замѣчаютъ, что тутъ же, подлѣ, помѣщается другой пейзажъ того же Вальберга, «Озеро», задуманный совсѣмъ иначе и написанный совершенно другимъ способомъ.

Русскій отдѣлъ я приберегъ къ концу, не потому, чтобы онъ былъ слабѣе всѣхъ, совершенно напротивъ, онъ по общему сознанію одинъ изъ удачнѣйшихъ—а потому, что я торопился сообщить вамъ о томъ, чего вы еще не видѣли, русскія же картины, конечно, вамъ всѣ хорошо извѣстны. Не скрою отъ васъ, что въ день открытія русскаго отдѣла англичане нѣсколько скептически относились къ «русскому искуству». Какое это такое русское искуство? приходилось мнѣ слышать не разъ въ этотъ день своими ушами, но едва отдѣлъ вашъ былъ осмотрѣнъ, то тѣ же самые скептики отнеслись къ нему съ полнымъ уваженіемъ. Особенное вниманіе возбудила картина г. Якоби «Свадьба въ Ледяномъ Домѣ», но такъ какъ въ каталогѣ ничего не объяснено относительно ея содержанія, то картины рѣшительно никто и не понялъ, ни публика, ни критики, и каждый по этому поводу предавался самымъ фантастическимъ предположеніямъ, смотря по складу своего эпическаго или сатирическаго характера. Наконецъ, критика рѣшила (и между прочимъ «Journal de Débats»), что картина хотя и непонятна, но по своей оригинальности, движенію, блеску и умѣлому исполненію—заслуживаетъ всяческой похвалы. «Птичникъ» г. Перова оцѣнена знатоками очень высоко, «Украинская ночь» г. Куинджи показалась публикѣ нѣсколько стран-

ной по своему освѣщенію, но знакомство съ Алжиріей помогло оцѣнить по достоинству «Степь, сожженую солнцемъ», того же художника. «Лѣтняя ночь въ Петербургѣ» г. Боголюбова понравилась публикѣ болѣе всѣхъ другихъ русскихъ пейзажей. Изъ «жанровъ» наиболѣе удачнымъ представляется жанръ г. Дмитріева «Двѣ минуты отдыха». Портреты гг. Лемана и Крамскаго признаны отличными, несмотря на то, что рядомъ съ ними выставлены портреты г. Харламова, уже пріобрѣвшаго себѣ общую извѣстность. О «Коперникѣ, объясняющемъ систему міра», г. Герсона, критики отзываются съ большою похвалою, но наибо̀льшимъ, успѣхомъ у публики, а въ слѣдъ затѣмъ и въ журналистикѣ, пользуется картина г. Семирадскаго «Свѣточи Нерона». Скульптурному отдѣлу почему-то не повезло, и на него не было обращено того вниманія, какого онъ, по моему мнѣнію, вполнѣ заслуживаетъ.

О французскомъ отдѣлѣ я говорить не стану. Бо̀льшая часть выставленныхъ въ немъ произведеній вамъ извѣстны изъ моихъ отчетовъ объ елисейскихъ выставкахъ. Кстати, выставка этого рода будетъ открыта и въ настоящемъ году—въ іюлѣ мѣсяцѣ.

Теперь слѣдовало бы сдѣлать нѣсколько общихъ выводовъ изъ впечатлѣній, производимыхъ общностью всѣхъ художественныхъ отдѣловъ. Но мои впечатлѣнія только подтвердили тотъ общій взглядъ на современное искуство, который я уже имѣлъ случай высказывать на страницахъ «Отеч. Записокъ». Не желая повторяться, я позволю себѣ ограничиться нѣсколькими словами. Искуство все болѣе и болѣе становится реальнымъ и, такъ сказать, демократизуется, но характера его нельзя не признать лишь переходнымъ. Старые идеалы все болѣе и болѣе забываются, новые еще не нашли воплощенія. Дорогія историческія и миѳологическія картины все болѣе и болѣе вытѣсняютъ жанры и всѣмъ понятные пейзажи, при чемъ всякая ложь изображенія—отвергается. Форма, техника—дошли до послѣдней степени совершенства, мысль же, такъ сказать, отыскивается ощупью и едва-ли кому либо вполнѣ ясна. Чувствуется, однакожь, близость той минуты, когда искуство сдѣлается изъ метафизическаго (періодъ миѳологическій уже прошелъ окончательно) вполнѣ человѣческимъ. Вѣроятно, однако, этой минутѣ будетъ предшествовать обновленіе самаго человѣческаго общества. У новаго общества будетъ и новое искуство, для котораго въ смыслѣ техническомъ все уже вполнѣ подготовлено.

Людовикъ.

Парижъ, 25 іюня 1878 г.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Продажа башкирскихъ общественныхъ земель.—Новый порядокъ, установленный для этой продажи. — Несостоятельность нынѣшняго порядка публичныхъ торговъ на продажу земель вообще. — Могутъ ли государственныя земли отчуждаться съ торговъ на тѣхъ основаніяхъ, на какихъ отчуждаются и другіе предметы?—Можетъ ли государство, при продажѣ земель, руководиться тѣми же стимулами, которыми руководствуются спекулянты?—Порядокъ, какимъ могли бы быть отчуждаемы и отдаваемы въ аренду государственныя земли. — Стѣсненіе добровольныхъ переселенцевъ въ Оренбургской Губерніи. — Еще о письмахъ студентки Некрасовой.

Въ прошедшемъ мѣсяцѣ обнародованъ весьма важный правительственный актъ *«объ измѣненіи порядка продажи общественныхъ башкирскихъ земель»* въ Оренбургской Губерніи («Правительственный Вѣстникъ № 132») Давно уже извѣстно, что башкирскія земли, при помощи разныхъ подвоховъ, обмановъ, запугиваній, даже насилій, пріобрѣтались ловкими русскими промышленниками всѣхъ званій и состояній чуть не задаромъ. Въ 1869 году, въ видахъ ограниченія этихъ злоупотребленій, состоялось высочайшее повелѣніе, «воспрещающее продажу земель изъ башкирскихъ дачъ до размежеванія сихъ послѣднихъ и до выдачи башкирамъ-вотчинникамъ установленнаго свидѣтельства о границахъ и количествѣ свободной за ихъ душевымъ надѣломъ земли, могущей быть отчужденной». Это не остановило, однакожъ, существовавшихъ злоупотребленій. — Башкирскія земли продолжали отчуждаться по прежнему и изъ неразмежеванныхъ дачъ, или и изъ размежеванныхъ, но путемъ обмановъ и насилій. Такимъ образомъ, многіе изъ ловкихъ пріобрѣтателей успѣли изъ башкирскихъ земель составить себѣ чуть не цѣлыя герцогства

Новый актъ обязываетъ оренбургскаго генералъ-губернатора немедленно привести въ извѣстность всѣ крѣпостные акты на продажу неразмежеванныхъ башкирскихъ земель и возбудить въ подлежащихъ судебныхъ мѣстахъ дѣла объ уничтоженіи этихъ актовъ и о возвращеніи проданныхъ по нимъ земель первоначальнымъ собственникамъ послѣднихъ. «Независимо отъ этого, въ тѣхъ случаяхъ, когда изъ принесенныхъ генералъ-губернатору жалобъ или дошедшихъ до него другимъ путемъ свѣденій

и изъ произведеннаго, по его распоряженію, предварительнаго дознанія онъ усмотритъ, что крѣпостной актъ на продажу земли изъ башкирскихъ дачъ, хотя бы и размежеванныхъ, совершенъ при помощи угрозъ, принужденій, обмана, подлога и тому подобныхъ противузаконныхъ дѣйствій», генералъ-губернатору предоставляется возбуждать противъ обвиняемыхъ уголовное преслѣдованіе, и въ случаѣ если обвиняемые окажутся дѣйствительно виновными, судебное мѣсто, независимо отъ приговора о личной отвѣтственности виновныхъ, постановляетъ рѣшеніе и о томъ: долженъ ли крѣпостный на продажу земли актъ остаться въ своей силѣ».

Таково содержаніе первой половины обнародованнаго акта. Если исполненіе по нему и администраціей, и судебными мѣстами будетъ производиться съ должною энергіей и добросовѣстностью, то одно уже возвращеніе множества земель, захваченныхъ различными кулаками и аферистами для эксплуатированія башкирскаго народа, будетъ великимъ пріобрѣтеніемъ для государства. Ибо земли эти, при правильной продажѣ, впослѣдствіи перейдутъ— само собою разумѣется, если объ этомъ будетъ заботиться мѣстная администрація—въ руки самого народа, въ руки крестьянъ. А кромѣ того, актъ этотъ, если онъ будетъ строго и точно исполненъ, будетъ служить острасткою для всѣхъ тѣхъ ловкихъ людей, которые, пріобрѣвъ землю мошенническимъ способомъ и успѣвъ закрѣпить такое противузаконное пріобрѣтеніе крѣпостнымъ актомъ, считаютъ дѣло конченнымъ безповоротно. Они увидятъ, что подобныя qussi-легальныя сдѣлки нетолько ничтожны для утвержденія за ними захваченнаго обманомъ имущества, но могутъ сопровождаться и уголовною карою.

Мы можемъ пожалѣть только о томъ, что для преслѣдованія такихъ противозаконныхъ сдѣлокъ въ обнародованномъ актѣ допущена земская давность. Именно говорится, что дѣла объ уничтоженіи крѣпостныхъ на продажу башкирскихъ земель актовъ какъ не изъ размежеванныхъ дачъ, такъ и изъ размежеванныхъ, но совершенныхъ при помощи угрозъ, принужденій, обмана, подлога и т. п. должны быть возбуждены въ судебныхъ мѣстахъ въ *двухгодичный* со дня изданія обнародованаго акта срокъ, не пропуская, однакожъ, общаго десятилѣтняго со дня совершенія того или другого акта срока земской давности. Вѣроятно, для многихъ изъ совершенныхъ мошенническимъ образомъ актовъ срокъ земской давности на исходѣ, и прежде, чѣмъ доберутся до нихъ, онъ истечетъ; для другихъ уже и теперь истекъ. Слѣдовательно, благодаря земской давности, для многихъ пріобрѣтателей мошенническія сдѣлки окажутся вполнѣ удавшимися. Мнѣ кажется, что срокъ земской давности не долженъ существовать для нѣкоторыхъ преступленій, именно для тѣхъ, которыя имѣютъ цѣлію закрѣпощеніе тѣмъ или другимъ способомъ человѣческой личности. И въ настоящее время можно бы было отыскать, напримѣръ, не мало крестьянъ, которые, въ силу своего

бѣдственнаго положенія, согласились бы охотно продать нетолько себя лично, но и со всѣмъ своимъ потомствомъ. Можно бы было также отыскать и такихъ услужливыхъ дѣльцовъ, которые отыскали бы ту или другую подходящую законную форму, подъ которою подобная противозаконная купля могла быть утверждена крѣпостнымъ актомъ И однакожь, никакая земская давность не можетъ прикрыть подобной беззаконной сдѣлки и избавить ее отъ преслѣдованія. Точно такъ же мнѣ кажется, было бы справедливо отнять покровъ земской давности отъ всѣхъ тѣхъ quasi-крѣпостныхъ актовъ, которыми легализируется противозаконно или прямо даже мошенническое пріобрѣтеніе земли съ очевидною цѣлью эксплуатированія народнаго труда. Земля въ рукахъ барышниковъ и аферистовъ съ каждымъ днемъ становится въ нѣкоторыхъ случаяхъ еще болѣе страшнымъ орудіемъ для закрѣпощенія людей, чѣмъ было самое крѣпостное право, такъ что необходимо немедленно принимать мѣры нетолько противъ мошенническаго захвата земель барышниками и аферистами, но и вообще противъ перехода государственныхъ или общественныхъ земель въ ихъ руки.

Вторая часть обнародованнаго акта опредѣляетъ новый порядокъ продажи башкирскихъ общественныхъ земель, въ силу котораго

1) земля въ дачахъ первоначально должна быть окончательно размежевана съ надѣломъ при этомъ припущенниковъ узаконенною пропорціею земли, а самыхъ вотчинниковъ 15-ю десятинами земли на каждую ревизскую душу, и только за тѣмъ остальную землю, если таковая окажется, вотчинники имѣютъ право назначить въ продажу, но не иначе, какъ

2) по приговору сельскаго схода или сельскаго общества, которому принадлежитъ земля, или по приговорамъ всѣхъ сельскихъ обществъ, на волостномъ сходѣ, если земля принадлежитъ цѣлой волости; при чемъ

3) вотчинники, не желающіе продавать общественную землю, имѣютъ право требовать выдѣла изъ нея причитающейся имъ части;

4) только по таковомъ полномъ улаженіи между собою всѣхъ вотчинниковъ, приговоръ представляется непремѣнному члену уѣзднаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, который, убѣдившись въ правильности составленнаго приговора чрезъ личный спросъ участвовавшихъ въ составленіи его лицъ и повѣрку на мѣстѣ, удостовѣряетъ его своею подписью и представляетъ въ губернское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе,

5) которое, если въ немъ возникнетъ сомнѣніе относительно правильности приговора или поступятъ жалобы, еще разъ повѣряетъ его на мѣстѣ чрезъ одного изъ своихъ членовъ, и только убѣдившись вполнѣ въ его правильности, назначаетъ поименованныя въ немъ земли въ продажу съ публичныхъ торговъ, разбивая для этого эти земли на планѣ, чрезъ находящихся

при немъ землемѣровъ на возможно дробные участки, смотря по мѣстной возможности и съ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы въ каждомъ такомъ участкѣ было достаточное количество воды.

Таковъ новый порядокъ, устанавливаемый обнародованнымъ актомъ для назначенія въ продажу земель. Хотя порядокъ этотъ пока предписывается только для отчужденія общественныхъ башкирскихъ земель, но въ виду имѣется, если это окажется нужнымъ, распространить его и на другія земли. Ибо въ одномъ изъ пунктовъ означеннаго акта сказано: «предоставить министру внутреннихъ дѣлъ по истребованіи отзывовъ начальниковъ губерній Самарской, Вятской и Пермской, подвергнуть, по согласію съ подлежащими министрами, обсужденію вопросъ о томъ: представляется ли необходимымъ настоящія правила распространить и на эти губерніи, и въ какой мѣрѣ, а затѣмъ войти по сему предмету съ особымъ представленіемъ въ установленномъ порядкѣ». Въ виду такого имѣющагося въ виду обобщенія установленнаго порядка для назначенія общественныхъ земель въ продажу, намъ кажется, было бы неголько полезно, но и необходимо привлечь къ этому дѣлу надзоръ земства. Земство гораздо ближе стоитъ къ крестьянамъ, чѣмъ членъ уѣзднаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія. Оно имѣетъ и болѣе возможности провѣрить правильность составляемыхъ сельскимъ обществомъ приговоровъ объ отчужденіи земель. Непремѣнному члену уѣзднаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія— одному—трудно будетъ, да и едва ли всегда возможно, безъ долговременной проволочки дѣла лично спросить всѣхъ участвовавшихъ въ составленіи приговора о продажѣ земли, тогда какъ земство имѣетъ немало гласныхъ изъ числа самихъ крестьянъ и можетъ исполнить это легко и быстро, командировавъ двухъ, трехъ или нѣсколькихъ гласныхъ, вообще сколько требуется, для провѣрки правильности приговоровъ на мѣстѣ. Поэтому, мнѣ кажется, было бы болѣе гарантіи въ правильности приговоровъ объ отчужденіи земель, еслибы эти приговоры поступали изъ сельскихъ или волостныхъ обществъ—прежде всего на разсмотрѣніе подлежащихъ уѣздныхъ земствъ и, уже удостовѣренные въ правильности послѣдними, поступали или къ непремѣнному члену уѣзднаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія для дальнѣйшаго удостовѣренія, или прямо препровождались въ губернское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе.

Точно тоже я долженъ сказать и о порядкѣ торговъ какъ назначаемыхъ теперь на продажу башкирскихъ земель, такъ и вообще о существующемъ порядкѣ торговъ и на продажу казенныхъ земель, и на отдачу ихъ въ аренду. Правильное производство торговъ возможно только тогда, когда сдѣлана надлежащая публикація о предметахъ торга, т. е. когда всѣ тѣ, которые заинтересованы предметомъ торга, во̀ время поставлены въ извѣстность: когда будетъ торгъ, на какіе именно предметы и при какихъ условіяхъ? У насъ именно на надлежащую публикацію о торгахъ

не обращается никакого почти вниманія. Порядокъ для этой публикаціи сохраняется до сихъ поръ прежній рутинный, который могъ быть пригоденъ для времени крѣпостнаго права, когда полноправною была только личность помѣщика и только во имя его крестьяне могли принимать тѣ или другія обязательства, и который можетъ быть годенъ, пожалуй, и для того времени, когда всѣ крестьяне будутъ проходить курсъ, по крайней мѣрѣ, уѣздныхъ училищъ и будутъ настолько граматны, что въ каждомъ селѣ будетъ выписываться не менѣе газетъ, чѣмъ сколько ихъ выписывается теперь въ уѣздномъ городѣ. Порядокъ этотъ состоитъ въ томъ, что о торгахъ, на какой бы предметъ они ни производились, публикуется въ столичныхъ газетахъ и Губернскихъ Вѣдомостяхъ — и только. Этотъ самый порядокъ торговъ предписывается въ обнародованномъ актѣ (пунктъ 10) и на продажу башкирскихъ земель. Что такой публикаціи, когда рѣчь идетъ о торгахъ на продажу земель, гдѣ лучшими и самыми желательными конкурентами должны быть крестьяне, совершенно недостаточно, съ этимъ согласится всякій, кто хорошо знакомъ съ нынѣшнимъ положеніемъ крестьянъ, съ ихъ малограматностію и даже совершенною безграматностію, съ отдаленностію бо̀льшей части ихъ жилищъ отъ городовъ, съ рѣдкимъ сообщеніемъ ихъ съ послѣдними, вслѣдствіе замкнутости и изолированности ихъ интересовъ отъ городскихъ, наконецъ, почти совершеннымъ отсутствіемъ между ними и привычки, и охоты, и даже умѣнья слѣдить за тѣмъ, что̀ дѣлается въ мірѣ, по газетамъ, при неимѣніи притомъ нигдѣ въ селахъ и деревняхъ, исключая развѣ волостныхъ правленій, да еще, можетъ, нѣкоторыхъ разживившихся кулаковъ, самыхъ газетъ. Ка̀къ бы часто ни дѣлались публикація о тѣхъ или другихъ назначенныхъ торгахъ въ газетахъ — даже еслибы вмѣсто узаконенныхъ трехъ публикацій, дѣлалось ихъ десять — все-таки, они не дойдутъ до крестьянскихъ обществъ, т. е. не дойдутъ до тѣхъ самыхъ конкурентовъ, которые были бы самые желательные и самые выгодные конкуренты въ видахъ пользы казны. Нѣсколько частныхъ лицъ изъ крестьянъ-кулаковъ, подрядчиковъ ихъ будутъ знать, но они ихъ будутъ знать для себя и про себя, чтобы извлечь себѣ пользу, а ужь никакъ не для того, чтобы сообщать свѣдѣнія объ нихъ крестьянскимъ обществамъ, относительно которыхъ они играютъ роль такихъ же пауковъ, какъ и городскіе промышленники и аферисты, спекулирующіе землей. Свѣдѣнія о торгахъ на продажу ли земель, на отдачу въ аренду разныхъ угодій и т. п. могутъ и быстрѣе, и лучше всѣхъ, и толковѣе сообщать всѣмъ крестьянскимъ обществамъ уѣздныя земства черезъ своихъ гласныхъ. Поэтому, относительно всѣхъ торговъ, гдѣ конкурентами могутъ быть крестьяне, свѣдѣнія прежде всего должны быть сообщаемы въ подлежащія уѣздныя земства для заблаговременнаго сообщенія объ нихъ всѣмъ крестьянскимъ обществамъ, и затѣмъ уже

могутъ быть дѣлаемы обычныя публикаціи въ столичныхъ и губернскихъ вѣдомостяхъ. Тогда только на торги по продажѣ земель и по отдачѣ ихъ въ аренду будутъ являться довѣренные отъ крестьянскихъ обществъ; тогда только устранятся тѣ безчисленныя злоупотребленія по продажѣ казенныхъ или общественныхъ земель и отдачѣ ихъ въ аренду, благодаря которымъ крестьянскія общества не привлекаются къ торгамъ, а всякими способами устраняются отъ нихъ, чему болѣе всего способствуетъ прежній рутинный порядокъ публикаціи о торгахъ, не достигающій до крестьянскихъ обществъ, и вслѣдствіе этого, въ ущербъ казны и въ раззореніе народа, казенныя или общественныя земли продаются или отдаются въ аренду кулакамъ, промышленникамъ, спекуляторамъ-аферистамъ и т. п.

Та же самая рутина прежняго времени, которая удерживается до сихъ поръ въ публикаціяхъ о торгахъ, удерживается и въ остальной обстановкѣ торговъ. Разъ мы признаемъ ту мысль—а она не можетъ подлежать никакому сомнѣнію—что для казны выгоднѣе продавать ли землю, отдавать ли ее въ аренду непосредственнымъ ея обработывателямъ, т. е. крестьянамъ, чѣмъ разнымъ кулакамъ, аферистамъ и т. д., пріобрѣтающимъ ее для эксплуатированія и народнаго труда, и интересовъ казны, очевидно, что и вся обстановка торговъ должна быть такая, чтобы облегчить возможность пріобрѣтенія земли въ собственность ли, или въ аренду именно крестьянскимъ обществамъ. Для этой цѣли, торги на землю должны быть производимы, во-первыхъ, въ центрахъ самыхъ ближайшихъ къ тѣмъ землямъ, которыя продаются или сдаются съ торговъ. А такіе ближайшіе центры представляютъ собою подлежащіе уѣздные города, а никакъ не губернскій городъ. Въ прежнее крѣпостное время, когда крестьяне и крестьянскія общества были безправны и представителями ихъ были помѣщики, когда при продажѣ и отдачѣ въ аренду земель могло, естественно, находиться болѣе конкурентовъ въ губернскомъ городѣ, гдѣ были и помѣщики, и фабриканты, и купцы и т. д., былъ резонъ назначать торги въ губернскихъ городахъ. Теперь, когда и крестьяне, и крестьянскія общества, стали полноправными и, притомъ, вслѣдствіе скудныхъ надѣловъ, страшно нуждаются въ землѣ, казнѣ выгоднѣе назначить торги въ центрахъ, ближайшихъ къ продаваемымъ или отдаваемымъ въ аренду землямъ—выгоднѣе и потому, что тамъ и цѣну всегда дадутъ бо̀льшую, такъ какъ на торги явятся не эксплуататоры народнаго труда съ подставными лицами, а дѣйствительные работники, понимающіе цѣну земли, а также потому, что интересы казны солидарны съ интересами непосредственныхъ обработывателей земли, а никакъ не съ эксплуататорами ихъ труда; всякое увеличеніе благосостоянія первыхъ отражается немедленно на исправности поступленія въ казну налоговъ, уменьшеніе недоимокъ — и наоборотъ. Собственно говоря, для казны было бы выгоднѣе, если не является покупателей или

арендаторовъ изъ крестьянъ на извѣстную продаваемую ею или отдаваемую въ аренду землю—даромъ дать эту землю въ пользованіе крестьянамъ до того времени, когда явятся изъ самихъ же крестьянскихъ обществъ такіе, которые захотятъ ее арендовать, чѣмъ продавать или отдавать ее въ аренду нетолько за безцѣнокъ кулакамъ или аферистамъ, какъ отдана была земля въ Старобѣльскомъ Уѣздѣ, въ количествѣ 22,000 десятинъ по 28 коп. за десятину, о чемъ я говорилъ въ прошедшемъ обозрѣніи, но даже за надлежащую цѣну. Но объ этомъ послѣ. Будемъ считать пока за несомнѣнную истину тотъ, существующій нынѣ у казны предразсудокъ, что, кому бы ни была продана земля, но если цѣна дана за нее, даже и не подходящая, то казна не въ убыткѣ. И въ такомъ случаѣ, въ видахъ конкуренціи, надобно позаботиться дать такую обстановку торгамъ на землю, чтобы на нихъ могли удобно являться настоящіе работники, желающіе пріобрѣсть отдаваемую землю, и только уже тогда, когда таковыхъ рѣшительно не окажется, земля продавалась или отдавалась спекулянтамъ. Для этой цѣли торги на землю должны назначаться всегда въ центрахъ, ближайшихъ къ этимъ землямъ, т. е. въ подлежащихъ уѣздныхъ городахъ, а никакъ и никогда въ губернскомъ городѣ, исключая, конечно, тѣхъ случаевъ, когда будутъ продаваться или отдаваться въ аренду земли, находящіяся въ уѣздѣ этого города. Крестьянамъ ближе и дешевле прибыть на торгъ въ свой уѣздный городъ, чѣмъ въ губернскій, и для казны нетолько выгоднѣе, но и справедливѣе сдѣлать это облегченіе крестьянамъ, чѣмъ спекулянтамъ на землю, которымъ ничего не стоитъ сдѣлать одну, другую лишнюю сотню верстъ.

Точно такъ же, для облегченія крестьянскимъ обществамъ возможности покупать или брать въ аренду съ торговъ казенныя земли, должны быть измѣнены и тѣ присутственныя мѣста, въ которыхъ производятся торги, или, по крайней мѣрѣ, на время торговъ къ ихъ персоналу долженъ быть присоединяемъ персоналъ другихъ присутственныхъ мѣстъ, ближе стоящихъ къ крестьянамъ и болѣе знакомыхъ съ ихъ бытомъ и нуждами. Отчасти это такъ и сдѣлано въ обнародованномъ актѣ. Именно, въ пунктѣ 11, торги на землю предписывается производить въ губернскихъ городахъ, въ соединенномъ составѣ губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія и губернскаго правленія, въ уѣздныхъ—въ уѣздномъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствія. Мы уже сказали о томъ, что торги на землю всего лучше производить всегда въ уѣздныхъ городахъ, а никакъ не въ губернскихъ. Что касается до производства торговъ въ уѣздномъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіи, то это мѣсто чрезъ непремѣннаго своего члена по крестьянскимъ дѣламъ имѣетъ, конечно, нѣкоторое знакомство и связь съ крестьянскими обществами, и въ немъ торги производимы быть могутъ. Но гораздо тѣснѣйшую непосредственную связь съ крестьянскими

обществами имѣетъ земство и имѣетъ гораздо основательнѣйшія свѣдѣнія о бытѣ крестьянъ, ихъ нуждахъ и т. д. какъ въ персоналѣ своихъ уѣздныхъ земскихъ управъ, такъ и въ особенности въ лицѣ своихъ земскихъ уѣздныхъ собраній, гдѣ есть много гласныхъ изъ самихъ крестьянъ. Поэтому, мнѣ кажется, было бы весьма полезно, если бы торги на продажу земель производились въ соединенномъ присутствіи уѣзднаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія и уѣздной земской управы, съ присоединеніемъ нѣсколькихъ гласныхъ земскаго собранія изъ крестьянъ, а на отдачу земель въ аренду въ совокупномъ присутствіи этихъ самихъ лицъ отъ земства и управленія государственными имуществами, которое обыкновенно завѣдываетъ отдачею казенныхъ земель въ аренду. Вообще, должно быть признано за правило, что, въ какомъ бы присутственномъ мѣстѣ ни производились торги на продажу общественныхъ или казенныхъ земель, а также на отдачу этихъ земель въ аренду, присутствіе при этихъ торгахъ уѣздной земской управы съ нѣсколькими гласными земскаго собранія изъ крестьянъ было бы обязательно. Присутствіе на всѣхъ торгахъ по продажѣ или отдачѣ въ аренду казенныхъ или общественныхъ земель представителей отъ земства мы считаемъ обстоятельствомъ весьма важныхъ для правильности производства торговъ нетолько потому, что, въ случаѣ какого нибудь уклоненія отъ законныхъ формъ, они могутъ дать правильное направленіе дѣлу торговъ, но и потому, что, въ случаѣ какихъ нибудь недоразумѣній и сомнѣній со стороны крестьянъ, они же могутъ, какъ пользующіеся полнымъ довѣріемъ крестьянъ, растолковать имъ въ чемъ дѣло и кàкъ поправить ошибку, если такая сдѣлана. Однимъ словомъ, присутствіе земскаго элемента на торгахъ будетъ дѣлать для крестьянъ то мѣсто, гдѣ производятся торги, своимъ мѣстомъ, и они будутъ идти туда нетолько безъ недовѣрчивости и боязни, но и съ полною увѣренностью, что для ихъ пользы будетъ сдѣлано тамъ все, чтò можетъ быть сдѣлано по закону.

Все то, однакожь, чтò мы до сихъ поръ сказали, никакъ не можетъ измѣнить характера и сущности торговъ на землю. Торги въ настоящее время ничѣмъ не отличаются отъ всякихъ другихъ торговъ. Основаніе ихъ, какъ и всѣхъ другихъ торговъ, составляетъ конкуренція, цѣль — добыть посредствомъ этой конкуренціи возможно-наибольшую цѣну за продаваемую или отдаваемую въ аренду землю. Какъ на аукціонахъ при продажѣ за долги какого нибудь залежавшагося товара, если за дамскую, положимъ, шляпку наддавали 5 копеекъ серебромъ, то послѣдній прибавившій къ этой суммѣ еще одну копейку, если болѣе конкурентовъ не окажется, получаетъ шляпку въ полное свое владѣніе, кто бы онъ ни былъ, какое бы употребленіе потомъ шляпкѣ ни далъ; такъ точно и при торгахъ на продажу земли: если, напримѣръ, крестьяне выдавали цѣну за землю 5 руб. за десятину, а состязающійся съ ними спекулянтъ

набавляетъ еще гривеникъ, т. е. далъ 5 руб. 10 коп. за десятину, то земля, безъ всякихъ дальнѣйшихъ разсужденій, отдается ему, хотя всѣмъ, и производящимъ торги, и поставленному надъ ними начальству, утверждающему торги, извѣстно, что самъ спекулянтъ землею заниматься не будетъ и не умѣетъ, что покупаетъ онъ ее единственно для того, чтобы эксплуатировать крестьянскій трудъ, что тотъ гривенникъ, который онъ надбавилъ противу крестьянъ на землю, положимъ, онъ купилъ 20,000 десятинъ, для казны ничто — даже и въ томъ случаѣ, еслибы она находилась и въ самомъ критическомъ состояніи—а между тѣмъ, въ теченіи только нѣсколькихъ лѣтъ, крестьяне, а слѣдовательно, и казна, за этотъ надбавленный спекулянтомъ гривенникъ раззорятся на сотни тысячъ. Я никакъ не могу согласится, чтобы подобную процедуру и характеръ торговъ на землю можно было назвать разумными—и не потому собственно, что надбавка въ указанномъ мною примѣрѣ ничтожная, что, при такой надбавкѣ, казна, очевидно, продаетъ землю въ раззореніе себѣ и народу. Предположимъ самое лучшее: предположимъ, что казна, при самомъ заботливомъ вниманіи и къ производству торговъ на землю, успѣла достичь того, чтобы на каждый торгъ на продажу земли являлось такое обиліе настоящихъ, а не подставныхъ конкурентовъ, какое являлось прежде на торги по виннымъ откупамъ, что казна отъ продажи земель стала бы получать по видимости громадныя суммы, какія получались и отъ откуповъ. Извѣстно, что торги по виннымъ откупамъ были не фальшивые: тамъ являлись дѣйствительные конкуренты, которые бились до послѣдней возможности, чтобы получить себѣ въ откупное содержаніе ту или другую губернію, и выдавали цѣны казнѣ дѣйствительно невѣроятно высокія: покойный графъ Канкринъ имѣлъ основаніе говорить, что каждый кабакъ даетъ ему каждогодно столько денегъ, сколько нужно на полное содержаніе цѣлаго батальйона. Слѣдовательно, винные откупа хотя и раззоряли народъ, по крайней мѣрѣ, временно давали казнѣ такія громадныя суммы, что на нихъ она могла содержать цѣлую армію. Торги на землю, при такомъ порядкѣ, какъ они происходятъ теперь, даже такой временной, эфемерной выгоды казнѣ не даютъ. На торги являются спекулянты съ своими подручными подставными и за безцѣнокъ берутъ десятки тысячь десятинъ, какъ это мы видѣли въ Старобѣльскомъ Уѣздѣ, единственно съ тою цѣлью, чтобы употреблять купленную или продаваемую имъ землю, какъ средство для раззоренія народа, такъ что со всѣхъ продаваемыхъ такимъ образомъ и отдаваемыхъ въ аренду земель казна получаетъ какіе нибудь десятки, много сотни тысячъ; между тѣмъ, еслибъ тщательно исчислить всѣ тѣ убытки, которые она несетъ на увеличеніи недоимокъ, на уменьшеніи вообще народнаго благосостоянія, то эти убытки надобно было бы считать, навѣрное, не десятками, а сотнями мильйоновъ. Итакъ, предположимъ, что казна производство торговъ довела до

такого совершенства, что стала бы получать за продаваемыя земли въ десять, положимъ, разъ болѣе ихъ дѣйствительной стоимости—стало ли бы отъ этого дѣло лучше, чѣмъ теперь, когда земли продаются за безцѣнокъ? Нѣтъ, оно стало бы во сто кратъ хуже, оно неминуемо вызвало бы полное банкротство казны. Потому что покупатели, выдавшіе казнѣ деньги за землю въ десять разъ дороже ея стоимости, постарались бы съ лихвою выжать ее изъ народа, и народъ, который весь трудъ свой долженъ былъ бы класть на то, чтобы не умереть съ голоду, оказался бы, въ концѣ концовъ, не въ состояніи нетолько вносить что-нибудь въ казну, но даже спасти себя отъ голодной смерти.

Изъ этого ясно, что торги на продажу земель никакъ не могутъ быть государствомъ производимы на тѣхъ же самыхъ основаніяхъ, на какихъ производятся всѣ другіе торги. Земля никакъ не можетъ подвергаться отчужденію съ такою же легкостью и съ такими же пріемами, съ какими отчуждаются нетолько дамскія шляпки, право на содержаніе винныхъ откуповъ и т. п., но и вообще всѣ тѣ предметы, которые могутъ быть размножаемы самимъ человѣкомъ. Земля дана въ опредѣленномъ навсегда количествѣ, но при этомъ она составляетъ основный натуральный фондъ для пропитанія человѣка. Только при болѣе или менѣе правильномъ распредѣленіи этого фонда между людьми и при болѣе или менѣе правильной эксплуатаціи его, и возможно благосостояніе массъ. Слѣдовательно, государство, по настоящему, вовсе не можетъ никогда отчуждать изъ своихъ рукъ этого фонда; оно можетъ отдавать тѣ или другія части его только во временное или постоянное пользованіе, но всегда и въ послѣднемъ случаѣ съ оставленіемъ за собою права дать этимъ частямъ такое назначеніе, какое потребуется въ отдаленномъ, конечно, будущемъ, сообразно съ размноженіемъ массъ и прогрессивнымъ развитіемъ общества. Отчуждая отъ себя земельные фонды въ полную частную собственность, если это происходитъ въ большихъ размѣрахъ, государство отнимаетъ у себя возможность регулировать правильно распредѣленіе народонаселенія, охранять интересы народнаго труда, а слѣдовательно, и свои собственные, вообще приготовляетъ себѣ въ будущемъ такое же критическое положеніе, какое создано было крѣпостнымъ правомъ. Если государство рѣшается отчуждать принадлежащія ему земли, то оно можетъ это дѣлать только въ видахъ фискальныхъ, не почему другому, какъ вслѣдствіе бѣдности своего фиска. Но какъ бы ни было бѣдно государство, оно, во всякомъ случаѣ, не можетъ отчуждать своихъ земель въ полную собственность иначе, какъ подъ двумя условіями: 1) чтобы земли эти никогда не продавались завѣдомымъ спекулянтамъ, пріобрѣтающимъ ихъ единственно въ видахъ коммерческихъ для эксплуатаціи народнаго труда, для раззоренія народнаго, и чтобы 2) на торгахъ предпочтеніе было оказываемо крестьянскимъ обществамъ, желающимъ пріобрѣсть земли, передъ частными лицами, хотя бы послѣднія и не принад-

лежали къ числу спекулянтовъ, а покупали землю для основанія дѣйствительнаго хозяйства, такъ какъ первыя—непосредственные обработыватели земли, и покупка земли для нихъ составляетъ не вопросъ бòльшаго или мѐньшаго обогащенія, какъ для послѣднихъ, а вопросъ болѣе или менѣе безбѣднаго пропитанія. Конечно, еслибы, и при настоящемъ порядкѣ торговъ, эти существенные принципы, которыхъ не можетъ не имѣть въ виду каждое образованное государство при отчужденіи своихъ земель, хорошо были сознаваемы и понимаемы низшею администраціею, производящею продажу земель, то, безъ сомнѣнія, государственныя земли всегда бы отчуждались въ руки тѣхъ, у кого онѣ и быть должны, т. е. въ руки дѣйствительныхъ обработывателей земли—крестьянъ. Но этого ожидать никогда нельзя. Пока существуетъ нынѣшній порядокъ торговъ, низшая администрація всегда будетъ понимать вопросъ продажи казенныхъ земель чисто формальнымъ образомъ и продавать эти земли кому попало и за безцѣнокъ, точно такъ же, какъ продаются на аукціонахъ женскія шляпки, тому, кто надбавилъ противъ выданной цѣны хоть бы одну лишнюю копейку. При этомъ всегда неизбѣжны будутъ и злоупотребленія чиновниковъ, распоряжающихся продажей казенныхъ земель, которые очень не рѣдко входятъ въ стачку съ спекулянтами, тѣми или другими способами отстраняютъ крестьянъ отъ торговъ и продаютъ земли за безцѣнокъ спекулянтамъ.

Въ виду всего вышесказаннаго, ясно, что порядокъ для продажи государственныхъ земель, равно какъ и для отдачи ихъ въ аренду, долженъ быть учрежденъ другой, чѣмъ какой существуетъ теперь. Прежде всего, я долженъ замѣтить, что государство, какъ при отчужденіи земель, такъ и при отдачѣ ихъ въ аренду, не можетъ руководиться тѣми же стимулами, которыми руководятся какъ всѣ спекулянты, такъ и очень многіе изъ частныхъ землевладѣльцевъ-хозяевъ. Вся заботливость послѣднихъ устремлена на то, чтобы, пользуясь недостаткомъ и неимѣніемъ земель у крестьянъ, готовыхъ давать за земли какую угодно арендную плату, поднять искуственно ренту земель и съ этимъ вмѣстѣ, искуственно же, возвысить ихъ продажныя цѣны. Вводить подобные ирландскіе порядки, пользуясь конкуренціей голодныхъ массъ на землю, и недостойно государства, и невыгодно для него, ибо всякій недочетъ въ карманахъ массъ отразится неминуемымъ образомъ на недочетѣ его фиска и вообще на разстройствѣ его хозяйства. Точно также недостойно государства и невыгодно для него, если оно дѣлаетъ это и не само непосредственно, а отчуждаетъ временно или навсегда за безцѣнокъ свои земли въ руки спекулянтовъ или частныхъ владѣльцевъ-хозяевъ, пріобрѣтающихъ ихъ собственно для тѣхъ же самыхъ ирландскихъ операцій надъ массами. Во всякой землѣ есть своя рента, опредѣляемая ея плодородіемъ въ сравненіи съ землями худшими, въ связи съ нѣкоторыми другими факторами, какъ то: густотою населенія и удобствомъ сбыта продуктовъ. Эта есте-

ственная рента и есть обязательная для государства при отдачѣ земель въ аренду; еслибы, благодаря конкуренціи голодныхъ или тѣхъ спекулянтовъ, которые разсчитываютъ на конкуренцію голодныхъ, государство могло получать цѣну вдесятеро бо̀льшую этой естественной ренты—оно не должно увлекаться этимъ. Мало того: чѣмъ предлагаемая рента на землю выше этой естественной ренты, тѣмъ она съ бо̀льшею энергіей должна быть отвергнута государствомъ, ибо все, что̀ берется сверхъ естественной ренты, падаетъ прямо на трудъ работника и обездоливаетъ его. Точно тоже должно сказать и о продажной цѣнѣ на землю; цѣна эта должна опредѣляться капитализаціей изъ 5% или 6% естественной ренты. Болѣе этой цѣны государство не имѣетъ права брать за землю, если оно, по бѣдности фиска, поставлено въ необходимость отчуждать свои земли и отчуждаетъ ихъ непосредственнымъ обработывателямъ земли, т. е. крестьянскимъ обществамъ. Но еслибы покупателей между послѣдними не нашлось и государство было въ необходимости продать землю частнымъ лицамъ, то оно, конечно, не можетъ увеличить цѣны и для нихъ — это, опять-таки, было бы его недостойно, но оно должно продавать свои земли частнымъ лицамъ подъ условіемъ, что, въ случаѣ отдачи ими купленной земли лично или черезъ другихъ въ аренду крестьянамъ, они не могутъ брать ни въ какомъ случаѣ аренды за землю болѣе естественной ренты, которая будетъ опредѣляться правительствомъ и которая должна оставаться навсегда неизмѣнною. Мнѣ кажется, правительство рѣшительно должно принять эту мѣру относительно отчуждаемыхъ имъ казенныхъ земель въ виду той страшной эксплуатаціи народнаго труда, которая производится теперь въ густо населенныхъ губерніяхъ частными собственниками, благодаря конкуренціи голодныхъ, малоземельныхъ или даже вовсе безземельныхъ крестьянъ на землю. Въ Тамбовской, Курской и другихъ подобныхъ губерніяхъ арендныя цѣны на землю выросли до 16-ти, 18-ти рублей, и порядки наступаютъ совсѣмъ ирландскіе. Милль признаетъ за государствомъ право—и оно, несомнѣнно, имѣетъ это право—государственною властію назначить неизмѣнную величину ренты даже въ имѣніяхъ такихъ давнихъ собственниковъ, какъ ирландскіе лорды, и обратить эту назначенную государствомъ ренту въ неизмѣнную плату для крестьянъ, арендующихъ земли. То̀ же самое государство могло бы сдѣлать и у насъ во всѣхъ малоземельныхъ губерніяхъ съ густымъ населеніемъ, для прекращенія того страшнаго раззоренія, которое нѣкоторые землевладѣльцы наносятъ народу. Положимъ, относительно старыхъ земель, которыя были пріобрѣтены на правѣ полной собственности, эта мѣра встрѣтила бы немало возраженій и споровъ и могла бы быть проведена не безъ затрудненій; но относительно вновь продаваемыхъ государственныхъ земель она можетъ быть проведена и приведена въ исполненіе легко и свободно.

Сообразно изложеннымъ выше основаніямъ, правильный поря-

докъ для продажи государственныхъ земель могъ бы, по моему мнѣнію, установиться такой:

Свѣдѣнія о всѣхъ назначаемыхъ въ продажу земляхъ сообщаются подлежащимъ уѣзднымъ земствамъ, которыя сообщаютъ ихъ крестьянскимъ обществамъ, какъ проживающимъ близь этихъ земель, такъ и другимъ, отбирая отъ нихъ письменныя заявленія: желаютъ они, или нѣтъ, купить эти земли, и если да, то какую готовы дать за нихъ цѣну? Затѣмъ, земство, соображая существующія ренты на землю въ уѣздѣ—не искуственно, конечно, поднятыя, а болѣе или менѣе близкія къ естественной—вычисляетъ по нимъ стоимость земли въ продажѣ, которая и признается за нормальную цѣну, если таковою, по разсмотрѣніи представленныхъ земствомъ данныхъ, она будетъ признана и тѣмъ вѣдомствомъ, которое назначаетъ земли въ продажу. Эта нормальная цѣна и должна быть та самая, выше которой не должны быть проданы назначенныя въ продажу государственныя земли. Если крестьянскія общества въ своихъ заявленіяхъ, представленныхъ земству, изъявили желаніе купить землю именно за эту цѣну или близко къ ней подходящую, то никакихъ торговъ и не должно быть: земля должна быть прямо отдана крестьянскимъ обществамъ, изъявившимъ желаніе пріобрѣсть ее. Если же крестьяне предложили цѣну гораздо ниже нормальной, то имъ должна быть предъявлена установленная нормальная цѣна, съ объявленіемъ, что земля имъ будетъ отдана немедленно, если они согласятся дать эту цѣну; въ противномъ случаѣ, будутъ назначены торги, на которыхъ они могутъ пріобрѣсть землю не иначе, какъ за ту же нормальную цѣну, и притомъ если на торгахъ ту же нормальную цѣну выдадутъ и частные конкуренты, то хотя земля и будетъ предоставлена крестьянскимъ обществамъ, но съ тѣмъ, чтобы они уплатили 10% съ состоявшейся цѣны частнымъ конкурентамъ за ихъ расходы по проѣзду на торги. Если же и на торгахъ крестьянскія общества не будутъ давать нормальной цѣны, а выдадутъ ее частныя лица, то земля отдается послѣднимъ, но подъ условіемъ, что, въ случаѣ отдачи ея въ аренду, они не имѣютъ права за аренду брать бо̀льшей арендной платы, чѣмъ какая будетъ установлена правительствомъ. При такомъ способѣ продажи государственныхъ земель, казна будетъ вполнѣ достигать и той главной временной цѣли, для которой оно рѣшается на продажу земель, т. е. пополненія фиска—ибо будетъ получать за землю цѣну настоящую—и той важнѣйшей постоянной цѣли, которой оно не можетъ не имѣть въ виду при продажѣ земель, т. е. чтобы продаваемыя имъ земли не попадали въ руки спекулянтамъ, не дѣлались орудіемъ для раззоренія народа, а слѣдовательно, для подрыва въ будущемъ и государственнаго хозяйства. Для осуществленія такого способа продажи земель можетъ встрѣтиться препятствіе только въ тѣхъ формальностяхъ, которыми окружена нынѣшняя обстановка торговъ. Для участія въ торгахъ требуется внесеніе залога, который, смотря по количеству

продаваемой земли, можетъ быть иногда очень значителенъ; потомъ, по окончаніи торга, требуется немедленная уплата денегъ за пріобрѣтенную землю. У крестьянъ не всегда могутъ случиться деньги на немедленную уплату нетолько полной суммы за купленную землю, но и залога на торги, что̀, впрочемъ, замѣтимъ мимоходомъ, никакъ не можетъ служить доказательствомъ ихъ несостоятельности. Разъ земля куплена, крестьянинъ возьметъ немедленно денегъ взаймы, но пока она не куплена и, слѣдовательно, неизвѣстно еще: достанется ли она ему, для него доставать деньги взаймы, значитъ—входить въ напрасные убытки. Для устраненія означенныхъ затруднительныхъ формальностей, лучшимъ помощникомъ для крестьянъ можетъ и должно быть земство. Одного его ручательства въ томъ, что та или другая требуемая сумма крестьянами будетъ уплачена въ указанный срокъ, достаточно для того, чтобы освободить крестьянъ какъ отъ внесенія залоговъ, такъ и немедленной, на торгахъ же, уплаты денегъ за пріобрѣтенную ими землю.—Кстати считаю нужнымъ здѣсь замѣтить, что, когда я говорю о крестьянахъ, о продажѣ земель имъ предпочтительно передъ частными лицами, о помощи имъ со стороны земства и т. п., то я разумѣю тѣ или другія крестьянскія общества въ цѣломъ ихъ составѣ, а никакъ не частныхъ лицъ изъ крестьянъ и никакъ не образовавшіяся, хотя бы изъ крестьянъ, добровольныя товарищества. Какъ частнымъ лицамъ изъ крестьянъ, такъ и добровольно составившимся изъ нихъ товариществамъ, государственныя земли должны быть продаваемы на тѣхъ же основаніяхъ, на какихъ они продаются и частнымъ лицамъ. Исключеніе должно быть дѣлаемо только для тѣхъ частныхъ лицъ изъ крестьянъ и для тѣхъ товариществъ изъ нихъ, которые пріобрѣтаютъ столько земли сколько нужно для ихъ собственной обработки съ семьями, т. е. не болѣе 20-ти десятинъ на ревизскую душу.

Что̀ я сказалъ о продажѣ казенныхъ земель, то̀ же должно подразумѣвать и объ отдачѣ ихъ въ аренду. Свѣдѣнія о назначаемыхъ въ аренду земляхъ точно также должны доставляться въ земство, которое также будетъ сообщать о нихъ крестьянскимъ обществамъ, отбирать у нихъ письменныя заявленія о согласіи или несогласіи взять эти земли въ аренду, потомъ составлять нормальныя цѣны аренды и т. д. Разница будетъ состоять здѣсь только въ томъ, что до торговъ дѣло никогда, вѣроятно, доходить не будетъ, такъ какъ земли безъ торговъ за нормальную цѣну будутъ брать крестьяне и такъ какъ частнымъ лицамъ, если они—не сами хозяева, а спекулянты, не будетъ разсчета брать въ аренду земли по нормальной цѣнѣ подъ условіемъ, чтобы и въ наемъ отдавать эти земли не иначе, какъ по той же самой цѣнѣ.

Мнѣ могутъ замѣтить, что «предлагаемый мною способъ продажи государственныхъ земель можетъ имѣть приложеніе только въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ есть болѣе или менѣе значительное

крестьянское населеніе. Но есть много такихъ государственныхъ земель, около которыхъ нѣтъ значительнаго и даже никакого крестьянскаго населенія и которыя крестьянамъ покупать не сподручно. Для такихъ государственныхъ земель покупщиковъ надобно, очевидно, искать между частными лицами всѣхъ сословій».

Я думаю, что и въ такомъ случаѣ земли легче и выгоднѣе для казны могутъ быть проданы если не существующимъ уже крестьянскимъ обществамъ, то обществамъ, такъ сказать, ищущимъ народиться, готовымъ сейчасъ народиться—только бы была дана земля—чѣмъ частнымъ лицамъ изъ другихъ сословій, если бы даже эти люди были не спекулянты, а люди, желающіе обзавестись хозяйствомъ. Подъ ищущими народиться и готовыми сейчасъ народиться крестьянскими обществами я разумѣю массы тѣхъ свободныхъ переселенцевъ-крестьянъ, которыя, несмотря на всѣ стѣснительныя относительно переселеній мѣры, идутъ по паспортамъ якобы на заработки въ губерніи Самарскую, Оренбургскую и др. и стараются пристроиться тамъ и основать прочную осѣдлость, въ той, конечно, увѣренности, что, разъ они прочно устроятся и просидятъ нѣсколько лѣтъ, ихъ оставятъ жить на этихъ мѣстахъ навсегда. Но ихъ постигаетъ, обыкновенно, страшное разочарованіе. Я не говорю уже о тѣхъ случаяхъ, когда такіе переселенцы устроиваются на земляхъ частныхъ землевладѣльцевъ. Сидятъ они годъ, два, иногда нѣсколько лѣтъ, платя умѣренную арендную плату, думаютъ: устроились навсегда; вдругъ землевладѣлецъ или не хочетъ имѣть арендаторовъ на своей землѣ, или назначаетъ такую арендную плату, какой платить невозможно. Бросай, значитъ, все заведеніе и ступай, вполнѣ раззоренный съ семьей! Но куда? идти нѐкуда! На частныя земли идти—выйдетъ та же исторія. На казенныя? Но и на казенныхъ та же исторія. Для казны эти переселенцы—люди, пришедшіе на заработки и, слѣдовательно, не имѣющіе никакого права на постоянное поселеніе—потому, дескать, что у нихъ есть надѣлы во внутренней Россіи, а во вторыхъ, потому, что они не исполнили тѣхъ формальностей, которыя требуются отъ людей, имѣющихъ право на переселеніе. Потому, сколько бы лѣтъ они ни жили на казенныхъ земляхъ, платя арендную плату, хоть бы десять лѣтъ и болѣе, казна считаетъ ихъ не болѣе, какъ пришельцами, не имѣющими никакого прочнаго права на землю. И разъ нашелся арендаторъ, который дастъ казнѣ бо̀льшую арендную плату, чѣмъ они, или если казна продастъ занимаемую ими землю—они должны бросить все свое обзаведеніе и постройки и убираться куда знаютъ, а иначе этапнымъ порядкомъ водворяются въ прежнія мѣста жительства. Вѣдь это, поистинѣ, ужасно! И между тѣмъ, все это совершается—гдѣ же? даже въ Оренбургской Губерніи, гдѣ «къ числу мѣръ колонизаціи или развитія производительныхъ силъ края относится нетолько населеніе, въ ограниченныхъ размѣрахъ и въ «предназначенныхъ» мѣстахъ крестьянами, но и *раздача земель частнымъ лицамъ въ собственность*, на пра-

въ разсроченной продажи, причемъ выборъ земель не ограничивается извѣстными только предназначенными мѣстами, какъ для крестьянъ, а опредѣляется по удобству и усмотрѣнію». Такъ говоритъ г. К., авторъ небольшой статейки: *«Важная сторона крестьянскаго вопроса»*, помѣщенной въ 813 № «Новаго Времени», у котораго мы заимствуемъ эти свѣдѣнія. Авторъ, надобно полагать, знаетъ очень много исторій печальной судьбы доброльныхъ или, какъ онъ ихъ называетъ, самовольныхъ переселенцевъ, но пишетъ сдержанно, не разсказывая примѣровъ. Впрочемъ, изъ того уже одного, что переселенецъ, сколько бы лѣтъ онъ ни жилъ на землѣ, не существуетъ вовсе для казны, какъ прочный ея владѣлецъ, и что каждое частное лицо, вѣроятно, чиновное, можетъ облюбовать какое угодно мѣсто изъ государственныхъ земель и сказать: «вотъ это мѣсто мнѣ нравится и я хочу пріобрѣсть его въ собственность на правѣ разсроченной продажи», уже изъ этого одного, говорю, понятно, какія могутъ выходить компликаціи. Авторъ указываетъ на возможность такого случая (конечно, этотъ случай—не возможность только, а дѣйствительная быль). Мнѣ дали, напримѣръ, участокъ земли съ правомъ разсроченной уплаты въ Оренбугской Губерніи —участокъ, положимъ, очень хорошій по качеству земли, но довольно пустынный по рѣдкости окружающаго его населенія. А я нашелъ въ Стерлитамакскомъ Уѣздѣ участокъ земли такой же, какъ мой, по качеству земли, пожалуй, еще лучшій, а главное, весь заселенный давно сидящими тутъ самовольными переселенцами, для казны, по вышесказанному, вовсе несуществующими. Я и обращаюсь къ подлежащей власти съ просьбою, что, вотъ, дескать, я нашелъ въ Стерлитамакскомъ Уѣздѣ участокъ земли точь въ точь такой же величины и такого же достоинства, какъ данный мнѣ въ Оренбургскомъ. Для казны все равно, тотъ или другой участокъ, а для меня, по такимъ-то соображеніямъ, удобнѣе имѣть землю въ Стерлитамакскомъ Уѣздѣ. Казна, не обращая никакого вниманія, что съ давнихъ поръ на этой землѣ сидятъ переселенцы, передъ нею не имѣющіе никакихъ правъ на осѣдлость здѣсь, отдаетъ мнѣ просимый мною стерлитамакскій участокъ. И я дѣлаюсь черезъ это такимъ же прочнымъ рабовладѣльцемъ, какими были обладатели человѣческихъ душъ во времена крѣпостного права: куда пойдутъ эти несчастные свободные переселенцы, положившіе столько труда, чтобы поселиться, обстроиться, культивировать землю на владѣемомъ мною участкѣ? Какую дань ни положу на нихъ, въ видѣ арендной платы, такую они мнѣ и должны будутъ платить. Имъ нѣкуда дѣваться, не раззорившись въ корень при каждой подобной попыткѣ.

Теперь спрашивается: почему казна не могла бы продавать тѣ земли, которыя она находитъ нужнымъ продавать, этимъ самовольнымъ переселенцамъ? Какое ей дѣло до того, что они имѣютъ уже надѣлы въ прежнихъ мѣстахъ своего жительства? Если деньги за эти надѣлы выплачены или выплачиваются, то для

ся фиска даже выгодно, что тѣ же люди покупаютъ и другія земли, которыя безъ этого остались бы безъ обработки. Но, кромѣ этихъ переселенцевъ, имѣющихъ надѣлы, переселяется, вѣроятно, еще болѣе безземельныхъ, не имѣющихъ никакихъ надѣловъ. Какой резонъ не давать осѣдлости этимъ? Неужели только тотъ, что ими не соблюдены разныя формальности, требуемыя отъ переселенцевъ? Мнѣ кажется, что для казны самое выгодное было бы, напротивъ, стараться какъ можно скорѣе, какъ можно лучше устроивать этихъ людей на своихъ пустопорожнихъ земляхъ, для того, чтобы привлечь и другихъ безземельныхъ, не имѣющихъ надѣла крестьянъ на эти земли. Народонаселеніе во многихъ изъ внутреннихъ губерній такъ густо, что въ ближайшемъ будущемъ казна, навѣрное, должна будетъ озаботиться переселеніемъ оттуда крестьянъ въ окраинныя губерніи; о необходимости этого многіе говорятъ даже и теперь. Переселеніе это обойдется казнѣ очень дорого и, все-таки, благодаря неизбѣжному участію въ немъ чиновниковъ, никогда не совершится оно ни такъ спокойно, ни такъ безобидно, кàкъ совершаются переселенія этими добровольными или самовольными переселенцами. Въ допетровское время, подъ именемъ *гулящихъ* людей, т. е. людей, не имѣющихъ собственнаго хозяйства, добровольные переселенцы колонизировали всю Россію. Этимъ древнимъ способомъ колонизированія страны не надобно бы пренебрегать и теперь. Когда-то тамъ казна еще будетъ имѣть возможность и средства организовать казенную колонизацію, и кàкъ-то она еще удастся. А между тѣмъ, время не терпитъ: земли внутри Россіи сильно истощены вслѣдствіе скудныхъ надѣловъ, какими владѣютъ крестьяне, даже имѣющіе землю; а среди нихъ сидятъ и отъ нихъ же должны питаться огромное множество крестьянъ совсѣмъ безземельныхъ; голодованіе и голодà сдѣлались явленіемъ, то и дѣло повторяющимся во всей Россіи. Надобно постараться дать исходъ изъ такого положенія народу. Почему бы казнѣ не дозволить добровольныхъ или самовольныхъ переселеній, которыя дозволялись въ прежнія временà? Для этого стòило бы только сдѣлать оцѣнку, по предложенному нами выше способу, тѣмъ пустопорожнимъ казеннымъ землямъ, которыя казна хочетъ продать или отдать въ постоянное владѣніе, и затѣмъ пусть селятся на ней съ Богомъ всѣ добровольные переселенцы, если бы они были даже и изъ тѣхъ, которые имѣютъ надѣлы въ Россіи, но за надѣлъ деньги выплатили или выплачиваютъ. Казна не имѣла бы ничего отъ этого, кромѣ выгоды, тѣмъ болѣе, что авторъ помянутой выше статейки со словъ оренбургскихъ корреспондентовъ сообщаетъ, что у нихъ «много казенныхъ земель лежатъ почти непроизводительно многіе годы и приносятъ доходъ мèньшій того, какой могли бы приносить».

Въ заключеніе, во избѣжаніе всякихъ недоразумѣній, я долженъ снова повторить, что, если я говорю о продажѣ государственныхъ земель, то говорю потому только, что казна, конечно,

по стѣсненнымъ обстоятельствамъ фиска, какъ я сказалъ выше, считаетъ нужнымъ пустить въ продажу нѣкоторыя изъ своихъ земель. Правильный же порядокъ пользованія своими землями для казны былъ бы не отчужденіе ихъ, а отдача ихъ въ постоянное пользованіе крестьянскимъ обществамъ за опредѣленную неизмѣнную ренту. Г. К. справедливо замѣчаетъ, что «такое владѣніе землею болѣе соотвѣтствуетъ историческимъ навыкамъ русскаго крестьянина, чѣмъ римское понятіе о собственности».

Но во всякомъ случаѣ, т. е. будетъ ли казна продавать свои земли, будетъ ли отдавать ихъ въ постоянное пользованіе за неизмѣнную ренту, или, наконецъ, будетъ отдавать ихъ во временную аренду за опредѣленную ренту, необходимо дать такое направленіе и продажѣ земель, и отдачѣ въ постоянное пользованіе или временную аренду, чтобы онѣ доставались въ руки крестьянскимъ обществамъ. Въ настоящее время, примѣчается такое явленіе: земли изъ помѣщичьихъ рукъ, какъ видно изъ публикацій разныхъ земельныхъ банковъ, уходятъ въ огромныхъ количествахъ и поступаютъ въ руки бо̀льшею частью купцовъ или разжившихся крестьянъ-кулаковъ. Если казна, при продажѣ земель или отдачѣ ихъ въ аренду, будетъ держаться прежней рутинной системы торговъ, не обращая вниманія на то, кто покупаетъ эти земли и для чего, если она не привлечетъ къ этому дѣлу земствъ, съ тѣмъ, чтобы они оказывали крестьянскимъ обществамъ помощь при покупкѣ казенныхъ земель или отдачѣ ихъ въ аренду, то не нужно быть пророкомъ, чтобы предсказать навѣрное, что черезъ какихъ-нибудь 10—20 лѣтъ, половина земель Россіи окажется въ рукахъ *спекулянтовъ-купцовъ*, которые вырубятъ всѣ бывшіе помѣщичьи лѣса̀ и сады, продадутъ всѣ постройки, хищническою обработкою земли выпашутъ ее въ нѣсколько лѣтъ до невозможности, чтобы собрать какъ можно скорѣе громадный барышъ на затраченный ими на покупку земли капиталъ, и затѣмъ эту самую истощенную землю будутъ отдавать за огромную арендную плату многочисленнымъ малоземельнымъ и совсѣмъ безземельнымъ крестьянамъ, и — *въ рукахъ крестьянъ-кулаковъ*-міроѣдовъ, кабачниковъ и т. п., которые, какъ пауки, опутаютъ населеніе всей владѣемой имъ мѣстности ссудою крестьянамъ въ долгъ денегъ, хлѣба, водки за работу натурою или огромные проценты и въ нѣсколько лѣтъ сдѣлаютъ это населеніе кабальнымъ. Въ томъ и другомъ случаѣ, бытъ крестьянъ въ экономическомъ отношеніи сдѣлается безвыходнымъ, гораздо худшимъ чѣмъ былъ крѣпостной бытъ. Ка̀къ-то странно видѣть, что то въ высшей степени критическое время, которое мы переживаемъ теперь, когда совершается такая коренная метаморфоза аграрныхъ отношеній, нетолько не чувствуется лицами, которымъ то чувствовать болѣе всѣхъ надлежало бы, но ка̀къ то мало даже понимается. Мы слышали, что одно изъ такихъ лицъ, прочитавъ извѣстную книгу профессора Янсона: «Опытъ статистическаго изслѣдованія о крестьянскихъ надѣлахъ и пла-

тежахъ», выразилось такимъ образомъ: «Вотъ все говорятъ, что у крестьянъ надѣлы малы, а между тѣмъ оказывается, что они не могутъ платить налоговъ и за тѣ надѣлы, которые имъ даны. И эти налоги для нихъ обременительны. Ка̀къ же ихъ отягощать еще бо̀льшей прибавкой земли!» Казалось бы: ка̀къ возможно получить такое впечатлѣніе изъ книги почтеннаго профессора, который всѣ бѣдствія крестьянъ сводитъ, главнымъ образомъ, къ ихъ малоземелію или безземелію? а однакожь, такое впечатлѣніе нѣкоторыми умами получается. Выходитъ, логика «Московскихъ Вѣдомостей»: «чѣмъ меньше у крестьянъ земли, тѣмъ имъ легче, а если у нихъ отнять всю землю, то имъ и совсѣмъ будетъ легко», запала у многихъ очень глубоко.

Въ майской книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ» я сообщилъ нѣсколько писемъ покойной студентки Некрасовой. По поводу этихъ писемъ появилось нѣсколько отзывовъ въ газетахъ. два или три объясненія получены были и редакціею «Отечественныхъ Записокъ». Въ нѣкоторыхъ изъ этихъ отзывовъ и объясненій высказывается сожалѣніе, что «Отечественныя Записки» сочли нужнымъ дать гласность письмамъ студентки Некрасовой, перепечатавъ ихъ на свои страницы изъ малораспространенной газеты «Московское Обозрѣніе». Гг., высказывающіе такое сожалѣніе, конечно, не знаютъ, что письма Некрасовой перепечатаны мною не изъ «Московскаго Обозрѣнія», а изъ одной провинціальной газеты; на «Московское Обозрѣніе» сдѣлано было мною указаніе только потому, что тамъ письма напечатаны были въ первый разъ. Изъ этого гг., высказывающіе сожалѣніе объ опубликованіи писемъ студентки Некрасовой въ «Отеч. Зап.», должны понять, что я оказалъ имъ услугу, напечатавъ эти письма въ «Отеч. Зап.». Ибо, переходя изъ одной провинціальной газеты въ другую, они когда-нибудь непремѣнно дошли бы до свѣдѣнія затронутыхъ въ нихъ лицъ, но дошли бы слишкомъ поздно, когда разбирать дѣло было бы трудно. Они должны сожалѣть не о томъ, что эти письма опубликованы въ «Отеч. Зап.», а о томъ, что они опубликованы и теперь, все-таки, поздно, что ихъ не опубликовали еще зимой тѣ петербургскія газеты, которымъ, какъ ходили слухи, сестра покойной Некрасовой предлагала ихъ для напечатанія. Я сожалѣю, что сестра Некрасовой не обратилась тогда къ «Отеч. Зап.». Я, конечно, не напечаталъ бы писемъ покойной Некрасовой ни о генералѣ Кренкѣ, ни о г. Ивановѣ, потому что, если бы было и справедливо то, что̀ въ нихъ написано, то тутъ никакихъ притѣсненій Некрасовой не было; все дѣло сводится здѣсь къ дѣйствіямъ такого рода, которыя хотя и никакъ нельзя назвать красивыми въ нравственномъ отношеніи, но которыя не отнимали у покойной Некрасовой полной свободы относиться къ нимъ, ка̀къ она

хочетъ. Кромѣ того, дѣйствія эти или объясняются самой Некрасовой лишь предположительно, или передаются въ такомъ неопредѣленномъ видѣ. что только человѣкъ близкій къ покойной Некрасовой, хорошо знавшій ея личныя качества и настроеніе, могъ имѣть къ нимъ полную вѣру и предавать гласности. Для человѣка же сторонняго оставалась всегда возможность предположенія извѣстной подозрительности въ характерѣ покойной, и слѣдовательно, сомнѣнія въ томъ: правильно ли объяснены и поняты передаваемыя покойною дѣйствія? не поняла ли она и не перетолковала ли въ дурную сторону дѣйствій. въ дѣйствительности, совершенно невинныхъ?—Совсѣмъ другого сорта письма покойной Некрасовой относительно медицинскаго персонала. Во-первыхъ, дѣло идетъ здѣсь объ общественной дѣятельности Некрасовой, о притѣсненіяхъ ея на казенной службѣ, на должности, исполненіе которой ставится въ зависимость отъ извѣстныхъ предложеній. Во вторыхъ, здѣсь покойная Некрасова говоритъ не предположительно и не неопредѣленно, а указываетъ на извѣстныя дѣйствія по отношенію къ ней. указываетъ на другую студентку N, которая подверглась одинаковымъ съ нею стѣсненіямъ, на отъѣзжающаго доктора X., которому обѣ онѣ приносили жалобу. который принялъ ихъ жалобы къ сердцу и хотѣлъ передать объ этихъ жалобахъ заступившему его мѣсто профессору Чудновскому. Еслибы письма Некрасовой были напечатаны зимой въ тѣхъ петербургскихъ газетахъ, въ которыя Некрасова ихъ предлагала, или въ «Отечественныхъ Запискахъ», куда, къ сожалѣнію, она ихъ не предложила. то разобрать все это дѣло было очень не трудно. Медицинскій персоналъ въ Фратешти былъ тогда на лицо. Тамъ были извѣстны и студентка N, та, на которую ссылается Некрасова, и докторъ X., и они бы конечно, отозвались на письма Некрасовой, отозвался бы и профессоръ Чудновскій, наконецъ, отозвались бы, вѣроятно, и другія неупоминаемыя въ письмахъ Некрасовой лица изъ медицинскаго персонала. Теперь это стало труднѣе, но все-таки, я думаю, не невозможно. Г. Студенскій въ своемъ объясненіи. составленномъ для свѣденія редакціи, пишетъ, что хотя Некрасова и говоритъ, что она всю исторію о немъ, Студенскомъ, сообщила врачу X., которому будто бы были подчинены всѣ сестры и мѣсто котораго, по его отъѣздѣ, будто бы могъ занять онъ, Студенскій, но никакого такого врача не было. «Въ томъ-то и дѣло, продолжаетъ г. Студенскій, что X. есть личность вымышленная; былъ профессоръ Чудновскій, но его имя упоминается въ письмахъ и онъ жилъ въ Фратештахъ до своей внезапной болѣзни. до 6-го декабря.» Но если врачъ X. есть личность вымышленная, то, можетъ быть, и личность студентки N. есть личность также вымышленная—и это предположеніе, пожалуй, подтверждается тѣмъ соображеніемъ г. Студенскаго, что зачѣмъ было студенткѣ Некрасовой въ письмахъ къ сестрѣ скрывать имя врача X; и тѣмъ болѣе, при-

бавимъ мы, студентки N., когда не скрыла же она именъ Кренке, Иванова, Чудновскаго? И такъ какъ г. Студенскій весь медицинскій персоналъ, дѣйствовавшій во Фратештахъ, т. е. и врачей, и студентокъ знаетъ, то г. Студенскому стоитъ только печатно объявить имена всѣхъ тѣхъ врачей, подъ начальствомъ которыхъ Некрасова работала (кстати здѣсь замѣтить, что Некрасова не говоритъ, что врачъ X былъ начальникомъ *всѣхъ* сестеръ, какъ пишетъ г. Студенскій; она говоритъ о немъ, какъ о своемъ начальствѣ — *мое начальство*, разумѣя подъ этимъ выраженіемъ, конечно, только то, что она работала вмѣстѣ съ нимъ и подъ его руководствомъ) и всѣхъ студентокъ, бывшихъ въ Фратештахъ, и попросить ихъ печатно заявить, существуетъ ли врачъ X. и было ли съ какою-нибудь студенткою то̀, что̀ пишетъ Некрасова. Я думаю, что никто изъ дѣйствовавшихъ въ Фратештахъ врачей и студентокъ не откажется дать свѣдѣнія въ виду того, что ихъ молчаніе можетъ быть истолковано неблагопріятно для г. Студенскаго, конечно, не мной—я готовъ вполнѣ вѣрить одному заявленію г. Студенскаго—а разными скептиками и зоилами. Могутъ подумать, что студентка, о которой пишетъ Некрасова, не смѣетъ подтвердить заявленія Некрасовой, потому что боится попасть въ газетную передѣлку. И нельзя сказать, чтобы предположеніе подобной боязни въ молодой женщинѣ не имѣло основанія. Случается, что нѣкоторыя изъ нашихъ газетъ принимаютъ въ подобныхъ случаяхъ видъ совершенныхъ кабаковъ, гдѣ женщина ни за что̀, ни про что̀ можетъ подвергнуться самымъ тяжкимъ оскорбленіямъ. Всѣмъ, памятна, конечно, исторія, ка̀къ одна женщина заявила, что, при разъѣздѣ изъ одного собранія, ее кто то схватилъ за ногу. Простое приличіе требовало, чтобы тѣ изъ газетъ, которыя начали говорить объ этомъ заявленіи, отнеслись къ этому заявленію со всею серьёзностію и, принявъ во вниманіе, что въ собраніяхъ бываютъ всякаго сорта люди, въ томъ числѣ и такіе, которые непрочь, въ особенности подъ дѣйствіемъ винныхъ паровъ, оскорбитъ одинокую женщину и по нечистымь влеченіямъ, и даже просто по озорству—приняли сторону женщины и разъяснили самымъ внушительнымъ образомъ, что всякій подобный поступокъ по отношенію къ женщинѣ, въ особенности одинокой, предполагая, что онъ произошелъ просто отъ неосторожности, требуетъ немедленнаго извиненія, что безъ этого онъ равносиленъ намѣренному оскорбленію. Вмѣсто такой защиты оскорбленной женщины нѣкоторыя газеты обрушились на саму же эту женщину; начались пошлыя и наглыя подшучиванья надъ самой же этой женщиной, въ родѣ того: ты, дескать, посмотри на свое лице; развѣ можетъ явиться въ комъ-нибудь нечистая мысль относительно тебя? Поощренный этимъ пошлымъ настроеніемъ газетъ имѣлъ дерзость (каково общество и какова пресса!) выступить яко бы съ извиненіемъ, но, въ самомъ дѣлѣ, для большаго еще поруганія женщины, и тотъ, кто схватилъ ее за ногу: я, дескать, дѣйстви-

тельно это сдѣлалъ, но госпожѣ, обидѣвшейся этимъ, достаточно взглянуть на себя въ зеркало, чтобы понять, что я никакихъ преступныхъ мыслей не имѣлъ! При подобномъ отношеніи газетъ даже къ такому факту, какъ хватаніе женщины за ногу, очень естественно предположеніе, что студентка, о которой говоритъ Некрасова, можетъ воздерживаться отъ заявленія, изъ опасенія попасть въ газетную потасовку. Что касается врача X., которому Некрасова приносила жалобу, то объ немъ могутъ подумать, что молчитъ потому, что обѣщалъ передать жалобу Некрасовой професору Чудновскому, но не передалъ, а вслѣдствіе этого, нетолько никакого распоряженія во время не послѣдовало относительно подобныхъ случаевъ, но даже и самому г. Студенскому, какъ онъ самъ удостовѣряетъ, никто никогда ничего подобнаго не говорилъ. Чтобы уничтожить всѣ подобныя предположенія, въ дѣйствительности, можетъ быть, совершенно неосновательныя, которыя могутъ поддерживаться только молчаніемъ медицинскаго персонала, дѣйствовавшаго во Фратештахъ, г. Студенскому слѣдуетъ выступить на тотъ путь, который мы ему рекомендуемъ, т. е. попросить всѣхъ бывшихъ врачей этого персонала и студентокъ высказаться за все время или даже за послѣднее только время пребыванія тамъ Некрасовой. Что касается насъ лично, то я еще разъ повторяю, что мы лично готовы вполнѣ вѣрить одному объясненію г. Студенскаго, что ничего передаваемаго въ письмахъ Некрасовой относительно него не было; но онъ, конечно, согласится съ нами, что наше личное убѣжденіе не внесетъ убѣжденія въ спектиковъ и зоиловъ. Далѣе, г. Студенскій проситъ насъ перепечатать на страницахъ «Отечественныхъ Записокъ» отвѣтъ на письмо Некрасовой. напечатанный имъ въ «Недѣлѣ». Но я не вижу газеты «Недѣли» и не знаю, какой это былъ отвѣтъ. Мнѣ очень жаль, что г. Студенскій не прислалъ этого отвѣта. Впрочемъ, если отвѣтъ этотъ былъ весь въ томъ же родѣ, въ какомъ сдѣланное извлеченіе изъ него въ «Новомъ Времени», то я, признаюсь откровенно, не напечаталъ бы его. Въ извлеченіи этомъ излагалась такая теорія: «только женщина красивая можетъ возбудить нечистыя вожделѣнія въ мужчинѣ, настолько сильныя, что онъ можетъ, не взирая ни на что̀, искать ихъ удовлетворенія; женщина некрасивая можетъ возбуждать эти вожделѣнія только своими нравственными качествами, но эти самыя нравственныя качества будутъ всегда удерживать его въ должныхъ границахъ по отношенію къ ней». Я уже давно читалъ извлеченіе изъ письма г. Студенскаго въ «Новомъ Времени» и не могу ручаться, вполнѣ ли точно я передаю смыслъ теоріи г. Студенскаго, но думаю, что приблизительно вѣрно. А если дѣйствительно вѣрно, то согласитесь сами, г. Студенскій, что эта теорія—чистый курьёзъ. Половыя влеченія въ людяхъ такъ капризны, что иногда безъ всякой видимой причины и нужды проявляются въ такихъ нелѣпыхъ, дикихъ, ни съ чѣмъ несообразныхъ, повидимому, невозможныхъ формахъ и фактахъ, что только руками разведешь.

Въ грѣхопаденіяхъ этого рода есть такія ступени, гдѣ нетолько о нравственныхъ качествахъ и красотѣ, но даже просто о человѣческомъ образѣ и помину нѣтъ. Все это я говорю, впрочемъ, только противъ теоріи г. Студенскаго и ея оправдательной силы, а никакъ не противъ его личнаго заявленія о своей невинности.

Теперь я обращусь къ объясненіямъ сторонниковъ покойной Некрасовой, которые, какъ кажется, также есть и которые появились уже и еще появятся съ своимъ словомъ въ печати. Покрайней мѣрѣ, сестра покойной, отъ 22-го іюня, пишетъ намъ, что ея молчаніе на опроверженія, появившіяся въ газетахъ на письма покойной Некрасовой, никакъ не слѣдуетъ считать согласіемъ на эти опроверженія, что еще 13-го іюня она послала въ «Недѣлю» отвѣтъ на статью г. Студенскаго, но «Недѣля» почему то до сихъ поръ его не помѣстила, и что она боится, чтобы «Недѣля» не сдѣлала того же и съ тѣми заявленіями, которыя надняхъ будутъ посланы въ эту редакцію со стороны врачей, знавшихъ покойную Некрасову лично. Кромѣ того, сестра Некрасовой прислала намъ нѣсколько писемъ покойной, изъ которыхъ одно довольно большое, отъ 8-го ноября изъ Систова, другія три коротенькія изъ Систова же, отъ 7-го, 11-го и 13-го декабря. Въ письмахъ этихъ, главнымъ образомъ, говорится о дѣятеляхъ «Краснаго Креста», къ которымъ покойная относится весьма неблагосклонно за ихъ крайне небрежное отношеніе къ своему дѣлу, послѣдствіемъ чего были безчисленные безпорядки по продовольствію, содержанію и т. п. больныхъ, раненыхъ; отъ этихъ безпорядковъ пострадала и она сама, пробиваясь кой-какъ впродолженіи трехъ послѣднихъ мѣсяцевъ своей службы. Жалованье за октябрь, ноябрь и декабрь получено было только въ маѣ 1878 года родными покойной. Изъ писемъ этихъ нельзя извлечь никакихъ поясненій для писемъ, уже опубликованныхъ, исключая развѣ того, что до 20-го октября Некрасова работала въ отрядѣ доктора Бергмана (дерптскаго профессора, къ которому она, вѣроятно, поступила прямо изъ Фратештъ) въ мѣстечкѣ Чуриковѣ подъ Горнымъ Дубнякомъ. 20-го октября отрядъ доктора Бергмана, за неимѣніемъ болѣе работъ подъ Горнымъ Дубнякомъ, выѣхалъ отсюда. За нимъ послѣдовала и Некрасова вмѣстѣ съ студенткой П., съ которой она вмѣстѣ работала подъ Горнымъ Дубнякомъ (не та ли эта самая студентка N, о которой Некрасова упоминаетъ въ своихъ письмахъ). Съ этого времени до самого конца ея пребыванія въ Болгаріи, она остается, какъ видно изъ ея писемъ, въ Систовѣ, вѣроятно, въ томъ же отрядѣ доктора Бергмана. Изъ этихъ указаній видно, что и медицинскій персоналъ отряда доктора Бергмана долженъ быть хорошо знакомъ съ покойной Некрасовой и могъ бы сообщить полезныя о ней свѣдѣнія для разъясненія ея писемъ.

Въ 174-мъ № «Биржевыхъ Вѣдомостей» перепечатано изъ газеты «Недѣля» письмо г. Веселовскаго, озаглавленное: «Въ па-

мять о хорошемъ человѣкѣ», въ защиту Некрасовой и въ опроверженіе распространяемаго противною стороною мнѣнія о душевномъ разстройствѣ Некрасовой. Г. Веселовскій говоритъ, что онъ берется за перо въ защиту Некрасовой потому, что «въ то время, какъ съ необыкновенною горячностью повторяется басня о болѣзненномъ психическомъ состояніи, заступница за доброе имя Некрасовой, по естественному чувству деликатности и нежеланію *чѣмъ-либо компрометировать нѣсколькихъ живыхъ свидѣтелей всего происшедшаго,* не рѣшается выдвинуть тѣ свидѣтельства и показанія, которыя должны бы были положить конецъ всякой неясности». Итакъ, есть не одинъ, а даже нѣсколько живыхъ свидѣтелей происшедшаго, и сестра покойной Некрасовой только по чувству деликатности не рѣшается ихъ выдвинуть, чтобы не компрометировать, тогда какъ эти свидѣтели могли бы дать полную ясность дѣлу! Напрасно! Но если сдержанность г-жи Некрасовой еще можно объяснить излишнею въ дѣлѣ общественномъ деликатностію, то чѣмъ объяснить молчаніе тѣхъ, заявленія которыхъ могли бы вполнѣ разъяснить дѣло? Неужели они не хотятъ выступить только потому, что боятся попасть въ газетную передѣлку? Далѣе, г. Веселовскій въ письмѣ своемъ говоритъ, что, во время пребыванія на медицинскихъ курсахъ покойной Некрасовой, «профессорà привыкли въ ней видѣть, подъ конецъ, чуть не своего сотоварища—такъ усердно относилась она къ дѣлу, такой массой знаній она располагала; въ тоже время, въ средѣ молодёжи она была образцемъ настоящаго студента, работящаго, ко всему отзывчиваго, независимаго духомъ; ея связи съ молодёжью были крѣпки и дружны. Не даромъ могли искренно вспомнить о ней участники въ академической панихидѣ, справлявшіе печальную тризну объ этой рано погибшей богатой силѣ... Къ сказанному другими лицами прибавлю, что дѣятельность Некрасовой на войнѣ была такъ полезна, что, къ концу войны, когда многія изъ женщинъ-врачей вернулись въ Россію (стало-быть, приблизительно, во время предполагаемаго психоза), *особая телеграмма отъ начальства академіи убѣждала ее остаться у дѣла, такъ какъ ея труды особенно полезны.* Она, конечно, осталась у своей любимой работы, осталась... вплоть до горькаго конца». Такъ г. Веселовскій, близко, какъ видно изъ его письма, знавшій и саму Некрасову, и ея семейство, изображаетъ покойную. То, чтò онъ говоритъ, конечно, совершенно не исключаетъ возможность психоза; но, предполагая давность психоза, и даже болѣе, чѣмъ давность, на чемъ именно настаиваетъ противная сторона, какъ то трудно представить, что проявленіе психоза, несмотря на неизбѣжныя и многочисленныя отношенія покойной съ мужчинами и во время ученья, и послѣ ученья, послѣдовало не ранѣе, какъ во время войны, и именно только въ указанныхъ ею случаяхъ. А впрочемъ, быть можетъ, были и прежде случаи, но они остаются неизвѣстными.

Вообще, дѣло можетъ разъясниться только тогда, когда лица, знавшія покойную, не откажутся помочь его разъясненію своими свѣдѣніями.

Что касается прессы, то ея прямая обязанность всегда становиться на сторону слабѣйшаго, разъ этотъ слабѣйшій вопіетъ о сдѣланномъ ему притѣсненіи; въ противномъ случаѣ, «не было бы и смысла въ ея существованіи». Но если противъ заявленія слабѣйшаго дѣлаются возраженія, то дѣло прессы — не спѣшить своими приговорами, а, не наклоняя вѣсовъ по произволу ни въ ту, ни въ другую сторону, ожидать спокойно его разъясненія, нисколько не уменьшая всей серьёзности его значенія. Не въ томъ дѣло, чтобы кого нибудь обвинять. Очень можетъ быть, что изъ обвиняемыхъ Некрасовой никто не окажется виновнымъ; но серьёзное отношеніе къ этому дѣлу прессы покажетъ всѣмъ, что подобнымъ поступкамъ придается значеніе очень важное и что оглашеніе ихъ никакъ не будетъ оставлено безъ вниманія — и одно это предупредитъ тысячи подобныхъ поступковъ и дастъ ростъ и опору нравственному элементу въ обществѣ. Открыть такой кабакъ, какой открытъ былъ въ газетахъ по поводу завленія помянутой нами женщины о томъ, что ее схватилъ кто-то за ногу при разъѣздѣ изъ собранія, не мудрено, точно также какъ не мудрено наговорить по этому случаю разныхъ пошлыхъ шуточекъ; но такимъ отношеніемъ къ подобнаго рода фактамъ вы спускаете съ цѣпи безчисленное множество разныхъ озорниковъ, негодяевъ, прохвостовъ, падкихъ до подобныхъ выходокъ, и плодите новыхъ таковыхъ же, а женщину ставите въ беззащитное положеніе. Говорятъ: нельзя же оглашать такія бездоказательныя обвиненія, какъ обвиненія Некрасовой. Во-первыхъ, обвиненія Некрасовой въ отношеніи медицинскаго персонала не совсѣмъ бездоказательны: она указываетъ лица, которыя могутъ оправдать ее или обвинить. Во-вторыхъ, вещи, о которыхъ разсказываетъ Некрасова, такого рода, что при нихъ свидѣтелей вообще небываетъ и, слѣдовательно, свидѣтельства такого полнаго, какое возможно въ другихъ дѣлахъ, тутъ никогда ждать нельзя. Вотъ не далѣе, какъ сегодня, я прочиталъ въ «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ» (№ 176) такой возмутительный фактъ: пять человѣкъ изъ тѣхъ самыхъ лицъ, на которыхъ возложена обязанность наблюдать за охраненіемъ общественнаго порядка и безопасности каждаго, отправившись въ пять часовъ утра, навеселѣ, вѣроятно, послѣ кутежа, на тоню, встрѣтили молодую женщину, весьма прилично одѣтую, изнасиловали ее—и какъ изнасиловали! «Двое изъ означенной компаніи были главными дѣйствующими лицами насилія, остальные усердно способствовали его совершенію, отнявъ у жертвы всякую возможность къ сопротивленію. Затѣмъ бросили ее въ кутузку и продержали тамъ цѣлыя сутки. Выпущенная оттуда женщина обратилась къ акушеру, который призналъ ее въ послѣдней степени беременности» —

и все [1]. Преступленіе ужасное, но доказательствъ никакихъ—ни знаковъ насилія, ни свидѣтелей. Представьте себѣ, что такая женщина является въ газету и заявляетъ о совершенномъ надъ нею насиліи. — Но газета не принимаетъ ея заявленія—и, дѣйствительно, принять страшно. Со стороны обвинителя никакого доказательства; со стороны обвиняемыхъ, въ свою защиту, доказательства самыя тяжеловѣсныя: во-первыхъ, самому младшему изъ обвиняемыхъ не менѣе 35-ти лѣтъ, слѣдовательно, всѣ они — люди почтенные, вѣроятно, превосходные отцы семействъ, удостоенные полнымъ довѣріемъ начальства, иначе не были бы облечены въ званіе охранителей общественнаго порядка и безопасности, наконецъ, по существующему закону, показаніе каждаго изъ нихъ есть eo ipso не подлежащее сомнѣнію доказательство передъ судомъ. Но вотъ находится, однакожь, одна газета, которая, понимая ли свой долгъ, или по другимъ мотивамъ — разбирать этого не будемъ — рѣшается напечатать вполнѣ бездоказательное обвиненіе женщины. Само собою разумѣется, что лица обвиняемыя, прочитавъ направленное противъ нихъ обвиненіе въ газетѣ, немедленно являются съ своими, исчисленными мною, тяжеловѣсными доказательствами въ другую газету, присовокупляя ко всему высказанному, что женщина, ихъ обвиняющая, давно извѣстна, какъ женщина легкаго поведенія, что они раннимъ утромъ встрѣтили ее безчувственно пьяною, возвращающеюся изъ ночного похожденія и посадили въ кутузку, въ видахъ предохраненія ея же отъ разныхъ случайностей и т. п. И другая газета печатаетъ это, вполнѣ доказательное опроверженіе. И мало того, что печатаетъ опроверженіе, а открываетъ кабакъ: начинаются разныя пошлыя шуточки насчетъ сомнительной нравственности женщины, насчетъ того, что и лицо ея не такое, чтобы ею можно прельститься, и тѣмъ болѣе, что въ послѣдней степени беременности она и т. д., и т. д.

Я думаю, мнѣ не нужно договаривать—всякій самъ пойметъ — котораго изъ хозяевъ этихъ двухъ газетъ надобно назвать умнымъ и честнымъ человѣкомъ, и котораго—литературнымъ хлыщемъ: того ли, который напечаталъ бездоказательное обвиненіе, или который напечаталъ вполнѣ доказательное опроверженіе и, вѣроятно, съ радости отъ этой доказательности, завелъ кабакъ.

Изъ приведеннаго мною примѣра, ясно, какой можно требовать доказательности въ тѣхъ дѣлахъ, о которыхъ говоритъ Некрасова.

Но, въ такомъ случаѣ, скажутъ намъ, ка̀къ же быть? Ка̀къ

---

[1] Теперь есть другая редакція этого происшествія, представляющая дѣло въ значительно другомъ видѣ. Но я остаюсь при первой редакціи, разсматривая для своей цѣли разсказанное происшествіе не какъ случай дѣйствительный, а какъ возможный, ибо подобный случай могъ произойти и въ томъ видѣ, какъ онъ передается и первой редакціей.

узнать тутъ, гдѣ справедливость, чтобы не впасть самому въ несправедливость, когда, при малодоказательности или даже бездоказательности обвиненія, справедливость очень легко можетъ оказаться вовсе не на сторонѣ обвинителя, а на сторонѣ обвиняемыхъ?

Общее правило для подобныхъ случаевъ должно существовать такое:

Прежде всего, вы должны твердо помнить, что пресса всегда должна становиться на сторону слабѣйшаго, разъ онъ вопіетъ о сдѣланномъ ему притѣсненіи и тѣмъ болѣе насиліи. Но если у васъ является сомнѣніе въ вѣрности и искренности этого вопля, никто не обязываетъ васъ говорить: вы можете молчать до разъясненія дѣла. Мало того: вы можете давать мѣсто въ своей газетѣ опроверженіямъ противной стороны. Но вы не должны брать на себя отвѣтственности за сообщаемые въ нихъ факты, спѣшить, на основаніи ихъ, преждевременнымъ приговоромъ и, тѣмъ болѣе, открывать кабакъ. Помимо частныхъ интересовъ въ томъ или другомъ данномъ случаѣ, для васъ должно быть дорого то нравственное вліяніе, которое разборъ его оставитъ послѣ себя въ обществѣ, и вы должны помнить, что тѣмъ или другимъ вашимъ отношеніемъ къ нему вы или можете ввести въ общество новую чистую нравственную струю, или еще болѣе увеличить тѣ міазмы, которыми вносится деморализація въ общество.

ПИСЬМА КЪ УЧЕНЫМЪ ЛЮДЯМЪ.

II.

Письмо къ гг. Герье и Чичерину.

Милостивые государи!

Позвольте начать выраженіемъ сожалѣнія о томъ, что «Отечественныя Записки» не могли съ должною обстоятельностью оцѣнить недавніе ученые подвиги одного изъ васъ и, притомъ, славнѣйшаго — г. Чичерина. Разумѣю статьи въ «Сборникѣ государственныхъ знаній». Не не хотѣли, милостивые государи, а не могли. Можете засчитать это въ число доказательствъ непобѣдимой логичности и эрудиціи г. Чичерина. Кàкъ бы то ни было, но вынужденный къ краткому и голословному выраженію своей мысли, я долженъ сказать, что болѣе обнаженнаго и своею наготою довольнаго невѣжества русская ученая литература давно не видала. Васъ не поразитъ, конечно, такой рѣзкій отзывъ, ибо нѣчто подобное было высказываемо въ весьма разнообразныхъ òрганахъ печати. Это послѣднее обстоятельство, то есть, довольно единодушная встрѣча, оказанная ученымъ подвигамъ г. Чичерина, много облегчаетъ мою скорбь. Но я все таки лишенъ пикантной тэмы: вы издаете совокупными силами книгу «Русскіе дилеттанты и общинное землевладѣніе», въ которой обвиняете князя Васильчикова въ заносчивомъ, поучающемъ невѣжествѣ, и въ то же самое время одинъ изъ васъ обнаруживаетъ невѣжество, несомнѣнно рѣдкостное по своей заносчивости и стремленію поучать. Дилеттантъ, съ паѳосомъ уличающій другихъ въ дилеттантизмѣ — согласитесь, что это пикантно! Но дѣло даже не въ дилеттантизмѣ. Вы уличаете князя Васильчикова не въ дилеттантизмѣ, а въ кругломъ невѣжествѣ, въ незнаніи нетолько гимназическаго курса, но даже курса начальной народной школы. Равнымъ образомъ, и политико-экономическая критика г. Чичерина не есть плодъ только дилеттантизма. Но дѣлать нѣчего: что̀ съ возу упало, то̀ пропало. Пожалѣйте

человѣка, лишеннаго пикантной тэмы, и будемъ говорить о «русскомъ дилеттантизмѣ и общинномъ землевладѣніи».

Повторяю, заглавіе вашей брошюры несовсѣмъ точно: вы не въ дилеттантизмѣ обличаете князя Васильчикова. Вы говорите, напримѣръ: «Какое значеніе имѣетъ въ географіи выраженіе «новый свѣтъ»—князю Васильчикову неизвѣстно. На стр. 6 онъ называетъ этимъ именемъ Америку, а на 797 онъ разумѣетъ подъ странами «новаго свѣта» западную Европу.» (7)—Или: «Описывая «продолжительный насильственный вводъ во владѣніе англійскихъ властей въ землю кельтовъ», т. е. въ Ирландію, князь Васильчиковъ говоритъ, что «только Кромвелю и Елисаветѣ удается окончательно завладѣть страной», какъ бы причисляя этимъ Кромвеля къ предшественникамъ дѣвственной королевы» (9).—Или: «князь Васильчиковъ поясняетъ (ст. 138), что ирландскій акръ нѣсколько больше англійскаго и составляютъ около ½ десятины и потому, вычисляя арендную плату въ южныхъ графствахъ Ирландіи—отъ 7 до 15 ф. ст. за ирландскій акръ—говоритъ, «что это равняется отъ 50 до 105 руб. за русскую десятину!!» Князь Васильчиковъ могъ бы приставить по крайней-мѣрѣ, 4 восклицательные знака къ своей фразѣ, еслибы вѣрно разрѣшилъ слѣдующую простую ариѳметическую задачу: если за полдесятины платятъ 7 фунт., то сколько нужно заплатить за цѣлую? При этомъ оказалось бы, что за цѣлую платятъ отъ 100 до 210 руб., а не отъ 50 до 105, какъ вычислилъ князь Васильчиковъ. Перевертываемъ два листика въ книгѣ князя Васильчикова и находимъ, что размѣры ирландскаго акра очень увеличились, но что ариѳметическія способности автора остались тѣ же». На 143 стр. и т. д. (13).

Мнѣ кажется, даже этихъ только примѣровъ преступности князя Васильчикова достаточно, чтобы видѣть, что онъ привлекается къ неподкупному суду науки совсѣмъ не въ качествѣ дилеттанта. Быть дилеттантомъ, т. е. любителемъ, ни для кого не зазорно, но не знать, что 2×7=14, это уже совсѣмъ плохо, даже не для публициста, выступающаго съ трактатомъ о землевладѣніи и земледѣліи. Въ старые годы, за такое вычисленіе пятилѣтнему мальчишкѣ вихры бы надрали, да и по нынѣшнему просвѣщенному времени не похвалятъ. Равнымъ образомъ, не знать что̀ такое называется «новымъ свѣтомъ», свойственно отнюдь не дилеттанту, а совершенно невѣжественному человѣку, не державшему никогда въ рукахъ ни учебника географіи, ни газетнаго листка. Образованному человѣку не менѣе неприлично думать, что Кромвель жилъ прежде Елисаветы. Позвольте ужь, для полноты коллекціи, привести еще одинъ примѣръ невѣжества князя Васильчикова—изъ области грамматики. На стр. 213 вы глумитесь, что онъ называетъ извѣстную групу мѣропріятій «длинною цѣпью, сковавшею русское крестьянство или, вѣрнѣе сказать, опутавшею все сельское сословіе сѣтью разнорѣчивыхъ,

легкомысленныхъ, случайныхъ узаконеній». «Цѣпь, опутавшая сѣтью», доставляетъ вамъ большое развлеченіе.

Итакъ, не говоря о прочемъ, князь Васильчиковъ уже въ ариѳметикѣ, географіи, грамматикѣ и исторіи оказывается лишеннымъ познаній любого малолѣтка, едва начинающаго учиться. Но, милостивые государи, не хватили ли вы черезъ край? Не находите-ли вы, что ваши доказательства грѣшатъ излишествомъ, доказываютъ слишкомъ много? Ка̀къ ни ка̀къ, но невозможно же допустить, чтобы князь Васильчиковъ дѣйствительно и буквально не зналъ таблицы умноженія или не обладалъ «ариѳметическими способностями», нужными для помноженія 2 на 7. Точно такъ же сомнительна возможность и остальныхъ приведенныхъ ошибокъ несчастнаго вами казнимаго князя. Вы скажете, что ошибки во всякомъ случаѣ — на лицо. Можно, однако, и въ этомъ сомнѣваться. Такъ, грамматическій примѣръ отнюдь не показываетъ ни того, чтобы князь Васильчиковъ не зналъ грамматики, ни того, чтобы онъ отродясь не видалъ цѣпи и сѣти и имѣлъ о ихъ формахъ смутныя представленія. Онъ показываетъ только, что стремительность вашей атаки помѣшала вамъ правильно прочитать фразу князя Васильчикова. Если вы потрудитесь прочитать инкриминированную фразу слѣдующимъ образомъ: извѣстныя мѣры были «длинною цѣпью, сковавшею русское крестьянство, или, вѣрнѣе сказать, сѣтью разнорѣчивыхъ, легкомысленныхъ, случайныхъ узаконеній, опутавшею все сельское сословіе», то вы, можетъ быть, увидите, что острота насчетъ цѣпи и сѣти попадаетъ мимо цѣли. Разстановка словъ у князя, дѣйствительно, не особенно удачна, но еслибы я захотѣлъ пройтись насчетъ вашей собственной стилистики, то, повѣрьте, нашелъ бы такія цѣпи и сѣти, изъ которыхъ вамъ было бы довольно таки трудно выпутаться. Примѣръ географическій тоже къ дѣлу не идетъ, потому что на стр. 797 князь Васильчиковъ противопоставляетъ «новый свѣтъ» «древнему міру», что̀ совершенно понятно и отнюдь не свидѣтельствуетъ о томъ, чтобы автору было неизвѣстно значеніе выраженія «новый свѣтъ». Что касается примѣра историческаго, то вы сами, повидимому, нѣсколько его конфузитесь, ибо говорите, что князь Васильчиковъ, говоря: «Кромвель и Елисавета», «*какъ бы* причисляетъ этимъ Кромвеля къ предшественникамъ дѣвственной королевы». Дѣйствительно, если я скажу, напримѣръ, что гг. Чичеринъ и Жуковскій жестоко избили Карла Маркса своими собственными боками, то это не значитъ, чтобы я не зналъ, кому изъ нихъ принадлежатъ хронологическое первенство въ совершеніи этого подвига.

Я боюсь, однако, милостивые государи, что кто-нибудь изъ присутствующихъ, наконецъ, меня остановитъ: дескать, что̀ же вы толкуете о таблицѣ умноженія и географическихъ терминахъ? Я долженъ буду сослаться на васъ. Вамъ принадлежитъ честь подня-

тія вопроса объ «ариѳметическихъ способностяхъ» и географическихъ познаніяхъ князя Васильчикова. Я самъ былъ пораженъ, прочитавъ такія обвиненія въ критикѣ, написанной въ четыре професорскія руки. Допустимъ, что князь Васильчиковъ, и въ самомъ дѣлѣ—не болѣе, какъ великовозрастный, тупой и лѣнивый Дезирэ Корбо, не умѣющій сообразить, сколько будетъ дважды семь. Но вѣдь и вамъ «не честь-хвала молодецкая» играть роль школьныхъ учителей, придирающихся къ Дезирэ Корбо для публичнаго обнаруженія своихъ познаній въ таблицѣ умноженія и начальныхъ курсахъ географіи и исторіи. А вы, къ сожалѣнію, придираетесь Я уже не говорю о тѣхъ случаяхъ, когда стрѣлы вашей злобной ироніи оказываются совершенно тупыми («новый свѣтъ», «Кромвель и Елисавета», «цѣпи и сѣти» и проч. и проч. и проч.). Но даже въ тѣхъ, надо правду сказать, не малочисленныхъ случаяхъ, когда вы указываете дѣйствительные промахи князя Васильчикова, вы не можете отрѣшиться отъ указки школьнаго учителя, его мелочнаго самодовольства и амбиціи. Напримѣръ, для приведеннаго ариѳметическаго промаха вы не находите иного объясненія, какъ незнаніе и недостатокъ «ариѳметическихъ способностей». Такъ и видишь школьнаго учителя, гордаго въ потѣ лица добытымъ умѣніемъ умножить 2 на 7. О, вы истинно великіе ученые, вы таблицу умноженія знаете! Надо думать, гордость именно этого рода познаніями окрылила г. Чичерина къ торжественному объявленію, что Лассаль—невѣжда, а Марксъ, кромѣ того—еще и дуракъ. Почтенный экс-профессоръ, вѣроятно, незадолго передъ тѣмъ освѣжилъ въ своей памяти курсъ народной школы и, преодолѣвъ его, рѣшилъ, что можетъ дерзать на все. Да, кто твердо знаетъ таблицу умноженія, тотъ—ужь ни въ чемъ не дилеттантъ, тому ужъ, конечно, и политическая экономія—трынъ-трава.

Подобно профессору Цитовичу, вы пересолили, господа профессора, и этотъ злобный пересолъ показываетъ присутствіе нѣкоторой задней мысли, стыдливо прячущейся за мелкія придирки.

Вы утверждаете, что трудъ князя Васильчикова былъ встрѣченъ всей журналистикой съ восторгомъ, что никто до васъ не принимался за настоящій критическій разборъ его и не отмѣтилъ его промаховъ. Это не совсѣмъ такъ. Книга князя Васильчикова была встрѣчена журналистикой, дѣйствительно, очень любезно, но дѣло не обошлось все таки безъ критики и полемики, и князь Васильчиковъ счелъ даже нужнымъ въ особой статьѣ (въ «Вѣстникѣ Европы») парировать нѣкоторыя изъ представленныхъ ему замѣчаній. Возраженія на книгу начались даже раньше ея появленія, по поводу отрывка, напечатаннаго, если не ошибаюсь, въ «Братской помочи». Они не кончились и по сіе время, какъ видно изъ напечатанія въ «Отечественныхъ Запискахъ» статей гг. Костычева и Чаславскаго. Слѣдовательно,

роль ваша совсѣмъ не такъ красива и величественна, какъ вамъ кажется. Вы представляете дѣло такъ, что князь Васильчиковъ — какой то всеобщій любимецъ и полубогъ, которому вся журналистика поклонилась; пришли вы и мужественно развѣнчали полубога. Совсѣмъ не такъ, милостивые государи! Журналистика очень заинтересовалась книгой князя Васильчикова, такъ какъ она затрогиваетъ вопросы высокой теоретической и практической важности. Въ это время, вы *два года вдвоемъ* шарили въ книгѣ, розыскивая ариѳметическіе, историческіе, географическіе и грамматическіе промахи и, наконецъ, разрѣшились брошюрой «Русскій дилеттантизмъ и общинное землевладѣніе».

Несомнѣнно, однако, что вы сдѣлали нѣсколько новыхъ замѣчаній, какихъ другіе критики и рецензенты не дѣлали; несомнѣнно, что нѣкоторыя изъ этихъ замѣчаній совершенно справедливы. Несомнѣнно, наконецъ, и то, что книга князя Васильчикова имѣла большой успѣхъ.

Вы объясняете этотъ успѣхъ тѣмъ, что князь Васильчиковъ «поласкалъ общественное мнѣніе, покурилъ ѳиміаму нѣкоторымъ принципамъ, которые пользуются симпатіей различныхъ литературныхъ кружковъ, провозгласилъ себя приверженцемъ извѣстныхъ современныхъ идеаловъ» (4). Князь Васильчиковъ, говорите вы въ другомъ мѣстѣ, «и не обязанъ своимъ успѣхомъ логикѣ, а наоборотъ тому, что безъ всякой логики и послѣдовательности вторитъ разнымъ смутнымъ гуманитарнымъ инстинктамъ современнаго общества» (81). Однако, вамъ точно будто стыдно окончательно утвердиться на этомъ объясненіи. По крайней мѣрѣ, есть въ вашемъ памфлетѣ одно небезъинтересное мѣсто, нѣсколько иначе трактующее «смутные гуманитарные инстинкты»: «Наша печать, и она была въ этомъ случаѣ выраженіемъ общественнаго настроенія, отнеслась сочувственно къ книгѣ князя Васильчикова, потому что видѣла въ ней противовѣсъ различнымъ реакціоннымъ стремленіямъ въ области крестьянскаго быта. Но никакой страхъ передъ реакціей не оправдываетъ такого злоупотребленія печатнымъ словомъ, какое представляетъ сочиненіе князя Васильчикова. Мы глубоко сожалѣемъ о тѣхъ явленіяхъ, которыя вызвали снисходительность нашей печати къ сочиненію о «Землевладѣніи», но мы не раздѣляемъ такой точки зрѣнія, ибо главный признакъ умственной зрѣлости литературы и общества, главный залогъ ихъ дальнѣйшаго успѣха въ области политическаго и культурнаго развитія есть чувство правды и уваженіе къ истинѣ» (175).

Благородство вашихъ чувствъ находится, разумѣется, внѣ всякаго сомнѣнія. Но любопытно, все-таки, знать, что̀ именно обусловило успѣхъ книги князя Васильчикова: «смутные ли гуманитарные инстинкты», или совершенно опредѣленныя и основательныя опасенія «различныхъ реакціонныхъ стремленій въ области крестьянскаго быта?» Многоразличныя соображенія даютъ

мнѣ смѣлость думать, что вамъ самимъ этотъ любопытный вопросъ неясенъ. Это имѣетъ свои хорошія стороны, потому что читателямъ-то вы нетолько не даете опредѣленнаго взгляда на значеніе успѣха книги князя Васильчикова, но дѣлаете все, что можете, для отвода читательскихъ глазъ отъ надлежащей точки зрѣнія. Еслибы вы это продѣлывали съ полнымъ сознаніемъ своихъ поступковъ, то всѣ расположенные къ вамъ люди (къ коимъ не смѣю себя причислять) должны были бы очень огорчиться безнравственностью вашего поведенія. Но непониманіе всегда было, есть и будетъ смягчающимъ обстоятельствомъ. Должно, однако, сказать, что и теперь расположенные къ вамъ люди имѣютъ значительные поводы къ огорченію. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ вы наивны, какъ—простите—дилеттанты и именно какъ дилеттанты, мнящіе себя вправѣ поучать, ибо дилеттантизмъ самъ по себѣ вовсе не обязываетъ къ наивности. Но кое-что вы, однако, очень хорошо понимаете и кое какія практическія цѣли преслѣдуете съ большою выдержкой. Въ виду этого, расположенные къ вамъ люди могутъ спросить себя: почему эти два почтенные мужа говорятъ неправду, будто успѣхъ книги князя Васильчикова не былъ омраченъ ни единымъ критическимъ облакомъ? Почему, въ самомъ дѣлѣ? Неужели ради мелочнаго самолюбія перваго портнаго, который ни у кого не учился? Неужели ради того, чтобы безпрепятственнѣе вознестись на небо и предстать оттуда внизу стоящимъ въ болѣе величественномъ видѣ? Вамъ лучше знать, милостивые государи; но фактъ остается фактомъ: вы показываете неправду и зачѣмъ-то прячете дѣйствительныя отношенія журналистики къ труду князя Васильчикова.

Позвольте мнѣ, собственно для уясненія дѣла и всего только на одну минуту, поставить величественное зданіе вашей памфлетно-ученой критики рядомъ съ скромной рецензіей, напечатанной въ «Отечественныхъ Запискахъ», № 8, 1877 г. Рецензія эта, несмотря на свою скромность, обратила на себя вниманіе князя Васильчикова. Онъ счелъ нужнымъ возражать и, между прочимъ, выразилъ особенную обиду по поводу замѣчанія рецензента, что у него, князя, «цифры танцуютъ», а также по поводу напоминанія словъ Іисуса сына Сирахова: «горе сердцамъ страшливымъ и рукамъ ослабленнымъ и грѣшнику, ходящу на двѣ стези». Если вы теперь потрудитесь мысленно удалить изъ своей критики всю ея субъективную часть, то есть всѣ ваши личные, ни для кого не обязательные взгляды на обязанности науки и потребности нашего отечества, всѣ ваши сатирическія выходки и лирическіе возгласы, то убѣдитесь, что остальная, чисто фактическая часть весьма подробно и даже излишне подробно развиваетъ именно эти двѣ мысли нашего рецензента. Вы приводите довольно много примѣровъ танцованія цифръ у князя Васильчикова, и хотя въ своемъ ученомъ самодовольствѣ школьнаго учителя приписываете его недостатку «ариѳметическихъ способно-

стей» или незнанію таблицы умноженія, но танецъ цифръ, во всякомъ случаѣ, на лицо. Благодаря вамъ, и въ другихъ отношеніяхъ книга оказывается столь же небрежно составленною: вы указываете не мало настоящихъ историческихъ промаховъ, не такихъ, какъ «Кромвель и Елисавета», а настоящихъ. Далѣе, когда вы совершенно справедливо указываете на двойственное отношеніе князя Васильчикова къ соціализму (напримѣръ, на стр. 48), то фактическою, объективною частью этого указанія только повторяете слова моего почтеннаго сотрудника: «горе сердцамъ страшливымъ и рукамъ ослабленнымъ и грѣшнику, ходящу на двѣ стези». Но скромная рецензія «Отечественныхъ Записокъ» выдѣляется изъ статей и замѣтокъ, вызванныхъ «Землевладѣніемъ и земледѣліемъ», только своимъ общимъ характеромъ и опредѣленностью точки зрѣнія. Въ сущности же, всѣ эти замѣчанія и статьи, воздавая книгѣ похвалы, иногда и преувеличенныя, старались показать, что князь Васильчиковъ «ходитъ на двѣ стези» и что цифры у него танцуютъ. Вы знаете, что таковъ именно былъ общій смыслъ почти всѣхъ возраженій князю Васильчикову по поводу его мнѣнія объ излишнемъ размѣрѣ крестьянскихъ надѣловъ.

Я отнюдь не думаю умалять заслугу вашей критики, поскольку заслуга, дѣйствительно, существуетъ. Отечества вы не спасли и сами весьма много напутали, монумента вамъ ставить не за что; но среди разсужденій, то наивныхъ, то дикихъ, среди придирокъ, то совсѣмъ вздорныхъ и ошибочныхъ, то совсѣмъ не важныхъ, вы сдѣлали не мало очень вѣрныхъ указаній, свидѣтельствующихъ, что князь Васильчиковъ всю свою работу дѣлалъ спустя рукава. Въ этомъ отношеніи, вы превзошли другихъ рецензентовъ и критиковъ, не имѣвшихъ ни достаточно злобы, ни достаточно терпѣнія для штудированія книги vom Blatt zu Blatt. Но замѣтьте, что и они, въ свою очередь, обратили вниманіе на такія стороны книги, которыя вы оставили втунѣ; мало того: вы оставили втунѣ даже всю соотвѣтственную полемику, возникшую изъ-за книги; и того мало: вы на глазахъ у всѣхъ, середи бѣла дня, отрицаете самый фактъ этой полемики, утверждаете, что никто князю Васильчикову до васъ не прекословилъ. Скрывая фактъ полемики, вы просто вкратцѣ выражаете свое согласіе съ мнѣніемъ князя о чрезмѣрности крестьянскихъ надѣловъ. Вы пишете: «Невозможно объяснить обѣдненіе крестьянъ недостаточностью надѣла. Если имъ тяжело платить за настоящій надѣлъ, какъ утверждаютъ приверженцы этого воззрѣнія, то ка̀къ же бы они стали платить за бо̀льшій? Или предполагается, что этотъ бо̀льшій надѣлъ надобно предоставить имъ даромъ или, по крайней мѣрѣ, на весьма льготныхъ условіяхъ, то есть, что слѣдуетъ ограбить помѣщиковъ для того, чтобы обезпечить крестьянъ. Къ этому, повидимому, клонятся всѣ возгласы о недостаточности надѣла, возгласы, къ которымъ князь Васильчиковъ, надобно сказать къ его чести, не присоединяется» (233).

Съ вашего позволенія, милостивые государи, я еще вернусь, вѣроятно, къ этой тирадѣ, какъ съ точки зрѣнія ея «жаргона», такъ и съ точки зрѣнія возвышенности изложенныхъ въ ней мыслей. А теперь я привелъ ее только для того, чтобы напомнить вамъ, что журналистика не такъ ужъ до земли поклонилась князю Васильчикову, какъ вы изображаете. Журналистика далеко отстала отъ васъ. Она не накинулась на «Кромвеля и Елисавету» и на «Новый Свѣтъ», она даже не замѣтила дѣйствительно неправильнаго умноженія двухъ на семь и дѣйствительно курьёзной ошибки князя Васильчикова, смѣшавшаго франковъ съ романскими племенами и противопоставившаго франковъ германцамъ. Все это такъ. Но журналистика, вы должны ей отдать эту справедливость, сосредоточила свое вниманіе на очень важномъ практическомъ вопросѣ, поднятомъ княземъ Васильчиковымъ. Допустимъ, что она рѣшала его ошибочно, но она имъ занималась, рѣшала не голословно, а съ помощью статистическихъ и другихъ фактическихъ данныхъ. Вамъ предстояло или разрушить это воздвигнутое журналистикой зданіе, или поддержать своимъ вѣскимъ словомъ князя Васильчикова; но, конечно, не буквально словомъ, не голымъ заявленіемъ о существованія проэкта «ограбить» помѣщиковъ, а чѣмъ нибудь болѣе солиднымъ, Вы ничего, однако, подобнаго не сдѣлали. И потому, я полагаю, всякій безпристрастный человѣкъ скажетъ, что, по крайней мѣрѣ на этомъ пунктѣ, журналистика и самъ князь Васильчиковъ высказали несравненно меньше «русскаго дилеттантизма», чѣмъ вы, люди науки. Насчетъ лика науки, по юпитеровски хмурящаго брови и грозно выглядывающаго изъ каждой страницы вашего памфлета, надо, впрочемъ, оговориться. Всѣ подобныя четверорукія произведенія бываютъ склонны къ одному очень комическому представленію. Въ нихъ можно сплошь и рядомъ наткнуться на такія, напримѣръ, надменно-самодовольныя восклицанія: кому неизвѣстно, что Саксонское Зеркало и т. д.—Кому неизвѣстно! Да г. Чичерину неизвѣстно, ибо еслибы ему было все извѣстно, такъ онъ не пригласилъ бы въ соратники г. Герье, а вышелъ бы на единоборство. Но и четырерукость, все-таки—не панацея. Конечно, для преодолѣнія вычисленій, не выходящихъ изъ рамокъ таблицы умноженія, совершенно достаточно соединенныхъ силъ двухъ патентованныхъ ученыхъ, хотя бы и не спеціалистовъ по математикѣ. Но, напримѣръ, для постановки и рѣшенія вопросовъ изъ области экономической науки, созвѣздіе Герье-Чичеринъ, несмотря на весь свой ослѣпительный блескъ, не представляетъ никакой гарантіи, ибо одинъ изъ этихъ ученыхъ благоразумно никогда не посягалъ на экономическіе вопросы, а другой недавно весьма неблагоразумно посягнулъ.

Отмѣчаю я это, впрочемъ, не для васъ, а для присутствующихъ. Вы слишкомъ опьянены благополучнымъ совершеніемъ умноженія

двухъ на семь и другими побѣдами надъ княземъ Васильчиковымъ, чтобы не признавать Наполеона бородавкой, а себя Наполеонами. Но публика должна знать истину насчетъ дѣйствительныхъ вашихъ размѣровъ, чему я, къ сожалѣнію, не могу способствовать по мѣрѣ моихъ желаній.

Милостивые государи, къ вамъ пишетъ человѣкъ, отнюдь не предубѣжденный въ пользу князя Васильчикова quand même. Да оно и понятно: «ходящій на двѣ стези» рѣдко кого удовлетворяетъ вполнѣ, рѣдко въ комъ возбуждаетъ желаніе защищать его. Тѣмъ не менѣе, книга князя Васильчикова остается и послѣ вашей критики, въ извѣстномъ смыслѣ, трудомъ почтеннымъ. Дѣло въ томъ, что далеко не всѣ ваши побѣды такъ несомнѣнны, какъ по вопросу о двухъ, умноженныхъ на семь, или о германскомъ происхожденіи франковъ. Вы смертны, вы—люди, вы не всевѣдущи, это—натурально. Но въ критикѣ вашей, какъ и во всякомъ подобномъ произведеніи, кромѣ фактической правды и фактической же неправды, есть извѣстная точка зрѣнія на вещи, извѣстныя симпатіи и антипатіи, извѣстные пріемы мышленія и доказательства, которые, конечно, имѣютъ какое нибудь фактическое основаніе, но, тѣмъ не менѣе, требуютъ особаго оправданія. Князю Васильчикову вы именно такого рода требованія предъявляете, сами, однако, имъ отнюдь не удовлетворяя. А между тѣмъ, въ этой области побѣда, несмотря на кажущуюся легкость, въ сущности, несравненно труднѣе, чѣмъ въ мірѣ подлежащихъ вѣсу и мѣры фактовъ. Правильнымъ умноженіемъ двухъ на семь или точною историческою справкою легко всякого убѣдить, что сдѣлана такая то ошибка. Но когда вы говорите, что князь Васильчиковъ «бросаетъ въ аристократію грязь аристократической рукой», что есть въ нашемъ отечествѣ люди, предлагающіе «грабить помѣщиковъ», что идеалы равенства суммируются въ образѣ Прокуста, «который еще въ древности считался разбойникомъ», когда вы говорите эти и многія подобныя жестокія слова, вы еще очень далеки какъ отъ побѣды вообще, такъ и отъ доказательности въ частности. Слова эти свидѣтельствуютъ о пламенности вашего темперамента, о преданности вашей извѣстнымъ интересамъ, но ровно ничего не доказываютъ. Не доказываютъ даже предосудительности тѣхъ дѣйствій, которыя вы преслѣдуете жестокими словами. Наша аристократія свѣжа, какъ розовый бутонъ; но вамъ, конечно, извѣстны историческіе примѣры аристократій, весьма далекихъ отъ столь плѣнительной красоты. Если вамъ не нравится, что князь Васильчиковъ слѣдитъ за кое-какими изъянами въ нравственномъ обликѣ аристократій даже древняго міра, то это—дѣло вашего личнаго вкуса, вашего личнаго историческаго пониманія, вашего личнаго нравственнаго уровня. Но инкриминируемое вами «киданіе грязью» знакомо даже плебейскимъ, хотя и вполнѣ благонамѣреннымъ рукамъ Кайданова и Смарагдова. Тѣни этихъ

незабвенныхъ руководителей русскаго юношества на поприщѣ историческаго нравоученія могутъ безбоязненно предстать передъ вами и сказать: да, мы кидали грязью. Изъ этого слѣдуетъ, по крайней мѣрѣ, то, что для уличенія князя Васильчикова въ предосудительномъ поведеніи жестокихъ словъ и восклицательныхъ знаковъ немножко мало. Жилъ юноша —

Sumen coeli! sancta Rosa!
Восклицалъ онъ дикъ и рьянъ
И, какъ громъ, его угроза
Поражала мусульманъ.

Но если это — аргументъ, то такъ называемый argumentum baculinum, палочный аргументъ, а палки о двухъ концахъ. Вы утверждаете, что князь Васильчиковъ оскорбляетъ науку и приноситъ вредъ своимъ соотечественникамъ, подрывая довѣріе къ тому, что̀ вы считаете настоящей европейской наукой. Я утверждаю, что *вы* оскорбляете науку и приносите вредъ своимъ соотечественникамъ, стараясь подрывать довѣріе къ истинной европейской наукѣ. Вы говорите, что князь Васильчиковъ кидаетъ грязью въ чистое; я говорю, что этимъ занимаетесь вы. Вы утверждаете, что князь Васильчиковъ проповѣдуетъ «грабежъ» и «разбой»; я стою на томъ, что настоящій грабежъ и разбой проповѣдуется вами и т. д. Отъ степени нашего діалектическаго и полемическаго искуства будетъ зависить продолжительность и пряность этого препирательства. Такъ перебрасываются ловкіе акробаты шарами, потѣшая публику. Но мы, вѣдь — не акробаты, и публика должна, по крайней мѣрѣ, что-нибудь вынести изъ препирательства. Подобные споры ведутся и учеными людьми, и уличными торговками, и хорошими, и дрянными людьми. Но порядочные люди стараются свести споръ къ утвержденію и оправданію основныхъ принциповъ, съ точки зрѣнія которыхъ такъ или иначе квалифицируется извѣстный образъ дѣйствія. Если же это оказывается неудобнымъ почему нибудь, и порядочные люди доходятъ до того порога спора, за которымъ видится рѣшительная невозможность соглашенія и даже взаимнаго пониманія — они тщательно раскрываютъ всѣ свои карты передъ публикой. Они расходятся такъ, что соглашеніе невозможно; они поэтому разъясняютъ присутствующимъ всѣ pro и contro, дабы эти присутствующіе могли выбирать сами.

Милостивые государи, вы ровно ничего подобнаго не сдѣлали. Хотя вашъ памфлетъ раздѣленъ на главы, трактующія: 1) о «познаніяхъ и методѣ князя Васильчикова», 2) объ его «экономическихъ понятіяхъ» и т. д , никакого внутренняго порядка эти рубрики въ вашу работу не вносятъ. Гордые знаніемъ таблицы умноженія, вы все рубите съ плеча, мѣшая важное съ неважнымъ, спорное съ безспорнымъ и представляетесь какимъ-то графомъ Монте-Кристо по части аксіомъ. Вы — ученые люди, и я преклоняюсь передъ вашей ученостью. Но осмѣливаюсь думать, что,

еслибы вы были нѣсколько ближе знакомы съ нѣкоторыми областями знанія, въ предѣлы которыхъ вступаете съ слишкомъ легкимъ сердцемъ и слишкомъ легкимъ багажемъ, то вы убѣдились бы, что такого количества аксіомъ у науки рѣшительно нѣтъ. А слѣдовательно, вамъ надлежало бы, по крайней мѣрѣ, указать тотъ научный путь, которымъ вы ихъ добыли. Вы этого не сдѣлали. Вы даже не изложили въ мало-мальски сносномъ порядкѣ ни своихъ собственныхъ воззрѣній, ни воззрѣній князя Васильчикова. Позвольте мнѣ сдѣлать это вкратцѣ за васъ.

Основная мысль князя Васильчикова проведена въ его трудѣ весьма послѣдовательно. Онъ различаетъ двѣ стороны вопросовъ, касающихся «землевладѣнія и земледѣлія»: сельско-хозяйственную культуру и положеніе рабочихъ силъ сельскаго населенія. Судьбы этихъ двухъ групъ явленій общественной жизни, по его мнѣнію, не одинаковы исторически, да и логически не необходимо совпадаютъ. Сельско-хозяйственная производительность, земледѣліе, можетъ колоссально возростать, а земледѣлецъ превращаться въ то же самое время изъ независимаго землевладѣльца въ безземельнаго батрака, а затѣмъ и совсѣмъ ссаживаться съ земли и, наконецъ, быть вынужденнымъ бѣжать изъ отечества, эмигрировать. Такъ оно и было, въ бо̀льшей или меньшей степени, въ различныхъ странахъ западной Европы. Что касается Россіи, то въ ней и состояніе сельско-хозяйственной культуры, и положеніе рабочихъ силъ сельскаго населенія крайне незавидны, хотя русскій земледѣлецъ, въ большинствѣ случаевъ, пока еще и землевладѣлецъ. Русскому публицисту естественно представляется вопросъ: должна ли Россія въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи пройти всѣ моменты европейской исторіи? должна ли она купить высокій уровень земледѣлія цѣною обезземеленія народныхъ массъ? Князь Васильчиковъ полагаетъ, что это отнюдь не обязательно или, по крайней мѣрѣ, съ этимъ направленіемъ теперь слѣдуетъ бороться до послѣдней возможности. Онъ полагаетъ, что должны быть сдѣланы всѣ усилія для сохраненія землевладѣльца-земледѣльца въ неприкосновенности, и уже на этой соціальной почвѣ можно безбоязненно двигать впередъ собственно сельско-хозяйственную культуру. Средство для этого онъ видитъ, главнымъ образомъ, въ упроченіи и развитіи общественнаго землевладѣнія, которое, будучи исконною чертою нашего народнаго хозяйства и экономическихъ нравовъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, гарантируетъ равномѣрное распредѣленіе земли.

Такова суть книги кн. Васильчикова, та суть, которая обратила на себя вниманіе журналистики. Ею поднимались вопросы теоретическій и практическій первѣйшей важности: вопросъ чистой науки о томъ, что̀ должно быть признано центромъ тяже́сти экономическаго изслѣдованія, богатство или человѣкъ, обиліе производства или положеніе народныхъ массъ, и вопросъ практическій о ближайшемъ будущемъ нашей родины. Обиліе

фактовъ, не всегда вѣрныхъ и сбивающихся иногда даже на таблицѣ умноженія, но въ общемъ правильно освѣщающихъ исторію аграрныхъ отношеній въ Европѣ и положеніе русскаго крестьянина, дѣлало книгу не дешевымъ вкладомъ въ нашу литературу. Нѣкоторыя полу-славянофильскія словесныя упражненія, которыми кн. Васильчиковъ уснастилъ свою книгу, кое-какія вздорныя выходки противъ нѣкоторыхъ и вамъ нелюбыхъ европейскихъ экономическихъ ученій, наконецъ, странный взглядъ на размѣры крестьянскихъ надѣловъ много портили книгу. Но наша литература бѣдна, и книга кн. Васильчикова единственная въ своемъ родѣ...

Обратимся къ вашимъ воззрѣніямъ. Вы справедливо говорите, что многіе изъ пріемовъ кн. Васильчикова не научны. Но и вы, оффиціальные глашатаи истины, вы, факелы просвѣщенія, гордые одиночествомъ своего блеска во мракѣ «русскаго дилеттантизма», вы тоже не безъ грѣха. Я позволю себѣ начать бѣглое изложеніе вашихъ научныхъ и практическихъ взглядовъ съ маленькаго указанія на пріемъ, грѣшащій противъ самыхъ элементарныхъ требованій научнаго изслѣдованія.

На стр. 231 вы говорите: «Кн. Васильчиковъ приписываетъ печальное положеніе крестьянства тяжести лежащихъ на немъ податей. Онъ ссылается на труды податной комиссіи, на отзывы управъ и другихъ мѣстныхъ учрежденій въ доказательство, что податные платежи крестьянъ превосходятъ доходность ихъ земель. Разборъ всей этой массы свѣдѣній не можетъ, конечно, входить въ объемъ нашей задачи; смѣемъ только думать, что они требуютъ весьма точной провѣрки. Но когда кн. Васильчиковъ приводитъ среднія цифры платежей и дохода съ десятины по 30 слишкомъ губерніямъ, и оказывается, что первые составляютъ 164 копейки, а второй 163 копейки, то мы не можемъ не сказать, что эти цифры фиктивныя. Невозможно соединять въ одну категорію губерніи черноземныя и промышленныя и дѣлать изъ этого общій выводъ. Относительно губерній нечерноземной полосы мы воздержимся отъ всякаго сужденія. Надобно знать ихъ ближе, чтобы рѣшить вопросъ объ ихъ хозяйственномъ положеніи. Относительно же черноземныхъ губерній мы можемъ представить слѣдующій разсчетъ, который будетъ служить отвѣтомъ на всѣ возгласы объ обремененіи крестьянъ податьми. Для примѣра мы возьмемъ близко извѣстный намъ Кирсановскій Уѣздъ Тамбовской Губерніи». Далѣе идетъ самый разсчетъ, приводить который считаю совершенно лишнимъ. Вы сообразите только, чему вы этотъ разсчетъ противопоставляете. Я уже не говорю о всеобщемъ сознаніи тяжести крестьянскихъ платежей и истекающихъ отсюда толкахъ о необходимости податной реформы, организаціи переселеній и дешеваго кредита и проч. Передъ вами рядъ цифръ. Цифры эти заимствованы изъ правительственныхъ и земскихъ источниковъ. Онѣ не представляютъ

ничего неожиданнаго, неслыханнаго. При всей вашей охотѣ подмѣчать ошибки въ исполненіи четырехъ правилъ ариѳметики, вы не находите ни одного фактическаго возраженія. Вы просто провозглашаете аксіому: эти цифры фиктивныя. И затѣмъ, всей огромной массѣ оффиціальныхъ статистическихъ данныхъ, надъ добычей которыхъ трудились сотни лицъ, поставленныхъ прямо у дѣла, вы противопоставляете свой разсчетъ крестьянскаго бюджета въ «близко извѣстномъ вамъ» Кирсановскомъ Уѣздѣ! Отчего не въ селѣ Чичеринѣ или деревнѣ Герьевкѣ, если таковыя существуютъ? Вы съ рѣдкимъ самообладаніемъ и совершенно яснымъ лбомъ, готовымъ ринуться даже на крѣпостную стѣну, объявляете свой разсчетъ «отвѣтомъ на *всѣ* возгласы объ обремененіи крестьянъ податьми»! Побѣдоносный отвѣтъ! Побѣдоносный и вмѣстѣ типическій для васъ. Таковы именно побѣды, одержанныя вами надъ неучемъ Лассалемъ и неучемъ и дуракомъ Марксомъ. И вы, убогіе, рѣшаетесь еще уличать кого бы то ни было въ неуваженіи къ фактамъ, въ ненаучности пріемовъ, въ дилеттантизмѣ! О! намъ завидна доля ясныхъ лбовъ, не разбивающихся даже о крѣпостную стѣну и незнающихъ срама...

Легкомысленные, хотя и патентованные ученые люди, вы, въ видахъ возвеличенія участковаго землевладѣнія, съ особенною силою напираете на благосостояніе Малороссіи. Вы говорите, что въ «Малороссіи, насколько можно судить по частнымъ свѣдѣніямъ и явленіямъ, крестьяне, со времени отвобожденія, не бѣднѣютъ, а богатѣютъ; тамъ не слышно такихъ жалобъ на упадокъ крестьянскаго хозяйства, какія раздаются у насъ». Оставимъ князя Васильчикова и развернемъ книгу профессора Янсона на стр. 109: «Масса крестьянъ и въ западныхъ губерніяхъ, несмотря на помощь, оказанную имъ указами 1863 г., далеко не можетъ нетолько уплатить съ своихъ надѣловъ подати и повинности, но и доставить средства существованія своимъ семействамъ. Въ одной изъ самыхъ богатыхъ мѣстностей юго-западнаго края, въ Староконстантиновскомъ Уѣздѣ, Волынской Губерніи, семья изъ трехъ ревизскихъ душъ, при 6½ дес. земли, платя податей и выкупныхъ платежей 25 рублей, при хорошемъ урожаѣ не досчитываетъ въ своемъ бюджетѣ 50 руб, а при среднемъ 120 рублей; при 10-ти почти десятинахъ на три ревиз. души и при 5-ти наличныхъ взрослыхъ и 4-хъ малолѣткахъ, другая семья не досчитывается 100 руб. Въ Кременецкомъ Уѣздѣ, несмотря на хорошіе урожаи, крестьянское хозяйство не въ состояніи съ земельнаго надѣла покрывать свои расходы и имѣетъ постоянный дефицитъ, цифра котораго колеблется между 56 и 60 руб. Въ Дубенскомъ Уѣздѣ выкупныхъ податей и земскихъ повинностей, въ 1864 году, на крестьянахъ, надѣленныхъ полевой землей, считалось 154,030 рублей; дохода же они получали отъ земли 167,390 руб., оставалось 12,360 руб. на удовлетвореніе всѣхъ

потребностей, кромѣ прокормленія 6,015 дворовъ, или по 2 руб. на дворъ. Необходимое для удовлетворенія этихъ потребностей количество денегъ должно быть заработано крестьянами у помѣщиковъ. О Кіевской Губерніи еще въ 1867 г. писали, что надѣлъ въ $4^{1}/_{2}$ десятины можетъ прокормить семейство, состоящее изъ 2-хъ взрослыхъ и 2-хъ неработниковъ; подати надо заработать. Тоже самое и теперь повторяетъ г. Чубинскій въ докладѣ юго западному отдѣлу географическаго общества: «земля можетъ только прокормить крестьянина; она не даетъ даже всей суммы на покрытіе расходовъ по податямъ и косвеннымъ налогамъ (вино, соль).» О Подольской Губерніи доклады комиссіи по изслѣдованію положенія сельскаго хозяйства говорятъ: «При настоящемъ надѣлѣ, крестьянинъ доходомъ отъ земли можетъ покрыть всѣ сборы, а для содержанія семьи долженъ заработать внѣ своего надѣла, или, наоборотъ, надѣлъ даетъ крестьянину возможность, при среднемъ урожаѣ, прокормить и одѣть свою семью и прокормить скотъ, но для уплаты повинностей, для ремонта скота и построекъ прибѣгать онъ долженъ къ заработку.» Въ лучшихъ уѣздахъ Кіевской Губерніи (1-я мѣстность) еще въ 1866 году разсчитывалась доходность десятины надѣла въ 1 руб. 12 коп., а сумма платежей, на ней лежащихъ, въ 2 руб. 60 коп. По средней оцѣнкѣ крестьянской земли на основ. ст. 158-й мѣстнаго положенія и Высочайшаго повелѣнія 2-го сентября 1864 г., доходность крестьянской земли въ тѣхъ же уѣздахъ опредѣлена въ 2 руб. съ десятины, а вообще по Кіевской Губерніи въ 1 руб. 61 коп., тогда какъ въ средней полосѣ губерніи платежи достигли 3 руб. 26 коп. Трудно представить себѣ что-нибудь бѣдственнѣе положенія крестьянъ въ полѣсской части Западнаго Края; съ нимъ можетъ развѣ сравниться положеніе крестьянъ мглинскихъ, суражскихъ и смоленскихъ». И т. д., и т. д.

Но все, конечно, это—вздоръ. «Всѣ эти цифры суть не болѣе какъ «возгласы», на которые вами уже данъ рѣшительный отвѣтъ. Говоря, однако, серьёзно, вы никакого отвѣта не дали и ничего, кромѣ собственнаго почти невѣроятнаго легкомыслія, не показали. Пойдемъ дальше.

Несмотря на бѣдственное положеніе угла Россіи, незнающаго общины, вы стойте на томъ, что вся бѣда именно отъ общины. Размѣры же крестьянскихъ надѣловъ и платежей не оставляютъ ничего желать: первые столь велики, а вторые столь малы, что мужикъ долженъ бы былъ благоденствовать. Значитъ, и измѣненій никакихъ въ этомъ направленіи не требуется. Что же требуется? При всемъ желаніи уловить въ шумахъ вашихъ словъ о свободѣ и европейскомъ просвѣщеніи какую-нибудь опредѣленную программу, я могъ уловить только одно положительное требованіе, правда, довольно побочное въ дѣлѣ «землевладѣнія и земледѣлія», но, тѣмъ не менѣе, поучительное. Вы находите, что «у насъ теперь много (?) заботятся объ устройствѣ

сельскихъ школъ и этому нельзя не сочувствовать; но не здѣсь лежитъ главное зло: оно заключается въ недостаточномъ образованіи высшихъ классовъ; въ гражданскомъ быту, такъ же какъ и на полѣ брани, мы нуждаемся не въ хорошихъ солдатахъ, а въ образованныхъ начальникахъ» (222). Ученые люди! вы не умѣете логически мыслить: на полѣ брани мы потому не нуждаемся въ хорошихъ солдатахъ, что они на лицо. Можете ли вы то же самое сказать о просвѣщеніи народной массы? Я, однако, вполнѣ соглашаюсь съ вами, что образованіе нашихъ высшихъ классовъ крайне недостаточно, и отъ души желалъ бы нашему обществу, по крайней-мѣрѣ, такой степени образованія, которая дозволила бы всѣмъ и каждому по достоинству оцѣнивать ваши ученыя заслуги.

Затѣмъ вы, конечно, истинные «патріоты своего отечества», а не что̀ либо другое, желаете Россіи всякаго преуспѣянія и полагаете, что послѣднее можетъ быть достигнуто только тѣмъ же самымъ путемъ, какимъ шла исторія западной Европы. Кн. Васильчиковъ другого мнѣнія, и вы за это его не одобряете, но на его картину исторіи аграгрныхъ отношеній въ Европѣ вы не приводите, собственно говоря, ни одного стоющаго возраженія. Въ самомъ дѣлѣ, чего стоютъ, напримѣръ, ваши замѣчанія объ эмиграціи? Кн. Васильчиковъ утверждаетъ, что эмиграція есть признакъ глубокаго соціальнаго разстройства и происходитъ отъ «неравномѣрнаго размѣщенія жителей и недвижимыхъ имуществъ». Вы говорите, что эмиграція имѣетъ иногда другія причины. Никто противъ этого не споритъ; но тѣ факты эмиграціоннаго движенія, которые приводитъ князь Васильчиковъ, несомнѣнно таковы, ка̀къ онъ говоритъ. И вы противъ этого ничего не возражаете, хотя и распинаете князя Васильчикова по поводу эмиграціи на цѣлыхъ четырехъ страницахъ, не обходясь при этомъ безъ противорѣчій и путаницы. Князь Васильчиковъ не трактатъ, не монографію объ эмиграціи пишетъ, а естественно касается только тѣхъ сторонъ ея, которыя находятся въ связи съ его тэмой. Въ другихъ случаяхъ, вы говорите только жалкія слова. Придираясь къ отдѣльнымъ мелочамъ картины, вы вовсе не отрицаете ея общей физіономіи — вы только требуете другого словеснаго выраженія для того же факта. По вашему мнѣнію, эта картина — «какая-то сотканная изъ разныхъ лоскутковъ, вкривь и вкось нашитыхъ, мантія, взятая на прокатъ у западныхъ соціалистовъ и плохо сидящая на княжескихъ плечахъ. «Вся исторія цивилизованнаго человѣчества — продолжаете вы: — представляется князю Васильчикову хаосомъ, въ которомъ не видно дѣйствія общихъ историческихъ законовъ, а только результатъ захвата, грубой силы и эгоистическихъ стремленій меньшинства. Тутъ нигдѣ не выясняется значеніе государства и вліяніе его организаціи на развитіе народной жизни, тутъ нигдѣ не принимаются въ разсчетъ сложныя усло-

зія экономическаго быта и законы, имъ управляющіе. Не даромъ князь Васильчиковъ протестуетъ противъ «ученыхъ авторитетовъ», признающихъ общіе однообразные историческіе законы. Онъ, дѣйствительно, съумѣлъ вполнѣ отрѣшиться отъ принципа, признающаго, что историческая жизнь управляется законами, которые могутъ быть познаваемы разумомъ, и, эманципировавшись отъ руководства разума, успѣлъ создать историческую картину, которая отражаетъ на себѣ не дѣйствительность, а хаотическое состояніе ума и понятій автора... Можно ли въ наше время, когда все глубже проникаетъ въ общество убѣжденіе во владычествѣ общихъ законовъ и отсутствіи произвола и случайности въ жизни человѣчества, когда все болѣе сознаётся необходимость изучать историческую жизнь народовъ въ связи съ политическими и экономическими законами, когда *историческій* методъ объясненія становится господствующимъ во всѣхъ наукахъ—можно ли теперь позволять себѣ морочить русскихъ читателей «историческими обзорами», которые строютъ исторію на принципѣ произвола и видятъ въ ней только рядъ уголовныхъ преступленій и мошенничества? (70).

Сильно сказано. Но, вѣдь, вы, въ сущности, хотите только, чтобы кн. Васильчиковъ называлъ «захваты», «грубую силу» и «эгоистеческія стремленія меньшинства» облагороженнымъ именемъ проявленій исторической необходимости. Сейчасъ видно ученыхъ людей, вступающихся за честь поруганной науки. Сильно сказано, но несовсѣмъ убѣдительно и несовсѣмъ правдиво. Кто не знаетъ, подумаетъ, что книга кн. Васильчикова написана языкомъ террора? а между тѣмъ, «грабежъ» и «разбой» попадаются въ ней, несмотря на ея большой объемъ, едвали не рѣже, чѣмъ въ вашей тоненькой брошюрѣ. Говоря, напримѣръ, объ Англіи, кн. Васильчиковъ замѣчаетъ, что «англійское землевладѣніе должно быть разсмотрѣно и обсуждено съ двухъ сторонъ: одна, внушающая полное уваженіе, это — либеральная политика высшихъ классовъ въ отношеніи гражданской равноправности всего англійскаго народа, другая мрачная и печальная, это — постепенное присвоеніе себѣ тѣми же высшими сословіями всѣхъ имущественныхъ правъ, всего народнаго богатства, всей территоріи государства и послѣдовательное обращеніе прежнихъ землевладѣльцевъ изъ вольныхъ и полныхъ собственниковъ въ обязанныхъ поселянъ, изъ обязанныхъ поселянъ въ арендаторовъ, изъ фермеровъ въ вольныхъ хлѣбопашцевъ и, наконецъ, изъ хлѣбопашцевъ въ поденьщиковъ, чернорабочихъ и пролетаріевъ» (99). Что касается частностей этого процесса, то, говоря о разверстаніи общественныхъ земель, «довершившемъ обезземеленіе низшихъ классовъ и сосредоточившемъ все землевладѣніе въ рукахъ 30,000 богатѣйшихъ собственниковъ», кн. Васильчиковъ пишетъ: «результатъ этотъ тѣмъ болѣе замѣчателенъ, что онъ достигнутъ былъ безъ всякаго со-

дѣйствія правительства, безъ всякихъ насильственныхъ мѣропріятій противъ крестьянъ и при полной свободѣ имущественныхъ правъ» (114). Ну а, напримѣръ, практиковавшаяся въ Англіи и особенно въ Шотландіи такъ называемая «прочистка имѣній», это—такая штука, которую, можетъ быть, даже вы обозвали бы нехорошимъ словомъ, еслибы вамъ довелось писать исторію землевладѣнія. Потому что, видите ли, непреложность историческихъ законовъ нисколько не мѣшаетъ существованію грабежей и мошенничества...

Я увѣренъ, что страстный гимнъ въ защиту непреложныхъ историческихъ законовъ принадлежитъ вамъ, г. Герье, какъ неофиту. Г. Чичеринъ уже давно на этомъ конькѣ ѣздитъ и еще въ предисловіи къ «Исторіи политическихъ ученій» истолокъ въ ступкѣ своего глубокомыслія пестомъ своего разумѣнія Гегеля и Вико для полученія схемы историческихъ законовъ, изъ чего, впрочемъ, ничего, кромѣ кабалистики, не вышло. Другое дѣло—вы. Вы такъ яростно нападали на идею исторической законосообразности—помните, въ «Очеркѣ развитія исторической науки»? — сравнивали ее съ Атиллой бичемъ божьимъ и еще съ какими-то ужасами. Теперь вы спрашиваете: въ наше время, ка̀къ вы хотите безъ историческихъ законовъ? Что-жь, это—дѣло доброе, когда человѣкъ науки приближается къ научному пониманію вещей. Но вотъ и Кукшина тоже спрашивала: въ наше время, ка̀къ вы хотите безъ эмбріологіи? Вамъ, какъ неофиту, простительно нѣкоторое увлеченіе, даже до забвенія чувствъ, но вашему, болѣе опытному сотруднику слѣдовало бы сказать вамъ: тпру! Впрочемъ, можетъ быть, и онъ, истолокшій Гегеля и Вико, невиненъ? Безъ сомнѣнія, все совершается по извѣстнымъ законамъ, но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы все было добро зѣло и не подлежало нравственному суду. Наглядно вы можете сообразить по слѣдующему примѣру. Палачъ есть, говорятъ, необходимая принадлежность цивилизованнаго общества. Де Мэстръ видѣлъ въ немъ даже что̀-то божественное. Однако, его презираютъ даже тѣ, кто пользуется его услугами и считаетъ себя безъ него небезопаснымъ. Такъ-то и въ исторіи. Я осмѣлился, въ письмѣ къ г. Цитовичу, какъ этого почтеннаго патріота своего отечества, такъ и васъ обоихъ, назвать продуктами и дѣятелями задняго двора исторіи. Я стою и теперь на томъ, что безъ памфлетовъ, подобныхъ вашимъ, исторія настоящаго и въ особенности ближайшаго будущаго времени не обойдется. Но, даже ради обычаевъ эпистолярной формы, я не подпишусь въ концѣ этого письма: уважающій васъ.

Замѣтьте, мимоходомъ, какой можетъ, съ божіей помощью, оборотъ выйти. Вы соціалистовъ не любите. Но, вѣдь, они составляютъ законнѣйшій историческій продуктъ европейской цивилизаціи, да и ка̀къ же бы они, въ самомъ дѣлѣ, могли помимо историческихъ законовъ народиться? А между тѣмъ, въ силу

высокихъ качествъ своего ума и сердца, вы вынуждены ругательски ругать этотъ историческій продуктъ. Мало того. Вы до извѣстной степени справедливо разсуждаете о всеобщности историческихъ законовъ. А потому, стремясь водворить на родной почвѣ европейскую цивилизацію во всѣхъ ея подробностяхъ, вы тѣмъ самымъ водружаете соціализмъ in spe... Бѣда съ этими непреложными историческими законами: никакъ не сообразишь...

Простите, милостивые государи! Я хотѣлъ сгрупировать ваши взгляды, собрать разсыпанную храмину вашихъ идей и не сдѣлалъ этого. Виноватъ, въ этомъ, конечно, я, но виноваты и вы или, если вамъ больше нравится, виноватъ тотъ непреложный историческій законъ, который обязываетъ васъ безпорядочно мыслить и излагать свои мысли (а такой законъ и вправду существуетъ). Впрочемъ, кое-что мы, все таки, добыли: положеніе крестьянъ превосходно—и земли у нихъ много, и платятъ они мало, и просвѣщены они достаточно, сколько ихъ немытому, съ позволенія сказать, рылу приличествуетъ; теперь не до нихъ, теперь надо водружать на ихъ спинахъ цивилизацію, а какъ таковая водружается, на то указываетъ непреложный историческій законъ обезземеленія крестьянъ; распустите общину, оставляя всѣ другія наличныя условія крестьянскаго быта неприкосновенными (то есть просвѣщеніе, надѣлы и платежи), и мужикъ быстро распродастъ свою землю даже въ благословенномъ Кирсановскомъ Уѣздѣ, а ужь на что—рай земной: берега кисельные, рѣки молочныя, въ помѣщикахъ самъ г. Чичеринъ числится...

Эта программа, какъ въ своихъ теоретическихъ посылкахъ, такъ и въ практическихъ выводахъ, рѣзко отличается отъ символа вѣры кн. Васильчикова. И не удивительно, что вы ополчились. Намъ, посторонимъ и неученымъ людямъ, вдвойнѣ любопытно присутствовать при вашей расарѣ. Во первыхъ, рѣшаются, хотя примѣрно, судьбы отечества, а во-вторыхъ, сталкиваются двѣ научныя системы: одна (и эта, къ сожалѣнію, ваша)—ветхозавѣтная, а другая—новая, хотя и не цѣльная, не законченная.

Карлъ Марксъ, какъ неопровержимо доказалъ г. Чичеринъ въ пику всѣмъ нѣмецкимъ ученымъ (ибо почти всѣ они оказались насчетъ Маркса слабы), есть невѣжда и глупый человѣкъ. У него хватило, однако, учености и ума для подбора, у самыхъ разнообразныхъ представителей экономической литературы, цѣлаго арсенала мнѣній, афоризмовъ, положеній, гласящихъ, что «національное богатство есть нищета народа». Это парадоксальное, на первый взглядъ, выраженіе принадлежитъ одному старинному и вполнѣ благонамѣренному ученому, если не ошибаюсь, французскому физіократу, но самая мысль есть едва ли не всеобщее достояніе. Уже на зарѣ экономической науки проницательные люди съ полною ясностью понимали, что ростъ богатства, какъ отвлеченной категоріи, безотносительно къ судьбамъ человѣческой личности и положенію народныхъ массъ, ведетъ къ обѣд-

венію (абсолютному или относительному) этихъ массъ. Благонамѣренность и неблагонамѣренность, консервативныя и разрушительныя тенденціи тутъ рѣшительно не причемъ. Тутъ надо просто имѣть немножко ума, ну и добросовѣстности, конечно. Повторяю, у глупаго и невѣжественнаго Маркса собрана цѣлая коллекція выраженій этого факта, принадлежащихъ представителямъ самыхъ разнообразныхъ партій и интересовъ. Одни выставляютъ эту экономическую аксіому съ задирающею наглостью, другіе съ холодностью естествоиспытателя, третьи съ сердечною болью, но аксіома остается аксіомой. Но, какъ замѣтилъ еще Гоббзъ, математическія аксіомы были бы предметомъ горячихъ споровъ, еслибы ими затрогивались практическіе интересы. Глупость и дрянность несравненно чаще попадаются на улицѣ, чѣмъ умъ и добросовѣстность. И вотъ, съ легкой руки преимущественно французовъ и особенно Бастіà, запуганнаго соціализмомъ, основная экономическая аксіома стала расплываться въ лужѣ якобы научныхъ измышленій. Стали на тысячу ладовъ доказывать и разматывать, что едино есть на потребу: производство и обмѣнъ, что чѣмъ сильнѣе производство и чѣмъ больше обмѣновъ, тѣмъ счастливѣе страна, и что больше не о чемъ заботиться. На этой то ступени развитія экономической науки вы и остановились, милостивые государи. Но спросите любого свѣдущаго, слѣдящаго за ходомъ науки человѣка, это—ступень, давно пройденная. Г. Чичеринъ закончилъ свои статьи въ «Сборникѣ государственнаго невѣжества» обѣщаніемъ перейти во Францію—съ Германіей онъ уже покончилъ Но сама Германія не покончила. И среди многаго въ ней любопытнаго я бы обратилъ особенное ваше вниманіе на такъ называемую этическую или профессорскую экономическую школу. Не потому обращаю я на нее ваше вниманіе, что она замѣчательна своей глубиной или послѣдовательностью. Нѣтъ, этихъ-то качествъ ей, пожалуй, и недостаетъ. Но она достойна вашего профессорскаго вниманія именно, какъ школа профессорская. Все—патентованные ученые, милостивые государи, ваши, такъ сказать, собраты по оружію, и это чрезвычайно замѣчательно, хотя для васъ немножко неудобно, потому что нѣмецкаго то профессора какъ-то ужь совсѣмъ странно исключить изъ инвентаря «западно-европейской науки и цивилизаціи». Вотъ когда вы соблаговолите познакомиться хотя бы съ этой только школой, весьма, мимоходомъ сказать, распространенной и сильной, вы убѣдитесь, до какой степени вы отстали и до какой степени опередилъ васъ кн. Васильчиковъ. Вы увидите, что, съ точки зрѣнія общепризнанной и самой даже благонамѣренной современной науки, по необходимости принявшей въ соображеніе историческій опытъ, данный со временъ блаженной памяти Фредерика Бастіà, благосостояніе народныхъ массъ превалируетъ надъ промышленнымъ и сельско хозяйственнымъ развитіемъ, а слѣдовательно, отнюдь не полагается под-

нимать уровень земледѣлія цѣною обезземеленія земледѣльцевъ. Конечно, въ качествѣ сидящихъ на кисельныхъ берегахъ молочныхъ рѣкъ Кирсановскаго Уѣзда, вы и тогда можете тянуть свою канитель: о «грабежахъ» и «разбояхъ» можно, вѣдь, и безъ помощи науки кричать; даже много удобнѣе. Но вы, по крайней мѣрѣ, лишитесь своей наивности и перестанете смѣшить людей и позорить науку, говоря отъ ея имени. Вы вкусите древа познанія добра и зла и, какъ древле Адамъ и Ева, узнаете, что бѣгаете нагишомъ. Почтенные профессора и вдругъ—нагишомъ! Стыдно, конечно, будетъ, но пребывать совсѣмъ безъ стыда тоже не хорошо. Будущій историкъ русскаго общества будетъ, можетъ быть, неделикатнѣе нетолько кн. Васильчикова, но даже и васъ, и, признавая всю историческую законность вашихъ стараній на пользу родного Кирсановскаго Уѣзда, сопроводитъ ваши имена очень нелестными эпитетами. Лучше же во̀-время устыдиться.

О неизреченной красотѣ науки вы говорите прекрасныя слова. Познакомтесь же съ нею. А теперь вы подаете только дурной примѣръ неуваженія къ наукѣ. И вотъ еще одинъ пунктъ такого неуваженія. Вы, г. Чичеринъ, все еще не можете забыть лавровъ, сомнительнаго, впрочемъ, достоинства, стяжанныхъ вами на статьяхъ «о сельской общинѣ». Старые это лавры, государь мой, и пора бы ихъ забыть! Вы доказывали въ этихъ статьяхъ, что общинное землевладѣніе въ Россіи есть продуктъ правительственной регламентаціи и крѣпостнаго права, введенный въ народную жизнь извнѣ съ чисто фискальными цѣлями. Для практической стороны вопроса о русской общинѣ это довольно безразлично. Самобытно ли, изъ нѣдръ народнаго духа возникла община, или ее установила внѣшняя, посторонняя народу сила—практическій вопросъ состоитъ въ удобствахъ этой формы землевладѣнія. Удобна она, такъ не все ли равно, ка̀къ она народилась? А неудобна, такъ, опять таки, не все ли равно? Форма, во всякомъ случаѣ, живетъ, и съ ней такъ или иначе надо считаться, независимо отъ вопроса о ея происхожденіи. Не счелъ бы я, поэтому, пожалуй, нужнымъ колебать украшающій ваше чело засохшій лавровый вѣнокъ, еслибы вы не такъ упорно за него держались. Дѣло въ томъ, что современная наука открыла слѣды общиннаго землевладѣнія едва ли не на всемъ земномъ шарѣ и, притомъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, съ типическими чертами русской общины, съ періодическими передѣлами участковъ. Вы это сами знаете, потому что совершенно справедливо противопоставляете этотъ фактъ славянофильской увѣренности кн. Васильчикова въ исконномъ отличіи народнаго русскаго быта отъ западно-европейскаго. Дѣйствительно, пора съ этими бреднями кончить. Онѣ—нетолько бредни, а вредные бредни. Онѣ плодятъ людей, до такой степени увѣренныхъ въ вѣковѣчной особности русскаго народа, что они и не замѣтятъ, ка̀къ, бла-

годаря стараніямъ вашимъ, г. Цитовича и другихъ теоретиковъ и практиковъ, которые не замедлятъ явиться, русская община растаетъ, какъ воскъ предъ лицемъ огня Но, государь мой, если общинное землевладѣніе, судя по аналогіи, существовало рѣшительно вездѣ и во всякомъ случаѣ существовало и существуетъ въ мѣстахъ, не знавшихъ ни крѣпостнаго права, ни фискальныхъ цѣлей (какъ, напримѣръ, у многихъ дикарей), то ваша теорія происхожденія русской общины весьма мало надежна. По крайней мѣрѣ, она нуждается въ новой аргументаціи, и ка̀къ ни велики, ка̀къ ни знамениты статьи «О сельской общинѣ» и «Еще о сельской общинѣ», но, въ виду современнаго состоянія науки, простой ссылки на нихъ маловато. Значитъ, вамъ опять-таки поучиться надо. Что̀ дѣлать: «вѣкъ живи, вѣкъ учись», даже послѣ основательнаго изученія таблицы умноженія. Примите благодушно этотъ совѣтъ человѣка, искренно желающаго у васъ поучиться, когда вы сами чему нибудь научитесь.

Н. М.

1-го іюля вышла и разослана подписчикамъ VII-я, іюльская, книга историческаго журнала:

„РУССКАЯ СТАРИНА"

СОДЕРЖАНІЕ КНИГИ: I. **Воспоминанія Т. П. Пассекъ.**—II. **Георгій Новицкій,** біографическій очеркъ (окончаніе).—III. **Записки Ивана Степановича Жиркевича,** 1789 — 1848 гг. (продолженіе): пребываніе въ С.-Петербургѣ. — Назначеніе симбирскимъ губернаторомъ. — Представленіе Государю.—Рѣчь Императора Николая Павловича и проч., 1834—1835 гг. — IV. **И. К. Айвазовскій** и его художественная дѣятельность (продолженіе).—V. **Россія и Турція** въ 1664 г.—VI. **Овладѣніе Дарданелами,** въ 1783 г.: проэктъ и замѣчанія Грейга и князя .Потемкина.—VII **Баязидское славное сидѣнье** съ 5-го по 23-е іюня 1877-го года, разсказъ вѣстника, посланнаго отъ осажденныхъ за помощью.—VIII. **Разсказы, очерки, замѣтки и пѣсни** (пятнадцать статей, между прочими: Скитскій трапезникъ.—Скопческія пѣсни.—Куликово поле въ С.-Петербургѣ въ 1831 году. — Карточный должокъ А. С. Пушкина въ 1819 году и проч., и проч.).—IX. Некрологъ: **А. И. Селинъ,** † 17-го марта 1877 г. и **И. А. Анненковъ,** † 27-го января 1878 г.—X Родословіе: **Скобелевыхъ.** — XI Библіографическій листокъ.

Памятникъ Восточной войны 1877 — 1878 гг., заключающій въ себѣ въ алфавитномъ порядкѣ, біографическіе очерки всѣхъ отличавшихся, убитыхъ, раненыхъ и контуженныхъ. Составилъ *А. Старчевскій.* Спб. Ц. 1 р. 50 к.; вѣс. 2 ф.

Петербургская львица. Повѣсть изъ великосвѣтской жизни Е. Д. Спб. Ц. 60 к.; вѣс. 1 ф.

Никольскій, А. Паденіе Плевны. Чтеніе для войскъ и народа. Съ 4 портр. героевъ Плевны. Спб. Ц. 15 к.

Ельницкій, К. Методика начальнаго обученія отечественному языку. Для учительскихъ институтовъ, семинарій, педагогическихъ классовъ при женскихъ гимазіяхъ и для начальныхъ учителей и учительницъ. Спб. Ц. 50 к.; вѣс. 1 ф.

Поливановъ, Л. Русская Хрестоматія. Часть III для 5, 6, 7 и 8 классовъ среднеучебныхъ заведеній. Пособіе при практическомъ изученіи стилистики, теоріи прозы и поэзіи, и при руководствованіи учениковъ въ сочиненіяхъ. Съ приложеніемъ краткой теоріи слога, прозы и поэзіи, разборъ и многихъ примѣчаній и сборникъ для класснаго и внѣкласснаго чтенія. М. Ц. 2 р. 25 к.; вѣс. 5 ф.

— Очень просто: легкомысліе непохвально, а я былъ слишкомъ легкомысленъ.

— Въ чемъ?

— Да вѣдь письмо попало въ руки Ады только по моему легкомыслію.

Темпль взглянулъ съ изумленіемъ на Софтлея, и съ какимъ-то инстинктивнымъ безпокойствомъ промолвилъ:

— Но позвольте, кàкъ могли вы помѣшать письму дойти до нея? Оно было адресовано не на ваше имя.

— Или я совсѣмъ отупѣлъ, или вы, Дикъ, бредите, воскликнулъ Софтлей со смѣхомъ:—такъ вы хотите сказать, что я не имѣлъ никакого права на свое письмо.

— Я очень сожалѣю, сэръ, что вы играете словами, замѣтилъ Темпль, выходя изъ себя:—вѣдь, вы прекрасно знаете, о какомъ письмѣ мы говоримъ.

— Еще бы, о письмѣ, которое было адресовано на мое имя, въ гостиницу, гдѣ я живу.

— Нисколько, сэръ. Я считаю долгомъ еще разъ засвидѣтельствовать то глубокое чувство уваженія, которое возбуждаетъ во мнѣ ваше великодушное поведеніе относительно меня и этой молодой дѣвушки, но позвольте мнѣ все же заявить, что письмо писано не вамъ, и перехватывать его было неблагородно.

Юный девонширецъ широко раскрылъ глаза отъ удивленія и нѣсколько минутъ не могъ произнести ни слова.

— Мы всѣ, кажется, сошли съ ума, воскликнулъ онъ, наконецъ:—мистеръ Моллетъ, вы, утверждаете, что все знаете, потрудитесь мнѣ объяснить, чтò это значитъ?

Впродолженіи нѣсколькихъ минутъ, Молетъ страшно измѣнился, улыбка торжества на его устахъ исчезла, лице вытянулось.

— Дѣло въ томъ... что... началъ онъ.

— Говори, говори, Джэкъ! воскликнулъ Темпль.

— Дѣло въ томъ, что тутъ вѣрно какое-нибудь страшное недоразумѣніе. Увѣрены ли вы оба, что вы говорите объ одномъ и томъ же письмѣ?

— Я говорю о томъ письмѣ, которое я написалъ два дня тому назадъ молодой дѣвушкѣ, произнесъ съ жаромъ Темпль:—высказывая ей всю мою пламенную любовь и...

— Чтò? воскликнулъ Софтлей громовымъ голосомъ.

— Я въ этомъ письмѣ объяснилъ, продолжалъ Темпль съ отчаяніемъ, не обращая вниманія на знаки Моллета:—что былъ увѣренъ въ безнадежности своей любви и жаждалъ только нѣсколько добрыхъ, сочувственныхъ словъ, которыя могли бы при-

дать мнѣ достаточно силъ, чтобъ перенести мужественно горькія послѣдствія моего признанія. И это письмо, повторяю, было адресовано не вамъ, а ей самой.

Невозможно описать перомъ, какое впечатлѣніе произвели эти слова на молодого человѣка. Онъ прежде вскочилъ со стула, а потомъ также поспѣшно сѣлъ, при этомъ, лицо его побагровѣло, и черезъ нѣсколько минутъ смертельно поблѣднѣло. Наконецъ, онъ снова вскочилъ и, топая ногами, громко захохоталъ.

— Никогда чортъ не выдумывалъ на горе людямъ такого ужаснаго стеченія обстоятельствъ, воскликнулъ онъ: — вы были откровенны со мною, Дикъ, позвольте и мнѣ отплатить вамъ той же монетой. Вотъ письмо, о которомъ я говорилъ.

И вынувъ изъ бумажника письмо, написанное женскимъ почеркомъ, онъ подалъ его своему двоюродному брату.

— Вы видите, что я говорилъ правду, утверждая, что оно адресовано мнѣ, прибавилъ онъ.

— Такъ вы объ этомъ письмѣ упоминали во вчерашней запискѣ?

— Да, прочтите его.

— Но...

— Прочтите, прошу васъ. Или, можетъ быть, нашъ общій другъ Молетъ прочтетъ намъ письмо вслухъ.

Молетъ вынулъ маленькое письмецо изъ конверта и прочелъ слѣдующее:

«Милый Сомъ, ты съ удовольствіемъ узнаешь, что мнѣ гораздо лучше, т. е. я здорова настолько, насколько я могу быть, мой милый, вдали отъ тебя. Еслибъ я не была увѣрена вполнѣ въ твоей любви, то была бы совершенно несчастна. Но есть на свѣтѣ любовь, презирающая пространство, и такой любовью мы связаны. Только пиши, пиши по чаще, длинныя, хорошія письма къ твоей до глубочайшихъ изгибовъ сердца

Еленѣ Брейтвэтъ».

Нельзя сказать, чтобы Темпль очень внимательно слушалъ чтеніе, но при имени Брейтвэтъ, онъ поднялъ голову:

— Брейтвэтъ, повторилъ онъ:—я слыхалъ это имя. Это знаменитый желѣзнодорожникъ и инженеръ, у котораго большое помѣстье по сосѣдству съ тёткой Тобитой.

— Да.

— Елена, если я не ошибаюсь, его единственная дочь.

— Вы не ошибаетесь, отвѣчалъ холодно Софтлей: — я впродолженіи многихъ мѣсяцевъ ухаживалъ за миссъ Еленой Брейтвэтъ, и, какъ вы видите по этому письму, которое, конечно,

останется для всѣхъ тайной, не правда ли, наша любовь взаимная?

— Но, съ тѣмъ вмѣстѣ, вы признаете, что вели себя все это время не такъ, ка̀къ слѣдовало бы джентльмэну! воскликнулъ горячій Темпль.

— Что̀ вы хотите сказать?

— Только то, что вы, въ одно и тоже время, систематически обманывали молодую дѣвушку, которая, живя подъ кровомъ вашей тётки, могла вдвойнѣ считать себя безопасной отъ вашихъ преслѣдованій.

— Не могу скрыть, что эти слова страшно звучатъ въ вашихъ устахъ, отвѣчалъ Софтлей со смѣхомъ:—вы намекаете...

— Я просто говорю, что вы были въ глазахъ всѣхъ женихомъ Ады.

— И по этой причинѣ, вы, мой достопочтенный, двоюродный братецъ, сочли себя вправѣ написать ей письмо съ пламеннымъ объясненіемъ въ любви? Но не будемъ ссориться, Дикъ, по крайней мѣрѣ, прежде, чѣмъ мы совершенно выяснимъ наше взаимное положеніе. Увѣряя, что я обманулъ Аду, вы такъ же неосновательны, какъ наша почтенная тётка. Я это рѣшительно отрицаю. Между нами не было никакихъ нѣжныхъ отношеній.

Несмотря на всю радость Темпля при этомъ чистосердечномъ признаніи, онъ замѣтилъ съ достоинствомъ:

— Однако, тётка Тобита думала иначе.

— Я не виноватъ, что она и вы объясняете простую братскую фамильярность болѣе глубокимъ чувствомъ. Но, во всякомъ случаѣ, сама Ада — лучшій судья въ этомъ дѣлѣ!

— И она васъ оправдываетъ?

— Еще бы! во все время, какъ я ее знаю, она ни разу не намекнула мнѣ, что смотритъ на меня, какъ на поклонника, а, тѣмъ болѣе—жениха. Правда, она часто смѣялась надо мною. но это—еще не доказательство, что она смотритъ на меня, какъ на своего будущаго мужа.

— Но я знаю по горькому опыту, что, при такихъ обстоятельствахъ, настоящія чувства человѣка можно очень легко истолковать ложно.

— Успокойтесь, въ этомъ случаѣ ничего не было подобнаго. Впрочемъ, я не утверждаю, чтобъ никогда не имѣлъ намѣренья жениться на Адѣ. Болѣе года я ухаживалъ за нею, но все тщетно. Тогда я не могъ понять ея холодности, но теперь мнѣ все ясно.

— Неужели? воскликнулъ Темпль съ жаромъ.

— Конечно. Ея и ваше поведеніе въ эти послѣдніе дни, ка-

жется, довольно ясны. Но, въ такомъ случаѣ, меня скорѣе надо хвалить, чѣмъ бранить, за то, что я не влюбился въ воспитанницу нашей почтенной тётки. Однако, надо же мнѣ вамъ объяснить, въ какомъ незавидномъ положеніи я нахожусь. Какъ я уже сказалъ, я получилъ письмо Елены, т. е. миссъ Брейтвэтъ, утромъ, на слѣдующій день послѣ пріѣзда тётки, среди хлопотъ о нашей бѣдной больной; по легкомыслію, я забылъ его на столѣ. и, когда вернулся, черезъ пять минутъ за нимъ, то уже было поздно.

— Ада его уже прочла?

— Да, и что̀ гораздо хуже, она ради шутки, вѣроятно, показала письмо тёткѣ Тобитѣ.

— Когда это было? спросилъ поспѣшно Темпль, разсчитывая, когда его письмо могло дойти до молодой дѣвушки.

— Утромъ, третьяго дня, передъ самымъ моимъ отъѣздомъ въ Сомерсетширъ, но онѣ обѣ скрыли это обстоятельство отъ меня до моего возвращенія вчера, вечеромъ.

— И тогда задали вамъ?

— Не Ада, а тётка Тобита. Она на меня набросилась, какъ звѣрь. Право, еслибъ я подозрѣвалъ, то удвоилъ бы старанія пріобрѣсть руку Ады. Никогда въ жизни я не былъ такъ прижатъ къ стѣнѣ и очень сожалѣю, что не было въ комнатѣ Ады, чтобы меня защитить.

— Гдѣ же она была?

— Должно быть неподалеку, какъ и оказалось впослѣдствіи, и, вѣроятно, она слышала всѣ непріятные эпитеты, которыми меня забросала тётка. Она обвиняла меня въ измѣнѣ, коварствѣ. обманѣ и пр. и пр. Она прямо объявила, наконецъ, что я былъ въ пятьдесятъ разъ хуже васъ, Дикъ.

— Такъ и мое имя упоминалось? спросилъ съ безпокойствомъ Темпль.

— Нетолько упоминалось, но она говорила о васъ очень много, хотя еслибъ вы слышали ея слова, то не были бы очень польщены ими.

— Что̀ же она говорила? намекала она на мое прошедшее поведеніе? Ну, скорѣе переходите къ заключенію вашего разсказа.

— Заключеніе очень просто. Я со срамомъ изгнанъ тёткою. Она назвала насъ съ вами несчастными заговорщиками и объявила, что была бы очень рада, еслибъ насъ завязали въ одинъ мѣшокъ и бросили въ воду. Я никакъ не могъ понять, почему мы заговорщики, но теперь это ясно послѣ вашего признанія, что вы писали къ Адѣ.

— Такъ она ни слова не сказала объ этомъ письмѣ?

— Ни слова. Я думаю, что она намѣревалась повести о немъ бесѣду, когда Ада вбѣжала въ комнату и зажала ей ротъ поцѣлуемъ.

— Неужели вы полагаете, что мил... что Ада нарочно стала цѣловать тётку, чтобъ удержать ее отъ брани противъ меня! воскликнулъ Темпль, вскакивая со стула съ такой быстротою, что стулъ упалъ съ трескомъ.

— Въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія. Случайно никто не бросится на шею другому.

— А сказала она что̀-нибудь? спросилъ Темпль въ сильномъ волненіи

— «Что же касается до твоего двоюроднаго братца», начала тётка, а тутъ Ада, вбѣжавъ въ комнату, со слезами на глазахъ воскликнула: «Пожалуйста, тётя, не говорите о немъ ради меня. Бѣдный, ка̀къ онъ должно быть много выстрадалъ въ послѣднее время!

— А тётка что̀ на это сказала?

— «Пустяки—вотъ все, что̀ она удостоила произнести и обернулась къ окну. Я никогда не видывалъ, чтобы женщина приходила въ такую ярость, какъ она въ эту минуту.

— Милая, эксцентричная старуха! воскликнулъ Темпль:—такъ она плакала, Сэмъ, и пожалѣла обо мнѣ?

— Кто, наша многоуважаемая тётка?

— Нѣтъ, Ада. И вы хорошо помните, что она сказала «онъ, должно быть, много выстрадалъ въ послѣднее время».

— Да.

Темпль замолчалъ, но послѣ довольно продолжительнаго размышленія неожиданно спросилъ:

— А мистеръ Брейтвэтъ знаетъ о вашей любви къ его дочери?

— Знаетъ и, что̀ еще важнѣе, вполнѣ сочувствуетъ моему браку, отвѣчалъ Софтлей:—ужь если дѣло пошло на откровенности, то я не скрою отъ васъ, что этотъ старый скряга прямо обѣщалъ взять меня къ себѣ въ компаньйоны, если я предамся дѣлу всею душею.

— Чортъ возьми! вы счастливый—человѣкъ, Сэмъ! воскликнулъ Темпль, смотря съ восхищеніемъ на своего двоюроднаго брата:—ка̀къ имѣли вы силы скрыть отъ всѣхъ ваши свѣтлыя надежды? Вѣдь счастье не такъ часто случается на свѣтѣ, какъ горе, и имъ слѣдуетъ всегда дѣлиться. Миссъ Елена—его единственная дочь, если я не ошибаюсь.

— Да, единственная, отвѣчалъ Софтлей спокойно:—а онъ—

вдовецъ, такъ что, я полагаю, миссъ Елена, послѣ смерти отца, получитъ порядочно.

— Порядочно, ка̀къ бы не такъ, замѣтилъ Темпль:—старикъ Брейтвэтъ... виноватъ—вашъ будущій тесть, говорятъ, ужасно богатъ.

— Не знаю, до какой ужасной степени онъ богатъ, но у него есть деньги и много, для человѣка въ его положеніи, сказалъ Софтлей и, хлопнувъ руками по колѣнкамъ обоихъ своихъ слушателей, прибавилъ:—но помните, что богатство отца тутъ ни причемъ, и я его не считаю въ числѣ достоинствъ моей невѣвѣсты. Я нарочно объ этомъ упоминаю, ибо наша почтенная тётка намекнула, что, вѣроятно, по этой причинѣ я и люблю Елену.

— Она прямо это сказала?

— Да и еще многое другое, въ чемъ, она, вѣроятно, потомъ раскаялась. Напримѣръ, по ея словамъ, мистеръ Брейтвэтъ, конечно, допустилъ меня ухаживать за его дочерью только потому, что считалъ меня ея наслѣдникомъ. «Мы увидимъ, что̀ онъ скажетъ, произнесла она съ гнѣвомъ:—когда онъ узнаетъ, что всѣ ваши надежды въ этомъ отношеніи погибли на вѣки».

— Но, вѣдь, это она говорила серьёзно, промолвилъ Темпль

— Очень серьёзно. Тётка Тобита на вѣтеръ ничего не говоритъ, отвѣчалъ юноша спокойно: — но, если я и сожалѣю, что безъ намѣренья ее оскорбилъ, то самый фактъ лишенія меня наслѣдства, а, главное, всякихъ средствъ къ теперешнему существованію, меня нисколько не огорчаетъ. Напротивъ, это обстоятольство только ускоритъ то, что она такъ не желаетъ. Я сегодня же напишу Еленѣ и ея отцу, что готовъ немедленно бросить свою праздную жизнь и всецѣло посвятить себя желѣзнодорожному дѣлу и семейному счастью. Я объ одномъ только сожалѣю, расторженіи нашего веселаго товарищества, которое, я надѣялся, продлится хоть полгода. Вамъ, друзья, остается теперь послѣдовать моему примѣру, остепениться и стать полезными членами общества, прибавилъ юноша съ веселымъ смѣхомъ.

Дикъ добродушно расхохотался, но Джэкъ Моллетъ, имѣвшій свои частныя и личныя причины для безпокойства замѣтилъ, что онъ съ удовольствіемъ первый поѣдетъ по той линіи, которую проведетъ новое свѣтило въ желѣзнодорожномъ мірѣ мистеръ Самюэль Софтлей. Конечно, въ этихъ словахъ заключалась нѣкоторая доля сарказма и недовѣрія къ свѣтлымъ надеждамъ юноши, зато Дикъ отнесся къ нимъ очень сочувственно. Онъ самъ, благодаря разсказу Софтлея, пересталъ отчаяваться и лучъ надежды снова блеснулъ въ окружавшемъ его мракѣ, а

поэтому, хотя онъ ничего не отвѣчалъ на приглашеніе двоюроднаго брата послѣдовать его примѣру и жениться, но въ глубинѣ души началъ съ новой силой обдумывать возможность подобнаго счастья.

— Ахъ, да! произнесъ онъ:—ты, Джэкъ, кой-чему учился по инженерному дѣлу?

— Да, но это никогда ни къ чему не пригодится.

— Не знаю; вотъ нашъ другъ Софтлей, вѣроятно, не откажется помочь тебѣ и легко найдетъ мѣстечко за 300 или 400 ф. ст. жалованія.

— Я думаю, что никто изъ васъ въ этомъ не сомнѣвается. Я буду очень счастливъ сдѣлать все, что̀ могу для мистера Моллета, поспѣшно произнесъ Софтлей, который не уступалъ Дику въ игрѣ фантазіи и уже воображалъ себя компаньйономъ фирмы Брейтвэтъ и выдающимъ чеки на 100,000 ф. ст.:—если все пойдетъ хорошо, въ чемъ кажется нельзя сомнѣваться, то, конечно, будетъ не трудно устроить, но я не желалъ бы заранѣе брать на себя обязательства на счетъ размѣра жалованья. Только я не подозрѣвалъ, мистеръ Моллетъ, что вы желаете заняться практическимъ инженернымъ дѣломъ.

— О! да, я этого желаю, произнесъ Моллетъ торжественно:— безъ этихъ занятій моя жизнь никогда не будетъ райскимъ блаженствомъ.

— Дѣло въ томъ, замѣтилъ со смѣхомъ Дикъ: — что нашъ другъ Джэкъ получилъ сегодня непріятное извѣстіе, уничтожившее его всегдашнюю веселость. Неожиданно изсякъ источникъ финансовыхъ его средствъ, и онъ... ну ка̀къ же, Джэкъ, выразиться подилекатнѣе?..

— Раздавленъ, уничтоженъ, отвѣчалъ Моллетъ съ горькой улыбкой: — пятьдесятъ фунтовыхъ бумажекъ составляютъ все мое богатство, а долговъ я имѣю вдвое болѣе. Если вы будете впослѣдствіи членомъ парламента, что̀ очень возможно въ виду вашего блестящаго положенія, то, ради общаго блага, внесите билль о лишеніи права вдовъ выходить вторично замужъ.

Бросивъ этотъ темный намёкъ на безпокоившее его обстоятельство, Моллетъ предоставилъ Софтлею самому отгадывать дальнѣйшія подробности. Но это оказалось не очень труднымъ. Дѣло было въ томъ, что мать Джэка, бывшая вдовою много лѣтъ, щедро поддерживала своего единственнаго сына изъ своихъ достаточныхъ средствъ, отказанныхъ ей покойнымъ мужемъ, поощряя его къ праздной жизни. Но вдругъ, не посовѣтовавшись даже съ Джэкомъ, она, на пятидесятомъ году отъ роду, вышла замужъ за вдовца одинаковыхъ съ нею лѣтъ, но не отличавшагося ея щедростью къ

взрослымъ сыновьямъ. Управленіе всѣми ея дѣлами естественно перешло въ руки мужа, и онъ аккуратно уплатилъ два раза на содержаніе Джэка, но, при отправкѣ денегъ въ третій разъ, приложилъ длинное письмо, въ которомъ, среди многихъ полезныхъ, благоразумныхъ и чисто родительскихъ совѣтовъ, прямо высказалъ, что не желаетъ долѣе поощрять молодого человѣка въ вредной для здоровья и души праздной жизни, а потому впредь не будетъ болѣе высылать ему денегъ, предоставляя милому Джэку, какъ уже слѣдовало давно, пользоваться вполнѣ своей независимостью и данными ему природою блестящими способностями.

При этихъ обстоятельствахъ, близкія отношенія Софтлея къ богатому желѣзнодорожнику мистеру Брейтвэту были какъ нельзя болѣе кстати бѣдному Моллету. Онъ съ искренней благодарностью жалъ руку Софтлею и снова повеселѣлъ, даже предложилъ, въ знакъ признательности къ благородному поступку девонширскаго юноши, взять на свой счетъ ложу въ театрѣ и угостить потомъ товарищей ужиномъ. Софтлей охотно согласился, но Дикъ Темпль покачалъ головой.

— Нѣтъ, друзья мои, сказалъ онъ весело: — я съ большимъ удовольствіемъ провелъ бы съ вами цѣлый день, но я занятъ—я отправляюсь къ тёткѣ Тобитѣ и Адѣ, если это вамъ не претитъ, братецъ Сэмъ.

— Нисколько, но это невозможно.

— Отчего?

— Онѣ уѣхали домой по послѣднему поѣзду, взявъ съ собой Мэджи.

— Зачѣмъ такъ скоро? воскликнулъ Дикъ, поблѣднѣвъ.

— Я именно предложилъ этотъ вопросъ почтенной старушкѣ, и она отвѣтила довольно грустно, что, послѣ всего случившагося, ни ей, ни Адѣ не слѣдовало оставаться болѣе въ Лондонѣ. Она еще прибавила: «скажите мистеру Ричарду Темплю, что я изъ дома напишу ему.»

— Ада была при этомъ? спросилъ Дикъ мрачно.

— Была и что̀-то замѣтила по этому поводу, но право я забылъ, что̀ она сказала, впрочемъ, ничего важнаго.

— Оно, можетъ быть, не важно для васъ! воскликнулъ Дикъ съ нетерпѣніемъ:—но мнѣ каждое ея слово—жизненный вопросъ! Постарайся припомнить, голубчикъ!

— Ахъ да... она сказала: «передайте ему, что письмо будетъ исключительно отъ тётки.»

— Да благословитъ ее Господь за это небольшое утѣшеніе! произнесъ Дикъ съ чувствомъ: — если уже суждено почтѣ руко-

водить нашей судьбой, то намъ остается только ждать терпѣливо. Пойдемте въ театръ.

Они дѣйствительно отправились въ театръ, а потомъ великолѣпно поужинали, не жалѣя ни своихъ головъ, ни кошелька Моллета. По крайней мѣрѣ, этотъ послѣднiй имѣлъ удовольствiе предлагать разъ двѣнадцать тостъ «за процвѣтанiе желѣзнодорожнаго дѣла и Брейтвета, какъ одного изъ столповъ этого полезнаго института». Одинъ Темпль былъ не совсѣмъ веселъ и, не отказываясь отъ своей доли шампанскаго, никакъ не могъ уяснить себѣ настоящiй смыслъ послѣднихъ словъ Ады: «письмо будетъ *исключительно* отъ тётки.»

IX.

Спустя два дня, наши друзья сидѣли снова въ квартирѣ Ричарда Темпля, но всѣ они были такъ взволнованы, что набюдательная, зоркая служанка, Мэри Джэнъ, таинственно передала своей сосѣдкѣ, что съ молодыми людьми случилось что-то необыкновенное: вѣроятно, они получили дурныя извѣстiя, такъ какъ ея господинъ и его провинцiальный прiятель читали письмо.

Увы! это была правда. Конечно, Софтлей поступилъ бы гораздо благоразумнѣе, еслибъ не писалъ прелестной Еленѣ и ея практическому отцу тотчасъ послѣ ужина съ шампанскимъ, но извиненiемъ ему могло служить то обстоятельство, что онъ выпилъ, быть можетъ болѣе, чѣмъ слѣдуетъ, съ твердою, однако, рѣшимостью никогда не предаваться подобнымъ кутежамъ. А разъ подъ влiянiемъ винныхъ паровъ, ему показалось, что медленность совершенно противорѣчила его будущей желѣзнодорожной дѣятельности, и вотъ, возвратясь домой, онъ тотчасъ написалъ два письма и отдалъ ихъ ночному сторожу съ просьбою опустить въ почтовый ящикъ. Покончивъ съ этимъ дѣломъ, онъ легъ спать въ очень хорошемъ настроенiи духа и вскорѣ заснулъ, обдумывая грандiозный планъ тунеля подъ Бискайскимъ Морѣмъ.

Отличаясь, прежде всего, благородной, прямой душой, Софтлей ничего не скрывъ отъ мистера Брейтвэта, очень подробно и добросовѣстно описалъ, какъ, разсердивъ тётку, онъ лишился всякой надежды сдѣлаться ея наслѣдникомъ и тѣмъ поставилъ себя въ необходимость разсчитывать только на свою дѣятельность и трудолюбiе, что̀ было очень полезно, такъ какъ необходимость работать только удесятеритъ его энергiю. Этотъ послѣднiй ар-

гументъ казался Софтлею очень ловко подобраннымъ въ посланіи къ практическому, дѣловому инженеру. Письмо его къ Еленѣ было, конечно, въ иномъ, болѣе нѣжномъ духѣ, но и тутъ истина не была омрачена ни малѣйшей тѣнью обмана. Онъ прямо говорилъ, что тётка самымъ нелѣпымъ образомъ приписала ему желаніе жениться на Адѣ, которую онъ могъ только уважать, въ виду его пламенной любви къ Еленѣ. «Я, прибавлялъ онъ:—изъ осторожности не упомянулъ въ письмѣ къ вашему отцу о безсмысленной инсинуаціи тётки, такъ какъ онъ поощряетъ мое ухаживаніе за вами. только рзсчитывая на мое наслѣдство; но, конечно, вы, милая Елена, сочтете одно предположеніе, что я могу сдѣлаться вашимъ мужемъ, не ради вашей любви, а изъ-за своего наслѣдства, глубоко оскорбительнымъ для вашей благородной души».

Говорятъ, что чужое горе успокоиваетъ наше собственное, и дѣйствительно, когда Софтлей, приведенный въ отчаяніе полученнымъ изъ Девоншира отвѣтомъ, побѣжалъ къ своимъ друзьямъ, то не безъ внутренней отрады замѣтилъ, что Дикъ Темпль также держалъ въ рукахъ письмо, которое, очевидно, поразило его въ самое сердце.

— Боже мой, Дикъ! воскликнулъ юный девонширецъ: — вы также получили неудовлетворительный отвѣтъ?

— Неужели и вы?.. началъ было Дикъ, но Софтлей его перебилъ.

— Да, я прозрѣлъ! Я вижу, что любовь, честь, истина—только слова̀, которыми пускаютъ пыль въ глаза дуракамъ.

— Изъ этого я могу заключить, произнесъ Моллетъ, стараясь, но безуспѣшно повернуть все въ шутку: — что вамъ не скоро придется раздавать мѣста въ фирмѣ Брейтвэтъ и К°.

— Скорѣе меня сдѣлаютъ секретаремъ египетскаго сфинкса, чѣмъ я перешагну порогъ этого проклятаго дома, отвѣчалъ Софтлей:—слышите, я называю проклятымъ домъ, въ которомъ, за минуту до прочтенія роковаго письма, жила путеводная звѣзда всей моей жизни. Да, да, проклятый домъ, проклятая фамилія!

— Но что̀ же случилось? спросилъ Дикъ, невольно улыбаясь, несмотря на свое горе.

— Ничего или очень немного: великій Брейтвэтъ, конечно, удостоилъ не многими строчками такого презрѣннаго, нищаго, какъ я. Лучше всего я вамъ прочту его письмо, если васъ это не обезпокоитъ.

— Нисколько, отвѣчалъ Темпль: — я самъ нуждаюсь въ вашемъ сочувствіи.

— Такъ слушайте, началъ Софтлей, вынимая дрожащей ру-

кой изъ кармана роковое письмо: — «Желѣзнодорожный заводъ Брейтвэта въ Шунтсревалѣ, Девонширъ.» Замѣтьте, что старый мошенникъ не удостоилъ меня частнымъ письмомъ, а настрочилъ на официальной бланкѣ. «Милостивый государь, въ отвѣтъ на ваше письмо отъ 11 числа, имѣю честь васъ увѣдомить, что вы совершенно ошибочно поняли отношенія мои и моей дочери къ вамъ. Единственной моей цѣлью, съ той минуты, какъ я имѣлъ удовольствіе познакомиться съ вашимъ семействомъ, было поддержать дружескія чувства между сосѣдями, кàкъ бы они ни отличались другъ отъ друга по своему общественному положенію. Я всегда высоко уважалъ вашу тётку и считалъ, что вы вполнѣ ея достойны... Но изъ вашего письма я вижу, что ошибался. Юноша, не съумѣвшій сохранить довѣрія снисходительной, слабой, извините за выраженіе, родственницы, едва ли можетъ разсчитывать на уваженіе постороннихъ людей. Прошу васъ, не заставлять меня прямо высказать мое мнѣніе о вашемъ поступкѣ въ отношеніи престарѣлой родственницы.

«P. S. Не лишнимъ считаю прибавить, что моя дочь знаетъ содержаніе этого письма и вполнѣ раздѣляетъ мое мнѣніе.

«P. P. S. Послѣ всего, что̀ произошло, вы поймете, кàкъ тщетны ваши надежды получить мѣсто въ нашей фирмѣ!

«Примите увѣреніе
и пр. и пр.
«Джабетсъ Брейтвэтъ».

— Чортъ бы побралъ и его самого, и его фирму! воскликнулъ Софтлей, комкая письмо: — Я скорѣе пойду въ солдаты, чѣмъ стану служить у такого мерзавца. Но нѣтъ на свѣтѣ человѣка несчастнѣе меня.

— Посмотрите и увидите еще двухъ, отвѣчалъ мрачно Дикъ.

— Простите, я въ своемъ горѣ и забылъ о вашихъ заботахъ— какія извѣстія вы получили отъ Ады?

— Никакихъ, но самыя скверныя отъ тётки.

— Она не одобряетъ вашего ухаживанія за ея *protégée*?

— Она не одобряетъ моего существованія на землѣ—вотъ что̀, произнесъ съ горечью Дикъ:—ея отвѣтъ очень коротокъ. Въ виду явнаго вызова, брошеннаго ей племянникомъ, она считаетъ навсегда нарушенными всѣ обязанности къ нему. На основаніи разговора съ Адой, отъ которой у нея нѣтъ секретовъ, она проситъ юношу, обязаннаго теперь зарабатывать себѣ кусокъ хлѣба, бросить всѣ донкихотскія бредни... Надѣясь, что прилагаемые послѣдніе 50 ф. ст., при теперешнихъ обстоятельствахъ, будутъ не лишними, тетка Тобита остается и пр. и пр.

Когда Дикъ Темпль умолкъ, наши друзья взглянули другъ на

друга, и лица ихъ были до того вытянуты, что они дружно расхохотались.

— Хорошо смѣяться, но что̀ же намъ дѣлать? сказалъ Софтлей, первый приходя въ себя.

— Въ смыслѣ удовлетворенія? спросилъ Моллетъ: — я лично не имѣю ничего противъ дуэли съ моимъ почтеннымъ вотчимомъ, и вы, я полагаю, имѣете полное право послать вызовъ мистеру Брейтвэту; но нашъ пріятель Дикъ находится въ щекотливомъ положеніи и не можетъ драться съ тёткой Тобитой.

— Хотя она приняла бы поединокъ охотно, еслибъ оружіемъ было перо, отвѣчалъ Дикъ, стараясь улыбнуться: — она чертовски ловко владѣетъ этимъ смертоноснымъ орудіемъ.

— Да, нѐчего сказать, своимъ письмомъ она васъ убила наповалъ, замѣтилъ Софтлей съ глубокимъ сочувствіемъ.

Но Дикъ Темпль молча пожалъ плечами. Онъ не напомнилъ своимъ друзьямъ словъ Ады: «скажите ему, что письмо будетъ исключительно отъ тётки», но они глубоко врѣзались въ его сердце, и вотъ почему онъ не считалъ себя совершенно убитымъ.

— Нѣтъ, продолжалъ Софтлей:—я спрашиваю, что̀ намъ дѣлать, т. е. чѣмъ мы будемъ жить? такъ какъ, я надѣюсь, мысль о самоубійствѣ никому не приходитъ въ голову.

— Я предложилъ бы, замѣтилъ Моллетъ:—напечатать въ газетахъ, что: «трое бѣдныхъ сиротъ» и пр. или еще лучше, учредимъ компанію, напримѣръ, носильщиковъ. Спитфильдскіе наряды еще не возвращены старику Исааку.

— Быть можетъ, мысль о компаніи—не шутка, а серьёзное дѣло, сказалъ Темпль, послѣ минутнаго размышленія.

— Да̀, но для этого необходимы большія деньги, возразилъ Софтлей.

— Нѣтъ, замѣтилъ Моллетъ, который не могъ долго оставаться серьёзнымъ:—за два пенса можно купить метлу и составить компанію на акціяхъ для очистки улицъ отъ...

— Пустяки! я говорю совершенно серьёзно, отвѣчалъ Темпль:— намъ надо что̀-нибудь предпринять; всегда лучше начинать борьбу съ наибо̀льшимъ количествомъ оружія.

— Дикъ правъ! воскликнулъ Софтлей:—намъ надо сообща побороть пустыя преграды, возникшія передъ нами. И чего же намъ не достаетъ юности, силы, ума? Вы не можете отрицать всего этого, мистеръ Моллетъ; зачѣмъ же вы мотаете головой?

— Потому, что вы не задали себѣ главнаго вопроса: есть ли у насъ капиталъ? А безъ капитала что̀ же мы сдѣлаемъ? Лично я былъ бы очень счастливъ стать компаньйономъ фирмы Темпль-

Софтлей и К°. Но еслибъ, напримѣръ, мы открыли молочную лавку, то у меня не хватило бы денегъ на покупку кадки съ масломъ.

И, выворотивъ свой кошелекъ, онъ показалъ, что у него всего было 5 ф. ст. 2 шил. и 9 пенсовъ, изъ которыхъ ему необходимо было уплатить еще нѣсколькимъ кредиторамъ.

— Платить долги не надо, кредиторы подождутъ, сказалъ Дикъ Темпль:—я намѣренъ всѣ свои деньги положить въ компанейскую кассу. У меня наберется 70 ф.

— Ну, такъ я имѣю право быть головою фирмы, произнесъ Софтлей со смѣхомъ:—у меня болѣе капитала, чѣмъ у васъ обоихъ и нѣтъ вовсе долговъ. Но, несмотря на это, я полагаю, что настоящей головою фирмы долженъ быть наимѐньшій вкладчикъ; онъ—самый изъ насъ практическій и дѣловой человѣкъ. Не обижайтесь, Дикъ!

— Слушайте, слушайте! воскликнулъ Темпль.

— Значитъ, это дѣло покончено, продолжалъ Софтлей весело:—и теперь только остается мистеру Моллету рѣшить, за какую выгодную спекуляцію должна взяться фирма трехъ джентльмэновъ съ капиталомъ въ 250 ф. ст.

— Если только въ этомъ дѣло, отвѣчалъ Моллетъ, не уклоняясь отъ возлагаемой товарищами на него отвѣтственности:—то мы можемъ начать сотню выгодныхъ предпріятій. Многіе наживали большія состоянія на гораздо мѐньшій основный капиталъ. Напримѣръ, еще теперь живетъ знаменитый лондонскій альдерманъ, который пришелъ 11-ти лѣтнимъ мальчикомъ изъ Линкольншира съ 3½ пенсами въ карманѣ. Бо̀льшая часть дѣтей на его мѣстѣ купила бы себѣ на эти деньги завтракъ.

— И я также, еслибъ пришелъ изъ Линкольншира, не ѣвши и не пивши, замѣтилъ Софтлей.

— А онъ не сдѣлалъ этого, продолжалъ Моллетъ:—впрочемъ, я не увѣренъ, чтобъ онъ ничего не ѣлъ по дорогѣ; нѣтъ, постойте: онъ самъ признавался, разсказывая не разъ свою жизнь за торжественными обѣдами, что сестра дала ему на дорогу большой пирогъ. Ка̀къ бы то ни было, въ одно прекрасное утро онъ очутился на ковентгарденскомъ рынкѣ. Не долго думая, онъ осмотрѣлся и составилъ планъ дѣйствій. Онъ купилъ на свои 3½ пенса, четыре пучка рѣпы и, пройдя на Страндъ, продалъ ихъ за 6 пенсовъ. За 6 пенсовъ онъ купилъ 9 пучковъ рѣпы и продалъ ихъ за 14 и т. д. Продолжая дѣйствовать подобнымъ образомъ, онъ вскорѣ сдѣлался собственникомъ огорода въ Фульгатѣ и большаго количества телегъ и лошадей.

— Онъ хорошо сдѣлалъ, что, наживъ состояніе, бросилъ дѣла̀

замѣтилъ Темпль:—а то, еслибъ онъ продолжалъ все удвоивать покупку рѣпы, онъ кончилъ бы тѣмъ, что черезъ нѣсколько лѣтъ вся рѣпа въ странѣ принадлежала бы ему.

— Да, это—вопросъ ариѳметики, отвѣчалъ Джэкъ Моллетъ, совершенно серьёзно:—разсчетъ и благоразуміе создаютъ всѣ богатыя состоянія. Это можно доказать математически. Нелѣпо приписывать успѣхъ въ комерческомъ мірѣ особому комерческому генію. Нѣтъ, терпятъ неудачу только люди неразсчетливые или неблагоразумные. Вотъ почему, когда за комерческія дѣлà возьмется человѣкъ образованный и разумный, онъ всегда одержитъ верхъ надъ простымъ торгашемъ. Вѣдь, господа, не подлежитъ сомнѣнію, продолжалъ Моллетъ, неожиданно открывая въ себѣ столь долго дремавшія комерческія способности:—что человѣкъ, не дѣлающій кредита, продающій свой товаръ съ прибылью 25% и ограничивающій торговые расходы 10%, долженъ получать чистаго дохода 15%. А, вѣдь, это недурно.

Говоря это, Моллетъ посмотрѣлъ на своихъ товарищей съ такимъ торжествомъ, словно онъ дѣйствительно цѣлый годъ велъ торговлю на этомъ основаніи и уже положилъ въ карманъ свои 15% чистой выгоды. Его энтузіазмъ былъ до того заразителенъ, что даже Дикъ Темпль повѣрилъ ему, а Софтлей сіялъ счастьемъ.

— Мы можемъ поздравить себя, мистеръ Моллетъ, воскликнулъ онъ, крѣпко пожимая руки оратору:—что выбрали васъ въ распорядители нашей фирмы. Но чтò касается нашего предпріятія, то неужели вы считаете рѣпу...

— Нѣтъ, перебилъ его Моллетъ со смѣхомъ:—я думаю, что мы можемъ начать лучше, чѣмъ почтенный альдерманъ. Съ чего бы, напримѣръ, намъ начать? Да вотъ—уголь.

— Уголь! воскликнули въ одинъ голосъ Дикъ и Софтлей.

— Да, это—очень выгодная статья; но вопросъ въ томъ: довольно ли мы сильны, чтобъ поднять такой грузъ?

Софтлей взглянулъ вопросительно на Дика Темпля.

— Я не причудливъ, сказалъ онъ:—но еслибъ было можно взяться за какую нибудь другую, не столь тяжелую работу...

— Не говори глупостей, Джэкъ, прибавилъ Дикъ:—неужели ты хочешь, чтобы мы таскали на своихъ плечахъ мѣшки съ углемъ?

— Нѣтъ, я этого вовсе не желаю и выразился только метафорически, отвѣчалъ Моллетъ:—я предлагаю вамъ заняться не ноской, а торговлей угля. Этимъ дѣломъ занимаются многіе очень почтенные люди, и половина ихъ не имѣютъ ни копей, ни баржъ. Вся обязанность наша будетъ состоять въ наймѣ приличной конторы, пріемѣ заказовъ, доставкѣ товара и полученіи комиссіоннаго процента. Я не говорю, что это—лучшее и

единственное предпріятіе, которымъ мы можемъ заняться—нѣтъ! Оно мнѣ первое вошло въ голову, но много есть и другихъ.

Пока Моллетъ говорилъ, Дикъ Темпль лѣниво просматривалъ газету. Вдругъ глаза его заблистали, и онъ воскликнулъ:

— Очень сожалѣю, что вырву изъ рукъ моего друга Джэка пальму первенства, но прослушайте это объявленіе. Вотъ дѣло, котораго мы ищемъ: оно само валится намъ въ руки.

«Господамъ съ гуманнымъ направленіемъ и небольшимъ капиталомъ предлагается принять участіе въ предпріятіи филантропическомъ, имѣющемъ значительную національную важность. Основатель этого человѣколюбиваго учрежденія желалъ бы его расширить, для чего и приглашаетъ одного или двухъ кампаньйоновъ съ 100 ф. ст., вполнѣ гарантируя выгодный процентъ съ ихъ капитала. Рѣдко встрѣчается такой случай сдѣлать добро и въ тоже время нажить хорошія деньги. Обращаться лично къ М. Л. № 187 въ Струтонскомъ Переулкѣ, Вестминстеръ».

— Что̀ вы объ этомъ скажете? прибавилъ радостно Дикъ, окончивъ чтеніе.

— Мнѣ кажется, что это—самое для насъ подходящее дѣло, отвѣчалъ Моллетъ:—не хуже угля.

— Я не хотѣлъ вамъ противорѣчить, сказалъ Софтлей:—но я долженъ заявить, что предпочиталъ бы заниматься чѣмъ-нибудь болѣе приличнымъ, чѣмъ углемъ или рѣпой. Намъ именно нужно выгодное и приличное занятіе. Слѣдуетъ тотчасъ навести справки.

— Тутъ говорится, произнесъ Моллетъ: — объ одномъ или двухъ джентльмэнахъ, навѣрно и трое будутъ не лишними, если каждый представитъ 100 ф. ст. Во всякомъ случаѣ, это дѣло надо изслѣдовать.

Дѣйствительно, спустя два часа, наши друзья отыскивали М. Л. за Вестминстерскимъ Аббатствомъ. Наконецъ, они напали на мальчика лѣтъ 14, съ коро̀тко остриженными волосами и въ красной курткѣ съ бѣлой нашивкой на одномъ рукавѣ.

— № 187, произнесъ онъ, почесывая затылокъ и бросая завистливые взгляды на массивную, золотую цѣпочку Софтлея:—да, это—нумеръ нашей лавочки.

— Мы ищемъ не лавочку, а домъ, возразилъ Софтлей, застегивая свое пальто по знаку Моллета, чтобъ не вводить болѣе въ соблазнъ юношу.

— Называйте какъ хотите—лавочкой, заведеніемъ, домомъ; но вы именно ищете то, о чемъ я говорю, отвѣчалъ мальчикъ, презрительно улыбаясь быстрому движенію Софтлея.

— Отчего вы такъ думаете?

— Вы мнѣ кажетесь именно такими людьми, которые ходятъ

къ намъ; вы—добрые и человѣколюбивые. Но вы напрасно застегнули пальто, чтобъ спрятать...

— Спрятать что̀?

— Сами знаете, продолжалъ юноша, съ гордостью указывая пальцами на бѣлую нашивку на своемъ рукавѣ съ надписью: «Хорошее поведеніе:»—вы могли бы ихъ повѣсить на фонарь, и я все же не дотронулся бы. Я, вѣдь—обращенный.

— Что̀?

— Мы всѣ—обращенные у мистера Лаггерса.

— Лаггерса! повторилъ Моллетъ, бросая взглядъ на своихъ товарищей:—а ка̀къ его имя?

— Хорошее, въ немъ нѣтъ ничего дурнаго! воскликнулъ мальчикъ, осматривая Моллета съ головы до ногъ:—спросите, кого хотите, никто не скажетъ про него дурнаго слова, а зовутъ его, если вамъ надо знать—Морисомъ.

— Морисъ Лаггерсъ М. Л.. это, вѣрно—онъ. Тѣже буквы и тотъ же нумеръ дома.

— Но въ объявленіи не говорилось ничего о кабачкѣ, замѣтилъ Софтлей.

— Ка̀къ о кабачкѣ?

— Да вы слышали, что̀ сказалъ мальчикъ:—лавочка, заведеніе или домъ, очевидно, для продажи крѣпкихъ напитковъ. Признаюсь, странное это занятіе для филантропа и благодѣтеля націи.

— Это, вѣрно—какая-нибудь ошибка; ка́къ вы думаете, Джэкъ? сказалъ Темпль.

Между тѣмъ, Моллетъ отвелъ въ сторону мальчика и началъ его разспрашивать въ полголоса. Полученные имъ отвѣты, очевидно, были удовлетворительны, ибо онъ далъ мальчику мелкую монету, и тотъ весело удалился.

— Не могу еще сказать ничего рѣшительнаго, прознесъ теперь Моллетъ, качая головой:—одно вѣрно, что М. Л. и Морисъ Лаггерсъ—одно и тоже лицо, но я боюсь, что онъ окажется несовсѣмъ пріятной особой. Впрочемъ, надо дѣло разъяснить, и позвольте мнѣ, въ качествѣ распорядителя нашей фирмы, отдѣлиться отъ васъ на время. На основаніи сообщенныхъ мнѣ юношей свѣденій, съ этимъ М. Л. надо обращаться очень осторожно, и потому удобнѣе вступить съ нимъ въ переговоры съ глазуна-глазъ. Я беру на себя это предварительное изслѣдованіе, а вы меня подождите въ сосѣдней тавернѣ.

Товарищи, конечно, согласились, и Моллетъ одинъ направился къ дому № 187, который оказался частнымъ жилищемъ съ довольно значительной пристройкой въ родѣ сарая, откуда доно-

сились дѣтскіе голоса. На стукъ молодого человѣка, дверь отворила женщина не старая, въ черномъ платьѣ и бѣлоснѣжныхъ воротничкѣ и рукавчикахъ.

— Что вамъ угодно? спросила она грустнымъ голосомъ и съ мрачнымъ выраженіемъ лица.

— Я боюсь, что напрасно васъ потревожилъ, отвѣчалъ очень учтиво Моллетъ:—но скажите пожалуйста, извѣстно вамъ объявленіе?..

— Вы не ошиблись, сэръ? вы желаете видѣть мистера Лаггерса? произнесла женщина съ тяжелымъ вздохомъ.

— Да.

— Не угодно ли вамъ взойти? я доложу, сказала женщина все тѣмъ же мрачнымъ тономъ.

Черезъ минуту, Моллетъ очутился въ маленькой, хорошо мёблированной гостиной. Главнымъ ея украшеніемъ были два портрета масляными красками одного и того же лица, но въ совершенно разныхъ видахъ. Одинъ представлялъ взрослаго мужчину съ отвратительнымъ, звѣрскимъ выраженіемъ, бритой головой, въ полотнянной курткѣ на манеръ мѣшка и съ колодками на рукахъ. Другой портретъ былъ совершенно иной, даже рама была уже не черная, крашенная, а золоченная, рѣзная; бритая голова покрылась роскошной растительностью, старательно раздѣленной проборомъ; полотнянная куртка замѣнилась приличнымъ, моднымъ, но скромнымъ чернымъ сюртукомъ съ геранью въ петлицѣ, блестящей рубашкой, съ золотыми запонками и бѣлымъ галстухомъ. Руки были на свободѣ, въ правой виднѣлся молитвенникъ, и, судя по движенію губъ и набожному блеску глазъ, эта почтенная особа пламенно молилась. Подъ первымъ портретомъ была надпись: «Морисъ Лаггерсъ, № 77 Кальдбатъ, 1868 г.», а подъ вторымъ—«Морисъ Лаггерсъ, обращенный».

Моллетъ съ изумленіемъ разсматривалъ эти странные портреты, какъ вдругъ Морисъ Лаггерсъ обращенный явился передъ нимъ живой. Впрочемъ, была нѣкоторая разница между картиной и оригиналомъ. Бѣлый галстухъ и черный сюртукъ находились на лицо, но первый былъ сомнительной чистоты, а второй сильно потертъ. Въ петлицѣ не виднѣлось геранія, но въ рукѣ у него былъ тотъ же самый молитвенникъ. Онъ тихо напѣвалъ какой-то гимнъ, а умные, быстрые глаза его ловко прикрывались личиной набожности, спокойствія и человѣколюбія; но Моллетъ, какъ зоркій наблюдатель, тотчасъ замѣтилъ, что скрывалось подъ этой маской, и наострилъ уши.

— Здравствуйте, нѣжно произнесъ приличный джентльмэнъ

протягивая руку, такъ что одинъ палецъ все же оставался въ открытомъ молитвенникѣ:—чему я обязанъ, другъ мой, удовольствію...

— Я пришелъ по дѣлу, коротко отрѣзалъ Моллетъ:—вы—М Л.?

— Да, сэръ, вашъ покорный слуга и покорный слуга всякаго бѣднаго и униженнаго созданія, которое хочетъ спастись отъ грѣха.

Говоря это, мистеръ Лаггерсъ перебиралъ своими длинными пальцами съ безупречными ногтями страницы молитвенника, словно отыскивая подходящій обстоятельству текстъ.

— Въ сегодняшней газетѣ напечатано объявленіе о дѣлѣ...

— О моемъ дѣлѣ; да, я его напечаталъ.

— Такъ вы—этотъ самый джентльмэнъ...

— Нѣтъ, позвольте, перебилъ Лаггерсъ, выпрямляясь и постукивая по рукѣ въ тактъ молитвенникомъ:—я—не джентельмэнъ. Я стыжусь принимать чужую личину и прямо говорю, другъ мой, я—не джентльмэнъ.

— Извините меня, отвѣчалъ Моллетъ, котораго столько же удивляла, сколько и забавляла эта странная личность:—если вы не джентльмэнъ, то кто же вы такой?

Мистеръ Лаггерсъ молча сунулъ руку въ боковой карманъ сюртука и, вынувъ нѣсколько маленькихъ брошюръ, подалъ ихъ Моллету, словно свою визитную карточку. Моллетъ прочелъ съ удивленіемъ на заглавномъ листѣ брошюры: «Два слова ворамъ, сочиненіе Мориса Лаггерса, обращеннаго вора».

— Вотъ кто я, мой другъ, сказалъ мистеръ Лаггерсъ, видимо торжествуя.

— Жаль, что вы объ этомъ не упомянули въ объявленіи, сказалъ Моллетъ, взявъ шляпу:—я тогда не обезпокоилъ бы васъ.

— Но, любезный сэръ, отвѣчалъ спокойно Лаггерсъ:—не слишкомъ ли вы быстры въ своихъ заключеніяхъ. Правда, я—обращенный воръ, но я этимъ не хвастаюсь, хотя и горжусь. Еслибъ я не былъ прежде воромъ, то не былъ бы теперь тѣмъ, чѣмъ я есть, вы понимаете?

— Пойму, если вы мнѣ объясните, отвѣчалъ Моллетъ, снова снимая шляпу и кладя ее на столъ.

— Съ удовольствіемъ. Повторяю, я горжусь моимъ презрѣннымъ происхожденіемъ. Выйти изъ нижнихъ рядовъ и возвыситься до верхнихъ—дѣло великое, но быть существомъ почти не человѣческимъ, какой-то гіеной, однимъ словомъ имъ (и онъ указалъ на свой портретъ въ полотняной курткѣ), а потомъ сдѣлаться такимъ (и онъ указалъ на свой второй портретъ въ черномъ сюртукѣ съ геранью въ петлицѣ), это—торжество изъ торжествъ. Я гор-

жусь, что нѣкогда былъ воромъ и, не краснѣя, признался бы, еслибъ былъ фальшивымъ монетчикомъ или убійцей. Впрочемъ, нерѣдко я бывалъ близокъ къ убійству, но какъ-то избѣгалъ его, прибавилъ Лаггерсъ съ тяжелымъ вздохомъ, словно сожалѣя, что упустилъ случай прославить себя въ уголовной лѣтописи своей страны.

— Тѣмъ лучше для васъ, замѣтилъ Моллетъ:—но возвратимся къ вашему объявленію.

— Нѣтъ, позвольте, я съ вами не согласенъ. Еслибъ я былъ обращеннымъ убійцей, то это было бы еще лучше. Но я не хочу жаловаться—мнѣ и теперь недурно.

— Вы говорите съ религіозной или комерческой точки зрѣнія? спросилъ Моллетъ.

— Любезный сэръ, отвѣчалъ Лаггерсъ, смотря въ глаза молодому человѣку:—религія и комерція, для меня—одно и тоже. Одна даетъ мнѣ спокойствіе, а другая—пшеницу и елей. Онѣ отлично идутъ рука объ руку.

— Говоря о пшеницѣ и елеѣ, вы, вѣроятно, разумѣете чистый барышъ, который можно обратить въ деньги и положить въ банкъ?

— Вы—человѣкъ чрезвычайно практичнаго ума, и за это я васъ уважаю, сказалъ Лаггерсъ, пристально посмотрѣвъ на своего собесѣдника, и быстро спряталъ въ карманъ молитвенникъ. Да, небо благословило мои труды въ томъ смыслѣ, въ какомъ вы разумѣете. Но что̀ можетъ сдѣлать одинъ работникъ на такомъ громадномъ полѣ? Вотъ почему я и напечаталъ объявленіе, которое привело васъ сюда, другъ мой.

— Да, поговоримте о дѣлѣ; я именно для этого и пришелъ ка вамъ.

— Какъ человѣкъ практическій и дѣловой, или изъ сочувствія къ моему гуманному предпріятію?

— Исключительно какъ человѣкъ практическій и дѣловой.

— Съ 100 фун. стер. въ карманѣ? спросилъ Лаггерсъ, лицо котораго приняло вдругъ выраженіе портрета № 1:—вы, конечно, обратили вниманіе на эту статью объявленія.

— Конечно, отвѣчалъ Моллетъ, рѣшившись вывести на чистую воду національнаго благодѣтеля:—но признаюсь, я не сочувствую смѣшенію религіи съ комерціей; я—человѣкъ простой и предпочитаю идти прямо къ цѣли. Если вамъ не съ руки имѣть дѣло съ такимъ человѣкомъ, то честь имѣю кланяться.

— Нѣтъ, любезный сэръ, я именно желаю имѣть дѣло съ подобнымъ человѣкомъ, произнесъ Лаггерсъ, конфиденціальнымъ тономъ:—комерческая сторона моего предпріятія требуетъ расширенія, а у меня, чортъ возьми, недостаетъ капитала. Еслибъ же

со мной кто-нибудь пошелъ въ долю, то я доставилъ бы ему дьявольскій барышъ. Извините за крупныя выраженія, къ которымъ я привыкъ еще во времена моей грѣховной жизни.

— Согласны вы принять не одного, а нѣсколькихъ человѣкъ съ 100 фун. стер.? спросилъ Моллетъ.

Лаггерсъ пристально посмотрѣлъ на своего посѣтителя, но на его спокойномъ лицѣ нельзя было ничего прочесть.

— Вы—свѣтскій человѣкъ, замѣтилъ онъ послѣ нѣсколькихъ минутъ размышленія.

— Да, я ужь вамъ это говорилъ.

— И у васъ есть товарищъ?

— Два, отвѣчалъ Моллетъ, который теперь ясно понималъ, съ кѣмъ имѣлъ дѣло:—мы всѣ охотно вступили бы съ вами въ компанію для выгодной спекуляціи, но у насъ дѣла пошли бы лучше, еслибъ мы сразу стали поступать искренно. Скажите прямо: въ чемъ состоитъ ваше предпріятіе, которое имѣетъ такую значительную національную важность?

Говоря это, Моллетъ громко засмѣялся и подмигнулъ правымъ глазомъ. Но Лаггерсъ, очевидно, не желалъ вторить ему въ этомъ тонѣ и, вынувъ изъ кармана молитвенникъ, онъ снова придалъ своему лицу выраженіе портрета № 2.

— Любезный другъ, сказалъ онъ:—моя откровенность не должна васъ ввести въ заблужденіе насчетъ истиннаго значенія моей дѣятельности. Хотя я не забываю, что у меня жена и дѣти, которыхъ я долженъ кормить, что работникъ достоинъ зарабатываемой имъ платы и что необходимо откладывать деньги на черный день, но я всею душою преданъ этому доброму дѣлу, а что̀ это за дѣло—лучше всего объясняютъ эти двѣ картины.

И, взявъ шелковый зонтикъ, онъ дотронулся имъ до обоихъ портретовъ, съ самодовольной улыбкой путеводителя по художественной выставкѣ. Потомъ онъ опять спряталъ молитвенникъ и бросилъ на Моллета взглядъ, ясно говорившій: «думай обо мнѣ что̀ хочешь, пріятель, но я—не такой дуракъ, чтобъ показывать свои карты».

— Но не могли ли бы вы показать мнѣ комерческую сторону вашего добраго дѣла? спросилъ Моллетъ, теперь вполнѣ убѣжденный, что мистеръ Лаггерсъ былъ ловкій мошенникъ.

— Въ десять минутъ вы вполнѣ ознакомитесь съ моимъ благотворительнымъ учрежденіемъ; пожалуйте! сказалъ Лаггерсъ, и тотчасъ повелъ своего посѣтителя, чрезъ боковую дверь, въ низенькое строеніе, которое Моллетъ замѣтилъ съ улицы и откуда доносились дѣтскіе голоса. Это было строеніе небольшое, но переполненное рабочими, мальчиками отъ 9—17 лѣтъ. Нѣкото-

рые изъ нихъ дѣлали половики, другіе—корзинки, третьи—мелкія оловянныя вещи. Всѣ они были въ красныхъ курткахъ съ бѣлыми нашивками на рукавахъ, и каждый работалъ съ большой энергіей. На стѣнахъ висѣли большія таблицы съ текстами Св. Писанія, а въ концѣ устроено было небольшое возвышеніе съ конторкой, стуломъ и нѣсколькими книгами. При появленіи незнакомаго джентльмэна, глаза всѣхъ рабочихъ обратились на него, а когда Лаггерсъ махнулъ рукой, то мгновенно прекратилась работа въ мастерской.

— Дѣти! воскликнулъ Лаггерсъ:—этотъ джентльмэнъ пришелъ васъ навѣстить, у него въ карманахъ деньги, серебро и золото, и, конечно, дорогіе часы съ дорогой цѣпочкой, но онъ не боится быть среди васъ. Ка̀къ вы думаете, дѣти: поступилъ ли бы онъ такъ же нѣсколько лѣтъ тому назадъ?

— Нѣтъ, отвѣчали хоромъ рабочіе.

— Онъ, вѣдь, избѣгалъ бы вашего общества, неправда ли?

— Да.

— А отчего онъ избѣгалъ бы васъ? Чѣмъ вы были прежде?

— Ворами.

Это слово было произнесено съ такимъ жаромъ и такъ громко, что, вѣроятно, достигло до слуха ближайшаго полицейскаго.

— Скажите, дѣти, продолжалъ Лаггерсъ внушительнымъ тономъ:—что̀бы вы сдѣлали, еслибъ въ тѣ мрачные дни очутился среди васъ джэнтльменъ съ деньгами въ карманѣ и золотыми часами?

— Стибрили бы ихъ! воскликнулъ одинъ изъ мальчиковъ.

— Обчистили бы его, прибавилъ другой.

— Взяли бы ихъ на сохраненіе, произнесъ третій.

— Нѣчего мнѣ объяснять, что̀ бы вы сдѣлали, замѣтилъ Лаггерсъ: — вы поступили бы такъ, ка̀къ я поступалъ сотни разъ, то есть, вы ограбили бы его, неправда ли?

— Да, да! отвѣчали въ одинъ голосъ мальчики, вполнѣ оцѣнивая юмористическую фамильярность своего хозяина.

— Но теперь вы этого не сдѣлали бы? продолжалъ онъ.

— Нѣтъ, нѣтъ!

— Вы теперь предпочитаете честный трудъ?

— Да, да!

— И вы счастливы, счастливѣе, чѣмъ когда вы работали на дьявола?

— Да, да!

— Хорошо, принимайтесь снова за работу; вы знаете, ка̀къ праздность угодна дьяволу.

Работа снова закипѣла.

— Что̀ вы на это скажете? спросилъ Лаггерсъ, выходя изъ мастерской и замѣчая, какое поразительное впечатлѣніе произвела на Моллета вся видѣнная имъ сцена.

До сихъ поръ онъ полагалъ, что М. Л.—обыкновенный обманщикъ, не отличавшійся особенной ловкостью, а теперь онъ почти стыдился своего строгаго сужденія объ эксцентричномъ филантропѣ.

— Это — благородное учрежденіе, отвѣчалъ Моллетъ искренно:—и дѣлаетъ вамъ большую честь.

— Замѣтьте, что тутъ нѣтъ никакого обмана. Рабочіе не были подготовлены къ вашему посѣщенію.

— Удивительно, поразительно. И вы утверждаете, мистеръ Лаггерсъ, что всѣ эти юноши были нѣкогда ворами?

— Здѣсь нѣтъ ни одного, который не находился бы подъ судомъ, по крайней мѣрѣ, три раза, отвѣчалъ Лаггерсъ съ гордостью:—а нѣкоторые судились до пятнадцати разъ и ихъ называли въ газетахъ «неисправимыми ворами». Я же ихъ сдѣлалъ ручными горлицами.

— Это торжество должно приносить вамъ много удовольствія, сэръ, замѣтилъ Моллетъ.

— Да, не мало, отвѣчалъ Лаггерсъ, подмигивая и понижая голосъ:—каждый изъ этихъ рабочихъ даетъ мнѣ чистаго барыша отъ 8—9 шиллинговъ въ недѣлю. У меня ихъ пятьдесятъ, а нѣтъ причины, чтобъ ихъ не было пятьсотъ—этого добра достаточно. Все дѣло—въ капиталѣ, мой другъ, а у меня его недостаетъ, понимаете?

— Я буду съ вами такъ же откровененъ, какъ вы со мной, отвѣчалъ Моллетъ, котораго послѣднія слова Лаггерса привели снова въ смущеніе: — я пришелъ сюда въ качествѣ представителя еще двухъ джентльмэновъ. Они дожидаются меня въ сосѣдней тавернѣ и, такъ какъ это дѣло интересуетъ ихъ столько же, какъ и меня, то позвольте мнѣ сходить за ними или, если желаете, то пойдемте къ нимъ.

— Они—капиталисты? У нихъ есть необходимая сумма? спросилъ Лаггерсъ съ нѣкоторымъ подозрѣніемъ: — это не штучка?

— То есть ка̀къ? спросилъ нетерпѣливо Моллетъ.

— Вы не хотите ли пропечатать меня въ газетахъ? продолжалъ общественный благодѣтель, вытаскивая изъ кармана молитвенникъ:—извините меня, любезный другъ, но я такъ привыкъ къ гоненіямъ, что не довѣряю никому. Я подвергался всякого рода преслѣдованіямъ, насмѣшкамъ и клеветамъ. Меня называли мошенникомъ, прикрывающимся маской набожности. Обо мнѣ гово-

рили самыя ужасныя вещи, а я все же процвѣтаю, и, чѣмъ болѣе меня будутъ преслѣдовать, тѣмъ я болѣе буду процвѣтать.

Внутренній смыслъ этихъ словъ и тонъ, которымъ онѣ были произнесены, ясно говорили: «если вы съ своими друзьями хотите потѣшиться надо мною, то не трудитесь: я привыкъ къ всевозможнымъ оскорбленіямъ; вы не можете осыпать меня такими укоризнами, какихъ я еще не слыхалъ, но къ чему же послужили всѣ эти гоненія? Посмотрите на меня».

— Вы меня понимаете? спросилъ Лаггерсъ, видя, что Моллетъ смотритъ на него съ изумленіемъ.

— Да; кажется, понимаю, отвѣчалъ Моллетъ, смотря прямо въ глаза Лаггерсу.

— И вы съ своими друзьями желаете серьёзно заняться дѣломъ? спросилъ Лаггерсъ.

— Я могу отвѣтить утвердительно, по крайней мѣрѣ, за себя.

— Ну, пойдемте, отвѣчалъ Лаггерсъ, взявъ шляпу и зонтикъ.

— Я не знаю, захотите ли вы войти въ таверну, гдѣ меня ждутъ товарищи, замѣтилъ Моллетъ, смотря на бѣлый, почти пасторскій галстухъ и торжественный сюртукъ Лаггерса.

— Какъ дѣловой человѣкъ, я не имѣю ничего противъ; но предпочелъ бы таверну подалѣе отъ поля моей дѣятельности. Еслибъ вы сходили за своими друзями, то мы отправились бы въ скромный трактиръ неподалеку отсюда, гдѣ мы могли бы говорить на свободѣ.

Моллетъ согласился и, воспользовавшись случаемъ, разсказалъ въ нѣсколькихъ словахъ Дику Темплю и Софтлею результатъ своего свиданія съ великимъ филантропомъ и свое мнѣніе о немъ.

X.

Черезъ нѣсколько минутъ, наши друзья сидѣли съ мистеромъ Лаггерсомъ въ указанномъ имъ скромномъ трактирѣ, въ одномъ изъ переулковъ за Вестминстерскимъ Аббатствомъ. Передъ ними стояли стаканы съ грогомъ, который составлялъ любимый напитокъ великаго національнаго благодѣтеля, какъ онъ самъ сознался своимъ новымъ пріятелямъ.

— Мы всѣ—люди практическіе, сказалъ Лаггерсъ, окидывая присутствующихъ проницательнымъ взглядомъ своихъ быстрыхъ, блестящихъ глазъ, которые странно противорѣчили съ его пасторскимъ, бѣлымъ галстухомъ:—и когда намъ представится воз-

можность сдѣлать добро для себя и для другихъ, то насъ не остановятъ никакія нравственныя сомнѣнія.

— Комерція—всегда комерція, замѣтилъ Дикъ Темпль:—и если представится случай нажить копейку, то не пропускай его. Вы это хотите сказать?

— Пріятно имѣть дѣло съ такими людьми, какъ вы, отвѣчалъ Лаггерсъ съ удовольствіемъ:—не теряешь даромъ времени на пустую болтовню. Пользуйся всякимъ случаемъ нажить деньги—вотъ мой девизъ. Все дѣло въ томъ, чтобы проложить себѣ дорогу впередъ и удержаться на ней. Посмотрите на меня.

Наши друзья исполнили его желаніе.

— Я хочу сказать, продолжалъ общественный благодѣтель:—посмотрите, какой борьбы мнѣ стòило выйти въ люди.

— Неужели? замѣтилъ Моллетъ, чувствуя необходимость чтò-нибудь сказать.

— Еще бы! Говоря откровенно, въ моемъ ремеслѣ, какъ и во всякомъ другомъ, подвергаешься на каждомъ шагу непріятнымъ столкновеніямъ съ людями, которые низко пользуются чужими талантами и ловкостью. Клянусь небомъ, что я нѣсколько разъ хотѣлъ обнаружить свою игру только для того, чтобъ осрамить лицемѣрныхъ мошенниковъ. Извините, что я прибѣгаю къ сильнымъ выраженіямъ, но, вѣдь, я говорю не съ старыми бабами.

— Конечно, отвѣчалъ Темпль, предупреждая взглядомъ Софтлея, чтобъ онъ удержался отъ неосторожныхъ замѣчаній:—между друзьями не должно быть ничего скрытнаго.

— Я вполнѣ раздѣляю ваше мнѣніе. Многіе изъ моихъ сторонниковъ, люди очень хорошіе, твердо вѣрятъ, что я сплю въ бѣломъ галстухѣ и на грудѣ религіозныхъ брошюръ, вмѣсто подушки. Ха, ха, ха!

— Но о какихъ подражателяхъ вы говорите? спросилъ Дикъ Темпль.

— Ихъ болѣе полудюжины, отвѣчалъ Лаггерсъ, опоражнивая свой стаканъ грога и приказывая трактирному слугѣ подать новую порцію: — пейте, господа, я ставлю на этотъ разъ. Рѣдко мнѣ удается быть въ такомъ пріятномъ обществѣ, и если вы, дѣйствительно, хотите дѣлать дѣло, то я васъ научу, кàкъ нажить копейку.

— Разскажите же намъ о вашихъ подражателяхъ.

— Вы, вѣроятно, знаете Джэлькса. Нѣтъ! Странно: я полагалъ, что его всѣ знаютъ. Онъ называетъ себя обращеннымъ покупщикомъ краденаго. Онъ содержалъ лавку, нѣчто въ родѣ кассы ссудъ подъ краденыя вещи, и первый послѣдовалъ моему примѣру. Онъ полагалъ, что общество раздѣляетъ мнѣніе закона

о томъ, что покупщикъ краденаго хуже вора, но въ глазахъ общества покупщикъ краденаго—такой мелкій мошенникъ, что не возбуждаетъ къ себѣ никакого интереса. Поэтому, Джэльксъ и не очень процвѣтаетъ. Слогерсъ можетъ считаться болѣе моимъ соперникомъ.

— А кто это Слогерсъ? спросилъ Софтлей съ удивленіемъ.

— Вы его не знаете? Это не очень лестно для Слогерса, сказалъ Лаггерсъ, закуривая сигару: — знаменитый Слогерсъ—обращенный боксёръ. Но это еще ничего, его соперничество законное. Меня бѣсятъ мелкіе воришки и бродяги, которые, называя себя обращенными, сами ничего не наживаютъ, а только навлекаютъ позоръ и насмѣшки на насъ. Вы меня понимаете?

Однако, несмотря на лихорадочное вниманіе, съ которымъ наши друзья слушали неожиданныя самоизобличенія Лаггерса, они не могли отдать себѣ вѣрнаго отчета во всемъ слышанномъ.

— Вы понимаете? повторилъ общественный благодѣтель, замѣтивъ смущеніе ясно выражавшееся на лицѣ Софтлея.

— Нѣтъ, я не понимаю одного, отвѣчалъ юный девонширецъ:—какимъ образомъ религіозный проповѣдникъ тѣмъ популярнѣе, чѣмъ бо́льшимъ злодѣемъ онъ былъ прежде?

— Это очень просто: чѣмъ больше контрастъ между прошедшимъ и настоящимъ, тѣмъ субъектъ интереснѣе. Повѣрьте мнѣ, что необращенный мошенникъ имѣетъ еще болѣе шансовъ на успѣхъ. Вы понимаете?

Но они рѣшительно ничего не понимали, несмотря на его подмигиванія, долженствовавшія служить коментаріями его словъ.

— Дѣло въ томъ, продолжалъ Лаггерсъ:—что обращенный мошенникъ чувствуетъ себя иногда связаннымъ по рукамъ и ногамъ. Онъ не можетъ вполнѣ свободно пользоваться каждымъ представляющимся случаемъ, такъ какъ ему надо всегда держаться однажды избраннаго пути. Конечно, въ своихъ проповѣдяхъ онъ не долженъ ограничиваться узкими рамками, и чѣмъ болѣе вы приведете воспоминаній о своей прежней жизни, чѣмъ чернѣе выставите свою прежнюю личность, тѣмъ блестящѣе выступитъ ваша теперешняя свѣтлая фигура. Ха, ха ха! Быть можетъ, я напрасно обнаруживаю тайны своего мастерства, но вы не можете этимъ воспользоваться, такъ какъ нельзя строить домъ безъ фундамента. Впрочемъ, жаль, что вы, напримѣръ, не обокрали лондонскій банкъ: изъ этого можно было бы выручить многое, и наша компанія была бы гораздо выгоднѣе.

Говоря это, Лаггерсъ тяжело вздохнулъ и принялся за новый стаканъ грогу.

— Но, въ такомъ случаѣ, замѣтилъ Темпль:—намъ нѣчего и вступать въ переговоры.

— Отчего же нѣтъ? сказалъ снисходительно Лаггерсъ:—вѣдь, вы, вѣроятно, имѣете по капиталу, о которомъ упоминается въ моемъ объявленіи?

— Конечно, отвѣчалъ Темпль, желая понудить Лаггерса на еще бо̀льшую откровенность:—мы только ждемъ подробнаго объясненія вашего предпріятія, чтобъ положить на столъ 300 ф. ст., хотя мы и не совмѣщаемъ въ себѣ тѣхъ качествъ, о которыхъ вы вздыхаете.

— Что̀ же дѣлать! не всѣ владѣютъ одинаковыми преимуществами. Вы хотите сказать, что ни вы, ни ваши друзья не были никогда въ затруднительномъ положеніи?

— Да, никто изъ насъ не сидѣлъ и часа въ полиціи, произнесъ серьёзно Темпль.

— Это ничего, отвѣчалъ Лаггерсъ съ любезной улыбкой:—я ищу товарищей исключительно для комерческой стороны моего предпріятія. Одинъ изъ васъ видѣлъ, въ чемъ оно заключается, и можетъ вамъ объяснить.

— Я видѣлъ большое количество юношей въ красныхъ курткахъ, которые работали половики, оловянную посуду и корзинки; они не скрывали, что нѣкогда были ворами, а теперь честны и счастливы.

— Вы ясно опредѣлили все дѣло, сказалъ Лаггерсъ, вставая со стула и затворяя дверь, которую слуга оставилъ полуотворенной.— У меня въ мастерской работаютъ только прежніе воры и мошенники. Я ни за что̀ не приму честнаго работника, еслибъ онъ даже пошелъ ко мнѣ даромъ. Это было бы для меня невыгодно. Я самъ—старый грѣшникъ и могу смѣло сказать, что нѣтъ въ Лондонѣ тюрьмы, въ которой я не сиживалъ бы, не говоря уже о Портландѣ и Чатамѣ. Мой планъ очень простъ: я объявляю публично, что даю работу всѣмъ малолѣтнимъ ворамъ. Кажется, противъ этого нельзя ничего сказать?

Наши друзья должны были съ этимъ согласиться.

— Хорошо, вотъ воришки и собираются ко мнѣ. Съ первой же недѣли ко мнѣ пришло человѣкъ двадцать.

— Вы вызывали ихъ по газетамъ? спросилъ Моллетъ.

— Нѣтъ, я самъ ходилъ въ тѣ трущобы, гдѣ ихъ можно всегда найти, и говорилъ имъ: если вы меня не знаете, то конечно слыхали мое имя: я—Морисъ Лаггерсъ. Я бросилъ старую игру и началъ новую, которая гораздо выгоднѣе. Не бойтесь моего чернаго сюртука и бѣлаго галстуха, я не хочу ими васъ унизить. Я васъ знаю и не буду вамъ надоѣдать. Я заведу ма-

стерскую для различныхъ мелкихъ работъ. Если вамъ эти работы неизвѣстны, то васъ имъ научатъ. Я вамъ дамъ уголъ, пищу, одежду и нѣсколько пенсовъ на непредвидѣнные расходы. Поступайте ко мнѣ, попробуйте; если не понравится, то всегда можете уйти. У меня не будетъ другихъ рабочихъ, кромѣ подобныхъ вамъ воришекъ». Какъ я уже сказалъ, съ первой недѣли ко мнѣ явилось двадцать мальчишекъ. Вѣдь это не дурно!

— Конечно, произнесли въ одинъ голосъ Темпль и Моллетъ.

— Но, прибавилъ Софтлей: — если вы начали дѣло безъ капитала, то чѣмъ вы содержали мастерскую?

— Вы затрогиваете самую сущность вопроса, отвѣчалъ Лаггерсъ, снова опоражнивая стаканъ:—у меня были въ рукахъ матерьялы, и я воспользовался ими.

— Какимъ образомъ?

— Слушайте. Въ то время у меня была въ распоряженіи большая зала, и я позволилъ двумъ или тремъ изъ старшихъ моихъ работниковъ приглашать своихъ пріятелей, такихъ же воришекъ, какъ они, на ужинъ, состоявшій изъ хлѣба, мяса, кофе и чая.

— Подобный банкетъ я полагаю, не составлялъ соблазна для такихъ ребятъ? замѣтилъ Софтлей.

— Отчего? спросилъ Лаггерсъ.

— Оттого, что молодые и старые воры, говорятъ, живутъ очень весело. Вы, конечно, можете сказать намъ, насколько это справедливо.

— Все это—пустяки, отвѣчалъ, смѣясь, Лаггерсъ:—безсмысленно преувеличиваютъ доходы воровъ. Конечно, если раздѣлить все количество украденныхъ въ теченіи года вещей на извѣстное администраціи число воровъ, то получится порядочная цифра, но этотъ разсчетъ совершенно ошибоченъ.

— Такъ воровство—не такое выгодное ремесло, какъ увѣряютъ? спросилъ Софтлей, заинтересованный разговоромъ.

— Для новичка, котораго не обучилъ дѣлу отецъ или какой-нибудь родственникъ, это ремесло тяжелѣе работы каменотеса или лѣсопильщика: это—постоянная борьба изъ-за куска хлѣба, сопровождаемая безсонными ночами, страхомъ преслѣдованія и проч. и проч. Мнѣ все это коротко извѣстно; я самъ прошелъ черезъ эту школу. Но я удалился отъ нашего предмета.

— Вы говорили объ ужинахъ, которые вы устраивали молодымъ ворамъ.

— Да, да. Находясь всегда въ затруднительномъ положеніи и нуждаясь въ кускѣ хлѣба, юные воры охотно посѣщали мои ужины, такъ что въ залѣ не оставалось ни одного пустого мѣ-

ста. Первое собраніе имѣло удивительный успѣхъ. Повидимому, мои гости собрались съ затаенной мыслью сдѣлать скандалъ, но видя, что ужинъ подадутъ только по окончаніи проповѣди и что за всякое нарушеніе тишины будетъ строго взыскано, они вели себя чрезвычайно тихо и прилично. На эстрадѣ, рядомъ со мною, сидѣло нѣсколько знатныхъ особъ, а также газетные репортеры. На послѣднихъ я особенно разсчитывалъ. Чѣмъ чаще упоминаютъ въ печати о такомъ человѣкѣ, какъ я, хотя бы и съ невыгодной стороны, тѣмъ глубже засовываетъ онъ руку въ карманы сосѣдей. Я объяснилъ собранію, просто на просто, мой планъ—устроить мастерскую для бѣдныхъ воришекъ, которые желали бы обратиться на путь истинный. Мои слова произвели громадное впечатлѣніе, и въ какую-нибудь недѣлю я собралъ достаточно пожертвованій, чтобъ начать дѣло. Я нанялъ искуснаго подмастерья, чтобъ учить моихъ воспитанниковъ жестяному ремеслу, а самъ обучалъ ихъ плести корзины, потому что я въ тюрьмахъ усвоилъ себѣ много ремеслъ. Мало-по малу, дѣло пошло въ гору, и теперь я могъ бы имѣть еще пятьдесятъ мальчиковъ, еслибъ у меня было достоточно капитала. Въ этомъ-то теперь и весь вопросъ.

— Но откуда явятся громадныя выгоды, о которыхъ вы говорили?

— Я вамъ сейчасъ объясню, продолжалъ Лаггерсъ, наливая себѣ еще стаканъ грогу:—все дѣло ведется такъ открыто и чистосердечно, что не можетъ возбудить подозрѣнія ни въ комъ, по крайней мѣрѣ, ни въ одномъ человѣкѣ, мнѣніемъ котораго можно дорожить. У меня сорокъ работниковъ, и я посылаю ихъ самихъ продавать свои издѣлія на̀-домъ къ человѣколюбивымъ, филантропическимъ людямъ.

— Но, конечно, эти филантропы не знаютъ, съ какими юнцами они имѣютъ дѣло? замѣтилъ Дикъ Темпль.

— Ка̀къ не знаютъ! воскликнулъ Лаггерсъ, широко открывая глаза отъ удивленія.

— Да, я полагаю, что порядочные люди не пустили бы къ себѣ въ домъ вашихъ воспитанниковъ, еслибъ знали, что это— воры, хотя и обращенные.

— Любезный сэръ, вы ошибаетесь такъ же, какъ и многіе другіе, отвѣчалъ Лаггерсъ, громко смѣясь: — я согласенъ съ вами, что порядочные люди прогнали бы моихъ ребятъ изъ своей кухни, еслибъ они являлись скромно просить честной работы и стыдливо сознавались въ своемъ позорномъ прошедшемъ. Но ребята, конечно, подъ моимъ руководствомъ, ведутъ себя совершенно иначе: они слѣдуютъ моему примѣру. Они не стыдятся, а гордо

бросаютъ всѣмъ въ глаза свое прошедшее. Оно дѣлается для нихъ вывѣской и чрезвычайно выгодной. Каждый изъ нихъ имѣетъ непремѣнно при себѣ аттестатъ, въ которомъ обозначено, сколько разъ онъ судился и въ какихъ тюрьмахъ сидѣлъ. Самый же процессъ продажи товара моими ребятами происходитъ слѣдующимъ образомъ. Положимъ, что честный рабочій или мелкій промышленникъ приходитъ съ товаромъ къ дверямъ какого-нибудь дома; если, дѣйствительно, кому-нибудь изъ жильцовъ необходимо купить этотъ товаръ, то сдѣлка совершается, но никто не купитъ ничего у подобнаго торговца безъ крайней необходимости. Съ моими ребятами дѣло совершенно иное. Мой молодецъ въ красной курткѣ смѣло звонитъ въ колокольчикъ, и на вопросъ служанки: «что̀ вамъ угодно?» отвѣчаетъ очень учтиво, но ловко поставивъ свою корзинку на порогѣ такъ, чтобы нельзя было внезапно затворить ему на носъ дверь: «будьте такъ добры, спросите у вашей хозяйки: не желаетъ ли она купить необходимыхъ въ хозяйствѣ вещей у обращеннаго вора?». По бо̀льшей части, служанка никогда не видывала вора въ очію, и это зрѣлище возбуждаетъ ея любопытство; она впускаетъ въ кухню моего молодца и вызываетъ хозяина или хозяйку. Такимъ образомъ, является удобный случай для выгодной сдѣлки, и только дуракъ могъ бы не воспользоваться ей, а надо вамъ знать, господа, что между моими ребятами немного дураковъ. Вотъ хозяинъ или хозяйка начинаютъ задавать вопросы моему молодцу; онъ предъявляетъ свой аттестатъ и начинаетъ разсказывать всѣ ужасы своей прежней жизни въ лондонскихъ трущобахъ, ка̀къ онъ впервые попалъ въ шайку воровъ, ка̀къ его судили, ка̀къ ему жилось въ тюрьмѣ. Все это очень интересно, гораздо интереснѣе въ устахъ живаго человѣка, чѣмъ въ книгѣ. У меня есть дѣти лѣтъ одиннадцати и двѣнадцати, которые великолѣпно продѣлываютъ эту исторію, прибавилъ съ гордостью Лаггерсъ. Часто я слыхалъ отъ добрыхъ людей, привлеченныхъ въ мое учрежденіе разсказами моихъ молодцевъ, ка̀къ эффектно и трогательно они распространяются о слезахъ матери и молитвахъ сестры. Удивительно, ка̀къ быстро усвоиваютъ себѣ эти дѣти уроки ловкаго учителя.

Говоря это, Лаггерсъ, приступившій уже къ четвертому стакану грога, цинично захохоталъ и хлопнулъ рукою по плечу Софтлея.

— Вы удивляетесь, ка̀къ искусно они разыгрываютъ роль обращеннаго негодяя, замѣтилъ юный девонширецъ съ презрительной улыбкой:—вѣдь вы, конечно, ихъ учите только этому?

— Конечно, отвѣчалъ Лаггерсъ:—но возвратимся къ нашему

молодцу: «Теперь вы совершенно бросили свою прежнюю грѣховную жизнь и твердо рѣшились существовать впредь честнымъ трудомъ», спрашиваетъ его хозяйка дома. «О! да, отвѣчаетъ молодецъ:—благодаря заботамъ добродѣтельнаго человѣка, подписавшаго мой аттестатъ; только жаль, что мистеръ Лаггерсъ—бѣдный человѣкъ, и мы существуемъ поэтому только своимъ трудомъ, а въ послѣднее время торговля нашими издѣліями идетъ плохо, и, если дѣла не пойдутъ лучше, то мистеру Лаггерсу придется закрыть мастерскую». Говоря это, свѣтлые, блестящіе глаза юноши отуманиваются слезою, прибавилъ Лаггерсъ, снова ударяя по плечу Софтлея, какъ человѣка всего болѣе способнаго оцѣнить юмористическую сторону его разсказа:—«а что же тогда будетъ съ вами и съ вашими товарищами? спрашиваетъ хозяйка:—вы, конечно, не вернетесь къ своей прежней, воровской дѣятельности?» «Что же намъ иначе дѣлать, сударыня, безъ помощи добраго мистера Лаггерса?» отвѣчаетъ мой молодецъ. Ну, дальше разсказывать нечего, воскликнулъ общественный благодѣтель съ громкимъ смѣхомъ: — Вы теперь понимаете, какъ обдѣлывается дѣльце?

— Вы хотите сказать, замѣтилъ Софтлей:—что обманутая хозяйка платитъ за купленную вещь у вашего воспитанника двойную цѣну.

— Не двойную, а тройную и четверную, отвѣчалъ самодовольно Лаггерсъ:—все зависитъ отъ ловкости молодца.

— Чѣмъ онъ старше и опытнѣе, тѣмъ лучше, произнесъ Темпль.

— Нѣтъ, чѣмъ моложе и опытнѣе, отвѣчалъ Лаггерсъ со смѣхомъ:—ребенокъ, бывшій уже разъ восемь или десять въ тюрьмѣ, можетъ выручить всего болѣе денегъ, если онъ обученъ какъ слѣдуетъ.

— Вы намъ объяснили настоящее значеніе аттестата, представляемаго вашими воспитанниками, но подъ какимъ предлогомъ они его носятъ при себѣ?

— Онъ служитъ доказательствомъ справедливости ихъ словъ, отвѣчалъ откровенно Лаггерсъ:—въ этомъ аттестатѣ подъ моею подписью говорится, что предъявитель его находился прежде столько-то разъ въ тюрьмѣ за такіе-то проступки, а теперь одинъ изъ лучшихъ учениковъ исправительнаго пріюта, который содержится на сумму, выручаемую отъ продажи издѣлій воспитанниковъ и, главнымъ образомъ, на пожертвованія добрыхъ людей.

— Въ сущности, сказалъ Софтлей: — этотъ аттестатъ—не что иное, какъ прошеніе о милостыни.

— Да, да, вы поняли въ чемъ дѣло, произнесъ Лаггерсъ съ безсмысленной улыбкой пьянаго человѣка:—это—прошеніе о милостыни, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и самая блестящая реклама. Мои двадцать молодцевъ, ходящіе каждый день по улицамъ съ этими аттестатами, исполняютъ роль разнощиковъ объявленій, которыя гласили бы: «окажите покровительство и помощь Лаггерсу, обращенному вору и основателю пріюта для исправленія малолѣтнихъ воровъ».

— И это предпріятіе приноситъ вамъ хорошій доходъ?

— Еще бы. Я могу доказать своими книгами, что каждый изъ моихъ молодцевъ, носящихъ товаръ по домамъ, даетъ мнѣ чистаго дохода отъ 18—20 шил. въ недѣлю. Еслибъ у меня было достаточно капитала, то я могъ бы завтра выпустить шестьдесятъ молодцевъ. Вы видите, что это—спекуляція выгодная. Еслибъ всякій изъ этихъ шестидесяти ребятъ принесъ въ недѣлю 15 шил., то это составило бы 45 ф. ст.; изъ нихъ 15 мнѣ, а по 10 каждому изъ васъ. Неправда ли, это—хорошій доходъ за сто фунтовъ и, при томъ, ваша работа была бы самая легкая.

— Славный процентъ, сказалъ Моллетъ, подмигивая своимъ товарищамъ:—но въ чемъ состояли бы наши занятія?

— Прежде, чѣмъ мы пойдемъ далѣе, отвѣчалъ Лаггерсъ, хитрый умъ котораго не былъ еще совершенно отуманенъ винными парами: — я желалъ бы хоть издали увидать какого цвѣта ваши деньги. Вѣдь, вы сказали, что ваши капиталы при васъ.

По счастію, его любопытство было очень легко удовлетворить. У Софтлея былъ туго набитый кошелекъ, а его товарищи имѣли каждый по билету въ 50 ф. ст.

— Вотъ это—дѣловые люди! воскликнулъ съ восторгомъ общественный благодѣтель, пожимая руки нашимъ друзьямъ, причемъ лицо его приняло такое странное выраженіе, что Моллетъ невольно вспомнилъ портретъ № 1:—всѣ ваши занятія заключались бы въ строгомъ надзорѣ за моими молодцами. Вы понимаете, что имъ нельзя много довѣрять. Я даю имъ маленькій процентъ со всей суммы, которую они мнѣ приносятъ, но и тутъ они меня здорово обсчитываютъ, и это очень естественно. Еслибъ вы составили съ нами компанію, то вамъ пришлось бы слѣдить за ними по улицамъ и почаще отбирать отъ нихъ деньги. Вы видите, что вся ваша дѣятельность ограничивалась бы пріятной работой.

Эти послѣднія слова вызвали такую жалкую улыбку на лицѣ Софтлея, что его товарищи громко разсмѣялись, а Лаггерсъ, полагая, что они хохочутъ отъ радости, также засмѣялся, но, открывъ ротъ, поперхнулся дымомъ сигары и страшно закашлялся.

Наши друзья, пользуясь тѣмъ, что его вниманіе было отвлечено, шопотомъ помѣнялись мыслями.

— Пусть его пьетъ еще четверть часа, замѣтилъ Моллетъ:—и онъ свалится. Тогда мы рѣшимъ, что̀ съ нимъ дѣлать.

Но Лаггерсъ неожиданно поднялся; замѣтивъ, что ноги его плохо двигались, посмотрѣлъ на часы и воскликнулъ, значительно трезвѣе прежняго:

— Я не думалъ, что такъ поздно. Мнѣ пора идти!

— Ка̀къ идти? воскликнулъ Темпль:—но мы еще не обдумали всѣхъ условій нашего товарищества.

— Мнѣ надо идти, повторилъ полупьяный филантропъ:—теперь пять часовъ, а въ шесть съ половиною у меня собраніе. Не въ моихъ правилахъ покидать веселое общество, но обязанность прежде всего.

— Нельзя ли отложить это собраніе до завтра? сказали въ одинъ голосъ наши друзья, которые не могли помириться съ мыслью, что не доведутъ Лаггерса до безчувственнаго состоянія.

— Это невозможно, отвѣчалъ общественный благодѣтель.—Приглашенія уже посланы три дня тому назадъ. Вы не можете себѣ представить, какіе разбойники—эта молодёжь: имъ ничего не сто̀итъ перебить стекла въ окнахъ.

— Я надѣюсь, что вы говорите не о своихъ воспитанникахъ? спросилъ Темпль съ удивленіемъ.

— Нѣтъ, они—спокойные ребята; я говорю о гостяхъ. Ахъ, да: я вамъ не сказалъ, что сегодня—воровской ужинъ, Я пригласилъ около пятидесяти юныхъ воровъ, не принадлежащихъ къ моей мастерской. Знаете—что̀: приходите всѣ трое на собраніе. Вы увидите, ка̀къ это дѣлается, а потомъ мы покончимъ у меня дома наше дѣло. Согласны?

— Съ удовольствіемъ, отвѣчалъ Темпль:—и я попросилъ бы у васъ позволенія, мистеръ Лаггерсъ, сказать нѣсколько словъ о пользѣ вашего предпріятія. Я привыкъ говорить публично и настолько уже знакомъ съ предметомъ, что могъ бы принести пользу нашему дѣлу. Впрочемъ, если вы имѣете что̀-нибудь противъ...

— Любезный другъ, перебилъ его Лаггерсъ съ жаромъ: — я очень радъ; я что то чувствую себя не совсѣмъ здоровымъ и не могу много говорить. Вы мнѣ сдѣлаете большое одолженіе, сказавъ рѣчь послѣ меня. Только извините, прибавилъ онъ, схвативъ Темпля за пуговицу сюртука:—не будетъ ли вамъ тяжело говорить послѣ меня? Вѣдь, они привыкли къ высокому краснорѣчію.

Софтлей и Моллетъ старались увѣрить Лаггерса, что ему нѐ-

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ выходятъ въ 1878 году ежемѣсячно книжками отъ 25 до 30 печатныхъ листовъ и болѣе.

ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНІЕ

въ С.-Петербургѣ безъ доставки: 15 р. 50 к., *съ доставкою:* 16 р. сер., *съ пересылкою:* 17 руб. серебромъ.

ЗА ГРАНИЦУ:

Въ Германію, Австрію, Бельгію, Нидерланды, Придунайскія Княжества, Данію, Англію, Швецію, Испанію, Португалію, Турцію, Грецію, Швейцарію, Италію, Америку, во Францію 19 р.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ: *Въ Главной Конторѣ* Редакціи «Отечественныхъ Записокъ», на Басейной, домъ № 2.

ВЪ МОСКВѢ: Въ конторѣ «Отечественныхъ Записокъ», на Страстномъ Бульварѣ, въ домѣ Алексѣева, при книжномъ магазинѣ И. Г. Соловьева.

Гг. иногородные благоволятъ адресоваться съ своими требованіями **исключительно** *въ Главную Контору* «Отечественныхъ Записокъ».

Редакторъ М. Е. Салтыковъ. За издателя Е. Краевскій.

1878
1/317
m. 239
~ 7
UNIVERSITY OF ILLINOIS-URBANA
3 0112 117963527